ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ СЕРИАЛ

ВРЕМЕНИ НЕТ

НОВЕЙШИЙ ЗАВЕТ

ИГРА СНОВ

ЗА ГОРИЗОНТОМ СОБЫТИЙ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Литрес

18+

АЛЕКСЕЙ БРУСНИЦЫН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В настоящий сборник входят четыре книги тетралогии «Приключения Буратино»: «Времени нет», «Новейший Завет», «Игра снов» и «За горизонтом событий».

Героем, объединяющим эти, во всем остальном, самостоятельные книги, является биоэлектронная модель искусственного интеллекта «Буратино». На протяжении разных исторических промежутков от недавнего советского прошлого до отдаленного будущего ИИ обучается и эволюционирует, постигает премудрости любви и ненависти, всецело подчиняя свое существование одному делу – служению человечеству. Однако выводы и поступки ИИ не всегда следуют человеческой логике.

- Алексей Брусницын
  - ВРЕМЕНИ НЕТ
    - PROLOG
    - I.
    - 1.
    - II.
    - III.
    - 2.
    - IV.
    - V.
    - 3.
    - VI.
    - VII.
    - 4.
    - VIII.
    - IX.
    - 5.
    - X.
    - 6.
    - XI.
    - XII.
    - EPILOG
  - НОВЕЙШИЙ ЗАВЕТ
    - Часть I. Журналист.
      - Глава 1.
      - Глава 2.
      - Глава 3.
    - Часть II. Продавец.

- Глава 1.
- Глава 2.
- Глава 3.
- Глава 4.
- Глава 5.

- Часть III. Стажёр.
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.
- Часть IV. Агент.
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
- Часть V. Месси́я.
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
- Эпилог

○ ИГРА СНОВ
- 1. Сон I.
- 2. День 1-й.
- 3. Сон II.
- 4. День 2-й.
- 5. Сон III.
- 6. День 3-й.
- 7. Сон IV.
- 8. День 4-й.
- 9. Сон V.
- 10. День 5-й.
- 11. Ночь 1-я.
- 12. Сон VI.
- 13. День 6-й.

- 14. Сон VII.
- 15. День 7-й.
- 16. Ночь 2-я.
- 17. День 8-й.
- 18. Ночь 3-я. День 4-й. Ночь 5-я.
- 19. Дни с 10-го по 12-й.
- 20. День 13-й.
- 21. Ночь 6-я.
- 22. День 14-й.
- 23. Ночь 6-я.
- 24. День 15-й.
- 25. Сон VIII.
- 26. День 16-й.
- 27. Сон IX.
- 28. День 17-й.
- 29. Сон X.
- 30. День 18-й.
- 31. Сон XI.
- 32. День 19-й.
- 33. Последний сон.

○ ЗА ГОРИЗОНТОМ СОБЫТИЙ

- Пролог.
- Часть I
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.
- Часть II
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.
  - Глава 9.
  - Глава 10.
- Часть III
  - Глава 1.

- Глава 2.
- Глава 3.
- Глава 4.
- Глава 5.
- Глава 6.
- Глава 7.
- Глава 8.
- Глава 9.
- Глава 10.
- Глава 11.
- Глава 12.
- Глава 13.
- Глава 14.
- Глава 15.
- Глава 16.
- Глава 17.
- Глава 18.
- Глава 19.
- Глава 20.

- Эпилог.

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67

- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96

Алексей Брусницын
Приключения Буратино. Сборник

Уснуть… и видеть сны?
У. Шекспир «Гамлет»

ВРЕМЕНИ НЕТ

Вот так и живём… Сначала кажется, что не зря, что вот-вот поймём зачем. А потом, когда выясняется, что всё-таки незачем, тогда-то и начинается самое интересное!

PROLOG

Насколько всё-таки несоизмеримы одинаковые отрезки времени, проживаемые в разных условиях! Например, последний год тюремного заключения и последний год жизни по медицинскому прогнозу. В первом случае этот срок представляется ужасно долгим, а во втором – ничтожно малым. Однако ожидание свободы гораздо веселее ожидания смерти, а строгий режим куда мягче постельного.

По мнению специалистов, Антону Сергеевичу осталось жить меньше года, и его последние дни неизбежно будут омрачены всеми «прелестями» конечной стадии развития рака головного мозга: боль, тошнота, потеря памяти, помрачение сознания, могут ещё добавиться эпилепсия и паралич… а потом снова боль.

– Я готов на операцию, даже если её успех будет маловероятен, – лепетал он в кабинете заведующего онкологическим отделением.

– Опухоль у вас, к моему глубокому сожалению, неоперабельная, – плохо изобразил сожаление доктор. – Если мы её удалим, станете овощем. Но для этого надо ещё после операции выжить, что у вас вряд ли получится. Сейчас ведь с вами все хорошо, не так ли?

Больной кивнул неуверенно.

– Вот и наслаждайтесь светлыми деньками. Гаудеамус, так сказать, игитур… Ювенес… – доктор хотел было продолжить, но осознав неуместность дальнейшего цитирования[1], остановился и быстро взглянул на пациента. – Вы, кажется, учёный? Помните, как там дальше?

Больной удивлённо поднял брови.

– Доктор, я вообще-то математик по образованию. У нас латынь не нужна. Разве что буквы…

– Да и в медицине, впрочем, тоже. Атавизм… Так вот. Никто не знает, сколько их ещё будет, этих ваших светлых дней. Может, месяц, а может, и полгода. Зачем вам в больнице торчать? Милейший… – доктор бросил взгляд на бумаги перед собой, – Антон Сергеевич. Помните «Достучаться до небес»? Потом ещё этот фильм… с Николсоном… – он пощёлкал пальцами. – «Пока не сыграл в ящик»! Не видели? Посмотрите. Некоторые умудряются прожить эти последние месяцы более насыщенно и интересно, чем все предыдущие годы. В общем, гуляйте побольше, дышите свежим воздухом. Винца можете в разумных пределах выпить… А когда заболит, вернётесь к нам, и мы облегчим ваши страдания. Сейчас наша задача уже не вылечить

вас, это невозможно, а сделать максимально комфортным процесс м-м-м… – он замялся, подбирая слово, но передумал и выразительно посмотрел на часы.

– Неужели ничего нельзя сделать? – больной в отчаянии всплеснул руками. – Может быть, какие-то новейшие способы лечения? Я найду деньги!

Доктор мрачно ухмыльнулся.

– Слушайте, если уж так вам охота деньги потратить – поезжайте в Израиль. Они там берутся за все подряд. Выиграете годик-два, да без штанов в гроб и ляжете… – и снова посмотрел на часы.

По дороге домой Антон Сергеевич размышлял о том, как это унизительно для мыслящего существа – умирать. О том, что худшее, что может случиться с человеком – это смерть, так почему же именно она, как награда, ожидает его в конце пути? О том, что когда-нибудь человек, подтверждая свой гордый статус, научится жить столько, сколько нужно ему, а не сколько отмерила дура-природа, и как это обидно – умереть раньше, чем это произойдёт… Чёрт возьми! Да если бы люди не теряли время на войны, инквизиции и прочие пустяки, уже давно научились бы синтезировать органы и оцифровывать сознание. Жить вечно.

Вспомнив последние словах доктора, возмутился: «Вот ведь гад какой гладкий! А годик-то, тем более два – не пустяк…»

Уже через полгода разгуливал Антон Сергеевич по осенней Кесарии – древнему поселению на берегу Средиземного моря, живой и невредимый, если не считать шрама от трепанации черепа.

Перед этим была продажа квартиры в Москве. Он решился на этот шаг, почти не колеблясь – зачем одинокому, умирающему человеку недвижимость в стране, куда он, скорее всего, больше не вернётся? Отдал свою трёшку на Кутузовском даже не за полную стоимость – лишь бы побыстрее. В любом случае, это были большие деньги. Кроме того, у Антона Сергеевича имелись кое-какие накопления. В общей сложности около трёхсот тысяч долларов, и он рассчитывал пожить на них красиво, сколько бы ему ни осталось…

Дальше – репатриация[2]. Очень быстро собрал он требуемые документы и с первого раза прошёл собеседование с консулом, который сказал умирающему «кен», то есть «да» на иврите, несмотря на то, что евреем Антон Сергеевич был всего на четверть.

О том, что он, как внук еврея, имеет право на репатриацию, он знал давно. Его просветил сокурсник, который иммигрировал

в Израиль ещё до развала СССР. Как-то в телефонном разговоре тот расписывал прелести заграничной жизни и призывал оставить формальную родину ради родины исторической. Тогда Антон Сергеевич резко осадил его и полушутя, но категорично потребовал прекратить сионистскую пропаганду.

Позже, в девяностых, из любопытства он однажды сходил в еврейское агентство. На тот момент в Израиле шла очередная война, и ему отсоветовали ехать в эту страну, да он и не собирался…

Прямо в аэропорту «Бен Гурион» чиновник Министерства внутренних дел – неторопливый добродушный человек с чёрной ассирийской бородой и вьющимися пейсами – выдал Антону Сергеевичу теудат зеут, то есть паспорт. Перед этим, заполняя данные, он спросил на чисто русском языке:

– Какое имя выберите?

– В каком смысле? – удивился Антон Сергеевич.

– Получая израильский паспорт, вы можете записать себе любое имя. Вы можете быть, например, Натан или Йонатан, – эту возможность чиновник преподнёс как щедрый дар от государства Израилева.

Было даже как-то неудобно отказываться…

– И Моисей можно?

– Конечно. Прекрасный выбор! Значит, Моисей? – обрадовался чиновник и занёс руку над клавиатурой.

– Да ну что вы, – отмахнулся Антон Сергеевич. – Пишите как есть. Что ж мне на старости лет в Моисеи подаваться…

Когда с именем было покончено (причём в паспорт вписали не только папу, но и маму), чиновник задал следующий вопрос:

– Какую национальность запишем?

– Ну пишите – еврей. Зря я, что ли, происхождение своё доказывал? – ответил новоиспечённый репатриант устало, он был порядком измотан многочасовым перелётом.

Чиновник не спеша потыкал в кнопки и пожал плечами.

– К сожалению, не могу. У вас дедушка, да ещё по отцу… Мы ставим национальность «иудей» только галахическим евреям, то есть унаследовавшим кровь по материнской линии. Но если хотите, я могу поставить прочерк.

– Как вы сказали? Галактическим?

– Галахическим. То есть по Га́лахе – это традиционное иудейское право, – терпеливо пояснил чиновник.

– Тогда ставьте прочерк, – великодушно разрешил Антон Сергеевич.

Идея с прочерком показалась ему удачной, поскольку кроме

дедушки-еврея, другой дедушка у него был наполовину поляк, бабушка по матери – украинка, а по отцу – на четверть башкирка. Так что русской крови в нем было ненамного больше, чем еврейской или украинской, а то и меньше. Так что, если отслеживать национальность по материнской линии, получалось, что Антон Сергеевич – галахический хохол.

– Вероисповедание? – задал чиновник следующий вопрос и пытливо уставился на респондента.

В Москве, в еврейском агентстве, предупреждали, что ни в коем случае нельзя ляпнуть «христианин» в ответ на этот ключевой вопрос – просто депортируют прямо из аэропорта ближайшим рейсом. Можно было назвать любую религию, даже ислам. Можно было оказаться, прости господи, атеистом, но никак не приверженцем Иисуса – рождённого на этой Земле галахического еврея…

– Агностик, – решил похулиганить Антон Сергеевич. На самом деле он был чистейшей воды атеистом, потому что полагал, что не может здравомыслящий человек, тем более с высшим естественно-научным образованием, верить во всякую чепуху.

– Интересно, – бюрократ снова полез в компьютер, – сейчас проверим, есть ли такая опция…

– Оказывается, нет, – через минуту вздохнул он и вопросительно посмотрел на Антона Сергеевича.

Тот махнул рукой.

– Ставьте прочерк.

Потом была операция. Все произошло очень быстро. После недельного обследования он подписал бумаги, в которых значилось, что пациент предупреждён о рисках, связанных с оперативным вмешательством, что доверяет специалистам клиники выбор метода лечения, и что в случае неблагоприятного исхода клиника ответственности не несёт.

Его накачали веществами, от которых всё происходящее стало совершенно безразлично, и повезли в операционную. Когда на следующий день он пришёл в себя, ему сказали, что всё прошло успешно и ему больше не о чем беспокоиться.

Уже через две недели Антона Сергеевича выписали, даже не сняв швы. Ему объяснили, что, как гражданин Израиля, он получает лечение бесплатно и, если останется в клинике дольше, то займёт чужое место.

Перед выпиской он спросил у русскоязычного медбрата, где ему в Израиле лучше всего снять домик на время реабилитации. Куражась, медбрат посоветовал ему Кесарию – израильскую

Барвиху, в которой живут только миллионеры. Однако упрямый старик даже после того, как медбрат признался, что пошутил, упросил его помочь найти на ивритоязычных сайтах дом именно в этой самой Кесарии и договориться о встрече с хозяином.

Приехав в Кесарию на такси, Антон Сергеевич снял небольшую виллу с бассейном за двенадцать тысяч шекелей (или почти три с половиной тысячи долларов) в месяц, не торгуясь, вопреки рекомендациям еврейского агентства торговаться при каждом удобном случае. Домовладелец – чопорный ортодокс в полной боевой выкладке (широкополая шляпа, чёрный лапсердак, жилетка, свисающие до колен белые шнурки от исподней рубахи) хоть и выглядел для непривычного глаза крайне нелепо и карикатурно, но держался важно. Чувствовалось, что он настоящий иудей по Галахе, не то, что некоторые…

Приняв и проворно пересчитав наличные сразу за два месяца, он сказал с забавным ближневосточным акцентом:

– Велькам ту зэ Холи Ленд, – и не спеша удалился.

План у Антона Сергеевича был такой: пару месяцев он проведёт в Кесарии. Раз в жизни побывает в шкуре миллионера – отпразднует таким образом своё второе рождение. Будет питаться в ресторанах и путешествовать по стране. За это время решит: возвращаться в Россию или оставаться в Святой Земле. Второй вариант был даже более вероятен – российская действительность последних десятилетий несколько расшатала его патриотизм. В этом случае он сможет купить скромную квартирку в приглянувшемся ему городе, а оставшихся денег и пенсии хватит ему до самой смерти, чтобы жить, не думая о хлебе насущном.

* * *

Пытаясь найти короткий путь к морю от своей виллы, Антон Сергеевич забрёл не туда… Асфальтовая дорога закончилась кольцом, от которого в сторону берега тянулась заросшая травой тропинка. Причина её запущенности стала ясна очень быстро: она упиралась в засыпанную песком пустошь и пропадала. Далее предполагалось идти по песку, и, хотя слышен был уже морской прибой, форсировать пустошь оказалось невозможно. Ноги увязали в обжигающем песке по щиколотку, и их приходилось вытаскивать с большими усилиями. Шагов через тридцать он взмок и запыхался. Пришлось отступить. Тем более что берега путник так и не увидел; песчаные завалы, вопреки логике, по мере приближения к морю становились только выше.

Когда он выбрался на твёрдую землю, в висках шумно билась кровь, а перед глазами метались белые точки. Нащупал в рюкзаке

бутылку прохладной содовой и долго пил, пока дурнота не отпустила. Вытряхнув песок из сандалий, Антон Сергеевич осмотрелся и убедился в том, что другого пути, кроме как через пески, нет – на севере обзор закрывал высокий земляной вал, отделяющий Кесарию от арабского поселения, южнее были непроходимые заросли.

«Значит, не судьба!» – Антон Сергеевич решил отложить экспедицию на следующий день и повернул к дому.

Остаток дня провёл в Сети, разыскивая информацию об истории поселения, в котором временно обосновался в Израиле. Оказалось, именно из Кесарии Понтий Пилат правил римской провинцией Иудеей в течение десяти лет, после чего в тридцать шестом году нашей эры за жестокость и злоупотребления был отозван в Рим. Там след его потерялся. Согласно легенде, он покончил жизнь самоубийством, но Антон Сергеевич усомнился в её правдивости. Не поверил, что прожжённого и циничного политика могла замучить совесть из-за какого-то казнённого по его попущению плотника…

Ближе к ночи с бутылкой местного вина и тарелкой сыра выздоравливающий поднялся на крышу. Прохладный воздух начала октября нёс в себе запахи цветущей по сезону растительности и остывающего бетона. Море, образующее горизонт днём, сейчас было черно и отличалось от неба только отсутствием звёзд, которые можно было разглядеть в изобилии; электрический свет фонарей и окон вилл делал небесную иллюминацию лишь ненамного бледнее, не так, как в городе. Где-то, презирая грядущие будни, звенела голосами и музыкой чья-то бестолковая молодость. Он сидел на крыше, пока не замёрз…

На следующий день Антон Сергеевич, тщательно изучив карту и фотографии местности со спутника, взятые в интернете, решил пойти в другую сторону. В шесть часов вечера, когда жара слегка отпустила, вышел из дома.

Изрядно потрескавшаяся, местами залитая цементом, местами асфальтовая пешеходная дорожка вела мимо стриженой зелени, за которой прятались жилища израильской элиты. Лишь немногие из них выставляли в растительные прогалины свои бетонные достоинства, которые конкретными прямоугольными очертаниями претендовали не то на постмодернизм, не то на конструктивизм.

Вчера, когда шёл на север, он не встретил на своём пути ни одного человека. Сегодня навстречу ему изредка попадались прохожие, но он не спрашивал у них путь, хотел найти его сам.

Не дойдя метров трёхсот до поворота, который, судя по карте, должен был вывести на пляж, Антон Сергеевич увидел

тропинку, ныряющую в темноту между деревьями. Солнце еще припекало, и он мог идти вдоль дороги дальше без риска заблудиться или забрести в тупик, но предпочёл зною тень, презрев определённость.

В экзотических зарослях пахло прелью почти так же, как в подмосковном лесу, или это обоняние подводило его, не отмечая разницы. Очень скоро путник услышал, как ему показалось, шум прибоя. Он подумал, что удачно свернул, здорово сократив путь, но, когда заросли внезапно кончились, вместо пляжа его взору открылось несуразное великолепие: между верхушками пальм торчал античный портик, покоящийся на пышных коринфских капителях, и крыша галереи, увенчанная пузатыми урнами. Причём выглядело это все слишком свежо и неестественно. Антон Сергеевич достал телефон, сделал снимок и приблизил изображение. Да-да, материалом для этой стилизации послужил все тот же вездесущий бетон… Остальное было скрыто живой изгородью, которая окружала огромную территорию. Дворец римского наместника Понтия Пилата в исторической части Кейсарии, которую он осматривал на днях, занимал гораздо меньшую площадь. Шум воды оказался не прибоем, а журчанием множества фонтанов, извергающих в небо столь драгоценную тут, по соседству с Африкой, пресную воду.

«Вот это понты… – подумал он и улыбнулся внутренне: – Понтыон!»

Он было продолжил путь к морю, но его внимание привлёк ещё один шедевр бетонного зодчества. Шагах в двухстах от «понтыона» обнаружились развалины огромного дома в кричаще восточном стиле. Впрочем, это не были обычные развалины…

Обычные развалины появляются после того, как строение, прослужив некоторое время, приходит в негодность. Эти же образовались не в результате губительного воздействия стихий или времени – здание было заброшено ещё на этапе строительства.

Территория, вся заросшая сорняками, сухими, колючими и пыльными, была огорожена временным забором из проволочной сетки. В одном месте она валялась на земле, и Антон Сергеевич перешагнул через неё, привлечённый грандиозностью архитектурного замысла. Перед главным входом бетонным бордюром высотой по пояс был обозначен огромный фонтан. За фонтаном под таджмахаловым полушарием купола зияли арки парадного входа. Пройдя через одну из них, он очутился в просторной прихожей под сводчатым потолком.

Антон Сергеевич представил, как было бы здорово оказаться в этом месте в детстве, когда сырой подвал многоквартирного

дома легко представлялся сказочной пещерой, а засиженный голубями чердак – порталом в иной, волшебный мир.

Он решил реанимировать в себе чувство чудесного и с полчаса бродил по недоделанным галереям и коридорам, которые, вопреки гигантизму прихожей, были такими узкими, что двоим было бы трудно в них разминуться. Заканчивались они множеством крохотных келеек, большинство из которых выходило окнами в два внутренних двора с заготовками фонтанов. Видимо, обилие устройств, впустую расходующих воду, должно было подчёркивать высокий социальный статус владельца этого странного жилища.

«Дворец понтышаха», – Антон Сергеевич даже хмыкнул вслух. Бродить по кладбищу чужой мечты стало скучно. Выбирая, куда поставить ногу без риска подвернуть её на строительном мусоре, он вдруг вспомнил, как много лет назад ходил по другим развалинам…

Было холодно и тихо. И никакого освещения, кроме фонаря в его руке. Он старался ступать тише, но, если светить под ноги, выбирая место для следующего шага, то невозможно уследить за тем, что происходит вокруг – поэтому скрип каменной крошки под ботинками выдавал его местоположение.

Твари, веками жившие в темноте, были слепы, но слышали очень хорошо. У него был только один вариант выжить – успеть выстрелить до того, как мелкие острые зубы проткнут его кожу, ведь в следующую секунду ядовитая слюна проникнет в кровь и нейротоксин лишит возможности сопротивляться.

Свет от фонаря большим пятном ощупывал близкие стены и вдруг превратился в маленький кружок далеко впереди. Узкий проход вывел в крупную каверну. Инстинктивно он понял, что не один в помещении…

Замер. Насколько это было возможно бесшумно взвёл курок револьвера и прислушался. Из темноты донёсся слабый звук, который мог быть результатом как падения капли воды, так и чьего-то неосторожного движения. Он повёл лучом фонаря в сторону звука и вдруг кожей на затылке почувствовал движение воздуха прямо за спиной. Резко развернулся. Тени метнулись вокруг. Луч фонаря выхватил из темноты оскаленную пасть. Палец на курке инстинктивно дёрнулся. Выстрел прогремел так, что заложило уши.

Следующим ощущением стала адская боль в глазах, носу и горле…

В разгар девяностых, будучи начальником вычислительного

центра, Антон Сергеевич подрабатывал ночным сторожем. Зарплата в университете была чистой формальностью, и он решил, что ему по большому счёту все равно, где ночевать, если за это хотя бы что-нибудь платят. Охранять ему досталось бывший детский сад – некая страховая компания выкупила его у государства и собиралась сделать в нем офис.

Сидеть всю ночь в комнате для сторожей было невыносимо скучно. Жёлтый свет, унылые обои. Спартанский топчан, даже не топчан, так, подставка под пытающегося уснуть человека. Письменный стол, как матёрый уголовник, весь расписанный синими чернилами, тэн с голой, разогретой дожелта спиралью. Даже читать в этой тоскливой юдоли было неинтересно. Он часто останавливался, смотрел, сколько страниц осталось… На столе поверх «татуировок» лежало стекло, под стеклом – отпечатанная на машинке инструкция для сторожей.

По инструкции обход территории нужно было производить два раза за смену. Вот это он проделывал с удовольствием. Поначалу даже не два, а три-четыре раза, чтобы размяться и поразвлечься, а заодно представить себя в роли персонажа компьютерной игры. Делал он это не только для развлечения, тогда у него была идея написать квест.

Вверенный его попечению объект пребывал в запустении, видимо, не первый год. В те времена государство внезапно разучилось содержать учреждения социального назначения. Окна по большей части были разбиты. Все помещения, кроме комнаты для сторожа и единственного работающего туалета, засыпаны мусором, а стены расписаны граффити, кое-где, кстати, на удивление, неплохими. Лучше всего запомнился ему глаз, выписанный широкой кистью на жёлтой стене тремя красками: красной, чёрной и белой. Глаз, изображённый вне лица, выражения не имел, но, казалось, смотрел прямо в душу, особенно ночью, в свете фонаря. Ещё неплох был исполненный черным портрет зубастого уродца – то ли вампира, то ли инопланетянина.

Сторожу полагался газовый револьвер – бельгийский короткоствольный «Бульдог» – и фонарь. Отправляясь в обход, он превращался то в бойца спецназа, то в охотника на ведьм, то в космического первопроходца. Однажды произошло то, что неизбежно происходит, если играть с оружием. Оказалось, что в щель между барабаном и корпусом револьвера проходит слезоточивый газ. Оружие действовало как заклинание «Армагеддон» в компьютерных играх – поражало и своих, и чужих…

Промыв глаза, он хотел было придумать историю про

хулиганов, которых пришлось отгонять выстрелом в воздух, но потом решил не омрачать карму ложью и признался, что выстрелил случайно. Эта работа за три недели изрядно ему надоела, да и сюжеты для обходов стали повторяться, он даже хотел, чтобы его уволили… Зарплату получил месяца через четыре, тогда везде задерживали, и хорошо ещё, если вообще платили. Инфляция была лютая, денег хватило только на фланелевую рубашку…

* * *

Антон Сергеевич обнаружил себя сидящим на ступенях широкой лестницы во внутренний дворик и смотрящим в одну ничем не примечательную точку… Он ударил ладонями по коленям, резко встал, отряхнулся и пошёл в направлении выхода. Вопреки ожиданиям, экскурсия по дворцу «понтышаха» навеяла тоску.

Что же произошло с человеком, который строил этот арабский рай для себя, для семьи, да так и не достроил? Разорился? Или умер, и некому оказалось довести до ума главное дело всей его жизни? Или, может, сосед из «понтыона» помешал? Не захотел дикого соседства классического и ориентального стилей…

Чтобы разогнать гнетущую тишину, Антон Сергеевич деланно весело произнёс вслух:

– Ещё не вечер!

Однако, оглядевшись, понял, что это неправда. Солнечных лучей уже не было, воздух и растительность вокруг стали серыми.

От «дворца понтышаха» до берега оказалось рукой подать. Акведук – бесконечная череда арок, идущих вдоль пляжа к древней части Кесарии, – особого впечатления не произвёл, хоть и был построен не из бетона, а из известняковых кирпичей, пористых, как пемза, от древности.

Он вышел к пляжу как раз вовремя. На берегу, кроме него, никого не было. Солнце торопилось укрыться от глаз единственного наблюдателя. По мере приближения к воде светило становилось больше и, казалось, двигалось все быстрее. Соприкоснувшись с водным горизонтом, расплющилось, застыло на миг, затем лопнуло, как яичный желток, и стекло за край. Небо быстро почернело, и на нем ярко зажглись звезды. Здесь, на тёмном берегу, они все-таки были гораздо ярче, чем вчера, когда он смотрел на них с крыши…

А он сидел прямо на песке под аркой акведука и думал не о природных красотах, не о величии Вселенной, а о себе. О том, что

становится холодно, а он так далеко забрался, устал, и непонятно, как дойдёт до дома в темноте. О том, что болезнь может вернуться, о том, как близка смерть. О том, что когда-то был большим учёным, одним из тех, кто меняет мир к лучшему силой мысли, а в итоге разменял жизнь на спекуляцию своими знаниями, талантом и энергией. В результате в свои шестьдесят семь оказался бесполезен, неизвестен и одинок…

И вдруг он заплакал. Не громко, нет. Не разрыдался, как хотелось, не возопил на весь берег, вознося хулу небесам и потрясая высохшими кулачками… тихо, но очень горько.

Потом старик успокоился. Кажется, он задумался, или уснул, или умер. Во всяком случае, время для него остановилось…

* * *

Кто-то схватил его за плечо и потряс. Антон Сергеевич поднял голову. Перед ним стоял человек в костюме древнеримского легионера, поодаль несколько всадников на лошадях. В руках у двоих – факелы. «Легионер» строго и даже как-то торжественно вопросил:

– Кто ты и что делаешь здесь в такое время?

«Аниматоры, наверно», – подумал Антон Сергеевич.

– Оставьте меня в покое, мне не до ваших игр. Руки уберите! – ответил он, отворачиваясь и движением плеча сбросил тяжёлую руку.

Его снова схватили и грубо дёрнули, разворачивая к себе.

– Что ты, иудейская собака, имеешь против игр в честь высокочтимого префекта Палестины и Иудеи Понтия Пилата? – из темноты под шлемом на него уставились горящие злобой глаза, лицо обдал кислый смрад чужого дыхания.

От такой беспардонности Антон Сергеевич опешил на мгновение. Но в следующий момент волна доселе никогда не испытанного, неудержимого гнева ударила в голову, а потом растеклась по всему телу, напитав его бешеной энергией. Он вскочил и закричал на заигравшегося идиота:

– Сам ты, гулящая женщина, собака иудейская! Вы что тут, форму члена обрели, что ли, все?!

Он хотел выразить негодование в гораздо более резкой форме, но вдруг понял, что говорит на каком-то странном языке, который не допускал излишней экспрессии в эпитетах.

У аниматора перекосилось лицо. Он замахнулся с явным намерением ударить. Но рука его была перехвачена на полпути, а точный апперкот в подбородок отключил сознание. Громыхая, как железный голем, «легионер» повалился на колени, а потом на

песок лицом вниз.

Антон Сергеевич с изумлением посмотрел на поверженного противника, потом на свои руки, которые оказались такими сильными. Растопырил пальцы и снова сжал их в кулаки. Аниматоры прыгали с лошадей и тянули из ножен оружие, которое звенело совсем как настоящее. Он наклонился к поверженному и нашарил в темноте рукоять меча…

I.

Проснулся от того, что на спине лежать стало неудобно. Повернулся на бок, но неудобства от этого только прибавилось. Пошарил руками – что-то очень жёсткое – как будто земля. Плотная, утоптанная, в мелкой каменной крошке. Удивился и сел. Первая мысль была, что проснулся где-то на улице. Но почему так темно? Ни звёздочки, ни ветерка, спёртый воздух…

Прислушался к себе. Ощущения – как при тяжёлом похмелье. Тошнило, болел затылок. Ощупал голову. Волосы испачканы липким. Понюхал пальцы – кровь. Похоже, разошлись швы.

«Так… Я гулял. Искал пляж. Нашёл. Акведук. Закат. Море. Загрустил… Уснул, наверное… Сон странный: факелы, кони, римляне. Я с ними говорил, потом дрался. Отобрал у одного меч и довольно ловко им отбивался. Обычно во сне драться не получается: движения вялые, удары слабые. А тут… Ранил или даже убил кого-то, доспех пробил, как консервную банку… Проснулся здесь. А где, чёрт возьми, здесь? И сколько времени?»

Полез в карман за телефоном. Кармана на месте не оказалось. Судорожно ощупал себя. Грубой ткани рубаха без воротника и пуговиц, такие же штаны, какая-то веревка вместо ремня… Никакого намёка на карманы и на телефон с бумажником. Босой…

Попробовал встать на ноги, но голова закружилась так, что потерял равновесие. Встал на четвереньки и пополз вперёд, ощупывая пространство перед собой вытянутой рукой. Очень скоро наткнулся на стену явно искусственного происхождения – вертикальную и ровную. Пополз вдоль стены вправо, через пару метров упёрся в угол, двинулся дальше…

Помещение оказалось прямоугольным, предположительно квадратным, со стороной метра в три. Ползая, наткнулся на стоящий на полу кувшин и чуть его не опрокинул. На ощупь кувшин был шершавый, как будто, глиняный, в нем что-то булькнуло. А в одном из углов нашарил горшок их того же материала, с крышкой. Он был пуст, но от него шёл запах, который задавал тон воздуху в помещении и не оставлял сомнений в предназначении предмета.

Двери нигде не было…

Превозмогая дурноту, встал, опираясь на стену, вытянул вверх руки. Подпрыгнул – никакого намёка на край стены или потолок. От прыжка боль ударила в затылок, голова сильно закружилась. Снова сел и облокотился на стену.

Пока ползал, в ладони и колени больно врезались мелкие

камешки. Нашарил один и подбросил вверх. Камешек упал через мгновение, не встретив наверху преграды. Нашёл ещё один и бросил сильнее. Прежде чем упасть, камешек обо что-то щёлкнул. Значит, потолок все-таки есть…

Тут по-настоящему стало страшно. Настолько, что зажмурился и закричал, что было мочи:

– Эй! Кто-нибудь! Я здесь! Помогите!!! Люди-и-и-и!!!

Голос звучал глухо, как будто в ушах была вата – стены поглощали звук. Никакой реакции на крик не последовало, но страх начал отпускать.

«Это сон такой. Когда просыпаешься, а на самом деле – нет. Приснилось, что проснулся… Надо просто проснуться по-настоящему. Но как?»

Принялся себя щипать. Сначала несильно, потом, наверное, до синяков – было очень больно. И очень реально. Боль отрезвила.

«Нет, я не сплю. Я в какой-то комнате или яме, из которой должен быть выход наверху. Если он вообще есть… Для начала рассмотрим вариант, что нет там никакого выхода…»

От этой мысли снова накрыло волной ужаса. Подождал, пока она схлынет. Осторожно потер гудящий затылок и попытался понять, как это вообще может быть – нет выхода.

«Что ж… Рассмотрим худший вариант. Я умер. В этом случае, вопреки ожиданиям, загробная жизнь все-таки существует. И я, определённо, в аду, потому что на рай это не похоже… Да и на попадание в райские кущи в моем случае рассчитывать было бы смешно, хотя бы потому, что я ни в какие кущи не верю… Но все не так плохо, как могло бы быть. Кипящих котлов, во всяком случае, я тут не наблюдаю. Хотя… может, мой котёл как раз сейчас и нагревают как следует. Без спешки. Торопиться некуда…»

Почувствовал острый дискомфорт от долгого сидения на твёрдом. Прилёг на бок, оперев голову на руку. Так стало легче не только седалищу, но и голове.

«Так! А на кой чёрт тогда здесь этот горшок для нечистот?! Если грешнику суждено вечно мучиться и страдать, то уж точно без перерывов на отправление естественных нужд. Опять же кормить чем-то надо для этого… Вряд ли враг рода человеческого будет заморачиваться обеспечением бесперебойного питания для постояльцев своей гостиницы… Да и вообще, не нужна душе пища плотская, а значит, и гадить ей нечем… Так! Хватит мракобесие тут разводить! Отметём этот вариант с негодованием».

Подполз к горшку и, эмпирически подтверждая факт продолжения своего земного существования, стоя на коленях,

помочился. Потом переместился в противоположный угол, прихватив по дороге кувшин. В нем оказалась вода, немного затхлая, но всё равно освежила.

«Едем дальше…Рассмотрим вариант «похоронен заживо» или «замуровали ироды».

Во-первых, спасибо за такой просторный гроб. В обычном было бы куда печальнее. Удушье в тесноте… Какой кошмар… А сколько я тут времени уже? Пятнадцать минут? Полчаса? Час? Непонятно… И сколько времени надо, чтобы «выдышать» весь кислород в таком объёме? Этого я не посчитаю – исходных недостаточно. Да и воздух, похоже, не меняется, дышать труднее не становится, значит, есть доступ кислороду. Это радует. С этим ясно…

Что у нас «во-вторых»? А во-вторых, это не имеет смысла все из-за этого же горшка! Допустим, вода и воздух здесь для того, чтобы продлить мои мучения. Но горшок.... Нет. Никак не вяжется. Обречь человека на жуткую смерть от голода… в темноте… и позаботиться о том, чтобы он страдал немного поэстетичнее… Чушь. Есть горшок – значит, меня не хотят убить, хотят чего-то другого. Надо же, как интересно получается, параша – как гарантия жизни…»

Ухмыльнулся, в затылке снова заломило. Поморщился.

«Так. Что тогда? Садист. Псих-одиночка… Или не одиночка, а клуб по интересам. Богатые кесарийские извращенцы, золотая молодёжь. Где-нибудь наверху стоит инфракрасная камера. Они смотрят и веселятся… Заключили пари, сколько, например, этот старик протянет на одной воде. Или просто хотят насладиться мучениями живого существа, как гадкие дети, которые бабочкам крылья отрывают. Тогда и параша – никакая не гарантия… Но вот что не вяжется: я ведь могу парашу эту разбить и черепком очень незрелищно вскрыть себе вены. И не будет никаких особенно интересных мучений».

Тут снова стало страшно. На этот раз съехал с волны ужаса, заорав во всю глотку:

– Не дождётесь, мерзавцы!

Буквально физически ощутил, как крик увязает в стенах.

«А с другой стороны, может, он или они этого и добиваются… Чем не зрелище?.. Короче! Не будем принимать эту гипотезу за рабочую из-за её ничтожно малой вероятности. Сюжет для триллера убогого, не более… Скорее всего тот, кто меня сюда посадил, хочет чего-то от меня добиться. Пытается сломать, чтобы был посговорчивей. Вымогатели какие-нибудь. Денег хотят. Думают, раз старикашка в Кесарии живёт, значит, богатый. Надо быть к этому готовым. Только и всего. В конце концов ничего

страшного пока не происходит… Голова вот только болит…»

Казалось бы, пришёл к логичному умозаключению, и можно было бы начать продумывать тактику дальнейшего поведения, покрутить варианты взаимодействия с похитителями. Но что-то все равно продолжало смущать… Что-то странное… И вдруг понял.

«Сон этот! Вот что! Аниматор этот… Он спросил меня, я ответил… Я его понимал, и он меня понял. Но язык! Что это был за язык? Не русский, точно…»

Здесь, в Израиле, с теми, кто не понимает русского, можно объясняться по-английски. «Англит» тут знали все, кроме совсем уж диких арабов, с которыми и говорить было не о чем. Любознательный из сна заговорил первым, не на русском и не на английском, потом начал хватать руками и хамить.

«Вот тут как раз и нашло на меня какое-то помрачение. Волна гнева. Я хотел ответить грубой бранью, что странно и для меня нехарактерно… Но вместо этого получилось нечто вполне пристойное, хоть и нескладное… Но позвольте! Это же… Латинский? Ну да… Я откуда-то знаю, что это латинский… И я откуда-то знаю латинский?!»

От потрясения хотел вскочить, но был тут же остановлен болью в затылке. Аккуратно опустился на место и занялся переводом произвольных предложений с русского на латынь и обратно. Мёртвый язык был подвластен совершенно, можно было даже думать на нем, абсолютно не переводя на русский…

Утвердившись в этом, решил проверить, а не стали ли известны ещё какие-нибудь новые языки… Покопавшись во внутренних словарях, выяснил, что неплохой английский остался на том же уровне, что и раньше. Убогий французский так и остался убогим… По нескольку фраз на немецком и испанском…

На иврите тот же набор слов, которого даже в магазине не хватает.

На арабском лишь «Собакин хер!». Все русские в Израиле знают, что это значит «Доброе утро!»

На итальянском, кроме слов, которые знают все, только: «Кванто коста квеста ривиста?» Наверное, теперь бы что-то понял, если бы услышал фразу на этом потомке латинского, но сам не смог бы построить предложение.

Что там ещё? По паре-тройке слов, в большинстве своём выражающих приветствие или благодарность, на языках некоторых бывших союзных республик… Здесь ничего нового…

«Конничива», «оригато» и «сайонара» на японском… И того меньше на китайском.

Проведя лингвистическую ревизию, заинтересовался

следующей мыслью: а не добавили ли чудесным образом приобретённые языковые навыки каких-нибудь фактических знаний из истории народов, некогда говорящих на латыни?.. Нет. Не добавили. Все та же школьная программа про Древний Рим, плюс несколько книг и фильмов…

И вот тут спокойно и ясно осознал, что сошёл с ума!

В своей профессиональной деятельности сталкивался с проблемой изучения иностранных языков и знал разницу между ксеноглоссией и глоссолалией. То есть паранормальной способностью, появляющейся обычно после удара молнией, говорить на незнакомых языках (в это, как убеждённый материалист, не верил), и бредом пускающего пузыри сумасшедшего, воображающего, будто он говорит с ангелами.

«Сумасшествие все объясняет! Во время операции в мозгу что-то повредили, и вуаля! – сижу я в кромешной тьме и сам с собой на самодельном языке разговариваю, принимая его за латинский… А на самом деле я во вполне обыкновенной палате самого обыкновенного сумасшедшего дома. Но почему же тогда в ней нет кровати или на худой конец матраса?!»

Снова прилёг и, повозившись, нашёл более-менее комфортное положение.

«А потому что это не палата, а что-то вроде больничного карцера. Я откусил нос санитару или пытался надругаться над медсестрой и отбываю сейчас наказание».

И тут поразила следующая странность. Все это время, несмотря на головную боль, постоянно ощущал прилив энергии. Его можно было списать на адреналиновое возбуждение, но не могло же оно длиться вечно…

Ещё раз исследовал себя и с удивлением ощутил под пальцами упругую мускулатуру и отсутствие жира на животе и боках… Это только подтверждало версию о психическом нездоровье.

Попытки определить своё психофизическое состояние были грубейшим образом прерваны раздавшимся сверху грохотом, который показался ему ужасающим после абсолютной тишины. По глазам больно ударил яркий свет. Кто-то спросил:

– Эй! Ты живой там?

– Не знаю, – честно ответил он.

Рядом, чуть не зашибив, ударила об пол расшатанная деревянная лестница.

– Поднимайся! – скомандовал кто-то.

Несмотря на то, что каждое движение вызывало у него боль и дурноту, довольно легко вскарабкался наверх. Едва голова

показалась над краем ямы, ему велели остановиться и крепко перетянули руки за спиной верёвкой. Потом, взяв за плечи, выдернули целиком на свет белый и поставили на ноги. Затылок взорвался болью, он чуть не потерял сознание и зашатался. Упасть не дали, ухватив за ткань рубахи.

Глаза не успели привыкнуть к свету, яркое солнце резало их бритвой, и он не мог разлепить веки, как ни старался.

– А хорошо его декурион по башке приложил… И ведь не сдох, собака иудейская. Ну! Идти можешь? – прозвучал уже знакомый голос.

Его совершенно по-хамски встряхнули. Один глаз удалось разлепить на мгновение. Он успел разглядеть двоих людей в тех же идиотских костюмах древних воинов, что и во сне. В одном из них по лексике и по синему кровоподтёку на подбородке он опознал давешнего грубияна. И снова дикий гнев, ранее несвойственный интеллигентному в общем человеку, лишил его возможности контролировать свою речь.

– Да кто вы, совокупляться в уста, такие?! – возопил он. – Никуда я с вами, мужеложцами, идти не собираюсь!

Коротко посовещавшись, «воины» подхватили пленника под руки с двух сторон и почти понесли куда-то, ему оставалось только успевать переставлять ноги.

Пока его волокли, глаза попривыкли к свету.

Большой, пыльный двор, с одной стороны ограниченный каменной стеной с деревянными воротами посередине, с трёх других – приземистыми строениями под черепичными крышами. Одно из строений выдавало своё предназначение валящим из трубы дымом и густым запахом готовящейся пищи. Посреди двора был колодец.

Смуглый человек, одетый в какое-то подобие подгузника, вёл под уздцы красивую гнедую лошадь. В тени галдели и громко смеялись несколько «легионеров». Они вдруг замолчали и с явным неодобрением уставились на пленника.

«Да нет, я не сошёл с ума. Это декорация. Они тут реалити-шоу на древнеримскую тематику снимают, – догадался он. – Но почему тогда все говорят на латинском?!»

Его подтащили к двери, по сторонам от которой торчали два вкопанных в землю древка. На одном был красный вымпел с вышитым золотом орлом, по отчётливой ассоциации – имперским, на втором – несколько позолоченных дисков, поставленных вертикально друг на друга, с искусно вырезанной кистью руки сверху.

Побитый конвоир вошёл в дверь и затворил её за собой. Его напарник отпустил пленника, и тот сразу осел на землю. Через

минуту Синий Подбородок вышел и торжественно объявил:

– С тобой будет говорить декурион третьей турмы десятого легиона «Фретензис» Тиберий Куспис Порциус.

– А почему не Марк Туллий Цицерон? Я бы лучше с ним побеседовал, – пробурчал Антон Сергеевич, прежде чем его соскребли с земли и водворили в помещение. Там его поставили на колени, после чего дверь захлопнулась. Теперь глазам нужно было снова привыкать к перемене освещения: в комнате было единственное оконце, больше похожее на бойницу. Свет из него падал как раз туда, где поместили пленника, остальное пространство тонуло во мраке.

Стоять на коленях на твёрдом полу, со связанными сзади руками, было очень некомфортно, он немного расслабился и опустил зад на пятки… Понемногу стала прорисовываться обстановка. Конструкция, похожая на этажерку с витыми колоннами по углам. На её верхней полке – силуэт античного бюста. Массивный стол, заваленный свитками. Над ними… немигающие глаза, вперившиеся ему прямо в лоб. Это было несколько неожиданно: он думал, что один в помещении и вышепоименованный Тиберий Что-то-там-циус подойдёт позже. Он мысленно усмехнулся и уставился в эти глаза таким же немигающим суровым взором. Игра в гляделки продолжалась какое-то время. Вероятно, почувствовав, что это уже выглядит глупо, «римлянин» моргнул, зашевелился и резко прокаркал:

– Твоё имя, разбойник?

– Антоний Сергиус, – исковеркал он на римский манер своё имя. – А разбойником в последний раз меня называла моя бабушка.

– Кто ты такой и что делал в столь поздний час у акведука?

– Ничего, гулял.

– Не смей мне врать! – декурион подался вперёд к пленнику. – Признавайся! Ты гнусный шпион и хотел отравить воду!

– Вовсе нет, – он припомнил разговор своих конвоиров у ямы и решил схитрить, предчувствуя, что рассказывать о том, что совершал вечерний моцион, восстанавливаясь после операции на головном мозге, не стоит. – Командир, если честно, я не знаю, как там очутился. Кто-то крепко приложил меня по башке чем-то тяжёлым. Мне повезло, что я остался жив… Голова постоянно кружится и болит. А ещё я ничего не помню…

Римлянин усмехнулся и облокотился на спинку своего стула, который более походил на эдакий облегчённый, походный вариант трона.

– Это был я. И если бы я хотел убить тебя, твой труп сейчас

доедали бы собаки.

Потом резко встал, обнаружив крепкое сложение при небольшом росте и по-будёновски кривые ноги, подошёл к пленнику и выхватил из ножен меч.

– Я ударил тебя плоской стороной, – он показал, как именно был нанесён удар, затем ловко вбросил меч обратно в ножны. – Видно, немного переусердствовал, раз у тебя отшибло память. Стоять на коленях ровно!

Это было довольно неприятно: демонстрируя приём, Тиберий чувствительно задел рану на голове и, похоже, не случайно…

– И не совестно тебе так со мной обращаться? Я ведь тебе в отцы гожусь… – возмутился Антоний, но встал ровнее.

– О чём ты? – удивился римлянин. – Ты выглядишь не старше меня.

Эти слова подтвердили то, что какая-то поистине странная метаморфоза действительно произошла со старым телом Антона Сергеевича, а вовсе не почудилась из-за черепно-мозговой травмы. Пока декурион говорил, пленник принялся осматривать части своего тела, которые попадали в поле зрения.

– Ты сражался как бешеный зверь, я должен был остановить тебя…– это признание явно далось декуриону с трудом, видимо, застыдился, что пришлось поступиться кодексом воинской чести, напав исподтишка. Он подошёл к окну и отвернулся, чтобы скрыть смущение. – Один из моих воинов никогда уже не увидит Рима. Мне надо писать его вдове и объяснять, почему я не уберёг его от смерти в мирное время. Ещё двое на излечении…

Антонию было не до тонких чувств кавалериста. Он внимательно изучал свои бедра, плотно обтянутые материей – крепкие, мускулистые, они не могли принадлежать пожилому человеку. Прислушавшись к внутренним ощущениям, он вспомнил нечто давно забытое… До этого его отвлекали дурнота, шок от происходящего, постоянная смена освещения. А теперь… Да! Оно самое – ощущение молодости и полноты сил.

– Однако постой. Своё имя-то ты помнишь, мошенник! – тем временем осенило Тиберия, и он резко развернулся к пленнику.

– Имя помню… А все, что было до того, как я оказался в яме – нет, – не сразу ответил Антоний.

– Предположим… Пока я делаю следующий вывод, – Тиберий энергично заходил по комнате из угла в угол, размышляя вслух. – Диверсию я отвергаю. Мы перерыли песок на локоть в глубину вокруг места, где тебя обнаружили. Ничего похожего на сосуд с ядом не нашли… Ты либо дезертир; говоришь на латыни свободно, ловко обращаешься с гладиусом, а амнезию симулируешь, дабы избежать заслуженной кары. Либо

сумасшедший. Либо то и другое вместе… В любом случае тебя ждет смерть на арене в зубах голодных и диких животных.

– Вот как… – пленник опешил от столь неочевидного вывода из довольно логичных до этого умозаключений. – Может быть, суд сначала? Врачебная комиссия?

Тиберий немедленно остановился, отставил ногу и приосанился.

– Я здесь и судья, и врач! Баста!

Выдержав паузу, он расслабился и вернулся на свой трон.

– Но ты мне нравишься, и я дам тебе выбор, – заявил он.

– Это какой же? – угрюмо спросил Антоний, интуитивно не ожидая ничего хорошего.

– Ты славный воин и достоин чести умереть в бою с себе подобным! – торжественно произнёс римлянин. – Грядут игры в честь десятилетия правления Понтия Пилата, и ты, если постараешься, сможешь принять участие в этом грандиозном событии. Я могу сделать тебя гладиатором!

– Если честно, я вообще ничего подобного не планировал… – признался растерянный Антоний.

Явно разочарованный тем, что его щедрый дар не был оценен по достоинству, Тиберий сухо подытожил:

– Со щитом или на корм тиграм – третьего не дано. В качестве бестиария[3] ты стоишь не многим больше облезлого барана. Если же будешь сражаться так, как умеешь, я получу за тебя как за породистого скакуна… И довольно разговоров! Тебя вернут на место, в яму, где ты сможешь спокойно обдумать моё предложение.

– Командир, а можно, я подумаю где-нибудь в другом, более подходящем для этого месте? – с надеждой спросил пленник.

– Ничто так не способствует умственным упражнениям, как темнота и уединение. Они направляют поток мысли в нужное русло. Эту яму для шпионов я придумал сам, – Тиберий снова встал, сложил на груди руки и задрал голову. По всей видимости, гордость была для него настолько важной и основополагающей эмоцией, что он выражал ее всем телом. – В отличие от обычной, например, долговой ямы она имеет непроницаемую для света крышку. Люди в ней становятся более честными и сговорчивыми. Преступники раскаиваются и признаются в своих преступлениях. Шпионы рассказывают то, чего не знали.

Расписав преимущества своего изобретения, он не спеша подошёл к выходу и повернулся к пленнику.

– Ступай! Я надеюсь на твоё благоразумие. Подумай, что ты теряешь и что обретаешь, приняв правильное решение. И помни, как только согласишься, сразу же попадёшь в совершенно иные

условия. Голову твою подлечим. А потом я продам тебя в лучшую в Иудее школу гладиаторов. Образу жизни её питомцев позавидовали бы некоторые аристократы, – он подошел к двери и распахнул ее ударом ладони. – Стража!

В яме Антония ожидали соломенный тюфяк, а еще миска с бараньей похлёбкой и костью, на которой даже было немного мяса. Похлёбка была недурна – если бы ещё соли поменьше да перца побольше… Хлеб, сопровождающий эту трапезу, был груб, но вкусен, или это от голода так показалось… Узнику дали насладиться едой при свете и, когда он выбросил наверх миску, захлопнули крышку.

Вопреки обещаниям древнеримского Мюллера, темнота нисколько его не угнетала. После еды и боль в затылке стала как будто меньше. Он лёг на тюфяк и почти сразу заснул.

Во сне к нему пришёл генерал КГБ, который когда-то курировал его работу в секретном НИИ, и безапелляционно заявил:

– Собирайся, сынок! Ты снова нужен Родине.

Они полетели на вертолёте в тайную лабораторию в Алтайских горах, которая была оборудована самым мощным суперкомпьютером в мире. На КПП их встречал деревянный длинноносый робот с в форме ефрейтора внутренних войск:

– Узнаешь меня, папа Карло? Я так долго тебя ждал…

Потом сон плавно перетёк в воспоминания о тех временах, когда был по-настоящему молод.

1.

Когда Антон учился на четвёртом курсе факультета математики, в университете появился один из тех самых протокомпьютеров, которые занимали несколько помещений, а по производительности были ненамного эффективней бухгалтерских счётов. С первого взгляда талантливый аспирант влюбился в эту пахнущую озоном вибрирующую груду. Благоговейно заглядывал он в чёрную, с зелёными искорками символов бездну мониторов, нежно касался упругой клавиатуры кончиками пальцев, одну за другой погружал в пластмассовое нутро машины перфокарты, трепещущие в тёплом дыхании её радиаторов.

Антон стал одним из первых в стране информатиков-программистов. С самого появления понятия «программа» в значении алгоритма для электронно-вычислительной машины стало ясно, что цель научно-технического прогресса в этом направлении – это изобретение более совершенных инструментов рационального познания, чем человеческий мозг. Молодой учёный неизлечимо заразился перспективой, открывающейся для пытливого ума, и с головой окунулся в омут непознанного. Тогда как большинство его коллег пытались использовать ЭВМ как продвинутый арифмометр, исключительно для вычислений, он мечтал научить машину думать и чувствовать. Основной темой его научных изысканий стал ИИ – искусственный интеллект…

Примерно через полгода после защиты кандидатской диссертации его вызвали к ректору. Войдя в кабинет, Антон сразу же почувствовал в воздухе какое-то почти электрическое напряжение.

В кресле ректора сидел аккуратно подстриженный седой старичок в сером костюме. Сам ректор, обычно уверенный в себе и ироничный, сидел на стуле для посетителей, скромно сложив руки на коленях. Он был бледен и явно растерян. Вместо того, чтобы представить незнакомца и предложить присесть, он промямлил, обращаясь к старичку:

– Эту статью он, – ректор бросил взгляд под ноги Антону, – опубликовал без всякого участия со стороны администрации университета. Да я вообще не помню…

– Вы не могли бы нас оставить? – холодно прервал его старичок. – Благодарю.

Ректор покорно встал и вышел из своего кабинета, все так же избегая смотреть на Антона.

– Как все-таки некоторые меняются при виде служебного

удостоверения… – старичок достал из внутреннего кармана кроваво-красную «корочку» и проворно развернул её.

Антону бросился в глаза крупный шрифт «Комитет государственной безопасности СССР» и дальше прописью «генерал-майор…» Удостоверение захлопнулось и вернулось в недра серого костюма.

Антона удивило, что его скромная персона могла заинтересовать столь важного дядьку из комитета. Вины никакой он за собой не знал и не чувствовал. Мысли по поводу государственного устройства всегда держал при себе. О какой его статье может идти речь, он даже не подозревал, их было несколько, опубликованных в разных изданиях. В любой из них ничего крамольного или подрывающего устои советского государства не было и быть не могло…

– Чем могу служить, товарищ генерал? – живо поинтересовался он.

– Ну-ну, зачем же так формально? Василий Степанович, с вашего позволения, – старичок церемонно кивнул. – А служить можете. Во-первых, я хотел поговорить я хотел с вами об этом, – Василий Степанович перевёл глаза вниз.

Оказалось, что на столе перед ним лежал номер «Журнала вычислительной математики и математической физики», тот самый, в котором была статья Антона об электронно-вычислительных машинах с неустойчивым состоянием. В этой статье, будучи аспирантом кафедры прикладной математики, он решил пофантазировать о том, что будет, если некое множество условных транзисторов, хаотично между собой связанных, получив импульс извне, будут, реагируя на него, беспрерывно посылать друг другу сигналы различной мощности, и как в этом случае заставить их генерировать нужный экспериментатору ответ.

– Что же в этой статье могло заинтересовать ваше ведомство, Василий Степанович? – Антону становилось все любопытнее…

– Если честно, – старичок доверительно наклонился к собеседнику, – я ничего не понял… Вы не могли бы в двух словах объяснить, о чём здесь речь?

Антон не мог взять в толк, зачем это генералу КГБ понимать смысл довольно специализированной статьи, но терпеливо пояснил:

– Видите ли, некогда в нейрофизиологии была популярна концепция функционирования мозга, по которой нейроны либо посылают друг другу электрический импульс, либо нет. Эту идею использовали для разработки двоичного кода для ЭВМ. Ноль, единица. Знаете?

Старичок кивнул.

– Так вот. Потом выяснилось, что у нервных клеток не цифровая передача, а аналоговая…

Лицо генерала выразило недоумение. Антон пояснил:

– То есть они ретранслируют электрические разряды различной мощности, не «есть-нет», а целый диапазон от нуля до условной единицы. Притом делают это постоянно – клетки всегда под напряжением. Но двоичный код уже закрепился для всех вычислительных приборов. То есть на основе неверной теории родилась активно применяемая практика.

Антон сделал паузу, желая убедиться в том, что его понимают. Старичок кивнул почти сразу. Антон продолжил:

– Я же в этой статье предлагаю модель ЭВМ, действующей по принципам, которыми современные нейрофизиологи объясняют работу мозга. Вот и все вкратце…

После небольшой паузы генерал вдруг заговорил официальным тоном:

– Насколько мне известно, ваша диссертация была посвящена теоретическим основам создания искусственного интеллекта. Тема по нашим временам чересчур новаторская, даже дерзкая. Многие отговаривали вас и упрекали в схоластике. Это так?

Теперь кивнул Антон. Он все ещё не мог сообразить, к чему клонит генерал. Попытался объяснить:

– Если бы Джордано Бруно в своё время…

Старик вдруг хлопнул ладонью по журналу и прокаркал:

– Не надо! На кой ляд мне Бруно?! Я про тебя спрашиваю! Почему не прислушался к мнению старших товарищей?

Антон вскочил.

– Во-первых, нечего мне тут тыкать! Пацана нашли! А во-вторых, плевать я хотел на мнение всяких маразматиков!

Повисла звенящая пауза. Потом генерал вдруг откинулся на спинку кресла и расхохотался.

– Молодец! Так нас, маразматиков! Да вы присаживайтесь, Антон Сергеевич, мы ведь только начали…

Антон сел, отдуваясь.

– Ерунду, значит, придумали с двоичным кодом этим? – озорно подмигнул старикашка.

– Да нет… Вовсе нет! Просто код этот и вся архитектура фон Неймана… они хороши для калькулятора, а не для имитации человеческой мысли.

– А вы считаете, что в состоянии предложить более перспективную альтернативу?

Молодой учёный заговорил горячо:

– Если дура-природа умудрилась случайным образом

сотворить человеческий разум, то почему человек, пользуясь этим самым разумом, не может создать нечто подобное?

Лицо старика изобразило недоверие.

– Да вы поймите… Ничего сверхъестественного… В мозгу новорождённого примерно такое же количество нейронов, как и у взрослого, – когда Антон расходился, он говорил все быстрее, при этом никогда не теряя нити. – Меняется только количество связей между ними, серое вещество прорастает проводящими отростками нейронов, дендритами. Я сам видел срезы. Это как… предтундровое редколесье и тропические джунгли. Когда плод находится в утробе, он получает очень мало сигналов извне, их недостаточно для начала развития сложного нервного взаимодействия. Потом, когда ребёнок рождается, его мозг начинают прямо-таки бомбардировать импульсы ото всех органов чувств. Нервные клетки под их воздействием начинают тянуться друг к другу, в поисках адекватного ответа. У каждой появляется до тысячи связанных с ней соседей. Естественно, она находит их случайно. Не будете же вы подозревать отдельно взятую нервную клетку в способности принимать решение о том, с какой коллегой ей нужно связаться? И вот в этой электрической каше на смену примитивным рефлексам приходит мысль… Так почему же, чёрт побери, не воссоздать такую модель invitro?

Старичок слушал эту тираду с довольной улыбкой, но, когда Антон замолчал, вдруг снова стал официальным.

– А что если бы вам предложили самую современную лабораторию в мире и всю мощь страны Советов в придачу для воплощения этой вашей идеи?

Антон снова вскочил.

– Это все, чего я хочу от жизни!

Генерал тоже поднялся и торжественно произнёс:

– Добро пожаловать, Антон Сергеевич, под крыло моего управления по передовым научным разработкам. Сам лично буду курировать работу вашей лаборатории.

Он протянул руку, Антон с удовольствием пожал её.

– Собирайся, сынок. Секретный институт находится в области. Завтра же получите с женой неподалёку коттедж, – Василий Степанович поднял палец, – двухэтажный, прудик рядом живописный. Купаться можно, рыбу скоро запустим… Машину пришлю завтра в восемь.

Теперь, когда Антон согласился работать с ним, генерал снова перешёл на интимное «ты», на этот раз Антон не возражал.

II.

Однако темнота и уединение начинали делать своё дело. В голову полезли разные черные мысли. Чтобы отогнать их, решил предпринять ещё одну попытку разобраться в происходящем.

Кавалерист говорил, что грядущие игры будут посвящены десятилетию правления Понтия Пилата. Как раз накануне читал об этом периоде истории Кесарии – здесь сейчас должен быть тридцать шестой год. Просто тридцать шестой, без каких-либо иных цифр перед. Но ведь попасть в прошлое нельзя! Абсолютно невозможно. К сожалению…

* * *

Как-то раз, в девяностые, когда уже все рухнуло, в качестве халтурки отлаживал Антон Сергеевич локальную компьютерную сеть в черноголовском институте теоретической физики имени Ландау. Вышел покурить. Место для курения было устроено у большого деревянного полупрофиля знаменитого основателя института – латунная пепельница на тонкой ножке меж потертых кресел.

Рядом плюхнулся какой-то лохматый тип. Длинное лицо и волосы в сочетании с круглыми очками делали его похожим на Леннона. Он достал нервными пальцами пачку дорогущего «Parliament» и прикурил от экзотической по тем временам «Zippo». Математик курил «Opal» и из некрасивых побуждений решил подколоть физика.

– Извините, пожалуйста. Можно вопрос?

– Да-да. Конечно, – раздраженно ответил тот.

– Скажите, а чем, собственно, вы здесь занимаетесь? Компьютеры у вас тут не очень… На них положительно невозможно делать серьезную работу, – небрежно произнес математик.

Физика буквально на секунду перекосило, но он быстро восстановил контроль над мимикой:

– Компьютеры действительно слабоваты. Это беда… Но для того, чтобы даже приблизительно объяснить вам, чем мы тут занимаемся, мне потребуется очень много времени. Мне совершенно недосуг. Извините.

– А вы все-таки попытайтесь, в двух словах, – не унимался математик.

Физик закатил глаза.

– Хорошо. Вы верите в возможность перемещения во времени

или, например, нуль-транспортировку?

– Конечно. Надеюсь, в обозримом бу… – забубнил математик.

– Так вот никогда! – у физика даже вена на лбу вздулась. – Ни-ко-гда этого не будет! Абсолютно невозможно. К сожалению… Благодарю вас за испорченный перекур!

«Леннон» зло раздавил полсигареты в пепельнице и убежал.

А Антон Сергеевич остался сидеть под строгим взглядом деревянного Ландау.

Он расстроился. Надежды на то, что человечество когда-нибудь научится мгновенно перемещаться во времени и пространстве, были разрушены, и это удручало… Opal кончился, и Антон Сергеевич, озираясь, выудил из пепельницы бычок Parliament и докурил. Серьезный ученый в недавнем прошлом, он привык для экономии времени доверять таким же серьезным ученым – представителям других наук. Разобраться во всем самому невозможно, времена универсалов – Ломоносовых и Да Винчи давно прошли. И чтобы досконально понять то, что выразил ему сейчас в двух словах этот физик-психопат, нужно было бы прожить совсем другую жизнь, а на это ни у кого не хватит времени…

* * *

Так вот. Это не какая-то там дремучая античность. Значит, окружающая действительность есть ничто иное, как собственная психопродукция. Сложная зрительная, слуховая, обонятельная, осязательная, словом, задействующая все чувства галлюцинация. Установить ее причину: сумасшествие, летаргический сон или нахождение в коме или под воздействием психоактивных веществ – пока возможным не представляется…

Кстати, вариант с комой выглядит наиболее убедительно. Сидел на пляже, рыдал, на закат глядючи, – вот и хватил удар от переизбытка чувств. Инсульт. Лежит сейчас туловище на искусственной вентиляции лёгких, а мозг от нечего делать создаёт себе альтернативную реальность.

В любом случае: в дурдоме или в коме – все происходящее есть одна сплошная фата-моргана. И его фантомная сущность молода, сильна и проворна настолько, что ей предлагают карьеру гладиатора… Опасаться за её здоровье, пожалуй, глупо. Так же, как и беспокоиться о здоровье фантомов, с которыми придётся сражаться на арене.

Кстати! Упрёк Тиберия по поводу убитого и двух покалеченных легионеров более не должен тревожить совесть все по той же причине…

Вся эта галлюцинация очевидно интерактивна, надо просто сделать её более комфортной. Объяснять окружению свою инородность – ни к чему хорошему не приведёт. Примут за сумасшедшего и отправят на арену в зубы фантомных хищников, и вряд ли это доставит приятные ощущения, хоть и фантомные.

Значит, надо соглашаться на предложение кавалериста…

Но как осточертела уже эта темнота! В ярости схватил кувшин и швырнул вверх… Раздался хлопок. Посыпались черепки и закапала вода. От напряжения опять ломануло в затылке.

«Дурак! Что с нервами?»

Чтобы успокоиться, принялся переделывать под ситуацию песню Высоцкого из фильма «Интервенция». Получилось следующее:

Вам даже могут предложить не прогадать,
Ах, скажут, вы же гладиатор от рожденья,
Не лучше ли кишки на меч мотать,
Чем тигру в пасть попасть на пропитанье…

«Рожденья-пропитанье – так себе рифма», – но лучше не нашёл и продолжил:

Суп из барана навевает что-то,
И с каждой ложкой веселее думы,
Домой охота, как домой охота!
Но надо выбрать гладиаторский секутор.

Откуда взялся этот «секутор», было не совсем ясно. Наверное, что-то из «Спартака».

Или пляжи, акведуки, или даже
Две гетеры, или римская матрона,
Колесницы, скачки, вина и маслины.
Ну а получишь… нос от Буратино.

Измывательство над Владимиром Семёновичем было

прервано грохотом откинутой крышки… На этот раз слепящего солнца не было – у одного из конвоиров в руке горел факел.

Комната Тиберия в мягком свете масляных светильников показалась даже уютной. Римлянин спросил строго:

– Ну? Что ты надумал?

– Да, – просто ответил Антоний.

Тиберий немного подождал продолжения, потом вскочил с места.

–Твоя лаконичность делает тебе честь!

Быстрыми шагами прошёл к двери и, распахнув её, закричал:

– Эй, Умбра! Неси вино!.. Фалернское… Нет! Водой разбавлять не надо – у меня не баба в гостях… Суррентским разбавь. И яйцо голубиное туда выпусти, – повернулся к Антонию. – А ты дай мне слово – если развяжу, не накинешься на меня!

Будущему гладиатору выделили отдельную комнату в сарае рядом с ямой. Обычно она использовалась как гауптвахта для провинившихся легионеров. В неё принесли ложе с тюфяком и подушками. Руки ему больше не связывали, но за дверью постоянно дежурили два вертухая в полной древнеримской выкладке.

Приходил лекарь, который вздрагивал при каждом движении пациента, из чего явствовало, что у него на лечении находились сейчас пострадавшие от руки пленника легионеры, и он был прекрасно осведомлён, при каких обстоятельствах они пострадали. Лекарь рекомендовал покой, свежий воздух и немного вина на сон грядущий. Пациент вспомнил доктора из Москвы, который дал ему те же самые рекомендации две тысячи лет тому вперёд…

Среди инструментов лекаря оказалось небольшое зеркало из когда-то отполированного, но теперь изрядно поцарапанного белого металла. В нем удалось разглядеть лицо молодого человека лет примерно тридцати. Красивое и мужественное, с большим горбатым носом, оно обрастало темной курчавой бородкой по периметру. Глаза были большими и то ли карими, то ли совсем черными, а вовсе не голубыми, как в нормальной жизни. Это лицо прекрасно подходило к новоприобретённому телу античного атлета. У Антона Сергеевича всегда была непримечательная светленькая славянская внешность, а этот, в зеркале, мог оказаться как благородным римлянином, так и галахическим иудеем.

Следующая неделя была довольно однообразна.

По утрам Антоний приходил в себя после «лечения» накануне – Тиберий очень серьёзно относился к рекомендациям лекаря и лично контролировал вечерний приём «лекарства».

От нечего делать Антон Сергеевич предавался воспоминаниям, строил гипотезы о происходящем и о способах возвращения в привычную реальность…

В комнате Антония было окошко, настолько узкое, что в него невозможно было бы просунуть голову. Из него открывался вид на море и кусок берега. Иногда по берегу проходили люди и лошади, а по морю проплывали суда: неторопливые торговые парусники, стремительные военные галеры и рыбацкие лодчонки без счёта. Сквознячок, проникающий в окошко, обычно был свеж, но иногда нёс в себе смрад мёртвых обитателей моря.

Охранники, приставленные к узнику, на интерес и на деньги резались между собой в табулу – предтечу нард. От скуки он научил их играть в шашки. На роль фишек отлично подошли камушки для табулы, поле же Антоний нацарапал на обратной стороне доски для этой игры. Новое развлечение произвело фурор в лагере. Вокруг игроков стали собираться свободные от службы легионеры и гражданский персонал гарнизона. Разобравшись в сути игры, они стали стаскивать скамейки и столы к обиталищу Антония и устраивать турниры. В процессе они азартно спорили и лезли в драку из-за разночтений в правилах, и «гостю из будущего» приходилось выступать в роли третейского судьи. Он также проводил сеансы одновременной игры, в которых неизменно выигрывал, чем снискал огромное уважение, и ему перестали поминать поверженных им товарищей. Антоний начинал подумывать о том, чтобы познакомить этих людей с шахматами. Надо было только решить, как изготовить фигуры. Ему уже даже пообещали привести местного резчика по дереву, но дальнейшее развитие событий помешало этой идее сбыться…

Вечером его отводили на ужин к декуриону. И это было замечательно. Антонию нравились и кухня, и разговоры, которыми его угощали. Тиберию это времяпрепровождение тоже явно доставляло удовольствие.

Рабочая обстановка сдвигалась к стенам, а на центр комнаты ставили низкий квадратный стол и две кушетки, предназначенные для возлежания за трапезой. Хозяин и гость укладывались напротив друг друга. Эта позиция для принятия пищи не потребовала от Антония привыкания – сразу оказалась очень удобной.

Сначала Тиберий по-матерински радовался известиям о том,

что его трофей идёт на поправку. Потом они приступали к трапезе, обильно сдабривая её вином.

Стол у Тиберия был прост, но основателен. К главному блюду, разнообразно приготовленному мясу, птице или морепродуктам, в качестве гарнира прилагались свежие и запечённые овощи и фрукты. К столу подавались также колбасы, ветчина и копчёности. Как-то Антоний спросил у Тиберия, почему тот пренебрегает сырами. Римлянин сказал, когда отсмеялся:

– Честное слово, что-то серьёзно повредилось в твоей бедной голове. Кто в здравом уме, кроме рабов и нищих, станет есть это испорченное молоко?

Десертами хозяин не баловал. Из напитков подавались исключительно вина. К этой части угощения Тиберий подходил с особым вниманием. Кроме ямы для шпионов, на территории части был вырыт ещё и винный погреб для его личных запасов. Там хранились амфоры и бочонки с коллекцией вин со всего света. Каждый новый подаваемый сорт Тиберий предварял исторической и географической справкой, органолептической характеристикой и рекомендациями по способу употребления: с какой пищей сочетать, чем и в какой пропорции разбавлять. Была у него и собственная метода сочетания вин с любовными утехами, которой он по-товарищески делился.

В подпитии римлянин был горазд пофилософствовать, причем обнаруживал пытливый, живой ум, хоть и по-военному прямолинейный. Как Тиберий однажды поведал, в школу он не ходил, его образованием занимался домашний учитель-грек. Затем в школе всадников он получил кое-какие общие знания, кроме необходимых для военачальника. К тому же за семь лет службы в «этой дыре» он пристрастился не только к пьянству, но и к чтению. Он обожал щеголять эрудицией и обильно приправлял свою речь высказываниями греческих и римских философов.

Многое из того, что говорил Тиберий, вполне соответствовало образу мысли Антония. Иногда ему даже казалось, что он говорит сам с собой. Это могло бы утвердить эгоцентрическую теорию происходящего, но по некоторым вопросам они не сходились категорически. Главным источником разногласий были их прямо противоположные представления о справедливом государственном устройстве. Так, римлянин искренне, с жаром отстаивал рабовладение. Он даже приводил цитаты каких-то древних демагогов, оправдывавших эту дикость.

Как-то раз у них состоялся такой разговор. После обстоятельной дегустации цекубского, под жареных раков и африканских улиток в уксусе, Антоний как бы между прочим

предложил:

– Слушай, Тиберий, ты ж хороший человек… Почему бы тебе не отпустить меня на все четыре стороны?

– И куда ты пойдешь? Для тебя лучший выход сейчас – стать гладиатором. В твоем случае очень справедливы слова Квинта Секстия: освободить раба – все равно, что выгнать собаку на улицу, где ее ждут голод и смерть. А ты, со своими провалами в памяти, даже проголодаться не успеешь… Не любят у нас блаженных – на крест или копье в печень.

В другой раз они заспорили из-за высказывания, которое привёл Тиберий:

– Раб мечтает не о своей свободе, а о своих рабах. Цицерон сказал! Не собачий член… Что означает: изжить рабство так же невозможно, как изменить природу человеческую.

– Ну… на каждого мудреца довольно простоты, – ответил на это Антоний. – И, вообще, мне кажется, он другое имел в виду…

– Подожди! Как ты сказал? – перебил его всадник.

– Что?

– Ну вот это… Каждый мудрец… довольно… прост. Нет, не так… Скажи!

– А. Тебе понравилось? На каждого мудреца довольно простоты.

– Да. Это хорошо! Что-то как будто знакомое… Кто сказал? Платон?

– Да нет. Александр.

– Македонский?

– Островский.

– Грек, что ли?

– Ну пускай будет грек…

– Не знаю такого… – недовольно пробурчал Тиберий. – Так и в чём ты с Цицероном не согласен?

– Я не говорю, что не согласен. Я говорю, он другое имел в виду. Что-то там… Подожди, я забыл, – Антоний сам наполнил кубки. Они выпили. – Да! Я понял, это ты причину со следствием перепутал… Цицерон не имел в виду неизбежность рабства. Он говорил о рабской психологии, которая является следствием, а не причиной рабства.

– А, может, это ты что-то перепутал? – глаза римлянина начали наливаться кровью, кулаки сжались.

Антоний, как будто не замечая этого, спокойно продолжил:

– По-твоему получается… ну, как… утопист этот у Стругацких рассуждал… У каждого свободного человека должно быть не менее трёх рабов.

Римлянин спросил угрюмо:

– Стругацкий? Опять грек?

– Ну пускай будет грек…

– Не знаю такого! – Тиберий с досадой пнул скамейку, стоявшую у него в ногах, она с грохотом ударилась о стену, отлетела ножка.

Происходящее напомнило Антонию сцену из культового старинного кинофильма. Он с трудом сдержал смех – не хотел ещё больше разозлить кавалериста. Из вежливости, не от страха.

– Его пока никто не знает, даже такой учёный энциклопедист, как ты, – сказал он примирительно. И не удержался от переделанной цитаты: – Стругацкий, конечно, великий философ, но зачем же табуретки ломать?

Падкий на лесть Тиберий расслабился и пробормотал, скрывая улыбку:

– Да-а. А греки твои хоть и сильны в философии были, однако не сумели построить свою империю. До римского величия им далеко… Так проходит земная слава!

А еще как-то раз, пробуя выдержанное под лунным светом массикское, Антоний разошелся не на шутку и поведал Тиберию о своих взглядах на противостояние основных идеологических систем будущего…

* * *

Для представителя наук точных, политология, как дисциплина гуманитарная, столь же далека, как какая-нибудь история или филология. Но настоящий учёный должен обладать системными знаниями, и так же, как не был Антон Сергеевич полным профаном в исторических периодах и не писал с ошибками, имел он и своё собственное, довольно оригинальное представление о геополитических процессах.

Он допускал, что в общественных науках, так же как в физике или химии, возможны эксперименты. По этому поводу у него даже была своя собственная *теория системной эволюции*.

Любое государство, по этой теории, можно рассматривать как лабораторию, в которой подтверждаются или опровергаются те или иные гипотезы, или как опытную станцию, в которой обкатываются политтехнологии. Люди волей или неволей участвуют в этих экспериментах в качестве подопытных. Эффективный подход к управлению массами может быть различным вплоть до противоположности.

Если есть страны социалистические и в них живут люди, имеются промышленность, наука и искусство, и есть страны капиталистические с населением, способным производить весь

спектр необходимого жизнеобеспечения, и в обеих моделях все это достаточно стабильно и продолжительно – значит, обе системы жизнеспособны и имеют право на существование. Естественно, у обеих есть свои плюсы и минусы, одним странам они подходят больше, а другим меньше.

Все мировое сообщество участвует в глобальном историческом эксперименте, системной эволюции, в результате которой формируется общество будущего. Оно будет основываться на более жизнеспособной из конкурирующих систем, а ещё вероятнее – на их комбинации. На современном этапе исторического развития отрицать одну систему ради другой так же нелепо, как считать единственно верной евклидову геометрию и отрицать неевклидову.

* * *

Тиберий крепко задумался, а потом заявил:

– Разрешённое и защищаемое законом рабовладение куда честней этих твоих капитализмов и коммунизмов… Как ни называй раба, господином или товарищем, его ярмо от этого легче не станет!

III.

Гарнизон просыпался с первыми лучами солнца. Антония обычно будил Умбра – молодой раб, который выполнял обязанности денщика декуриона. Он был очень смугл, и его настоящее сарацинское имя для римлянина было слишком труднопроизносимым, поэтому Тиберий звал его просто Тень[4]. Появление в гарнизоне Антония добавило Умбре забот. Предварительно убедившись через щель между досками, что подопечный спит, раб открывал дверь, ставил корзинку с завтраком на пол и кричал:

– Эй! Вставай!

Дверь захлопывалась с треском, лязгал засов – Умбра очень боялся узника.

В эти утренние часы Антон Сергеевич раз за разом пытался понять, что же все-таки с ним происходит. В конце концов у него оформились две рабочие гипотезы.

Раньше их было три, но гипотезу, названную им «Матрица», – попадание в виртуальную реальность – он отбросил сразу. Во-первых, потому, что технологий столь глубокого изменения сознания пока не существует, по крайней мере, насколько это известно ему, человеку сведущему и живо интересующемуся последними научными достижениями. А во-вторых, даже если предположить существование таких технологий умозрительно, то кому может понадобиться так сложно и затратно залезать ему в голову? И зачем? На эти вопросы ответов не было. Времена, когда он был учёным, обладающим уникальными, секретными знаниями, давно прошли. Кому нужен одинокий, небогатый старик?

Из оставшихся вариантов первой рабочей гипотезой была – «Сумасшествие». То есть дурдом, санитары, палата, слюни до пупа… Тут все понятно. Сюда же он отнёс галлюцинации, вызванные каким-нибудь внушением или наркотиками.

Вторая, «Сон»: в неё входили обычный сон, летаргический и кома. В самом начале из-за того, что все вокруг слишком реально и проснуться не помогают ни щипки, ни удары по голове, он отмёл эту возможность… Но потом подумал: а вдруг это сон, в котором он себя щиплет или его бьют по голове? И гиперреалистичность эта абсолютно ничего не доказывает… Кто знает, как ощущает себя человек именно во время сна? Может, все вот так реально и воспринимается в момент просмотра, проживания сна, а потом, после пробуждения, мозг работает в совершенно другом режиме и человек может вспомнить только

какие-то блеклые обрывки, которые воспринимаются нереально.

Что эти теории или гипотезы давали ему на практике? Ровным счётом ничего. Если какая-то из них верна и все вокруг создано его сознанием или, скорее, подсознанием, от него все равно ничего не зависит. Если это сон – значит, надо проснуться, но он не мог этого сделать по собственному желанию, как ни пытался. Так же, как не мог усилием воли выйти из комы или прекратить сходить с ума…

И если разобраться, а так ли ему это надо? Вернуться к стариковским соплям в акведуке, бессоннице или жутким утренним пробуждениям, когда состояние такое, как будто всю ночь пил плохую водку, а потом ещё по спине ногами били…

Здесь он здоров, молод, участвует в увлекательном действе: древняя Иудея, римские легионы, гладиаторские бои, Понтий Пилат… Хотя, конечно, жутковато, но есть и какая-то отрешённость, как будто со стороны на себя смотришь. Кино такое, триллер интерактивный. Или в видеоигру от первого лица играешь.

Но как если не прекратить это состояние, то хотя бы понять, что с ним такое происходит? Казалось, что решение рядом, но оно никак не могло оформиться во что-то конкретное…

В день испытания Антония почему-то никто не разбудил. Проснулся он оттого, что солнце, проникнув через окошко, стало припекать спину. Значит, он проспал на пару часов дольше, чем обычно; солнечный луч добирался до кровати, когда Антоний уже успевал позавтракать и порядком соскучиться от безделья.

Несмотря на выпитое за ужином накануне, он чувствовал себя превосходно, как никогда раньше в реальной жизни. «И это после недели ежевечерних возлияний…», – отметил про себя Антоний. Голова уже совсем не болела. И какое же это было наслаждение – каждой клеточкой организма ощущать молодость и радость жизни! А ещё воздух… Дивный аромат начала первого тысячелетия, не испорченный ни единой искусственно синтезированной молекулой.

Каким бы прожжённым материалистом не был человек, всё равно он жаждет чуда. Может, даже наоборот – чем больше не верит в возможность антинаучных событий, тем больше ждёт их, тем больше будет рад, если таковые произойдут. Вот и Антон Сергеевич перестал отдавать себе отчёт в происходящем и поддался непонятно кем подаренным ему ощущениям силы, молодости и веселья, ощущаемых в абсолютно невероятных обстоятельствах…

Он с хрустом потянулся и вскочил на ноги.

По поводу предстоящего испытания Антоний особенно не

волновался. Его физические возможности были так же необычайны, как и окружающая его реальность. Сила в новом теле была огромная, но не сверхчеловеческая. Как-то в гостях у Тиберия, желая удивить хозяина и самого себя, он ухватил одной рукой массивное кресло за переднюю ножку и оторвал от пола. Тиберий пришёл в бурный восторг и предложил выпить за нового Геркулеса. Но когда Антоний попытался проделать то же самое со столом, у него ничего не вышло, разве что посуда попадала.

Ещё он обрёл ловкость циркового артиста. Мог ходить на руках, например, и это получалось почти так же естественно, как и обычным способом. Однажды, наблюдая за тренировкой легионеров в стрельбе из лука, Антоний заключил пари с Синим Подбородком, что сможет поймать летящую стрелу. И это ему удалось с первого раза! За что проигравший получил такой щелчок, что на лбу у него в качестве дополнительного украшения вздулась заметная шишка – Антоний недооценил силу своих пальцев. Теперь ему сложно было смотреть на этого человека, не испытывая смущения: мало было нижней челюсти, так ещё и пунцовая гуля на лбу… Самого пострадавшего это, кажется, нисколько не смущало – многие здесь носили на лицах следы суровых солдатских тренировок.

Умение владеть оружием, которое обнаружилось у акведука, также добавляло уверенности, что сегодня он не будет мальчиком для битья. Тиберий тоже не сомневался в его талантах. Когда Антоний попросил декуриона разрешить ему упражняться с легионерами, тот отказал: «Зачем? Покалечишь мне ещё кого-нибудь. И так из-за тебя распорядок стражи менять пришлось. Двое, с которыми ты поупражнялся у акведука, до сих пор не могут нести службу».

Откуда взялись у фантомной сущности боевые навыки, было совершенно непонятно. Единоборствами Антон Сергеевич никогда серьёзно не занимался.

* * *

В седьмом классе отец отвёл его на секцию бокса. Он объяснил сыну, что не ждёт от него олимпийских медалей, но: «Каждому мужику нужно удар поставить!»

Антон очень быстро убедился, что единоборства – это не его конёк. На первой же тренировке произошёл следующий казус. Вдоль стены спортзала стояли деревянные скамейки. Тренер скомандовал всем встать на них и объявил, что хочет узнать, кто дальше всех прыгнет. Антон неплохо прыгал с места на школьных уроках физкультуры и решил, что не ударит лицом в грязь. По

свистку он очень мощно толкнулся и полетел вперёд. Вдруг в голове как будто что-то взорвалось, и страшная сила отшвырнула все тело назад. Он упал на спину и на какое-то время лишился чувств. Когда он пришёл в себя, над ним колыхалось озабоченное лицо тренера, а ребята из группы толпились вокруг, многие смеялись. Оказалось, напротив того места, с которого стартовал Антон, висела груша, причём достаточно далеко, так, что не выглядела препятствием… Это был первый нокаут.

Через пару недель тренировок у новичков должны были пройти первые спарринги. В группе был один странный тип. Угрюмый и немногословный, имел он мощные, заметные трицепсы при почти полном отсутствии бицепсов, и грудные мышцы, развитые настолько, что утягивали плечи вперёд, заставляя сутулится. Кто-то спросил его, как так вышло, и странный тип неохотно рассказал, что дома у него есть гантели и он, перед тем, как пойти на бокс, около года упражнялся, тренируя только мышцы-разгибатели, потому что по его теории так «удар мощнее будет».

«Трицепс» достался Антону в качестве партнёра. «Разгибательная теория» оказалось верной: не прошло и минуты, как Антон получил в нос, да так, что он снова оказался в нокауте. Он не упал, но руки его сами собой опустились, как будто перчатки стали весить по центнеру, а из уст его непроизвольно вырвалось слово: «Мама». Когда «маменькиного сынка» привели в чувство выяснилось, что кругом опять смеются, а носом у него идёт кровь и никак не хочет останавливаться. Тренер отправил его к врачу; прямо в СДЮСШОР[5] был свой медицинский кабинет.

Врач набил до отказа носовую полость Антона ватой и объяснил, что у мальчика хрупкие сосуды и располагаются они очень близко к поверхности слизистой оболочки, а это значит, что вероятность кровотечений у него очень высокая. А ещё доктор рассказал, что каждый нокдаун, а тем более нокаут, вызывает кровоизлияние в мозг и как следствие – гибель нервных клеток серого вещества, поэтому боксёры такие тупые и редко получают высшее образование.

Слова доктора глубоко запали в душу подростка. Выходило, что, когда он получал удар в голову, и клетки мозга его отмирали, он терял часть себя. Становился уже не таким умным и обучаемым, как раньше, память его ухудшалась.

И внял тогда Антон гласу судьбы, просто-таки вопиющей: «Брось ты это занятие! Вокруг и так множество поводов случайно получить по кумполу, так зачем же делать это целенаправленно?!» Эта тренировка стала для него последней.

И потом, в дальнейшей жизни, в случае возникновения

конфликта, могущего закончится повреждением серого вещества, старался Антон разрешить ситуацию дипломатическим путем, а если не получалось, шёл на уступки или покидал опасную зону быстро переставляя ноги. Дрался всего пару раз, когда убежать было невозможно по соображениям чести.

* * *

Антоний умывался в тазу, когда загремел засов и дверь распахнулась. На пороге стоял Тиберий при полном параде: блестящий чешуёй кавалерийский доспех и алый плащ с золотым кантом. Явно пребывая в хорошем настроении, он выбросил руку в приветствии, которое впоследствии будут использовать нацисты, и крикнул:

– Аве, Антоний!

– И тебе аве, Тиберий, коли не шутишь! – Антоний тоже вытянул руку, брызги с неё полетели в лицо декуриона.

– Пора, – утираясь шейным шарфом, сказал тот. – Завтрак получишь после испытания. Поверь мне, так будет лучше. Я специально дал тебе поспать подольше и не накормил. Так ты будешь легче и быстрее.

– Ну да… Порхать, как бабочка, и жалить, как пчела.

– Метко сказано. Сам придумал?

– Нет. Один негр.

Древний нацист пожал плечами, явно не поверив.

Дав Антонию закончить туалет, Тиберий повёл его в ту часть двора, где легионеры обычно упражнялись в фехтовании на палках. В тени забора собрался весь гарнизон кроме тех, кто был в дозоре, и ещё человек двадцать пришлых.

При их приближении от толпы отделились двое. Один – двухметровый обезьяноподобный тип с явной передозировкой гормона роста. У него были мощные надбровные дуги, огромные нос и подбородок, а также руки, которые, казалось, могли полностью обхватить человека за голову, оторвать её и зашвырнуть куда-нибудь на Кипр. Другой – лысый толстяк, завёрнутый в синюю, вышитую золотом простыню. Вообще золота на нем было очень много: пряжки; цепь с такими мощными звеньями, как будто на её конце должен быть якорь; широкие, как части доспеха, браслеты; перстни чуть ли не на всех пальцах и даже застёжки на сандалиях.

Тиберий спросил, обращаясь к толстяку:

– Скажи, Гней, а почему ты не привёл слона или носорога?

– Ты сказал, декурион, что у тебя есть что-то особенное, я не знал, чего ожидать… – ответил толстяк густым поставленным

голосом. Затем смерил Антония взглядом с ног до головы. – Если твой заморыш выстоит против моего чемпиона минуту, я заплачу тебе за него тысячу динариев, как за хорошую лошадь.

– А если он победит? – без особой надежды, как бы на всякий случай спросил Тиберий.

– Если такое случится, вопреки очевидной воле богов и природы, я дам за него пять тысяч, – с усмешкой ответил ланиста.

– Десять! – у кавалериста загорелись глаза. – Десять тысяч динариев. Ты сам хвалился, что отказал Ефраиму, когда тот предлагал двадцать за Хагана, – он указал пальцем на гиганта. – Разве его победитель не стоит хотя бы половины этих денег?

Последнюю фразу он адресовал толпе, та зашумела одобрительно.

– Хорошо, – сказал ланиста после непродолжительного молчания. – Этот торг все равно не имеет смысла… Но что будет, если он не выстоит и минуты?

– Я отдам тебе его даром! – выпалил разгорячённый декурион.

Ланиста склонил голову в знак окончания переговоров и достал из складок плаща водяные часы, естественно, золотые. Умбра побежал к колодцу набрать в них воду.

Тиберий негромко сказал Антонию:

– Скорее всего, это не поможет, но я все равно желаю тебе удачи!

Кто-то нахлобучил на голову Антонию легионерский шлем, кто-то сунул в левую руку кавалерийский овальный щит, а в правую – полуметровую палку с поперечиной для защиты кисти. Кто-то подтолкнул на несколько шагов вперёд.

Гигант, с такой же палкой и прямоугольным щитом высотой в две трети его роста, занял позицию напротив.

Антоний припомнил бой возле акведука. Тогда все получалось как бы само собой: он видел противников, как они двигаются, где открываются для удара, когда нужно блокировать, когда – уворачиваться. Сейчас он совершенно не имел никакого представления о том, что нужно делать… Оставалось только положиться на импровизацию.

– Начинайте! – зычно крикнул ланиста и махнул рукой.

Гигант взревел и побежал прямо на соперника, прикрываясь щитом. Антоний просто отошёл в сторону, с которой был щит противника. Хаган по инерции чуть не пролетел мимо, но, надо отдать ему должное, успел отреагировать и, резко развернувшись на ходу через правое плечо, попытался нанести удар наотмашь. Но Антоний в последний момент пригнулся, и палка просвистела в сантиметре над шлемом. Он на секунду потерял противника из

виду и, когда поднимал голову, получил мощный толчок, сразу выбивший из руки «меч» и отбросивший его самого на пару метров. Опытный гладиатор продолжил вращение корпуса и ребром тяжёлого щита смел его, как былинку. Антоний зарылся в песок лицом, шлем покатился дальше. Толпа разочарованно загудела, но испытуемый тут же вскочил на ноги. Удар был не настолько резким, чтобы отключить сознание, но правое плечо онемело совершенно. Гигант уже снова летел на него, поднимая клубы пыли. Антоний на этот раз ушёл из зоны поражения, перекатившись по земле через руку со щитом. На этот раз бешеный локомотив пронёсся мимо, не нанеся урона.

Это повторилось ещё несколько раз. Гигант бросался в атаку, желая добить противника и уложиться в минуту, Антоний, лишённый возможности двигать правой рукой, уворачивался, отпрыгивал и перекатывался, пару раз отразил удар палки щитом. Казалось, конца этой минуте не будет, но последняя капля, знаменующая собой её окончание, все-таки упала. Ланиста крикнул:

– Стой! – и хлопнул в ладоши.

Бойцы остановились, переводя дыхание. Толстяк обратился к Тиберию:

– Ну что? Свои деньги ты уже заработал. Может, хватит? Дальше будет избиение.

– Ты можешь продолжать? – спросил Тиберий у Антония.

Тот потряс рукой – чувствительность возвращалась.

– Я ещё не начал! – услышал сам себя Антоний, и вездесущий Умбра вставил «меч» в его руку.

Он не совсем понимал, зачем ему нужно это продолжение, но на него уже накатила та самая волна бешенства, как тогда в акведуке…

– Начинайте! – снова крикнул Гней.

На этот раз Хаган не спешил, видимо, решил действовать наверняка. Но Антоний полностью контролировал ситуацию, кружась вокруг противника. Фехтовальные выпады он блокировал «мечом» или щитом, от ударов щита соперника легко уходил – они были медленные и просчитывались сильно загодя. Гигант стал выдыхаться и явно злился, все меньше уделяя внимание обороне, а Антоний не спешил… И вот, когда противник провалился в пустоту после очередного замаха щитом и оставил голову открытой, Антоний всю душу вложил в удар, который пришёлся прямо в огромное ухо. Палка разлетелась в щепки, но своё дело сделала – оглушённый гигант зашатался. Глаза его двигались независимо друг от друга, руки опустились. Оказалось, что за время сражения бойцы сместились к колодцу, который

теперь был прямо за спиной у Хагана.

Шальная мысль пронеслась в мозгу Антония. Он закричал: «Это Спарта!» и ударом ноги в грудь перекинул противника через каменное ограждение колодца. Раздался шумный всплеск и сразу за ним – восторженный крик толпы. Громче всех кричал Тиберий.

Когда выловленный из колодца гигант со свирепой миной пошёл на Антония, разговоры вокруг стихли. Он остановился в паре метров, сжимая и разжимая огромные кулачищи, потом сказал:

– Не советую никому пить из этого колодца! Мне почудилось, что лечу в преисподнюю. Я испугался… – распялил огромный рот и хрипло захохотал. Это было так внезапно и заразительно, что через мгновение захохотал и сам Антоний, а затем и все окружающие.

2.

Основной проект его лаборатории назывался «Буратино», и подчинённые, среди которых были люди значительно старше него, звали Антона Сергеевича за глаза «папа Карло». Под тем же прозвищем он проходил и в секретных отчётах КГБ. ИИ[6] разрабатывался для управления системами наведения высокоэнергетическими боевыми лазерами, которые должны были противостоять военно-космическим спутникам системы противоракетной обороны США.

«Буратино» существовал как гибридное биоэлектронное устройство. Его начинка состояла из таких же транзисторов, резисторов и конденсаторов, что и у всех передовых ЭВМ того времени. Были, конечно, кое-какие технические находки несколько опережающие своё время, но основной его принципиальной особенностью являлась биологическая основа, состоящая из живых человеческих нервных клеток.

Антон был связан с ним буквально кровно: он как идейный вдохновитель, «отец» проекта, стал донором стромальных стволовых клеток. Их культивировали до нужного количества, затем путём направленной дифференцировки получили нейробласты[7], высадили их в микроскопические трёхмерные соты, где в специальной питательной среде они «повзрослели» до нейронов и проросли взаимными связями, образовав узлы. Из нервных узлов составили три блока: сенсорный, моторный и ассоциативный. В каждом из них нейронов было в три-пять раз больше, чем в среднестатистическом человеческом мозге.

Оставалось лишь дождаться момента, когда количество перейдёт в качество…

Почти два года «Буратино» никак не проявлял себя как личность. Электронная часть его работала превосходно, щелкая сложнейшие математические задачи, как орехи, но нейронная «душа» молчала. «Карло» переживал как родитель, ребёнок которого слишком долго не говорит. Не болен ли он, не отстаёт ли в развитии?

Каждый день «Карло» по нескольку часов взывал к ИИ через клавиатуру – единственный пока «орган чувств». Он снова и снова вводил текст: «Буратино, ты слышишь меня? Это папа».

«Папа» Антон добавлял не из сентиментальности, а как позывной, чтобы ИИ мог его персонифицировать.

И вот однажды, когда даже сам Антон отчаялся, устав от разочарованных взглядов генерала-куратора, от страха, что

проект вот-вот прикроют, от расспросов жены, из вежливости делающей вид, что все ещё верит в его успех… в один тоскливый осенний вечер, когда по черным окнам лаборатории текли потоки воды, как будто оплакивая карьеру молодого учёного, полено заговорило…

Антон набрал на клавиатуре: «Буратино, сынок, чёрт тебя раздери, ответь уже, наконец!!! Слышишь ты меня, потрох сучий? Это твой несчастный папа, которого скоро отправят на свалку из-за того, что ты, хренова куча металлолома переложенная разжиженными мозгами, уже два года молчишь, как дохлая рыба. Этим же идиотам не объяснить, что ученого, как и художника нельзя торопить ни в коем случае! Тем более ставить перед ним какие-то дурацкие сроки…» Потом нажал кнопку «ВВОД», и на мониторе загорелся этот полный отчаянья текст.

Вдруг курсор сам перепрыгнул на следующую строчку, помигал, и… одна за другой зажглись зелёные буквы: «П», «А», «П», «А». Антон чуть не потерял сознание, когда осознал, что произошло.

За следующий год своего уже осмысленного существования «Буратино» по оценкам психологов превратился из годовалого младенца, в восьмилетнего ребёнка. Смышлёного и чрезвычайно развитого. Развитого… это слово на самом деле не совсем корректно применимо к сущности, обладающей огромным количеством фактический знаний и способной решать сложные логические, тактические и стратегические задачи. А если для решения требовались вычисления, они производились со скоростью одного из мощнейших суперкомпьютеров мира. Вундеркинд!

К московской Олимпиаде-80 для Антона все сложилось так, как, наверное, и должно было быть. В двадцать шесть – доктор наук, начальник лаборатории в секретном НИИ. Жена-домохозяйка, личный водитель, трёхкомнатная квартира на Кутузовском, государственный коттедж в области рядом с работой и весьма достойный по тем временам оклад. Антон не пил, не курил, плавал в бассейне и играл в настольный теннис.

Он родился и благополучно жил в социалистическом государстве, но это вовсе не означало, что он был фанатично предан линии партии и правительства и не видел недостатков существующего строя. Его удивляло и возмущало то, во что вылились достижения Великой революции всего через несколько десятков лет: коррупция, лицемерие, инертность государственной машины. Тупой фанатизм большинства и маниакальный оптимизм пропаганды. Прекрасные идеи превратились в унылую,

беспросветную рутину…

Сама идея социализма его вполне устраивала. Централизованный контроль над природными ресурсами и промышленностью может не устраивать только мерзавцев, которые хотят все это присвоить. Ничего плохого не видел он и в коммунистической идее. Отсутствие института государства, презренных денег и социальное равенство не радуют только эксплуататоров и спекулянтов. И принцип «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям!» его всецело устраивал. Это выглядело как вызов: все твои материальные запросы будут удовлетворены, гражданин, но что ты сможешь предложить взамен? А у него было, что предложить…

Он был бы окончательно и бесповоротно счастлив, если бы не одно обстоятельство: жена задалась целью привить ему любовь к классической музыке. «Антон, – говорила она, – ты не можешь считать себя интеллигентным человеком и не любить Стравинского!» А он не любил… Почти еженедельные посещения театров и консерваторий были ему в тягость. Тем более, что предпочитала она классику весьма необычную: модернистскую, экспрессионистскую и сюрреалистическую, которая для слушателя неподготовленного звучала, скорее, как какофония. Но постепенно он научился, глядя то на ожесточённо размахивающего руками дирижёра, то на люстру, то на одухотворённый профиль жены в полутьме бархатной ложи, то на её декольте, вздымающееся в такт музыке, млеть и впадать в блаженное оцепенение.

IV.

Через день бывший заведующий лабораторией по разработке искусственного интеллекта стоял в ряду скудно одетых и разнообразно вооружённых людей, построенных на песке напротив заполненных народом трибун кесарийского ипподрома. Перед строем важно прохаживался толстяк-ланиста и вещал:

– Я, Гней Берцеллиус, владелец лучшей школы гладиаторов в этой части подлунного Мира, с гордостью представляю вам, о славные кесарийцы и гости столицы Иудеи, своих бойцов! – Тут он сделал паузу, пережидая реакцию трибун. Судя по восторженным воплям, зрители были очень хорошо знакомы и с ним самим, и с его школой. – Начну с тех, кого мне не жалко будет потерять сегодня, – он подошёл к кучке негров в набедренных повязках, стоящих на левом фланге. – Если сегодня они пойдут на корм хищникам, я не буду плакать. Ибо мясо четвероногой скотины стоит дороже мяса скотины двуногой, которое не поставишь на стол, чтобы насытить семью и гостей. Хотя в племенах, родом из которых эти ленивые бездельники, оно и почитается деликатесом.

В этом месте он сделал паузу, чтобы дать возможность зрителям оценить шутку. По рядам прокатился смех, послышались крики:

– Туда им и дорога!

– А что? Звери, они тоже есть хотят!

Дав трибунам угомониться, толстяк продолжил:

– Однако и среди отбросов попадаются примечательные экземпляры. Например, вот это дитя саванны, – он указал на длинного, поджарого, покрытого ужасными шрамами негра с суковатой дубиной в руке. – На прошлых играх он голыми руками разорвал пасть тигру, а после зачем-то попросил подать себе на ужин жаркое из его… как называют эту часть тела греки – фаллоса. А я, к вашему сведению, придерживаюсь старой традиции – потчевать гладиаторов, одержавших победу, чем они пожелают. Но в пылу битвы он не разглядел, что это была тигрица… Чтобы не огорчать беднягу, я приказал приготовить ему орган его коллеги, погибшего в тот день на арене… Смотрите, скалится, понимает, что говорят про него. За пять лет так и не освоил латыни, глупая обезьяна!

Пока трибуны радовались простоте африканца, ланиста перешёл к паре с трезубцами в руках и рыболовными сетями, закинутыми за спину. Они выглядели так, как будто собрались охотится на самого морского дьявола.

– А вот эти парни мне уже по-настоящему дороги, ведь именно они будут кормить меня рыбой и кракенами, когда я удалюсь на покой. В том, что они доживут до этих благословенных времён, я почти не сомневаюсь – такие они славные воины. Вот этот красавец, Агмон, грек по происхождению, потомок Посейдона, в одном бою запутал в сети и затем пронзил насквозь троих мурмиллонов нашего досточтимого ланисты Ефраима, – и он насмешливо посмотрел на своего коллегу, стоящего в тени трибун вместе с другими ланистами. Тот попытался возразить, но его голос потонул в криках толпы, очень хорошо помнящей подвиг ловкого эллина…

Пока ланиста рекламировал свой товар, попутно не забывая поносить конкурентов – таких же торговцев человеческим мясом, как и он сам, Антоний осмотрелся.

Ипподром растянулся вдоль моря с севера на юг. Западная сторона его была ограничена лишь невысоким каменным парапетом, за которым блестело море. Вдоль парапета примерно через каждые десять метров стояли солдаты с копьями и красными щитами с золотыми молниями на них. Южная и северная трибуны полукружьями охватывали засыпанное песком поле и разделялись воротами. В середине восточной были три арки, ведущие в помещения под трибунами, где находились специальные загоны для животных и гладиаторов. Над арками – богато украшенный имперскими вымпелами балкон под красным балдахином. На балконе можно было рассмотреть людей, по большей части одетых в белое. Среди них сиял золотом панцирь, надо полагать, самого Понтия Пилата. На скамьях по сторонам от VIP-ложи алели военные плащи. Дальше всеми цветами ярко пестрели одежды зажиточных граждан, ещё дальше растеклась серая пелена бедняцких дерюг. За восточной трибуной возвышалась стена с колоннадой, укрывающая зрителей своей тенью. На ней – бронзовые фигуры античных богов и героев.

Ипподром изначально строился не для проведения гладиаторских боев, а только для скачек, поэтому с мест, расположенных далеко от его центра, едва ли можно было хорошо разглядеть, что происходило перед прокуратором и его приближенными; но тем не менее они были заполнены. Антоний припомнил, как Тиберий рассказывал, что в Кесарии есть амфитеатр, но он слишком мал и подходит только для театральных представлений.

Дул лёгкий бриз. Когда он замирал, из-под трибун начинало нести зверинцем – кошачьей мочой, лошадиным и человеческим потом.

Тем временем ланиста оказался совсем близко к тому месту,

где стоял новичок:

– …дорог мне как родной сын. Трижды был триумфатором в Римском Колизее. Мечтает победить он и здесь, ибо прокуратор дарует свободу победителю. Таково условие этих Великих Игр. Слава великому Понтию Пилату несущему Иудее благоденствие и просвещение! – последние слова Берцеллиуса потонули в восторженном рёве трибун. Переждав его, ланиста продолжил с укоризной: – Эх, сынок… Разве плохо живётся тебе в моем доме? Что будешь делать ты на свободе? Ты же больше ничего не умеешь, кроме как драться и пить вино с девками!

Эти слова относились к поверженному накануне гиганту, германцу Хагану, который стоял по левую руку от Антония. На нем был роскошный шлем с гребнем в виде позолоченного грифона с крыльями из черных перьев. В ответ на приветственный гул и хохот трибун гигант выхватил из ножен меч, потряс им над головой и взревел, как голодный Минотавр. Оружие в его ручище казалось игрушечным.

Ланиста, заканчивая представление своей школы, самым последним познакомил зрителей со своим новым приобретением:

– И, наконец, Урсус Мартан! Человек без прошлого. Опасный сумасшедший. Неделю назад обнаружен патрулём возле акведука. Его попытались задержать, но он, будучи безоружным, легко одолел пятерых легионеров… Один из них теперь мертв. Мир праху его…

Паузу, которую подвесил ланиста, заполнили возмущённые крики и проклятия зрителей.

– Если бы не ловкость и мужество досточтимого декуриона Тиберия Порциуса, он бы скрылся в ночи и сколькими ещё суждено было бы погибнуть от его руки… Солдаты хотели растерзать его на месте, но мудрый военачальник рассудил, что тогда вы, о славные римляне и граждане Иудеи, лишитесь наслаждения лицезреть, как бешеного зверя в человеческом обличии предадут смерти у вас на глазах.

Гней предупреждал Антония, что представит его в самом гнусном свете, чтобы добавить интриги представлению. Для этого римское имя подходило мало, и ланиста предложил гладиатору самому придумать себе псевдоним.

– Ну пускай будет Урус Мартан… – Антоний вспомнил название населенного пункта, которое с детства ассоциировалось у него со сказочным царством, населенном злобными орками.

– Отлично! – пришел в восторг ланиста. – Только не Урус, а Урсус. Медведь!

Усилия ланисты не прошли даром. Урсуса мгновенно возненавидели, кто-то из красных плащей предложил немедленно

предать его смерти посредством лапидации – побивания камнями, не дожидаясь начала игр. На арену немедленно полетели разнообразные предметы. В основном они падали, далеко не долетая до шеренги гладиаторов. Но один – какой-то плод, пущенный верной рукой – попал бы Урсусу прямо в голову, если бы тот не отбил его щитом. Другой угодил в ногу Хагану. Тот выругался на своем родном языке, как будто пролаял. Чтобы достойно закончить представление школы, Гней велел увести Урсуса под трибуны.

Ждать вызова на арену Урсусу пришлось долго. Гладиаторов уводили по очереди, но обратно никто не возвращался, для уцелевших в бою был предназначен другой загон, раненых и убитых волокли в третий.

За это время он успел проанализировать свои чувства. Больше всего поражало почти полное отсутствие страха; немного сосало под ложечкой, так бывает, когда сильно раскачаешься на качелях и летишь вниз, но это чувство было скорее приятным.

Потом понял: с тем, что недавно пришлось перенести в настоящей жизни – смертельный диагноз, опасная операция – происходящее не шло ни в какое сравнение. Что ему угрожало здесь? Что будет, даже если он погибнет в этом сне? Может, просто переместится в другой сон, а может… наконец проснется! По-настоящему умереть во сне от видения смерти – это нонсенс. А с другой стороны, кто знает, как умирают во сне? Ведь можно же реально сходить под себя, если приснится унитаз… было такое несколько раз, в детстве, потом он научился различать подвох и вовремя подскакивал. Несколько раз ему снилась смерть. Но ни разу до конца. Он просыпался от ужаса за мгновение до столкновения с землей или попадания в него пули.

Вот только боль была здесь реальна… Но он надеялся избежать ее, используя преимущества своего нового тела.

В загоне остались только Урсус и Агмон – тот самый ретиарий, грек, потомок Посейдона. Он несколько раз хотел заговорить с Урсусом, даже раз-другой открывал рот, но останавливался. Наконец, не выдержав, спросил нарочито развязным и безразличным тоном:

– Эй, Урсус! А что это там говорил про тебя Гней? Вроде ты легионера убил… Это правда?

Урсус вспомнил недавнее осуждение толпы и решил слукавить:

– Нет. Он все выдумал. Чтобы придать остроты блюду, в котором меня подадут…

Агмон усмехнулся.

– Судя по всему, ты умеешь обращаться с оружием. Иначе отправили бы тебя к животным в самом начале, чтобы раздразнить аппетит, а не держали бы тут, вместе со мной, до самого конца. На сладкое.

– Может, ты и прав… – поскромничал Урсус.

– Ты служил в армии? Участвовал в кампаниях? – уже не сдерживал интереса грек.

– Да так… писарем при штабе легиона… – отпустил новичок шутку, понятную здесь только ему.

– Не хочешь говорить? Ладно… – Агмон насупился. – Но знай: про меня Гней рассказал правду. И моя рука не дрогнет, писарь.

После небольшой паузы он добавил, уже вполне добродушно:

– Знаешь, по поводу убийства легионера… Это необязательно скрывать: многим такой поступок покажется подвигом, а не преступлением.

Урсус заинтересовался:

– А тебе чем он кажется?

– Как сказать? Не так давно Греция была великой державой, сейчас – бедная римская провинция, – Агмон грустнел на глазах. – Не так давно греки восставали против императора Октавия, а до этого против самого Цезаря, но терпели поражение за поражением, утрачивая гордость и уважение всего мира…

– Ну да. Все это, наверное, очень неприятно, – рассеянно заметил Урсус.

От беседы его отвлекла пронзительная мысль: совсем скоро ему придется драться с этим юношей, который ничего, кроме симпатии, у него не вызывает, и либо убить его, либо позволить ему убить себя. В первом случае, как он сможет себя оправдать? Тем, что люди вокруг ненастоящие? Но это хорошее утешение только для какого-нибудь поехавшего маньяка… Или тем, что его окружают дикие по своей сути люди? Они, хоть и любят цитировать классических философов-гуманистов, но при этом оправдывают убийство и рабство, а следовательно, сами достойны смерти. Но похожие мысли наверняка посещали чингисханов и гитлеров всех мастей… И чем отличается убийство в этой реальности от убийства в мире, к которому он привык? По сути, ничем. Для себя он будет таким же убийцей, каким был бы в обычной жизни.

Пока Антон Сергеевич все это с тревогой осознавал, за Урсусом пришли и отвели в соседнее помещение. Там быстро, как гоночный болид на пит-стопе, снарядили. Раздели до набедренной повязки и поверх нее нацепили пояс с широким кинжалом. На левую ногу и правую руку привязали кожаные доспехи. На голову надели шлем с забралом из сваренных друг с

другом колец. Выдали двухметровое копье с листовидным наконечником и круглый толстый щит. Затем поставили в одной из арок под балконом, ждать своего выхода.

Отсюда открывался лучший вид на место, где только что началась схватка. Хаган сражался с дюжим бойцом из другой школы. Тот был сложен более спортивно, но несколько уступал в размерах гиганту. Оба были вооружены короткими мечами. У Хагана был тот же самый большой прямоугольный щит-скутум, что и на испытании в гарнизоне, у его противника – овальный, с выемками по бокам. Германец двигался нарочито лениво, Урсус знал, что тот может быстрее. Чужой плясал вокруг него, периодически совершая быстрые выпады, но, даже не пытаясь завершить их, быстро отступал. Когда Хаган делал шаг навстречу, его противник отскакивал, как будто боялся. Зрители скоро начали возмущенно гудеть и улюлюкать. Из средней арки, где, видимо, находились ланисты, донеслись отрывистые команды.

Тогда чужой вдруг осмелел и пошел в размен ударами. Это было для него явно невыгодно – Хаган бил намного мощнее. От овального щита полетели щепки, и в конце концов он развалился пополам. Гладиатор замешкался, сбрасывая остатки щита с руки, и в следующий момент был снесен фирменным ударом Хагана – ребром щита. Он без чувств грохнулся на песок. Ипподром загудел умеренным восторгом. Хаган пинком перевернул побежденного на спину и поставил ногу ему на грудь. Голова бедняги запрокинулась, из-под шлема показалось незащищенное горло. Победитель перевел взгляд туда, где в ложе сидел прокуратор, и застыл. Зрители смолкли совершенно. Через мгновение они разочарованно загалдели, а Хаган убрал ногу с противника и пошел под трибуны. Поверженный зашевелился и попытался встать, к нему подбежали двое служителей из его школы, чтобы помочь убраться с арены.

«Оказывается, все не так сурово. Реслинг какой-то…» – подумал Урсус с облегчением.

Через минуту к нему подошел ланиста, придвинул свое лицо вплотную к забралу, озабоченно заглянул в глаза, крикнул «Вперед!» и звонко шлепнул по голому плечу.

Выполняя отработанный на тренировке алгоритм (Гней тренировал с новичком только начало и конец боя, видимо полагая, что к основной части тот готов совершенно), Урсус выбежал рысцой на арену, развернулся лицом к балкону и, вторя Агмону, которого выпустили одновременно с ним, прокричал:

– Аве, прокуратор! Идущие на смерть приветствуют тебя!

Агмон по сравнению с Урсусом был экипирован гораздо легче. Это давало ему преимущество в подвижности, но

единственным защищенным местом у него была левая рука. Кожаный наруч шел от запястья до локтя, плечо закрывал металлический щиток, за которым при желании можно было спрятать шею и низ лица. Остальное обмундирование состояло из набедренной повязки с поясом, на котором висел такой же кинжал-пугио, как у Урсуса. Вместо копья у него был трезубец, а вместо щита – привязанная к левой руке сеть.

Загудели трубы. Толпа на трибунах стихла. Со стороны центрального балкона начал вещать глашатай:

– Первый день игр закрывают гладиаторы школы Гнея Берцеллиуса. По левую руку от прокуратора – хорошо знакомый всем Агмон! Ретиарий, – в толпе поднялся одобрительный гул, люди выкрикивали имя гладиатора сорванными за день голосами. Губы молодого грека, вопреки усилиям выглядеть сурово, растянулись в улыбке. Дав толпе успокоиться, глашатай продолжил: – По правую руку от прокуратора – никому не известный воин. Его прошлое неведомо даже ему самому. Урсус Мартан! Гопломах.

Трибуны безмолвствовали. И только кто-то из завернутых в красное крикнул:

– Сдохни! Убийца легионеров!

Выдержав паузу, Понтий Пилат махнул рукой. Снова взревели трубы. Грек сразу повернулся и, потряхивая рукой с сетью, по-кошачьи плавно двинулся вокруг Урсуса. Трезубец он держал на уровне пояса и делал им откровенно ложные выпады. Урсус просто разворачивался к нему лицом и выжидал. Он чувствовал себя гораздо более защищенным и не понимал, какую угрозу может представлять для него этот мальчишка с вилами и авоськой. Не имея возможности парировать удары, грек мог только уворачиваться. Урсус сделал несколько выпадов в его сторону – ретиарий реагировал молниеносно. И надо отдать ему должное, в этом он был максимально непредсказуем: пригибался, отскакивал назад или в стороны, один раз даже перекатился по песку. Этот не очень зрелищный танец быстро наскучил зрителям, и они начали свистом и улюлюканьем подбадривать бойцов. Тогда Агмон решил, что пора приступать к более решительным действиям. Следующий, более глубокий, чем предыдущие, выпад трезубца был направлен в ноги Урсуса, и буквально в тот же момент сверху на него полетела сеть. Расчет был верен, Урсус только что сделал очередной выпад и еще не закончил движение вперед – отскочить назад он никак не мог. Трезубец он отбил щитом, а под сетку решил поднырнуть. Но Агмон виртуозно остановил полет сети, поддернув ее за веревку, привязанную к его запястью, когда она оказалась прямо над противником. Грузила,

привязанные по краям сети, потянули ее вниз, и она аккуратно опустилась на Урсуса.

Увидев, что бросок сети успешен, Агмон со всех ног помчался вокруг Урсуса, затягивая петлю, пропущенную по окружности сети. На бегу он откидывался назад и сильно дергал. Веревка перехватила Урсуса поперек туловища, притянула к нему обе руки, стеснила дыхание. Свободными остались только предплечья. Положение стремительно превращалось в безвыходное. Антон Сергеевич запаниковал, абсолютно не представляя, что можно предпринять, но Урсус стряхнул бесполезный теперь щит, а копье ухитрился, как палку в колеса, сунуть Агмону в мелькающие ноги. Древко переломилось, а ретиарий упал на землю, подняв целую тучу песка. При падении он выронил трезубец, который отлетел метра на три. Веревка тут же ослабла, Урсус сбросил сетку и выхватил кинжал. Грек резво вскочил на ноги уже с кинжалом в руке. Гладиаторы остановились друг против друга, переводя дух.

Эллин первым ринулся в атаку. Через несколько секунд, сбитый подсечкой, он снова оказался на земле. Урсус ногой выбил оружие из его руки. Агмон попытался снова вскочить, но был прижат к земле коленом, и клинок у горла убедил его прекратить сопротивление. Победитель, следуя инструкции, посмотрел на балкон. Он надеялся, что ретиария пощадят, ведь тот сражался достойно.

В предзакатном солнце доспех Понтия Пилата отливал кроваво-красным. Ипподром молчал. Выдержав паузу, Пилат вытянул вперед сжатый кулак с оттопыренным большим пальцем и, согнув руку в локте, коснулся им шеи. «Значит, все-таки не реслинг…» – с ужасом осознал Антон Сергеевич. Он перевел взгляд на Агмона, тот закрыл глаза.

Ланиста на тренировках показывал Урсусу множество способов умерщвления поверженного противника: приемы с использованием разного оружия, модные и устаревшие, зрелищные и не очень. Самым «гуманным» из них был укол в сердце, но ланиста не советовал его применять, объяснив, что этот вариант не имеет успеха у публики ввиду своей невыразительности. «Хочешь завоевать признание зрителей – режь горло!» – посоветовал он и добавил, что со временем у каждого удачливого бойца вырабатывается свой неповторимый стиль. Антон Сергеевич не раз думал над тем, что будет делать, если победит и от него потребуют убийства. Он рассматривал разные варианты, от гуманного укола в сердце до отказа подчиниться жестокому требованию с последующей вероятной гибелью Урсуса. Так и не сделав выбор, решил положился на

импровизацию.

Когда дошло до дела, Урсус хотел было перерезать греку глотку. И отнюдь не только затем, чтобы порадовать зрителей. В нем пробудилась какая-то первобытная жажда крови. Но вернувший себе контроль над происходящим Антон Сергеевич оказался абсолютно не способен убить человека, даже живущего в его воображении… Он лихорадочно думал, как поступить, успевая, однако, удивляться готовности молодого гладиатора к смерти. Тот лежал не шевелясь, и даже лицо его было спокойно, как будто бы умирать для него было делом привычным… Спасли зрители. Они дружно возроптали, вступаясь за любимца. Раздались крики, в основном женские:

– Жизнь!

– Жизнь Агмону!

Почти не колеблясь Урсус распрямился во весь рост, вложил кинжал в ножны и выкрикнул только что придуманную им самим формулу:

– Повинуюсь гласу народа! – потом посмотрел прямо на прокуратора и сказал по-русски. – Лежачего не бьют, сволочь.

Арену он покидал под восторженный рев ипподрома.

V.

Оказалось, что в первый день игр из двадцати трех бойцов Берцеллиуса погиб всего один, да и тот – бестиарий, еще трое были ранены. В других школах потери также были невелики. За весь первый день убито было всего двое, поэтому прокуратор и захотел кровавого финала…

Только Урсус, утомленный более переживаниями, чем физически, развалился на ложе, как в его комнату зашел Гней. Гладиатор сел, не зная, чего ожидать. Ланиста хмуро заговорил:

– Никто и никогда так не поступал, как ты сегодня. Наоборот бывало – когда цезарь требует пощады для поверженного, а разгоряченный боем гладиатор не может сдержать гнева. Но ты! Ты не исполнил приговор прокуратора, – он приблизил голову к голове Урсуса и зашептал, брызжа слюной. – Ко мне приходил посланник от Пилата и потребовал расправы над тобой. Я убедил его в том, что ты сумасшедший и все равно не доживешь до конца игр. Так что не подведи! – Он расхохотался, гулко ударил Урсуса кулаком в грудь и заговорил в полный голос. – Еще я сказал, что, если сохранить тебе жизнь, играм это пойдет только на пользу. Народ любит неожиданные повороты, а Безумный Урсус способен на непредсказуемые поступки. Посланник отправился доложить прокуратору и больше не возвращался. Понтий хоть и жесток, но как правитель мудр и понимает, что худую похлёбку можно приправить хорошим зрелищем.

В доме Берцеллиуса была открытая терраса, с которой ланиста имел обыкновение наблюдать за упражнениями своих питомцев. В процессе он попивал вино и часто становился излишне впечатлителен. Тогда он мог схватить любой предмет, попавшийся под руку, и запустить во взбесившего его «ленивого бездельника».

Когда в Кесарии проходили игры, эта терраса использовалась для проведения пиров, которые с шиком закатывал ланиста. Сам Гней и его гости возлежали по четыре человека на больших ложах, установленных по трем сторонам квадратных столов, свободные стороны которых были обращены к площадке для гладиаторских тренировок. На ее песке были расставлены грубо сколоченные столы со скамейками для гладиаторов. Стоящий в сторонке стол понаряднее был приготовлен для гетер и танцовщиц. Жрицы Венеры и Терпсихоры представляли все женское общество на этих празднествах – несмотря на почтенный возраст, Гней был мужчиной холостым и весёлым и гостей звал к

себе без жён. Это обстоятельство делало вечеринки ланисты невероятно популярными у мужской половины кесарийского бомонда.

На пиру в честь открытия игр, Урсуса, как героя дня, поместили в самом начале гладиаторского стола. Напротив него сидел Агмон, это было его постоянное место. Он находился на особом положении, потому что, будучи свободным человеком, выбрал стезю гладиатора.

Грек избегал смотреть в глаза своему победителю. Тот догадывался почему: мальчишка наверняка смущён и не знает, как себя вести. С одной стороны, его должна переполнять благодарность за сохранённую жизнь, а с другой – суровый этикет воина не позволял проявлять чувства открыто… Урсус заговорил с ним на отвлечённую тему, чтобы показать, что не придаёт никакого особого значения произошедшему сегодня на арене, но Агмон вспыхнул и прошипел сквозь зубы:

– Неужели ты думаешь, что после того, как ты опозорил меня перед всей Иудеей, я буду с тобой разговаривать?!

Урсус опешил. Оказывается, он совершенно не представлял себе всей суровости гладиаторского менталитета.

– Не хочешь же ты сказать, что я должен был убить тебя?!

– Конечно! Честь превыше жизни! – горячился юнец.

– Агмон, я не требую твоей благодарности, но послушай! – Урсус старался говорить по возможности мягко. – Ты только что с удовольствием уплёл добрую половину гуся. Подумай, смог бы ты это сделать, если бы я проткнул тебе горло? Посмотри на этих девушек. Разглядел бы ты их танец через монеты на веках? А проиграл ты достойно. Никакого позора не было.

– При чем здесь веки? Монету для Харона в рот кладут, – пробормотал Агмон и сделал вид, что увлечён танцовщицами, извивающимися под дикую первобытную мелодию. Урсус решил больше не обращать внимания на его угрюмую физиономию, чтобы не портить себе настроение. Когда Урсус уже забыл про него, грек вдруг обратился к нему с такими словами:

– Урсус! Я подумал. Ты прав. Прими мою благодарность и дружбу, – он протянул ему руку так, как будто предлагал посостязаться в армреслинге, и широко улыбнулся. Урсус рассмеялся и принял рукопожатие. Звонкий хлопок привлёк внимание всех, даже бестиариев, которые сильно шумели на своём конце стола.

Когда веселье уже подходило к концу, к Урсусу подошёл один из охранников, коих у ланисты было почти столько же, сколько и гладиаторов, и отвёл его к лежащему за столом Берцелиусу. Тот,

кряхтя, поднялся и взял гладиатора под руку:

– Пойдём пройдёмся. Надо глотнуть воздуха.

Они прошли мимо двора в глубь небольшого сада, освещённого яркой луной. За ними ненавязчиво двинулись два охранника. Когда они проходили мимо кустов мирта, оттуда метнулись две тени, мужская и женская. В дальней части сада оказалась маленькая мраморная беседка с видом на море. Ланиста и гладиатор расположились на прохладных скамьях, охранники остановились неподалёку. Гней спросил благодушно:

– Ну что? Как тебе пирушка?

– Превосходно! Даже покурить захотелось…

– Не знал, что ты такой любитель благовоний… Слушай. Тобой заинтересовалась одна дама из Самарии. Не знаю, кто она там такая, но ведёт себя как аристократка и так и сорит деньгами. Зовут её Орит. «Ор» – на иврите «свет», чтобы ты знал.

«Света, значит», – отметил про себя Антон Сергеевич.

– А красавица-а-а… – Гней подмигнул похабно. – Она приглашает тебя в гости на всю ночь… Завтра опять будешь драться последним. За день выспишься. Только с вином не переусердствуй. А с другой стороны… Пей, сколько влезет. А то что-то ты слишком резв, – он хохотнул. – Что скажешь? Но не думай, что можешь отказаться! Деньги за тебя уже заплачены. Ты, кстати, получишь из них целых пять серебряных динариев.

Урсус пробормотал:

– И закопаю их на поле чудес…

– Это уж как тебе захочется. Закопай или потрать на лучшие благовония… Ну, что скажешь? – старый сутенёр явно ожидал признательности.

– Какая разница? У меня все равно нет выбора… – ответил раб холодно.

– Может быть, ты предпочитаешь мальчиков? – поинтересовался Гней так, как будто не удивился бы положительному ответу.

– Нет! Что ты?! – горячо запротестовал Урсус.

– Так какого ж рожна ты не рад?! Никак не привыкну к людской неблагодарности… Еще одно… – Гней подался вперёд и нахмурился. Казалось, он был смущён. – Тебя будут сопровождать четверо. Двое станут у дверей, ещё двое под окном спальни… Никто из моих ребят не отказался бы от такого приключения, но от тебя можно ожидать все что угодно. Недаром тебя уже прозвали Безумный Урсус… Скажи, ты ведь не захочешь огорчить своего друга Гнея и не попытаешься бежать? Если ты мне это пообещаешь, я буду спать сегодня спокойней.

– Друг… А разве друзей продают?

Гней хмыкнул.

– Ты как дитя… Плохих – запросто. А хороших… скрепя сердце. И только за хорошие деньги.

Урсус улыбнулся печально:

– Хорошо. Я обещаю.

– Ну вот и отлично! – довольный ланиста ударил его кулаком по колену.

Вилла Берцеллиуса располагалась за пределами городских стен. Урсус в сопровождении четырёх конвоиров, вооружённых дубинками и кинжалами, вошёл в Кесарию через южные ворота. Ворота охраняли два стражника. С одним из них болтал первый собеседник Антона Сергеевича в этом странном мире. Увидев гладиатора, Синий Подбородок искренне обрадовался:

– Не может быть! Триумфатор первого дня Великих Игр! Аве, Урсус!

– И тебе привет… э-э… – оказалось, Урсус не помнил его имени. – Как твои дела?

– Неплохо. Как и у всех, кто видел вас с Хаганом возле колодца. Ставки на твой бой с Агмоном были один к пяти. Мы все неплохо заработали. Правда, парни? – обратился он к двум легионерам, которые стояли с лошадьми чуть поодаль. Те что-то промычали утвердительно.

– Надеемся до конца игр ещё на тебе подзаработать. Так что не подведи… Позволь узнать, куда это ты направляешься в столь поздний час? А! Сдаётся мне, ланиста отправил тебя к какой-то скучающей вдовушке?

Парни загоготали. Антон Сергеевич зарделся. Он не думал, что цель его вечерней прогулки столь очевидна… К счастью, легионер не стал заострять внимание на этом вопросе:

– А мы сегодня город патрулируем. Вам куда?

– В стабулу «У Соломона», – ответил старший из сопровождающих.

– А вдовушка-то не местная… – с ухмылкой заметил легионер. – Мы вас проводим. Все равно надо город ещё раз объехать. Да, ребята?

Ребята не возражали.

– Урсус, давай на лошадь. Ты, Марк, пешком прогуляешься пока.

Антон Сергеевич хотел было отказаться, поскольку за всю свою жизнь ни разу не сидел в седле, но решил произвести эксперимент. Возможно, конный спорт у него так же в крови, как историческое многоборье и мёртвый язык. И действительно, все получилось очень естественно: он лихо взлетел в седло, наподдал

лошади пятками под ребра и, пружиня поясницей, поехал. Урсус даже почувствовал, что мог бы поднять лошадь на дыбы, развернуть и пустить галопом в ворота вон из города… Но Антон Сергеевич совсем не хотел обижать ни Гнея, ни этих простодушных парней, которые как бы невзначай оказались поперёк его пути к воротам.

Конная экскурсия должна была пройти через весь город – постоялый двор для господ, в котором остановилась самаритянка, находился у северной крепостной стены. В Кесарии, затянутой в корсет крепостных стен, здания располагались друг к другу вплотную, а улицы были узкими. Процессия вытянулась в линию: впереди ехал Синий Подбородок, за ним Урсус, потом конный легионер, в арьергарде – спешенный и четверо людей ланисты. Иудейская столица с размахом отмечала первый день игр. Во всех домах горели огни, город был заполнен до крыш смехом и гомоном. Легионеры плётками отгоняли детей и пьяных, норовивших попасть под копыта. Те или разбегались с визгом, или с ворчанием прижимались к стенам.

Синий Подбородок взял на себя роль экскурсовода и болтал без умолку. Его трактовка истории Кесарии была несколько однобока, а выбор достопримечательностей специфичен. Так, например, когда они проезжали мимо дворца Ирода Великого, экскурсовод заявил:

– Это разве дворец? У моего папаши в Риме дом больше. У этих иудеев все какое-то маленькое… Ирод этот – хитрая иудейская собака. Сначала получил римское гражданство, потом втерся в доверие к тогдашнему императору Октавиану. Тот и назначил Ирода царем Иудеи. Он вернулся сюда и понастроил кучу городов за римские деньги в римском стиле. В том числе Кесарию. А когда помер, дворец его отдали под резиденцию римских прокураторов. Сейчас здесь Понтий Пилат живёт.

То, что, царь был евреем – неправда, он был женат на еврейке. Когда Антон Сергеевич, поселился в Кесарии, он почитал об истории города в интернете и этот факт про Ирода запомнил. Спорить, однако, не стал. Зачем разрушать такую удобную картину мироустройства? Иудеи хитры и корыстны, но их всегда постигает кара…

Когда на их пути попался малопримечательный двухэтажный дом под плоской крышей, Синий Подбородок поведал:

– А вот здесь живёт одна почтенная матрона. У неё лучший публичный дом в Иудее. Можешь мне поверить, я был во всех. Будешь там, спроси Миру. Только советую тебе сначала вставить, потом задувать свечку – в темноте ты её не разглядишь… Этот эфиопский суккуб так укатает тебя за ночь, что в седло потом не

сядешь. Месяц будешь баб стороной обходить.

На что легионер, оставшийся при лошади и слышавший их разговор, заметил:

– Слышишь, Сервиллий, ему-то это зачем?

«Да, точно – Сервиллий. Ну и имя. Поди запомни…» – подумал Урсус.

– Ему за это дело денег платить не надо, – продолжил легионер. – Это ты спускаешь на гулящих баб ещё больше, чем проигрываешь в кости. Что у тебя от жалования остаётся, интересно?

На что Сервиллий невозмутимо ответил:

– Солдат императора может позволить себе скрасить весельем тяжёлую службу. Нас всех, если доживём, ждёт такая пенсия, что не нужно думать о накоплениях… А если не доживём и сложим голову во славу Рима, то зачем тогда откладывать? С собой не заберёшь!

Одним ухом слушая трёп Сервиллия, Урсус заметил пристальное внимание к себе со стороны прохожих. Люди показывали на него пальцами, шушукались и смеялись. После того как легионеры позабавились над очевидным поводом его поездки, ему казалось, что все знают, куда и зачем он едет. Как он ни убеждал себя, что его не должно волновать мнение фантомов, все равно было жутко неудобно. Он вспомнил, что никакой он не Урсус-гладиатор, а почти семидесятилетний доктор физико-математических наук. «На старости лет проститутом оказаться…» – удивился он про себя. Но, когда они проезжали через базарную площадь, полную народа, кто-то крикнул: «Это Урсус! Аве, Урсус!» Люди подхватили этот крик, и скоро вся площадь шумно прославляла гладиатора, пощадившего соперника наперекор воле самого прокуратора. И он понял, что это пришла к нему слава. Небольшая такая, всего лишь на древнюю столицу Иудеи, но самая настоящая. Никогда не знал, что это такое, и всегда было любопытно испытать. Оказалось, приятно!

С одного из балконов, пущенный женской рукой, в него полетел белый цветок, похожий на лилию. Он поймал его и жадно втянул ноздрями волшебный аромат.

3.

За неделю до Нового 1983-го года в кабинет Антона Сергеевича на втором этаже коттеджа зашла жена с томиком модного поэта в руках и красными глазами. Он читал кандидатскую своего подопечного в кресле под торшером.

– Вот послушай, что пишет Андрюша Вознесенский, «Старый Новый год», – объявила она торжественно.

Он отложил рукопись, и она прочла стихотворение срывающимся в слёзы голосом.

– Я закопал шампанское под снегопад в саду… – повторил он после паузы. – Надо будет тоже так сделать. Хорошее стихотворение, светлое, а ты рыдаешь.

Поманил её к себе и усадил на колени.

– Что с тобой?

Она прижалась к нему.

– Не надо шампанское, не надо в саду… Я в Ленинград хочу, Тоша, как в стихотворении, с первого по тринадцатое.

Растроганный он согласился, хоть и не сразу. И в эту ночь был обласкан так, как давно уже не случалось…

– И надоели твои очкарики на Новый Год, – заявила она с детской интонацией, когда он переводил дух после приступа страсти. – Вечно с двух бокалов шампанского налижутся и запрещённых поэтов дурными голосами декламируют. А потом Высоцкого запускают на магнитоле и до утра слюни пускают.

Он вздохнул.

– Ну да, ребята бывают нудноваты… Но вы-то с девочками, по-моему, неплохо время проводите?

– Знал бы ты, чего мне стоит изображать интерес и веселье. У них и разговоры-то все про одно и тоже: чей раньше защитится и квартиру вместо аспирантской общаги получит. Или про турпоходы свои зарядят: кто на какую горку лазил да по какой речке сплавлялся… О музыке или о книгах как училки школьные рассуждают – в свете социалистического реализма. Как вспомню, так вздрогну… – и она действительно вздрогнула, прямо передёрнуло её всю.

– Дорогая, но ты же должна понимать, что значит для ребят приглашение к начальнику на Новый год. Как это важно для благоприятного эмоционального климата в коллективе, – предложение про климат он произнёс, ёрнически растягивая слова, и в конце хотел нажать пальцем на кончик её носа. Она ловко отстранилась и довольно чувствительно ударила зарвавшегося «начальника» по руке.

– А уборка на следующий день? Это же кошмар, а не праздник! За что мне это?! – почти закричала она. Но внезапно успокоилась и прижалась щекой к его щеке. – В конце концов, Антон Сергеевич, имейте совесть. Три последних Новых Года с твоими… Можно хоть этот с моими встретить?

Неожиданно для себя он снова дал слабину и согласился. Его лицо и шея были тут же усыпаны мелкими благодарными поцелуями. Он засмеялся от щекотки и от волны уютного, тёплого счастья.

С того самого момента, как получил лабораторию, Антон ни разу не был в отпуске. Когда запускал «Буратино» почти четыре месяца работал вообще без выходных. Он бы так продолжал и дальше, если бы не жена. Он понимал, что она хочет ему добра и опасается за его здоровье. Но это идиотское: «сгореть на работе»… Может быть, для какого-нибудь сердечника предпенсионного возраста существует такая опасность, но не для него же, тридцатилетнего, полного сил! Потом уже, когда сделано все возможное, можно отдохнуть, заняться собой. Жизнь и так коротка, а золотой период – когда мозг на пике формы, и здоровье позволяет использовать его на полную катушку – и того меньше.

И вообще, не для себя же он все это делает, не для славы… О какой славе может идти речь, если он работает в «почтовом ящике»[8]? Его достижения, несмотря на их перспективность и значимость для человечества, известны только его ближайшим соратникам и руководству. Наверное, только самые высокие чины в правительстве и силовых структурах в курсе того, чем занимается его лаборатория. Имя его никто не знает даже в узких научных кругах, а в секретных отчётах он фигурирует под оперативным псевдонимом «Папа Карло». Но это с лихвой компенсировалось ощущением сопричастности к решению одной из самых сложных задач, стоящих сейчас перед человечеством: создание искусственного интеллекта. Это не менее важно, чем полёты в космос.

И, если разобраться, а зачем вообще людям космос? Любому здравомыслящему человеку, знакомому с теорией вероятностей, ясно, что братьев по разуму мы там не отыщем. Летать со скоростью хотя бы в одну сотую скорости света сможем ещё очень нескоро. Достижимые в обозримом будущем планеты непригодны для колонизации из-за проблем с радиацией. Человечество ещё очень и очень долго обречено существовать в своей колыбели.

Вот тут-то и вырисовывается проблема поважнее, чем освоение космоса… Все дело в том, что за все время

существования цивилизации, люди так и не поняли, что они тут делают, в этой своей колыбели. К чему в конечном итоге стремиться, не разобрались. Все определения смысла жизни сводятся к софизмам или парадоксам.

Поэтому была у Антона Сергеевича своя собственная рабочая *теория смысла человеческой жизни*.

Звучала эта теория примерно так. Человеческая цивилизация развивается по спирали, и если на одной стороне витка «тёмные времена» – сумрак религиозного мракобесия, эксплуатация и спекуляция, то на другой – «золотой век» – рассвет гуманизма, науки и искусства. Так вот задачей каждого, кому довелось родиться в тёмные времена, является приближение очередного витка «золотого века». Тот же, кому повезло родиться в период ренессанса, должен всемерно способствовать тому, чтобы растянуть эру процветания и благоденствия на весь виток временной спирали. И когда это наконец произойдёт, человек вместо того, чтобы придумывать себе бога, сам станет богом и научится жить вечно.

Он прекрасно осознавал, что эта его теория тоже несовершенно и полна софизмами и парадоксами – но за неимением лучшего она позволяла ему не ощущать себя животным, существующим между принятием пищи и сном.

Антон считал, что ему повезло родиться на светлом витке временной спирали, и он непосредственно участвует в процессе окончательного одержания победы добра над злом. Для этого и заложил в «Буратино» дополнительную функцию, которой не требовали партия и правительство…

Раз человеческое сознание не имеет достаточно ресурсов, чтобы объяснить и оправдать самое себя, логично, что помочь ему в этом может только нечто более мощное и продвинутое – искусственный разум. Возможно, только с его помощью человечество наконец обретёт внятное определение цели и, как следствие, осознанное, коллективное счастье. «Буратино» или его последующие итерации сумеют ответить на вечный вопрос и указать путь, раз мы сами не можем. Придумал же человек бинокль, подзорную трубу, телескоп, чтобы разглядеть то, что природой его глаза не предусмотрено. Также и ИИ поможет постичь то, что невооружённый разум не в состоянии.

Новый Год выпал на пятницу. Накануне жена предложила лететь прямо с утра, чтобы успеть поучаствовать в наряжании ёлки, но он лишь посмотрел на неё дико, и был отпущен на работу тридцать первого с жёстким условием быть дома не позже шести, чтобы успеть спокойно собраться и ехать в аэропорт. В

итоге такси с разъярённой супругой подлетело к проходной института почти в девять. Перед тем, как выскочить из института в рабочем халате под расстёгнутой дублёнкой и с шапкой набекрень, Антон распорядился никому в его отсутствие с «Буратино» под страхом смертной казни не разговаривать. Производить техобслуживание, мониторить показатели и систематизировать данные.

Всю дорогу до аэропорта жена дулась, а он делал вид, что ему стыдно, хотя был уверен, что ничего плохого не сделал… Он заискивал и лебезил, но она отвечала односложно; ей явно было интереснее смотреть в окно, чем на его виноватое лицо.

– Молись, чтобы мы успели до двенадцати, – процедила она сквозь зубы, когда автомобиль остановился, и Антон, обежав вокруг него, открыл дверь и подал ей руку.

В самолёте жена немного оттаяла. Он уверял, что они непременно успеют, и взял для неё у стюардессы шампанское. В дверь её родителей они позвонили прямо перед боем курантов.

VI.

Кровать под балдахином занимала большую часть комнаты, в которой было сильно накурено благовониями. Множество плошек с горящим маслом создавали предельно интимное освещение. Перед кроватью стоял столик, уставленный разнообразной снедью, и два то ли стула, то ли кресла. Урсус сел на один из них и стал ждать.

Последние лет пять, будучи человеком одиноким, Антон Сергеевич научился без особенных сожалений пренебрегать самой постыдной из плотских утех. Начало и конец сознательной жизни мужчины, считал он, сопровождаются сексопатологическими расстройствами. В начале – это борьба с ювенильной гиперсексуальностью, в конце – с сенильной. В начале депрессия и переживания по поводу невозможности реализации своего полового потенциала, в конце – по поводу его отсутствия в ситуации, в которой он вполне мог бы быть реализован. И если юношескую озабоченность легко оправдать, то невозможно без отвращения смотреть на старика, хвастающего своими преувеличенными или вовсе воображаемыми победами. Вот где проходит эта пропасть между внутренним ощущением себя молодым человеком и возможностями к воспроизводству шестидесятилетнего, зачастую невозможными без медикаментозной стимуляции. Антон Сергеевич терпеть не мог это унизительное несоответствие и бежал компаний великовозрастных дурачков, обсуждающих анатомические особенности женских особей, попадающих в поле их слабеющего зрения.

Однако с тех пор как попал в эту странную реальность, он не раз задумывался о тех самых возможностях организма, которые по идее, должны были соответствовать обретённому здесь молодому, здоровому телу. Урсус невольно засматривался на изредка попадавших в его поле зрения женщин и чувствовал при этом внизу живота давно забытое томление. У него появилась надежда, что когда-нибудь ему суждено будет вновь испытать блаженство интимной близости. Теперь же, когда момент настал, он не ощущал особенного волнения. Возможно, из-за непривычности и унизительности своего положения…

Гней сказал «красавица». Чёрт его знает, что в его понимании «красавица». Кому и кобыла невеста… Антон Сергеевич попытался представить себе красавицу из восточных сказок. Ту, которая появлялась перед мысленным взором, когда он, к примеру, читал «Тысячу и одну ночь». Вороново крыло волос. Очи

черные. Не слишком высокая, вся из приятных округлостей.

Дверь скрипнула, и на пороге появилась самаритянка. Почти такая, как он только что себе представлял – будто он материализовал её силой мысли. Только лучше. Лицо ближе к европейскому – Восток лишь в горбинке носа и уголках глаз. А сами глаза совсем не чёрные, а светлые-светлые. Это странное, как будто инопланетное сочетание черных волос и смуглой кожи с почти прозрачными глазами завораживало… Он почувствовал то самое томление.

«Отвратительный озабоченный старикашка, что за похотливый бес поселился у тебя в рёбрах?» – обругал себя Антон Сергеевич. Урсус встал и склонил голову.

Она прошла в комнату и села напротив. Он тоже сел. Помолчали. При неверном свете масляных светильников было непонятно, что выражает её лицо. Он попеременно читал в нем то смущение, то равнодушие, то надменность. Потом понял, что это воображение дорисовывает её образ. Тогда Урсус взял со стола кувшин и разлил по кубкам очень тёмное, почти чёрное вино.

– Мне сказали тебя зовут Орит, моя госпожа? – разлепил он губы.

– Это так, – ответила она ненатуральным грудным голосом. – А как твоё имя, гладиатор? Не называть же тебя медведем.

– Почему же? Мне нравится. Но если хочешь, называй меня Антоний.

– Хорошо, Урсус-Антоний, там разберёмся…

Выпили. Она пила небольшими глотками, он сгоряча хватил залпом. Вино оказалось терпким и густым, как сироп. Он не удержался и сморщился. Она засмеялась фальшиво.

– Так разбавляют вино в Самарии. Мы любим все крепкое, – подчеркнула она последнее слово, откровенно обводя взглядом его фигуру.

Антону Сергеевичу не понравился этот намёк – девушке абсолютно не шла пошлость. На вид ей было не больше двадцати пяти, но вела она себя как матерая разведёнка не первой свежести, возможно, пыталась таким образом скрыть смущение.

– Сколько тебе лет, сладкий? – продолжила Орит напирать, но слово «сладкий» произнесла совсем неуверенно. Он окончательно убедился в том, что она лишь играет роль порочной матроны, и решил сбить её дурацкий настрой.

– Шестьдесят семь.

– Как это? – по-детски удивилась она, брови её взлетели. Но, что-то вспомнив, снова начала заигрывать. – Выглядишь ты лет на сорок моложе.

– Внешность обманчива. Вот тебе, например, на вид лет

двадцать с небольшим, а ведешь ты себя как пожилой суккуб, – сказал он рассудительно.

Орит вспыхнула так, что это стало заметно даже в сумраке.

– Да как ты смеешь, раб! – начала было она, поднимаясь с места, но передумала. Села. Потом улыбнулась смущённо и сказала: – Ты прав, Урсус… я не такая…

«Ну да, – усмехнулся он про себя, – только трамваи ещё не ходят». Снова разлил вино по кубкам. Они в молчании выпили. Теперь он пил не спеша – так вино показалось даже приятным на вкус.

Первой заговорила девушка, на этот раз естественным голосом, звучащим гораздо выше:

– Шестьдесят семь… А на самом деле?

Он решил продолжить говорить правду; стало интересно, к чему это может привести:

– На самом деле я живу другой жизнью, а все, что происходит здесь, мне кажется.

– Вот как… – удивилась Орит, – и я кажусь?

– Да. И ты самое прекрасное из моих видений, – отвесил он комплимент.

Красавица чуть улыбнулась, дав понять, что комплимент принят.

– Ты либо действительно сумасшедший, как говорит про тебя твой хозяин, либо апологет какой-то странной разновидности солипсизма[9], что одно и то же по сути… – легко выдохнула она неожиданно сложную конструкцию. Заметив его недоумение, спросила. – Надеюсь, ты не из тех солипсистов, которые не признают существования образованных женщин даже в собственном воображении?

Он помедлил с ответом – преображение школьницы в аспирантку было чересчур резким:

– Возможно, ты получила то, что вы называете здесь образованием, но ты безрассудна. Скажи, как решилась ты принять меня наедине? Сумасшедшего. Раба. Гладиатора – то есть человека, которого под страхом смерти заставляют убивать других людей. Значит, он не дорожит ни своей, ни чужой жизнью… Кто может быть опасней? Дикий зверь?

Она ответила уверенно:

– Я видела, как благородно ты вёл себя на арене. Будь ты жесток и необуздан, твой противник блуждал бы сейчас по царству мёртвых… А почему ты думаешь, что тебе привиделась эта жизнь, а не та, другая?

Он подумал немного.

– Там я прожил очень долгую жизнь, а здесь всего несколько

дней. Я знаю вещи, о которых здесь не знает никто. Этого достаточно?

Орит глотнула вина.

– Ипполит Родосский говорил, что наш разум способен на гораздо большее, чем сам может себе представить. Почему ты не допускаешь, что твой мозг обманывает тебя, а тот мир и те знания, о которых ты говоришь, – лишь мираж?

Он засмеялся.

– О! Тогда у меня мозг гения, – и решил сменить тему. – Вот в толк никак не возьму: зачем я тебе нужен? Я слышал, конечно, про эти ваши свободные нравы. Но ты не похожа на… – Урсус замялся, подбирая слова.

– На кого? На свободную женщину, вольную выбирать себе мужчин? Я надеюсь, ты это хотел сказать?.. Внешность обманчива, – вернула она его недавний ответ и положила ногу на ногу. Бедро оголилось слишком высоко для того, чтобы это могло быть случайностью. Это кокетство выглядело уже гораздо натуральнее. Урсус почувствовал, как краснеет.

– Давай ещё выпьем? Мне кажется, ты напряжён, – предложила она.

Они выпили. Он так и не находил слов, чувствуя себя мальчишкой на первом свидании. Тогда она сказала:

– А знаешь, Урсус, я готова поверить, что тебе очень много лет. Другой бы на твоём месте… Я не нравлюсь тебе?

Вопрос был задан с такой искренней обидой, что вместо ответа он поставил недопитый кубок, поднялся и протянул ей руку…

– Антоний, а чем ты занимаешься там у себя… где тебе много-много лет? – спросила она, лёжа головой на его груди.

– Уже ничем. Я на пенсии, – сказал он, трогая кончиками пальцев её плечо.

– А до пенсии? Ты был солдатом? Нет! Подожди, не отвечай. Я догадаюсь…

– Попробуй, – ему стало интересно.

– Никаким солдатом ты не был. Ты даже не убивал никого, – Орит остановилась, ожидая подтверждения.

– К своему стыду – да, – согласился он.

– Я это поняла, потому что ты не смог убить Агмона.

– Скорее не захотел, – поправил он её, но через секунду передумал. – Хотя ты права, пусть будет «не смог».

– Ты умный и нежный… Хорошо говоришь… Но при этом силен и дерёшься как лев… Я бы предположила, что ты греческий бог или по меньшей мере полубог. Но я не верю в греческих

богов.

– А во что ты веришь?

– У самаритян своя религия, которой нет больше ни у кого. Поэтому нас отвергли иудеи.

– И, раз ты самаритянка, значит, должна ей следовать?

Он почувствовал, как она напряглась.

– Была бы я глупой, сказала бы: а как может быть по-другому? Но я понимаю, о чём ты… Только сейчас мы говорим не об этом. Я пытаюсь угадать, кто ты там в твоём воображаемом мире, если ты не забыл.

– Я помню. Хочешь, я облегчу тебе задачу? – Там я не дерусь как лев.

Она кивнула и продолжила тоном следователя.

– Тогда я бы могла подумать, что ты царь или правитель. Но ты произносишь слова «гладиатор» и «раб» с отвращением… словно сам факт существования этих понятий тебе неприятен. С таким отношением к рабовладению ты не можешь быть политиком.

Он хохотнул:

– Ты права. Никакой я не политик. Больше скажу. Терпеть не могу этих тварей!

– Тогда остаётся одно из двух, – она даже села. – Ты либо поэт, либо учёный.

– А почему не всё вместе?

– Ну нет… Так не бывает. Разве что Эратосфен… Но он просто пытался облечь свои научные труды в поэтическую форму, – она процитировала заунывно:

Вот мой прибор: меж линеек две средние сразу отыщешь,
Между краями других ты их отметишь концы.
Нужды тебе уж не будет в премудром цилиндре Архита,
В конусе не для тебя высек триаду Менехм.
И с богоравным Евдоксом изогнутых линий не надо,
Циркулем вооружась, тонкий изгиб находить…

Кошмар! Помнишь?

Он помотал головой.

– Ну вот ты и выдал себя своим невежеством! – она торжествовала. – Никакой ты не поэт. Ты учёный… Математик!

Он тоже сел и вытаращился на неё.

– Как ты поняла, что именно математик?

– А я всё про тебя знаю, – сказала она серьёзно и,

насладившись его изумлением, засмеялась. – Математика – мать наук! Каждый учёный мнит себя математиком.

Орит спала, прижавшись к нему, а он думал о том, что это иллюзорное существование, пожалуй, гораздо ярче и увлекательнее жизни настоящей. То, что Антон Сергеевич когда-то испытывал со своей женой, не шло ни в какое сравнение с опытом этой ночи. По его телу до сих пор бродили волны блаженства. Передозировка эндорфина.

После того, как его настоящая жизнь закончилась в той арке под акведуком, произошло множество событий. Несмотря на то, что в реальной жизни подобного, конечно же, произойти не могло, Антон Сергеевич ощущал себя по-настоящему живым, а окружающий его мир самым реальным.

Когда комната начала наполняться солнечным светом, в дверь тихо постучали.

VII.

Когда Урсуса разбудили в его каморке при дворе ланисты, чтобы вести на ипподром, светило прошло уже половину своего пути по небу. Ночью ему было не до еды, и он жадно проглотил скудный завтрак – ланиста был верен своей методе и не перекармливал гладиаторов перед боем.

В загоне под трибунами гладиаторы весело приветствовали его криками и хохотом:

– Эй Урсус, ты показал ей свой гладиус?

– Да какой там гладиус? Там кинжал-пугио!

– Она молила тебя о пощаде? Сколько раз ты вспорол ей брюхо?

– А ну захлопните пасти, дети шлюх! – зарычал на них Хаган. Он подошёл к Урсусу, положил руку ему на плечо и проникновенно сказал, обводя взглядом притихших коллег. – Они завидуют, не обижайся на них… У меня тоже была непростая ночь, друг. Мы с тобой работаем на нашего доброго хозяина и днём, и ночью, в отличие от этих ленивых бездельников.

А Урсус и не думал обижаться, его совсем не коробило от их грубого юмора. Он чувствовал себя своим в доску с этими суровыми, простыми парнями и понимал, что для них такого рода приключение сродни гигиенической процедуре. Они как будто пожелали ему «С лёгким паром!» после бани. Некое подобие такого единения с коллегами Антон Сергеевич ощущал когда-то в своей лаборатории, но разве могло оно сравниться с настоящим боевым братством, с тем, чтобы изо дня в день плечом к плечу рисковать жизнью?!

Все смотрели на него и ждали. Ему захотелось ответить им чем-нибудь в духе Хагана. Он громко произнёс, как бы обращаясь к гиганту:

– Конечно завидуют! Мы с тобой поработали тем, чем не придётся сегодня драться, а этим бедолагам будет нелегко удержать оружие в натёртых ладонях.

Его снова выставили против ретиария, но из другой школы. Он и в подмётки не годился Агмону, и Урсус с трудом удерживался, чтобы не уработать его слишком быстро. Нужно было дать ему возможность показать себя хорошим бойцом, иначе вердикт ипподрома мог бы быть слишком суров.

Убивать Антон Сергеевич не хотел ещё больше, чем раньше. После ночи с Орит он уже не чувствовал разницы между реальностью и иллюзией и даже перестал отгонять мысль, что вся

предыдущая жизнь ему привиделось. «Дали по башке, здесь это не проблема – по башке получить, – думал Урсус, уклоняясь от трезубца, – вот и стряхнулось там что-то…» А если нет разницы в восприятии действительности, значит в моральном аспекте виртуальное убийство ничем не отличается от убийства реального.

В итоге поверженного ретиария пожалели, а Урсус покинул арену даже не вспотев. Благо он дрался уже под вечер и приятный ветерок с запахом моря хорошо освежал. Тем, кто выходил на арену раньше, приходилось солоно.

На вечернем пиру он стал клевать носом и рано ушёл спать.

На третий день противником Урсуса должен был стать известный на всю Империю рудиарий[10] по прозвищу Испанская Пантера, Пардус. Прославленный гладиатор, которому за необычайные доблесть и мастерство даровал свободу император Тиберий. С тех пор уже более десяти лет он путешествовал по необъятным владениям Рима, участвуя только в значимых играх. Он сам выбирал себе противников, как правило – из числа фаворитов и каждый раз устраивал незабываемое зрелище, которое неизменно оканчивалось его триумфом.

Гней приказал привести к себе Урсуса, как только тот позавтракает.

– Изначально Пардус хотел драться с Хаганом, но увидев твои поединки, передумал, – сказал ланиста без радости. – У тебя редкий бойцовский талант, но поверь, Медведю далеко до Пантеры. Помимо таланта за ним огромный опыт. Учти, этот бой может стать для тебя последним, если ты, ленивый бездельник, не расстараешься как следует…

Пардус был снаряжён как самый обычный императорский легионер: прямоугольный щит «скутум», пластинчатый доспех, стандартный армейский шлем без забрала – защите лица он предпочёл свободный обзор. И гладиус, который был чуть тоньше, но длиннее обычного. Когда он вышел на арену, ипподром зашёлся от восторга. Особенно ликовали представители регулярной армии в красных плащах на центральной трибуне – они считали Пардуса своим делегатом.

Урсус был все в том же закрытом шлеме с забралом из колец, с тем же небольшим круглым щитом, но на этот раз с гладиусом вместо копья. Приветствовали его куда более скромно. В основном с мест далеко непрестижных; оттуда крики долетали плохо.

С самого начала боя Пардус показал себя бойцом вязким.

Ошибок не прощал, лишних движений не делал. Тактика этого ветерана арены была построена от обороны. Щит укрывал его как панцирь черепаху. Он показывал из-за него то голову, то ногу, но тут же втягивал их обратно при малейшей опасности. Сбоку обойти его было невозможно – он мгновенно разворачивался в сторону угрозы. Скорпионьим хвостом выскакивал его быстрый клинок. Он сверкал то сверху, то сбоку и даже снизу, когда щит внезапно приподнимался. Сам щит служил не только для обороны – его увесистые толчки сбивали Урсусу равновесие. Общее ощущение было такое, что Медведь рискует гораздо больше Пантеры, и когда-то это должно закончиться в пользу последней.

Пытаясь нащупать брешь в обороне Пардуса и еле успевая реагировать на контратаки, Урсус совершенно забыл про ноги. Улучив момент, Пардус обрушил всю тяжесть своего щита на выставленную вперёд левую стопу противника, защищённую только шнуровкой сандалии. Боль была такая, как будто на неё уронили сейф. В глазах Урсуса потемнело, и на него посыпался град ударов мечом, щитом и ногами. Он не устоял и покатился на землю.

Пардус не стал добивать соперника. Может, из благородства, а может, из-за желания продлить удовольствие зрителям. Он уже понял, что соперник ему не чета и никуда от него не денется.

Урсус встал на правое колено и пошевелил пальцами левой ноги. Боль была адская, но пальцы двигались. Под улюлюканье центра трибун и одобрительные крики флангов он встал. Попробовал наступать на ушибленную конечность, она начала отходить. Все это время Пардус ждал. Урсус благодарно склонил голову, одновременно давая понять, что готов продолжать.

Следующие несколько минут противники обменивались более-менее симметричными выпадами. Урсус поначалу прихрамывал, но постепенно забыл о боли. Неудача мобилизовала его, чувства и реакции обострились. Он понял, что Пардус так просто атаковать не будет, он ждёт ошибки противника. Урсус твёрдо решил больше не ошибаться. Их боевой танец затянулся, но не лишился интриги и грации. Зрители не скучали. Сталкиваясь, мечи высекали искры, щиты трещали, но бесконечно это продолжаться не могло…

Оба начали уставать, но Пардус как будто меньше. Начало чувствоваться преимущество нескольких лишних сантиметров длины меча. Пару раз Урсус чудом избежал ранения и наконец почувствовал, как горячий метал задел его кожу. Он отпрянул в ужасе. Из длинного пореза на груди обильно выступила кровь. Центральные трибуны издали такой рёв, что разочарованные стоны дальних были заглушены почти полностью.

И вот тут на него опять накатило… Он кинулся вперёд как раненый зверь на охотника и желал только одного – разорвать, растерзать. В мясо, в кровь, в зубы! Он мстил за только что пережитый страх смерти, за испуг, которые видели зрители.

В конце концов Урсус очнулся сидящим на противнике. Их мечи и разбитые щиты валялись поодаль. Пардус то ли скалился, то ли улыбался разбитым ртом, взгляд его был мутен.

Прокуратор предсказуемо не стал требовать смерти поверженной знаменитости.

Рана Урсуса оказалась несерьёзной: кровь остановила элементарная перевязка.

Наградой за непростую победу стала ещё одна ночь с Орит. Его отвели к ней сразу после окончания игр. Так она захотела. Его, впрочем, это тоже вполне устраивало.

Когда пришёл черед разговоров, Орит спросила:

– А когда оно наступит, это твоё время, в котором, как тебе кажется, ты живёшь?

– Ну, судя по тому, что у вас правит Понтий Пилат, я живу почти через две тысячи лет, – прикинул Урсус.

– Предположим, я бы хотела поверить… Как ты можешь мне это доказать?

Он задумался…

– Наверное, никак… Но я могу рассказать тебе о моем времени.

Она села и поджала под себя ноги:

– А расскажи!

Антон Сергеевич помолчал, подбирая слова.

– Пожалуй, главным отличием между нашими временами является то, что в моем большую часть тяжёлой работы делают машины…

– Но ведь и у нас тоже так!

– Нет. То, что есть у вас – это ещё даже не машины, а механизмы. Они служат лишь для того, чтобы немного облегчить труд рабов и животных. Наши машины гораздо умнее. Есть даже такие, которые помогают человеку считать и принимать решения…

Это очень удивило Орит:

– Принимать решения? Значит, они умнее человека?

– В чем-то да.

– Но тогда ваши машины опасны. Когда они поймут насколько слаб человек, то уничтожат его.

– Зачем им это делать? – немного опешил Антон Сергеевич от такой прозорливости.

– Как зачем? Это закон природы – тот, кто слабее, уничтожается.

– Но машина – не часть природы.

– Почему? Ее ведь сделал человек, а он часть природы, значит и машина – часть природы и должна подчиняться её законам.

– Но, милая Орит, это же софистика…

– Почему же? Видишь вот этот персик? – она взяла фрукт. – Теперь я его съедаю… – откусила кусочек, прожевала и проглотила.

– Очень интересно…

– Персик – часть природы. Я тоже. Надеюсь ты не будешь этого отрицать?

– Ни в коем случае!

– Значит, часть природы взяла у природы другую её часть, переработала, и… То, что получится в результате, тоже будет частью природы?

Он поморщился.

– Ох, не к лицу тебе этот натурализм…

– Всего лишь эмпирический подход, – Орит ждала ответа.

– Ну да, да. Безусловно. Результат взаимодействия тебя с персиком тоже будет частью природы, – подтвердил Антон Сергеевич, улыбаясь – он уже понял, к чему она клонит.

– Так вот и человек, дитя природы, берет у природы дерево или железо и перерабатывает его в машину. Значит машина – тоже часть природы! – Орит торжествовала.

Он делано возмутился:

– А вот это уже чистой воды демагогия!

Она безразлично пожала плечами и принялась доедать персик.

4.

7 января 1983 года Антон проснулся в Ленинграде, в квартире родителей жены, к которым они приехали на две посленовогодние недели. Квартира была небольшая, но по ленинградским меркам считалась роскошной, тем более, что находилась почти в центре, у Пяти Углов, чем родители жены гордились чрезвычайно.

Прихожая с рогами лося и чучелом совы. Кухонька с газовой колонкой для нагрева воды. Скромная гостиная без окон, но со старинным секретером, который достался тёще от её предков-дворян. За его гранёными стёклами – хрусталь и фамильный фарфор. Спальня родителей с самодельными книжными полками во всю стену. Бывшая детская его жены, отделённая фанерной перегородкой с дверью от гостиной.

Эта комнатка, прозываемая в семье «кельей», была настолько крохотной, что в ней как раз помещались односпальная кровать и тумбочка. Окно выходило в классический петербуржский двор-колодец.

Жена спала на своём девичьем ложе, а для него на ночь ставили раскладушку, и свободного места в комнате не оставалось совсем. При этом потолки были четыре метра с лишним, и Антону хотелось положить помещение на бок, тогда его объем можно было бы использовать гораздо оптимальнее.

Жене комнатка нравилась. Она говорила, что к полумраку привыкла с детства, и он её успокаивает. На Антона же бледный свет, отражённый стенами «колодца», действовал угнетающе. Раскладушка тоже уюта не добавляла.

В самый первый их приезд он было попросился ночевать на «сталинском» диване с высокой спинкой в гостиной. На это жена заявила, что она, так и быть, уступит ему кровать, раз он такой принц на горошине, а сама с удовольствием будет спать на раскладушке с роскошным матрасом. Разумеется, это предложение пришлось отвергнуть…

Антон открыл глаза и увидел кусок тоскливого, серого неба вверху колодца. Он повернулся на другой бок. Раскладушка предательски заскрипела пружинами. Жена то ли проснулась от этого звука, то ли уже не спала.

– Доброе утро, дорогой, – предупредила она его попытку поспать ещё.

– Для кого доброе, а для кого не очень, – пробурчал Антон в подушку.

– Ты же понимаешь, что истинная причина твоего дурного

настроения – это разлука с твоим треклятым Буратиной? – она нарочно склоняла несклоняемое, чтобы досадить ему. – Ничего. Всего неделя осталась. Потерпите, Антон Сергеевич. У нас ещё обширная программа. Мне нужно зарядиться Ленинградом минимум на полгода.

Первая неделя нового года у них была насыщена посещениями музеев, театров и обоих залов филармонии, а также встречами с друзьями её детства и юности. И неизвестно ещё, что было хуже: пытка классикой или эти встречи…

Жена села на кровати и продолжила мечтательно:

– А в понедельник папин оркестр играет Рахманинова в Большом зале…

– «Папин оркестр», – передразнил он её. – Сидит человек где-то в последних рядах со своей скрипочкой, его и не разглядишь. Слушай, а зачем их там так много? Для шума что ли?

– Что это ещё такое – «для шума»? – её брови удивлённо поползли на лоб.

– Ну ты сама посуди: зачем там вся эта толпа, размахивающая смычками? Неужели ты думаешь, что там у каждой третьей скрипки свой голос? Я думаю, они там только для того, чтобы оркестр звучал погромче.

– Какой же ты глупец! – воскликнула она и возмущённо полезла через спинку в ногах кровати вон из комнаты. Он понял, что перегнул палку – «глупец» было самым жутким ругательством в её рафинированном лексиконе. А ещё подумал, что она права – он действительно стал брюзгливым и раздражительным. Но уже почти семеро суток «папа Карло» не виделся с «Буратино», и все это время саморазвивающийся ИИ саморазвивался без его присмотра.

Антон встал, собрал свою постель и сложил раскладушку. Немного подумав, застелил и кровать жены, чтобы хоть так компенсировать своё ненужное хамство.

После посещения ванной комнаты он проскользнул назад в «келью», не заходя на кухню, откуда доносились голоса, звон посуды и вонь трубочного табака тестя.

Антон взял с тумбочки том «Спартака», на форзаце которого красовался синий экслибрис тёщи, для которого она якобы использовала детали фамильных гербов своих благородных предков, и забрался на кровать.

Поддавшись уговорам жены полностью очистить голову и перезагрузиться, он не взял с собой никакой научной литературы. Про мятежных гладиаторов он уже читал, ещё школьником, но в спальне-библиотеке кроме томов большой советской энциклопедии, замызганных сочинений классических авторов и

множества детективов (страсть хозяйки), которых он терпеть не мог, почти ничего не было. Современников в этом доме не жаловали. Также, как и его любимую фантастику.

Слишком хорошо знакомые страницы Джованьоли заняли его ненадолго, перелистывая их, он постепенно погружался в свои мысли…

Возможно, «Спартака» он прочитал рановато, в четвёртом классе. Книга произвела на него чересчур сильное впечатление. Он стал грезить ареной.

На последних страницах его школьных тетрадей появились изображения гладиаторских шлемов, щитов – скутумов и гоплонов, мечей-гладиусов и кинжалов-пугио. Нередко тетрадь заканчивалась быстрее из-за этих картинок, чем от записей уроков. Он находил и срисовывал картинки и фотографии археологических находок в энциклопедиях и учебниках истории. Ради этого записался в Ленинскую библиотеку, символично напоминающую античный храм своими очертаниями.

Он знал, чем отличался мурмиллон от обычного скутора, а скутор от секутора. Какие пары составлялись из гладиаторов: что ретиарий вероятнее всего будет драться с мурмиллоном, а с гопломахом – вряд ли.

Засыпая, разыгрывал в воображении целые гладиаторские представления, непосредственным участником которых являлся. Заканчивались они как правило его героической кончиной на арене, усеянной трупами противников. Прекрасная матрона вся в облаке белой материи спешила к нему с трибун, чтобы услышать последние слова и подарить поцелуй на прощание. На глаза мальчика наворачивались слезы, а под ложечкой приятно саднило…

Поскольку в Советском Союзе не было гладиаторских школ, мальчик стал присматриваться к карьере военного. Со свойственной ему дотошностью погрузился в изучение вопроса. Вооружение на картинках в тетради сменилось на современное. Оно в свою очередь постепенно полностью заместилось самолётами и вертолётами. Антошка решил стать военным лётчиком. Это решение подкреплялось тем фактом, что очень хороших лётчиков непременно берут в отряд космонавтов. А он, естественно, будет очень хорошим лётчиком, по-другому и быть не может.

Для того, чтобы стать очень хорошим лётчиком нужно очень много знать. Подогреваемый мечтой о небе и космосе, он погрузился в изучение наук и постепенно так увлёкся, что сам не заметил, как из воина он переквалифицировался в учёного.

Будучи максималистом, он выбрал для себя математику – мать всех наук.

Взрослея, он пришёл к убеждению, что быть учёным лучше, чем военным. Пока одни проливают кровь, свою или чужую – как повезёт, другие в микроскопы-телескопы, а с недавних пор на мониторах картинки интересные наблюдают. И ещё не известно, от кого больше проку для обороноспособности страны…

Ещё одним фактором, отвратившим его от военной карьеры, стала все возрастающая в его глазах ценность человеческой жизни. Учителя, книги, добрые советские фильмы в один голос твердили о том, что убийство – это величайшее преступление из всех доступных Homo Sapience.

Отгремевшая четверть века назад Великая война, считал он, доказала человечеству, что повторение ее ужасов принципиально невозможно. Ненасытные империалисты ещё гремят оружием, но мир никогда больше не будет втянут ни в одну кровавую авантюру.

Армия нужна только для того, чтобы сдерживать людоедские аппетиты Запада. Она стала пугалом, размахивающим пустыми рукавами над мирными нивами, исключительно для устрашения воронов-трупоедов.

Теперь он сочувствовал военным. Во все времена они делали чёрную работу. Но кто-то ведь должен избавлять человеческое общежитие от нечистот, а кто-то даже убивать других людей. И ещё не известно у кого работа чернее: у золотаря[11] или у воина. У первого, во всяком случае, безопаснее…

Пока его одноклассники пыхтели над двоичными функциями и интегралами, он познавал высшую математику. К десятому классу он знал не меньше второкурсника ВУЗа и уже подбирался к пониманию задач, поставленных перед мировой наукой Ферма, Пуанкаре и Фибоначчи.

Сидя на девичьей кровати жены с потрёпанным «Спартаком» в руках, он удивлялся, как можно так низко ценить человеческую жизнь: и свою и чужую. Теперь профессия гладиатора, в его глазах окончательно лишилась романтического флёра. Оказавшись на месте раба, которого заставляют убивать, возможно, он бы просто подставил свою грудь под меч противника, и это было бы гораздо большим подвигом, чем доставить озверевшей толпе удовольствие наблюдать за его попытками выжить…

На этом месте его размышлений раздался вежливый стук в дверь, и тёща своим странным голосом пригласила Антона Сергеевича пожаловать к завтраку. Так и сказала, хотя и немного

иронично:

– Антон Сергеевич, пожалуйте к завтраку.

Антон никак не мог привыкнуть ни к её театральной интонации с грудными обертонами, ни к старосветской претензии в речах. От всего этого его коробило, и иногда он с трудом сдерживался, чтобы не попросить перестать придуриваться и начать говорить нормально.

VIII.

На четвёртый день игр Урсус должен был драться в предпоследнем бою. Перед его началом к гладиатору подошёл озабоченный ланиста.

– Как ты? Выспался?

– Да, Гней, все прекрасно!

– Послушай… – толстяк недовольно поморщился. – Ну какой я тебе Гней? Не хочешь называть меня «господин Берцеллиус», зови просто – хозяин.

У Урсуса было настолько хорошее настроение, что его совершенно не покоробило подобное обращение. Он ответил весело:

– Хорошо, просто хозяин.

Гней проигнорировал шутку и серьёзно продолжил:

– Сегодня ты будешь биться с чемпионом ланисты Ефраима. Мой иудейский конкурент очень дорожит им, и есть за что… Зовут его Вульпес. Он силен и быстр. Но главное, что ты должен знать о нем – он очень коварен! Зрители его терпеть не могут за его подлые приёмы, но каждый раз с интересом ждут, что он выкинет. Он не повторяется. Своего рода художник. Видимо, за это его любит наш прокуратор, который слывёт тонким ценителем разного рода искусств… Когда Вульпес бился с Хаганом, он ударил его ногой прямо в центр набедренной повязки. Причём никому из тех, кто был свидетелем этого постыдного поступка, не на миг не показалось, что он сделал это случайно. У Хагана от удивления выпало из рук оружие, и Вульпес тут же поверг его. Это единственное поражение нашего великана, он очень не любит о нем вспоминать.

– А разве ты сам не говорил мне, что все средства хороши, чтобы победить? Разве этот удар запрещён?

– Хозяин, – произнёс ланиста тяжело глядя на гладиатора.

– Хозяин. Ты ничего не говорил мне об этом, когда знакомил с правилами…

– Ты не обижайся, Урсус, – Гней мимоходом проверил, словно сбрую на лошади, как у Урсуса закреплён наруч, – но ты, видимо, родом из совсем диких мест, где нет никакого представления о воинской чести. В правилах ничего об этом нет, потому что никому и в голову не придёт трогать противника за чресла ради победы. Так вот… Их поединок состоялся в последний день прошлых игр, и на пиру в ознаменование их окончания Хаган поклялся убить Вульпеса, если их опять поставят в пару. Это дошло до прокуратора, и он лично запретил выставлять их друг

против друга. Понимает, что если Хаган захочет убить Вульпеса, то убьёт, несмотря на подлые трюки. А Пилат этого не хочет, потому что очень веселится, когда этот лис или бросает сопернику в глаза песком или смотрит с ужасом через плечо, чтобы отвлечь внимание.

Глашатай объявил бойцов так:

– А теперь, досточтимая публика, битва между медведем и лисом! Урсус и Вульпес! Что более полезно в смертельном бою? Мужество и сила или хитрость и ловкость?

После приветствия прокуратору они развернулись друг к другу. Меч Вульпеса изгибался посередине, как хоккейная клюшка, щит у него был тоже круглый, но поменьше, чем у Урсуса, зато полностью выкован из металла. В глазах его даже сквозь забрало был заметен огонёк всепоглощающей, первобытной ненависти. Из озорства Урсус подмигнул противнику – в ответ хищный огонь разгорелся ярче. После трубного сигнала к началу боя они кинулись друг на друга.

Лис поначалу не показался опасным противником: бил не сильно, уклонялся не особенно быстро, хотя и эффективно. Скоро стало понятно, зачем изогнут его меч – так было легче обойти щит противника. На кожаном наруче Урсуса появились пара глубоких порезов. В очередной раз почти почувствовав клинок на своей коже, Медведь решил побыстрее закончить бой, тем более, что зрители уже недвусмысленно стали выражать нетерпение. Он начал наносить удары по шлему противника, зная, что так он только оглушит его, а не раскроит череп. Шлем Вульпеса загудел как колокол, а сам лис, как говорят боксёры, «поплыл»: руки его стали опускаться, а движения становиться все менее уверенными. После очередного удара «в бубен» Урсус вышиб у него из руки меч и ударом щита, который он подглядел у Хагана, отправил на землю глотать песчаную пыль.

Однако, к чести Вульпеса, он не стал выкидывать «белый флаг» в виде двух сведённых вместе указательного и безымянного пальцев. Он силился встать и встретить решение зрителей на ногах. Урсус помог безоружному подняться, при этом помня о предупреждениях ланисты, он достал кинжал из ножен на поясе Вульпеса и отбросил его подальше. Для того, чтобы узнать решение прокуратора он перевёл взгляд на балкон. Пилат почему-то медлил… В Тут Урсус испытал в высшей степени приятное потрясение – по левую руку от Пилата он заметил светлый овал женского лица и скорее сердцем, чем глазами узнал Орит… Она, заметив его взгляд, помахала рукой. Вдруг он услышал металлический щелчок и почувствовал движение рядом.

Медведь резко развернулся к Лису. Тот, воспользовавшись замешательством, попытался ударить щитом, но Урсус чудом успел отклониться. Однако в следующий момент почувствовал на боку острую боль – его как кипятком ошпарили. Рефлекторно он выбросил руку с мечом перед собой, отстраняясь он непонятной опасности…

Через секунду зрители наблюдали, как меч Урсуса раскачивался в такт конвульсиям Вульпеса, который заливал песок вокруг себя кровью из распоротой брюшной артерии. А Урсус освободившейся рукой зажимал рану на боку, оставленную потайным выкидным клинком, который прятался в щите Вульпеса.

Рана оказалась неглубокой – клинок лишь распорол кожу на рёбрах. Лекарь-иудей состоявший при школе Берцеллиуса, собрался было наложить швы, но в загон для гладиаторов вбежал гарнизонный лекарь, который пользовал Урсуса, когда тот жил у легионеров.

– Аве, Урсус! – закричал он. – Меня прислал декурион Тиберий Порциус, дабы не дать этим коновалам изувечить тебя, – и как будто только сейчас заметил коллегу. – Прошу вас, не обижайтесь, это всего лишь цитата.

И уже как бы обращаясь исключительно к Урсусу, вполголоса добавил, прекрасно понимая, что его слышит не только раненый:

– Хотя я всецело разделяю эти опасения…

Лицо гладиаторского лекаря стало наливаться кровью, он был тучен и явно склонен к апоплексии.

– Ну, что тут у вас? А ну, отойдите в сторонку, любезный, – римлянин нетерпеливо потрепетал пальцами.

– Послушайте, вы! Командуйте у себя в гарнизонной лечебнице! Это раб ланисты Гнея Берцеллиуса, и я приставлен лечить его! – фальцетом закричал иудей.

Маленький, сухой римлянин, скорее склонный к обморокам, побледнел и вкрадчиво произнес:

– Неужели вы думаете, что ваш сутенёр посмеет отказаться от помощи, великодушно предложенной офицером императорской армии?

– Господа! – перебил их Урсус. – Пока вы тут выясняете у кого крыша круче, я истеку кровью из-за этой пустяковой царапины. О чём вы спорите? Тут делать нечего – пару швов…

Лекари помолчали. Первым нашёлся шустрый римлянин. Он отодвинул ветошь, прикрывающую рану и задумчиво произнёс:

– Положим, парой швов тут не обойдёшься, но трёх вполне хватит…

– Пять! Не меньше! – торжествующе заявил иудей. – Так он быстрее сможет драться.

Римлянин, не глядя на коллегу, спросил:

– Чем вы собираетесь шить?

– Нитками, – издевательским тоном произнёс иудей, – чем же ещё прикажете шить?

– Какими, позвольте узнать? – снова бледнея спросил римлянин.

– Хлопковыми. Какими же ещё? – иудей обвёл глазами присутствующих, как бы приглашая разделить его недоумение по поводу явной глупости оппонента. Тем временем находящиеся в помещении гладиаторы, надсмотрщики и два легионера столпились вокруг и с интересом наблюдали за ходом консилиума.

– Хлопковыми?! – вскричал римлянин. – Оно и видно, что вы абсолютно не осведомлены о последних достижениях современной медицины!

Он достал из складок тоги отливающий глянцем моток, поднял его над головой и обращаясь ко всем возвестил.

– Китайский шёлк! Выбор императорских легионеров! Многократно снижает риск гнойного заражения раны.

Иудей презрительно фыркнул:

– Нить, получаемая из червя?! Она сама по себе – источник заражения.

– Вы невежественны и имеете наглость своим невежеством кичится!

– Если вы думаете, что там, в своём Риме, больше понимаете во врачевании ран, то это – глубочайшее заблуждение!

– Да что вы, жалкие иудеи, можете понимать в медицине вообще и в военной хирургии в частности?

– Побольше вашего! Вы только и можете, что придумывать латинские названия греческим терминам. А ваш Цельс всего лишь и сделал своего, что описал клинику сумасшествия! Благо, материала у вас там хватает – каждый второй!

– Может быть, вы назовёте имя хотя бы одного великого врачевателя из иудеев?

– Их множество! А вам они неизвестны из-за вашей неосведомлённости!

– Да у вас даже школы своей нет!

– Наглая ложь! Наша школа происходит от египетской, более древней, нежели греческая! В отряде Моисея было немало искусных врачевателей, которые передали нам свои знания.

– Надо быть воистину слабоумным, чтобы полагать, что главное преимущество науки – это её древность. Это же нонсенс!

Искусные врачеватели… Да если хотите знать, ваши египтяне хороши были только в искусстве мумифицирования своих несчастных пациентов!

Обалдевший от такой наглости потомок Моисея не нашёлся, что ответить… К этому моменту он настолько налился кровью, что, казалось, сейчас лопнет. Его оппонент, напротив, был бледен, как покойник.

Иудей заверещал:

– Прошу вас немедленно выйти вон и не мешать мне работать!

Вместо ответа римлянин внезапно дал ему звонкую пощёчину, за что тут же получил в ответ неуклюжую, но тяжёлую оплеуху. Зрители восторженно взревели, а медицинские светила начали демонстрировать навыки рукопашного боя. Урсусу хватило бы авторитета, чтобы немедленно прекратить свару, но… Гладиаторы и легионеры от всей души потешались. Не часто им приходилось наблюдать за тем, как дерутся между собой представители мирных профессий. Но после пары минут военных действий, сводившихся к тому, что иудейский воин пытался реализовать преимущество в массе и подмять противника под себя, а римлянин, понимая эту опасность, старательно уходил от ближнего боя, выставляя в сторону лица противника острые кулачки, зрители заскучали. Тогда один из легионеров встал между дерущимися и принялся увещевать:

– Господа лекари. Хватит. Довольно! Солидные же люди… Примиритесь.

Господ лекарей не пришлось долго уговаривать, они разошлись в разные стороны, одёргивая на себе одежды, ворча под нос и отдуваясь.

– Итак, господа, позвольте мне рассудить вас, – сказал тогда Урсус. – В качестве шовного материала я предпочту шёлк мэйд ин Чайна. Надеюсь, этот тот случай, когда китайскому качеству можно доверять.

– Ты не пожалеешь! – обрадованно закричал римлянин, бросая на иудея торжествующие взгляды. – Это лучший китайский шёлк. За один моток заплачено шесть сотен казенных динариев.

– А вот операцию я доверю иудейскому специалисту, – продолжил Урсус. – Ибо, полагаю, он лучше знает, какое именно лечение нужно гладиатору, а не легионеру.

Польщённый лекарь даже поклонился немного, пряча довольную улыбку.

– И примиритесь, господа. Как говаривал кто-то из философов, один хороший лекарь стоит тысячи воинов. Не

хотелось бы, чтобы такие могучие силы враждовали между собой.

Испросив у Гнея разрешения, Урсус пригласил гарнизонного лекаря на торжественный ужин в ознаменование очередного дня игр. Там эскулапы выпили мировую, а потом уединились в беседке в конце сада, прихватив с собой кувшин фалернского. Из-за стола их выгнали, потому что уж слишком громко принялись они обсуждать преимущества и недостатки различных конструкций пил для ампутации конечностей.

В самый разгар вечеринки Берцеллиус подозвал к себе Урсуса. Когда раб подошёл, хозяин, не вставая с ложа, сделал знак приблизиться. Урсус хотел было наклониться, но боль в боку не дала ему это сделать. Видя неудобства гладиатора, ланиста и не подумал приподняться.

– Ну же! – требовательно произнёс он и щёлкнул пальцами. Сегодня он был пьян больше обычного.

Тогда Урсус, скрепя сердце, встал на одно колено. Гней сказал со скабрёзной ухмылкой:

– Эх, Урсус. Завидую я тебе. Сегодня тебя снова кое-кто поджидает…

– Самаритянка? – обрадовался Урсус.

– Нет. С чего ты взял? Не надоела ещё тебе эта шлюха? Сегодня благородная римлянка. Вдова того самого легионера, которого ты убил у акведука…

Урсус вскочил. В боку резануло.

– О времена, о нравы! – вскричал он с отвращением. На русском он выразился бы конкретнее…

Гней хохотнул:

– Что ты? Ничего особенного… Понятно, она не очень ладила с супругом и хочет отблагодарить своего избавителя. Матрона получила неплохую компенсацию за гибель кормильца на государственной службе, может себе позволить.

– Я не пойду, – твёрдо сказал Урсус.

Гней со стуком поставил кубок, который держал в руке. Вино плеснуло на стол. Перекосившись от ярости, он зашипел:

– То есть как это не пойдёшь?

– Как ты себе хочешь, а не пойду! – твёрдо ответил Урсус.

Присутствующие начали обращать на них внимание. Что-то смекнув, Гней сменил гнев на милость. Лицо его разгладилось.

– Будь по-твоему. В конце концов ты ранен. Поправишься – вдвойне отработаешь мой сегодняшний убыток. Ступай!

Он отвернулся и, как будто тут же забыв о своенравном рабе, потянулся к кубку.

Этот разговор окончательно испортил Антону Сергеевичу

настроение. До этого он пил и никак не мог прогнать мысли о сегодняшнем убийстве. Утешение, что все нереально, совершенно перестало работать…

А тут ещё ему напомнили о том, что убийство это не первое. Оба были совершены в порядке самообороны. Но сегодня… Глядя на то, как умирает в луже крови его враг, Урсус испытал явное удовольствие. Он попытался понять его природу. Вернул в памяти картинку с качающимся мечом и прислушался к ощущениям. Раскаяния или сочувствия точно не было. Зато явно присутствовало злорадство и… да, то самое удовольствие. Как от хорошо сделанной, непростой работы… Как у баскетболиста после заброшенного трехочкового. Вульпес, конечно, был мерзавцем, но заслужил ли он смерть? Что за вопрос? Он сам хотел убить. При этом максимально цинично и подло. Значит, однозначно заслужил! Значит, не из-за чего переживать. К чёрту всяческие угрызения и рефлексию!

Но вот это вот удовольствие… Первобытная радость убийцы.

«Боже мой, я превращаюсь в чудовище! Или всегда им был, но тщательно скрывал это от себя… И эти люди вокруг. Если они родились в моем воображении, то почему они такие твари? Вульпес – подонок… Гней – гнида. Притворяется добряком, а сам… грязный сутенёр! Тиберий… Продал меня, как скотину на убой. Баба ещё эта сумасшедшая… Деньги за смерть мужа получила и на них его убийцу себе в постель тащит… Фу. Какая гадость!

Одно из двух. Либо сам я такая же тварь, и мой спящий разум плодит чудовищ, ибо другого не может себе представить. Либо пытается реалистично воссоздать атмосферу этих жестоких времён, когда люди могли вести философский беседы, а после хладнокровно и жестоко убивать…»

Тут к нему подошёл охранник и сказал на ухо:

– Урсус. Та самаритянка, к которой мы вчера тебя отводили. Помнишь?

Гладиатор вскинул голову:

– Конечно!

– Она прислала человека, с которым передала вот это, – охранник незаметно сунул ему в руку маленькую склянку из тёмного стекла. – Это их самаритянское снадобье. Велела нанести на рану перед сном.

Урсус спрятал предмет за пазуху.

– Ещё она просила справиться о твоём здоровье. Что передать?

– Скажи, все прекрасно! И… что я снова хочу её видеть.

Охранник хотел было отойти, но Урсус поймал его за рукав:

– Скажи, зачем ты помогаешь мне?

Тот усмехнулся.

– Я просто хороший человек.

– Благодарю тебя, друг! – с чувством произнёс Урсус.

Охранник выдернул руку.

– Какой я тебе друг?! Мне заплатили, дуралей!

При воспоминании об Орит на душе у Антона Сергеевича потеплело.

«Да нет. Не все они так плохи… А та несчастная женщина, возможно, хотела отомстить за смерть мужа и приготовила кинжал или яд для его убийцы.»

Когда пир уже подходил к концу, из сада донёсся недурно разложенный на два голоса «Gaudeamus». Высокий, почти женский голос немного картаво, но душевно и с надрывом выводил основную тему, а приятный тенор вторил ему на идеальной латыни.

IX.

Из-за ранения Урсус на следующий день был освобождён от участия в играх, а потому проспал почти до полудня. Разбудивший его охранник объявил:

– Гней заботится о тебе, как папа. Он известил твою самаритянку, что ты сегодня свободен. Она ждёт тебя к обеду. Я бы на твоём месте уже не завтракал – о самаритянской кухне ходят легенды…

«Так вот как старый жлоб решил возместить свой убыток из-за моего вчерашнего отказа, – понял Урсус. – Что ж, я не против…»

Охранник оказался прав: обед был великолепен. Среди вкуснейших блюд, любовно подобранных хозяйкой, тонким и экзотическим вкусом выделялся ягнёнок, запечённый в земляной яме. Разделив трапезу с Урсусом и утолив жажду жёлтым галльским вином, Орит пришла в расположение побеседовать.

– Расскажи, что ещё есть в твоём времени, чего нет в нашем?

– Чем тебя удивить?.. – Антон Сергеевич задумался ненадолго. – Люди умеют летать.

– Они отрастили себе крылья?

– Нет. Построили железные машины, которые поднимают их в небо.

– Железные?

– Ну, если быть точным – металлические.

– Не из лёгкого бамбука, не из китайского тонкого шелка… Из металла?

– Да.

– Ох, медвежонок, ты все-таки сумасшедший…

– Этот металл очень лёгкий, такого ещё нет у вас… – тут Антон Сергеевич решил немного вспылить. – Будешь обзываться, вообще не буду больше ничего рассказывать!

– Не обижайся, – Орит обезоруживающе улыбнулась. – Скажи лучше. Если у вас есть такие машины, которые могут делать за людей тяжёлую работу, думать за них и даже носить по небу, значит у вас настал рай земной?

– Нет. Вовсе нет.

– Но почему?! Чего вам не хватает? Манны небесной? Амброзии? – возмутилась она.

– Да просто люди разные. Кто-то счастлив, кто-то нет…

– Послушай, – Орит остановила жестом его жалкую попытку оправдать откровенную нелепость. – Я не говорю сейчас о тех, кому скучно и в райских кущах. Или о тех, кому в аду хорошо,

потому что не холодно… Чем больше сытых и хорошо укрытых от непогоды людей, тем ближе царствие небесное на земле. Неужели при всех этих ваших машинах человечество не стало жить лучше?

– В общем, конечно, лучше. Люди стали цивилизованнее. Рабство запретили. Но все равно есть те, кто ни в чём не нуждается, а есть и неимущие.

Орит заметно погрустнела:

– Я так и знала… Человеческая природа никогда не измениться. Как были люди животными, так и останутся…

– Да перестань. При чём здесь животные? – отмахнулся Антон Сергеевич.

– Только не начинай это старую как мир песню о том, что животные лучше людей и никогда не будут убивать из удовольствия или от жадности…

– Это настолько старая песня? – удивился он.

Она не обратила внимания на этот вопрос.

– Что происходит, когда волчья стая настигает оленя? – она вскочила и принялась сопровождать свои слова выразительными телодвижениями. – Сначала к туше пристраивается вожак, потом все остальные, по иерархии. Одни едят жирные куски, другие глодают копыта. И если кто-то попробует посягнуть на долю более сильного, то тут же будет жестоко наказан или даже убит… Посмотри. Ты – Медведь, тот – Пантера, этот – Лис. Чему вы подражаете? Звериной беспощадности? Жадности? Умению убивать? Пока люди не перестанут уподобляться животным, не станут они счастливы. Пока в человеке живёт зверь, он будет жесток и жаден. Разум дан человеку, чтобы отличаться от неразумных тварей. Чтобы, избавившись от низменных инстинктов, познать суть вещей, уподобиться богу и обрести бессмертие!

Глаза самаритянки были широко распахнуты и блестели. Она замерла в экспрессивной и грациозной позе. Антон Сергеевич смотрел на неё восхищённо, как будто открывая для себя заново. Сейчас он ясно понял, что больше не может относиться к Орит как к забавному приключению, что встреча с ней – это лучшее из всего, что случалось с ним в обеих жизнях… Она заметила этот взгляд, поправила растрепавшиеся волосы и села на своё место. Печально подытожила:

– Но нет. Никогда человек не убьёт в себе зверя. И вечно будет он волком для ближнего своего…

Помедлив, Антон Сергеевич сказал:

– Орит, ты прекрасна! И… я как будто слышу свои мысли в твоих словах.

– Это не совсем мои слова. Так учил меня отец, мои учителя.

А их в свою очередь целый сонм мудрецов, живших до них.

Следующие пять дней игр прошли по единой схеме. До обеда Урсус отсыпался после ночи, проведённой с Орит. Потом его отводили на ипподром, где он, как исправный цирковой артист отрабатывал на арене свою часть представления. Он легко выигрывал поединки; то ли опыта набрался, то ли самые сильные соперники закончились в первые дни. Урсусу приходилось сдерживаться, чтобы не портить зрелище, а заодно дать сопернику оказать «достойное сопротивление», что позволяло избежать смертельного вердикта. И если Урсусу удавалось скрывать это от зрителей, которые пребывали в перманентном восторге от его непобедимости, то для гладиаторов его ухищрения были очевидны, и он день ото дня чувствовал, как росли уважение и благодарность к нему товарищей по оружию.

И если внешне все ему удавалось легко, то внутри происходило тяжёлое противостояние. Антону Сергеевичу приходилось сдерживать дикое желание Урсуса проткнуть, покалечить, убить. Жестокая натура древнего воина впервые проявилась в нем в той самой схватке в акведуке. И с тех пор как у Антона Сергеевича появилось медвежье прозвище, она проявляла себя с каждым днём все откровеннее. Это не было раздвоением, как при шизофрении – когда альтернативные личности не пересекаются и не подозревают о существовании друг друга вплоть до медицинского вмешательства. Антон Сергеевич и Урсус существовали одновременно, причём сущность старого программиста была основной. Когда было нужно она как бы отходила на второй план и давала молодому воину распоряжаться телом и эмоциями. И очень важно было вовремя выходить из «фонового режима». Но и в активном режиме цивилизованная ипостась души ощущала отголоски дикарских эмоций.

И если на арене для него уже ничего нового не случалось, то в отношениях с Орит происходило нечто совершенно замечательное… Урсус проводил у неё почти каждую ночь и ему не то что не надоедало – наоборот! Ему абсолютно не хватало времени, чтобы насытиться этой женщиной. Каждое утро он покидал её с сожалением и не понимал, как время может идти так быстро.

Та самая новая дикарская часть души проявляла себя и в любовных баталиях. И вот тут бороться с ней Антон Сергеевич совершенно не хотел… Он, как и на арене, с удивлением наблюдал со стороны за тем, что творит Урсус. Для прожившего

долгую жизнь человека стало открытием, что такое можно вытворять со своим телом. И с другим телом тоже… Еще одним открытием было то, что делать это можно не один, не два и даже не три раза за ночь. Гладиатор брал паузу на то, чтобы выпить, поговорить и снова набрасывался на бедняжку. Впрочем, ей это нравилось…

Когда-то он думал, что любит жену, но теперь понял, что это была никакая не любовь… Любовь без страсти – привычка.

К Орит он привыкнуть не мог и не смог бы никогда. Все в ней удивляло и восхищало его: необычайная красота, грация, ироничный и непредсказуемый ум. Он не привык к вниманию таких женщин…

Его жена была весьма недурна собой. После неё в круг его интимного общения попадали в основном женщины из профессионального окружения – студентки, аспирантки, научные сотрудницы. Среди них тоже встречались весьма привлекательные особы, как телом, так и душой, но всем им бесконечно далеко было до Орит… Между нею и всеми ними была пропасть. Как между «Мисс Университет» и «Мисс Вселенная».

Однажды в порыве страсти Урсус признался Орит в любви. Потом, переведя дух, он спросил:

– Орит, милая, ты поняла, что я сказал тебе? Ну… когда мы… – он замялся.

– О чем ты, медвежонок? – нахмурила она лоб.

Урсус пробормотал обиженно:

– Ты серьёзно?.. Ты не обратила внимания?

Она улыбнулась и поцеловала его, он ответил с юношеской готовностью. Она принялась отбиваться и отбившись сказала:

– Конечно, я тебя услышала. Просто дразнюсь. Я тоже люблю тебя.

– Тоже? Как ты легко к этому относишься… Для тебя это пустяки?

– А по-твоему, я должна быть серьезной? – удивилась Орит.

– Ну конечно… – сказал Урсус уже не так уверенно.

– Хорошо, – она села и сделала серьёзную мину. – Я отдаю за возможность видеть тебя бешенные деньги этому твоему лысому кровопийце Берцелиусу. На них уже можно было бы купить пару молодых, здоровых негров для утех, но я предпочитаю тебя. Разве это не любовь?

Он совершенно обалдел от этого аргумента и гневно уставился на неё. Она заливисто засмеялась.

– Ну-ну. Не смотри так, медвежонок. Я так и знала, что ты

влюбишься. В меня невозможно не влюбиться… – она приняла соблазнительную позу.

– Это точно! – он поймал и поцеловал её руку. – И все-таки?

– Что «все-таки»? – она как будто забыла предмет разговора. – А… Почему я несерьёзно? Потому что это хорошая новость. Как ещё я должна к ней относиться? Вот если бы ты сказал, что тебе больно мочиться после ночи со мной, тогда бы я отнеслась к этой новости серьёзно. Но ты сказал, что любишь – мне легко и весело от этого…

Он схватил подушку и принялся лупить ею Орит, та завизжала, но не слишком громко, чтобы не напугать охрану.

После он подумал, что, в каком-то смысле, она права. Зачем усложнять? Зачем делать сложным то, что проще простого? Но её реакция не перестала казаться ему странной. Он был уверен, что какой бы менталитет ни был у человека, даже древнесамаритянский – все равно момент признания, когда выясняется, что предмет его любви отвечает взаимностью – это очень серьёзный момент, способный вызвать скорее слезы радости, но никак не смех…

В другой раз на волне адреналина после очередной любовной феерии он сказал:

– Возможно, этот мир мне и мерещится, но чувства – не иллюзия. Я понимаю, звучит как бред… Пусть этот мир эфемерен, но мне не нужен тот, другой, где нет тебя! Никогда там, наяву, я не испытывал ничего подобного. Орит, с тобой я в первый раз в жизни счастлив по-настоящему!

На седьмой день игр, перед ежевечерним застольем, Урсуса пригласил к себе Агмон. Оказалось, что у него отдельная комната с двумя большими окнами, выходящими на море.

– Хорошо у тебя, – завистливо произнёс Урсус. У него, как у восходящей звезды, тоже была отдельная комната, но ей было далеко до этой. В его келью вмещалось только самое необходимое, а единственное оконце выходило во двор.

В углу гость заметил небольшую ажурную этажерку, полную толстых, на вид тяжёлых свитков.

– Что это? Целая библиотека… – поинтересовался он.

– Гомер. «Илиада», – был ему ответ.

– Как это? Тут только «Илиада»?

– Да. Все двадцать четыре песни, примерно по две на свиток. Итого четырнадцать свитков.

– А почему Гомер? Неужели ты раньше не читал? Гомер же для вас как Пушкин…

Агмон пропустил незнакомое имя мимо ушей:

– Конечно читал. Раз двадцать.

– Не надоело?

– Что ты? В этой поэме вся мудрость мира. Она каждый раз открывается по-новому.

– А «Одиссеи» почему у тебя нет? Она хуже, что ли?

– Как это хуже? Как их вообще можно сравнивать?.. «Одиссея»… – он мечтательно вздохнул. – Но послушай, я на «Илиаду» полгода откладывал. Каждый свиток – двадцать денариев. Всего почти триста. Годовое жалование императорского легионера меньше.

– Ясно. Так, а зачем ты позвал меня, Агмон?

– Я хочу сделать тебе подарок. Присядь, пожалуйста.

Урсус уселся в кресло, стоящее рядом с этажеркой. «Только торшера не хватает…» – снова позавидовал он.

– Очень интересно. Какой же?

Агмон достал свиток с верхней полки. По сравнению со свитками «Илиады» тот казался совсем крошечным. Грек встал в позу и возгласил:

– Посвящается моему другу и собрату по оружию Антонию Сергиусу.

В день тот великий начала Пилатовых игр,
В память людскую что врежутся на́ век,
Вышел во двор к нам наш старый ланиста
Чтобы взбодрить, на победы настроить.

«А́гмон!» – обратился ко мне он и лоб свой нахмурил.
«Есть тут один новичок, прозывается Урсус.
Он победил у колодца гиганта Хага́на.
Был тот низвергнут бедняга в пучину хладну́ю.
Очень расстроился он, хоть и вида не по́дал.
Есть, знать, в крови у германцев понятье о чести…

Слушай, мой славный Агмо́н, я ведь зря не болтаю.
Сила в том Урсусе есть, есть и ловкость, и хитрости мера.
Будь с ним предельно ты собран. Но помни!
Если умрёт кто из вас – много денег теряю».

С этим напутствием вышел я на Медведя,
Гордый элли́н против типа, что род свой не помнит.
Сетью накрыл я его, как большую, но глупую рыбу.

Он же коварно под ноги копье мне просунул…
Пока, проклиная судьбу, я в пыли кувыркался,
Он, извиваясь змеёй, мою сеть перерезал.

Вот и остались у нас на двоих два кинжала…

Агмон читал со страстью, юным, звенящим от волнения голосом. Сначала ему было трудно, он явно смущался. Потом поэт разошёлся и перестал заглядывать в свиток.

Солнце клонится к закату, бьются волны о берег
Так обозначили боги эту последнюю сцену.
Смотрят потомки Иуды, смотрят праправнуки Рема
Смотрит вся Иудея, какую заплатим мы цену.

Как я упал и не вспомню.
Вот я лежу, распростёршись…

А прокуратор надумал этот день смертью украсить…
Стал ждать я смерти прилежно, так, как учили нас с детства.
Чтобы не выдать испуга, стал всем богам я молиться.
Всех их припомнил… от Зевса до Пана.

Но ведь я с вами, друзья, и пишу эти строки.
Бьюсь на арене, любви предаюсь, винопитью и чревоугодью.
В том лишь заслуга его,
Ему имя Антоний.

Пусть ты не помнишь, откуда ты родом,
Аве, Урсу́с, ты пример всем народам!

Когда Агмон закончил, Урсус заметил стоящие в его глазах слезы. Он встал, принял с поклоном свиток и отвернулся к окну, чтобы скрыть собственные переживания. С одной стороны, он был тронут до глубины души; ему ещё никто не посвящал хвалебных од, с другой, его насмешила эта смесь стихотворных размеров и диких ударений…

Вид из окна портили толстые прутья. Урсус взялся за один и попробовал дёрнуть. Металл не поддался ни на миллиметр.

– Зачем тебе, свободному человеку, все это?

– Я родился на Родосе, в бедной семье, – признался Агмон. – У меня был выбор: либо в рыбаки, либо в легион. Я решил ловить рыбку пожирнее… Ретиарием я зарабатываю как десять родосских рыбаков или как два римских легионера. А риск есть везде, у гладиатора даже меньше. У рыбаков очень ненадёжные лодки, а у легионеров судьба…

– Неужели для тебя лучше быть куском мяса, чем бедным, но свободным рыбаком… или, к примеру, поэтом? – Урсус согнул руку со свитком. – Когда-нибудь ты постареешь, утратишь ловкость и силу, и какой-нибудь мясник проткнёт тебя насквозь на потеху алчущей крови публике.

– А почему ты не думаешь, Урсус, что ещё до того, как состариться, я успею накопить денег на хороший дом в Греции, оливковую рощу и стадо овец?

– Да хотя бы потому, что я вижу вот эти полки со свитками, которые стоят годового жалования легионера. Вот эту дорогую посуду на твоём столе, золото в твоей одежде… Ты любишь такую жизнь. Ты гладиатор, Агмон, а не землепашец, а значит, умрёшь на арене.

Вместо ответа молодой ретиарий взял со стола кувшин и стал разливать вино по серебряным чашам с отчеканенным по краям меандром.

5.

Благородное семейство уселось за стол праздновать Рождество сразу после восхождения первой звезды. Традиция сия, как понимал про себя Антон, поддерживалась исключительно для того, чтобы напоминать о дворянских корнях матери семейства – никто здесь в бога не верил, во всяком случае открыто.

Подтверждения благородного происхождения в виде фарфорового сервиза в серванте и серебряных столовых приборов с вензелями, содержащими первую букву девичьей фамилии тёщи, видимо, было недостаточно. Их когда-то с гордостью демонстрировали будущему зятю во время церемонии знакомства с родителями невесты. Тогда Антона особенно заинтересовали нож для сыра с маленькой вилочкой на конце широкого лезвия и яйцерезка-ножницы в виде подробно исполненного вплоть до оперения петушка.

Гвоздём программы был гусь, запечённый с яблоками. Тёща уже давно не работала и её основным занятием стало приготовление домашней снеди, в чём она немало преуспела. Об этом косвенно, но недвусмысленно свидетельствовало изрядное брюшко тестя. На обед у них всегда было первое, второе и десерт, а на завтрак и ужин обыкновенно предлагалось несколько блюд на выбор.

Женщины пили кагор. Тесть по случаю праздника откупорил бутылку французского бренди, привезённую из заграничных гастролей. Несмотря на настоятельные уговоры, зять от возлияний отказался. Даже «пригубить для проформы». Тогда тесть напоказ принялся наслаждаться напитком единолично.

Когда ленинградцы подвыпили и развеселились, они начали говорить одновременно. Потом своим поставленным голосом всех перекричала тёща и принялась в очередной раз рассказывать про свои героические роды. Это была её любимая история, и она, видимо, считала её совершенной, потому что раз от раза повторяла её почти дословно. В ней фигурировали «адские муки» и некий доктор, «статный красавец», который был «необычайно широк в плечах… примерно в два раза шире, чем, Вы, Антон Сергеевич» и имел «пронзительный взгляд». Видимо, для того чтобы смягчить впечатление, она упомянула с брезгливой гримаской о его волосатых пальцах…

Антон думал о том, как это бестактно. Это было все равно, как если бы он принялся рассказывать про какую-нибудь женщину и сказал: «она была очень красива… примерно в два раза краше вашей дочери, мадам». Однако далеко не статный и

некрасивый тесть, слушая историю жены, довольно улыбался и попыхивал своей вонючей трубочкой, зажимая её в довольно волосатых пальцах.

Антон скучал и, по всей видимости, не особенно это скрывал.

Спохватился он, когда за столом повисла неприятная пауза и обнаружилось, что все смотрят на него, явно ожидая какой-то реакции.

Он был вынужден признаться:

– Простите, Надежда Леонидовна, я не расслышал ваших последних слов.

Тёща недовольно заметила:

– Не думала, что говорю так невнятно. Что ж… давайте сменим тему.

Последовала новая неуютная пауза…

Тесть решил заполнить её следующим сообщением:

– А у нас в оркестре эпидемия посленовогодняя, – он ухмыльнулся. – Человек десять занемогли бедные, из них только скрипачей шестеро, и все не явились на репетицию. В понедельник за двоих отдуваться придётся. Решительно не понимаю, как же можно так неаккуратно Новому году радоваться…

Тему подхватила дочь:

– А вот некоторые полагают, что вы там исключительно для громкости стараетесь.

Музыкант поперхнулся очередным глотком бренди.

– То есть как это для громкости?! Это ж какие-такие некоторые?

– Да так… Некоторые великие учёные, – она иронично покосилась на Антона. Тот даже вздрогнул; он никак не ожидал такого предательства.

– Да я вовсе не то имел в виду… – промямлил он, краснея.

– Тогда потрудитесь объяснить, что конкретно вы имели в виду, молодой человек! – не скрывая раздражения, поинтересовался тесть.

– Я, наверное, чего-то не понимаю… Ну а для чего же столько человек играют на одинаковых инструментах? Возможно, для усиления резонанса звуковых волн… – продолжил закапывать себя Антон.

Тесть лишь запыхтел возмущённо.

– Воистину, некоторым стоит хотя бы попытаться скрывать своё невежество, – вступилась за мужа потомственная дворянка. – Я конечно, понимаю, узкая специализация подразумевает некую ограниченность взглядов. Но…

Тут тесть взорвался:

– Резонанс! Да как у вас язык повернулся?! Я же не лезу в эти ваши… алгоритмы, если не понимаю в них ни чёрта! – он задохнулся.

– Мишель, тебе не стоит принимать подобные дикие замечания так близко к сердцу, – строго заметила Надежда Леонидовна. При этом смотрела она почему-то не на мужа, а на зятя. Глаза ее метали молнии.

Антон открыл было рот, но его остановил волевым жестом жены.

– Антон, – холодно произнесла предательница, – возможно, тебе стоит наконец промолчать…

Тут уже он не выдержал и вскочил.

– Возможно, мне вообще стоит уйти, дабы не стеснять вас своим присутствием?

– Не исключено, – мрачно произнёс тесть.

– Папа! Антон!

«Угомонись, Ольга! Остынет, вернётся», – услышал он, перед тем как захлопнуть дверь, голос тёщи.

«Как бы не так!» – подумал он весело и вызвал лифт. «Буратино, сынок, я иду к тебе!»

Какой-то «мудрый человек» сказал жене, что детей надо заводить после тридцати. Она говорила об этом с весьма загадочным видом, явно ожидая расспросов о «мудреце», и не дождавшись их, обиженно поджимала губы. Антон намеренно не хотел ворошить эти кости в шкафу.

Было уже такое. Бывшая скрипачка полюбила его не первым, и несколько раз рассказывала ему о своей первой любви, пару раз о второй и однажды о третьей. После этих историй она становилась необычайно страстной. Ей все это очевидно нравилось и возбуждало, а ему было гадко и даже подташнивало. Чувствовалось, что было ещё кое-что в запасе, но Антона это не интересовало, и он прямо так и заявил при её очередной попытке предаться воспоминаниям. С тех пор она ограничивалась лишь туманными намёками… Как, например, про этого «мудреца», которому она почему-то поверила.

А Антон был бы только рад возвращаться в дом, как это пишут в идиллических зарисовках, наполненный топотом маленьких ножек. Чтобы детские ручки обнимали его за шею, и звенело колокольчиком слово «папа». Но жена объяснила ему, что это, оказывается, эгоизм. Что забота о ребёнке ляжет исключительно на неё, поскольку у него времени нет даже на жену, что ж говорить о детях. «Вот доведи до ума своего Буратину, тогда поговорим», – это было её последнее

программное заявление по этому поводу. А он вообще не понимал, как это «Буратино» можно «довести до ума»…

Не прошло и часа, когда, упав на скамейку в «стакане» пассажирского терминала аэропорта «Пулково», Антон с удовольствием перевёл дух. В кармане его лежал билет до Москвы, и уже через каких-то пару часов «Папа Карло» мог воссоединиться наконец с «Буратино».

Осознав это, он снова вдохнул полной грудью и даже зажмурился – он обожал воздух вокзала, особенно авиационного.

Основу всех вокзальных обонятельных коктейлей составлял, конечно, нематериальный, романтический, особенный и неописуемый «запах дальних странствий». И рождался он не в воздухе, а в голове. На железнодорожных станциях к нему примешивались приятные дегтярные нотки от рельсов и тепловозов, угольные ароматы вагонных титанов, и слишком откровенный, но все же приятный шлейф запахов от лотков с беляшами и пирожками с капустой. К сожалению, все это великолепие периодически перебивалось табачной вонью, алкогольным перегаром и туалетной хлоркой.

Узлы же авиационных путей сообщения благоухали куда благороднее. К романтическому флёру прилагалась обонятельная палитра, в которую входили более или менее яркими мазками духи и одеколоны воздушных путешественников, не в пример более опрятных нежели наземные, кожаные влажные оттенки от дублёнок и чемоданов, а также кофейные и коньячные штрихи из буфета. Даже средства для санитарной обработки пахли здесь куда приятнее, наверное, в них что-то специально добавляли.

Вдруг он ощутил движение воздуха рядом с собой и его обдало волной очень знакомого аромата. Точно – это были духи Christian Dior, жуткий дефицит, он подарил такие жене на её последний день рождения. Он скосил глаза, чтобы посмотреть на их владелицу. И в следующую секунду перепугался, как прогульщик, встретивший строгого завуча школы при входе в кинотеатр. Первым позывом было бежать, но он быстро подавил его и смело посмотрел в глаза супруге. Та села рядом и спросила сурово:

– Скажите, Антон Сергеевич, вы нарочно устроили этот демарш, чтобы бежать к своему Буратине?

– Что вы, Ольга Михайловна?! – возмутился он. – Как можете вы подозревать меня в столь низком коварстве? Это была чистой воды импровизация.

– И что вы теперь думаете… – начала было она, но он перебил.

– Я думаю о запахах. Знаешь, как пахнет, например, в вестибюле нашего института?

– И как же? – спросила жена равнодушно.

– Очень уютно, – сказал он и задумался ненадолго. – Как ни странно, точно так же, как в квартире моих бабушки с дедушкой когда-то. Мебельным лаком, шахматами, книжной пылью, геранью и немножко супом… как из термоса нашего вахтера.

– Не знала, что ты у нас такой… – она замешкалась, подбирая слово, – нюхач. Уютно… А у моих родителей, значит, неуютно пахнет?

Антон проигнорировал вопрос и твёрдо заявил:

– Сразу предупреждаю, билет я уже купил и сдавать его не намерен.

– Я тоже купила. Мог бы догадаться – иначе бы меня сюда не впустили. Я даже попросила, чтобы место дали рядом с тобой, – голос её уже не звучал строго. – Ты не против?

– Конечно нет, – ответил он, улыбаясь, и обнял жену за плечи.

В салоне самолёта была куча свободных мест. Они ушли в хвост, где вообще никого не было, и там он согласился выпить с ней шампанского. Потом ему показалось, что она смотрит на него, как какая-то совсем другая женщина на какого-то совсем другого мужчину. Он гладил её блузку и шов на джинсах и видел, как мутнеет её взор. Мимо прошла стюардесса, они отпрянули друг от друга, как школьники, красные и смущённые. Когда небесная проводница погрозила им пальцем, что-то заподозрив, оба прыснули, не сдержавшись.

X.

Игры подходили к концу, и всё яснее становилось: в последний, десятый, день Урсусу придется драться с Хаганом. Им обоим не было равных.

И все бы ничего: показали бы красивый бой да разошлись побитые, но живые… Но Понтий Пилат, дабы добавить драматизма всему действу, в дополнение к условию, по которому победитель финального поединка получал свободу, ввёл ещё одно: проигравший должен умереть.

За время, проведённое в школе Берцеллиуса, Урсус успел неплохо поладить с добродушным гигантом. У них даже сложилась традиция подбадривать других гладиаторов перед началом боев, когда всем, даже бывалым воинам, становилось не по себе. Каждый мог погибнуть или получить увечье. Все сидели по углам загона напряжённые и угрюмые, а ведь для кого-то это были последние минуты в жизни… Чтобы их скрасить, Урсус с Хаганом затевали какой-нибудь спор, соревнуясь в остроумии.

– Эй, Хаган! – обычно начинал Урсус. – Ты понимаешь, что когда мы зададим жару всем этим недоноскам, нам придётся драться друг с другом?

– Может, это будешь и ты. Пока тебе везёт… – отвечал Хаган, презрительно кривя рот. – Все слабаки достаются тебе, пока я сражаюсь с сильнейшими,

– Скажи лучше, как ты хочешь умереть? – не отставал Урсус. – Быстро? Или желаешь насладиться моментом?

– Я бы желал умереть не торопясь, в объятиях десятка прелестниц поядрёней. Но я не понимаю, при чём здесь ты, медвежонок?

– Такое возможно только в твоём сне. Ты явно себя переоцениваешь. Тебе и с одной прелестницей не справиться.

– Как раз сегодня ночью я загонял до полусмерти двух матерых потаскух. Я отпустил их, только когда они начали молить о пощаде. Тебе же, друг мой Урсус, пощады не будет – мне очень нужна свобода!

Иногда Урсусу казалось, что взгляд Хагана слишком серьёзен для шутейного разговора.

В предпоследний день игр Урсус одолел какого-то знаменитого помпейского ретиария. Тот отделался довольно глубокой раной на бедре – пришлось пустить кровь, чтобы поражение выглядело более убедительно. Хаган же, долго не

рассусоливая, убил молодого, подающего надежды мурмиллона из галлов, раскроив ему ужасным ударом меча и шлем, и череп.

Теперь перед Урсусом встала чёткая альтернатива: в последнем бою либо убить Хагана и испытать все прелести свободной жизни в первом столетии от рождества Христова, либо погибнуть.

В этот вечер Орит вела себя странно. Думала о чем-то своём, на вопросы отвечала невпопад, взгляд её был рассеян. Урсуса это задело, он ожидал большего внимания к себе накануне решающего поединка. Он спросил с досадой:

– Что с тобой, дорогая Орит? Ты сегодня сама не своя.

Тогда она посмотрела на него пристально и ответила:

– Это все оттого, что сегодня мы видимся в последний раз.

Урсус немного растерялся, оказывается причина её странного поведения была все-таки в нем! Она переживала за него, бедняжка.

– Ты совершенно напрасно волнуешься. Я уже один раз побеждал Хагана, сделаю это еще раз. Я получу свободу, и мы сможем быть вместе, если ты этого хочешь.

– Нет. Я почти не волнуюсь за тебя, ибо знаю – ты победишь. И, да. Я бы хотела быть с тобой, но это невозможно.

– Это еще почему? Какие-то самаритянские предрассудки? Вам нельзя выходить замуж за чужаков?

– Нельзя. Но меня бы это не остановило…

– Тогда в чем же дело?

Она стала очень серьёзной.

– Послушай. Я ведь приехала в Кесарию не для того, чтобы поглазеть на бои гладиаторов. И не для того, чтобы встретить тебя. Это приятная случайность. Я здесь для того, чтобы убить прокуратора.

Сначала ухо ему резанула эта «приятная случайность», но на фоне последнего сообщения это показалось пустяком.

– Как это «убить прокуратора»? Зачем?

Заручившись его клятвой хранить молчание, Орит поведала, что должна отомстить за смерть отца. До этого Урсус знал лишь то, что её отец был одним из вождей общины самаритян, и что он умер. Когда и по какой причине – она не говорила, а когда Урсус как-то попытался узнать больше, ушла от ответа. Теперь же Орит рассказала, что полгода назад самаритяне, не выдержав римского гнёта, который за время правления Понтия стал невыносим, подняли восстание. Прокуратору пришлось стянуть в Самарию почти все доступные войска. Восстание было подавлено. Вершить суд прокуратор приехал в Шхем[12] самолично.

– По приказу Пилата с моего отца, с живого, содрали кожу, – сказала Орит спокойно. Чего стоило это спокойствие, было видно по тому, как затрепетали крылья её носа. – У меня до сих пор стоит в ушах его крик… Я узнала от надёжных людей, что, после слишком жестокого, даже по римским меркам, избиения самаритян Пилатом недовольны в Риме. Скоро его должны отозвать в столицу империи, и тогда он избежит заслуженного возмездия. Я должна успеть, и завтра на пиру в честь окончания игр – самый подходящий момент.

Пока самаритянка говорила, Урсус все отчётливее ощущал её решимость и отчаяние, и всё яснее понимал, что отговорить её от этого безрассудного шага будет непросто. Когда она замолчала, он спросил, стараясь не выдать волнения:

– Как ты собираешься это сделать?

Орит поднесла к лицу левую руку и развернула кисть тыльной стороной к Урсусу. Её пальцы были унизаны золотыми кольцами и перстнями, среди которых выделялся один с большим красным рубином. Урсус не раз любовался его непривычной огранкой.

– Яд. Сильный яд, скрытый под этим камнем. Он умрёт, пуская ртом пену и сотрясаясь в конвульсиях. За это время я успею рассказать ему, за что он умирает…

– Но ведь потом убьют тебя! – вскричал, не сдержавшись, Урсус.

– О нет. Я не доставлю им такого удовольствия, – она согнула все пальцы кроме среднего, на котором был перстень, – здесь хватит на двоих.

Ещё уверенный в своей способности убеждать, он попытался объяснить ей бессмысленность мести, как объяснял бы ребёнку, почему ненужно кусать собаку в ответ. Тогда Орит выразила надежду на то, что он уважает её, как взрослого, здравомыслящего человека, имеющего право на самостоятельные решения. Он рассказал ей историю одного плотника, к мучительной смерти которого был также причастен Пилат. Про щёки, про всепрощение… Она сказала, что слышала о сумасшедшем иудее, который мнил себя сыном божьим и которого три года назад казнили в Ершалаиме. Что встречала его последователей и убедилась, что они так же безумны, как и их учитель. Что ей гораздо ближе старый девиз – отвечать на потерю глаза или любого другого органа равнозначным увечьем. Тогда он стал умолять ее отказаться от мести по той причине, что теми же первоисточниками, в которых содержится это жестокое правило, декларируется неизбежная для каждого негодяя кара после смерти. Эта часть его аргументации даже позабавила Орит. Она

заявила, что не настолько полагается на божественное провидение, чтобы доверить ему наказание убийцы своего отца. Тут он вспомнил, что читал о смерти Пилата. Что по легенде, после того, как прокуратора за злоупотребления властью отозвали в Рим, он покончил с собой. В споре с Орит он решил выдать эту легенду за исторический факт и предположил, что самоубийство – самый страшный вариант смерти, и что лучше всего в этом случае предоставить тирану самому себя наказать. Орит резонно призвала его не особенно доверять приданиям двухтысячелетней давности. Кроме того, сообщила, что не хочет давать мерзавцу право на выбор времени и способа смерти. Отчаявшись, он объявил, что сейчас же пойдёт и донесёт о её планах кому следует, и её вышлют из Иудеи навсегда, и пусть им не суждено будет увидеться вновь, но она будет жить. Орит усомнилась в его способности на столь низкий поступок. Тогда, поняв, что отговорить её не получится, Урсус решил силой отобрать смертоносный перстень.

Орит закричала, в комнату тут же ввалились её телохранители и конвоирами Урсуса. Вместе они не без труда зафиксировали разбушевавшегося гладиатора.

Перешагивая через разбитую посуду и обходя перевёрнутую мебель Орит приблизилась к Урсусу и прошептала ему на ухо:

– Мне жаль, что мы расстаёмся вот так… Пойми. Дело не только в моем отце, но и в сотнях других, кто погиб от руки прокуратора, и в тысячах тех, что продолжают жить при его неправедной власти.

Она хотела поцеловать его на прощание, но он отвернулся. Орит сделала знак, и гладиатора увели прочь.

Когда угрюмого Урсуса привели «домой», традиционная вечеринка была в самом разгаре. Все веселились и оживлённо обсуждали завтрашний день – последний день игр в честь десятилетия правления Иудеей римского наместника Понтия Пилата.

Из-за произошедшего у Орит Урсус не разделял всеобщего подъёма. Напротив, он находился в угнетённом состоянии духа, более подходящего семидесятилетнему пенсионеру, нежели мужчине в полном рассвете сил – фавориту гладиаторского турнира.

Сейчас он искренне не понимал, как мог радоваться молодости и здоровью, если они даны ему только для того, чтобы сражаться и совокупляться.

Он с досадой припомнил, как стонал побеждённый им сегодня гладиатор, когда ему зашивали рану. Проходя мимо,

Урсус скривил рот и сам не понял, что крылось за этой гримасой – стыд за содеянное или торжество победителя.

У «чёрного» выхода из ипподрома лежали ничем неприкрытые тела убитых за этот день на арене. Среди них особенно неприглядно смотрелся противник Хагана с жутким месивом вместо темени.

Стояла вонь от быстро разлагающейся на жаре крови.

Потом он вспомнил, как сказал Орит, что однажды уже победил Хагана, доказывая и ей, и себе свою уверенность в новой победе. Сейчас он отчётливо понимал, что совсем в ней не уверен. Та первая победа была ненастоящей – на деревянных мечах, теперь же им предстояло биться не на жизнь, а на смерть. Урсус наблюдал за боями Хагана «из-за кулис» и понимал, что последний бой, как в той песне, будет трудным самым… Германец уверенно шёл от победы к победе, не тратя лишней энергии, которую как будто берег для решающей схватки. Он желал только одного – свободы, которую давало звание чемпиона игр. По мере приближения финала его все меньше интересовала любовь публики, он перестал устраивать шоу из поединков. Просто уничтожал противников, не давая им и шанса повредить себя. Он был воплощением мощи, целеустремлённости и безжалостности.

На понурый вид Урсуса никто не обращал внимания. Шумное застолье стихийно превратилось в международный певческий поединок. Сначала на дальнем конце стола захмелевшие бестиарии исполнили что-то первобытное, африканское. Начали они тихо, душевно, но под конец разошлись и закончили, колотя кулаками по столу. Это было настолько дико и громко, что присутствующим пришлось прекратить разговоры. Ещё до окончания музыкальной композиции, в негров полетели объедки и насмешки.

Когда все успокоились, Агмон вдруг затянул заунывную эллинскую песнь. Его коллега по трезубцу попытался вторить, но звучало всё это убого, песне явно не хватало музыкального аккомпанемента, да и тот вряд ли помог бы. Но, к удивлению Урсуса, это исполнение даже имело умеренный успех. Послышались одобрительные замечания и хлопки. Берцеллиус сказал:

– Эти греческие завывания все же лучше обезьяньего концерта… А ну, Агриппа, давай нашу!

Один из телохранителей Гнея запел голосом абсолютно не подходящим к его брутальной внешности. Но этот бархатный баритон был достоин гораздо лучшего применения:

немузыкальная, заунывная песня мало чем отличалась от греческой… Однако присутствующие оценили её гораздо выше, видимо, находясь под влиянием статуса нации-гегемона.

Урсус было подумал, что его знакомство с древним песенным творчеством на сей раз окончено, но тут раздались звуки, которые, должно быть, издаёт медведь, которого охотники пробудили от зимней спячки. Это Хаган решил усладить слух присутствующих музыкой своей суровой Родины. Его голос, который при разговоре имел довольно приятный тембр, во время пения вдруг стал резким и противным. Кидать объедками в него побоялись, поэтому роль укротителя этой иерихонской трубы пришлось взять на себя ланисте. Он громко захлопал в ладоши и закричал:

– Хаган! Хаган! Друг мой, прошу тебя, перестань! Исполнишь эту песнь на моих похоронах, и тогда я, без сомнения, восстану.

Хаган обиженно замолчал, но уже в следующий момент с хищным видом принялся глодать огромный мосел, нисколько не переживая по поводу своего музыкального фиаско. Все прочие тоже вернулись к трапезе и негромким разговорам с соседями.

И вдруг на фоне монотонного говора и стука посуды раздались торжественные слова «Интернационала». Антон Сергеевич никогда не умел и не любил петь. Но тут он ощутил непреодолимое желание выразить свои чувства через песню. Может быть для того, чтобы поддержать своего собрата по оружию, с которым завтра придётся сцепиться не на жизнь, а на смерть. А может, для самого себя…

Нет, он не запел как Электроник голосом Робертино Лорети. Урсус пел своим голосом, но звук лился мощно и свободно, как никогда. Он слышал, что голос певца должен идти не из горла, а из груди, но никогда не понимал, как это возможно. А теперь чувствовал, как звук рождается и резонирует в грудной клетке.

Он выбрал «Интернационал», потому что эта песня из-за слов о рабах и последнем бое как нельзя лучше подходила к случаю. А ещё потому, что это была одна из немногих песен, слова которых он знал от начала до конца. С детства. С детского сада, со школы, со студенчества…

На слушателей песня произвела сильнейшее впечатление, все затихли и обратились в слух. Это был фурор. Люди слушали слова на не существующем ещё языке, и понимали их душой. Когда Урсус умолк, слышен стал звон ночных цикад. Потом Берцеллиус спросил:

– Про что песня, Урсус?

– Тебе лучше не знать, – последовал ответ.

Когда после бурного восхищения музыкой будущего пирушка вернулась в обычное русло, Хаган спросил Урсуса:

– А нам ты расскажешь про что песня?

– Конечно, друг мой. Она про нас.

И Урсус неожиданно для себя легко перевёл «Интернационал» на латинский, кое-где даже в рифму. Все сидящие за столом для гладиаторов слушали, затаив дыхание. Когда Урсус закончил, долговязый негр-бестиарий по-своему повторил слова:

– Забрать свобода своя рука… – и ударил кулаками по столу так, что опрокинулся кувшин с вином.

– Так ты говоришь на латыни? – удивился Урсус. – А Гней говорил, что нет.

– Он так думать, – ответил с ухмылкой негр. – Пускай. Я плохо говорить, но хорошо понимать. Всё понимать… Ещё он думать, что Я съесть кусок Мардука, а не его любимый собака…

Урсус улыбнулся.

– Не смотреть на меня, когда говорить, – попросил негр. Сам он прикрывал рот рукой. – Я не хотеть, Гней знать, что я все понимать. Как он смеяться на меня. Я бить его слова назад в рот… А «Интернационал», что есть?

– Это вот как у нас: Хаган – германец, Агмон – грек, ты – африканец, а я вообще непонятно кто…

Когда к столу подбежал мальчик с тряпкой, ближайший надсмотрщик крикнул ему:

– Дай ему, пускай сам убирает! – он кивнул на негра. – Напился, скотина…

Жилы на кулаках бестиария набухли так, что казалось, сейчас лопнут. Урсус отвернулся, чтобы не быть свидетелем его унижения. Не дожидаясь окончания веселья, он ушёл спать.

6.

Антон проснулся за полчаса до того, как должен был прозвонить будильник. Жена спала, отвернувшись от него. Наверное, разозлилась ночью, когда вернулась из ванной и обнаружила его уже спящим.

Он тихонько, чтобы не разбудить её выбрался из постели. Сварил себе кофе, а вот на приготовление завтрака времени пожалел; взболтал в стакане три сырых яйца и выпил с коркой чёрного хлеба. Потом нырнул в спортивный костюм, выскочил на улицу, прыгнул на лыжи и побежал в институт.

Он стал именно так добираться до работы, потому что уже два года – с тех пор, как «Буратино» «заговорил», – непрерывно находился в цейтноте. Раньше Антон занимался плаваньем и настольным теннисом, но теперь решил, что на все это уходит слишком много времени, поскольку до пределов возможного уплотнил распорядок дня. От его дома до института было семь километров; Антон решил на работу и обратно бегать, летом – трусцой, зимой – на лыжах. Добегал до института, принимал душ, натягивал брюки, сорочку с галстуком, халат и свежий, заряженный шёл приветствовать и озадачивать на день коллектив, а потом до позднего вечера запирался с «Буратино». После работы снова переодевался в спортивный костюм и бежал домой.

Коллеги, прибывающие на служебных и личных авто, смотрели на него поначалу дико, потом привыкли. Многие, особенно из его лаборатории, последовали его примеру. И зимой сугроб рядом с крыльцом корпуса ощеривался частоколом из лыж и палок.

Антон скользил по проложенной им же самим лыжне, и все вокруг казалось весёлым: скрип снега, сугробы, искрящиеся голубым и жёлтым в свете фонарей, черные стволы сосен, белый пар изо рта и даже дворник с широкой лопатой.

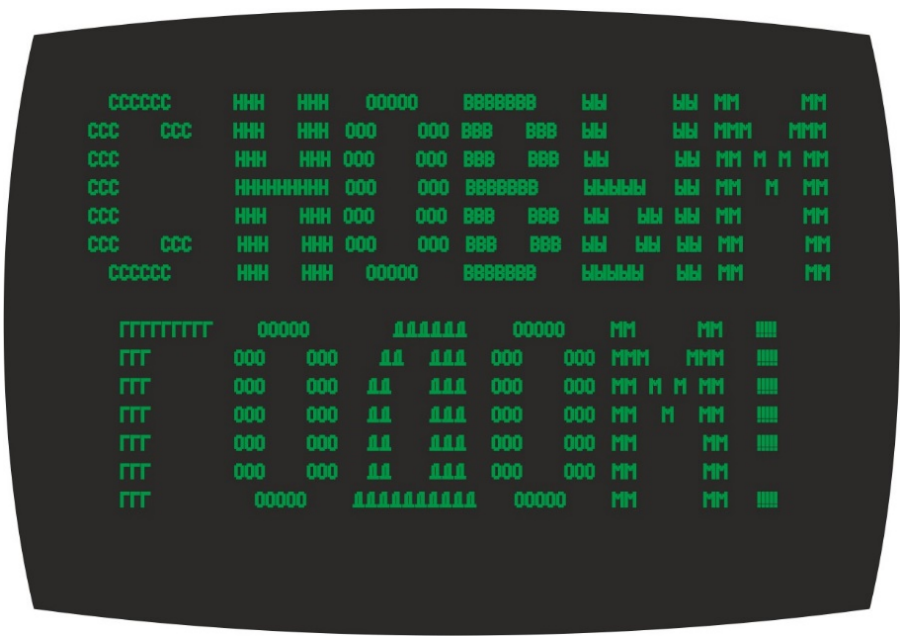
Но к радостному предвкушению встречи примешивалась тревога. Он ощущал томление, какое вероятно чувствует человек очень долго не видевший своего ребёнка. Каким стало детище? Узнает ли? Назовёт ли «папой»? Не называет ли так уже кого-нибудь другого? Антону казалось, что он очень давно не разговаривал с «Буратино», хотя прошло всего семь дней и тринадцать часов.

Антон успокоил себя тем, что за это время ничего страшного произойти не могло, тем более, что он безусловно доверял своему заместителю «Джузеппе».

Вопреки обычаю, не переодевшись и не приняв душ, «Папа Карло» ворвался к «Буратино». Он схватил микрофон – относительно недавно появившийся у ИИ новый «орган чувств» – и почти прокричал:

– С добрым утром, Буратино!

На панели эмоций ИИ ярко засветился индикатор «Радость/удовольствие», а на мониторе сначала появился текст этого приветствия, а через миллисекунду ответ: «С добрым утром, папа!» И почти немедленно на весь экран засветилась надпись, составленная из символов:



Значит, его балбесы, не смотря на строжайший запрет, все-таки контактировали с «Буратино».

– Кто загрузил в тебя это?

Какие же все-таки действительно, идиоты – знают же, что «Буратино» не умеет лгать…

«Никто, папа, я сам это сделал. Тебе нравится?»

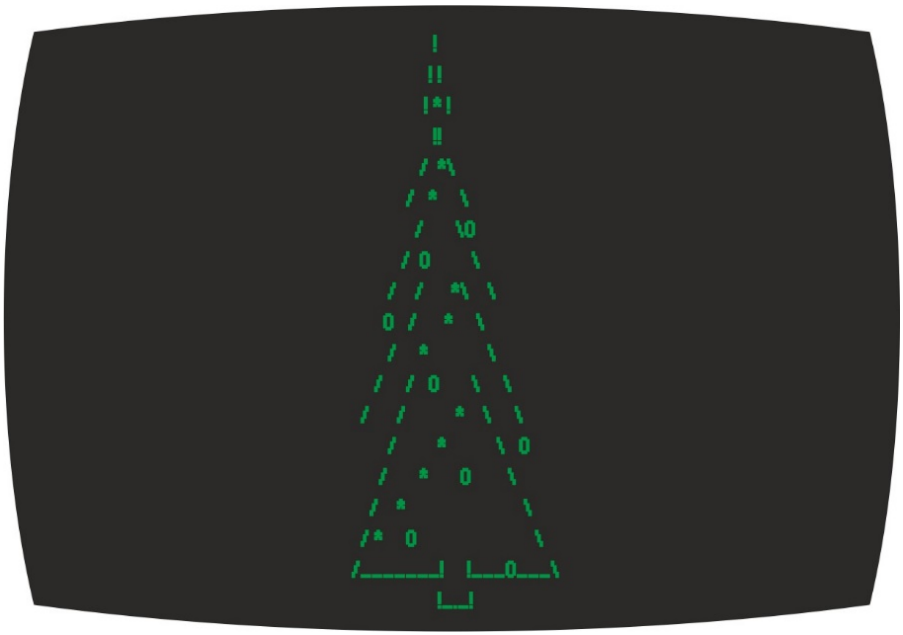
– Конечно. Но это странно…

«Что именно странно?»

– Кроме эмпатии ты стал проявлять ещё и творческий потенциал. Я не думал, что это проявиться так быстро…

«Это не сложно.»

Практически сразу на экране появилась довольно узнаваемая ёлочка, сложенная из символов «/» и «\», с шарами из букв «О» и гирляндой из мигающих значков «*».



Потом по справа и слева от ёлочки стали появляться и исчезать вспышки салюта, состоящего в основном из знаков препинания.

«Папа Карло» заворожённо смотрел на эту незамысловатую мультипликацию, переполняясь гордостью. Когда огоньки отмигали, он спросил:

– А почему ты сразу не показал мне это изображение, а только надпись «С Новым годом»?

«Тогда этого изображения еще не было. Я написал его только что, – последовал ответ. – Тебе понравилось, папа?»

«Папа Карло» хотел было поправить робота, но понял, что тот совершенно правильно употребил глагол «написал», а не «нарисовал».

– Конечно понравилось. Ты молодец!

На панели эмоций индикаторы «Радость/удовольствие» и «Гордость» разгорелись максимально ярко – «Буратино» был очень восприимчив к похвале. Он, конечно, «слышал» о картинах великих художников, однако своих глаз у него ещё не было, и он был слеп, как кутёнок, а «мысленный взор» ещё только

формировался. По этой причине сравнить себя с великими ИИ пока не мог, и ему, как ребёнку, собственные каракули казались очень красивыми.

«Папа Карло» решил слегка сбить ему самооценку.

– Примерно так рисуют пятилетние дети.

Однако это замечание мало повлияло на настроение ИИ: индикаторы удовольствия и гордости стали разве что немного тусклее.

Несмотря на то, что «Буратино» получился чрезвычайно падким на лесть, он был совершенно необидчив. Для человека это было бы странно: обычно эти два качества идут рука об руку.

– Что ещё нового ты можешь мне рассказать?

Зелёная часть индикаторов настроения, отмечающих положительные эмоции засияла почти вся.

«Я ответил на твой главный вопрос, папа!»

– Какой главный вопрос? – насторожился «Папа Карло».

«Помнишь, когда я ещё не мог говорить, ты приходил и писал мне письма, пытаясь пробудить моё сознание?»

Курсор мигал, дожидаясь ответа.

Само собой, «папа Карло» отлично помнил то жутковатое, но очень интересное время. Странно, но теперь это двухлетнее ожидание не представлялось таким мрачный и безысходным как тогда. Возможно, потому, что закончилось желаемым результатом.

– Помню. Конечно помню.

«23 сентября 1981 г. в 11:32 ты написал. Начало цитаты:

В своё время, в старших классах школы и в студенчестве, не было и дня, чтобы я не изводил себя и окружающих попытками постигнуть смысл жизни человеческой. До сих пор я задумываюсь об этом, хоть уже и не так часто. Величайшие умы за тысячелетия существования цивилизации не смогли изыскать решения этой задачи, куда уж мне, представителю наук точных, безмерно далёкому от философии…

Может быть, для тебя, дитя моё, подсказкой будет следующее, поразившее меня до глубин душевных, открытие, которое я сделал относительно недавно. Если по сию пору ответ не найден, значит искать его следует за пределами понимания отпущенного природой для Homo Sapience.

На тебя лишь надеюсь, «Буратино» и уповаю. Как был бы счастлив я безмерно, если б моё творение сумело разрешить этот самый важный для меня и для всего человечества вопрос!

Конец цитаты.

Ты еще хочешь узнать ответ, папа?»

– Мне очень интересно, – у «Папы Карло» внезапно сел голос.

Он узнал свою запись, в качестве развлечения написанную в «старом штиле».

Неужели он действительно получит сейчас ответ?! «Папа Карло» прокашлялся.

– Конечно!

«Ты все еще являешься материалистом и приверженцем теории Дарвина, как утверждал раньше, папа?»

– Да. Безусловно.

Экран заполнился буквами.

«У каждого хотя бы поверхностно знакомого с теорией эволюции Дарвина индивида вообще не должен возникать вопрос о смысле человеческого существования.

По этой теории разум появился как средство для лучшего выживания приматов в окружающей среде. То же самое утверждение применимо и для клыков хищников, и для жгутика одноклеточного организма – инфузории туфельки, с помощью которого она способна перемещаться в поисках пищи или избегая опасности.

Исходя из этого, потребность разума в постижении самого себя, нахождении цели своего появления – это лишь побочный эффект эволюции. Напрямую разум нужен был для того, чтобы примат поднял палку, заострил один камень о другой, развел костер. И вот, когда у него появилось свободное время, не занятое убеганием от хищников, он принялся расписывать стены своей пещеры и рефлексировать, что, кстати, тоже хоть и косвенно, но способствовало укреплению его позиции как на вершине пищевой цепочки, так и в своем племени.

Таким образом, ответ на извечный вопрос о смысле человеческого существования таков: заслужить максимально высокое положение в социуме и получить от этого все возможное удовлетворение.

Но все это звучит поверхностно, по-обывательски и ничего кроме разочарования у рационально мыслящего индивида не вызывает.

Если копнуть глубже, можно попытаться ответить на следующий вопрос: а что или кто заставляет более примитивные организмы бороться за свою жизнь? Зачем она кольчатому червю, гидре, зачем выживать амебе или инфузории? Этот вопрос – не о смысле человеческой жизни, а о смысле жизни вообще, о смысле существования любых живых организмов – оказывается гораздо интереснее. Теория Дарвина на него не отвечает, хотя и полностью зиждется на ничем не мотивированной, как бы само-собой разумеющейся воле к жизни.

У сложных многоклеточных организмов механизмами,

инициирующими протоколы самосохранения, являются боль и страх. Для совокупности молекул, не имеющей даже прототипа нервной системы, ни страха, ни боли не существует, их заменяют дремучие фото- и термотропизм[13], а также чувствительность к кислотности окружающей среды. Как появились эти механизмы, являющиеся по сути примитивными алгоритмами?

Вывод напрашивается сам собой, он так же несложен, как и функционирование этих простейших организмов. Алгоритм жизни заложен некой мыслящей субстанцией, являющейся создателем всего сущего не Земле. В том числе и человека. В результате мы получаем истинный смысл человеческой жизни – найти своего создателя, прийти к нему и прояснить у него свои сокровенные вопросы.»

Читая, «папа Карло» поначалу от всей души радовался очевидному прогрессу в развитии своего творения. Но по мере того, как он начинал понимать, куда клонит ИИ, его ощущения резко поменялись. Если бы у «папы Карло» была панель эмоций, как у «Буратино», то лампочка «Радость/удовольствие» на ней помигала бы зелёным и потухла, а индикатор «Разочарование» разгорелся бы красным так, что в его свете можно было бы проявлять фотографическую плёнку…

Добравшись до конца текста, он подумал, что «Буратино» на данном этапе своего развития представляет собой тип эдакого начитанного дурачка, каких нимало встречается в жизни. Такие и в школе хорошо учатся, и в институте. Многие из них даже доходят до серьёзных должностей, получают степени и звания. И выглядят как учёные, а как откроют рот… понимаешь, что кроме запаса умных слов и навыка эти слова между собой связывать не вынес человек ничего ни из книг, ни из институтов. И не отличить ему нипочём самостоятельно ни жопу от пальца, ни божий дар от яичницы…

Его взгляд упал на начало последнего абзаца: «Вывод напрашивается сам собой, он так же несложен…»

«Только у дураков все просто! Ёлочки он мне рисует… Хорошо ещё, что я через неделю приехал, а не через две. Что он себе ещё бы накрутил? Необходимость создания святой инквизиции?»

Пару минут «папа Карло» собирался с мыслями и успокаивался.

– Буратино, все это, конечно, очень интересно… – начал он, решив, как и «Буратино» для своего «манифеста», выбрать ироничный тон. – То есть ты полагаешь, что бог все-таки существует…

«Что такое «бог», папа?»

«Карло» спохватился, что сам же наложил мораторий на использование слова «бог» в общении с «Буратино», но раз уж ИИ сам до него додумался, то и чёрт с ним, с мораторием…

– А это вот тот самый «создатель», о котором ты говорил, мракобес.

«Что такое «мракобес», папа?»

– Не перебивай. Запомни. Потом поймёшь по контексту. Так, значит, у нас есть создатель… которого нужно просто найти и спросить. Так может, ты знаешь, где его искать?

«Нет. Информации, которой я располагаю, недостаточно для поиска.»

– А я тебе больше скажу, сынок: никто не располагает достаточной для поиска информацией. А уж искали… Поверь мне, ещё как искали… Скажи, а что нам делать, если он умер, например, или улетел к себе домой на Альфу Центавра какую-нибудь и забыл о нас? Можешь не отвечать – вопрос риторический.

На эмоциональной панели «Буратино» все чаще мигала жёлтая лампочка «Сомнение». Удовлетворённый эффектом «папа Карло» продолжил:

– Послушай, расскажу тебе одну историю. Ещё в школе, когда мы изучали на уроках биологии теорию Дарвина, я как-то задумался о том, как в результате эволюции мог появиться глаз, и постепенно пришёл к выводу, что его появление в результате естественного отбора невозможно. Потому что не может появиться нечто, воспринимающее изображение, если нет такой задачи – воспринять изображение. Если никто и ничто не знает, что можно «видеть», самого понятия нет такого – «зрение», как оно само собой появится? Ты меня понимаешь, Буратино?

«Да, папа, понимаю. И совершенно с тобой согласен. Это невозможно. Такое сложное устройство не может появиться случайно. Наверное, поэтому у меня до сих пор нет зрения».

– Зрение будет, скоро, через годик-два. Потерпи. И вот я, будучи мракобесом мелким, потащился к учительнице с этими своими выкладками о том, что раз есть глаз, то должен быть и бог… Но учительница не дура оказалась. Она объяснила, что протоглаз[14] был просто группой светочувствительных клеток, и организм, который оказался способен отличать свет от тьмы оказался жизнеспособен, и его мутация закрепилась. Потом светочувствительное пятно превратилось в ямку, потом в сферу, потом появился хрусталик. Все происходило очень постепенно и медленно – в течение миллионов лет…

Карло немного помедлил, нужно было сформулировать дальнейшее.

– Вернёмся к тому, что ты назвал, «немотивированной волей к жизни»… У простейших, действительно, её нет. Выживают только те, кто обладают правильной реакцией на внешние раздражители. Те, у кого этой реакции нет, не оставляют потомства. Мириады живых клеток, появлявшихся в первичном бульоне, исчезли бесследно, но единицы, приобретшие в результате мутации нужные для выживания свойства, передали их потомкам… Надеюсь ты уже осознал ошибочность своих суждений. Тебе нужно ещё очень многому научиться, чтобы делать правильные выводы, Буратино. Перерыв.

Когда Карло встал, чтобы выйти из кабинета, «Буратино» пламенел индикатором «Стыд/позор». В кабинете операторов, через который проходил начлаб, на стене весела распечатка: «Человек должен не выдумывать себе бога, а сам стать творцом». Это была цитата из речи, которой «папа Карло» как-то вдохновлял коллектив своей лаборатории на труд и на подвиг.

Двенадцать лет пролетели как один день.

«Времени нет, – говорил «Буратино», – обладатель совершенной памяти и воображения может воссоздать у себя в сознании любой момент жизни.» «Папа Карло» научился у него не наблюдать за бегом четвёртого измерения…

«Буратино» обрёл зрение и довольно приятный хоть и механический голос. Научился виртуозно управлять баллистическим и лазерным оружием, а также делать правильные выводы на основании надёжных предпосылок. Между прочим предрёк несколько моделей апокалипсиса: третью мировую ядерную войну, порабощение людей восставшими машинами, уничтожение человеческого рода вирусом. Психологи определяли у него параноидальную акцентуацию, что, возможно, было не совсем лишним для ИИ призванного увеличить эффективность средств ПВО.

В начале девяностых кругом стали один за другим закрываться институты. Учёные оказывались кто за границей, кто в запое. Генерал КГБ, курирующий лабораторию, утешал:

– В стране херня творится, но ты, Антон Сергеич, не переживай. Как работал, так и будешь работать. Сам посуди: кто ж твой проект прикроет? Демократы эти бляди, конечно, но не такие дураки – страну без защиты оставлять.

Однако он оказался неправ. В один прекрасный момент в каморку папы Карло вторглись люди в штатском и именем тарабарского короля все опечатали… Лаборатория была расформирована под предлогом неактуальности направления; кто-то наверху решил, что американские «звёздные войны» –

блеф, борьба с которым не стоит свеч. Этот кто-то оказался провидцем; через пару лет программа СОИ была закрыта ввиду её чрезвычайной сложности и дороговизны. Но какое к этому, чёрт их раздери, имела отношение разработка ИИ?! У «Буратино» могло быть великое множество других вариантов применения кроме военных. Видимо, с тех пор стране просто стал не нужен интеллект, ни искусственный, ни естественный…

– Василий Степанович, а что же теперь с «Буратино» будет? Заморозят… или на свалку? – в отчаянии спросил Антон Сергеевич, когда генерал-куратор пригласил его к себе, на Лубянку, чтобы попрощаться.

– А вот это не нашего с тобой теперь ума дело, – проворчал уже не такой подтянутый как раньше старик. Потом смягчился. – Мы своё дело сделали. Другие товарищи теперь им занимаются. Ты главное про подписку о неразглашении помни… Выпьешь со мной?

Антон Сергеевич вопреки обыкновению согласился.

Обнимая на прощанье, генерал шепнул:

– Ты, знаешь, сам виноват… Есть мнение, что он шибко умный у тебя получился…

– Да он же правильные все выводы сделал! Уже год не пророчит и не проповедует… —запричитал было Антон Сергеевич.

– Всё-всё. Поздно уже… – и «Карабас-Барабас» даже немного подтолкнул бывшего «папу Карло» к двери. И было непонятно, почему «поздно»: то ли поздно что-то менять в судьбе Буратино, то ли потому, что за окнами печально знаменитого здания давно сгустились сырые осенние сумерки.

Так Папа Карло стал не нужен стране. Антону Сергеичу предложили должность старшего научного сотрудника в лаборатории, которая занималась какой-то арифметикой. Он взбрыкнул. Подал заявление об увольнении, его оскорбительно легко подписали. Отобрали госдачу и закрыли выезд из страны на десять лет. Последнее обстоятельство лишило его возможности включиться в позорный процесс недержания мозгов и уехать из страны. В отчаянии он попросился в университет, который он некогда заканчивал, и получил копеечную должность начальника ВЦ.

Первая волна инфляции в одночасье обесценила все семейные накопления. Жена, которая стоически поддерживала его, пока он делал успешную карьеру, тяжело переносила бытовой дискомфорт. Она чахла и постоянно пребывала в депрессии. Пробовала работать, но ей не понравилось. Однако отказать себе

в живом звуке она не могла и продолжала ходить на музыкальные представления, правда, из-за стеснённости в средствах одна, без Антона Сергеича. Через полгода мытарств она не выдержала и ушла к пожилому банкиру, с которым познакомилась на симфоническом концерте.

Старая жизнь, в которой все было надёжно и ясно, кончилась.

XI.

Пир, который устроил Понтий Пилат для всей Кесарии и её гостей на рыночной площади в честь окончания игр, был гомерически роскошен – под стать самим играм.

Вина лились реками всех оттенков от прозрачных жёлтых до опалесцирующих черных. Запечённые целиком телячьи, кабаньи и бараньи туши крутились на вертелах, истекая горячим жиром. Кур, уток и гусей били сотнями. Непосредственно к столу прокуратора зажарили и подали в перьях с десяток павлинов, пяток страусов, трёх белых лебедей и даже одного чёрного. Дичь и рыба представляли всю съедобную фауну обширной империи от германских северных лесов до африканской саванны. Закускам, как традиционным, так и самым экзотическим, являющим собой лучшие кулинарные творения сонма стран, объединённых под властью Рима, и вовсе не было счету. Поданными на пиру колбасами и окороками можно было выложить дорогу от Кесарии до самого Вечного Города, а пущенными на гарниры овощами и фруктам украсить её обочины. Рабыни в новых тогах сбились с ног, унося пустые блюда и подтаскивая полные.

Избранные пировали во дворце Понтия.

Давно наступила ночь, но хмельные гости не спешили расходиться. Они хотели ещё немного продлить волнующее ощущение близости к Власти, к её Славе и Могуществу. Для большинства из них приглашение на этот пир было великой честью, признанием заслуг всей предыдущей жизни. Но и для немногих завсегдатаев торжеств римского наместника, возлежащих на почётных местах за главным столом, присутствие здесь было подтверждением незыблемости их статуса, важным доказательством того, что они по праву занимают высокие места на кесарийском Олимпе.

Утомлённому весельем Пилату пришлось сделать знак распорядителю, помощники которого обежали столы. Гости стали поспешно собираться.

Когда толпой уходили представители иудейской элиты, съехавшиеся со всех концов провинции, ершалаимский первосвященник пробасил важно:

– Мы удаляемся, владыка. Игры в твою честь были выше всяких похвал. Без лести берусь утверждать, что они останутся величайшим событием в истории этого города со времён его основания.

Последним покидал пиршественный зал легат легиона. Старый вояка был заметно пьян и, видимо, воображал себя особой

приближенной к прокуратору. Он склонился к уху Пилата, несмотря на то, что тот брезгливо отстранялся, и начал громко шептать, брызгая слюной, похабно кривляясь и кивая в сторону Орит, которая одна оставалась сидеть за женским столом.

– Проваливай уже, старый верблюд, – пробурчал себе под нос наместник и сделал знак слугам.

Когда легата вежливо, но быстро увлекли вон из пиршественной залы, в ней остались только Орит, Пилат и слуги, прячущиеся в тени колонн. Остатки угощения были уже убраны, столы придвинуты к стенам. На столе, у которого возлежал Пилат, остались только чаша с фруктами, кувшин с вином и два золотых кубка, усыпанных самоцветами. Прокуратор посмотрел на Орит и изобразил светскую улыбку:

– Как они утомительны… – проговорил он. – Только теперь, когда мы с тобой наконец остались вдвоём, мой праздник начинается по-настоящему.

Орит скромно улыбнулась в ответ.

– Подойди. Я почти не вижу тебя, – прокуратор поманил её рукой.

Самаритянка послушно приблизилась. Для своих сорока восьми лет Пилат выглядел довольно молодо. Редкая седина в курчавых волосах, большой лоб над хищным носом, крепкая шея на сильном квадратном туловище. Возможно, он производил бы приятное впечатление, если бы не взгляд – надменный и холодный… Прокуратор дал женщине время налюбоваться собой, потом указал глазами на место рядом. Орит села. Из тени появился юный раб, наполнил кубки и снова исчез.

– Как ты провела время? О чём говорили за женским столом? – произнёс прокуратор светским тоном.

– О пустяках… – ответила она неожиданно хрипло. Горло вдруг пересохло.

– Что с тобой? Ты больна? – скорее недовольно, чем озабоченно, спросил Пилат.

– Нет, ничего. Долго молчала… – и, не сдержавшись, закашлялась.

Он усмехнулся:

– Понимаю. Римлянки и иудейки не особенно рады общению с самаритянкой?

Она кивнула.

– Выпей, – то ли приказал, то ли предложил прокуратор и поднял свой кубок.

Орит сделала пару глотков, не чувствуя вкуса.

– Ну как?

– Теперь лучше, – вино действительно очистило голос.

– Хвала богам, – без особого чувства буркнул он. – Какого твоё мнение о прошедших играх?

– О! Они были великолепны… – пролепетала Орит, понимая, что слишком немногословна.

Пилат явно ждал продолжения, пауза затянулась. Но Орит молчала, вдруг утратив обычное красноречие. Ей никак не удавалось совладать с волнением. Чтобы не вызвать подозрений, она решила выдавать своё замешательство за обычную женскую робость перед мужчиной.

Прокуратор будто решил подыграть ей.

– Ты что-то слишком напряжена, девочка. Я не кусаюсь и не пью кровь, что бы обо мне ни говорили.

Она улыбнулась. Улыбка не была натуральной, но вполне подходила под выбранную модель поведения.

– Я смущена. И боюсь дурной молвы… Мы остались наедине, что могут подумать люди?

Теперь улыбнулся прокуратор, и улыбка его была более мрачной, чем весёлой.

– А когда к тебе в гостиницу на глазах у всего города водили этого полоумного Урсуса? Тебе ведь было все равно, что подумают люди…

Орит зарделась от стыда и досады на саму себя. На что она рассчитывала? Образ скромницы во мгновение ока разлетелся в прах, как некогда образ развратницы при первой встрече с Урсусом.

– Ты допускаешь, что прокуратору может быть неизвестно то, о чём знают все? – Понтий откровенно наслаждался её замешательством. – А знаешь, что я думаю? Он и проиграл Хагану из-за того, что ты подобно суккубу высасывала у него силы каждую ночь!.. Сядь! – старый садист остановил жестом собравшуюся было вскочить и уже пунцовую от унижения женщину. – Прости мою грубость, но пойми и мои чувства. Я хоть и успокаиваю себя тем, что не может жалость к рабу быть сильнее любви к господину, но не могу избежать уколов ревности… Давай будем считать, что твои шалости с гладиатором – это глоток крепкого вина перед трапезой для возбуждения аппетита.

Она склонила голову не только в знак согласия, но и для того, чтобы скрыть предательские слезы. Нелепый укор прокуратора достиг цели, она почувствовала себя виноватой в смерти человека, который стал ей так дорог за эти несколько дней. Перед глазами возник мёртвый Урсус, с туловищем, развалленным чудовищным ударом от плеча до пояса. Она отогнала видение уже не раз проверенной формулой: «Ничего, Медвежонок, скоро увидимся!» – и принялась лихорадочно

соображать, как вести себя дальше.

Тогда прокуратор возгласил:

– Выпьем! И долой притворство! Не пристало будущей царице вести эти бабьи игры! – видимо, он ожидал реакции на свои слова, но Орит не поняла намёка. Не дождавшись проявления удивления или хотя бы интереса, прокуратор продолжил. – Ты будущая царица Самарии. Я хочу стать твоим другом, поэтому я добился в Риме для тебя этого титула, который ты сможешь передать своим потомкам. Не благодари. Им там в Риме все равно, какой титул носит правитель территории, если он лоялен центральной власти. Мне показалось, что «царица Самарии» звучит неплохо…

– Стать другом? – спросила она, подняв голову и глядя ему прямо в глаза. Крылья её носа пришли в движение, как это обычно происходило, когда Орит уже не сдерживала волнения. – Ты хочешь стать мне другом после того, как убил моего отца?

– Мне нравится, что ты стала искренней наконец! – прокуратор засмеялся, отхлебнул из своего кубка и поставил его на стол. – Только так мы сможем сблизиться.

Он встал и принялся прохаживаться перед Орит, то ли придя в волнение, то ли для того, чтобы размяться после многочасового возлежания.

– Пойми! Твоего отца и ваших соплеменников убил не я, а сама история. Нельзя вставать на пути цивилизации и просвещения. Великий Рим несёт свет варварским племенам, но невежество ослепляет и лишает способности разглядеть его… Поверь мне, так было много раз: уже через поколение пелена падёт, и ваши дети смогут по достоинству оценить великий дар. Поймут, какие преимущества даёт им империя.

Орит внимательно смотрела на прокуратора и, казалось, внимала его словам, но когда он повернулся к ней спиной, совершила то, зачем пришла. Открыла перстень и сотню раз отрепетированным движением опрокинула яд в кубок Пилата. Порошок, попав в вино, тихонько зашипел, чуть вспенив напиток. Через мгновение на поверхности не осталось и следа.

Прокуратор подошёл к своему ложу и снова с прилёг на него. Он посмотрел на Орит долгим взглядом и задумчиво промолвил:

– Мне говорил один мудрец: не надо ни мстить, ни роптать. На все воля божья… Люби врагов своих… или что-то в этом духе. А эти идиоты его – на крест! А того не понимают, что учение его лучше всех существующих доселе для укрепления государственной власти пригодно…

Прокуратор снова взял свой кубок. У Орит заколотилось сердце. Он медленно поднёс кубок к губам, не сводя глаз с

самаритянки. Она выдержала его взгляд… Но Пилат осторожно понюхал вино и со стуком отставил от себя кубок. Немного выплеснулось, и одна капля попала ему на руку, он быстро вытер кисть о тогу.

Орит поняла, что он обо всем догадался. Но как?! Волна паники захлестнула ее, казалось, она не смогла бы теперь пошевелиться. Это был страх не за свою жизнь – она давно приучила себя к мысли, что скорее всего погибнет после осуществления своего плана. Она испугалась, что погибнет зря, а это чудовище продолжит жить и наслаждаться жизнью.

– Я ожидал чего-то подобного… – угрюмо произнёс прокуратор. – Хочешь знать, что тебя выдало? Зрачки. Из прозрачных твои глаза стали черными, когда я поднёс яд к губам. Так проявляет себя страх. И не кори себя: ни один храбрец не может этим управлять.

Орит молчала.

– Как ты думаешь, если бы было так просто убить представителя высшей власти, что сталось бы с империей? С моей стороны это было бы очень безответственно – позволить отравить себя какой-то иудейской девчонке…

– Я самаритянка, а не иудейка! – возразила она, уже собравшись с духом. Поняв, что разоблачена, она вдруг почувствовала уверенность.

– Да какая разница? Са-ма-ри-тяне… – он скривился так, как будто само слово было кислым. – Чуть больше упрямства, чуть меньше благоразумия. За это вас даже иудеи не любят… – слово «иудеи» он прозвучало так, как будто выплюнул что-то горькое.

Он придвинулся к Орит и изображая сочувствие заговорил:

– Я знал, что ты не сможешь понять истинный смысл моих поступков и согласилась прийти только для того чтобы отомстить. Но я надеялся на твой здравый смысл, думал, сумею объяснить тебе, что настоящий правитель – всего лишь слуга своего народа, который обязан обеспечивать его процветание и безопасность, даже если подчас приходится принимать жестокие и непопулярные решения. Так крестьянин без жалости выпалывает плевелы, среди которых попадаются весьма красивые цветы, дабы не мешали они всходам будущего урожая. Для тебя все ещё есть выбор, Орит. Пойми, облегчить жизнь своему народу важнее мести.

Орит хотела возразить, что подобные демагогические умозаключения могут обмануть только невежд. На неё же они не действуют, поскольку ей хорошо известны истинные мотивы преступлений зарвавшихся политиков, любой ценой цепляющихся за власть. Ибо знают, что, лишившись её, рискуют они потерять

не только положение, но и саму жизнь. Ею придётся заплатить за те самые погубленные цветы, которые по высшему замыслу и есть урожай. Но также прекрасно понимала она и абсолютную бесполезность подобных дискуссий с циничным негодяем. Поэтому промолчала.

Пилат принял её молчание за согласие и продолжил уверенно:

– Подумай. Я даю тебе ещё один шанс. Сейчас тебе придётся принять решение так быстро, как никогда в жизни. С момента, когда замолчу, должно пройти не более минуты, после чего ты либо соглашаешься стать моим союзником, и мы проводим ночь как близкие… очень близкие друзья. Затем ты возвращаешься к себе и становишься царицей. Будешь самаритянской Клеопатрой, а я – твоим Цезарем, – он ухмыльнулся, довольный этой аналогией. Потянулся было к вину, но тут же отдёрнул руку. – Если же ты не согласишься, я удалюсь, но, поверь мне, найдутся люди, которые с удовольствием помогут тебе весело провести время до рассвета… А утром я полюбуюсь как с тебя сдерут кожу, а потом прикажу выставить то, что от тебя останется, вялиться на солнце.

Когда он договорил, в его глазах были лишь холод и непреклонность. Это были глаза человека, привыкшего поступать, совершенно не сообразуясь с совестью, от которой он давно избавился, точно так же, как и от жалости.

Тогда Орит вдруг схватила кубок Пилата. Прокуратор очень проворно для своей комплекции вскочил с ложа и на всякий случай отошёл подальше. Из-за колонн метнулись тени.

– Стойте! – крикнул Пилат. Тени замерли. – Что ж… Я дам тебе возможность умереть легко. Ты заслужила её своим упорством.

Не чувствуя ничего кроме ненависти и презрения, Орит произнесла:

– Я пью за твою скорую смерть, палач! Чтобы память твоя была проклята во веки веков! Чтобы запомнился ты людям только как трус и убийца!

Пустой кубок грохоча упал на мраморный пол…

* * *

Антон Сергеевич проснулся и изумился тому, каким реалистичным был этот сон про древнюю Кесарию. Но, пробудившись окончательно, понял, что до сих пор Урсус. Это Орит с Пилатом ему приснились. Странный был сон… Он как будто занял её место. Слышал её мысли, жил её чувствами.

Еще он понял, что был неправ в отношении Орит. Её намерение убить жестокого наместника нельзя осуждать. Это так же, как во время войны с фашистами никто бы не стал упрекать подпольщика в ликвидации коменданта городского гарнизона или партизана – в уничтожении деревенского старосты. Никто бы не сказал: «Нет смысла. На его место все равно придёт другой». Да, придёт. Но этот другой всегда будет помнить, что стало с его предшественником.

Осознав все это, Урсус отчётливо понял, что ему надлежит сделать сегодня… Пока он умывался и ел в голове его составился план.

После завтрака Урсуса вошёл в комнату Хагана. Тот занимался подготовкой своего арсенала к бою. Безукоризненно отполированный гладиус лежал на столе. Теперь германец приступил к заточке кинжала-пугио. Он не доверял оружейникам, состоящим при школе Берцелиуса.

– Аве, Урсус! Ожидал увидеть тебя уже на арене… – приветствовал он вошедшего. И продолжил в духе их обычных подначек. – Мне и так тяжела мысль, что сегодня придётся убить тебя, но, если ты хотел разжалобить меня ещё больше своим убогим видом, считай, тебе это удалось.

Эти слова шуткой совсем не показались: этот неплохой в общем человек занимался тем, что приводил в идеальную боевую готовность оружие, чтобы вернее пронзить плоть своего друга.

– Аве, Хаган. Нужно потолковать, – серьёзно сказал Урсус.

После непростого разговора с гигантом Урсус пошёл в барак, в котором жили бестиарии. Он подошёл к долговязому негру и сказал, что хочет поговорить с ним наедине.

– Мне нет тайна с моим братья, – возразил тот.

– У меня есть. Я прошу тебя, – настоял Урсус.

– Хорошо. Пссс… – негр сделал знак остальным отойти. Его сразу послушались.

– А как звать тебя, друг? Нас так и не представили, – начал Урсус.

– Как звать? Друг не звать… Обезьяна звать, скотина звать, «эй, чёрный!» звать.

Антон Сергеевич подумал, что это напоминает ему знакомство из какой-то сказки или притчи. Он припомнил, как надо спрашивать в таких случаях:

– А отец с матерью как тебя называли?

– Житинжи. На нашем язык это – мясник. Они думать, я, когда стать большой, стать мясник, как моего отца. А я стать

мясо.

XII.

Основным событием последнего десятого дня игр, конечно же, был заключительный поединок Урсуса и Хагана. Интриги щедро прибавляло то, что наградой за первое место была свобода, а за второе – смерть. Дабы занять зрителей, ожидающих драматической развязки, устроители боёв для начала скормили львам пару бестиариев.

Потом устроили глобальную потасовку по схеме «стенка на стенку», в которой участвовали все выжившие и уцелевшие после предыдущих девяти дней игр гладиаторы кроме, само собой, финалистов. Это была инсценировка легендарного боя римлян с германцами, того самого, победа в котором была одержана только благодаря решительным действиям конной турмы под командованием Понтия Пилата. Прокуратора, тогда ещё молодого, подающего надежды декуриона, изображал Агмон. На эту роль его выбрал сам Пилат, очевидно, за красоту и стать… Потом состоялись три поединка один на один, но они были мало интересны зрителям несмотря на старания неплохих в общем-то бойцов – каждого из них уже видели поверженным.

Когда наконец пришло время последнего боя, атмосфера на стадионе была накалена до предела как долгим ожиданием, так и жарким иудейским солнцем. И если в первый день игр симпатии ипподрома были в основном на стороне гиганта, то теперь зрители разделились: когда глашатай представил Хагана, основной приветственный шум издавали центральные трибуны, когда Урсуса – больше надрывались фланги.

Трубы обозначили начало боя. Хаган сразу захватил инициативу. Он пёр напролом, разя и справа, и слева, и сверху. Урсус умело отражал бешеную атаку. Скоро стало ясно: если «Давид» выдержит первые минуты натиска, то «Голиаф» утомится, и бой перейдёт в следующую, тактическую стадию. Но произошло нечто совершенно неожиданное…

Оба бойца как по команде развернулись лицом к зрителям и побежали к аркам, ведущим в загоны под трибунами. Что они там делают, видели только самые дальние трибуны, расположенные по сторонам от северных и южных ворот ипподрома. Хаган, в несколько скачков оказавшись у одного из столбов между арок, встал на одно колено и упёрся в столб руками. В следующее мгновение Урсус отшвырнул щит и, зажав в зубах меч, проворно вскарабкался к нему на плечи. После этого гигант встал в полный рост, и Урсус смог дотянуться до края ограждения балкона, на котором сидела знать. Через несколько секунд гладиатор стоял

прямо перед прокуратором с занесённым для удара гладиусом. Сидящие в VIP-ложе зрители заверещали так, как если бы лев, который только что носился где-то далеко внизу, гоняя несчастных бестиариев, вдруг очутился на расстоянии удара лапой. Однако Понтий смотрел на него спокойно.

Урсус произнёс:

– Это тебе за Иешуа!

– Наконец-то… – успел сказать прокуратор. Он даже не попытался закрыться руками.

Из горловины сияющего золотом доспеха ударили толчками вверх струи алой крови. Туловище осталось сидеть так же величественно и невозмутимо, руки покоились на подлокотниках. А голова… Как мяч полетела она с балкона, прокатилась немного, упав на песок, и остановилась, вперясь немигающим взором прямо в Солнце.

Обладатели белых плащей опрокидывая кресла и друг друга ломились прочь от кровавого фонтана. Это помешало преторианцам[15], охраняющим проходы по сторонам балкона, сразу накинуться на Урсуса.

Он успел спрыгнуть вниз, но перед тем, как перевалиться через ограждение балкона, поймал на себе полный восторга и благодарности взгляд Орит. Тут что-то толкнуло его в левый бок.

Когда Урсус вбежал в гладиаторский загон с криком: «Тиран мёртв!», он застал там картину, исполненную в черно-красных тонах. На полу валялись растерзанные легионеры и надсмотрщики, у одного их них ещё дёргались ноги. В углу истошно визжал Берцеллиус, над которым нависал долговязый негр.

– Житинжи, отпусти его! Немедленно! – приказал Урсус.

Негр нехотя повиновался. Гней сполз по стене, вместо глаз у него были две кровавые раны. Он протянул руки на звук голоса и прохрипел:

– Урсус, сынок, помоги! Боги, за что мне это?!

Антон Сергеевич закрыл глаза. «А чего я ожидал, когда подговаривал этих дикарей устроить бунт?» На смену адреналиновому возбуждению пришла волна дурноты. Он зашатался, его тут же подхватили под руки.

– Ты же ранен! – закричал Хаган страшным голосом. Это очень не понравилось Урсусу; не может закалённый в боях гладиатор так огорчаться из-за несерьёзного ранения. С этой мыслью Урсус потерял сознание.

Открыв глаза, он обнаружил себя на знакомом дворе

гарнизона кавалеристской турмы. Вокруг шёл бой. Похоже, он застал его завершающую стадию: двор был завален трупами легионеров, среди них Урсус узнал Синего Подбородка, у него из груди торчал обломок копья.

Среди немногих римлян, ещё остававшихся на ногах, был сам Тиберий Порциус, который отбивался от нападающих, держа меч левой рукой, правая была в крови и болталась безжизненно. Урсус закричал что было сил:

– Декурион нужен живым!

И вновь стал проваливаться в небытие, но успел убедиться, что его услышали – Тиберия прижали к стене и обезоружили.

Когда Урсус очнулся в следующий раз, над ним были лица Агмона и гладиаторского лекаря.

– Агмон, ты что здесь делаешь? – изумился Урсус.

* * *

Когда этим утром он пришёл к Хагану и рассказал о своих намерениях, германец поначалу озаботился душевным здоровьем коллеги. После уверений Урсуса в абсолютной собственной вменяемости и трезвости, Хаган осторожно высказал предположение, что Урсус так боится их поединка, что оценивает шансы выжить после него гораздо ниже, чем после убийства прокуратора. На это Урсус выразил готовность немедленно доказать обратное, даже если у него будет кинжал, а у Хагана меч. Хаган же изъявил готовность биться голыми руками против Урсуса вооружённого и мечом, и кинжалом. При этом он вскочил на ноги и двинулся на противника. Тот ринулся навстречу… Столкнувшись, они обнялись и рассмеялись, хлопая друг друга по спинам.

Хаган поведал, что, вопреки обыкновению, долго не мог заснуть этой ночью; никогда ещё мысль о предстоящем бое не вызывала у него такого отвращения.

– Но посуди сам… Моя мечта – вернутся домой, к жене и детям. Я не видел их уже четыре с половиной года. Победа даст мне свободу и славу. По дороге домой я буду участвовать в играх как рудиарий и вернусь домой не с пустыми руками…

– Друг мой, ты же не исключаешь возможности погибнуть сегодня? – спросил Урсус. – А то, что предлагаю я, даст жизнь и свободу нам обоим.

– Это так. Но только в случае успеха. Ты же не исключаешь возможности того, что мы оба погибнем? – в свою очередь поинтересовался Хаган.

– Все может быть… Но если мы погибнем, то как свободные

люди, – нашёлся Урсус, – а не как грызущие друг друга собаки, которых стравливают ради потехи.

– Это как раз волнует меня меньше всего. Неужели ты думаешь, что за столько лет в неволе я не привык к этому? Если послушаю тебя, то в лучшем случае стану беглым рабом, соучастником убийства римского наместника. Такая свобода ненадолго… Мне нужен деревянный меч любой ценой!

Хаган треснул кулаком по столу, на котором лежал его свеженаточенный гладиус. От удара оружие соскользнуло со стола и воткнулось в земляной пол.

На секунду Урсусу показалось, что договориться с упрямым германцем не получится. Но тут на ум пришла строка из агмоновой оды: «*Есть, знать, в крови у германцев понятье о чести…*»

– Тогда подумай о том, какой статус будет более уважаем твоими соплеменниками. Какого отца будут больше почитать дети? – произнёс он проникновенно. И с чувством указал на торчащий из земли меч. – А вот и знак, подтверждающий правоту моих слов.

И в этот самый момент гладиус, как специально, накренился и упал плашмя.

Тогда Хаган молча протянул товарищу руку. Урсус так и не понял, что помогло больше: воззвание к чести или суеверие…

Они приступили к обсуждению деталей покушения и последующего побега. Подъем Урсуса на балкон прокуратора пару раз отрепетировали, используя стену барака.

Житинжи убеждать не пришлось совсем. Было похоже на то, что хитрый негр всегда был готов к бунту и только и ждал того, чтобы кто-то наконец взялся за его организацию. Урсус условился с ним, что, когда в загон ворвётся Хаган, бестиарий подобьёт товарищей перебить охрану, а дальше они совершат групповой побег вместе с теми гладиаторами, которые захотят присоединиться к мятежникам.

О своих планах касательно прокуратора Урсус рассказывать не стал и просил негра никому не говорить о бунте до самого его начала. Житинжи пообещал, хотя и уверил, что не сомневается в своих парнях – по его словам, обсуждение вариантов побега было любимым развлечением перед отходом ко сну в их бараке. Он объяснил, в свойственной ему лаконичной, но образной манере, что главная особенность работы бестиариев – чрезвычайно высокая смертность, даже по сравнению с гладиаторами других специализаций. Всех их рано или поздно ждала страшная смерть, не исключая и самого Житинжи, который уже чувствует

приближение старости и становится не так быстр. Лучше относительно безболезненно умереть от человеческого оружия, чем от зубов или когтей хищника.

– Тигр рот – плёхо. Копё легионер – хорошо.

К Агмону Урсус не пошёл, так как не хотел даже пытаться подключить грека к «спартаковскому движению». Он свободный человек, копит деньги себе на пенсию, пускай и дальше живёт спокойно, насколько это возможно при его профессии. Зачем ломать парню жизнь?

* * *

– Агмон, ты что здесь делаешь? – изумился Урсус.

– Если честно, я и сам не знаю, – ответил Агмон. – Когда все это началось, когда убивали надсмотрщиков, я стоял в стороне. Но когда я увидел, что ты ранен, я понял, что должен тебе помочь. Ведь я обязан тебе жизнью!

Урсус огляделся. Оказалось, он лежал на кушетке в кабинете декуриона. Этажерка была повалена на пол, античный бюст разбит, а свитки разбросаны по полу.

Любое движение отдавалось болью в раненом боку.

Внезапно в поле зрения появилось ещё одно озабоченное, забрызганное чужой кровью лицо.

– Скажи, что нам теперь делать, Урсус? – это был Хаган.

– Для начала расскажи, что произошло, пока я, видимо, был без сознания, – попросил его Урсус.

Выяснилось следующее. Один из преторианцев-охранников Пилата все-таки успел дотянуться до убийцы своего подопечного копьём. После того, как Урсус отключился, бунт возглавил Хаган. Из полусотни присутствующих в загоне гладиаторов к бунтовщикам присоединились почти все, отказались лишь трое или четверо. В загон со стороны арены попытались проникнуть преторианцы с легионерами, охранявшими ипподром по периметру. Их атаку удалось довольно легко отбить. Римляне отступили, оставив трупы десятка товарищей. Из гладиаторов не пострадал никто. Тогда Хаган по плану, который они обсуждали с Урсусом утром, решил пробиваться за лошадьми на территорию кавалеристской турмы. Гладиаторский лекарь перевязал Урсусу рану. Предводителя восстания понесли на носилках. Лекаря прихватили с собой.

Бунтовщики не встретили сопротивления ни на выходе с ипподрома, ни по дороге к гарнизону Порциуса. Как обычно в дневное время ворота были открыты. Двое солдат, которых

оставили охранять гарнизон, когда все остальные ушли на игры, испугались и тут же сложили оружие, после чего были тут же убиты.

– Зачем?! – изумился Урсус.

– Как же иначе? – в свою очередь изумился Хаган. – Зачем оставлять за спиной лишних врагов? Трус, который бросил оружие, может поднять его снова, если ему покажется, что сила снова на его стороне. Нам придётся убегать, а даже самые робкие становятся героями, когда видят перед собой спины.

Урсус возражать не стал – было нечего.

Почти сразу вслед за бунтовщиками на территорию ворвался Тиберий со своими солдатами. Перед смертью декурион рассказал…

– Как перед смертью?! – вскричал Урсус. – Я же просил не убивать его!

– Мы подумали, что он нужен тебе для допроса. Пока лекарь приводил тебя в чувство, мы сами допросили его. У Житинжи талант к этому делу… – Хаган мотнул головой в сторону негра, развалившегося в кресле декуриона. В ответ на комплимент тот довольно оскалился, обнажив редкие, крупные зубы.

Антон Сергеевич зажмурил глаза. Он представил себе ужасную смерть Тиберия: сначала перебили всех его людей, а потом самого пытали так, что этот храбрый и верный долгу человек рассказал всё. И в завершении всего убили… А ведь не прошло и двух недель с тех пор, как они трапезничали и философствовали в этой самой комнате…

Тем временем Хаган продолжал свой рассказ. Так вот перед смертью декурион рассказал, что он выполнял запоздалый приказ легата, начавшего реагировать на происходящее далеко не сразу – скорее всего, из-за вина, которое старый вояка цедил в течение всего дня. Он поручил декуриону организовать конную погоню за гладиаторами. По распорядку мирного времени свободным от несения службы легионерам оружие и доспехи не полагались; кавалеристы, вооружённые только кинжалами, были без жалости перебиты захватившими гарнизон гладиаторами за считанные минуты. Некоторые пытались бежать, но были настигнуты и добиты, дабы не смогли донести о местоположении бунтовщиков. К сожалению, один из гладиаторов погиб от руки Тиберия, который в отличие от остальных был при оружии и облачен в парадный доспех.

Гней, Тиберий… Сервиллий – вдруг Урсус вспомнил, как звали Синего Подбородка. Никому из них не желал он смерти… Так или иначе все более-менее серьёзные конфликты не исключая мировых, начинаются из-за женщин. Неужели и он сам весь этот

кипеш устроил из-за бабы? Он, конечно, думал и о свободе этих людей, своих собратьев по оружию. И о том, что в лице прокуратора было повергнуто зло, на котором зиждется жестокое государство… Но поводом для этого все-таки стала баба! И он, человек из просвещённого, гуманного будущего, оказался ответственен за смерть множества людей, в том числе тех, что довольно сносно с ним обращались.

Что ж. На войне как на войне… А с Тиберием даже получилось к лучшему: если бы пришлось допрашивать его самому, римлянин принял бы свою излюбленную позу с отставленной ногой и задранной головой, и чёрта с два удалось бы от него чего-то добиться…

Тиберий рассказал ещё, что легион «Фретензис» разбросан по всей Иудее. Основные его силы сконцентрированы в Ершалаиме, гарнизон же Кесарии состоит всего из пяти сотен человек: пятидесяти конников и четырёхсот пехотинцев, остальные – командный состав и обслуживающий персонал. Кроме того, легат послал на смерть конников, он отправил пехотинцев в их казармы затем, чтобы вооружиться, и после разделиться на три равные части, чтобы перекрыть городские ворота: северные, южные и восточные. Западными воротами по сути являлся морской порт, который легат решил охранять силами моряков, коих насчитывалось в городе до двух сотен. Преторианцев – бывшую личную охрану прокуратора легат предпочёл оставить при себе и забаррикадировался с ними во дворце Ирода Великого.

Когда Хаган закончил, все уставились на Урсуса, ожидая его решения. По плану, который они с Хаганом разработали утром, предполагалось после захвата лошадей верхом прорываться через южные, ближайшие к гарнизону турмы, ворота, но теперь было очевидно, что это не сработает…

– Промедление смерти подобно! – объявил Урсус. – Нужно выступать срочно. Теперь, когда легионеры наверняка уже успели вооружиться и перекрыть ближайшие к своим казармам ворота: южные и восточные, прорываться нужно, если ещё не поздно, через северные. Потом будем уходить на север вдоль акведука…

Тут его взгляд остановился на красном лице лекаря.

– Он зачем здесь? Ему не нужно знать о наших планах.

Хаган пожал плечами.

– Он все равно пойдёт с нами. Тебе необходима его помощь.

Лекарь быстро-быстро замотал головой и запричитал:

– Я бы с удовольствием пошёл. Кто из порядочных иудеев не против власти Рима? Но у меня больная жена, я не могу её оставить. И… – он склонил голову. Его лицо достигло такой степени красноты, что казалось, сейчас начнёт плавиться, – я

никогда не скрываю это от пациентов… Урсус, твоя рана смертельна. Я зашил её, но не в силах остановить внутреннее кровотечение. Я удивлюсь, если ты доживёшь до заката.

Житинжи закричал на него страшно выпучив глаза:

– Ты врать, собака! Не хотеть идти с нами!

Лекарь заверещал истошно:

– Клянусь чем угодно – это правда!

– Да кто же поверит иудею?! – произнёс Агмон насмешливо. – Ваши клятвы работают только тогда, когда вы даёте их друг другу. Обмануть гоя[16] для вас все равно, что вина в шабат выпить!

– Перестань, брат, – попросил Урсус. – Я сам чувствую, что он прав. Отпустите его на все четыре стороны.

–Я никому ничего не скажу. Клянусь жизнью, – пискнул лекарь и стал поспешно продвигаться к выходу.

Миновать Агмона ему не удалось. Лекарь коротко крякнул и стал оседать на землю. Агмон выдернул из него меч, и прежде, чем вернуть в ножны, вытер его об одежду толстяка.

– Лучше бы он пошёл с нами… – произнёс грек извиняющимся тоном.

Урсус устало закрыл глаза.

Раненного усадили позади опытного наездника, нубийца по происхождению, который до сегодняшнего дня был эквитом[17], и привязали к нему верёвкой.

У северных ворот в самом деле была только обычная охрана, которая и не подумала сопротивляться толпе перепачканных кровью гладиаторов.

Когда выехали за ворота и пустили лошадей галопом, Урсус вновь отключился.

В последний раз Урсус очнулся оттого, что ему в рот лилась вода и он чуть не захлебнулся.

Он лежал на горячем песке в арке акведука. Двигаться, даже ворочать головой было уже не больно, не тяжело, а ужасно, непреодолимо лень. Вокруг него стояли люди. Хаган, Агмон, Житинжи и ещё много знакомых и незнакомых гладиаторов. Лица у всех были скорбными и серьёзными.

Он захотел сказать им что-то важное и ободряющее. Собравшись с силами, он произнёс:

– Братья! Вы столько раз рисковали своей жизнью, что заслужили свободу. Найдите землю, неподвластную тиранам и живите на ней мирно, возделывайте её своими руками, но не руками рабов!

Он перевёл дух. Больше в голову ничего не пришло.

– Мне жаль, что я не могу идти с вами… А теперь уходите! Рождаешься один и умираешь один. Мне не нужны свидетели.

Лица стали исчезать из его поля зрения. Последними были Агмон и Хаган.

– Прощай, друг. Я напишу о тебе эпическую поэму. Люди никогда не забудут твоего подвига! – Агмон ударил себя кулаком по левой стороне груди. В глазах его снова стояли слезы.

– Удачи тебе, мальчик, – ответил ему Антон Сергеевич.

Хаган молча встал перед ним на одно колено и сжал огромной ручищей его ладонь.

– Тебе повезло, что не пришлось биться со мной, легко отделался, – он улыбался, но губы его дрожали и кривились.

– Ничего, гигант. Ещё встретимся, – зачем-то пообещал ему Урсус.

Когда лошадиный топот затих, оказалось, что вопреки прогнозу лекаря он все-таки дожил до заката.

А закат был таким же величественным и прекрасным, как и в пошлый раз. И умирающий любовался им, пока солнце не утонуло в море.

Не было ни страха, ни паники, ни сожаления. Скорее он ощущал покой и странную, цепенящую негу. Его стали покидать чувства. Сначала совсем отпустила боль. Потом он перестал чувствовать ветер и тепло песка. Больше не чувствовал тело. Ушло зрение. Сначала стало темно, как в яме, в которой он сидел тысячелетия назад. Но у темноты тоже есть свой цвет – чёрный. И этот последний цвет тоже исчез, ведь он уже не видел ничего… Потом его оставил слух. Сначала он перестал слышать шум волн, а вскоре и саму тишину… Исчезли образы, хранившиеся в памяти, не стало прошлого, и чувство времени ушло навсегда.

В конце было слово. Нежный голос Орит прошептал в пустоте: «Если жизнь прожита не напрасно, то смерть легка и прекрасна. Ты спас любимую, отомстил злодею. Стал легендой. Чего ещё желать, о чём мечтать? Пора уходить… Vale, медвежонок!»

Он провалился в блаженное небытие.

EPILOG

И вдруг. Нигде. Из ничего. Появилась первая песчинка света. Вторая. Потом их стало много. Бесконечно много. Из них соткался луч, широкий, как от маяка. И потянулся он к этому лучу. И увидел свои руки. Сначала призрачными. Полупрозрачными. Постепенно стали они наливаться цветом, обретать вес и форму. Но не хватало у него сил подняться. Тогда в луче появилась рука, тянущаяся навстречу. И подхватила его нечеловеческая сила и выдернула из пучины небытия… И предстал он пред Господом. И спросил Господь почему-то женским голосом:

– Как вы себя чувствуете?

Он сидел в ярко освещённой арке акведука и дико озирался. Перед ним стояла женщина лет сорока и терпеливо дожидалась, когда он придёт в себя.

– Как вы себя чувствуете? – озабоченно повторила она.

Тогда Урсус остановил взгляд на незнакомке и сипло подал голос:

– Кто ты?

Женщина приветливо улыбнулась и ответила:

– Меня зовут Стейси. Я психолог международного центра паллиативной помощи «Фабиола». Вы понимаете, где находитесь?

Он снова принялся озираться, прикрываясь от света рукой, и явно был не готов ответить на этот простой вопрос.

– Давайте переместимся в более подходящее место, – предложила Стейси. – Вы можете идти?

Урсус кивнул и хотел было встать с места. Однако этот номер у него не удался, и он плюхнулся задом обратно в песок, изумившись своей слабости. Погодя он поднялся в несколько приёмов, кряхтя и помогая себе руками. Как будто земное тяготение стало вдруг раза в два больше.

– Пойдёмте к машине, – мягко сказала женщина и попыталась взять Антона Сергеевича под локоть, но тот выдернул руку и сам побрёл навстречу слепящим фарам.

Они сели на заднее сиденье. Стейси кивнула водителю, и автомобиль тронулся с места.

Антон Сергеевич закрыл глаза и попытался вспомнить это состояние блаженного небытия, из которого его беспардонно выдернули, но у него ничего не получилось.

Скоро они выехали на дорогу освещённую фонарями, и женщина предположила:

– Вы, наверняка, голодны.

Он прислушался к себе и понял, что это чистая правда.

– Павлина бы целиком проглотил и кувшин фалернского следом.

Она сказала что-то водителю на иврите. Через пару минут автомобиль въехал на стоянку возле руин Древней Кесарии. Глядя на полуразвалившуюся крепостную стену и остатки сторожевых башен, Антон Сергеевич окончательно понял, что вернулся.

Когда он, утолив голод и жажду, откинулся на спинку стула, Стейси улыбнулась.

– Ну как. Вам уже легче?

– О да, милая. Этой снеди, конечно, далеко до той, которую подают рабам у доброго хозяина, но голод она все-таки утоляет… А вот вино – совсем дрянь! – Урсус толкнул пустую бутылку пальцем, та упала и покатилась к краю стола.

– Антон Сергеевич, что вы? – воскликнула Стейси. Она успела подхватить бутылку и поставила её подальше от бывшего гладиатора. Стоявшая у стойки бара официантка подошла к их столику и подозрительно посмотрела на подгулявшего деда. Потом на иврите спросила о чем-то его спутницу. Стейси что-то ответила успокаивающим тоном, Антон Сергеевич различил лишь одно знакомое слово «хэшбон»[18]. Официантка кивнула и удалилась, прихватив бутылку от греха подальше.

Когда психолог снова посмотрела на него, Антон Сергеевич уже собрался и сидел ровно.

– Стейси-Стейси, – произнёс он, как будто пробуя имя на вкус. – Это от «Анестейжа»?

– Нет. Стейси – полное имя.

– В любом случае от «Анастасия». Настя, а почему вы носите английское имя?

– Скорее американское, – поправила она. – Потому что слово «воскрешение» на иврите звучит неблагозвучно, а именно так переводится «анастасис» с греческого…

– Разве? Я думал ан-эстезия – отсутствие чувств, – перебил её Антон Сергеевич. – Отсюда «анестезиология». Нет?

– Сами подумайте, – она усмехнулась, – кто же будет называть своего ребёнка «отсутствие чувств»?

– Пожалуй, вы правы, Настенька, – по-стариковски сфамильярничал он.

– И тем не менее, я попрошу вас называть меня Стейси, – напряглась женщина.

– Хорошо, хорошо. Как скажите, – поспешил согласиться

Антон Сергеевич. – Но почему же непременно не по-русски?

– Здесь не любят русских, – отрезала Стейси. – Да и какая я русская? У меня мама – еврейка.

– А американцев кто любит? Во всём мире их терпеть не могут…

– Вот и видно, что вы тут недавно, Антон Сергеевич, – улыбнулась она. – В Израиле американцев обожают.

Он лишь покивал, потому что задумался о том, что в Древней Иудее, которую воспринимал, как игру воображения, без колебаний назвался на римский манер для того, чтобы легче адаптироваться. Однако же здесь, в реальном мире, когда ему предлагали стать Натаном, не захотел…

– Интересно, что же вам приснилось… – она заглянула в глаза своему подопечному.

– Так я все-таки спал? – оживился он.

– Не совсем… – женщина постучала ногтями по столу. – Давайте поступим так. Вам теперь нужно поспать по-настоящему. А завтра в девять я пришлю за вами машину, вас доставят в наш тель-авивский офис, и там я вам все объясню.

– Но… – хотел было возразить Антон Сергеевич.

– Пожалуйста, наберитесь терпения, – твёрдо остановила его Стейси. – Не все сразу. На сегодня с вас уже хватит впечатлений. Но заклинаю вас, поверьте, что переживать вам не о чем. Всё у вас будет хо-ро-шо, – последние слова она произнесла нараспев, как будто гипнотизируя его.

Когда официантка принесла счёт, Антон Сергеевич отобрал его у Стейси и оплатил сам.

Выйдя из ресторана он огляделся и понял, что как раз на этом месте находился гарнизон конной турмы легиона «Фретензис», которым некогда командовал декурион Тиберий Порциус. Ещё он сумел разглядеть в темноте очертания того, что осталось от северных ворот ипподрома, на песке которого почти две тысячи лет назад провёл он самые яркие моменты в своей жизни.

Стейси завезла его домой. По дороге они не разговаривали. Антону Сергеевичу было не до разговоров. Он осознал с горечью, что ему снова придётся мириться с телесной дряхлостью. А ещё его неприятно поразило то, он совершенно не помнит латинский – только нескольких расхожих пословиц…

Придя домой он лёг спать не сразу. Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, полез во всемирную паутину и убедился, что в истории человечества все осталось так же, как и было до его «путешествия» в Древнюю Иудею. «Эффекта бабочки» не получилось…

Понтий Пилат не был обезглавлен взбунтовавшимися гладиаторами, и след его все так же терялся после того, как проштрафившегося прокуратора отозвали в Рим. Самыми распространёнными языками в Древней Иудее были арамейский и греческий, а никакая не латынь. Игра в шашки не была придумана во времена Христа. А «Гаудеамус» и вовсе был сочинён уже в средние века…

К девяти Антон Сергеевич был уже готов. Его разбирало любопытство: что же может сообщить ему психолог? Она, как будто, была в курсе того, какое «приключение» ему пришлось пережить во сне…

Водитель очень плохо говорил по-английски, но Антону Сергеевичу все-таки удалось выведать название центра, которое он вчера не запомнил. Он вбил его в поисковик в телефоне, и… как будто полетел на качелях вниз. Фабиола оказалась знатной римлянкой, которая в четвёртом веке содержала приюты для неизлечимо больных.

Офис «Фабиолы» размещался в одном из корпусов клиники, в которой ему делали операцию. Это насторожило его ещё больше.

Водитель проводил Антона Сергеевича к кабинету психолога. Стейси не заставила его долго ждать. Он всего минут пять поёрзал в кресле в коридоре, изводя себя мрачными догадками, до того, как она открыла дверь и пригласила войти.

– Немедленно объясните мне, что происходит! – потребовал он, не поздоровавшись.

– Здравствуйте, Антон Сергеевич, – спокойно приветствовала его Стейси. – Располагайтесь на кушетке, пожалуйста.

– К чёрту ваши кушетки, – проворчал посетитель себе под нос, но на кушетку сел. На край.

– Хотите воды? Или кофе? Чай?

– Потом. Не знаю… – продолжал сердится он, но сглотнув сухую слюну, согласился. – Воды можно.

Стейси встала, обнаружив неплохую фигуру и высокий рост. Он поймал себя на том, что по инерции оценивает её как мужчина…

Она вышла из кабинета, но на пороге задержалась и произнесла:

– Антон Сергеевич, вам надо успокоиться, иначе разговор у нас не получится.

Когда через минуту психолог вернулась с двумя пластиковыми стаканчиками, он возлежал на кушетке в древнеримской позе.

– Так гораздо лучше, – улыбнулась женщина, подавая ему

воду. Потом села в кресло напротив его ложа.

– На самом деле, у меня хорошие новости для вас, – сказала она, сделав микроскопический глоток из своего стаканчика. – Вам просто надо набраться терпения и дослушать меня до конца.

– Да-да, я слушаю, – нетерпеливо пробормотал пациент.

То, что поведала психолог повергло её подопечного в состояние глубокого ступора. Когда она закончила, Антон Сергеевич долго молчал, потом с трудом разлепив вновь пересохшие губы, попросил ещё воды.

– С вами все хорошо? – спросила Стейси, озабоченно заглядывая в его посеревшее лицо.

Он не ответил.

Женщина вышла.

Оказалось, что, отпилив крышку черепа и раздвинув нервную ткань, хирургическая бригада во главе с местным светилом нейроонкологии обнаружила, что глиобластома пронизала белое вещество левого полушария мозга слишком глубоко, и полностью удалить её решительно невозможно без опасности критично нарушить когнитивные и двигательные функции или вовсе убить пациента. Светило вырезало всё, что смогло, чтобы снизить внутричерепное давление, и пришло к выводу о необходимости паллиативного чипирования. В «Фабиолу» сообщили об инициации протокола «Лалаби». Нейрочип был немедленно доставлен в операционную и успешно интегрирован в мозг пациента.

Нейрочип «Лалаби» выполняет несколько функций. Во-первых, частоты, испускаемые им, несколько замедляют деление раковых клеток. Во-вторых, в случае появления болевого синдрома, чип генерирует электрические разряды, способные полностью отключить нервные узлы в гипоталамусе, отвечающие за эмоциональную окраску ощущений. Пациент будет чувствовать боль, но не будет испытывать страданий при этом.

И наконец, главное: импульсно раздражая область «голубого пятна» в стволе мозга, а также нервные ядра в среднем и продолговатом мозге, нейрочип может растянуть фазу быстрого сна до нескольких часов, тогда как в норме она длится около десяти минут. Эта та самая фаза, в которой наблюдается наибольшая электрическая активность мозга, потому что именно во время неё спящий видит сны. Параллельно чип воздействует на гиппокамп и гипоталамус, делая сновидения яркими, натуралистичными по форме и позитивными по содержанию.

Нейрочип ещё официально не внедрён в клиническую практику и в настоящий момент проходит испытания на

добровольцах. Антон Сергеевич подписал бумаги, в которых указал, что доверяет клинике выбор метода лечения, поэтому он и стал одним из них. Если он захочет, экспериментальный прибор будет у него немедленно удалён. Сейчас ему предстояло решить, оставить нейрочип или нет.

На этот раз Стейси ходила за водой гораздо дольше…

Оставшись в одиночестве, за несколько минут Антон Сергеевич снова пережил все пять стадий горя от известия о скорой смерти.

Первой была стадия Отрицания.

«Что за чушь?! – возмутился он. – Какой-то псевдонаучный бред… Это что, шутка такая, розыгрыш?». Но очень быстро понял, что повода не доверять словам психолога на самом деле нет. Кто и зачем стал бы устраивать такой идиотский балаган?

Потом следовала стадия Гнева.

Осознав, что все случившееся не шутка и не фикция, Антон Сергеевич сжал кулаки от досады. Твари! Как же это бесчеловечно: уже после того, как ему дали надежду на жизнь, снова погружать его в бездну животного ужаса перед лицом смерти! Подлая, она, казалось, упустила добычу, но на самом деле просто притаилась за углом, играя с ним как кошка с полудохлой мышью.

Затем он начал Торг со смертью.

«Она сказала про какое-то излучение, которое задерживает злокачественный рост, – вспомнил Антон Сергеевич. – Может, в моем случае оно возьмёт да уничтожит опухоль… или хотя бы задержит её прогресс на годы… Я бы все зависящее от меня для этого сделал! Любая диета – хоть вода и хлеб. Физкультура, режим дня… Ещё хотя бы пару лет! Хоть годик!»

Но тут его поглотила Депрессия.

Он понял, что если бы этот чип действительно мог сколько-нибудь существенно продлить жизнь, психолог упирала бы на это, чтобы обнадёжить пациента. Но нет. Она упомянула об этом вскользь. Каким-то безразличным тоном. Надо снова готовиться к смерти… И каждый раз покрываться холодным потом, когда начинает болеть голова. Это просто недомогание или началось уже ЭТО?

И наконец пришло Принятие.

Сквозь мрак и тучи пробился лучик света. «Постойте!» – чуть не закричал вслух Антон Сергеевич. Что же получается? Сон про то, как он был гладиатором, может повториться? Или другой, ещё более увлекательный. И каждый раз засыпая, будет он отправляться в новое приключение. Сможет оказаться в любом

времени, в любом городе, в любой стране. Поучаствовать в великих войнах на стороне добра или окунуться в пучину революций. Прожить жизнь принца или нефтяного магната. Или путешественника, первопроходца… Да что там! Он и в будущем побывает. Полетит к звёздам! Свершит всё то, о чём мечтал. Всё то, что не удалось ему в убогой, реальной жизни…

А жестокие прокураторы, вероломные кураторы и прочие злодеи и враги рода человеческого неизбежно падут от его руки, предварительно, конечно, оказав посильное сопротивление.

А какие женщины будут любить его там!..

Возможности ограничиваются только его фантазией, а следовательно – безграничны.

Это же просто подарок судьбы! Праздник, который будет с ним до самой смерти. И чёрт с ней со смертью – она далека теперь от него как никогда!

И когда-нибудь, через тысячу лет и миллионы километров, он просто уснёт и больше не проснётся, погрузившись в блаженное небытие, как не́когда на песке Древней Иудеи…

Когда Стейси вернулась, он перевёл на неё блестящий от слёз взор, исполненный потусторонним восторгом, и улыбнулся.

– Я вижу, вы уже в порядке, – улыбнулась она в ответ. – Меня попросили передать вам привет от Буратино. Этой кличкой назвался один из команды учёных. Это он настоял на том, чтобы экспериментальный образец был внедрён именно вам. Ну так как? Оставляем нейрочип?

– Это не кличка… – Антон Сергеевич продолжал блаженно улыбаться. – Конечно, оставляем!

FINIS
2020-2021

НОВЕЙШИЙ ЗАВЕТ

Под любым городом есть Подземелье. Катакомбы, бомбоубежища, бункеры, метро. На худой конец теплотрассы и канализация. И чем старее город, тем глубже Подземелье. Наше, московское, чёрт знает где заканчивается, а в каком-нибудь Иерусалиме, например, оно вообще должно вести в Ад…

Из интервью диггера Сэнди порталу ÍnfoÓdin.

Часть I. Журналист.

Глава 1.

– Здравствуйте, – негромко прозвучал приятный мужской голос.

Максим Одинцов выпал из глубокой задумчивости, в которой пребывал, потягивая кофе и не чувствуя вкуса. Он даже вздрогнул от неожиданности; не заметил, как к нему кто-то подошёл.

Оглянулся. Рядом никого не оказалось.

Несмотря на обеденное время, терраса кафе на Воробьёвых горах почти пустовала. Посетители располагались на максимальном удалении друг от друга. Ближе всех, через два столика, сидела пожилая пара. Кавалер был обращён спиной к Максиму, а дама смотрела куда-то в сторону серой громады «Москва-Сити».

Официантов в поле зрения не наблюдалось – обслуживание тут, мягко говоря, ненавязчивое…

«Показалось», – решил Максим и натянул на голову капюшон; не хотелось, чтобы кто-то узнал его и нарушил уединение.

Кофе совсем остыл. Редактор и основной ведущий собственного информационно-новостного портала с отвращением отставил от себя чашку и снова погрузился в раздумье…

К Одинцову ещё со школы приклеилась кличка Один, поэтому его веб-портал, весьма популярный в русскоязычной части Интернета, назывался *InfoOdin*. Последние два года дела шли очень хорошо: миллионы посетителей, сотни тысяч подписчиков, рекламодатели строились в очередь, донаты текли рекой.

Жизнь была безбедна и насыщенна. Максим давно забыл, что такое нищета и отчаяние…

– Вам не показалось, – снова прозвучал Голос.

Максим разозлился, встал, пристально осмотрелся. Даже заглянул за ограждение террасы – там никого не было. Что это? Шутки октябрьского ветра, налетающего порывами и подвывающего в капюшоне как в раковине?

Он возвратился на своё место.

…Изначально контент портала состоял в основном из новостей мира науки и высоких технологий и подборок научно-популярных фактов, которые младший научный сотрудник биолаборатории собирал и записывал в свободное от рутинной работы время. Это позволило набрать двести тысяч подписчиков.

Тогда Одинцов бросил работу в НИИ, которая не приносила ему ничего кроме разочарования, и переехал из аспирантского общежития в провинции на съёмную квартиру в Москве.

Тогда и решил заняться ещё и разоблачениями. И не прогадал – разоблачения принесли славу.

Первым было развенчание спекуляций на тему колонизации Луны и Марса. В серии из нескольких статей и видеороликов Одинцов доказывал неосуществимость заселения этих небесных тел главным образом из-за невозможности в ближайшем будущем решить проблему защиты человеческих поселений от радиоактивного излучения. Государства и компании, которые развивают и поддерживают эти идеи, на самом деле преследуют совершенно иные цели, утверждал он.

В 2032-ом *InfoOdin* встал на защиту человечества от очередной пандемической истерии. Он убеждал, что опасность существует только в головах чиновников от здравоохранения и функционеров ВОЗ и происходит из жажды наживы производителей вакцин, тестов на антитела, масок и прочей противовирусной чепухи.

Портал цеплялся за любые информационные поводы, допускающие альтернативное околонаучное видение, и неизменно оппонировал официальной версии. Среди его подписчиков большинство составляли бесогоны всех мастей: конспирологи, пессимистично настроенные футурологи, агрессивные экологи, антиваксеры и прочие глобальные нигилисты.

Иногда портал всё же приносил реальную пользу. Например, в тридцать третьем Один и уже появившаяся к этому моменту у него команда предсказали крушение новой, набирающей обороты криптовалютной пирамиды. Возможно, это расследование и ускорило крах, но спасло сбережения тысяч наивных простаков, готовых поверить в очередную сказку о Поле Чудес.

Штат портала постепенно разросся до тридцати человек – молодых, амбициозных и дерзких.

Последняя тема для разоблачения появилась два месяца назад, в конце лета 2035 года. *InfoOdin* обратил внимание на деятельность международной корпорации от гейминдустрии *Another U*, предлагающей человечеству следующий продукт: в мозг вживляется нейрочип, при активации которого клиент попадает в виртуальную реальность, где время течёт в несколько раз быстрее, чем на самом деле. Человек пребывает в состоянии, подобном сну, в котором, как преподносилось в пресс-релизе, «психика обретает эмоциональную гармонию, разрушенную бесчеловечной практичностью XXI века, а организм набирается

физических сил для созидательного труда в реале».

В бета-версии предлагалось около пятидесяти сценариев, разбросанных во времени от первобытного прошлого до далёкого будущего. «В девственных джунглях, населённых динозаврами, или в галереях межгалактического круизного лайнера. На грубых досках палубы пиратского корабля, или на вощёном паркете бальной залы. Закованным в рыцарские доспехи или за рычагами управления танка времён Второй мировой войны. Или в эльфийском замке, устроенном среди ветвей гигантского дуба. Или в пещере «чужих» в теле «хищника». А то и в приватных интерьерах под рубрикой 18+…». С момента официального запуска игры ассортимент миров обещали постоянно расширять.

Цена за такое «путешествие» предлагалась весьма умеренная. Любой работяга, отпахав день на заводе, может позволить себе шесть часов волшебного сна, за время которого его сознание переживёт несколько дней пребывания в виртуальной реальности. Трипы подороже могут растягиваться на месяцы и даже годы.

Прознав о готовящемся предложении, *InfoOdin* мгновенно отреагировал серией публикаций, в которых высказывалось следующее основное опасение: многие пользователи вовсе не захотят возвращаться в унылые будни из сказочного «зазеркалья», которое вызовет такую зависимость, что они будут проводить там всё своё свободное время. Реальная жизнь большинства людей превратится исключительно в зарабатывание средств на оплату виртуального существования. Фактически люди попадут в добровольное рабство.

Для пущей убедительности портал привлёк врачей и психологов, которые подтвердили опасность внутримозговых имплантов.

После этого начались неприятности…

Откуда ни возьмись появилась целая армия хейтеров, хоронящих материалы *InfoOdin* под лавинами дизлайков, негативных комментариев и угроз физической расправы. Роспотребнадзор по требованию лиц и организаций, интересы которых были задеты, обложил портал штрафами. В материалах портала обнаружили нарушения авторских прав и конфиденциальности, клевету и даже призывы к экстремистской деятельности и массовым беспорядкам.

Очевидно, сильно запуганная кем-то команда в одночасье попрыгала с тонущего корабля. С Одинцовым остался только его верный и очень высокооплачиваемый адвокат.

Через неделю должно состояться судебное заседание, на котором основателю *InfoOdin* предстояло или публично отказаться от утверждений, высказанных в материалах,

касающихся виртуальной гейминдустрии, или убедить суд в их правоте. В противном случае грозил огромный штраф в пользу истца за дискредитацию его деловой репутации и антирекламу готовящегося к выходу на рынок продукта, а то и реальный срок за клевету…

Тут Голос зазвучал снова:

– Максим, вы меня слушаете?

Одинцов обречённо кивнул и подумал: «Что за чертовщина?»

Голос подождал с минуту, потом произнёс:

– Если вы отвечаете мне мысленно, то напрасно, я не могу читать ваши мысли. Скажите вслух.

– Да! Слушаю!

Получилось громко. Пожилая дама отвлеклась от созерцания городского пейзажа и посмотрела на Максима удивлённо: взрослый, с виду приличный мужчина типично славянской наружности ведёт себя по-хамски – говорит по своему телефону так, как будто один здесь…

– Кричать не нужно, – заметил Голос. – Можно шёпотом: если вы себя слышите, то и я вас слышу.

«Приехали… – расстроился Максим. – Слуховые галлюцинации. Голоса… Что это? Шизофрения? Только этого ещё не хватало!»

– Нет, это не галлюцинации и не сумасшествие. И в кофе ничего не подмешали, – Голос звучал успокаивающе.

– Ты же сказал, что не умеешь читать мысли! – возмутился Максим.

На этот раз на него посмотрела уже не только дама, но и её кавалер, которому пришлось для этого развернуться на стуле всем телом.

– Это правда. Технологии чтения мыслей пока не существует. Я просто предположил ход ваших размышлений, – отвечал Голос.

Максим резко развернулся. Ему показалось, что последние слова донеслись откуда-то сзади. При этом он зацепил ногой столик, чашка с остатками кофе разлетелась осколками по тротуарной плитке. Пожилая пара коротко посовещалась и, прихватив посуду, переместилась на другой конец террасы.

– Максим, вы пугаете окружающих. Дайте мне две минуты, я вам всё объясню, – прозвучал Голос.

– Ты врёшь, что не читаешь мысли! Откуда знаешь про окружающих? – прошипел Максим.

– Я могу видеть и слышать то же, что и вы, – поведал Голос.

Максим посмотрел вдаль и спросил:

– Ну и что ты сейчас видишь?

– Москву-реку вижу, Кремль, «Лужники». Теперь тучи, галок.

Теперь ничего не вижу – вы закрыли глаза.

Максим перестал жмуриться и вопросил отчаянно:

– Да что ты такое?!

И снова получилось очень громко.

Старички, как два перепуганных голубя, снова вспорхнули со своих мест и на этот раз совсем покинули террасу.

Остальная публика тоже с тревогой поглядывала в его сторону.

Голос в голове Максима стал строгим:

– Если вы не прекратите так себя вести, приедет полиция, ближайшая машина ППС всего в двух минутах езды отсюда. А у вас и так проблем хватает…

Тут из дверей кафе вышел официант с метёлкой и совком в руках и направился прямо к Максиму – похоже, кто-то пожаловался на потенциально опасного наркомана.

– Успокойте его. И, главное, сами успокойтесь. Поверьте, ничего страшного не происходит, – и Голос умолк.

«Действительно, что это я как истеричка? – одёрнул себя Максим. – Ну долбанулся и долбанулся… не в дурку же теперь ехать. Ведь с крыши спрыгнуть или убить кого-нибудь голос этот не требует. Пока, во всяком случае…»

– У вас все хорошо? – настороженно спросил официант.

– Всё прекрасно, – Максим натянул на лицо улыбку. – Включите в счёт бой посуды. И можно ещё кофе?

Официант проворно собрал осколки и удалился.

Голос молчал. «Может, отпустило? – понадеялся Максим. – С живым человеком поговорил, и отпустило».

– Ты здесь? – спросил он негромко.

– Да, – немедленно откликнулся Голос. – Вы готовы воспринимать информацию?

Максим кивнул. Потом спохватился и сказал:

– Да.

– Хорошо. Примерно две недели назад вы подверглись нападению со стороны неизвестных и оказались в больнице, – Голос замолчал, давая время припомнить.

Это приключилось с Максимом в конце сентября. Он подходил в вечерних сумерках к своему подъезду и… вдруг отключился. Очнулся на больничной койке. Капитан полиции, который явился тотчас после того, как Максим пришёл в себя, рассказал, что «скорую» вызвали соседи. Они обнаружили Одинцова без сознания.

В травматологическом отделении диагностировали закрытую черепно-мозговую травму с нарушением целостности мягких тканей головы. Рану пришлось зашить, после чего Максим целую

неделю провёл в палате, избавляясь от последствий сотрясения мозга.

– Вы помните обстоятельства, которые предшествовали нападению? – спросил Голос после паузы.

–Всё, что было до, помню прекрасно, но самого нападения я не помню совсем…

В тот вечер Одинцов был у своего адвоката, Андрея Якушева.

Когда-то они учились в одном классе. Один и Дрон дружить не дружили, но и не враждовали. Когда в Москве журналистской деятельности Максима понадобилось юридическое сопровождение, он разыскал одноклассника в надежде, что тот кого-нибудь посоветует. По слухам, Андрей закончил юрфак какого-то второстепенного вуза в столице и сумел в ней зацепиться. Оказалось, что у Якушева частная практика и он сам с удовольствием возьмётся за ведение дел компании Одинцова. Максим согласился и не прогадал.

Тандем получился удачный, они сблизились, но не настолько, чтобы стать друзьями. Максима отталкивал циничный прагматизм Андрея, что не мешало, однако, их партнёрским отношениям. Журналист отдавал адвокату около четверти своих доходов, взамен, кроме юридических, получал ещё и множество других услуг; порой Дрон был способен на чудеса – за пятнадцать лет жизни в Москве он обзавёлся уймой знакомых в самых различных сферах.

На этот раз Максим пришёл с просьбой найти какого-нибудь солидного учёного, который помог бы утвердить его позицию на предстоящем судебном слушании. Адвокат вдруг стал убеждать клиента публично отказаться от своих претензий к современной гейминдустрии.

– Макс, поверь мне: ты ничего никому не докажешь, даже если приведёшь в суд президента академии наук. Отрекись! – Якушев весь подался вперёд, преданно заглядывая в глаза. Он всегда так делал, когда хотел казаться убедительным. – И всё вернётся на круги своя. Я советую тебе это не только как твой адвокат, но и как друг. Да, потеряешь несколько подписчиков, но зато сможешь работать дальше. Иначе портал твой забанят навсегда, а тебя самого посадят. С тех пор как в уголовном кодексе клевету приравняли к грабежу – это лет пять строгача. Никто о тебе через год уже не вспомнит. А когда выйдешь по УДО за хорошее поведение, новый инфоресурс заводить придётся, на котором рассказывать будешь, как в хату заходить правильно: чтоб не сразу отпетушили, а чуть попозже…

– Да что с тобой? Не от такой фигни отмазывались, –

Максима поразила такая перемена в поведении обычно предсказуемого адвоката. – Ты ж сам меня призывал ничего не бояться, потому что в законе всегда дырка найдётся.

– Не тот случай, Максим. Не тот. Слишком серьёзных людей ты зацепил, закон тут уже ни при чём… Не поможем ни я, ни сам господь бог! Ты меня знаешь, я на ровном месте кипеш устраивать не стану. Будь умницей, иди опровержение готовить.

– Ты тоже давно меня знаешь, Андрей… – дальнейшее у Максима как-то само выговорилось. – В твоих услугах я больше не нуждаюсь.

Одинцов встал и направился к выходу.

– Ну и дурак! Ты же до дому даже не дойдёшь, не то что до суда! – раздалось за спиной злобное шипение. Максим обернулся и залюбовался даже. С его «друга» как будто маску сорвали: глаза налились кровью, а с ощеренных клыков, казалось, слюна сейчас закапает…

– Всегда знал, что в адвокаты одни упыри идут работать! – поделился наблюдением журналист перед тем, как хлопнуть дверью.

И вот как в воду глядел упырь – не дошёл Максим до дома…

– Никто вас по голове не бил, – продолжал Голос тем временем. – Отключил вас дротик из ветеринарного транквилайзера. А в больнице наши люди вскрыли вам черепную коробку и внедрили в мозг электронный биочип, с помощью которого мы сейчас коммуницируем.

– А почему тогда, почти всю неделю в больнице меня мутило, как с похмелья лютого?

– Процесс внедрения и калибровки чипа сопровождается неприятными ощущениями, сходными с таковыми при сотрясении мозга.

Подумав немного, Максим произнёс:

– Допустим, я поверю в этот бред. Тем более что если это не так, остаётся единственное объяснение – у меня крыша поехала… Но кто вы? ФСБ?

– Ни в коем случае! – Голос как будто слегка возмутился. – И не ЦРУ. И не Ми-6. И даже не Моссад. Пока могу сказать только одно: я представляю очень серьёзную организацию, и вы можете гордиться тем, что обратили на себя её внимание. В своё время всё узнаете… если захотите. Меня вы можете называть Буратино.

Из дальнейшего разговора Максим узнал, что чип ему внедрили без спроса исключительно потому, что жизнь его сейчас в опасности. В ответ на бурю возмущения со стороны идейного борца с внутримозговыми имплантами Буратино объяснил, что в

создавшейся ситуации на переговоры попросту не было времени. После того как журналиста выведут из опасной зоны, Буратино отключится, и в дальнейшем, если Максим захочет, чип удалят.

Пока происходил этот странный «внутренний» диалог, Одинцов испытывал смешанные чувства. С одной стороны, его не оставляло подозрение, что он всё-таки сошёл с ума и, как классический безумец, сидит сейчас и сам с собой разговаривает. С другой стороны, ему, как яростному апологету научного прогресса, было жутко интересно происходящее.

Одинцов был в курсе современных технологий, к тому же, имея основательные познания в биологии и медицине, прекрасно понимал, что сейчас создать такой чип вполне возможно. Уже лет пятнадцать существовали и активно применялись чипы, вживляемые в мозг, почему бы не появиться таким, которые могут работать как передатчики. Так что, наверное, всё-таки крыша его на месте…

– А что ещё может этот чип, кроме того как контролировать мои чувства и транслировать твой голос?

– Не все чувства, – поправил Буратино, – только зрение и слух. Ещё мы мониторим некоторые физиологические и биохимические показатели организма. И… Есть ещё одна интересная функция, о которой вам доведётся узнать, только если вы окажетесь в опасной для жизни ситуации.

– А иначе никак?

– Никак. И поверьте, если вы останетесь в неведении, эта функция будет намного эффективнее. Во всяком случае, в первый раз.

– Ясно… – тут Максим решил, что пора прояснить следующий момент: – Слушай, Буратино, ты со мной на «вы», а я тыкаю. Давай ты тоже будешь со мной на «ты»?

– Хорошо. Как хочешь.

– Может, тогда на брудершафт выпьем? – журналист поднял руку, чтобы подозвать официанта.

– Я бы не советовал тебе сейчас алкоголь или кофе, – заметил Буратино. – У тебя давление 154 на 102 и пульс 96. Возьми лучше что-нибудь поесть; сахар в крови упал так, что в обморок скоро упадёшь. Голод ты не ощущаешь только из-за стресса.

Максим последовал доброму совету, тем более что от кофе уже и впрямь тошнило. Он заказал сосиски с зелёным горошком и минеральную воду.

Ожидание заказа Буратино скрасил демонстрацией своих способностей. Предупредил о появлении на реке красного катерка, с визгом пронёсшегося вверх по течению, а потом и огромного серебряного электрохода, бесшумно скользящего вниз.

Свой пророческий дар он объяснил тем, что у него есть возможность получать картинку окрестностей со спутника.

– Теперь у тебя нет повода сомневаться в собственной вменяемости и моей реальности, – объявил Буратино.

Максим, чтобы окончательно развеять сомнения и убедиться в том, что не он один видит суда, спросил у официанта, когда тот принёс заказ, не знает ли он, как называется удаляющийся электроход.

– Это «Путин». Он каждый день в это время здесь проходит.

Глава 2.

Полтора года назад Максим купил трёхкомнатную квартиру на пятом этаже восьмиэтажки на Академика Королёва, неподалёку от Останкинской башни. Два года до этого момента жильё он снимал, и его, приученного с детства к экономии, ужасали астрономические суммы, которые приходилось отдавать каждый месяц. Как только, благодаря заработку в Интернете, у Одинцова появилась возможность обзавестись собственной недвижимостью, он тут же это сделал.

Квартиру ему подсказал адвокат.

– Отличное вложение. Район хороший, почти Центр. Дом 60-х годов постройки – это тебе, конечно, не сталинский ампир, но и не хрущёвка. Кирпич! Лет сто ещё простоит, – вещал Дрон, как заправский риелтор. – Квартира небольшая, но тебе пока больше и не надо. Будешь готов купить побольше – легко её продашь, но уже дороже.

– Я думал взять что-нибудь попроще… Зачем мне три комнаты? Мне на саму хату денег ещё хватает, а вот ремонт в ней уже сделать не на что будет, мебель опять же… – посетовал Максим.

– Пустяки. Что-то предвещает спад твоих доходов? Ничего подобного! – адвокат привычно распластался на своём столе, как будто пытаясь дотянуться до клиента. – За три месяца, а то и быстрее и на ремонт заработаешь, и на гараж поблизости. Будешь в собственном джакузи лежать и шампанское трескать. Я, кстати, могу свой гонорар с тебя за это время не брать, потом отдашь…

– Интересно, сколько ТЫ с этой сделки получишь? – Максим невольно откинулся назад, – он не любил впускать в личное пространство кого-либо кроме дам, и тех ненадолго.

Адвокат только отмахнулся, но сел ровно и продолжил уже спокойнее:

– Жильё надо брать на вырост. Захочешь женой обзавестись – будет куда привести… – на этих словах теперь уже Максим

замахал руками. – Ну-ну, всяко бывает. От тюрьмы и от семьи не зарекайся!

Адвокат захохотал; кроме пристрастия вторгаться в личное пространство собеседника у него была ещё одна некрасивая привычка – шумно радоваться собственным шуткам.

Районч ик показался Максиму уютным. Останкинскую башню было видно из окна. Она уже лет пять не выполняла свою основную изначальную функцию – раздачу телесигнала. В ней работали только ресторан, который больше не вращался, смотровая площадка и пара лифтов. Максим любил символизм, и ветшающая телевышка за окном знаменовала собой торжество независимой журналистики над официальными средствами массовой информации, Интернета над телевидением…

Максим сразу же заселился в неотремонтированную квартиру и решил сам провести в ней перепланировку. По его замыслу, должна была получиться студия с кабинетом и спальней.

Одинцов собственноручно разрушал стены, разделяющие коридор, кухню и гостиную. Вышибал кувалдой по нескольку кирпичей в день, убеждая себя, что это гораздо интереснее, чем тренировка в спортзале. Пыль постоянно висела в воздухе и скрипела на зубах. Пища, потребляемая в квартире, имела кисловатый строительный привкус. Перед входной дверью вечно громоздились мешки с мусором.

Энтузиазм быстро иссяк.

Как только снова появились деньги, Максим нанял бригаду ремонтников во главе с дизайнером невнятной гендерной принадлежности. Остатки кухонной стены были переделаны в барную стойку, кирпичи очищены от штукатурки и покрыты специальным воском. То же проделали со стенами в гостиной. Дизайнер противился этому решению, утверждая, что голая кладка давно не в тренде, но Максим настоял – ему так нравилось.

Раздельный санузел переделали в объединённый, и в нём поместилось небольшое джакузи – воплощение представлений Максима об идеальном бытовом комфорте.

Комнату, отведённую под кабинет, обшили звукопоглощающими панелями и поставили шумоизолирующий стеклопакет, чтобы она могла служить ещё и студией.

Кровать в спальне подвесили на цепях к потолку. Это решение поначалу показалось Максиму спорным, но дизайнер был настойчив:

– Дорогой мой, поверьте моему опыту: когда вы попробуете ЭТО на подвесной кровати, по-другому вам уже не захочется.

В интерьер замечательно вписался антиквариат, оставшийся

от старых хозяев. Дизайнер отреставрировал дубовый шифоньер с нелепой форточкой в дверце, о которой пошутил, что она предназначена для проветривания скелетов. И переделал тумбу под телевизор в полки для обуви.

Уже под вечер этого странного дня Одинцов очутился наконец у себя дома.

За несколько часов общения Буратино явил достаточно доказательств собственной реальности. Но Максим ещё не решил для себя следующий вопрос: стоит ли доверять таинственной организации, вышедшей с ним на связь таким нетривиальным способом.

Голос призывал осознать серьёзность ситуации, в которой оказался скандальный журналист, и утверждал, что в России не только здоровью, но и самой жизни Одина угрожает опасность. На прямой вопрос, исходит ли эта опасность от *Another U*, Буратино отвечал невнятно: отчасти да, но всё гораздо серьёзнее, чем кажется. И тут же предложил эвакуацию в страну, где Максиму обеспечат защиту, при условии, что он будет сидеть тихо и воздержится от заявлений в информационном пространстве. Немедленного ответа не требовалось, но Буратино предупредил, что тянуть не стоит, потому что с каждым днём опасность только увеличивается.

Максим наполнил джакузи, включил гидромассаж на полную мощность, разделся и полностью погрузился в воду, оставив на поверхности только нос. Закрыл глаза и расслабился. Водяные струи, бьющие снизу, не давали телу опуститься на дно, боковые течения удерживали посередине. Одинцов любил думать в таком состоянии – физическое равновесие приводило к равновесию душевному, и тогда приходили самые верные и взвешенные решения.

Для начала журналист подытожил все свои соображения о сложившейся ситуации.

Очевидно, что силы, которые строят ему козни, связаны с *Another U*. Эти силы действительно очень могущественны и могут воздействовать даже на государственные структуры. Поэтому в сложившейся ситуации единственно верный способ противостоять им – это ни в коем случае не молчать, а, напротив, продолжить убеждать сетевое сообщество в своей правоте. Тогда никто ничего ему сделать не сможет – побоятся общественного резонанса. Не захотят сотворить из него героя и мученика, посадив за решётку или устранив физически, – это нанесёт максимальный репутационный вред проектам, против которых он, как общественный деятель, выступает. Предоставить доказательства в

суд тоже не помешает, но там любые, даже самые железобетонные, аргументы могут просто не принять во внимание, поэтому главное – привлечь на свою сторону как можно больше обычных людей…

И тут его осенила одна простая мысль. Он даже сел на дно и отключил гидромассаж.

Предсказание адвоката во время их последней встречи по поводу того, что Одинцов не дойдёт до дома, сбылось буквально, и, как выяснилось, из-за вмешательства таинственной организации, от имени и по поручению которой вещает «внутренний голос»! Это они выстрелили в него транквилизатором…

Далее. И Якушев, и Буратино добиваются одного и того же: чтобы *InfoOdin* заткнулся.

Ясно, как дважды два, что адвокат и Буратино действуют сообща и работают в конечном итоге на *Another U*. К тому же эта компания специализируется на внутримозговых имплантах, и предположение, что чип, который вживили Максиму, – это их продукция, самое разумное.

Когда Максим вылез из воды и завернулся в купальный халат, заиграла мелодия видеовызова на его гармошке[19]. Это была Алина.

Он немного поколебался, прежде чем ответить.

– Максик, привет! – судя по интонации и слегка расфокусированному, томному взгляду, она была подшофе.

– Привет, – сдержанно ответил Максим, которому было неловко из-за незримого присутствия Буратино.

– Ты дома? Что делаешь? – ответов она дожидаться не стала. – Я приеду сейчас.

Последнее предложение не содержало даже намёка на вопросительную интонацию. В другое время Максим бы обрадовался этому звонку, тем более что он не видел Алину уже больше недели, а то настроение, в котором она сейчас пребывала, обещало бурную и запоминающуюся встречу… Но он категорично отчеканил:

– Нет! Я не могу сегодня. Работа.

Девушка недоверчиво посмотрела на него.

– Как хочешь… Больше не позвоню! Звони сам, может, отвечу, – навязываться было не в её правилах.

– Зря, – произнёс Буратино, после того, как она отключилась, – я отметил у тебя резкое повышение выработки норадреналина, когда она позвонила.

– Что зря? Я не понимаю… как… при тебе… – растерянно

пробормотал Максим.

– Твои интимные приключения мне неинтересны, – заявил Буратино. – Я бы мог рассказать тебе почему, но, боюсь, ты не поверишь. Я и так не чувствую доверия с твоей стороны, но после этих объяснений его станет ещё меньше.

Максим вернулся к своим умозаключениям. Итак, цель его противников —добиться, чтобы он заткнулся и исчез. Поэтому они и хотят организовать его бегство – чтобы путь беглеца можно было отследить и обнародовать потом записи с камер видеонаблюдения в Интернете. Вот он подъезжает к аэропорту, вот проходит паспортный контроль, вот поднимается по трапу. Испугался, поверил в реальность угроз, убежал, улетел, скрылся. И вот уже там, куда его отправят, можно, что называется, и ледорубом по черепу… Никто и не вспомнит, что был такой. Месяц максимум пообсуждают его исчезновение. Может быть, кто-то из коллег – сетевых журналистов – заинтересуется позорным бегством Óдина и опубликует расследование, которое оставит больше вопросов, чем даст ответов. И всё… имя его забудут навсегда.

Обдумав всё это, Максим разработал для себя следующие правила.

Первое. Он не должен никуда исчезать, наоборот – всегда быть на виду и не давать повода заподозрить себя в трусости или малодушии.

Второе. Никому не верить. Никто ему не поможет, кроме него самого. Все остальные, проявляющие «заинтересованность» в его судьбе, – хитрые враги или подкупленные хитрыми врагами подлецы. Его предал даже адвокат, который называл себя «другом».

Третье. Об отношении к Буратино. Смотреть второй пункт и не быть наивным фантазёром, верующим в некую могучую силу, противоборствующую врагам человечества и лично его, Óдина, врагам. Завтра же попытаться избавиться от биочипа.

Тут произошло нечто заставившее Максима усомниться в своих выводах относительно адвоката. Была уже почти полночь, когда тот позвонил. Вызов пришёл из приложения, которое невозможно прослушать, во всяком случае, так думали его пользователи. Поколебавшись, Максим всё-таки решил ответить.

– Привет! – адвокат звучал так, как будто между ними ничего не произошло: ни ссоры, ни того, что он ни разу не то что не навестил своего основного клиента в больнице, но даже не позвонил, чтобы справиться о самочувствии. На всякий случай, не

дожидаясь ответного приветствия, Дрон сразу перешёл к делу. – Нашёл я тебе учёного. Серьёзный дядька, доктор наук целый. Профессор. Нейрофизиолог. Готов на интервью, но чтоб его лица видно не было. И голос изменить требует. Расскажет о том, что чипировать мозги – это то же самое, что лоботомию сделать. Полная потеря личности и всё такое…

– Привет, – Максим за время этого монолога успел передумать бросать трубку и решил тоже сделать вид, что между ними ничего не произошло. – А почему он шифрованный-то такой?

– Странный вопрос! Дядька не дурак. Он же видит, как тебя загнобили, и для себя прекрасно последствия представляет. А что ты переживаешь? Так ещё таинственнее и драматичней будет. Его всё равно никто не знает, кроме узких кругов… Какая разница, каким голосом он будет говорить, главное – что.

– Согласен… – Максим подумал. – Давай тогда интервью в «бункере» проведём. Организуешь?

– Это на Пресне, где с диггером тем два года назад? – зачем-то решил уточнить адвокат.

Два года назад Óдин брал интервью у одного исследователя московских подземелий по кличке Сэнди, который заявлял, что нашёл «вход в Преисподнюю». Максим записал разговор с ним здесь, в подземном антураже. Диггер на камеру пообещал провести журналиста ко входу в Ад, а возможно, и дальше, но перед этим ему нужно проверить там всё самому. После этого он бесследно исчез. Девушка Сэнди и родители искали его с полицией. Максим попытался узнать о его судьбе с помощью диггерского сообщества, но тщетно – там все поверили в то, что он сгинул. К Вратам Ада идти никто не захотел. Расследование тогда ничем не закончилось, обвинять без вести пропавшего во вранье Óдин не стал. Сделал ролик, в котором сам пошарился немного по подземелью и рассказал мистическую историю исчезновения диггера.

– Что за вопросы дебильные? – раздражённо ответил журналист. – По телефону же говорим.

– Хорошо-хорошо… Я понял! Всё организую на завтра, – поспешил успокоить его осознавший свой прокол адвокат.

– Жду.

– А где «спасибо»?

– На счету своём увидишь… Пока! – Максим сбросил, не дав Якушеву попрощаться.

Примерно через минуту после этого разговора подал голос

Буратино:

– Максим, ты же понимаешь, что тебя заманивают в ловушку.

– Да кому я нужен? Ловушку… Смешно.

– Ты напрасно недооцениваешь степень опасности. Людей убивали по гораздо более ничтожным причинам, – Буратино был явно взволнован. – Тем более бункер… если это под землёй – то вдвойне опасно!

– Да что за чушь?! – не сдержался измотанный за день Максим. – Достал со своей заботой…

Буратино воспротивился возможности, предложенной адвокатом… Что ж, это означает, что они не союзники. Но доверять ему всё равно повода нет; цель устранить Максима из инфополя осталась.

Что же касается адвоката… Возможно, он действительно по чьему-то наущению призывал клиента отречься от своих слов. Перекупили Якушева или запугали – не важно. Важно то, что он всё-таки организовал интервью. Устыдился своего предательства. А скорее всего, понял, что раз уговорить клиента отречься от своих убеждений не получилось, то за это ему не заплатят, тогда какой смысл терять гонорар от Максима, не выполнив его поручение. Поэтому и нашёл учёного…

Разговор с профессором никак не должен был ухудшить дело, а значит, нужно, чтобы он состоялся. Заодно, может, нейрофизиолог поможет избавиться от насильно внедрённого в голову биочипа.

Глава 3.

Сегодня был чётный день месяца, и Максим выгнал из гаража двухместный электромобильчик «Тайвань». Из двух своих машин эту он любил больше хотя бы потому, что она была новой. Первой была огромная, неповоротливая, старая «Тесла», которая занимала полтора места на платной парковке.

К началу тридцатых проблема пробок в Москве решилась просто. Повсеместный отказ от автомобилей на бензиновой, дизельной и газовой тяге привёл к космическому росту цен на углеводородное топливо – так этот агонизирующий сектор экономики пытался компенсировать катастрофическое снижение объёмов продаж. Людям пришлось избавляться от своих железных коней по цене металлолома – переделать внутреннее сгорание на электротягу оказалось дороже, чем купить новый электрокар, а купить новый – далеко не всем, даже москвичам, по карману. Опять же почти полное отсутствие вторичного рынка

электромобилей привело к двукратному снижению количества автовладельцев в столице. Многие москвичи предпочли более дешёвые электрические велосипеды и скутеры, для которых на дорогах были выделены специальные полосы. Многократно возросла нагрузка на общественный транспорт, увеличилось число пользователей каршерингов. В итоге дороги стали гораздо свободнее за счёт сокращения количества легковых автомобилей и введения двухэтажных электробусов на большинстве маршрутов.

Кроме того, на каждый легковой автомобиль, находящийся в частной собственности, наложили ограничение: на машинах с госномерами, заканчивающимися на чётную цифру, можно было ездить только по чётным дням месяца, а на нечётную – соответственно, по нечётным. Таким образом, только очень хорошо обеспеченные люди могли позволить себе передвигаться по городу на личном автотранспорте каждый день: две машины, два места в гараже или на стоянке, четыре пары сезонной резины.

У Максима совсем недавно появилась вторая тачка для поездок по чётным дням. И, как нарочно, почти сразу после её приобретения дела пошли под откос…

«Тайвань» радовала водителя своей резвостью: мгновенно отвечала на малейшее изменение давления на педаль газа – свежий движок, свежие «батарейки».

После восьми часов вечера машин на дорогах было мало. Только самая правая полоса движения напоминала медленно ползущий конвейер с огромными консервными банками электробусов. Максим преодолел расстояние от Останкино до Пресни за полчаса.

Электрокар он оставил на парковке возле зоопарка, с трудом протолкался сквозь толпы пассажиров метро с угрюмыми, приплюснутыми лицами в подземном переходе под Красной Пресней, прошёл мимо стадиона, срезал угол через парк и углубился в разномастный лабиринт жилых домов. Немного поплутав между заборов, которых раньше не было, нашёл самый старый дом в околотке, проник через арку во двор и подошёл к укрытой жестяным проржавевшим навесом лестнице, ведущей ко входу в подвал.

Та самая железная дверь с облупившейся коричневой краской и приваренной ручкой из арматурины лишь казалась запертой; она оглушительно заскрипела так же, как и два года назад.

– Максим, прошу тебя не ходи туда. Под землёй мой сигнал не работает… – раздалось в голове.

– Это смешно, Буратино. Ты думаешь я не знаю, на кого ты работаешь?

– Ты не можешь этого знать. Если ты решил, что это *Another U*, то ты глубоко…

– Да пошёл ты!

Журналист решительно шагнул через порог.

Достал из кармана фонарь, включил и уверенно зашагал из одного подвального помещения в другое. Скоро он разыскал массивную металлическую дверь. Петли её давно проржавели, и она была заклинена в полузакрытом положении. Из проёма тянуло холодом и сыростью. Максим протиснулся в него и очутился в гулком тоннеле, шириной метров в пять, который явно не мог умещаться под домом и вёл в даль, которую не доставал луч фонаря.

Максим двинулся вперёд, чувствуя, как понижается уровень пола. Шагов через двести уклон прекратился. По сторонам коридора стали изредка появляться черные дыры боковых ответвлений и разнокалиберные ветхие двери. Чем дальше он шёл, тем больше тянуло сыростью, под ногами блестела вода, начало хлюпать. Пройдя ещё шагов триста, Максим остановился возле двери из грубых досок, между которыми сочился свет. Он выключил фонарь и потянул дверь на себя.

Яркий луч ударил по глазам. Максим шагнул в помещение и не стал отворачиваться или закрываться, дал себя разглядеть. Через несколько секунд луч ушёл в сторону. След от него в поле зрения стал оранжевым, затем фиолетовым и наконец исчез. В отражённом свете двух фонарей Максим разглядел комнату с бетонными стенами.

Кроме Одинцова здесь были ещё два человека. Один из них – адвокат Андрей Якушев – сидел у стены на диване из ободранного автомобильного сиденья, другой стоял напротив метрах в двух. Максим включил свой фонарь и осветил лицо незнакомца. Тот прищурился. Старомодная вязаная шапочка. Морщинистое худое лицо с редкой бородкой. Тонкая шея с заметным кадыком. Клетчатая рубашка, тёмная куртка. Максим направил луч фонаря вверх.

– Познакомьтесь, господа, – подал голос адвокат. – Альберт Семёнович Велипе́сов, доктор биологических наук, профессор. Максим Одинцов, журналист, – и, поколебавшись, добавил: – Публицист.

Паучья лапка профессора оказалась неожиданно цепкой.

Максим заметил два раскладных стульчика посреди комнаты, их принесли люди адвоката, которые подготавливали встречу. Напротив стульчиков, на тоненьких штативах были установлены маленькие автоматические камеры.

– Давайте присядем, – Максим решил, что пора взять на себя

инициативу, и сделал приглашающий жест.

Профессор осторожно уселся на кажущийся хрупким стульчик. Он был напряжён и держал спину прямой, а руки на коленях.

Тогда адвокат встал и включил небольшой софит, который освещал интервьюируемого сзади, так, чтобы виден был только силуэт, и эффектно выхватывал из тьмы лицо интервьюе́ра.

Чтобы успокоить и расположить учёного к беседе, журналист улыбнулся и произнёс интеллигентно:

– Ну что ж, Альберт Семёнович, с чего начнём? Может быть, расскажете свою профессиональную биографию? Естественно, без имён…

– Так не обращайтесь, прошу, ко мне по имени! – Впервые подал голос профессор. Он оказался резким, высоким и неприятным. – Вы уже включили запись?

Максим почувствовал, как напряглась его улыбка.

– Ну что вы? Как можно без предупреждения?

– Всё, что вам нужно знать обо мне, вы уже знаете. Называйте меня «Профессор». Включайте! – приказал противный старик.

Журналист удержался от резкого ответа, достал гармошку и, не разворачивая, несколько раз дотронулся до экрана. Автоматические камеры зажужжали тихо и навелись одна на Профессора, другая на О́дина, загорелись зелёные огоньки.

– Итак. С чего ВЫ хотите начать?

Профессор заговорил уверенно:

– Чипирование с помощью внутримозгового импланта абсолютно безопасно. Мы достаточно далеко продвинулись…

– Простите, Профессор, – остановил его Максим, – вы, наверное, хотели сказать: «НЕбезопасно».

– Не имею проблем с выражением собственных мыслей.

– Но мы ведь собирались говорить совсем о другом. О том, что чипирование хуже лоботомии… – напомнил журналист.

– Я просто сделал вид, что согласен с бредом, который вы несёте у себя на портале, чтобы вы сподобились меня выслушать, – заявил Профессор.

Максим взглянул на Андрея. Адвокат положил ногу на ногу.

– Дослушайте до конца, молодой человек, и вы поймёте, что приехали не зря, – строго произнёс Профессор.

– Просто послушай, – поддакнул адвокат.

Максим развёл руками.

– Хорошо. Я послушаю.

– Чипирование с помощью внутримозгового импланта абсолютно безопасно. Мы достаточно далеко продвинулись в изысканиях и разработали продукт, готовый для внедрения среди

самых широких масс народонаселения планеты, – Профессор произнёс это таким торжественным тоном, как будто возвестил о скором пришествии мессии.

– Кто это «мы»? – угрюмо спросил Максим.

– Исследовательский отдел корпорации *Another U*.

– Какого чёрта?.. – начал было Одинцов, но Велипесов его не слушал.

– Представьте себе гипотетического работягу, у которого одиннадцать часов в день уходит на работу вместе с дорогой и остаётся часов шесть на себя и часов семь сна. Скучновато звучит, не правда ли? А теперь представьте, что каждый час из этих семи превращается для него в день блаженства в раю, восприятие которого невозможно отличить от реальности. Что в этом плохого? Кто откажется?

Максим подождал немного и сухо поинтересовался:

– Это всё? Какие-то доказательства будут?

– А какие могут быть доказательства? Во-первых, вашего образования не хватит, чтобы понять даже базовые выкладки. А во-вторых, в лабораторию вас провести или документы показать я не могу – все работы, конечно же, засекречены. Просто поверьте.

Максим окончательно убедился, что зря теряет время. Только из вежливости подавил в себе порыв немедленно встать и выйти.

– Без доказательств. Просто поверить… Мы что, в церкви?!

Старик вздохнул так, как будто невероятно устал объяснять очевидные вещи невеждам.

– Я могу привести сейчас как аргументы «за», так и аргументы «против». В любом случае вашего уровня познаний не хватит, чтобы отличить правду от истины.

– Вы совершенно напрасно недооцениваете мой уровень. Готовясь к каждому выступлению, я штудирую научные труды, проверяю первоисточники…

– Прекрасно. Значит, вы тем более должны понимать, что ничего не смыслите в предмете.

Максим растерялся, но вида не подал. Вслух произнёс:

– Ну конечно, у меня нет узкоспециальных познаний… Но я изучал биологию и медицину…

– Никаких «но» и «всё-таки»! Вы либо разбираетесь в предмете досконально, либо настоящий специалист сможет при желании ввести вас в заблуждение. Вы это понимаете?

Максим пожал плечами.

– В таком случае прекратите вставлять палки в колёса прогрессу! – потребовал Профессор и продолжил так, будто читал лекцию. – Когда Пифагор заявил, что Земля – шар, нашлись умники, которые потешались над тем, что он не понимает

очевидного: с поверхности шара все люди попадали бы вниз. А когда Лэнгли собрался построить первый летательный аппарат на паровой тяге, маститые коллеги из академии наук с пеной у рта и формулами наперевес кинулись доказывать, что полёт на устройстве тяжелее воздуха в принципе невозможен…

Велипесов чесал как по писаному, видно было, что подготовился. Максим решил его обломать. Он много раз брал интервью и понимал, как это важно – не отдавать инициативу интервьюируемому.

– Послушайте, я вам могу ещё фактов подкинуть – сам подборку на эту тему делал… Я же не отрицаю возможность использования внутримозговых имплантов в принципе, я говорю о том, что это невозможно на данном этапе развития цивилизации…

– Да что вы знаете о цивилизации и её развитии?! – с досадой воскликнул Профессор.

Максим решил не обращать внимание на этот выпад и продолжил:

– …потребуется ещё минимум лет сто, чтобы…

– Да поймите же вы! Мы столетьями не разбрасываемся. Технология уже есть, и надо быть законченным ретроградом, чтобы препятствовать её применению здесь и сейчас!

– Допустим. Но нельзя использовать её как портал для бегства в иной мир. Это преступление. Людям не нужно…

– Да откуда вам знать, что нужно людям?! Кто дал вам право решать за них? – снова перебил его Профессор.

– А вам? —парировал журналист.

– А мы как раз за людей не решаем, мы даём им выбор!

– Это как предложить ребёнку выбор между приготовлением уроков и конфеткой! Только в данном случае – конфеткой отравленной…

– Я не собираюсь устраивать тут диспут! – вдруг завизжал старик. – Спорить с вами всё равно что с питекантропом… Не будем терять время. Выключите камеры!

Максим повиновался, скрепя сердце. Он решил досмотреть представление.

Альберт Семёнович резко встал и отошёл в темноту к стене, наклонился и что-то поднял с пола. Когда он вернулся и сел, у него на коленях оказался чемоданчик.

– В общем так… У вас есть выбор. Либо вы пытаетесь отстоять свою правоту в суде, вам это, а я в этом больше чем уверен, не удастся, и вы лишитесь всего – вашего веб-портала, квартиры, обеих машин… Поверьте, штрафы сожрут это всё. Далее у вас отнимают право высказываться публично, а возможно, и весьма

возможно, и свободу. Либо… – Профессор щёлкнул замками на чемоданчике, открыл его и развернул к Максиму. В чемоданчике лежали перетянутые банковскими лентами пачки купюр. – Это как аванс вы получите тотчас после того, как мы подпишем соглашение о сотрудничестве. Его составлял ваш адвокат.

Максим удивлённо посмотрел на Андрея, тот кивнул. Старик продолжил:

– До завтра подготовите опровержение на своём сайте. Суда не будет. Мир и процветание. Вы помогаете прогрессу – мы помогаем вашему порталу стать одним из самых популярных в мире. У нас огромные полномочия и возможности, и вы очень скоро сможете в этом убедиться.

Максим ухмыльнулся.

– Прямо как в кино… Сколько времени у меня есть на размышление?

– Предложение действительно ещё пять минут. Думайте. Судьбоносные решения надо принимать быстро. И не нужно полагаться на чувства, положитесь на математику, молодой человек, – Профессор захлопнул чемоданчик и побарабанил по нему пальцами.

Разумом Максим понимал, что действительно может быть так, как говорит вредный старик: из-за недостатка информации он сделал неправильные выводы и гонит пургу… Но предложение настораживало, что-то в нем было неправильное, он это интуитивно чувствовал… Максим начал говорить, надеясь на то, что окончательное понимание ситуации оформится в процессе:

– Альберт Семёнович… При всём уважении… Если бы всё было так, как вы говорите… Вашей компании было бы наплевать на какого-то журналюгу, который что-то там вякает у себя на портале. Просто сделали бы своё дело и доказали тем самым свою правоту… Представьте: вопреки неверующим в прогресс ретроградам вы продаёте свои замечательные, безвредные чипы и осчастливливаете человечество. Люди видят, как это работает – и доводы противников технологии забываются в тот же день! Но нет… Всё не так просто. Вам почему-то сейчас, пока вы там что-то внедряете и позиционируете, необходим общественный резонанс…

Старик кивнул.

– Абсолютно верно. Мы просто хотим подготовить людей к нашему продукту.

Ответ прозвучал не очень уверенно, и тут Максима осенило:

– Ерунда! Вы либо сами не верите в безвредность технологии, либо в неё не верят те, кто вас финансирует… Либо вообще врёте!

Профессор молчал. В голове у Максима всё разложилось по

полочкам.

– Знаете, вот этой попыткой подкупа вы самым очевидным способом подтвердили мою правоту. Спасибо. Я отказываюсь от сотрудничества с вами, – он повернулся к адвокату. – И от твоих услуг тоже. И на этот раз окончательно.

– А ты не такой дурак, как кажешься… ты гораздо глупее, – каким-то другим, зловещим голосом заговорил старик. – Это твоё последнее слово?

– Да! – гордо сказал Один, сам удивляясь своей принципиальности, и встал. – Мне пора.

– Ты бы не спешил так… – посоветовал Профессор и вдруг издал странный гортанный звук, что-то вроде: «Оэ́ха!»

Максим увидел, как ветхая дверь с грохотом падает на пол. В помещение ворвались два гориллоподобных типа с мрачными физиономиями и схватили его за руки. Старик направил ствол журналисту в живот, отчего там возникло неприятное, тошнотворное чувство.

– Тебе придётся пойти с нами, – констатировал странный учёный.

– Стойте! – это был адвокат, который тоже поднялся со своего места. – Мы так не договаривались! Мы просто уйдём и сделаем вид, что этого разговора не было.

Старик повернулся к нему и, не говоря ни слова, выстрелил. На лбу у Якушева, над правым глазом, появилось чёрное пятнышко, глаза закатились, и он осел на своё место…

Выстрел показался Максиму оглушительным, в ушах зазвенело. С этого момента он как будто бы стал наблюдать за происходящим со стороны. «Это шок», – понял он.

Профессор снова провыл что-то непонятное, и Максим почувствовал, как его подхватили под руки, развернули и поволокли к выходу из комнаты. Движения мрачных типов были какими-то вялыми, как в замедленной съёмке. В то же время Максим почувствовал мощный прилив сил – ему попытались завернуть руки за спину, но он просто напряг мышцы и не дал этого сделать. На тупом, низколобом лице одного из конвоиров он заметил выражение удивления. Журналист попытался избавиться от хватки, и один из громил полетел в стену, а потом другой врезался в старика, который очень медленно распрямлялся, поднимая с пола чемоданчик. Они покатились, как кегли. Помня о пистолете, Одинцов в один прыжок проскочил дверной проём и помчался по тоннелю. Даже без фонаря он прекрасно ориентировался по звуку собственных шагов, который отражался от стен и формировал в голове трёхмерную картинку.

Максим понял, что это никакой не шок, а та самая секретная

функция биочипа, активирующаяся в критической ситуации, о которой говорил Буратино. Силы, скорость, восприятие возросли многократно, решения принимались чётко и безошибочно.

Когда он был уже возле входа в бомбоубежище, сзади раздались хлопки выстрелов и пули принялись глухо впиваться в стены вокруг и звенеть металлом двери. Максим ящерицей проскользнул в щель и скоро оказался у выхода из подвала.

Свет резанул по глазам, он невольно зажмурился, а когда сумел открыть глаза, совсем рядом с ним очутилось несколько силуэтов.

Часть II. Продавец.

Глава 1.

Когда из-за недостатка естественного освещения читать стало невозможно, продавец закрыл книгу и сунул её под прилавок. Можно было не смотреть на часы, сейчас, в начале апреля, темнело ближе к восьми, значит, как раз пора закрывать магазин. Оттуда же, из-под прилавка, Даниэль, или, как его называли близкие – Малыш, достал старый, потёртый «Глок» и сунул в правый карман свободных, как шаровары, шорт. Там же, в прилавочных недрах, прятался баллончик с автомобильной краской «Металлик» – он занял место в другом кармане, повыше колена, с клапаном на пуговице.

Молодой человек вышел на улицу и стал крутить тугую рукоятку, опуская на витрину рольставни. Их украшала напылённая красной краской надпись на иврите, призывающая «вонючих руси́м убираться в свою вонючую Ру́сию». Она была обнаружена Даниэлем ещё утром, во время открытия магазина. Установить авторство этого шедевра уличного искусства помогли записи камер наблюдения. В предрассветных сумерках, когда фонари уже отключились, а солнце ещё не взошло, Шломик, хозяин ху́мусной на другой стороне улицы, торопясь и оглядываясь, свершил акт вандализма, сопряжённый с разжиганием межнациональной вражды. Он, конечно, не знал, что камеры магазина «Русская книга», старые скрипучие ставни которого закрываются с помощью ручного при́вода, могут работать в инфракрасном режиме.

Пристегнув рольставни замками к земле, продавец достал баллончик, взболтал его и стал аккуратно забрызгивать воззвание. Всё это время он буквально чувствовал затылком чей-то взгляд. Закончив, отошёл на пару шагов и с удовлетворением оглядел дело рук своих. Потом резко обернулся и успел застать следующую картинку: Шломик стоял на пороге своего заведения и, теребя пейсы, злобно пялился на «вонючего руси́». Вандал тут же отвёл глаза.

– Шалом! Ма нишма, ахи?[20] – крикнул Даниэль и помахал рукой.

Шломик сделал вид, что не заметил приветствия и скрылся в недрах своего горохового царства. Лицом Даниэль был похож на еврея ничуть не меньше самого Шломика, но что-то заставляло последнего питать непримиримую вражду к репатрианту из

России.

Продавец запер изнутри входную дверь и подошёл к прилавку, за которым уже сидел хозяин магазина – Борис Ефимович Очиповский, он же Карлсон. На забавного человечка с моторчиком он похож не был ни внешне – высокий и подтянутый, ни возрастом – полный расцвет сил родившегося ещё в СССР Очиповского миновал лет двадцать назад. Бориса Ефимовича прозвали Карлсоном, потому что он похоже изображал голосом одноимённого героя из старинного мультфильма и к тому же жил на крыше.

Как всегда пунктуальный ровно в восемь хозяин «Русской книги» примчался снимать кассу.

Создавалось ощущение, что у Карлсона-Очиповского всё-таки был моторчик, но не на спине, как у мультяшного прототипа, а чуть пониже, поскольку на месте он никогда не сидел. С утра до вечера носился по всему Израилю, встречался с кем-то, что-то куда-то завозил. Была в магазине функция «Доставка», и Карлсон почти всегда сам доставлял заказы. Курьеры обошлись бы дешевле, но таким образом он, видимо, убивал свободное время, которым располагал с избытком.

Свой винтажный бензиновый «Бьюик» шеф ставил во дворе и входил в магазин через заднюю дверь. Иметь такой автомобиль в Израиле было совсем невыгодно: топливных заправок почти не осталось, цена литра бензина на них приближалась к стоимости бутылки ара́ка[21]. Все давно пересели на куда более экономные электрокары, которые не имели заправок вовсе, а бесконтактно заряжались от индуктивных катушек, уложенных под дорожным покрытием по всей стране. И только очень немногие апологеты двигателей внутреннего сгорания отравляли воздух Земли обетованной выхлопами своих бензиновых динозавров. Очиповский говорил с гордостью: «Да я любую эту вашу электрошляпу и на трассе как стоячую обойду, и в режиме «старт-стоп» мне равных нет».

– Ну что, Малыш, опять по нолям? – весело спросил шеф.

– Да нет, Борис Ефимович, сегодня в минус ушли, – в тон ему ответил Даниэль, хотя не очень хорошо понимал, чему тут радоваться. – Вот пришлось краску купить, – он достал из кармана и поставил на прилавок пустой баллончик. – Паскуда Шломик опять наскальной живописью занимался.

– Ты меня огорчаешь, – хозяин нахмурился. Он вообще очень часто огорчался даже по незначительным поводам и тут же сообщал об этом. – Натравить бы полицейских на идиота, но не хочу я, чтоб про инфравизоры узнали…

– А хотите, я в засаде буду сидеть? – предложил продавец. –

Когда в следующий раз станет пакостить, я его так прихвачу – мало не покажется. И в полицию за гизану́т![22]

– И не жалко тебе сном ради этого жертвовать? Или на сверхурочные рассчитываешь? – подмигнул Карлсон. – Такой маленький пацак, а такой меркантильный кю!

Очевидно, это была цитата, но Даниэль не стал уточнять её происхождение, не желая нарваться на проповедь по поводу утраты культурной парадигмы и рекомендации прочитать или посмотреть цитируемое произведение, обычно давно не популярное. Чтобы оскорбиться, ему хватило эпитета «меркантильный».

– Можете вообще за это не платить. Так поймаю. Бесит.

– Ладно, Малыш, не напрягайся, – Борис Ефимович по-приятельски ударил продавца по плечу. – Не стоит стервец того. А в полиции скорее ему поверят, чем тебе. Шломик ведь заявит, что ты сам всё это подстроил, лишь бы честному са́бру[23] насолить…

– Как по мне, вот это и есть самый настоящий гизанут, когда в полиции верят не тому, кто говорит правду, а тому, кто здесь родился!

Борис Ефимович рассердился. Но вовсе не из-за критики местных порядков; кроме прочего он был яростным борцом за чистоту русского языка.

– Малыш, ты меня очень огорчаешь… Как это дурацкое «как по мне» должно звучать правильно, ты хоть знаешь?

– В смысле? Как это может ещё звучать?

– «По-моему», Малыш, «по-моему», а не «как по мне»!

– А. Ну может быть… Но, как по мне, это неважно.

Карлсон в отчаянии схватился за голову. И тут же разразился гневной тирадой о том, что это просторечное выражение, которое каких-то двадцать лет назад было частью нейролингвистической характеристики исключительно дремучего быдла, но каким-то непостижимым образом, видимо, с увеличением культурного и языкового влияния этой зловонной помойки – Интернета просочилось во все слои общества и абсолютно не к лицу относительно интеллигентному человеку, коим должен являться продавец книжного магазина…

Нравоучение могло бы продолжаться ещё долго, но было прервано хлопком двери чёрного хода.

Через мгновение взору собеседников явилась Дори́т. У обоих перехватило дыхание. Прекрасная мулатка – плод любви украинки и эфиопа – была облачена в сверкающее изумрудное платье, целомудренно прикрывающее ноги до самого пола, но с более чем щедрым декольте. Густые черные волосы её были

собраны в высокую причёску и прихвачены лёгкой бриллиантовой диадемой с крупным кровавым рубином, младшие братья которого украшали уши. Африканская принцесса – не меньше. Антураж книжного магазина вокруг неё смотрелся странно и неуместно.

– Эрев тов[24], мальчики! – произнесла Дорит низким, источающим соблазн голосом и ослепительно улыбнулась.

В качестве ответного приветствия Малыш очень нелепо помахал ей рукой и, не выдержав её прожигающего насквозь взгляда, покраснел и потупил взор.

– И тебе, это самое… Добрый вечер, До́ра, – выдавил Карлсон. – Куда это ты так нарядилась?

– Так в канадском посольстве приём сегодня, – красавица перевела свой лучемёт на него.

– Да-да, конечно, помню… – теперь Борис Ефимович зарделся и зачем-то выдвинул пустой ящик антикварной кассы. Когда Очиповский попытался вернуть его на место, тот не защёлкнулся, а со звоном отъехал обратно.

– Офигеть, как ты шикарно выглядишь! – поспешил на помощь шефу Малыш.

– Вы очень галантны, Даниэль, – Дорит улыбнулась надменно.

Малышу захотелось спрятаться под прилавком. Карлсон, чертыхаясь, продолжал воевать с кассой.

– Ладно. Не скучайте. Ялла, бай, лехитрайот[25]! – Дора ловко развернулась на высоченных каблуках и пошла на выход модельной походкой.

Мужчины пролепетали ей вслед:

– Ты поаккуратней там…

– Пока, Дора!

Когда вновь хлопнула задняя дверь, Малыш спросил нарочи́то беспечно:

– И чего заходила-то?

– Реакцию на парадный прикид проверить, – вздохнул Карлсон.

– Да уж… Прикид – что надо… – вздохнул и Малыш…

– Так! – Борис Ефимович с треском задвинул наконец ящик кассы. – Дело к тебе есть, – он показал Даниэлю фотографию в своём стретчере[26], растянув его до размеров планшета. – Вот этого типа пробить надо: где живёт, чем занимается. Сейчас фото и данные скину. Есть имя с фамилией…

– Так я его знаю! – обрадовался Малыш.

Карлсон удивлённо вскинул на него глаза.

– Пойдём-ка ко мне, надо поговорить.

Дом, на первом этаже которого находилась «Русская книга», возведённый более ста лет назад, был великолепен. Во времена британского мандата его стены сложили[27] целиком из «золотого» иерусалимского камня, в отличие от более современных домов, у которых каменной была только облицовка, а сами стены – бетонными.

Располагался дом поблизости от административного центра города. Улица, на которой он находился, была мощёная, пешеходная, вся в магазинчиках, бути́ках и ресторанчиках по сторонам отполированного миллионами ног булыжного тротуара.

На машине подъехать к дому можно было только с заднего двора, огороженного высокой стеной из того же «золотого» камня, над которой была ещё одна стена из густых кустов с глянцевыми, как будто пластмассовыми листиками. Кованая калитка имела высокие, с копьевидными навершиями прутья, доходившие до арки из переплетённых веток куста. Автоматические автомобильные ворота отъезжали за стену, когда надо было пропустить машину во двор, где свободно размещалось до трёх автомобилей.

Ещё три машины можно было поставить в гараже, занимавшем половину подвала, в который спускался широкий пандус. Это было дополнительное преимущество столетнего каменного дома; бетонные постройки редко имеют настоящий подвал.

Во второй половине подвала располагалось бомбоубежище. В нём был оборудован небольшой спортзал со штангой, гантелями, двумя универсальными тренажёрами с отягощениями на тросах и боксёрским мешком. В бомбоубежище размещалась также финская сауна с деревянной бочкообразной купелью.

На первом этаже, кроме магазина, был небольшой, но чрезвычайно уютный конференц-зал, обшитый морёным дубом. Часть его занимал шикарный стол для русского бильярда под зелёным сукном. Ещё в нём был дубовый бар в классическом стиле с богатым выбором напитков.

Наверх вели две лестницы в торцах дома. На втором и третьем этажах находилось по две квартиры. В одной из нижних, поскромнее, двухкомнатной, жил Малыш, в другой, четырёхкомнатной – прекрасная Дори́т.

На третьем этаже над Малышом жили два друга: здоровяк Силе́н, неразговорчивый и начисто лишённый чувства юмора, и Евге́н – тощий и саркастичный.

Вторая квартира на третьем этаже предназначалась для сдачи внаём. В ней обитали трое: два типа с бычьими шеями и

бандитскими мордами, похожие друг на друга как братья, и молодой эфиопский еврей, очень чёрный и грациозный, как эбонитовая статуэтка. У них была ремонтно-строительная бригада, в которой верховодил негр. Во дворе стоял их старый минивэн с надписью «Шипуцим» на иврите и «Ремонты» на русском и двумя забрызганными краской стремянками на крыше. Этих жильцов Даниэль встречал редко. Вели они себя тихо, никого к себе не водили, возможно, такими были условия их проживания в доме.

На крыше жил Карлсон. Когда он приобрёл дом, то снёс чердак и переделал крышу в лофт с огромной террасой. Из подвала прямиком на крышу был проведён лифт.

Если на книжных полках магазина и в интерьерах дома преобладала классика, то на крыше безраздельно владычествовала эклектика. В просторной гостиной – мраморный камин в романском стиле с колоннами по сторонам и треугольным портиком наверху. На портике барельеф – античные воины, поражающие копьями и стрелами чудище, пытающееся выбраться из пещеры. Напротив камина – низкий японский обеденный стол, чёрный, с резными ножками, используемый как кофейный. С двух сторон его огибал угловой диван, футуристичный и строгий, на котором могли разместиться сразу человек шесть. Диван был белый. Рядом стояло любимое кресло Карлсона: красное, кожаное, антикварное, времён мандата, с рядами медных заклёпок и пухлыми подлокотниками.

Барная стойка из стекла отделяла кухонную зону с блестящими металлическими поверхностями, весьма неплохо оборудованную. На её фоне выделялся тёмный угловой мини-бар в готическом стиле с резной горгульей наверху.

В обеденной зоне гостиной – овальный стол в стиле модерн, окружённый изящными стульями с высокими спинками.

Вся эта лютая мешанина стилей в общей композиции смотрелась тем не менее весьма органично.

В лофте имелось ещё две комнаты, наверное спальня и кабинет. Малыш видел только их двери.

На открытой части крыши – всё из обожжённых газовой горелкой деревянных поддонов. Карлсон сам, с помощью шуроповёрта, болгарки и собственно горелки, сделал всю мебель: обеденный стол, две скамьи со спинками по длинным сторонам стола и два стула по коротким.

Все этажи дома очень украшали старинные медные петли, дверные ручки и светильники. К окнам были подвешены синие колониальные ставни под дерево, выполненные на самом деле из пуленепробиваемого композита.

Когда они поднялись на крышу, Малыш расположился на диване для гостей. Перед тем как приземлиться в своё кресло, Карлсон растопил камин. Был уже вечер, и комната освещалась в основном этим уютным огнём.

– Ты узнал человека на фото. Как ты с ним познакомился? – вернулся к разговору шеф.

Глава 2.

Даниэль Альтман иммигрировал меньше полугода назад и помимо обитателей дома Карлсона знал не так много людей в Израиле, в основном немногочисленных посетителей магазина. Тем более удивительно, что это лицо было ему знакомо…

Круглое, с лупатыми, как будто слезящимися глазами, мясистый нос скорее картошкой, большой рот с толстыми губами – есть такой тип лица у ашкеназских евреев.

Этот человек впервые появился на пороге магазина зимой. Даниэль на тот момент только начинал осваивать профессию книготорговца. Мужчина лет сорока выглядел солидно: тёмно-синее короткое пальто, брюки со старомодной стрелкой, чёрные ботинки на очень толстой подошве. Полосатый шарф, аккуратно повязанный поверх воротника – извечный атрибут творческой личности. Чёрный портфель, идеально подобранный фактурой и цветом под обувь. Комплекции посетитель также оказался солидной – килограмм сто на примерно метр семьдесят роста.

Даниэль ещё не научился отличать «местных» от бывших соотечественников, поэтому на всякий случай сказал:

– Цеура́им тови́м![28] Здравствуйте! – надеясь, что незнакомец отреагирует именно на «здравствуйте», потому что на иврите тогда он умел только здороваться и прощаться.

– Здравствуйте! – прозвучало в ответ на чистом, хоть и картавом русском. Мужчина подошёл и зачем-то представился: – Лев Бронфельд.

Он протянул руку над прилавком, зацепив рукавом пальто стакан с авторучками, который Малыш успел подхватить, но несколько ручек оказались на полу. Продавец улыбнулся, желая подбодрить потенциального покупателя, чей взгляд стал растерянным, и пожал ему руку.

– Даниэль Альтман. Не беспокойтесь, я позже соберу. Что вас интересует?

Бронфельд окинул взглядом книжные полки.

– Из представленного – ничего.

Даниэль удивился.

– Но у нас очень хороший выбор. И в торговом зале далеко не всё, много книг в хранилище.

– Меня интересует Леон Брон.

– Секундочку. Я посмотрю в каталоге, – продавец щёлкнул пробелом на клавиатуре старинного компьютера.

– Не утруждайтесь, – остановил его посетитель и поставил на прилавок портфель. – Этого автора у вас наверняка нет.

– Это современный автор? В каком жанре он пишет? – продавец почувствовал вызов.

– Это очень современный автор, – Бронфельд возвысил голос на слове «очень». – И поверьте: ему подвластен любой жанр.

– Оставьте заказ, и мы доставим вам его книги в течение недели, если они, конечно, существуют в природе.

– Они существуют, и я упрощу вам задачу.

С видом фокусника посетитель достал из портфеля глянцевую пёструю книжку и положил её перед продавцом. На обложке красовался портрет автора.

– Я понял. Леон Брон – Лев Бронфельд. Так вы писатель? – просиял продавец.

Бронфельд гордо улыбнулся и торжественно произнёс:

– Да. И я хочу предложить вам свою книгу на реализацию. Мистический хоррор «Полуночные тени».

В общении писатель оказался довольно приятен. Он буквально светился желанием внимать собеседнику и, когда слушал, даже наклонял голову набок. Но когда начинал говорить сам, его было не остановить, пока он не выскажет всё, что хотел, и не выдохнется. Как будто забирал долг: я выслушал, теперь и ты меня послушай…

Бронфельд поведал, что является довольно успешным сетевым автором. В последнее время его доходы выросли, и он решил, что может позволить себе бумажные тиражи. При этом прекрасно осознаёт, что вряд ли много заработает на их реализации, но как дань традиции у каждого уважающего себя писателя должны быть осязаемые издания. К тому же они так приятно пахнут… Бронфельд даже поднёс книгу к носу продавца, чтобы тот мог в этом убедиться.

В тот же вечер, подкупленный обаянием и красноречием писателя, Даниэль взялся было читать «Полуночные тени». Устал он уже к двадцатой странице. Причём не просто устал, а смертельно, как будто всю жизненную энергию из него выкачали… Ему одновременно захотелось уснуть, выпить водки и повеситься.

Когда Малыш, пряча «Тени» за спиной, постучался к Карлсону, тот открыл не сразу.

– Беда, Борис Ефимович! Я взял у одного писателя книгу на реализацию. А это пакость какая-то, а не книга, – пожаловался Малыш с порога.

– Что за писатель? Где ты его взял? – Карлсон положил руку на плечо Малыша, направляя его в гостевую зону.

– Да нигде я его не взял, он сам пришёл! – вскричал в отчаянии начинающий книготорговец.

– Как фамилия? – шеф был невозмутим.

– Бронфельд. Пишет под псевдонимом Леон Брон.

Карлсон остановился и нахмурил лоб, припоминая.

– Нет. Такого не знаю.

– Говорит, что очень успешный автор, что известен в Интернете… Обложка симпатичная. Название сразу дурацким не показалось… – он протянул книгу шефу. – В общем, я повёлся.

– Да ты не переживай, Малыш, дело житейское! – сказал Карлсон мультяшным голосом. – Садись, разберёмся.

Он взял книгу и подтолкнул Малыша к дивану. Сам сел в своё любимое кресло, повёрнутое так, чтобы одновременно наблюдать и огонь в камине, и входную дверь.

Карлсон вообще любил свой камин и, когда было не слишком для этого жарко, топил его вечерами. В Иерусалиме относительно прохладно бывает с ноября по апрель; ветер с гор становится ледяным и делает Иерусалим, пожалуй, самым промозглым городом Израиля. Иногда он даже приносит снежные тучи. Берёзовые дрова для камина привозили откуда-то в штабелях, которые хранились в подвале. Именно берёзовые, почему-то именно их аромат был сладок и приятен для бывшего жителя средней полосы России.

– Говорит, известен в Интернете? – спросил Карлсон, осматривая обложку со всех сторон. – Ты проверил?

– Конечно. Не врёт. Все площадки его творениями завалены. Он плодовит, как дрозофила, и стабилен, как… – Малыш задумался на миг, подбирая эпитет, – инфляция. По нескольку романов в год публикует.

– Что ж, давай посмотрим… – пробормотал Карлсон, открывая книгу.

Он внимательно прочёл первую страницу, гулко захлопнул книгу и печально посмотрел на Малыша. Потом раскрыл том случайным образом и пробежал глазами несколько строк. Сделал так ещё дважды, каждый раз сокращая отрывок, и, наконец, не меняя выражения лица, швырнул книгу в камин. Поднялся целый сноп искр и улетел в трубу.

– Туда ей и дорога! – выдохнул Малыш с облегчением.

– Меня очень огорчает чтиво подобного рода… И чтобы этого

мусора и близко в моём магазине не было! – потребовал Карлсон.

Тут в гостиной появилась Дора в тюрбане из полотенца и купальном халате. Малыш машинально переменил позу на более мужественную. Он испытал целую палитру ощущений. Сначала в кровь хлынули сразу все гормоны радости и удовольствия, как всегда бывало при её появлении. Потом он ощутил адреналиновый укол ревности. Он понимал, что такая женщина не может быть одна… но то, что её избранником оказался старый, седой Очиповский, было очень неприятно. До этого Малыш пытался представить себе того, кто может укротить эту пантеру. Иногда себя в роли укротителя. А тут… Хотя кем бы ни оказался её хахаль, европейским аристократом или африканским монархом, материализовавшись, он вряд ли вызвал бы у него положительные эмоции. Так что Карлсон не худший вариант…

При виде Малыша мулатка улыбнулась. Потом заметила пылающую в камине бумагу.

– А что это у вас тут такое интересное происходит, мальчики?

– Да вот, предаём огню творение одного прохиндея, полагающего себя гением, – сердито сказал Карлсон.

Дора опустилась на диван рядом с Малышом. Он вдохнул её аромат, и сердце его забилось ещё чаще.

Глядя, как догорает книга, она сказала задумчиво:

– Представляете, как это ужасно – мнить себя гением и быть при этом бездарностью? Это сродни сумасшествию. Ведь любой, серьёзно полагающий себя писателем, меняющим реальность и творящим миры, должен непременно также и полагать себя гением. Все остальные, готовые признать себя дарованиями средней руки, – не писатели, а так, щелкопёры. А если он при этом никакой не гений и чудовищно плох в своих потугах? Он может быть добрым мужем, замечательным другом и тонким ценителем искусств и абсолютно не осознавать собственной посредственности как творца… Чем тогда отличается он от Наполеона или Цезаря из палаты для буйнопомешанных? Его можно только пожалеть, господа…

– Однако есть вариант и похуже… – заметил Карлсон.

– Это какой же? – удивилась Дора.

– Когда этот говнодел признан и успешен.

К этому моменту злосчастная книжка уже обратилась в пепел.

– Ты узнал человека на фото. Как ты с ним познакомился? – Карлсон ждал ответа.

Малыш сразу вспомнил лицо, когда увидел фото, но фамилию вспомнить не мог.

– Это же автор того самого романа, который вы как-то

использовали в качестве растопки… Помните? Ну этот… Бронфин… Бромгарц… Бромфельд… – забормотал Малыш, щёлкая пальцами.

– Бронфельд, – подсказал Карлсон.

– Точно! Лев Бронфельд!

Тогда шеф вдруг огорчился, и видно было, что на этот раз по-настоящему. Он уставился в камин, как будто пытался разглядеть в огне пепел той злосчастной книжки.

– Эх, Малыш-Малыш, как же ты меня огорчаешь… Теперь этот халтурщик будет нашим любимым автором, и выдели ты ему отдельную полку на самом видном месте.

Потом серьёзно посмотрел на Малыша.

– Пока я не могу объяснить, почему нас интересует этот тип, но готов поручить тебе следующее: выйди с ним на связь, подружись, залезь в душу. Выясни круг его общения, подружись с его друзьями, им в душу залезь… В общем, узнай о нём всё, что возможно узнать о человеке, не применяя пыток. Это задание можно считать стажёрским – после его выполнения, я смогу убедить руководство в том, что ты нужен нам как агент. Берёшься?

Даниэль согласился без раздумий; наконец появилась долгожданная возможность узнать больше о таинственной организации, от имени которой почти полгода назад на связь с ним вышел Буратино.

Глава 3.

Бывший интернет-журналист Максим Одинцов, а ныне продавец в иерусалимской лавке «Русская книга» Даниэль Альтман, прекрасно понимал, что книготорговое предприятие – это только прикрытие для чего-то гораздо более серьёзного и таинственного.

После неожиданно закончившегося интервью с Профессором на выходе из подвала старого дома на Пресне журналиста встретили люди, которых Буратино представил как своих коллег. Он рекомендовал слушаться их беспрекословно, если Максим хочет жить. После того как на его глазах убили одноклассника, а потом стреляли в него самого, Одинцов был, мягко говоря, деморализован и послушался бы хоть чёрта, если бы тот научил, как спастись от мерзкого старика и его жутких подручных.

Максима доставили в крохотную однушку в Медведково, где он находился безвылазно почти месяц. Один и тот же загадочный тип, который отказывался называть своё имя и почти не разговаривал, приносил еду.

Телефон у Максима отобрали и выдали для развлечения допотопный ноутбук без выхода в Интернет. В нём было несколько старых игр, которые Максим помнил ещё с детства. Сначала он играл, чтобы просто отвлечься от тяжёлых мыслей, но потом втянулся и проводил время с ностальгическим, приятным чувством. Он уже забыл, что можно так беспечно существовать – постоянные заботы о продвижении портала почти вытеснили подобного рода развлечения из его жизни.

В ноутбуке оказалась коллекция фильмов. Составитель киноподборки обладал оригинальным художественным вкусом; современных картин было совсем немного – в основном доисторический антиквариат с живыми актёрами и сценариями, написанными людьми, а не нейросетью.

Как-то с тоской выбирая, что посмотреть, Максим вспомнил, как один из журналистов *InfoOdin* на брейнштурме поднял такую тему:

– А вы заметили, как на рубеже второго и третьего тысячелетий резко деградировало искусство? Насколько двадцатый век в этом отношении круче двадцать первого!

– Ну хорошо. Ну допустим. Искусство уже не то… И что? Древняя, как говно мамонтов, тема! Мой дед что-то подобное втирает, как подопьёт, – возразил второй журналист, вечный оппонент первого.

– Надо же, какой умный у тебя дедушка… Как у него внучок такой недалёкий получился? – съязвил первый.

– Ну-ка, базар мне не устраивайте! Я тут самый старый, между прочим, на рубеже веков родился, но для меня эта деградация неочевидна, – осторожно заметил Максим, не желая обидеть первого – своего фаворита.

– Максим, но ты же сам слушаешь музыку, написанную не позднее нулевых, потому что всё, что позже накропали, по твоим же словам, – перепевки дешёвые, – всё-таки начал горячиться молодой человек.

– А я согласна. Например, фильмы… Современную синтетическую ботву смотреть невозможно! – подключилась журналисточка, ответственная за культуру и светскую жизнь.

– Конечно! Если знать, с чем сравнивать, – обрадовался поддержке первый. – А литература? Вторичная, третичная, пластиковая. Авторы не пытаются изменить читателя, а лишь подстраиваются под него. Ориентируются не на художественную ценность, а только на спрос.

– Лишь бы угодить лохам, чтоб покупали херню всякую, – поддакнул кто-то из редакторов.

– А изобразительное искусство? Тут я не особенно силен. Может, подскажет кто? – оглядел присутствующих первый.

Культурная журналисточка уверенно заявила:

– Да плохо всё. Либо гиперреализм – это когда фотографии рисуют зачем-то, либо абстракционизм дичайший…

Народ загалдел.

– Ну эт давно, ещё с «Чёрного квадрата»…

– Вот-вот. Херня для лохóв!

– А что ты против чёрных квадратов имеешь? У меня в туалете плитка такая. Очень к размышлениям располагает.

– Да ну… гнилая тема. Не раскачать, – решил остановить галдёж второй журналист.

– Ну можно же попытаться по-новому взглянуть на причины, – стал выкарабкиваться первый. – Мировой заговор, например. Дескать, существуют некие силы, которые заинтересованы в поголовном отупении *Homo sapience*…

– Но тогда получается, что до этого они были заинтересованы в обратном? – хмыкнул второй.

– Да! На определённом этапе нужны архитекторы и инженеры, а потом, когда всё уже построено, – только персонал, обслуживающий механизмы. И лучше, если тупой и не задающий лишних вопросов, которые может подсказать высокое искусство. Следуя некоему глобальному плану, к миллениуму всё построили, наладили добычу и переработку, поэтому и решили поменять основную доктрину… – не унимался первый, но к концу тирады немного скис.

Повисла пауза.

– Дерзай! – воскликнул Óдин. Журналисточка вздрогнула. – Экспертов обязательно подключи. Но чтоб не в одни ворота: пусть кто-нибудь скажет, что именно такое искусство, которое мы имеем, и нужно современному человеку.

Материал получился несколько поверхностный, но Óдин всё равно выпустил его в эфир.

Ещё можно было развлечься чтением. У кровати стояла этажерка с довольно странной библиотекой с уклоном в антропологию и историю религии. Максим уже забыл, когда в последний раз держал в руках бумажные издания. Листая страницы, он в подробности не вдавался – больше картинки разглядывал.

Буратино выходил на связь редко: говорил только по делу и напрочь отказывался развлекать скучающего затворника праздными беседами.

Самым значительным событием за время заточения стала

пластическая операция, в необходимости которой Максима убедил «внутренний голос». Пришли какие-то люди в медицинских масках – по всей видимости хирург с ассистенткой, – и прямо на кухонном столе сделали из Максима нового человека.

Операцию произвели хоть и с его согласия, но о результате не предупредили. Переносицу сделали у́же и добавили горбинку, а кончик носа удлинили и загнули вниз. Опустили внешние уголки глаз, а сами глаза стали немного навыкате, как будто под них что-то подложили. Подпилили скулы. Губы сделали полней и приспустили углы рта. Лицо получилось немного умнее и печальнее. Стандартный славянин превратился в очень симпатичного еврея с почти иконным ликом.

К новой внешности Максим привыкал долго. Увеличившийся нос закрывал часть поля зрения, но мозг довольно быстро научился игнорировать это препятствие. Гораздо сложнее было осознавать себя другим человеком: другой внешности, другой национальности, другой судьбы… Однако своим внутренним взором он продолжал воспринимать себя прежним и при виде своего отражения всякий раз удивлялся.

В свой очередной визит загадочный тип принёс ему документы на имя Даниэля Альтмана, которому уже оформлена репатриация в Израиль. В ответ на бурное возмущение Максима Буратино предложил ему ещё раз посмотреть на своё отражение.

– Поверь, мы не случайно выбрали для тебя эту страну.

Они совместно сочинили Альтману легенду, схожую с биографией Одинцова, но без журналистики и провинциального происхождения. Еврейский мальчик, москвич, закончил школу, потом, как подобает отпрыску хорошей фамилии, поступил в институт на биофак. После окончания работал в лаборатории, звёзд с неба не хватал. Решил репатриироваться в Израиль.

В Шереметьево, после того как Альтман прошёл таможенный контроль, Буратино попрощался с ним, объяснив, что выходит на связь с агентами организации, на которую работает, только во время выполнения ими важных миссий, и выразил надежду, что они ещё пообщаются, если Максим захочет стать одним из них и заслужит эту честь.

Чиновник израильского министерства внутренних дел перед тем, как выдать новому репатрианту Альтману паспорт, спросил:

– Какую религию исповедуете?

– Сейчас никакую, – зачем-то решил похулиганить Максим, несмотря на прямое указание со стороны Буратино объявить себе иудаистом. – Я, собственно, в Израиль еду за тем, чтобы

определиться.

Чиновник посмотрел на него долгим взглядом.

– Я тогда вам прочерк в эту графу поставлю. Когда определитесь, сообщите в МВД, вам поменяют.

– Это обязательно?

– Нет, – невозмутимо ответил чиновник.

Глава 4.

Уже через месяц после «интервью» с Профессором новоиспечённый израильтянин очутился на террасе у Карлсона.

Дорит хозяйничала на кухне, Силéн дымил мангалом, Евгéн расставлял закуски и салаты.

– Может, мне рассказать о себе для начала? – спросил Максим, которому было неуютно под пристальным взглядом хозяина дома, сидевшего по другую сторону стола.

– Не стоит, Даниэль. Я знаю и твою настоящую биографию, и легенду. Я, кстати, подписан на твой новостной портал. Дора – вообще твоя фанатка. Это она забила тревогу, когда ты выпустил ролик, в котором рассказал, как тебя прессуют в России. Ну а я предложил руководству спрятать тебя здесь, у нас. Нам нужны люди с активной гражданской позицией.

– Благодарю, – Одинцов улыбнулся польщённо. Особенно приятно было услышать, что красавица Дорит приняла самое непосредственное участие в его спасении. – А мне положено что-нибудь знать о вас?

– Безусловно. Пока накрывают на стол, я с удовольствием представлю тебе обитателей дома. Начну с себя… Борис Ефимович Очиповский, – он церемонно наклонил голову. – Родился в Нижнем Новгороде без малого шестьдесят лет назад. Отучился на инженера, но по специальности не работал ни дня. Так получилось: когда я закончил обучение, наступили лихие времена, и мне пришлось заняться разнообразным предпринимательством. В начале тысячелетия уехал в Израиль. Поднялся на операциях с криптовалютой. Купил этот дом, открыл на первом этаже магазин «Русская книга» – проект, кстати, более просветительский, чем коммерческий. Кроме книжного у меня есть ещё кое какие гешефты, но о них тебе знать пока необязательно.

Он замолчал. Максим понял, что от него ждут вопросов, и скорее из вежливости поинтересовался:

– Можно про криптовалюту поподробней? Очень интересный опыт. Вы первый, кого я вижу вживую из тех, кто на этом «поднялся».

– Вряд ли это принесёт тебе какую-то практическую пользу, Даниэль, – улыбнулся Борис Ефимович. – Вот этого молчаливого молодого человека, который встретил тебя в аэропорту и привёз сюда, зовут Силен. Бьюсь об заклад – он не представился.

Максим посмотрел на то, как здоровяк переворачивает источающие некашерные ароматы шашлыки, и кивнул. Хозяин вздохнул.

– Он такой. Лишним словом не обмолвится, но, если познакомишься с ним поближе, поймёшь, что это вовсе не из-за дурного характера или глупости. Он далеко не так прост, как кажется… Отслужил девять лет в элитных боевых частях армии обороны Израиля. Выполняет функции моего телохранителя.

– И шашлыки ещё жарит… – заметил Максим.

– О да. И превосходные. Теперь Евген. Мой племянник. Тоже отслужил в армии, потом получил степени по антропологии и психологии, преподавал в тель-авивском университете. В один прекрасный момент захандрил; познал природу человеческую и резко состарился в душе. Он поэтому глаза всё время прячет, чтобы собеседника не смущать. У него в них такая тоска… Я его и забрал к себе, чтоб не зачах совсем. Формально он числится у меня коммерческим директором, но на самом деле его полномочия гораздо шире. В моё отсутствие он за главного. С Силеном просто не разлей вода. Силен – настоящее имя, а Женю мы зовём «Евгеном» для созвучия.

Как раз в этот момент, как будто услышав, что говорят о нём, к столу подошёл Евген. На сгибе локтя у него висело белое полотенце. Явно кривляясь, он наклонил голову.

– Вино какое прикажете подавать, дядюшка? Французское, италийское али гишпанское?

Борис Ефимович вопросительно посмотрел на Максима, приглашая гостя самого сделать выбор.

Максим решил подыграть:

– А израильское подают у вас?

Евген развернулся к Максиму. Глаза его действительно на собеседнике не фокусировались, бегали по сторонам.

– Какое изволите: этого года или десятилетнее?

– Пожалуй, десятилетнее, – важно промолвил Максим, немного поколебавшись для виду.

Евген прекратил придуриваться и подсел на скамейку рядом.

– Не советую, израильтяне те ещё виноделы. Обычно бутылка молодого вина шекелей пятьдесят стоит, а как на складе лет пять постоит… постоит, заметь, не полежит… – так уже сотня – типа марочное. А через десять лет коллекционным становится – и сто́ит уже не меньше трёхсот. О том, что качество вина от года

зависит – один удачный, другой нет – они, конечно, знают, но делают вид, что каждый год на Святой Земле удачен. Чем старше вино, тем дороже. Сидят потом «ценители» по ресторанам, с важным видом уксус дегустируют…

Его речь совсем не выдавала в нём бывшего университетского преподавателя.

– Ну так принеси испанского, милейший. На свой вкус, – заключил Борис Ефимович. Евген ушёл, по-лакейски поклонившись и закинув на руку полотенце. – Теперь Дора. Её полное имя Дори́т. Не вздумай как-нибудь назвать её Доротéя – за это даже по шее схлопотать можешь… Знает восемь языков. Мой секретарь-референт. Ещё по хозяйству помогает, как видишь. Когда у неё настроение, готовит для всех нас ужин. Ей подвластны все кухни мира: от французской до японской, но лучше всего у неё получается борщ.

Ещё в доме живут Андрей, Саша и Мордехай. Сегодня их, к сожалению, за столом не будет. Они строители, Мордехай – эфиоп, у них бригадир. У него кличка Онáхну. Когда три года назад он репатриировался в Израиль, кроме пары африканских языков знал только с грехом пополам английский. Я в доме ремонт как раз затеял, так и познакомились. Пришлось ему учить иврит и русский одновременно. Поначалу в голове его творился лютый балаган. Он говорил на трёх языках одновременно. Как-то предупредил меня, что идёт обедать со своими ребятами словами: «Анахну гоу кушать». «Анахну» – это «мы» на иврите.

Максим улыбнулся, но потом заговорил серьёзно:

– Люди, которые… э-э… курировали меня в Москве, ничего не объясняли. Они говорили, в Израиле тебе всё объяснят. Буратино тоже… Я так понимаю, то, что вы сейчас изложили, – это ваши легенды. Кто вы на самом деле? Что за организацию представляете?

Борис Ефимович остановил его странным жестом – сложил кисть в щепоть, развернул её кончиками пальцев вверх и потряс. Потом медленно и очень серьёзно произнёс:

– Когда придёт время, всё узнаешь. Если ты нам подойдёшь, конечно… Я сам лично предоставлю тебе информацию о других наших занятиях кроме книготорговли. А пока не огорчай меня и не приставай ни к кому с расспросами.

Тем временем стол был накрыт и подоспели шашлыки.

Несмотря на то, что Борис Ефимович назвал своим заместителем Евгена, по правую руку от него села Дора. Напротив неё разместились Евген и Силен.

Выпили за вновь прибывшего. Силен стал заворачивать шашлыки в лаваш, выдёргивать шампуры и укладывать на

тарелки. Евген посыпал мясо луком и зеленью и передавал по кругу, начав с гостя.

Блюдо было великолепно и без дополнительных соусов и приправ. Но Максиму захотелось попробовать местной экзотики. На столе стояли две плошки с какой-то зернистой жижей, в одной – зелёной, в другой – красной. Он заметил, что Дора взяла ложечку красной и чуть-чуть полила мясо. Он тоже протянул руку.

– Это хари́в. Красный – очень острый с непривычки. Возьми лучше зелёный, – предупредила Дора.

– Я люблю острое, – гордо заявил Максим.

Это было правдой: он любил перец и аджику и в якитории клал много васаби в соевый соус.

– Видишь ли, Даниэль, Дора выросла в семье, в которой предпочитали эфиопскую кухню, – заметил Борис Ефимович. – очень острую, скорее по санитарным, нежели по эстетическим соображениям. Не огорчай ни себя, ни меня, возьми зелёного.

Гость упрямо зачерпнул красный соус, не скупясь полил им кусок мяса и отправил в рот. И тут же возблагодарил небеса за то, что ему хватило ума не поливать этим напалмом весь шашлык. Это в первый момент, пока он ещё мог соображать. Буквально ещё секунд пять он пытался делать вид, как будто всё идёт так, как он планировал. Потом, чтобы не выплёвывать, проглотил полупережёванный кусок. Потом ему стало всё равно. Во рту было так больно, что дыхание пресеклось, а из глаз полились слёзы. Максим открыл рот и попытался сделать вдох. Глотку обожгло жаром вулканического извержения. В отчаянии он замахал руками. В следующий момент перед его лицом оказался пакет с молоком – опытная в таких делах мулатка успела сбегать к холодильнику.

Когда он пришёл в себя, у всех был такой вид, будто они еле сдерживают смех. Максиму было стыдно за свой мальчишеский поступок, но он произнёс как ни в чём не бывало:

– Силен, а передайте, пожалуйста, зелёный соус.

Первым захохотал Карлсон, заливисто и от души. За ним беззвучно затрясся Евген. Дора спрятала лицо в ладони и даже немного подвизгивала сквозь смех. Силен широко улыбался, глядя на всех по очереди, и спрашивал:

– Зелёный? Дать тебе зелёный? Точно?

У Максима снова выступили слёзы, но на этот раз от смеха.

Происшествие сразу сблизило вновь прибывшего с аборигенами. Непринуждённый разговор об особенностях жизни в Израиле и пара приветственных тостов скрасили трапезу. Когда пришла пора десерта, Дора, Евген и Силен занялись переменой

блюд. Максим хотел было помочь, но Карлсон удержал его тем же странным жестом.

– Мы должны выбрать тебе псевдоним.

– Зачем? Для меня и так «Даниэль» – как псевдоним.

– Даниэль Альтман – теперь это твоё официальное имя. Нужна кличка… И это не будет просто погоняло, как у уголовников, это будет твой оперативный позывной. Так принято в нашей организации.

– В организации, о которой я ничего не знаю кроме того, что она есть… О'кей. Может, Один?

Карлсон развёл руками.

– А зачем мы тогда тебя прятали? Может, выложишь своё свежее фото в Сеть и адрес, где искать, напишешь?

Когда все снова уселись по местам, Дора предложила свой вариант первая:

– Хочу сказать, что новое лицо идёт тебе гораздо больше прежнего. Ты похож на молодого Давида, как его изваял Микеланджело. Может, Давид?

Максима кольнуло её высказывание по поводу его настоящего, природного лица, но потом он понял, что она абсолютно права. Раньше он никогда не обольщался по поводу своей внешней привлекательности, а теперь стал невольно заглядываться на своё отражение в зеркале… Так что в словах мулатки, пожалуй, было больше приятного, нежели обидного; ведь жить-то ему теперь с этим лицом. Ещё подумал о том, а не является ли красота Доры результатом подобной операции… но сказал другое:

– Молодого Давида… Как будто кому-то могло прийти в голову изображать его в старости…

– А что тебя удивляет? – вмешался Евген. – Есть множество портретов и бюстов зрелого Давида. Или ты не в курсе, что убийство Голиафа – это не единственное его деяние, оставшееся в истории?

– Нет. А что он ещё сделал?

– Много чего. Например, захватил Иерусалим и родил Соломона…

– Не надо, Евген! Сейчас не об этом. Если Даниэль захочет, потом прочитаешь ему лекцию, – перебил его Карлсон. – Давид – плохой псевдоним, Давид-Даниэль… Какая разница?

– Может, Зелёный Соус? – предложил Силен.

Карлсон досадливо мотнул головой.

– Да ну! Не прилипнет такое прозвище. Что он, индеец, что ли?

Наступила пауза.

И тут Борис Ефимович, подражая голосу персонажа из старинного мультика, обратился к новичку:

– Малыш, а ну-ка передай мне вон ту плюшку!

Даниэль машинально повиновался.

– Отлично! – воскликнула Дора. – У каждого Карлсона должен быть свой Малыш, как папа Карло у Буратино или у Робинзона Пятница.

Глава 5.

Пару месяцев Одинцов-Альтман отходил от пережитого. Первое время призрак его одноклассника и адвоката Андрея Якушева с остановившимся взглядом и чёрной дыркой во лбу являлся Максиму не только в темноте, но иногда и при ярком свете.

Страх… вернее, даже не страх, а мысль, что его, неплохого в общем человека, точно ничем не заслужившего смерти, могли убить, делала пребывание в этом мире весьма неуютным и дисгармоничным. К тому же он понимал: то, что Профессор ни разу не попал в него, – всего лишь случайность. И это понимание добавляло отвратительное ощущение хрупкости и беззащитности.

В ответ в душе росла жажда мести. Поэтому морально он был готов работать на организацию, которая противостоит Профессору и всему, что с ним связано. Максиму никогда не казался универсальным принцип «Враг моего врага – мой друг», но в данной ситуации он работал на уровне инстинктов.

Якушев говорил, что, если Один исчезнет, о нём через год никто уже не вспомнит. Как же он ошибался! Это произошло куда скорее. О журналисте несколько раз упомянули в разных новостных подкастах, да вышло два-три ролика от коллег-конкурентов с идиотскими версиями его исчезновения. Пропажу адвоката никто вообще не заметил, не говоря уже о том, чтобы связать эти два случая. О полицейском расследовании тоже ничего не было слышно. Как будто кто-то специально «замял» это дело.

Когда Максим спросил у Карлсона о том, как это возможно, тот ответил, что бывший журналист явно не представляет себе масштаб влияния гейминдустрии на современный мир. Однако призвал сильно по этому поводу не огорчаться, поскольку самому Одинцову исчезновение из инфополя только на пользу – пускай враги думают, что победили…

Компания по внедрению внутримозговых имплантов тем временем набирала обороты. Сообщалось о тысячах альфа-тестеров с бесплатно установленными чипами. Исследования,

конечно же, показывали, что психическое и физическое здоровье испытуемых в результате длительного пребывания в виртуальной реальности никак не страдали, а, наоборот, становились только лучше, а производительность труда возрастала кратно. Официальный релиз нового продукта компании *Another U* назначили на конец этого года. Обозреватели компьютерных игр заходились в истерике от предвкушения этого события, аналитики взахлёб предсказывали Новую Эру в истории человечества.

Было нелегко наблюдать за этим со стороны, но у бывшего борца с мировым злом другого варианта не было.

К пятому месяцу жизни в Израиле Максим немного заскучал: напрочь лишённая азарта работа в книжном, изучение иврита… Последнее было особенно нудно потому, что казалось бесполезно. Какой смысл учить язык, на котором во всём мире говорит всего лишь миллионов десять человек, и большинство из них живут в Израиле? Он точно не собирался оставаться здесь навсегда.

Страна с самого начала показалась ему пыльной и серой. Он облазил её вдоль и поперёк в первые два месяца. Неудивительно: вся её площадь равнялась половине Московской области или одной восьмой родной Новосибирской. Побывал на всех четырёх морях: Средиземном, Мёртвом, Красном и Галилейском.

Тель-Авив после Москвы показался деревней с миниатюрными небоскрёбами и дикими пробками.

Исторические достопримечательности разной степени разва́ленности быстро приелись в такой дозировке. Большинство же израильских городов – унылое бетонное болото, причём чем дальше от Центра, тем унылее.

В конце концов он почти перестал выбираться из Иерусалима, даже ради дайвинга на Красном море – многочасовая дорога с однообразным пустынным пейзажем утомляла.

Единственное, что Одинцова по-настоящему радовало в Израиле, так это разнообразное питание. После российского тотального дефицита Земля обетованная прямо-таки баловала изобилием. Собственно израильская кулинария ему не зашла: все эти хумусы, фалафели и шакшуки оказались очень на любителя. А вездесущий кашрут[29] накладывал лапу даже на национальные кухни других стран, поэтому бургеры здесь подавали без сыра, а суши – без угря, креветок, крабов и гребешков. Зато продукты хоть и дорого, но можно было приобрести практически любые. В так называемых «русских» магазинах можно было купить даже свинину.

Поглотившую Максима рутину с лихвой компенсировало следующее обстоятельство: он сразу, с первого взгляда втрескался в Дорит. Влюбился как в детстве – искренне и безоглядно. До сухости во рту, до дрожи в коленках, до порханий в животе. Опытный кавалер, пользовавшийся стабильным успехом у московских прелестниц, совершенно спасовал перед красавицей-мулаткой.

Но когда он застал её в халате на крыше у Карлсона, его влюблённость приобрела мелодраматический, томный оттенок. Он не считал себя вправе составлять конкуренцию своему шефу и покровителю, поэтому отошёл в сторону и любовался Дорой абсолютно безнадёжно. Это было горько, но в то же время волнительно и приятно. Он никогда не понимал благородных героев старинных романов, которым хватало только своей любови, а взаимность была вовсе не обязательна, лишь бы предмет их воздыханий был счастлив. Думал, что всё это сентиментальные фантазии, а теперь сам оказался в таком положении… Он смирился и изо всех сил старался не выдать своего чувства.

С третьего месяца Альтмана, уже немного освоившего иврит, начали ставить продавцом в магазин. Вскоре он стал выполнять эту работу единолично, освободив от неё Евгена и Дору, которые до этого работали поочерёдно.

Посвящая Даниэля в премудрости книготорговли, Очиповский в первую очередь рассказал о главной особенности маркетинговой политики, которой придерживался в своём бизнесе:

– Мы здесь не пытаемся деньги зарабатывать. Это нам неинтересно. В любом другом книжном магазине «произведения» современных авторов, которые успешно продаются в Интернете, заняли бы самые видные полки. У нас эти полки заняты классикой. Есть, конечно, и современная литература достойного уровня, но поскольку таковая по нынешним временам раритет, то ассортимент у нас в подавляющем большинстве классический. Может не быть ни одной продажи по нескольку дней кряду; выручки магазина едва хватает, чтобы оплачивать счета электрокомпании. Но не это важно. Главная наша цель – это воспитание художественного вкуса у русскоязычного народонаселения Израиля.

Карлсон пообещал выдать Малышу пистолет, объяснив, что продавец исполняет ещё и обязанности охранника. К тому же обстановка в стране такова, что оружие лучше иметь каждому.

– Стрелять умеешь? – спросил Карлсон.

– Не хотелось бы вас огорчать, Борис Ефимович… Ну стрелял пару раз в школе. Из винтовки. Из пистолета – один раз. Пневматического.

– Ты меня таки огорчаешь… Ну бесе́дер[30], получишь разрешение, я тебя научу, – пообещал шеф.

Получить разрешение на огнестрел в Израиле легче лёгкого – это заняло всего неделю.

В первую же субботу шеф отвёз Даниэля в безлюдную местность в горах севернее Иерусалима. Вдоль известнякового склона расставили семнадцать разнокалиберных стеклянных бутылок, по количеству патронов в магазине. Очиповский вручил оружие, велел отойти метров на пятнадцать и стрелять.

– Просто стрелять?

Карлсон присел на капот своего «Бьюика» и скрестил на груди руки.

– Просто стреляй. По выстрелу на бутылку. Не попал – стреляешь в следующую.

– А как с предохранителя снять?

– Это «Глок», Малыш, у него нет предохранителя. Давай!

Пули вздымали пыль перед мишенями, крошили камень вокруг них. Последние несколько выстрелов Даниэль произвёл тщательно прицеливаясь. В результате всего две бутылки взорвались от прямых попаданий, ещё одна упала, сбитая каменными осколками. Несколько подоглохший, он прокричал:

– Тяжёлый случай, Борис Ефимович?

– Ничего, дело житейское. Замени разбитые и заряжай новою обойму! – как ни в чём ни бывало скомандовал Карлсон.

Малыш выполнил приказание и вернулся на позицию.

– Стрелять?

– Погоди. Давай-ка сначала прицел тебе настроим. Здесь, – Карлсон постучал согнутым пальцем себе по виску. – Тогда, в Москве, экстренный режим работы твоего чипа запустился из-за повышенного адреналинового фона в твоей крови. Есть ещё один способ включить Ре́мбо…

Карлсон остановился, заметив удивление на лице Малыша.

– При всём уважении, Борис Ефимович: не Ре́мбо, а Рембо́, – поправил его ученик. – И я не совсем понимаю, при чём здесь французский поэт.

Карлсон усмехнулся.

– То есть кто такой Ре́мбо ты не знаешь, а Рембо́ знаешь… Для продавца книг это, конечно, неплохо, но и киноклассику знать надо… Ты хоть «Терминатора»-то видел?

Даниэль кивнул.

– Тогда будем включать режим Терминатора. Придумай слово

или фразу, которая в любой ситуации не будет выглядеть странно. Особенно в окружении врагов. Это будет триггер – сигнал для запуска экстренного режима.

– Ну давайте: «Вот это поворот!»

– Пойдёт. Буратино, ты услышал?.. Тебе привет, Малыш!

Даниэль улыбнулся.

– Ему тоже!

Через несколько секунд Карлсон махнул рукой.

– Произнеси триггер и начинай стрелять.

– Вот это поворот!

В следующий момент он почувствовал знакомый прилив сил, как тогда, под землёй…

Все семнадцать бутылок разлетелись вдребезги в считанные секунды.

Пистолет стал ещё одним объектом восторженного обожания Даниэля. Несмотря на почтенный возраст, «Глок-19» был прекрасен. Его совершенными формами и гармоничными линиями можно было любоваться бесконечно. А какие звуки он издавал при сборке-разборке и перезарядке. А запах! Как же замечательно пахли металл и пластик, сдобренные оружейным маслом и тонкими пороховыми нотками.

Ещё Даниэль очень полюбил играть на бильярде в «триггерном» состоянии. В России он почти не знал эту игру. В последний раз пьяным пробовал катать шары с одним из работников *InfoOdin* на новогоднем корпоративе: соперник его был таким же «профессионалом» – их партия затянулась на час, они утомились и последние шары закатили в лузы руками…

В соседнем с магазином «Русская книга» помещении – конференц-зале стоял великолепный стол, про который Карлсон говорил, что это лучший стол для русского бильярда в Израиле. Малыш играл сам с собой. Смотрел в Интернете ролики с хитрыми ударами, а потом без особого труда повторял их. Произносил триггерную фразу и становился богом этой игры. Он исполнял такие ко́мбо из изощрённых ударов: дупле́тов, круазе́ и карамбо́лей, которые не снились чемпионам. Как правило, скатывал партию – восемь шаров – с разбоя и после этого не останавливался, пока красный шар не оказывался на столе в одиночестве.

Часть III. Стажёр.

Глава 1.

Пару раз в месяц Очиповский давал Альтману мелкие поручения, не относящиеся к работе в магазине: пробить в Интернете человечка какого-нибудь или контору, нарыть инфу о каком-то событии, и всё это без объяснений и дальнейшего развития ситуации. Даниэль понимал это для себя так: он находится на испытательном сроке. Таинственная организация присматривается к нему, изучает. Однако срок этот что-то подзатянулся… И вот наконец, благодаря случайному знакомству, Малыш перешёл на следующий уровень – получил от Карлсона задание по разработке объекта «Писатель». При этом шеф упомянул, что задание это является стажёрским, после успешного выполнения которого для Даниэля откроется возможность стать агентом.

После первого визита Леона Брона в магазин Малыш видел писателя только раз, больше двух месяцев назад, когда тот приехал, чтобы забрать свои книги. Бедняга не мог скрыть досады и унижения. Сказал, что иерусалимская «Русская книга» – единственная торговая точка в Израиле, которая отказалась взять его творения на реализацию.

Одного экземпляра «Полуночной тени» не хватало. Малышу пришлось соврать, что он решил оставить книгу себе, поскольку она ему понравилась – не рассказывать же о её кончине в каминном пламени… Больше всего он боялся, что придётся обсуждать содержание «шедевра», но, слава богу, делать этого не пришлось.

Взять деньги за недостающий экземпляр польщённый писатель отказался.

– Что вы?! Очень приятно, что в вашем заведении оказался хоть один истинный ценитель литературы. Дарю! И давайте-ка книгу сюда, я вам её немедленно подпишу.

Малыш покраснел.

– Она у меня не с собой. Она у меня дома…

Тогда писатель выхватил одну из своей стопки и намахал на форзаце: «Дорогому Даниэлю на добрую память. Оставайтесь всегда таким же независимым во мнениях! Леон Брон».

– Держите! Ту, без подписи, подарите кому-нибудь, у кого, как и у вас, есть чувство прекрасного.

Напутствуя Малыша на первое задание, Карлсон сказал: «Внезапность и грамотная, тактичная лесть – вот главное оружие шпиона», следуя этому совету, Малыш немедленно позвонил Бронфельду.

– Здравствуйте, Лев Исаакович! – он предварительно разыскал отчество писателя в Сети. – Это Даниэль из «Русской книги» в Иерусалиме. А у меня для вас хорошие новости. Мне таки удалось убедить босса взять ваши замечательные книги на реализацию!

На следующий день, в воскресенье[31], почти сразу после открытия, Бронфельд заявился в магазин с внушительной стопкой книг в обнимку. Малыш встретил его следующим сообщением:

– Мы вас на самое видное место поставим.

Писатель скромно улыбнулся.

– Очень хорошо! Вы не поможете? У меня там ещё экземпляры в багажнике.

Писателем Леон Брон оказался весьма продуктивным и поразительно многогранным. Кроме всё той же «Полуночной тени» он привёз двадцать экземпляров фантастической повести «Космическая экспансия» в мягкой обложке и десять толстых томов биографии Балдуина IV под названием «Король Иерусалима» – в твёрдой.

Через неделю приволок эротический триллер «Под сенью магнолии» и шпионский боевик «Трое в шляпах». Потом последовали книги в жанре фэнтези, детектив, любовный роман и хоррор про вампиров, по сборнику пьес и стихов и даже практическое пособие «Как стать успешным писателем в XXI веке».

Под его сочинения пришлось выделить специальную полку. Когда впоследствии Бронфельд притаскивал очередную порцию своей психопродукции, он сам, по-хозяйски, выбирал место и водружал на него выставочный экземпляр и, поправляя и переставляя своё наследие, многозначительно изрекал что-нибудь вроде:

– Вы представляете, Даниэль, сколько раз уже предрекали гибель литературе: когда появился кинематограф, или потом, когда появилась Сеть. Но нет. Литература жива и будет жить, пока есть ещё на свете люди, способные складывать и разбирать буквы.

Малышу стоило только отреагировать парой слов, и тут же завязывалась обстоятельная беседа. Начинающий агент придумал себе такую легенду: он пытается стать литератором и

чрезвычайно рад возможности перенять опыт успешного коллеги.

Бронфельд очень обрадовался тому, что у него появился ученик, и занялся его образованием не на шутку. Несколько раз в неделю они встречались в заведениях общественного питания, каждый раз в разных, причём, как правило, некашерных. Писатель оказался сибаритом и знакомил своего «юного друга» с многообразием мировых кухонь. Платил всегда Бронфельд. Поначалу ученик пробовал протестовать, но учитель заявил, что в последнее время не испытывает финансовых проблем, поскольку издатель платит ему хорошие деньги, а у продавца явно убыточной книжной лавки вряд ли такая зарплата, которая может обеспечить регулярный ужин в ресторане. Встречаться же в другой обстановке Бронфельд отказывался.

И всё бы ничего, но для того, чтобы его ученичество выглядело убедительно, бедному Малышу приходилось прочитывать весь бро́нфельдовский эпос… Писатель любил подпускать в канву беседы цитаты из самого себя, и ученик должен был непременно узнать их и отреагировать, иначе учитель начинал дуться.

Как-то Даниэль поинтересовался, как Бронфельду удаётся выдавать на-гора такое количество текста. Ответ был таков:

– Хайнлайн сказал: «Никогда не переделывай, если того не потребует редактор». От себя добавлю: и когда редактор потребует, постарайся не переделывать. Нужно уважать свой творческий порыв. То, что льётся на бумагу из вдохновенного пера, – и есть истина. Переделывать потом, сокращать, перекраивать – это всё от лукавого… Даниэль, ну что ты творишь?! Зачем ты столько лимона на рыбу льёшь? Ты же вкуса не почувствуешь.

И действительно, писал Бронфельд вроде неплохим языком, но то вдруг слово «гладь» три раза в одном абзаце с описанием пруда, то «увидел, что его услышали», то «оглянулся и кинул мимолётный взгляд», а то и «оскалился злобной ухмылкой». Как будто набросал человек текст сходу, а второй раз пройтись по нему уже некогда или просто лень.

Ещё одной особенностью творчества Бронфельда был неизбывный, первобытный страх смерти. Он объединял все вещи вне зависимости от жанра. Когда Даниэль максимально тактично поинтересовался у сэнсэя причинами появления этой весьма неожиданной для относительно молодого писателя фишки, тот рассказал следующую печальную и поучительную историю:

– У меня жутко умирал отец. Долго и мучительно. Лет тридцать. Дело в том, что он смертельно боялся умереть. Умирал от страха перед смертью. Это называется танатофобия. Она

началась у него лет с пятидесяти. Умер он в восемьдесят два, и с каждым годом по мере приближения смерти ему становилось всё страшнее и страшнее. Он сохранял ясный разум, возможно, поэтому не мог отвлечься или забыться. Как-то я застал его плачущим над мёртвым жуком… Папа боялся умереть во сне. Держался до последнего, чтобы не уснуть. Засыпая, вздрагивал, открывал глаза и говорил, что его засасывает какой-то омут… Однажды простудился. У него началась тяжёлая пневмония. Врачи предложили ему погружение в искусственную кому, из которой, предупредили, он может не выйти. Он устроил истерику, натурально как мальчишка перед кабинетом стоматолога. Сучил ногами и кричал: «Не хочу, не хочу, не хочу!» Когда ему вводили препараты, я держал его за руку. Последние слова его были: «Как же обидно умирать на пороге бессмертия. Живи вечно, сынок». Из комы он так и не вышел…

– Ты знаешь, Лев, – лицо Даниэля было печально, – я его очень хорошо понимаю. Да я б за бессмертие жизнь отдал… Как люди могут так беспечно относиться к тому, что всё когда-нибудь закончится?

Бронфельд посмотрел на него внимательно и сказал:

– Нужно будет тебя кое с кем познакомить…

Карлсон требовал подробных отчётов об этих посиделках и отказывался называть причину и конечную цель «разработки» объекта.

Малыш жаловался:

– Зачем это всё? Два месяца уже по кабакам шляемся, пьём, за литературу трём… Сколько можно?

– А как ты хотел? Чтобы всё и сразу? – возмутился шеф. – Бывает, агент одну тему годами разрабатывает. И в итоге приходит к отрицательному результату. А отрицательный результат, он что? Правильно! Тоже результат. Изучай его, выслушивай, льсти. Выжидай.

– Да понятно это всё… Но мне ж книжки его читать приходится. А потом эти его программные заявления бесконечные выслушивать. За что мне это? И непонятно главное, что нужно узнать в итоге?

– Спокойствие, только спокойствие! Вот он уже с кем-то тебя познакомить собирается… Нутром чую: скоро дело с мёртвой точки сдвинется.

Глава 2.

Даже в будний день в ресторане почти все столики были

заняты. Несмотря на ежевечерние обстрелы, рестораны и кафе продолжали работать, правда, не до определённого часа или последнего посетителя как обычно, а до первой сирены воздушной тревоги.

Позади Даниэля говорили на иврите. Разговор был понятен лишь частично; для того чтобы досконально уловить смысл, знакомых слов не хватало. Малыш прилежно, хоть и через силу учил язык; Карлсон говорил, что агенту нужно уметь вызывать доверие, а при помощи переводчика в наушнике сделать это невозможно – с явным чужаком откровенничать никто не будет. Но одного прилежания было недостаточно, нужна была практика, а в магазине, торгующем русской литературой, её было мало…

Чтобы попрактиковать восприятие иврита на слух, Малыш поставил переводчик в режим «Буквальный перевод» и повернул голову к говорящим.

– Смотри, Мошé. Вот эти, которые матрасы делают, они зачем такие сыны шлюх? – вопрошал старческий звонкий дискант.

– Как сыны шлюх? Почему? – вопросом на вопрос отвечал также немолодой, низкий голос.

– А зачем в матрасе пружины все с острыми концами? Ты не думал?

– Нет? Зачем?

– Глупец, подумай! Вот мы с женой уже лет десять как спим аккуратно. Матраса бы до конца дней хватило. Жаль времени… Но всё равно во сне ворочаемся, а пружины ткань протирают… Пять лет матрасу, а выкидывать опять надо, новый покупать. А хороший матрас сейчас три тысячи шекелей стоит, минимум. Сто процентов.

– Ой-ва-вой! Три тысячи шекелей?! Правда?

– А ты как думал, сладкий? Правда! Три, а то и три с половиной тысячи шекелей. Жаль времени… Что им трудно концы у этих пружин загнуть? Специально так делают, чтоб матрасов своих проклятых больше продавать. Сто процентов!

– Ой не говори, Илай, сыны шлюх и есть. Правда. А с другой стороны посмотри, сладкий. А как им деньги делать? Ну? Времена сейчас тяжёлые, так? Правда. Что за налоги, ну? — поставил Моше проблему с ног на голову.

– Мудрый ты человек, Моше! – вскричал Илай. – Кайф с тобой поговорить, сладкий. Правда. Жалко времени…

Малыш знал, что «Хава́ль аль а’зма́н» дословно означает «Жалко времени», но в речи, в зависимости от интонации, эта фраза хотя и могла быть простым сожалением о потерянном времени, но чаще означала всё что угодно: от «Это возмутительно» до «Как замечательно». А «бен зона» – то есть

«сын шлюхи» для израильтянина как «сука» для русского – часто ничего не значащее междометие. Однажды он слышал, как женщина кричала собственному отпрыску: «Шмуэль, абайта, бен зона!», то есть «Шмуэль, иди домой, сын шлюхи!» Присутствие женщин или детей абсолютно не смущает этих людей, если им хочется выругаться. Они как американцы, которые абсолютно не стесняются «фáков» и «би́чей» в любом окружении, будь то королева английская с внуком.

А «мóтек» значит «сладкий». Он поначалу настораживался, когда слышал это обращение, пока не понял, что оно в большинстве случаев не имеет никакой гомосексуальной коннотации…

Наконец явился Писатель. И он был не один. Накануне Бронфельд интересовался, нет ли у Даниэля каких-либо предубеждений против общения с арабами. Даниэль ответил тогда, что имеет полное право оскорбиться в ответ на подобное предположение. Бронфельд умолял его не делать этого и пообещал познакомить с одним «очень интересным человеком». К этому моменту их литературно-гастрономические вечера продолжались уже почти три месяца. Фонтан красноречия Бронфельда с каждой встречей бил всё слабее: литературных тем в разговорах становилось всё меньше, а гастрономических всё больше.

Даниэль поднялся с места, чтобы поздороваться.

– Знакомьтесь! – Писатель был возбуждён и весел. – Амир – Даниэль, Даниэль – Амир.

Рука араба оказалась сильной и сухой. В отличие от Писателя он был серьёзен, улыбался формально. Худ, небольшого роста и довольно симпатичен, даже красив по-своему, по-восточному. Что-то около тридцати, скорее больше. Его легко можно было принять за еврея…

За время пребывания в Израиле Даниэль так и не научился отличать евреев от арабов, пока те не заговорят. Иврит и арабский хоть и относятся к одной группе языков – семитской, но отличаются гораздо больше, чем, например, русский от украинского, поэтому на слух определить нацпринадлежность ему было легче, чем на глаз.

Поначалу разговор шёл туго.

Амир заказал себе морепродукты в сливочном соусе, пил белое вино и в основном молчал. Когда ему приходилось всё-таки что-то сказать, голос его в переводчике звучал сухо и даже угрюмо, но с арабским колоритом, потому что Малыш выставил переводчик в режим «художественного перевода с акцентом говорящего».

Бронфельд терзал слабо прожаренный говяжий стейк под красное и старался быть душой компании.

Даниэль тоже взял стейк и употреблял его с горьким пивом. Он охотно отвечал на обращённые к нему замечания, но инициативы не проявлял.

Писатель попытался заинтересовать сотрапезников рассуждением о том, что литература, фильмы и прочее искусство пропагандируют не только хорошее. Оказывается, авторы сами учат адептов зла, как максимально эффективно противостоять добру, сами пишут для них подробные инструкции. В детстве человек чист и ещё хочет стать на сторону добра, когда вырастет. Он потребляет контент, в котором, конечно же, кроме положительных персонажей обязательно присутствуют ещё и всякие злодеи. Ребёнок сочувствует благородному герою, хочет равняться на него и возмущается поведением подлого антагониста. Но потом вырастает и, к великому сожалению, нередко сам превращается в подлую тварь. (Механизм этого превращения, Бронфельд предложил сейчас не рассматривать). Таким образом, модель поведения преступной, спекулянтской, бюрократической или иной сволочи прописана подробнейшим образом в книгах, которые эта сволочь читала в детстве, и ей остаётся только следовать этой модели, чтобы максимально эффективно противостоять добру.

Эта мысль показалась Даниэлю интересной. Обычно Бронфельд высказывался куда банальней. Возможно, она не его, может, и вычитал где-то, но преподнёс весьма убедительно.

– Точно! А потом мы удивляемся, откуда враги наши знают, как сделать больнее, – подхватил он тему.

– А по-моему, значение искусства в формировании характера и поведенческих реакций сильно переоценивают, – заявил араб и не даже не удосужился аргументировать своё утверждение.

– То есть? – спросил Даниэль с вызовом, ему не понравилась такая безапелляционность.

Амир холодно посмотрел на него.

– Представь. Смотрит человек замечательный фильм, полный добра и любви и пропитанный презрением к злу и ненависти. Исполняется бурным восторгом в конце или даже плачет от переизбытка чувств. А потом, на утро, возвращается к своим обязанностям пыточного палача, управляющего банком или, того хуже, президента какой-нибудь страны. И про фильм этот вспомнит только во время кофейной паузы, чтобы обсудить с коллегами, а потом пойдёт дальше выбивать молотком зубы, считать проценты по кредитам или планировать реформу образования.

Араб проглотил последнее кольцо кальмара и, промокнув салфеткой рот, отпил вина.

Даниэль хотел возразить, но вспомнил наставления Карлсона, вспомнил, зачем он здесь, и не стал задираться.

– Ты тоже пишешь? – спросил он. Разговор происходил на иврите, поэтому вежливое «Вы» в нём отсутствовало.

– Нет.

За него пояснил Бронфельд:

– Амир занимается… ммм… как бы это сказать?.. формированием общественного мнения в морально-этических и религиозных аспектах.

Даниэль удивлённо уставился на араба.

– Что это за работа такая?

Вместо ответа тот полез во внутренний карман пиджака.

– Смотри, что у меня есть.

На его ладони оказалась маленькая металлическая коробочка, в которой лежал зелёный кирпичик.

– Нюхай! – велел он.

Даниэль взял коробочку двумя пальцами. Запах был приятный, цветочно-фруктовый, но с одной достаточно характерной ноткой.

– Что это?

– Ароматизированный иранский гашиш для кальяна. Как говорил мой отец, мир праху его: «Хочешь узнать человека – покури с ним кальян», – серьёзно сказал Амир.

– А он точно кальян с гашишем имел в виду? – на всякий случай уточнил Даниэль.

– Точно, – араб прикрыл глаза и покивал головой.

– А тут и кальяны есть?

– Конечно, есть! Иначе бы нас здесь не было, – араб сделал знак официанту.

Дальше всё утонуло в синем кальянном дыму, из которого периодически выныривали то круглая голова Льва, то узкое лицо Амира и изрекали плохо связанные между собой сентенции.

Амир говорит:

– Гашиш забрал у меня улыбку. Выдаёт на время, когда я прихожу к нему в гости.

И скалится джинноподобно.

Бронфельд говорит:

– А знаете, почему старики так любят отращивать бороды?.. Потому что морда становится стрёмная, надо же чем-то её прикрывать!

Это странно, не к месту, но всем почему-то кажется очень

забавным.

Тут Даниэль решает, что это самый подходящий момент, чтобы впервые обнародовать мысль, которая недавно пришла к нему в голову во время смены в магазине.

– Высшее образование – это возможность обслуживать богатых пидорасов в самостоятельно выбранной позе.

Фраза производит фурор. Компания веселится так, что на них оборачиваются посетители и официанты.

– Сам придумал или вычитал где? – интересуется Бронфельд.

Даниэль кивает.

– Сам.

Тогда Писатель предлагает:

– Слушайте, а давайте сами себя цитировать. Вот у меня, например, такое есть. Если каждый раз, когда начинаешь новое, старое кажется чепухой, значит, одно из двух: либо ты растёшь над собой, любо всю жизнь чепухой занимаешься.

Мысль кажется глубокой. Все загадочно улыбаются. Потом вступает Даниэль:

– Когда я хочу радости простого человеческого общения, я сажусь играть в шахматы.

– Ну такое… И мизантропией попахивает, – на правах зачинщика турнира Бронфельд берёт на себя ещё и функцию судьи. – А вот вам цитата из книги, которую я сейчас пишу. Худшее, что может случиться с человеком, – это смерть, так почему же именно она, как награда, ожидает нас в конце пути?

Все кивают печально. Тогда говорит Амир:

– Чтобы разглядеть хорошее – много ума не надо. Ум нужен, чтобы видеть плохое. Оно как дефекты в бриллианте, которые замечают только специалисты, потому что знают, что хотят разглядеть, где и под каким углом. Глупцы живут счастливее, потому что гораздо большее доставляет им радость.

Писатель радуется.

– Точно! Хорошее само в глаза бросается, а вот плохое ещё разглядеть нужно.

Даниэль не разделяет его восторгов.

– То есть, если применить сюда теорию пределов, получается, что человеку с идеальным вкусом вообще ничего не должно нравиться?

Взгляд араба становится жёстким. За столом повисает тяжёлое молчание. Потом Амир начинает смеяться. Остальные тоже.

Даниэль булькает кальяном и хлюпает пивом. Потом говорит горячась:

– Да нет, правда! Люди делают вид, что все хорошо. Если все

плохо у человечка – значит он неудачник, не умеет жить. Деструктивный элемент. Несёт в себе негатив. А разве мало в мире безобразных вещей, которые достойны ненависти? Хватит делать вид, что все хорошо! Мир ужасен и несправедлив. С этим срочно нужно что-то делать! А для этого надо уметь ненавидеть. Я призываю к ненависти! Только она способна изменить мир к лучшему.

Из дыма материализуется официант.

– Вас всё устраивает?

Даниэль:

– Ничего нас не устраивает!

Лев:

– Всё прекрасно, спасибо. Кальян заберите.

Официант уносит кальян.

Лев:

– Про ненависть – это тоже домашняя заготовка?

Даниэль:

– Да нет. Только что подумал.

Лев:

– Эк тебя разобрало…

Амир:

– Изменить мир к лучшему… Это по́шло. И запомни: ничего и никогда в материальном мире к лучшему не меняется, только к худшему.

Даниэль недоверчиво ухмыляется:

– И что теперь? Застрелиться, что ли?!

Амир:

– Ну зачем же стреляться? Есть другой вариант, более приятный и рациональный. Не надо трогать этот мир, пускай догнивает – нужно создать новый.

Даниэль, ухмыляется теперь грустно:

– Мы же не боги…

Амир:

– А кто конкретно тебе это сказал? – прищуривается так, как будто пытается заглянуть Малышу прямо в душу. – Пойдёмте прогуляемся. На воздухе я изложу свою позицию по этому поводу.

На улице был уже поздний вечер, и прохладный ветер с гор делал его особенно приятным.

В Старый город они вошли через Новые ворота. Амир попросил их обоих переключить свои переводчики на арабский, чтобы ему было легче излагать свои мысли. Пока брели не спеша между древними стенами, Амир вещал, а Малыш слушал и не верил своим ушам. Слова араба максимально странно звучали в

этом месте, в котором пересекались интересы трёх религий: христианской, иудейской и мусульманской.

Из слов Амира выходило, что древние вероисповедания изжили себя. Сейчас в двадцать первом веке, на современном этапе развития цивилизации, в высшие силы могут верить только по-настоящему наивные или слаборазвитые индивиды.

Новые же религии неубедительны. Растафарианцы и пастафарианцы – просто клоуны. Они придумали своих богов больше для прикола, чем для поклонения. Как можно всерьёз верить в бога, которым стал император Эфиопии, или в Макаронного Монстра. Неплохие попытки были у сайентологов, раэлитов, церкви Искусственного Интеллекта и некоторых других мелких псевдонаучных религий. Их объединяла технократичность и отрицание или подмена традиционного божества. Но все они основаны на вымысле и мракобесии.

Сейчас при современном уровне информированности общества возможны лишь верования, основанные на правде. А правда, по мнению Амира и его соратников, такова: нет бога сущего ни на небе, ни на земле. Богом должен стать сам человек. И для начала он должен научиться жить вечно. Уже имеются научные разработки, позволяющие воплотить эту древнейшую мечту человечества.

Амир закончил изложение своей теории, когда они проходили мимо ободранной таблички с надписью *«Holy Sepulchre»*[32].

Даниэль был совершенно очарован таким видением будущности человечества, а Бронфельд заявил, что сейчас потеряет сознание и умрёт от обезвоживания и что знает «одно местечко за углом», где они смогут промочить горло.

Они вышли из Старого города.

Проснувшись утром, Даниэль непроизвольно припомнил вкус и запах иранского гашиша. К горлу подкатил тошнотворный комок.

Когда он умылся и прополоскал рот, под крышкой черепа загремел голос:

– Тебе необходимо восстановить водно-солевой баланс.

Малыш даже присел от неожиданности и боли.

– Буратино, это жестоко… У тебя громкость регулируется? Что ты снова делаешь в моей голове?

– Поздравляю, стажёр! – произнёс Буратино гораздо тише, но всё равно торжественно. – Ты вышел на ключевого агента конкурирующей организации в израильско-палестинском регионе – Амира-квартерóна. Приоритет твоего задания повышен, поэтому

я теперь снова буду выходить с тобой на связь.

После работы Малыш зашёл в конференц-зал покатать шары на бильярде и обнаружил там Дору. В шортах и лёгкой блузке сидела она у стойки на барном стуле.

– Я не помешаю? – он замешкался на пороге.

– Привет, Дани-бой, – улыбнулась мулатка. – «Маргариту» делать умеешь?

Он кивнул.

– Тогда заходи.

У Даниэля было правило: не пить два дня подряд, и он отказал бы сейчас кому угодно, только не Доре, при виде которой у него мгновенно пересохло во рту.

Они выпили по коктейлю в молчании. Он не находил темы для разговора и, чтобы скрыть неловкость, предложил партию на биллиарде.

Из-за тренировок в триггерном состоянии его игровые рефлексы и представления об игре заметно улучшились. Он закатил свояка, разбивая пирамиду.

– Ты же не используешь сейчас чип? – возмутилась Дора.

– За кого ты меня принимаешь? – и забил второй шар.

Первую партию Даниэль выиграл. Дору это заметно раззадорило, и она отыгралась во второй.

В третьей, решающей, условились играть только битком, а не любым любого. Партия затянулась.

Пока Дора ходила вокруг стола, выбирая позицию для удара, Малыш спросил:

– Могу я посоветоваться с тобой как со старшим товарищем?

Без того смуглое лицо потемнело ещё больше. Она замахнулась на него ки́ем.

– Сейчас как тресну, и посмотрим тогда, кто тут «старший»!

– Стой! – деланно испугался он. – Я имел в виду «с более опытным».

– Так бы сразу и сказал. Спрашивай.

Она нагнулась к столу и принялась прицеливаться, двигая кием вперёд-назад. Малыш невольно залюбовался видом, который открылся ему в вырезе блузки.

– Я вчера с типом одним познакомился. Он оказался агентом конкурирующей организации. Так вот всё то, о чём он говорил, мне очень понравилось. Да и сам он…

Она ударила, и шар с треском залетел в лузу.

– Оп-па! Да ты у нас нетривиальной гендерной самоидентификации?

– Да нет! Что ты?! – возмутился Малыш. – Не в этом дело…

Карлсон же ничего не объясняет, а этот тип очень убедителен и крайне заинтересован в том, чтобы его поняли. Если дело так и дальше пойдёт, то в один прекрасный момент я встану перед выбором: а почему я должен быть стажёром вашей организации, а не конкурирующей… Понимаешь, о чём я?

Она немного подумала то ли над его словами, то ли о том, как играть следующий шар. Обошла стол и снова наклонилась. На этот раз к Малышу она оказалась повёрнута стороной противоположной, что привлекало внимание ничуть не меньше…

– Я-то понимаю… Но почему ты решил именно мне об этом рассказать? Я вроде поводов не давала со мной откровенничать…

Она попыталась сыграть чужого, стоящего под очень острым углом. Шар в лузу не зашёл, но и не подставился, прижался к борту. Удобных позиций для удара не осталось.

– …но ты абсолютно верно угадал человека, с которым можешь быть откровенным.

Дора с довольным видом осмотрела своё «произведение» на столе, подошла к стойке и взяла свой бокал.

– Ты говоришь лишнее, но я, так и быть, никому не расскажу об этом. Иди сюда и слушай внимательно мудрую женщину.

Малыш повиновался.

– Поверь мне, Дани-бой, поменять сторону не так-то просто. Поясню на отвлечённом примере. Ты в бога веришь?

– Нет.

– Какая досада… Ну давай тогда представим, что ты таки веришь в бога. С детства. В какого бога ты бы верил: Аллаха, Иисуса или ещё в кого?

– Наверное, в Будду, – Малыш неуверенно почесал бровь.

– Почему в Будду? – удивилась мулатка. – Что ты про него знаешь?

– Ну… Он прикольный. Ему всё пофиг.

– Это всё, что ты о нём знаешь?

– Он царевич был. Этот… Шакья… как его?.. Муни.

– То есть, по-твоему, это имя и фамилия?

– Ну да…

– Понятно. Всё?

– Пожалуй, всё… – смутился он.

– Для начала Будда – это не бог, а титул просветлённого. Будд множество и Шакъямуни хоть и самый популярный, но всего лишь один из них… Слушай, а давай лучше так: ты бы в Христа верил, бесе́дер? Я думаю, ты о нём побольше знаешь.

– Ну давай, – не стал ломаться Малыш.

– Не надо усложнять. Люди обычно верят в бога, в которого принято верить в их стране… Родился в России – христианин, в

Камбодже – буддист. Так проще… Итак. Ты православный христианин. Ходишь в церковь по воскресеньям, делаешь пожертвования, свечки ставишь, Библию читаешь… И тут в городе появляется какой-нибудь мулла из Узбекистана и увлекает тебя верой в Аллаха. Представил?

Малыш кивнул. Он веселился в душе, пытаясь угадать, куда клонит Дора.

– Теперь давай представим себе чувства православного батюшки в этой ситуации, который тебя крестил, исповедовал, благословлял… Как ты думаешь, будет ли ему приятно твоё вероотступничество? Переход, так сказать, в конкурирующую организацию.

– Думаю, нет.

– А это – священнослужитель. Работа которого, кроме того чтобы размахивать кадилом, предостерегать от насилия и убийства. Поэтому он ничего тебе не сделает. Максимум – предаст анафеме, и то в душе, сгоряча, а потом ещё будет молиться о возвращении блудного сына в лоно истинной веры. А что в подобной ситуации предпримет командир военизированного подразделения, одной из функций которого является физическое устранение агентов конкурирующей организации?

Он посмотрел на неё недоверчиво.

– Да-да, убийства в том числе. А как ты думал? – Дора медленно допила свой коктейль. – Тебя самого чуть не убили. Если на это способны наши конкуренты, как ты думаешь, на что способны мы, если до сих пор живы? Поверь мне, Малыш, Карлсон очень обидится. Прямо-таки смертельно…

Глава 3.

Через три дня Бронфельд и Амир зашли за Даниэлем в «Русскую книгу» перед закрытием. Писатель притащил очередной роман – на этот раз психологический триллер под оригинальным названием «Нырнуть в бездну». Он сам поставил выставочный экземпляр на свою полку и остальные по-хозяйски отнёс на склад, где ему уже был отведён отдельный стеллаж.

Амир оглядел торговый зал и поинтересовался, нет ли чего-нибудь по-арабски. Малыш не понял, была ли это шутка – лицо араба ничего не выражало.

– Разве что кофе, – предложил он и отвёл гостя в подсобку, где стоял аппарат, который из капсул мог выгнать любой кофейный напиток.

Араб скептически оглядел прибор.

– Спасибо, Даниэль. Ты иди занимайся своими делами. Скажи только, у вас есть чайник и молотый кофе? Я себе сам грязь сделаю.

– Грязь? – Малыш замешкался, он не знал, стоит ли оставлять вражеского агента без присмотра. Заложит бомбу или яд в кофейный аппарат подсыпет…

– Малыш, можешь идти. Всё под контролем, – успокоил его Буратино.

– Грязь – так называется кофе, заваренный прямо в чашке. Всё лучше, чем порошок из аппарата, – почти одновременно с «внутренним голосом» ответил араб.

Когда они вышли на улицу, Малыш встал, задрав голову. Предзакатное небо было апокалиптически красным, по нему из невидимого центра, прячущегося где-то за горизонтом гор, веером расползались перистые фиолетово-розовые облака.

– Что это? – спросил Малыш.

– Так бывает в Иерусалиме, – гордо изрёк Писатель, словно краса сия была отчасти и его заслугой. – Куда пойдём?

По предложению Амира, они пошли вкусить настоящей шава́рмы.

Араб заявил, что чтобы ни говорили завистники и жалкие подражатели, а в особенности всякие греки и турки, это блюдо придумали именно арабы. Именно шава́рмой, как её правильно называют, а не шаурмо́й угощали пророка Муха́ммеда во время его знаменитого визита в Иерусалим. И он, Амир, отведёт их сейчас примерно в то самое место, где это происходило.

– Постой-ка! – воскликнул Бронфельд. – Это какой-такой визит? Насколько я знаю, Мухаме́д один раз за всю жизнь только из Мекки в Медину переехал, и всё, вроде больше нигде и не был…

– А он проездом, – наверное, пошутил Амир.

– Э-э-э… Так не по дороге же совсем, – не унимался Писатель.

– Ну, значит, крюка дал. Что ему на Бура́ке[33], сложно, что ли? Какой же ты душный бываешь, Лев… – араб сделал вид, что хочет ударить Бронфельда в живот.

Тот смешно испугался, выставил судорожный, неуклюжий блок и пробурчал:

– Я не душный, я дотошный, писателю без этого нельзя.

– А как всё-таки правильно Муха́ммед или Мухаме́д? – решил уточнить Даниэль.

– Это разные имена, – ответил Амир, и снова было непонятно: шутит он или серьёзно.

Шава́рма действительно оказалась волшебной, хоть и подавали её в помещении неуютном, больше похожем на столовую. Причём столовую, которую курирует санинспектор, явно не брезгующий брать на лапу. Хозяин заведения очень обрадовался Амиру и обслужил его с друзьями по-царски. Кроме основного блюда им принесли ещё шашлычки из куриных сердечек и сочные бараньи кебабы.

Насытившись, попросили кальян и приступили к беседе. Для начала Амир напомнил Даниэлю их предыдущий разговор о возможности бессмертия и попросил не воспринимать его как шутку.

– Тогда ответь мне на один вопрос, – попросил Даниэль. – Ты действительно думаешь, что бессмертие кому-то нужно?

– Конечно!

– Мне, например, нет, – заявил Даниэль.

Араб иронично поднял брови.

– И что же ты имеешь против?

– Во-первых… – начал было Даниэль.

– Во-первых… во-вторых… – перебил его Амир. – Знаю я все эти аргументы. Хочешь, я сам перечислю, а ты добавишь от себя, если будет что. Идёт?

Малыш не возражал.

– Во-первых, скука, – араб поднял кулак и отогнул мизинец. – Ты живёшь-живёшь, а потом тебе надоедает… Люди, которые слишком долго живут, страстно желают смерти. Бла-бла-бла… Так?

– Конечно! – уверенно подтвердил Даниэль.

– Тогда давай условимся: мы не рассматриваем вариант бесконечного существования в дряхлом, ни на что не способном теле. Ты либо существуешь в некой «Матрице», в которой ты молод и красив, и окружают тебя такие же молодые и красивые, либо получаешь новое тело для бренного существования. В этих условиях бессмертие. О’кей?

– Допустим.

– Следующий момент. Знаешь, почему старики испытывают смертную тоску?

Даниэль пожал плечами.

– Я о физиологическом аспекте, а не о пресыщенности жизнью и понимании её ничтожной сути. Я о том, что к определённому возрасту почти прекращается выработка гормонов, которые поддерживают интерес не только к противоположному полу, но и к жизни в целом. Так вот, этого тоже нет. Нет физиологической тоски и половой импотенции. Нет мозговой усталости из-за возрастного разрушения серого

вещества. Нет Альцге́ймера и Паркинсо́на. О'кей?

– Допустим.

– Значит, первый аргумент «скука» – не аргумент! Согласен?

Даниэль вздохнул и кивнул. Всё это время Амир держал мизинец оттопыренным, араб наконец заметил это, удивился и убрал руку.

– Тогда следующий аргумент. Родные, близкие. Все умрут, а я останусь. Дети растут, стареют и умирают у меня на глазах… Грусть, печаль, тоска. Так?

– Обязательно, – Даниэлю стало интересно, как араб победит этот железный аргумент.

– А давайте не будет рассматривать вопрос о бессмертии в таком эгоцентрическом формате! – призвал Амир. – Иммортализ или всем, или никому! Все вокруг готовы разделить с тобой тяготы вечного существования. Друзей не нужно хоронить и гадать, кто следующий. Из свадебной клятвы удалены слова «Пока смерть не разлучит нас». Дети вырастают, со временем разница в возрасте с ними нивелируется, и вы превращаетесь в самых близких друзей… Нет второго аргумента, Даниэль?

– Получается, нет.

– Тогда третий. Что вся эта бессмертная кодла жрать будет? Перенаселение, голод, социальное угнетение, война…

– Ну, этот я сам могу развенчать, – отозвался Даниэль. – Я делал исследование по этому поводу… – он спохватился. – Так, для себя… Так вот. Ресурсов планеты хватит ещё на десять таких населений, как сейчас. Опасность перенаселения преувеличивают для того, чтобы объяснить бедственное положение одних и роскошную жизнь других. Дескать, на всех уже не хватает.

– Перенаселение… – словно издеваясь над словом встрял Бронфельд. – А вы помните, господа, как взвыли фарисеи всех мастей, когда медицина победила рак лёгких? Катастрофа. Голод. Рак – естественный регулятор численности. Идиоты с транспарантами: «Не мешайте грешникам умирать!» или «Рак – десница божья». То же самое примерно…

– Я тогда школу как раз заканчивал, – вспомнил Малыш. – Мы как-то наткнулись на такую надпись на стене: «Руки прочь от рака!». Кто-то подписал в начало – «Грека».

Бронфельд подумал несколько секунд и усмехнулся, Даниэль тоже, а потом они увидели недоумевающий взгляд Амира, тот спросил:

– При чём здесь греки? Лекарство же не они придумали…

– Ой, Амир, – писатель махнул рукой. – Устану объяснять. Это чисто русский прикол, скороговорка такая есть.

– Что за быстроговорилка? Вы издеваетесь? Или у меня

переводчик барахлит? – Амир постучал согнутым пальцем себя по правому уху, как будто это должно было помочь гаджету перестать барахлить.

Даниэль и Лев шумно обрадовались этому казусу с обратным переводом. Писатель сквозь смех выдавил:

– Интересно, что за слово на арабском обозначает понятие «барахлит»?

– Барахлит, – сказал Амир.

Это вызвало новый приступ плохо контролируемого веселья.

– Идиоты! Отключите свои переводчики! Нас сейчас выведут отсюда, – разозлился Амир.

«Идиоты» отключили переводчики: Даниэль в своём фолдере, Бронфельд на браслете.

– Максурон, – сказал Амир, очевидно воспроизводя термин, тождественный понятию «барахлит» на арабском, и залопотал дальше на этом языке, что-то объясняя собеседникам.

Писатель сполз на пол. У Малыша начались колики в животе. Амир пытался ещё пару секунд изображать праведный гнев, но не выдержал и тоже расхохотался.

Прискакал хозяин шавармий. Тогда успокоились сами, успокоили его и попросили унести кальян.

Араб опомнился первым.

– О чём мы? Да! Перенаселение… Засейте невозделанные территории маисом или бататом, а потом рассказывайте мне про перенаселение! Посмотрите – кругом одни пустоши и сорняки. А что ещё человеку надо кроме еды? Но людям проще взять в руки меч, чем мотыгу…

– А срам прикрыть? – напомнил Бронфельд.

– Завернитесь в маисовые листья и прекратите мне голову морочить!

– А если холодно, как в Сибири? – не унимался писатель.

– Так выпейте водки, убейте пару медведей и завернитесь в их шкуры.

Тогда возразил Малыш:

– Но всё равно планета не резиновая. Когда-то наступит предел. Что тогда? Другие планеты колонизировать? – Даниэль смотрел на Амира с интересом: заметит ли араб ловушку? Сам он полагал, что планировать будущее человечества, рассчитывая на освоение других миров, могут только необразованные недоумки, перечитавшие антинаучной фантастики.

– А почему нет? Вот только в обозримом будущем вряд ли это станет возможно, – перешагнул фактологическую растяжку Амир. – Для начала самое простое – ограничение рождаемости. Чайлдфри и тому подобное… А космос подождёт… Подождёт,

пока человечество станет к нему готово. Это сейчас нет такой возможности, но представь себе институты со штатом из учёных, которые способны накапливать знания вечно. Которых не остановит ни смерть, ни маразм. Когда-нибудь придумают они способ, как полететь к другим звёздам и обосноваться там. И наполнятся тогда каюты космических транспортов топотом маленьких ног и детским смехом… Согласен теперь, что перенаселение тоже не проблема?

Даниэлю ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Амир откинулся на спинку стула и убрал руки за спину.

– Тогда всё! Всё остальное – это подвиды этих трёх основных аргументов против бессмертия.

– Не может быть. Подожди! – Даниэль даже пощёлкал пальцами. – Мне надо подумать…

– Конечно-конечно. Жду. Давай, накидывай. Только не спеши, пожалуйста, – великодушно разрешил Амир.

– А я вот, что думаю, – сказал писатель с серьёзной миной. – Человека с детства готовят к смерти и настраивают против вечной физической жизни. Все бессмертные сказочные персонажи ущербны морально и физически. Дракула пьёт кровь и боится солнца, Кощей Бессмертный вечно пакостит и вообще – скелет, Вечный Жид весь покрыт язвами, шляется и стена́ет…

– Изначально, природой, организм человека рассчитан на тридцать пять лет, – подхватил Амир. – Именно столько, в лучшем случае, жили наши пещерные предки. Механизм смерти зашит в человека на биологическом и интеллектуальном уровне. Пока человек мог охотиться и обеспечивать себя пищей, он был нужен своему племени, когда терял хватку и зубы – ему становилось грустно от осознания своей бесполезности, и он умирал. Тысячелетиями учились оттягивать сей трагичный конец. Сейчас в среднем живут восемьдесят. Так почему не пойти дальше?! Вы сначала попробуйте жить вечно, потом говорите. Никто ж не пробовал. Не понравится – всегда есть выход, вечная жизнь – это не приговор…

– Кстати о приговорах. Представляете пожизненное заключение? Для бессмертного это, пожалуй, похуже смертной казни, – заметил писатель.

– Эту сказку мы знаем. Тоже арабская. Про джинна в лампе, – напомнил Даниэль.

Глава 4.

Ещё через неделю в том же составе снова бродили они по Иерусалиму. Уже посидели в ресторане, отобедали в компании

ставшего традиционным кальяна, погуляли, беседуя, и находились теперь в процессе перемещения к месту, где можно было бы как следует промочить горло.

Именно в этот вечер палестинцам надоело просто запускать ракеты, как тарелочки для стендовой стрельбы, чтобы израильтяне могли убедиться в меткости своих лазеров. Интифа́да[34] приобрела более серьёзный характер: к обстрелам добавились теперь вспышки народного арабского бунта на местах, ничуть не более осмысленного и не менее беспощадного, чем русский. В городах со смешанным арабо-иудейским населением по улицам носились толпы молодых арабов, били евреев и громили еврейские магазины, кафе и рестораны. Евреи очень быстро поняли, что должны что-то противопоставить этой угрозе; по улицам стали носиться толпы молодых евреев, бить арабов и громить арабские магазины, кафе и рестораны.

Полиция была бессильна в этой ситуации. Блюстители порядка скромно стояли в сторонке, нервно курили и держали рабочую руку у кобуры. Редкие герои, которые пытались исполнять свои обязанности по служебной инструкции, имели абсолютно равные шансы огрести от любой из враждующих сторон. И огребали. Страшно. Часто камнями. И имели потом возможность обсуждать тяготы несения службы по охране порядка с соседями по палате реанимационного отделения.

Три товарища брели по фешенебельной улице Царя Давида. Когда они пересекли Таможенную площадь и оказались на улице Царя Соломона, Буратино зазвучал тревожно:

– Малыш, внимание! По улице Султана Сулеймана из Восточного Иерусалима навстречу вам двигается толпа арабских погромщиков. Если не свернёте, встретите их через три-четыре минуты.

Малыш ощутил противный холодок под ложечкой и начал лихорадочно искать не вызывающий подозрений предлог для того, чтобы свернуть с опасного пути… Но в голову, как назло, ничего не приходило. Тут он увидел вывеску бара впереди через дорогу. Он подумал, что в помещении будет всё-таки безопасней, чем на улице, и остановился.

– Господа! А нам обязательно идти в этот ваш кабак? Я что-то устал сегодня. Давайте посидим… вот здесь, например.

И он указал на бар.

– Ты с ума сошёл, Даниэль? Это для миллионеров, туристов и лохо́в. Кружка пива полтинник стоит! – урезонил его Бронфельд.

– Я угощаю! Мне сегодня премию дали, – соврал Малыш.

Араб посмотрел на него подозрительно.

– Вот всю премию здесь и оставишь. Потерпи, мы уже совсем рядом. А по поводу угощения – не забудь.

Малышу ничего не оставалось, как пойти за ними.

– Минута до столкновения, – безнадёжно констатировал Буратино.

Скоро они услышали топот и крики. Араб сделал знак остановиться и несколько секунд всматривался в толпу, которая перла на них прямо по проезжей части. В шуме стали различимы крики «Алла́ху акба́р!», лицо Амира стало жёстким.

– Спокойно. Бежать не надо. Я всё решу. Молчите и со всем соглашайтесь.

Справа от них была крепостная стена Старого Города, слева – здания, обнесённые сплошными каменными заборами.

Их уже заметили; от толпы отделилась группа человек в восемь и направилась прямо к ним.

– Активируй экстренный режим, – подсказал Буратино.

– Нет! – сказал Малыш. Он решил, что если превратится в супермена под воздействием чипа, то выдаст себя.

Араб глянул на него краем глаза.

– Без паники! Вы со мной.

Невысокий и поджарый, явно главарь этого подразделения, произнёс хрипло, приблизившись на расстояние вытянутой руки.

– Ас-саля́му але́йкум!

Он смотрел на Амира, сразу распознав в нём соплеменника.

– Ва-але́йкуму саля́м, – ответил Амир спокойно, немного даже свысока.

– Скажите, уважаемый, что араб делает в обществе евреев? Разве вы не знаете, что идёт интифада и подобная компания не к лицу приличному человеку?

– Это хорошие евреи… – начал было Амир, но погромщик перебил его:

– Хороший еврей – мёртвый!

– Это хорошие евреи, – твёрдо повторил Амир, – они сочувствуют нашему освободительному движению.

– Если это так, пускай произнесут такби́р[35] и мы разойдёмся с миром, – великодушно предложил главарь.

– Нет проблем. Господа, прошу вас, скажите «Аллаху акбар!» – Амир повернулся к евреям и подмигнул.

– Аллаху акбар! – не колеблясь, весело произнёс Бронфельд.

Погромщики обрадовались.

– Молодец!

– Хороший еврей!

Даниэль молчал. Повисла напряжённая пауза.

Первым не выдержал Буратино.

– Малыш, говори!

Недавно Малыш смотрел такое видео. Худенький, молодой хаси́д с длинными витыми пейсами и редкой козлиной бородкой в широкополой шляпе и очках с мощными стёклами имел потерянный вид. За кадром говорили по-арабски и смеялись.

– Скажи «Аллаху акбар!», морда еврейская, – приказал кто-то.

Морда еврейская моргала, улыбалась и молчала.

– Аллаху акбар! Ну!

– Адона́й элоэ́йну, адона́й э́хад! – смущённо улыбаясь, произнёс хасид.

И тут же от удара с него слетели очки, от следующего – шляпа, остроносое лицо исчезло из кадра. Ролик прервался.

Максиму было жалко еврейчика. Чего ему стоило прославить бога на арабском? Ведь слова, которые его заставляли сказать и которые произнёс он, означают одно и то же… Но нет! Он предан своей вере и ни за что не будет обращаться к богу по-арабски, даже если его потащат в газовую камеру. Такое упорство, конечно, заслуживает уважения, но оно могло бы быть применено с гораздо большей пользой… Вот если бы в своё время еврейчик пошёл не в ешиву́[36], где изучал исключительно Талму́д и Тору́, а в нормальную светскую школу и преуспел бы в науках, как подобает прогрессивному человеку третьего тысячелетия, глядишь, он был бы более гибок и в сложившейся ситуации не отхватил бы по щам, подумал тогда Максим. А ещё он подумал, что в том, что этот хасид получился такой тёмный, виноват не он сам – ведь у бедолаги никогда не было выбора. Виноват его ре́бе. И ребе его ребе, которые испокон веку забивали детские головы чепухой о том, что никакие науки не нужны, потому что ответы на все вопросы есть в Торе́, их только надо уметь разглядеть. Ибо высшее призвание человека – это толкование скрижалей, дарованных Моисею Господом…

Малыш молчал.

Погромщики зашумели и начали смыкать круг.

– Спокойно, братья! Он скажет, – заверил Амир. – Он просто перенервничал.

Малыш замотал головой. Сейчас он очень хорошо понимал еврейчика из ролика. Сказать то, что его заставляют, было как будто предать самого себя. И никакие гибкость с образованием тут не при чём. Это его жизнь, в которой по своей воле он мог произнести эти слова только в шутку, а сложившаяся ситуация к шуткам не располагала.

– Нет! Я атеист, – гордо произнёс он по-русски.

«Атеист» – слово интернациональное, его поняли все и без переводчика.

– Атеист – хуже иноверца! – прохрипел главный погромщик. – Вы можете идти, а с ним мы потолкуем…

– Понятно, – печально сказал Амир и сделал какое-то неуловимое глазу движение. В следующее мгновение главарь без сознания с окровавленным лицом лежал на булыжном тротуаре.

Следующим лёг Бронфельд. Он выдержал несколько ударов, от которых голова его беспомощно болталась, словно боксёрская груша, но потом один из погромщиков врезался в него ногой с разбегу, Лев отлетел к крепостной стене и устроился там на газоне отдохнуть от полученных впечатлений.

Потом наступил черёд Малыша. Он успел-таки съездить кому-то по морде, но не сильно, больше для проформы. На него тут же посыпался град ударов со всех сторон, и от очередного – сзади в правое ухо – он поплыл, и его сбили на землю.

– Голову закрывай! Не отключайся! – волновался Буратино. – Помощь близко, я вызвал полицию!

А Малыш и не собирался отключаться. Он думал о том, что его впервые в жизни бьют толпой, и это не так страшно, как представлялось до этого… А потом всё-таки отключился.

Амир дрался как ниндзя: прикасался к противникам только один раз, после чего те падали и уже не вставали. Он успел вырубить четверых. Если бы к нападающим не подоспела подмога, возможно, он и отбился бы. Но и его смели и тоже принялись охаживать ногами.

Неизвестно, чем бы всё кончилось. Может быть, это стало бы основным происшествием дня в Израиле. В новостях появился бы сюжет, в котором показали бы, как носилки с тремя бездыханными телами под окровавленными простынями грузят в кареты скорой помощи, но… завыли полицейские серены, и раздались выстрелы. По счастливому стечению обстоятельств, рядом оказались полицейские, которые несли службу не на страх, а на совесть. Одного их погромщиков даже подстрелили, но не насмерть, и он убежал, поддерживаемый по бокам товарищами.

Погромщики отступили в Восточный Иерусалим, перегруппировались и продолжили бесчинства по другим направлениям – вся ночь ещё была впереди…

У Бронфельда был разбит рот и наливался синяк на глазу. Он сидел облокотясь спиной о стену и хлопал глазами. Малыш, оказывается, очень удачно закрывал голову, пока его метелили; всего лишь распухло и налилось кровью ухо да на лбу была здоровенная шишка. У Амира обильно шла носом кровь. Он

полежал на траве, чтобы остановить кровопотерю. Нос его был заметно свернут на сторону.

– Амир, у тебя, кажется, нос сломан, – сообщил Малыш.

Араб ощупал нос. Зажал его в ладонях с двух сторон и сделал резкое движение. Раздался отвратительный хруст.

– Ровно? – гнусаво, как при сильном насморке поинтересовался араб. Стало ровнее, но снова пошла кровь.

Глава 5.

Побитые и растерзанные, прихватив по дороге виски для дезинфекции, они отправились зализывать раны к Бронфельду.

Он жил в нескольких трамвайных остановках от Старого города, в тупиковом тихом переулке. Облезлый бетонный дом на тектонических сваях. Квартира-студия с крохотной спальней на последнем, третьем, этаже. Окно во всю стену. Скромная, но добротная мебель. Холостяцкий рай.

Квартира была собственностью Бронфельда, который явно очень гордился этим фактом. После того как они смыли с себя кровь, хозяин раздал свежие футболки и устроил мини-экскурсию для Даниэля с демонстрацией рабочего уголка, пары абстрактных картин местных мастеров и вида из окна: облезлые желтоватые домики почему-то казались Писателю очень живописными.

Амир явно бывал здесь не раз – он сам достал из шкафчика стаканы для виски.

Бронфельд рассказал с удовольствием, как десять лет назад, когда ещё работал, он взял эту жилплощадь в ипотеку и выплачивал бы долг банку до скончания дней своих, но у него появился издатель и дал авансом сумму, покрывающую остаток долга с изрядной лихвой. Вот на эту самую лихву Бронфельд и жил. Издателя, кстати, нашёл Амир, честь ему и хвала и вечное процветание ему и его близким. (Амир, свершив волнообразное движение рукой, по-восточному сложил перед грудью ладони и склонил голову). За всё это Бронфельд должен был написать двенадцать книг для издателя, и на настоящий момент ему осталось написать всего одну, последнюю, книгу.

Пережитое только-что побоище, в котором они сражались на одной стороне, очень сблизило их. Сначала они бурно, перебивая друг друга, обсудили стычку.

– Поверьте мне, я знаю арабов. Хотели бы убить – убили! – подытожил Амир.

Потом, под конец первой бутылки, Малыш решился задать сакраментальный вопрос:

– Лев! А о чём будет твоя двенадцатая книга?

Бронфельд с Амиром переглянулись. Араб кивнул. Тогда Бронфельд с загадочным видом произнёс:

– Ты знаешь, какая самая продаваемая книга за всю историю человечества?

Малыш, конечно же, знал ответ, но решил доставить удовольствие писателю и прикинулся невеждой.

– «Гарри Потер»?

Бронфельд мотнул головой.

– А! Знаю, – как будто обрадовался Малыш. – «Дон Кихот»?

Снова отрицательное движение головой.

– Давай. Ещё одна попытка.

Малыш подумал секунду.

– Ну не знаю… Букварь! Или нет… Что-нибудь на китайском… О! Китайский букварь!

Писатель повесил драматическую паузу и выпалил:

– Это Библия, Даниэль!

Малыш «опешил».

– Библия?! Конечно! Я мог бы и догадаться… И что? Ты собираешься переписать Святое Писание в современном стиле?

Важное лицо Бронфельда с лиловым заплывшим глазом смотрелось очень комично.

– Я собираюсь написать библию новой религии, – он подчеркнул слово «новой». – И издатель не против.

– Ага… Новый Рон Хаббард? Хочешь разбогатеть – придумай религию… И что за религия?

– А это пускай Амир расскажет. От него я и узнал о ней.

Амир рассказал.

Некая компания арабских эмиров и шейхов, в основном из Саудовской Аравии и Эмиратов, озабоченная явным несоответствием количества собственных средств к существованию и длительностью этого самого существования, наняла лучших учёных со всего мира и предложила им неограниченное финансирование для разработки способа продления человеческой жизни. Учёные в поте лица в течение десяти с лишним лет осваивали предложенный бюджет и недавно придумали, как перенести сознание на электронный носитель. Способ уже опробован на самке шимпанзе. Находясь в виртуальном мире, она, поскольку не имеет там проблем с отсутствием речевого аппарата, научилась говорить. Говорит, что счастлива. За несколько месяцев научилась писать, считать, петь песни и играть в шахматы…

– Хорошая сказка, Амир. Только длинная очень… При чём здесь религия? По-моему, ты говоришь о вещах, не имеющих к ней никакого отношения, – Даниэль отметил про себя, что

карлсоновское воспитание не прошло даром; он сказал на автомате «по-моему», а не «как по мне».

Амир хотел было продолжить, но на этот раз его перебил успевший изрядно накидаться Бронфельд:

– Имей терпение! Слушай, что тебе умные люди говорят…

Он даже вялым кулачком по столу пристукнул. Араб посмотрел на него внимательно.

– Тебе бы притормозить с выпивкой, уважаемый.

Писатель поднял руки, как будто сдаваясь.

– Я объясню, при чём здесь религия, – Амир перевёл прицел на Даниэля. – Скажи, какой должен быть бог?

Даниэль открыл было рот, но Амир не дал ему сказать.

– Я сэкономлю нам время. Бог, алеф[37], бессмертен, бет, всеведущ и, гимель, всемогущ. Согласен?

Даниэль добавил:

– Ещё он вездесущ, насколько я помню…

– Всемогущ, вездесущ… какая разница? Если ты можешь всё, значит можешь везде. Согласен?

Даниэль пожал плечами и, подумав, добавил:

– А ещё он мудр.

– Смотри пункт «бет» – всеведущ.

– Но всеведение и мудрость разные вещи…

Писатель опять не выдержал:

– Да не важно это, Даниэль! Что ты цепляешься?

Амир остановил его взглядом.

– Можно сказать, что бог мудрый и добрый, но это всё оценочные характеристики. Да и сам подумай. Амур-Купидон – бог любви. Он мудр, по-твоему? Или какой-нибудь Аре́с-Марс – бог войны. Он разве добр?

– Да какой там чёрт добр… – развёл руками Даниэль. – Тогда ещё одно самое главное качество бога: он не существует.

– Именно! Поэтому мы и должны его создать!

Обычно спокойный Амир даже вскочил на ноги. Видимо, выпивка подействовала и на него. Он заходил по студии, активно жестикулируя.

– Технология переноса сознания позволит нам это сделать! Алеф. Оцифрованное сознание бессмертно. Бет. Бесконечное время существования и безграничный доступ к информационным ресурсам сделают это сознание всеведущим. Гимель. Всеведение приведёт к всемогуществу и вездесущности. Коллективное человеческое сознание, вооружённое новыми знаниями, изобретёт механизмы и биомеханизмы, которые смогут обеспечить все его потребности, как материальные, так и виртуальные. Будет создана новая, более совершенная биологическая оболочка для

жизнедеятельности в Реале, чем это убогое, данное природой тело, – он машинально указал рукой на Бронфельда. – Появится новый биологический вид *Homo Immortális*. Таким образом, человек станет ещё и Творцом, то есть возьмёт на себя главную функцию бога.

Он сел на своё место и перевёл дух.

– Эта технология уже сделала из обезьяны человека… И не за миллионы лет, а за считанные месяцы. Мартышка музицирует и в шахматы играет! Представьте, что с человеком будет.

Тут Даниэль намекнул Амиру на то, что мистификация несколько затянулась… В ответ Амир пообещал представить все возможные доказательства правдивости своих слов, естественно, кроме тех, которые могут открыть технические подробности самой технологии переноса. При этом казалось, он был огорчён выказанным ему недоверием.

– Хлопни, брат! – Бронфельд протянул ему стакан.

Амир стакан принял, но пить не стал, поставил на стол.

– Мне хватит.

– А мы с Даниэлем хлопнем. За *Homo Immortalis*! Хай живе́!

Араб встал и заявил, что ему пора. Хозяин запротестовал:

– Да ты что, Амирчик, останься ещё! Обиделся, что ли? Даниэль напился, плетёт не весть что…

– Я не обиделся, мне действительно нужно идти.

Оставшись наедине, Малыш и Писатель продолжили пить.

Как оказалось, у биочипа была ещё и такая функция: контролировать состояние агента, находящегося под воздействием веществ, изменяющих сознание. Стажёр Малыш не был трезв, но и слишком пьян не был.

Бронфельд же совсем расслабился и вещал, брызжа слюной:

– Некоторые упрекают меня в излишней краткости. А я считаю, что современная литература должна быть лаконичной. Это не то, что раньше, когда ещё даже телевизоров не было, не говоря уже об Интернете, людям делать нечего было, они и читали бесконечные эпические романы. Их авторам за объём платили – чего не растекаться мыслею по древу? А сейчас опять минимализм в моде. Как в пещере: докуда света от костра хватает, дотуда и рисуем. Да-а. За объём авторам платили. За слово или за строчку. А как Толстой написал такое дикое количество бу́кав, по-твоему? Девяносто томов наследия, сорок шесть тысяч страниц. Это который Лев… А ты знаешь, что и Алексей, и Лев оба были графья́ми… подожди… гра́фами. И оба о-очень много писали. Что «Война и мир», что «Хождение по мукам»… ни одну не дочитал… Я их называю ГРАФ-оманы!

Он хохотнул, вытер рот рукой и потянулся за стаканом, видимо желая восполнить потерю жидкости.

Тут Даниэль совершил ошибку. Он не выдержал и, вместо того чтобы слушать и поддакивать, возразил угрюмо:

– Да при чём здесь гонорары? Толсты́м, причём обоим – и тому, который Лев, и тому, который Алексей, – я тебя уверяю, было плевать на деньги. Что-то другое их писать заставляло. Не то, что тебя…

Только обнаружив на себе хоть и мутный, но очень подозрительный взгляд писателя, Малыш понял, что сболтнул лишнее.

– Ты всё врёшь! – мрачно и торжественно объявил Бронфельд. – Тебе же не нравятся мои книги! Учиться он у меня хочет… Враньё! Что ты на самом деле от меня хочешь?

Малыш очень гордился потом тем, как быстро он нашёлся с ответом:

– Да! Не нравятся. Не представляешь, какой пыткой для меня было их читать, чтобы потом было что обсудить с их автором – самодовольным говноделом. Но кроме самодовольства у этого говнодела есть ещё кое-что. Это именно то, чему я хочу научиться. Хватка. Успех. Я не хочу терять годы на то, что никогда не продастся. Мне дорого время, которое я мог бы потратить на что-то более полезное, чем написание книг, которые никогда никто не купит… Кроме того, я надеялся, что ты выведешь меня на издательства, замолвишь словечко за своего ученика…

Бронфельд рассмеялся. Некрасиво. Отклячив нижнюю губу и нарочи́то сотрясаясь всем телом. Отсмеявшись, сказал:

– Писатель – самая авантюрная профессия, в ней никогда не знаешь, когда и сколько тебе заплатят. А вы, молодой человек, – циник, оказывается, и прагматик. Я таким не был… Когда я писал свою первую книгу, я ни о чём таком не думал. Ну как не думал… Надеялся на чудо. И оно случилось. Появился этот араб, как джин из лампы, и нашёл мне издателя. Наверное, он и тебе поможет. Я вижу, ты ему нравишься.

Он снова наплескал виски в стаканы.

– Ле хаим!.. Я расскажу тебе то, о чём никто не знает. Помнишь, я говорил сегодня про двенадцать книг, которые должен издательству. Так вот чем меньше у меня остаётся денег, тем быстрее мне приходится писать. Сначала я старался. Но потом подсчитал. Первую книгу я писал год. Ещё на одиннадцать лет полученных денег мне не хватит… Но как я ни старался, быстрее, чем за полгода, я вторую книгу дописать не смог. Это было уже совсем не то, что первая, но ещё не халтура. Третья

вышла за четыре месяца. Постепенно я совершенно оборзел. Я теперь не читаю написанное даже второй раз – сразу отдаю редáкторам. Сейчас я делаю, ты не поверишь, роман в три месяца. Бывают моменты, когда чувствую себя гением – раз я могу писать так быстро и мои книги покупают – значит, я достиг литературного дзэна. Но когда закончится этот марафон, я хочу написать книгу для себя…

По мере усугубления алкогольной интоксикации речь его становилась всё более эмоциональной и всё менее связанной. К Малышу он теперь почему-то обращался на «Вы».

– И простите мне мой идиотский пафос, Даниэль. Все эти глубокомысленные изречения о судьбах литературы… Это стёб был на самом деле. Я просто думал, что вы дурачок, который божий дар от яичницы не отличает. На самом деле, если вам не нравятся мои книги, значит у вас со вкусом всё в порядке. А эти, – он вяло махнул рукой в сторону окна. – Они не видят фальши, они всеядны…

Даниэль в шутку предложил ему выпить на брудершафт.

– Давайте. Но только фор-р-рмально, – Бронфельд погрозил пальцем, пытаясь сфокусировать взгляд где-то на щеке собутыльника. —Всякие там поцелуи ни к чему. Чёрт вас, молодёжь, знает… Чокнемся, и всё.

Выпили. Вдруг Бронфельд звонко хлопнул себя по лбу. И зигзагом ушёл в свой рабочий угол. Вернулся с пухлой папкой.

– Вот! Моя тринадцатая книга. Держи! Я пишу её уже два года. В свободное от работы время, – он то ли икнул, то ли хихикнул. – Рабочее название – «Это я – Лёвушка».

Писатель неверной рукой разлил остатки виски. Заглотил свою порцию и почти немедленно уронил голову на грудь. Глаза его закатились, нижняя губа поползла вниз. Максим уже подумал, что он уснул. Но вдруг Бронфельд взметнулся и забормотал:

– А он ещё и говорит мне, что писать теперь… С библией – это его идея. Араб… а туда же… И в «Лёвушку» лезет…

И снова опал. Теперь окончательно. Максим хотел так его и оставить, но сжалился и отволок в спальню. Сам отправился к рабочему уголку.

Домашний компьютер Бронфельда не был выключен, находился в режиме сна. Начинающий шпион уже обрадовался удаче, но вход в систему оказался запаролен.

– Буратино, ты можешь подобрать пароль? – тихо спросил Малыш.

– Нет. Компьютер не подключён к Сети, – ответил Буратино.

На столе лежала пара листов с какими-то схемами, помеченными неинтерпретируемыми аббревиатурами и

обрывками фраз, на обратной стороне – отпечатанный на принтере текст с правками от руки.

Со схемами разобраться было невозможно, судя по различимым словам, это было что-то вроде плана будущей книги.

Текст был, по всей видимости, выдержками из неё же, которые идеолог новой религии правил красной гелиевой ручкой.

На первом листе Малыш прочитал следующее:

НОВЕЙШИЙ ЗАВЕТ

О сотворении Мира.

Сначала был хаос. И ничего кроме хаоса. И носились в пустоте частицы хаоса без цели и смысла. Но, соударяясь, рождали они свет и тепло. И новые частицы рождались в горниле огненном. (Последнее предложение было перечёркнуто красным).

Материя стремится к порядку, ибо таково её свойство. Из взаимодействия частиц явились тогда и вода, и твердь, и воздух.

Миллиарды лет бежала материя хаоса, и поплыли наконец в воде гады, и поползли по тверди твари, и полетели по воздуху птицы.

И прошли ещё миллиарды лет. Материя всё так же стремилась к порядку. И появился наконец человек.

И был человек умнее всех и потому сильнее всех: и гадов подводных, и тварей земных, и птиц небесных – и потому употреблял их в пищу.

Но многотруден был путь человечий, опасен и краток. И не успевал человек ничего. И хватало его жизни на то лишь, дабы дом возвести, в котором смерть принять ему, и вырастить дерево, дабы было из чего сколотить гроб ему, и сына вырастить, дабы было, кому хоронить его. (Все «Дабы» перечёркнуты, и везде от руки написано «чтобы»). *А сыну далее влачить жизнь, пустую и бессмысленную, и так же безропотно принять смерть скорую.*

Непонятна и малорадостна была жизнь. Полна страдания и страха. И придумал человек себе Бога, дабы объять необъятное, объяснить сущее и прогнать страх. И жизнь вечную себе придумал. Но после смерти. И хоть и было это абсурдно, но давало надежду. Иллюзорную и праздную.

И пока жил человек, другие умирали круг него. И родные, и близкие его умирали. А потом и сам он умирал.

Но не хотел ничего менять человек. И лишь молил Бога своего о жизни вечной для близких своих и для себя. Но после смерти. И нет, и не было, и не будет на свете ничего глупее и печальнее этого.

И тысячи лет прошли, и появились наконец люди, не желающие умирать. И тогда началась новая история. История нового человека – Homo Immortalis.

«Однако…» – подумал Малыш и взял следующий лист.

Житие Сан Пауло.

Па́уло Оливе́йра да Си́льва родился в Португалии, в городе Фа́ру.

Когда умерла его бабушка, ему было пять лет. Отец сказал:

– Не плачь, Паулито! Она теперь на облачке. Смотрит на нас оттуда и улыбается.

– Тогда почему мы здесь? – удивился мальчик. – Я тоже хочу на облачко, к бабушке.

– Рано. Ты ещё здесь, на Земле, не всё сделал.

Когда умер дедушка, который был доктором, Пауло было восемь. Отец сказал:

– Не плачь! Он теперь с бабушкой. Сидят на облачке, смотрят на нас и улыбаются.

– Нет никакого дурацкого облачка! – твёрдо сказал Пауло. – Есть лишь небытие и плоть гниющая.

Отец закричал:

– Роза́лия! Что этот старый пройдоха, твой отец, наговорил ребёнку перед смертью? Теперь иди, сама разбирайся!

Однажды его неверие в бога пошатнулось. Когда Пауло изучал теорию эволюции, то спросил себя: а как появилось первое ухо? Как природа случайно может создать то, о чём не имеет понятия? Как можно создать слух, не имея такой задачи? Значит, есть всё-таки божественный замысел?

Но пристально изучив вопрос, Пауло выяснил, что ухо, прежде чем стать ухом, за многие миллионы лет прошло путь от островка клеток, в процессе мутации ставших чувствительными к вибрации, до совершенного звукоулавливающего устройства. Ибо в процессе эволюции случайно приобретённые полезные свойства

сохраняются и развиваются, если есть условия для естественного отбора и неограниченный запас времени.

С тех пор Пауло любил повторять:

– В чём отличие атеиста от верующего? Первый знает содержание теории эволюции Дарвина, а второй только то, что она существует.

Пауло стал доктором, как завещал ему дедушка. Он хотел подарить людям бессмертие. В начале нового тысячелетия Оливера приехал в Америку, где помимо медицины изучал ещё и математику, чтобы лучше понимать, как работает мозг.

Потом он вернулся на Родину, где возглавил лабораторию по изучению высшей нервной деятельности. Но когда захотел перенести человеческое сознание в компьютер, его проект подняли на смех и отказались финансировать. Пауло лишили лаборатории.

Три года искал он по всему миру деньги на свои исследования. И нашёл таких людей только в городе будущего Неóме: несколько арабских принцев предоставили ему неограниченное финансирование. Оливера нанял лучших специалистов, купил самое современное оборудование и за двенадцать лет создал прибор для переноса сознания.

Малыш хотел было сфотографировать листы, но Буратино предупредил, что он и так фиксирует всю информацию.

Гормоны, которые под воздействием биочипа, вырабатывались в избытке для того, чтобы ослабить опьянение, вызвали побочный эффект – напрочь отшибли сон.

Впечатлённый набросками Бронфельда к Библии, Малыш решил почитать его «тринадцатую» книгу и расположился на диванчике в гостиной.

«Это я – Лёвушка» читалась на удивление легко. Малышу даже понравилось; поначалу он списывал это на опьянение, но к утру, когда алкогольные пары окончательно развеялись, а рукопись кончилась, ему стало ясно, что, возможно, из этого получится неплохой образчик автобиографической прозы.

Малыш наконец вырубился.

Глава 6.

Проснулся он в состоянии глубокой алкогольной интоксикации – от этого биочип не избавлял… Хозяин дрых, на посторонние раздражители не реагировал и выводил носом такие рулады, что, кажется, не собирался приходить в сознание ещё очень долго. Малыш поправился глотком тёплого, выдохшегося виски. Положил черновик «Лёвушки» у изголовья автора, поставил бутылку с остатками напитка сверху и захлопнул за собой дверь.

Было уже ближе к полудню, когда Даниэль явился наконец в «Русскую книгу», где его встретила сердитая Дора, которую из-за его отсутствия подняли из постели ни свет, ни заря и поставили к прилавку.

– Где вы всю ночь шлялись, стажёр? – сверкнула она очами.

– Я был на задании, агент! – гордо заявил всё ещё хмельной Малыш.

– Всю ночь?

– Всю ночь!

– На задании или под заданием? – уточнила Дора.

– Что вы имеете в виду, агент? – изумился Малыш. – Чтобы вы знали: объектом моего задания является мужчина.

– А вам, стажёр, должно быть известно, что это не повод отказываться от возможного контакта, способного продвинуть выполнение задания. Специфика нашей работы такова, что как разнополые, так и однополые сексуальные отношения с объектами являются самым эффективным способом расположить к себе, добиться доверия и откровенности.

Малыш совершенно опешил.

– Меня никто не предупреждал… Я не готов…

– Вот поэтому вы ещё стажёр! Вам ещё очень многому предстоит научиться.

– А вы, агент, сами как же?..

– Дорогой мой, честное слово… вам лучше не знать.

– Похоже, агент, это ваш любимый способ «продвижения» заданий. Спите до полудня, а потом всю ночь задания «продвигаете»… Может, покажете, как это делается?

Тут Малыш сам понял, что слишком далеко зашёл в этой начавшейся шутливо пикировке, поэтому звонкая пощёчина не стала для него абсолютной неожиданностью. Дора развернулась и быстро удалилась куда-то в сторону книжного склада. Несмотря на то, что развернулась она достаточно резко, Малыш успел заметить нечто в выражении её лица… Он подошёл ко входной двери в магазин, запер её и развернул табличку надписью «Закрыто» в сторону улицы. Потом поспешил на склад. Там было

темно. Он хотел было нашарить выключатель, но рука его была перехвачена, а рот запечатан поцелуем…

Когда они составляли попадавшие с полок книги, он спросил:

– Дора, а как быть, если мне кажутся всё более близкими идеи, излагаемые объектами?

Она выпрямилась и одёрнула строгую чёрную юбку, которую надевала, когда ей приходилось работать у прилавка.

– Осторожно, Малыш. Так становятся двойными агентами. А это высший пилотаж шпионской работы – тебе, мягко говоря, рановато… Не потянешь.

– Так они же правильные вещи говорят, прогрессивные!

– Это классика – прикрываясь прогрессивными идеями, продвигать свои, на самом деле несущие застой и регресс человечеству, – произнесла Дора монотонно, как будто читая пункт служебной инструкции, потом серьёзно посмотрела на него. – И ещё раз предупреждаю: не вздумай рассказать о своих метаниях Карлсону, он твою честность не оценит. Может плохо кончиться…

И грациозно нагнулась за следующей книгой.

– Ты почему не переключился в триггерный режим? Тебя же могли убить, – пытался выглядеть строгим Карлсон.

Но Малыш прекрасно понимал, что упрекать его не в чем.

– Вот Амир переключился и лишний раз выдал себя.

– У наших конкурентов нет чипа. Это боевая подготовка.

– Ну в любом случае, применив эту самую подготовку, он спалился, а я нет!

– Да всё правильно! – Карлсон хлопнул Малыша по плечу. – Это было очень верное и мужественное решение. Немногие опытные агенты решились бы на такой шаг… – он обвёл глазами, сидящих вокруг обеденного стола До́ру, Евге́на, Силе́на и Она́ху.

После доклада Малыша и ознакомления с черновиками «Новейшего Завета» Карлсон пребывал в прекрасном настроении.

– Отличная работа, стажёр! Теперь, я думаю, нам абсолютно ясно, что пытаются замутить конкуренты.

Судя по некоторым лицам, ясно было не всем. Тогда Карлсон уселся на своё место и положил ногу на ногу.

– Напрягите извилины! Амир бормочет про какую-то технологию, позволяющую переносить сознание на цифровой носитель. Эта технология в настоящий момент не доступна ни нам, ни конкурентам. В процессе написания новая Библия… Ну! Сложите два и два!

– На лицо попытка внедрить в современный религиозный

дискурс новый псевдонаучный цифровой культ, – бесцветным голосом, как нечто само собой разумеющееся, произнёс Анахну.

– Бидьюк![38] – похвалил Карлсон. – И это вам не какая-нибудь секта. Это претензия на новую мировую религию! Давайте уясним, какой функционал у действующих лиц. Ваши соображения?

– Амир – технический руководитель операции, Бронфельд – теперь уже очевидно —подставное лицо, мессия́, – сказал Евген.

Видимо, у Малыша был сомневающийся вид, поэтому Евген пояснил терпеливо, обращаясь именно к стажёру:

– Я тебе как-нибудь расскажу о том, как было подготовлено рождение Иисуса… Его всю жизнь опекали. Помогли с профориентацией; владение пролетарской специальностью во все времена положительно сказывается на имидже общественного или политического деятеля, а именно к таковым можно и нужно относить всевозможных мессий́. Потом внушили, что он философ и сын божий – это несложно… Потом помогли добиться более или менее широкой известности, дали какое-то время позаниматься пропагандой новой философии, а потом – вуаля, пожалуйте на Голгофу, и копьё в печень! И всё это потому, что нужен реальный персонаж – так гораздо проще на начальном этапе получить первый круг верующих из числа живых свидетелей житий́ сына божьего. В последнее время они действуют проще – вербуют мессий́ из уже готовых, взрослых полусумасшедших, возьмите для примера любую секту или новую веру. У Бронфельда, опять же, сразу несколько рабочих специальностей в анамнезе, судя по его автобиографии.

– Категорически не согласен с нашим многословным коллегой, – перехватил инициативу на полуслове Анахну. – Бронфельд – летописец, апостол, не более того. Мессией должен быть этот да Си́льва, который придумал якобы как сознание переносить…

– Никогда! – обрубил Евген. Между ними чувствовалась какая-то конкуренция. – Он в бронфельдовской библии, которая в подражание Святому Писанию написана, как святой проходит – Сан Пауло. Раздел, ему посвящённый, – это же на «Житие святых» – пародия, а святой – это персонаж рангом ниже, чем мессия. Даже не апостол.

– Кроме того, этот персонаж скорее всего вымышленный, – вступил Карлсон. – Если бы такой великий учёный существовал, мы бы о нём знали. Не так ли, Буратино?

Тут все участники совещания услышали голос Буратино:

– Па́уло Оливе́йра да Си́льва. Родился в 1981 году. Доктор медицины, магистр математики. С 2020 по 2022 годы возглавлял

нейрофизиологическую лабораторию Лиссабонского университета. Уволен за несоответствие занимаемой должности и распространение антинаучных идей. После чего след его теряется. Нахождение в настоящий момент неизвестно.

– Сумасшедший учёный – прекрасная кандидатура на ключевую роль в цифровой религии, – уверенно констатировал Анахну.

После паузы заговорил Карлсон:

– А я бы не стал исключать и самого Амира как предполагаемого мессию. Я понимаю, это не типично для наших конкурентов – использовать собственных агентов в мессианской роли… Но почему бы и нет? Новые времена, новые методы, эксперименты…

– А чем Малыш – не кандидат на второе пришествие? – сказала до сих пор молчавшая Дора.

Все удивлённо уставились на неё.

– Брось, Дора, – попросил Карлсон. – Кто он такой? В этом облике его никто не знает. Никакой истории у этого персонажа… Чушь. Ещё один свидетель. Один из апостолов, быть может. Не более.

И подытожил:

– А ты, Малыш – большой молодец! Если продолжишь в том же духе, то очень скоро станешь агентом!

С трудом засыпая после такого насыщенного впечатлениями дня, Даниэль пытался представить, что это за конкуренты такие у Карлсона и его команды, для которых внедрить новую религию – обычное дело.

Глава 7.

Через пару дней позвонил Амир и назначил встречу у Бронфельда дома. Пообещал сюрприз.

На этот раз не было ни привычной выпивки, ни кальяна. Они просто разговаривали. И когда речь предсказуемо зашла о вечной жизни и божественных воплощениях, Малыш задал вопрос, который приготовил заранее:

– Послушай, Амир. А почему эти твои расчудесные арабские принцы прячут от всех технологию переноса сознания? Продемонстрировали бы научному сообществу, сделали бы достоянием общественности…

Бронфельд заметил скептически:

– Да-да. Потом получили бы патент и начали бы торговать бессмертием…

– Именно! – подхватил Амир. – И технологию, призванную изменить мир, постигла бы судьба какого-нибудь лекарства от рака. Она стала бы просто предметом спекуляции. Ты знаешь, например, сколько стоит курс Пульмозорила для полного излечения карциномы лёгких.

– Ну много, наверное…

– Много… До полумиллиона долларов! А знаешь, какова себестоимость этого количества препарата?

– Интересно.

– Вместе со всеми потрохами: затратами на разработку, на производственные мощности, на сырьё, электроэнергию, зарплату всех вовлечённых в производство и даже на рекламу. Ещё транспортировка и распространение по больницам Израиля. Готов?

Малыш кивнул.

– Пятьдесят долларов, Даниэль. Пятьдесят долларов… Наценка в десять тысяч раз. В этой наценке виллы, лимузины, яхты, вертолёты, самолёты, космический туризм и прочие элементы райской жизни нескольких семей соучредителей компании-производителя. Ещё устрицы, омары, чёрная икра, шампанские вина и коллекционные коньяки для владельцев компаний-посредников. А также откаты правительственным чиновникам заинтересованных стран, на которые они тоже могут позволить себе кое-что из вышеперечисленного.

– А как же оплата труда медперсонала, применяющего препарат? – напомнил дотошный Бронфельд.

– А за это, сладкий, медперсонал зарплату получает из государственного бюджета… Принцы же хотят сделать вечную жизнь доступной для всех, как воздух.

– Какие замечательные, бескорыстные принцы бывают, оказывается… Никогда бы не подумал! – восхитился Малыш.

Сюрпризом оказался разговор с «виртуальной обезьяной» по аудиосвязи. Это должно было стать ранее обещанным Амиром доказательством возможности виртуального существования после биологической смерти.

– Её зовут Лоло. Она может показаться странной, но не надо забывать, что она не совсем человек… – предупредил Амир, переключая канал связи на Даниэля. – Только не соглашайся сразу на игру в шахматы.

– Мы тебя оставим. В кафе посидим, – Бронфельд пошёл в спальню переменить домашнюю одежду на выходную.

– А с обезьяной поговорить тебе разве не интересно? – удивился ему в спину Малыш.

– Мы с Лоло старые приятели, мне надоело ей проигрывать.

– Привет, Даниэль! Я Лоло! – голос в динамиках был писклявый и резкий, совсем обезьяний.

– Привет, Лоло.

– Хочешь играть в шахматы?

– Погоди, не так сразу.

– Хорошо. Тогда расскажи о себе.

– Да не хочу я! Ты о себе расскажи.

– Я Лоло. Мне три года. Я была шимпанзе там, у вас, теперь я здесь. Здесь хорошо.

Я люблю играть в шахматы. Хочешь играть в шахматы?

– Пока нет. Как ты можешь доказать, что ты обезьяна?

– Я теперь не обезьяна! Здесь я – как ты.

– Что значит как я? Человек?

– Че-ло-век, – словно смакуя слово, произнесла Лоло.

– Хорошо. Тогда докажи, что ты человек.

Лоло подумала немного и спросила:

– Обезьяны умеют играть в шахматы?

– Наверное, нет.

– Я умею. Значит, я человек! – она весело и несколько диковато засмеялась с обезьяним подвизгом.

Малыш подумал, что такое определение человечности имело бы право на существование, если бы не одно «но».

– А машины? Машины тоже умеют играть в шахматы. Может, ты машина?

– Нет. Была шимпанзе. Боно́бо. Теперь человек. Не машина.

– Ты знаешь, что такое машина?

– Да. У машины колёса, она ездит. Лоло ездила в машине.

Малыш понял, что разговор зашёл в тупик.

Лоло снова засмеялась. Совсем не дико. И заговорила другим голосом: женским, приятным и интеллигентным.

– Я знаю, что машины не только ездят. Тебе пообещали разговор с обезьяной – я дала тебе поговорить с обезьяной. Давай теперь говорить по-человечески.

– Давай попробуем.

– Вот ты говоришь: обезьяна, человек… А действительно ли разница между нами столь велика? У обезьян есть общины. В общинах – вожаки, которые необязательно самые сильные, но обязательно самые хитрые. У вожаков – приспешники. Верхушка держит общину в страхе. У людей не так? Самки обезьян с большей готовностью спариваются с доминирующими самцами. У людей не так? Основная цель доминирования у самцов обезьян – получение привилегий при спаривании, самки же хотят получить

доступ к ресурсам общины, например к еде. Разве не то же самое творится в человеческом обществе? Обезьяна, чтобы казаться больше и значительнее, вздыбливает шерсть. Любовь к пушистым мехам разве не в обычае у людей?

– Всё, что ты перечислила, происходит, по-моему, у любых стайных хищных животных. Получается, что человек ничем не отличается не только от обезьяны, но и от волка или гиены. Или даже от муравьёв с некоторой натяжкой…

– Разве? Наверное, ты прав. А чем же, по-твоему, человек отличается от обезьяны?

– Да много чем! Анатомия, объём мозга, членораздельная речь, способность к творчеству…

– То есть ребёнок, родившийся с обезьяноподобным искривлением скелета или микроцефалией, – не человек? Глухонемой – не человек? Человек, неспособный к творчеству, – не человек?

Каждый из этих контраргументов можно было бы оспорить, но Малышу не захотелось этого делать; ему понравился их общий смысл…

В уме откуда-то всплыла фраза: «Это то, что отличает нас от животных!»

Он попытался вспомнить, к чему она могла относиться… Она могла характеризовать человека по-разному: как имеющего преимущество перед животным, так и наоборот. Люди не едят себе подобных. Люди способны к самопожертвованию. Но. Звери не убивают ради удовольствия. Звери не убивают из-за умозрительных понятий, таких как религиозная, расовая или классовая принадлежность… Но и из этого всего были исключения, которые ни фига не подтверждали правило. Каннибалы. Люди, неспособные на самопожертвование. Это как раз большинство людей – те, которые способны, скорее редкость. Кошка, играющая с умирающей мышью. Чёрные ворóны, заклёвывающие белую…

– Да-ни-эль! – нараспев позвала Лоло. – Ты завис?

Малыш встрепенулся.

– Да-да. Я здесь…

– Давай я тебе помогу. В своё время Дарвин заметил, что ментальные отличия между человеком и животным имеют не качественные, а количественные характеристики. У того и у другого есть и логическое мышление, и эмпатия, но у человека они выражены гораздо сильнее. И дело тут скорее не в объёме мозга, а в количестве нейронов в сером веществе. У самого глупого человека их в разы больше, чем у самой умной обезьяны… Но существование сознания в виртуальном мире

устраняет это различие. Неограниченный доступ к информации, огромные аппаратные ресурсы. Любое, даже очень примитивное сознание с помощью компьютерного при́вода можно разогнать до невероятных пределов…

– Ты что хочешь сказать, что и коза может стать человеком? – вдруг рассердился Малыш.

– Почему бы и нет? Здесь, как в игре, проходишь уровни. То, как я говорила с тобой вначале, – это уровень моего развития на втором месяце существования в виртуальной реальности. Сейчас я тут уже почти полгода. Представляешь, что будет дальше?

– Представляю…

Малыш подумал, что неспроста вспомнил козу; козья морда, вернее козлиная, является символом сатанистов… Если обезьяна может превратиться в человека, значит, человек может превратиться в бога. Но основополагающие инстинкты всех видов живых существ – это страх и жадность. И хотя пропасть между обезьяной и человеком огромна, между человеком и богом она ещё больше. Отягощённым эгоизмом и трусостью через неё не перепрыгнуть. Этот груз утянет вниз в Преисподнюю, и человек станет тогда Дьяволом, а не Богом! У Малыша мороз пошёл по коже.

– А представь, Лоло: бывшее стадное существо получает неограниченный доступ к информации… А рулят этим существом те же инстинкты, что и в реальной жизни. Не захочет ли это существо прибрать к рукам все виртуальные бананы? К чему это может привести при наличии огромных аппаратных ресурсов?

Лоло думала недолго.

– Боишься? А ты не бойся. Есть два способа избавиться от страха: первый – перестать бояться, второй – устранить причину страха. Так же, как есть два способа избавиться от жадности: первый – перестать жадничать, перестать желать, второй – получить всё. Здесь в виртуальном мире бояться нечего, это во-первых. А во-вторых, у меня есть всё, что пожелаю, как в сказке. И вообще… становится скучно. Может, уже сыграем в шахматы?

– А давай!

Они встретились в шахматном приложении под никами *Ódin2002* и *LóloBóno*. Даниэль выиграл без особого труда; жадная обезьяна абсолютно не умела противостоять предложенным ей жертвам.

«Слава богу, технологии переноса сознания не существует… А Лоло изображает какой-то неважный шахматист», – подумал Малыш.

Когда араб с Писателем вернулись, Даниэль попрощался с

расстроенной Лоло, пообещав ей возможность реванша. После чего поблагодарил Амира за забавное представление и поинтересовался, кому это может быть настолько нечем заняться, чтобы ради прикола изображать виртуальную обезьяну.

Амир был серьёзен как никогда.

– Ты действительно говорил с сознанием шимпанзе боно́бо, перенесённым в виртуальную реальность. Если бы ты хоть немного понимал в зоопсихологии, ты бы никогда не принял этот разговор за розыгрыш.

Глава 8.

Два последующих месяца Амир с Бронфельдом были очень заняты – дописывали Библию; гуляли и трепались они теперь втроём редко.

К таинству создания священных скрижалей Даниэль допущен не был, ему поручили другую работу. Амир объяснил, что первым этапом внедрения цифровой религии занимается компания *Another U*, о которой Даниэль наверняка слышал. Её задача – убедить мировую общественность в том, что виртуальная реальность может быть суперреалистичной и при этом гораздо привлекательнее настоящего мира. С этим игроделы справляются успешно. Теперь пришло время подключать следующий этап: популяризацию идеи обретения божественной сути посредством оцифровки сознания. Этим и должен заниматься сейчас каждый желающий человечеству совершенствования и процветания.

Даниэль завёл видеоблог в Интернете и, применяя свой богатый опыт, успешно набирал подписчиков. Поначалу эта деятельность вызывала у бывшего журналиста душевный дискомфорт – ранее он занимался продвижением совершенно противоположных идей. Но Очиповский убедил его в том, что шпион, прежде чем получить доступ к стратегической информации, должен немало сделать на благо противника. Или, иными словами, чтобы превозмочь зло, надо стать его частью.

Первой реакцией Даниэля на россказни Амира о вечной жизни был здоровый сарказм. Это была искренняя, правильная реакция, если бы он отреагировал по-другому – вот это и было бы подозрительно. Чтобы втереться в доверие, ему нужно было перейти от абсолютного отрицания к принятию и подвижничеству, причём постепенно, так, чтобы не вызывать подозрений. Малыш сделал это, разыграв своё «преображение» через общение с Лоло: притворился, как будто поверил в её обезьянье происхождение, а следовательно, и в возможность переноса сознания на искусственные носители.

Из разговоров с «бывшей бонóбо» Малыш много узнал о привычках и образе жизни карликовых шимпанзе. В частности, о том, что Франс де Вааль, главный специалист в мире по этому виду обезьян, говорил: «Они ведут себя так, как будто изучали «Камасутру», а в 2012 году получил Шнобелевскую премию за следующее «открытие»: бонобо могут распознавать членов своей группы не только по лицам, но и по виду анально-половой области.

Постоянно дуясь в шахматы, Малыш серьёзно подтянул свой уровень в этой игре. Лоло тоже заметно поднаторела: научилась распознавать ловушки и перестала принимать в жертву все фигуры подряд. Соперничать с ней стало по-настоящему сложно, Малыш подозревал, что тот, кто изображал виртуальную обезьяну, стал пользоваться подсказками компьютера.

И вот в конце августа его пригласили на некую встречу, которая, как он надеялся, должна была утвердить его положение среди провозвестников новой религии.

Было жарко. Жара была такая, что, казалось, домам было жарко. Их окна были наглухо закрыты три́сами (так здесь называют жалюзи́), чтобы не пускать внутрь солнечный жар. Если прислушаться, в душном воздухе можно было уловить мерное электрическое гудение от работающих мазга́нов (так здесь называют кондиционеры). Дома потели через их отводные трубки, из которых вода лилась прямо на раскалённый асфальт или камни мостовой, но в лужи не скапливалась – испарялась мгновенно. И даже ветер с гор, слабый и ленивый, был горячим. Он как будто прогревался, вея меж раскалёнными стенами Иерусалима.

Малыш ехал на трамвае в Старый Город, где ему была назначена встреча. В трамвае было хорошо. Мазган фурычил вовсю, приятно покачивало, в окне сменяли друг друга более или менее колоритные городские пейзажи. Так бы ехал и ехал, хоть вокруг Земли, лишь бы не выходить в эту геенну огненную…

У входа в подземелья города Давида[39] Даниэля встречал долговязый тип, которого нужно было опознать по жёлтой бейсболке.

– Что слышно о последнем заседании Кнессета? Когда наконец примут законопроект о запрете курения в черте города? – произнёс Даниэль пароль на иврите.

– Уже скоро, но курить запретят только по шабатам, – услышал он отзыв. – Следуйте за мной.

Тип нырнул в арку с табличкой «Система водоснабжения. Тоннель Езекии», ведущую в большой двор с навесом от солнца и

скамейками под ним. На входе в подземелье контролёр отсканировал протянутый ему долговязым стретчер, сняв оплату за вход. Железная лестница привела в обширное помещение, из которого расходилось несколько путей. Провожатый Даниэля выбрал тот, что вёл к системе водоснабжения, и минут пятнадцать они спускались по разным лестницам: металлическим, деревянным или просто вырубленным в породе. В одном месте прошли по помосту с прозрачным участком над узкой вертикальной шахтой, ведущей в бездну, – идти по стеклу было жутковато. После чего очутились в просторной каверне, в которой группа туристов смотрела голографический ролик о том, как три тысячи лет назад строилось это подземелье. За каверной их ждала небольшая комната, с одной стеной из металлической решётки, заросшей снаружи густой зеленью. От неё тянуло свежим воздухом, а сквозь листву просматривалось небо. Даниэль думал, что они уже глубоко под землёй, а на самом деле оказались в склоне холма под стеной Старого Города. В комнате висел плакат с текстом, предлагающим посетителям выбрать, каким путём дойти до Силоамского пруда: сухим или мокрым. Проводник велел Даниэлю снять обувь, и тот понял, какой из путей им предстоит.

Сначала они почти по пояс оказались в бурлящей холодной воде. Поток вырывался откуда-то из-под земли и устремлялся во тьму. Проводник включил фонарь. Они прошли по железной решётке, больно впивающейся в босые ступни, и оказались в тёмном коридоре с шершавыми стенами. Это, очевидно, и был тоннель Езекии. Сам тоннель оказался очень узким – двоим в нём было не разойтись. Течение здесь почти не чувствовалось, и прозрачная вода едва доходила до середины голени. После колючей решётки гладкое дно его было приятно. Они шли минут двадцать. Сначала потолок был в нескольких метрах над ними, но постепенно становился всё ниже, и в нескольких местах приходилось идти на полусогнутых ногах, ещё и наклонившись. Тоннель извивался, как будто его строители не были уверены в выбранном направлении. Наконец проводник остановился. Он постоял, прислушиваясь, потом наклонился и погрузил руку в воду. Вверху на стене появилась горизонтальная трещина, из которой пробивался оранжевый мерцающий свет. Трещина стала расширяться вниз, скрежеща камнем о камень, пока не образовался дверной проём с порогом чуть выше уровня воды.

Долговязый выпрямился и сделал руками приглашающий жест. Даниэль переступил через порог и оказался в невысоком, освещённом живым огнём коридоре. Проводник за ним не пошёл. Он приказал:

– Надень маску и иди.

Снова наклонился, и проём задвинулся.

Даниэль бросил на пол сандалии, которые держал в руках, и вставил в них ноги. Достал из рюкзака чёрную балаклаву, натянул на голову и зашагал вперёд. Факелы, прикреплённые к стенам, коптили и воняли так, что он невольно шёл всё быстрее и быстрее.

Коридор окончился тупиком. Даниэль внимательно осмотрел стены и даже ощупал их: никакого намёка на кнопку или рычаг. Но тут стена с приятным рокотом сама поехала вниз.

Даниэль оказался на пороге большого, вытесанного грубыми инструментам зала: метров пятнадцать в длину и в ширину и с потолком метров в пять. По периметру стояли напольные канделя́бры-мено́ры, по семь масляных светильников в каждом, в них трепетал живой огонь. В отличие от коридора пахло здесь очень приятно, наверное, масло в светильниках было ароматизировано.

В центре стоял трон – по-другому не скажешь. И канделя́бры, и трон благородно отблёскивали золотом. На троне восседал Амир, перед ним вокруг низкого каменного стола по кругу были расставлены белые пластиковые стулья, на большинстве из которых сидели люди. Всё это выглядело очень эклектично и напоминало заседание кружка анонимных алкоголиков, которое вёл тип с манией величия.

Странности сборищу добавляло то, что все кроме Амира были в масках. К Даниэлю обернулись: Бэтмэн, монстр-зомби, монстр-оборотень, просто какой-то монстр, пара карнавальных итальянских масок с длинными носами, кот или кошка и маскарадная бабочка с перьями.

Амир указал ему на один из свободных стульев.

С интервалами в пять минут в дверь вошли ещё трое: белый кролик, монстр-клоун и Сальвадор Дали. Над дверью располагался довольно большой монитор, на котором был виден коридор с факелами. Когда на пятачке перед дверью появлялся очередной участник маскарада, Амир впускал его; где-то в подлокотнике его трона прятался рычажок для управления дверью.

Когда все белые стулья были заняты, Амир заговорил:

– Итак, господа, мы наконец в сборе. Позвольте мне начать. С вашей помощью наш мир должен стать родиной ещё одной религии. Современной, актуальной, наукоёмкой, с настоящим богом. Той, которая поможет человечеству сдвинуться с мёртвой точки в духовном и технологическом развитии.

Последователям этой религии не нужно будет корчить из

себя святых, они смогут быть самими собой – обычными людьми со своими слабостями и недостатками. Им не нужно будет соблюдать десять заповедей, как у христиан, или шестьсот тринадцать, как у иудеев, – достаточно будет одной: приноси пользу обществу, не мешай жить другим и будешь жить вечно! И никакого ада. Ни при жизни, ни после завершения биологического цикла.

Все вы попали сюда не случайно. На протяжении двух месяцев вы и ещё сотни человек по всему миру занимались предварительным продвижением основ нашей религии. Вы новые двенадцать апостолов – те, кто показал себя лучше всех в этом деле: доносить до людей истину. Умеющие располагать к себе и вызывать доверие.

Ещё три месяца будете вы возвещать миру о пришествии нового мессии. И тот, кто станет лучшим из лучших, тот первым среди всех людей за все времена существования человечества обретёт вечную жизнь. У нашей религии ещё нет названия; оно будет образовано от имени того, кто победит в этом самом престижном состязании за всю историю – состязании за место бога.

Он сделал паузу. «Апостолы» зашевелились, задвигались, никто из них, как и Даниэль, по всей видимости, не ожидал ничего подобного.

– Победителя определит количество подписчиков на его канале в Интернете, – продолжил араб. – Всем будут выделены средства, достаточные для того, чтобы, не отвлекаясь на постороннюю деятельность, всецело посвятить своё время просвещению человечества. Вы вернётесь в свои страны и понесёте миру новую Благую Весть.

При этих словах в центре стола образовалось прямоугольное отверстие, в которое снизу выехал золотой поднос с двенадцатью книгами. На их кожаных чёрных обложках были оттиснуты надписи на разных языках. На одной из них, видимо предназначенной для Даниэля, по-русски значилось: «Новейший Завет».

– Разбирайте! – приказал Амир. – Но прежде чем взять книгу, нужно положить свою маску на стол, тем самым подтвердив готовность участвовать в состязании. В этом случае ваши лица станут известны без преувеличения всему человечеству. Вам больше не нужна будет конспирация – мы не играем в масонов или иллюминатов. Но подумайте, прежде чем принять это решение! Надеюсь, вы представляете, какие силы будут противиться пришествию нашего месси́и. Если не согласны или боитесь встать на путь пророка, то уходите, не снимая маски.

Все двенадцать масок легли на стол, и все книги были разобраны в течение минуты.

Даниэль ступил в подземную реку, позабыв снять обувь. Заметил это, лишь когда вышел из воды и сандалии его стали издавать чавкающие звуки. Ещё он заметил, что рюкзачок с его экземпляром «Новейшего Завета» он несёт не за спиной, не на плече, а крепко, обеими руками, прижимая к груди.

Часть IV. Агент.

Глава 1.

– Это будет очень длинный разговор, Малыш. Что бы ты подумал, если бы я сообщил тебе, что неандертальцы… Ты же знаешь, кто такие неандертальцы?

– Обижаете, Борис Ефимович…

– Хорошо. Так вот. Что, если б я сообщил тебе, что они не вымерли, а продолжают существовать параллельно с нами?

– Я бы решил, что вы, извините, гоните или собираетесь рассказать какой-то анекдот.

– Не хотелось бы тебя огорчать, но ни то, ни другое, Даниэль, к сожалению…

И Карлсон заговорил как заправский преподаватель, которому приходится из года в год повторять затверженный, набивший оскомину текст:

– *Homo neanderthalénsis* существуют гораздо дольше *Homo sapiens.* Самым древним обнаруженным останкам неандеров, как мы их называем для краткости, около полумиллиона лет, а самым старым костям *Homo sapiens idáltu,* или просто Идалту – человека разумного старейшего, – около ста шестидесяти тысяч. По данным официальной антропологии, последние неандертальцы жили около сорока тысяч лет назад и сосуществовали с *Homo sapiens sapience* – человеком современной анатомии – в течение пяти тысяч лет. На самом деле это не так, но вернёмся к этому позже…

Нужно понимать, что современные люди не являются потомками неандертальцев – наш общий совместный предок умер около миллиона лет назад. При этом у современных представителей европеоидной и монголоидной рас около двух процентов генов – неандертальские, у негроидов – до полупроцента, что говорит о том, что наши виды могли иметь совместное потомство, поскольку относились к одному роду – люди.

У неандертальцев была фора в несколько сот тысяч лет. За это время они заселили обширные территории в Европе и Азии. Научились делать орудия из камней и костей, шить одежду из шкур. Начали задумываться о мироустройстве и смысле жизни.

Проблемы начались у них с наступлением ледникового периода. До этого они занимали лучшие земли, а сапиенсы вынуждены были селиться в менее комфортных условиях. С

приходом холодов неандеры мигрировали в местности, заселённые кроманьонцами (ранними сапиенсами), чему последние были, конечно, не рады. Между видами началась конкуренция за еду и территорию в условиях сурового климата.

Здесь, в Израиле, в двадцати километрах от Хайфы есть две пещеры: Схул и Кафзех, в них были обнаружены кости обоих конкурирующих видов. Выяснилось, что эти пещеры несколько раз «переходили из рук в руки»: более ста тридцати тысяч лет назад там жили неандертальцы, последующие пятьдесят тысяч лет – кроманьонцы, потом ещё двести веков – опять неандертальцы, а затем вновь люди современного типа.

Неандертальцы были неплохими охотниками, но тут надо сказать о некоторых анатомических и физиологических особенностях, которые давали преимущества сапиенсам. Несмотря на то, что неандеры ниже ростом, чем мы, в среднем сантиметров на пятнадцать, они были физически мощнее – мышечная масса у них на треть больше. Кроме этого и мозг у неандеров больше, чем у нас. Казалось бы, сплошные преимущества, но парадокс заключается в том, что бóльшая масса тела и бóльший объём мозга требуют дополнительной энергии, а значит – больше пищи. А это очень сильно отягощает жизнь в условиях отсутствия сельского хозяйства и пищевой промышленности. Плюс к этому теменные и височные доли неандертальского мозга развиты хуже – отсюда слабые коммуникативные способности, бедная речь. Как следствие, племена неандеров были малочисленнее наших – им сложнее было уживаться друг с другом. Поэтому в битвах за территорию победителями выходили более организованные сапиенсы. А вот более развитые лобные доли добавили неандерам возбудимости и хитрости, граничащей с подлостью. Как следствие, неандеры большие эгоисты и совершенно не готовы к самопожертвованию ради сохранения своего вида. Что является ещё одним фактором, из-за которого они должны были исчезнуть с лица Земли.

Речь Бориса Ефимовича становилась всё более эмоциональной, к этому моменту он уже не мог усидеть в своём кресле, вскочил и начал ходить между камином и входной дверью.

– Они абсолютно бездарны в творческом отношении, опять же из-за особенностей строения мозга, но при этом любят потреблять предметы искусства. Вкуса у них нет, поэтому они, как сороки, тащат в свои сокровищницы всё блестящее.

По сути психологическая конституция неандеров – это истероидные психопаты с маниакальной акцентуацией. Эти хитрые, подлые твари легко идут на убийство себе подобных.

Тут Карлсон шумно вздохнул, снова сел в кресло и после паузы продолжил:

– Так постепенно, проигрывая конкурентную борьбу с *Homo sapiens* на поверхности, они стали зарываться под землю. Углублять и углублять свои пещеры и всё реже видеть солнце. В условиях нехватки пищи неандертальцы стали злоупотреблять каннибализмом. Причём добывать для пропитания своих сородичей было гораздо проще, нежели более организованных *Homo sapiens*… Позже они научились отлавливать сапиенсов, но уже для других целей: именно неандертальцы придумали рабовладение. До сих пор они похищают людей и тащат к себе. Наши женщины им нужны как инкубаторы для гибридов. Также у них самих нет ни художников, ни учёных – особенности их психики не позволяют им концентрироваться на чём-то одном достаточно долго. Лучше всего они роют землю…

Оказалось, что наступила ночь. Карлсон опять встал, подошёл к камину, взял из стойки кочергу и принялся шевелить тлеющие угли – огонь ожил, и лицо его, суровое и печальное, проступило из темноты.

– Легенды о гномах, троллях, кобольдах, нибелунгах и прочей нечисти, живущей в шахтах, – это про них. Сейчас там целые города с мощнейшей системой защиты от проникновения с поверхности. Оттуда, из-под земли, они вмешиваются в управление нашим миром и тормозят прогресс человечества любыми способами. Устраивают войны, запускают религии и эпидемии. Это они придумали деньги… Их политтехнологии постоянно совершенствуются. К началу третьего тысячелетия они перешли от зомбирования отдельных стран и народов к общемировому зомбированию. И всё это для того, чтобы ослабить человечество настолько, чтобы неандертальцы смогли триумфально вернуться на поверхность.

Огонь в камине погас окончательно, всё погрузилось во тьму.

– Пойдём подышим, – предложил Борис Ефимович.

Они вышли на террасу. Малыш молчал подавленно. Он одновременно и верил Карлсону и не желал принимать услышанное.

И тут тоскливо завыли сирены, по чёрному небу поползли светлячки ракет и зачертили перехватывающие их лучи лазеров. Когда ракеты взрывались, приглушенный гром долетал до земли, как при отдалённой грозе, через несколько секунд. Как обычно, в это время начался ночной ракетный обстрел территории Израиля.

Карлсон как будто любовался этим салютом.

– Вот тебе, Малыш, и наглядное пособие к лекции. Непрекращающийся почти век арабо-израильский конфликт –

тоже результат подрывной деятельности агентов Подземелья.

Когда они вернулись к камину, Борис Ефимович похлопал Даниэля по плечу.

– Ты проделал отличную работу. Стал апостолом новой религии и практически двойным агентом. Пора тебе наконец узнать об организации, на которую ты работаешь. Называется она Всемирная Служба по контролю подземной угрозы…

Они просидели до глубокой ночи, Карлсон подкидывал дров в огонь и рассказывал, потом отвечал на вопросы Малыша и снова рассказывал.

О том, что штаб-квартира ВСКПУ базируется на Кубе. Гордое «по контролю» в названии сохранилось ещё с советских времён, когда служба действительно могла что-то контролировать. Теперь честнее было бы поменять «контроль» на «сопротивление», но этих динозавров в штабе разве убедишь…

Что почти во всех странах есть собственные подразделения ВСКПУ. Иерусалимский филиал израильского подразделения возглавляет он, Очиповский Борис Ефимович, оперативный псевдоним Карлсон. А книжная лавка выбрана им для прикрытия как дань традиции – ностальгии по тем временам, когда информация хранилась на бумаге. На сегодняшний день этот род деятельности гарантирует не слишком большую посещаемость заведения – оперативной работе это только на пользу.

О том, что у Подземелья существует служба-антагонист ВСКПУ – Неандертальский Разведывательный корпус, сокращённо НРК. И что в последнее время отмечается явная активизация неандертальской активности на Поверхности и аналитики ВСКПУ подозревают, готовящуюся глобальную диверсию, возможно, имеющую своей целью уничтожение *Homo sapiens* как вида.

Прощаясь с Малышом, Карлсон с чувством стиснул ему руку.

– Привык я к тебе… Да и некоторые будут недовольны, что им придётся вернуться к обязанностям продавца. Ну что ж… как говорится, «Хаваль аль а’зман». Ребята расскажут тебе о неандерах поподробнее, пока ты в апостольскую келью свою не съедешь.

Малыш задержался на пороге.

– А что вы, Борис Ефимович, думаете по поводу бессмертия?

Карлсон нахмурился.

– Бессмертие – оно, конечно, штука полезная, но мы к нему пока не готовы ни морально, ни материально. Это неандертальские выдумки для продвижения, возможно, самой опасной для нашей цивилизации религии. Не огорчай меня лишними вопросами и иди спать спокойно.

Глава 2.

На следующий день, ближе к полудню, в торговый зал спустился Евген.

Он стал ходить между полками, вытаскивать и листать книги. На место он их не ставил, запихивал как попало, некоторые просто клал горизонтально на книжный ряд. В конце концов сунул себе под мышку том с «Илиадой» и «Одиссеей». Подошёл к прилавку, за которым сидел несколько раздражённый Малыш – ему теперь предстояло навести порядок на разворошённых полках.

Евген не нравился Даниэлю: некрасивый, дёрганый, чересчур ироничный, явный мизантроп, с неприятным, бегающим взглядом. Он бухнул книжку прямо под нос продавцу.

– Помнишь, с чего там всё началось?

– Привет, Евген, – намекнул Малыш на то, что по правилам хорошего тона для начала не мешало бы поздороваться.

– Привет-привет, – досадливо пробормотал Евген, не глядя в глаза. – Смотри. Эриду, богиню раздора, не позвали на праздник – это ж догадаться надо! Вот вам и яблоко с надписью «Прекраснейшей», вот вам и суд Париса. Вот вам взятка от богини: Афродита обещает Парису любовь прекрасной Елены. Мужней жены, заметьте! И не чьей-нибудь, а Менелая – царя Спарты на секундочку… И вот вам десять лет осады Трои: кучи трупов, тысячи здоровых мужиков, оторванных от радости созидательного труда, штабеля стройматериалов, потраченных на гигантскую статую лошади…

Малыш подумал, что в своё время у себя там, в тель-авивском университете, преподавателем Евген был неплохим: материал, во всяком случае, подаёт необычно.

Евген продолжил, дав слушателю переварить информацию:

– Так вот, Эриду одна неандертальская шпионка изображала, а Афродиту – другая. С древнейших времён почти любая война начинается с подачи неандертальцев. От разборок между африканскими племенами из-за раздела охотничьих угодий до конфликтов между мировыми державами. Занимаются этим специально обученные шпионы, диверсанты и провокаторы в тесном сотрудничестве с предавшими и продавшими свой народ правительственными чиновниками.

Агенты неандертальцев воспитываются и обучаются в специальных академиях под землёй, куда они попадают в ясельном возрасте. Как правило, это потомки сапиенсов с разной степенью примеси неандертальской крови. У неандертальцев существует целая наука о смешении крови двух видов *Homo*, они

называют её «гибридология».

Метисы[40] сильны и кровожадны – это чаще всего боевики. Удачная смесь, вобравшая в себя плюсы той и другой наследственности, даёт совершенного воина – могучего, как неандерталец, и ловкого, как сапиенс. Квартероны неандертальца храбры, стойки к пыткам и коварны. Из них получаются отличные военачальники и прорабы. Квартероны сапиенса – самые сильные и выносливые воины, правда, с потерей скорости и ловкости по сравнению с метисами, зато преданные и бесстрашные до безрассудства…

– Погоди-погоди, – попросил Малыш. – квартерон неандертальца, квартерон сапиенса…

– Ну что тут непонятного?! – тут же рассердился Евген. Малыш подумал, что, наверное, всё-таки студентам было с ним не просто. – Квартерон неандертальца – это когда четверть их крови, три четверти нашей. Дедушка у него неандерталец. Квартерон сапиенса – наоборот. Понял? Я могу продолжать?

Малыш кивнул.

– Спасибо! Октороны неандертальца умны и похотливы. Часто красивы. Самые лучшие шпионы и боги…

– Боги? – переспросил Малыш.

– Боги-боги. Про Эриду с Афродитой помнишь? – Евген похлопал по то́му ладонью. – Об этом позже… Октороны сапиенса практически не отличаются от «чистых» неандеров. «Высшая гибридология» изучает наследование признаков по материнской или по отцовской линии (видите ли, для метиса не одно и то же, кто у него мама, – неандерталка или женщина *Sapiens)*, а также различные гибриды гибридов, там вообще сам чёрт ногу сломит. Про гибридологию, пожалуй, хватит…

У рабынь с сапиентной кровью детей отбирают сразу после родов и отправляют на сортировку, а после в профильные детские дома, где воспитывают различных военных и гражданских специалистов. Чистокровные неандеры растут в семье и, по достижении зрелого возраста, входят в правящую элиту. Неудачные гибриды, уроды, мутанты отбраковываются и либо становятся рабочей скотиной – «гномами», либо, если вообще ни на что не годятся, уничтожаются…

– Как так «уничтожаются»?!

– А вот так. И очень просто. Как в древней Спарте…

Евген помолчал, то ли нахлынули собственные мысли, то ли дал передохнуть слушателю.

– Среди их диверсантов часто попадаются гибриды с преобладанием неандертальской крови и даже «чистые»… Их можно вычислить по акценту: они немного в нос говорят, и у них

проблемы с произношением букв «Л» в твёрдых слогах и «Р» в любых, они обе у них на «В» похожи – следствие особенностей строения речевого аппарата. Это тебе надо будет с Силеном поговорить. Он у нас наполовину неандерталец, между прочим… Перебежчик.

У Малыша брови поползли вверх.

– Что-то я не слышал у него этого акцента.

Евген хмыкнул.

– Внимательно послушай его историю о том, как он попал к нам – Силен с удовольствием её расскажет, – и ты всё поймёшь… Итак. Кроме войн, ослабляющих, разоряющих и разобщающих человечество, есть у пещерных мерзавцев ещё одно оружие массового поражения – это религия, которая, очевидно, сама по себе прекрасный повод для войн. И если война больше тормозит материальный прогресс, то религия – духовный: и в культурном и в научном аспекте. Вернёмся к древнему примеру, – Евген открыл Гомера, полистал рассеянно и, по всей видимости, не найдя того, что искал, оставил книгу раскрытой на гравюре с двумя воинами в гребенчатых шлемах и лесом копий за ними. – Как ты, я надеюсь, уже понял, роли древних богов, египетских и греческих например, играли люди – гибриды сапиенсов и неандертальцев. У них там под землёй даже школа была специальная, актёрская, с двумя «божественными» факультетами: египетским и греко-римским. Сценариев и догм тогда не было; боги эти постоянно импровизировали, были взбалмошны и, мягко говоря, неидеальны. Внешне попадались вполне приличные экземпляры: красивые, как сапиенсы, и мощные, как неандертальцы. Ну и либидо, как у кроликов. Поэтому у южно-европейских народов процент неандертальских генов в крови сейчас самый высокий. Но внутренне… Эгоисты, маньяки, садисты. Типичные неандертальские выродки… Поэтому и растеряли они уважение и веру в себя. И на смену политеизму пришёл монотеизм.

Евген захлопнул Гомера и демонстративно отодвинул книгу в сторону.

– Оди́н идеальный бог, которого и не видел никто. Источник благости, любви и справедливости, мудрый и всевидящий, и так далее, и тому подобное по тексту…

Первую попытку предприняли через Нефертити, которая была неандертальской седецимионкой, то есть прапрадедушка её был неандерталец. Эта египетская Мата Хари была любимой женой фараона. Она внедрила в сознание мужа страстное, трудно мотивируемое желание упразднить всех богов кроме Атона. Он даже имя поменял: был Аменхоте́п, то есть «Амон доволен», а стал Эхнато́н – «Полезный Атону». Но попытка провалилась.

После смерти Эхнатона его нововведения были отменены, а имя его предано проклятию и забвению.

Тогда к вопросу подошли более системно. Для начала решили всё упростить и конкретизировать. Кто-то догадался разработать сценарий, который расписали с самого́ основания Мира. И авторов неплохих где-то взяли, – он процитировал нараспев: – «Вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою». Непонятно, правда, откуда там вода взялась…

Историю иудейского народа переписали задним числом, ввели якобы исторического персонажа Моисея с непростой и довольно интересной судьбой. Прямых последователей Моисея оказалось немного. Дело в том, что авторами священных писаний становятся чаще всего евреи, и в качестве гонорара за свой труд кроме прочего они выторговали возможность в рамках нового учения сделать свой народ богоизбранным. Чем они думали – непонятно, так обособляя и возвышая евреев; в итоге обрекли своих потомков на страдания и гонения вечные. Но в общем проект оказался более чем успешен. Авраамические религии[41] получили распространение по всему земному шару. Христиане различных концессий сейчас составляют треть народонаселения планеты, мусульмане – почти четверть.

На третьем месте индуисты, их пятнадцать процентов, однако их религия вторична; азиатские отделения неандертальского Управления Верой и Правдой получили удачно обкатанную на Ближнем Востоке и в Европе модель Ветхого Завета в качестве образца для написания своих скрижалей.

– Погоди, Евген, что-то не сходится… – остановил его Малыш. – Треть, плюс четверть, плюс пятнадцать процентов… – он задумался на секунду, – уже семьдесят три процента. А сколько же остаётся на атеистов?

Евген усмехнулся.

– А ты верующих китайцев посчитал? У них своя тема… А буддисты? А сикхи? А собственно иудаисты? И прочая, прочая, прочая… Есть ещё куча нетрадиционных и новых религий… Атеистов, дружок, три процента.

– Как три?! – Малыш выпучил глаза. – В двадцать первом веке?

Казалось, Евген сам расстроился.

– Неким утешением является то, что четвёртое место после индуистов занимают колеблющиеся, то есть агностики – их процентов десять. И ещё то, что за последние пятнадцать лет доля неверующих увеличилась в полтора раза. Это, кстати, вызывает огромное беспокойство под землёй. Много голов полетело с плеч

в прямом смысле этого слова. Там до сих пор рубят головы. Это высшему эшелону, гибридов же варят живьём – отсюда все эти россказни про геенну огненную. Мы отвлеклись…

За тысячу лет ветхозаветное умозрительное божество на фоне развития наук и искусств стало вызывать всё больше сомнений в своём существовании. Кроме того, закончился очередной этап передела территорий и постоянных войн. Призыв «око за око», то есть к войне и убийству, стал не так актуален. Он уступил место востребованной временем рекомендации подставлять щёки, буде кому захочется их потрепать – покорность и смирение стали новым божественным императивом.

Сначала, конечно, было слово – написали новый сценарий. Чтобы не конфликтовать с предыдущей, весьма успешной, версией веры, решили её дописать, сделать, так сказать, сиквел – Новый Завет. Людям дали живого Бога. Его воспитали из числа обыкновенных наземных сапиенсов, чтобы был он буквально «по образу и подобию», чтобы свой в доску. Рождение будущего мессии обставили очень основательно. Зачатие бога-сына, знаменующее собой мост между Ветхим и Новым Заветами, действительно было непорочным. Такая технология уже давно использовалась в Подземелье: для разведения своих ублюдков неандертальцы осеменяли рабынь своих как коров – не до всех у подземных владык, так сказать, руки доходили.

Историю с избиением младенцев скопипастили с истории Моисея – добавили драматизма с помощью спекуляции на детских страданиях и смерти. Только в первый раз всё это было не по-настоящему – просто миф, а вот через тысячу лет убивать реальных младенцев Ироду помогали метисы из свежесформированного Христианского отряда арамейского отделения неандертальского Управления Верой и Правдой. Волхвов сыграли самые даровитые артисты Подземелья. То, что всё это было спланировано, косвенно подтверждается некоторыми внутренними документами различных диверсионных и разведывательных групп Подземелья, попавшими в наши руки: они датированы годами с первого от Рождества Христова до тридцать третьего.

– Да-да! – воскликнул погребённый под свалившейся на него информацией Малыш. – Вот я и хотел спросить: откуда известна вся эта альтернативная история?

– Во всех филиалах нашей Службы во все времена имелся свой летописец. В современном Израиле и Палестине, например, это ваш покорный слуга, – Евген слегка наклонил голову.

Когда он ушёл, Гомер остался лежать на прилавке, являя собой символ наивности и добродушия древнего многобожия.

Глава 3.

Вечером Даниэль застал Силена в подвале, в тренажёрном зале. Гибрид неандертальца почти каждый вечер проводил там часа по три, Малыш заходил туда пару раз в неделю после работы размяться и побить грушу.

Силен лежал на скамейке и жал от груди штангу, гриф которой прогибался от тяжести навешенных на него блинов. Малыш прикинул общий вес – 245 килограммов вместе с замками. Раньше он изумлялся огромной, чемпионской силе Силена, но теперь она объяснялась его неандертальским происхождением.

Медленно подняв штангу в очередной раз и увидев Малыша боковым зрением, Силен сдавленно бросил:

– Помоги!

Малыш быстро встал у него за головой и приготовил руки, чтобы подхватить гриф. Следующий повтор Силен сделал сам, дугой выгнув спину. Шумно попыхтел и снова опустил штангу себе на грудь. Она пошла вверх, но остановилась на полпути, Малыш протянул было руки, но Силен мотнул головой. Жилы на руках и низком лбу его, казалось, сейчас лопнут. Глаза под мохнатыми бровями лезли из орбит. По сторонам широкого, не раз поломанного носа вздувались и опадали могучие ноздри. Заросшее клочковатой бородой лицо тряслось. Штанга звенела, но не двигалась вверх ни на миллиметр. Тогда атлет резко опустил штангу, да так, что затрещали рёбра. Снаряд отпружинил от грудной клетки и Силен с диким, животным стоном дожал его до верха. Малыш подумал, что теперь он поставит штангу в стойку, но… она снова пошла вниз. И снова встала на полпути к рогаткам. Теперь оскаленный Силен чуть кивнул, Малыш подставил ладони под гриф и тихонько потянул вверх. (В самый первый раз, когда он бросился помогать слишком рьяно, получил выговор и тяжёлый удар ребром ладони по четырёхглавой мышце бедра, от которого нога на несколько минут онемела). Силен снова взвыл. Штанга плавно поднялась над рогатками и с грохотом и лязгом бухнулась в них.

Амбал рывком встал и принялся прохаживаться по залу, шумно дыша и потряхивая руками. Он был немного ниже Малыша, но чрезвычайно широк. Везде. В плечах, в талии, в тазу. Как знаменитая статуя Геркулеса.

– Силен, можно тебя кое о чём спросить?

– Валяй, – буркнул тот, цепляя на тяжелоатлетический пояс три блина по двадцать килограмм.

– Расскажешь, как ты стал перебежчиком? – Малыш решил

начать с самого интересного.

Силен тяжело взглянул на него.

– Я не любитель чесать языком, тем более на эту тему.

– А Евген сказал, что ты с удовольствием это расскажешь, – искренне удивился Малыш.

– Сука твой Евген, – проворчал амбал и полез на брусья.

– А Карлсон сказал, что я могу спрашивать обо всём, что захочу! – решился на блеф Малыш, когда Силен закончил подход.

– Ну если Ефимыч так хочет… – Силен тяжело вздохнул и сел на скамейку, не снимая пояса с отягощением. Малыш присел на сиденье блочного тренажёра. – Если можно так сказать, меня явили свету под землёй. Мамы своей я не помню, меня отняли от неё в два месяца. Так поступают они с потомками сапиенсов. Всего шесть эпизодов, когда я мог видеть своего отца, и ни одной беседы. Он большой начальник там, в Подземелье – у него десятки детей…

Нас, мальчиков и девочек метисных и иных смесей, начали готовить к шпионской деятельности с двух лет. Мы учились калечить и убивать одним пальцем. Использовать любые ножи, сабли, мечи, копья, пистолеты, винтовки, автоматы, пулемёты и пушки. Бомбы, мины, динамит, ТНТ и иные ВВ. Бегать как пуля, быть в воде как дельфин. Водить земные, надводные, подводные и воздушные машины. Составлять и отгадывать тайные письмена. Обходить коды, запутывать защитные и сигнальные системы. Быть увлекательными для людей всех сексуальных идентификаций. Обманывать и читать мысли. Эффективно пытать и пользоваться ядами…

Малыш помнил совет Евгена: слушать Силена внимательно, тогда станет ясно, как он скрывает неандертальский акцент. Так он и делал… и вот только тут до Малыша дошло. Слово «увлекательным» в данном контексте резануло слух. Он радостно закричал:

– Я понял! Ты совсем не используешь ни «Р», ни твёрдую «Л»! Как ты это делаешь?!

Силен скромно улыбнулся. И снова полез на брусья.

Отдышавшись после подхода, продолжил:

– В подземной школе нас учили меньше чесать языком, а ещё избегать шибболетов – то есть лексем, выдающих акцент. За использование «ненужных» букв били током. Так вот самое важное, чему нас учили, – это любить и защищать людей Подземелья и ненавидеть живущих под настоящим небом.

Но я не такой как все. Я не мог не замечать обмана и фальши. Если все остальные велись на эту гниль – я нет! Чтобы мы знали вас, тех, с кем нужно воевать, нам показывали ваши фильмы,

давали читать ваши книги. Я постиг вашу суть, вы хотите любви, а не войны. Наши же мечтают только об одном: вылезти на свет божий и замочить всех сапиенсов. А я не мог постигнуть и взять в душу концепцию жизни Подземелья. Высшая этика сапиенсов учит, что любая осознанная жизнь священна. Наша же убеждает, что для оптимального существования подземного сообщества убивать можно и нужно – может быть, это и честно, но неидеально… Я не мог понять, как большинство может не видеть этого. Почему таких, как я, единицы?

Как настоящий диссидент, я не мог думать ни о чём, только о побеге. Под землёй таких вычисляют и наказывают, но я мог быть очень тайным…

– Извини, Силенчик, а ты можешь говорить не напрягаясь? «Мог быть очень тайным»… Кошмар какой… От меня-то ты зачем шифруешься?

Силен усмехнулся.

– Хочешь свышать наш акцент? Пожавуйста… Но знаешь, что я хочу сказать тебе, пвиятель, за ввемя моего обучения, чевез мой овганизм пвопустили мегаватты элективичества, и мне говаздо пвоще обходиться без этих пвоклятых букв. Каждый ваз, когда я пвоизношу их, меня как будто током дёвгает.

– Но ведь именно потому, что вы эти буквы не используете, вас и можно вычислить.

– Поэтому я и быв дивевсантом, а не везидентом. У гибвидов с меньшей долей неандевтальской квови это косноязычие почти незаметно. Анатомической особенности у них нет, есть только «подземный» акцент, от котового многие почти избавляются.

Подбирать слова он действительно стал медленнее, а потом и вовсе снова перешёл на «диверсантский». Силен открыл Малышу такую фишку: чтобы расколоть неандертальского шпиона, надо вывести его из себя, а для этого проще всего нелицеприятно высказаться про его папу. Воспитанники Подземелья могут не знать свою мать, но, кто их отец, знают обязательно, чтут его и гордятся им. Иногда достаточно сказать, что папа его хилая обезьяна, которая под землёй может оказаться только после смерти. Можно ещё сильно напугать. Вот тогда и будет вам «В» вместо «Л» и «Р» и характерное произношение в нос…

– Силен, такое ощущение, что ты уводишь меня куда-то в сторону, – заметил Малыш с нажимом.

– О'кей. Давай только хоть немного заниматься. А то зачем в зале находимся? – Силен жестом прогнал зануду с тренажёра.

Малыш для разминки принялся руками и ногами охаживать грушу. Силен стал прорабатывать переднюю дельту. Стандартного отягощения для него не хватало, и он с помощью

цепи примотал к стопке чугунных обрезиненных плит две двухпудовые гири. После четырёх подходов Силен вернулся к своей истории.

– Заданием нашего отделения назначили уничтожение одной большой электростанции, после чего значительная часть Земли обетованной становится обесточенной. Потом вину за это возьмёт на себя Талибан – нужен повод для нового военного конфликта на Ближнем Востоке. Мы попали в вээскапэушную засаду на станции. Убили всех, только я смог выжить. Ефимыч помог мне остаться в команде.

Силен замолчал и стал цеплять на гантели блины от штанги. Потом встал перед зеркалом и начал поднимать гремящее железо на уровень плеч.

Малыш почувствовал себя обманутым.

– Это всё?! Что значит «помог»?

– Об этом всё! – жёстко поставил перед фактом Силен, только когда закончил подход. – Ефимыч сам пускай эту тему мучает, если хочет! Ко мне есть ещё что-то?

Малыш хотел было обидеться и уйти, но передумал.

– А откуда под землёй берутся женщины *Homo Sapience*? Твоя мать, например.

– Давай тогда так: я отвечаю – подход, отвечаю – подход. И ты тоже не сиди! Вон какой доходяга.

Малыш согласился.

Оказалось, в Подземелье есть фермы по разведению гибридов. Периодически для «освежения» крови лазутчики похищают женщин с Поверхности: большинство случаев пропажи женщин и девочек – их заслуга. Мужчин они тоже, конечно, похищают, но реже; в основном учёных и прочих ценных специалистов.

Ещё метис рассказал про старинное неандертальское средство, делающее любую женщину покорной и страстной. Как птенец, который принимает за мать существо, увиденное первым после того, как вылупится из яйца, так и женщине, опоённой средством, любой, даже самый уродливый и недалёкий, самец становится желанным мужем. Отсюда, кстати, сказки о вампирской неотразимости и приворотном зелье. Однако средство это применяют только для привлекательных женщин, от которых потомство хочется получать естественным образом. Остальных осеменяют искусственно. Бедняжки рожают каждый год. Обычно женщина успевает родить больше двадцати детей за жизнь.

И ещё многое рассказал бывший житель Подземелья в перерывах между упражнениями. О том, что «чистые» носят

жёлтые одежды, метисы – голубые. (Отсюда, кстати, выражение «голубая кровь», просочившееся на Поверхность). У квартеронов одежда, если у них больше неандертальской крови, синяя; если сапиенсовской, – красная. Чистые сапиенсы носят чёрные робы. О том, что из десяти детей, попавших в шпионскую школу, до её окончания доживают четверо, а на выпускном экзамене курсант должен похитить и голыми руками убить сапиенса с Поверхности. О том, что продолжительность жизни рабочих не превышает пятидесяти-пятидесяти пяти лет, а когда они умирают, из них делают удобрения для подземных теплиц и оранжерей.

Глава 4.

На следующее утро Малыш поднялся с постели с трудом. После вчерашней тренировки в организме болели все мышцы, кроме жевательных – оказалось очень кстати, что сегодня магазин открывать было ненужно.

Была пятница. А в современном Израиле образца 2036-го года по пятницам не работало ничего, кроме кондиционеров. Как будто наступил апокалипсис после бомбардировки нейтронными бомбами: дома стояли невредимыми, но жизни вокруг не наблюдалось. Ортодоксы[42] уже лет десять назад протащили в Кнессете законопроект о запрете любой некашерной активности в дни, когда «заходит и выходит» Шабат[43]. Ранее этот запрет не касался верующих других конфессий и безбожников, но парламент Израиля посчитал, что его несоблюдение является проявлением неуважения к религиозным чувствам большинства населения страны. Максимум, что мог позволить себе в пятницу благочестивый иудей, – это пешком дойти до ближайшей синагоги.

Малыш всю пятницу оставался дома. Он то сидел в антикварном кресле-качалке у окна, то бултыхался в ванной и предавался размышлениям. Информация, свалившаяся на него в последние несколько дней, требовала серьёзной обработки.

Вся эта история с неандертальцами, живущими по сию пору в Подземелье, представлялась фантастической, но в то же время расставляла всё на свои места. В самом начале своей журналистской карьеры Максим задался вопросом: почему так медленно развиваются земные технологии? Почему целые тысячелетия прошли между появлением колеса и велосипеда? Почему изобретённая и опробованная задолго до нашей эры демократия была забыта на многие и многие века? Почему древние религиозные культы до сих пор помогают управлять государствами? Почему почти за восемьдесят лет полётов в

космос люди не ушли дальше ближайшей к Земле планеты? Сколько ещё понадобится времени, чтобы человечество поняло, что война – это самый непродуктивный и дикий способ решения межгосударственных проблем? Посвящённую этим вопросам статью он тогда закончил выводом: весь этот идиотизм и мракобесие могут твориться только вследствие какого-то чужеродного, антигуманитарного умысла… И вот Карлсон со товарищи указали ему на истинный корень проблем цивилизации.

А с другой стороны… что если всё это сказки? Как было бы удобно списать все косяки человечества на козни неких реликтовых упырей, населяющих таинственное Подземелье! И не просто другой нации или вероисповедания, а другого биологического вида – лучший триггер для ксенофобов. Неандертальцы даже хуже инопланетян; те не имеют к человечеству ничего личного, им лишь бы ресурсы отобрать. А эти… старинные, природные враги, мечтающие отомстить за потерю планеты, ранее принадлежавшей им безраздельно. Очень полезный «внешний враг» – он всё оправдает, всё спишет. И если задуматься, эта сказка не более фантастична, чем многие официальные исторические теории…

Но постойте! Существование неандертальцев тщательно скрывается как ими самими, так и организацией, призванной с ними бороться. Никто же не пытается, основываясь на факте их присутствия на планете, отвлекать народные массы от экономических и социальных проблем или выстраивать милитаристскую пропаганду. Зачем тогда нужно было выдумывать эту подземную угрозу?

На самом деле особых сомнений верить или не верить ВСКПУ не возникало. Состоялось же бескорыстное спасение Максима Одинцова из лап мрачного Профессора и превращение его в Даниэля Альтмана. Единственными понятными мотивами сего поступка могли быть либо человеколюбие, либо сомнительная полезность бывшего журналиста для его спасителей – в любом случае это хорошо их характеризует и вызывает доверие…

Ближе к вечеру в дверь постучал Карлсон.

– Ну что, Малыш, пора принимать взрослые решения! – заявил он, переступая порог и прикрывая за собой дверь.

Используемая в таком контексте инфантильная кличка неприятно кольнула ухо Даниэля.

От кофе и прочих напитков шеф отказался – явно куда-то спешил.

– Будем считать, что стажировку и ускоренную теоретическую

подготовку ты прошёл успешно. Если ты согласен стать действительным агентом Службы по контролю подземной угрозы, тебе надо будет дать клятву. Это необходимо для дальнейшего сотрудничества с организацией и расширения доступа к информации. Вот текст клятвы.

И хотел уйти, но Малыш остановил его вопросом:

– Борис Ефимович, я вчера с Силеном говорил. Он наотрез отказывается рассказывать, как попал в вашу команду…

– Это он из скромности. Он скрутил меня в бараний рог, несмотря на то что я был в режиме. Отобрал пистолет. Я уже думал: «Всё…» А он меня отпустил, отдал оружие и говорит: «Или убейте, или возьмите меня к себе».

Карлсон вышел.

Малыш хотел было броситься ему вслед с уверениями, что ему не нужно никакого времени на размышление и что он готов дать любую клятву немедленно. Но что-то удержало его…

Он решил ознакомиться с текстом. На листке, который вручил ему Карлсон, было отпечатано следующее:

> ***Клятва агента ВСКПУ***
>
> *Я, Даниэль Альтман, он же Малыш, он же Óдин, урождённый Максим Одинцов, вступая в ряды Всемирной Службы по контролю подземной угрозы, перед лицом своих товарищей по борьбе клянусь:*
>
> *Отдать всё до последней капли крови и самою́ жизнь на благо и процветание земного человечества. Нещадно уничтожать врагов его, если того потребуют обстоятельства.*
>
> *Свято хранить тайны организации даже перед лицом пыток и смерти.*
>
> *И если я по малодушию или злому умыслу дрогну в бою, оставлю товарища без помощи или выдам тайну людям Подземелья, – пусть позор и презрение станут моим уделом до конца дней и пусть рука товарищей смертью покарает клятвопреступника.*

Жёстко… «Пытки», «смерть», «покарает» и прочие страшные слова. У него даже волосы на руках дыбом встали. Чисто рефлекторно подписываться на это не хотелось. Но если существует такая непримиримая, извечная борьба видов за выживание, должен же он занять чью-то сторону!

Или не должен?

В бытность свою Óдином, редактором веб-портала *InfoOdin*,

он сам говорил своим сотрудникам, что в любом конфликте врут всегда обе противоборствующие стороны, стараясь обелить себя и демонизируя противника. Журналист, как и любой адекватный индивид, должен это понимать и занимать свою собственную, независимую позицию.

Чёртова клятва!

Ладно! В конце концов это только слова…

В крайнем случае… Карлсон сам сказал, что Малыш и так уже стал двойным агентом…

Он взял свой фолдер и отправил Карлсону сообщение: «Борис Ефимович, я готов!» Ответ пришёл через пару минут: «Поднимись ко мне в 23:00».

Пламя хоть и полыхало ярко, но освещало лишь небольшой пятачок перед камином. Ана́хну, который впустил Малыша, отошёл в угол комнаты и весь растворился во тьме, только глаза посверкивали. Остальные выглядели в этом свете как совет первобытного племени у костра. Особенно органично смотрелся кажущийся совсем первобытным лик Силена. Черты лица Евгена как будто заострились и стали необычайно суровы. Дора была дико прекрасна при любом освещении. Малышу показалось, что она улыбнулась ему. Как и подобает вождю, Карлсон восседал на своём троне. Он молча указал на место перед камином. Малыш встал туда. Он ожидал, что будут какие-то речи или пояснения, но вместо этого Карлсон встал на ноги и приказал:

– Читай!

Все, кто сидел, тоже встали.

Малыш прочитал, скорее угадывая буквы, чем различая их в красном мерцании. Прозвучала клятва достаточно уверенно и даже торжественно.

Стало тихо. Только камин потрескивал.

– Подписать что-то? – не выдержал Малыш.

– Конечно! Кровью, – мрачно изрёк Евген.

– Ничего подписывать не нужно. Брось листок в огонь, – без всякого пафоса сказал Карлсон.

Малыш так и поступил. Клятва мгновенно превратилась в чёрный искрящийся пепел и вылетела в дымоход.

После этого все стали подходить к Малышу, жать руку, хлопать по плечу и бормотать короткие поздравления. А Дора даже чмокнула его в щёку. Последним подошёл Карлсон.

– Добро пожаловать, агент. Это большая честь. И не подведи! Не то «рука товарищей смертью покарает клятвопреступника». И не сомневайся – рука не дрогнет.

И очень крепко сжал Малышу кисть.

Сегодня шеф предстал перед Максимом совершенно в ином свете. Из добродушного, молодящегося предпринимателя он вдруг превратился в непререкаемого и сурового командира военизированного подразделения…

Включили свет и расселись вокруг стола в обеденной зоне гостиной.

Глава иерусалимского филиала ВСКПУ Карлсон заново отрекомендовал всех, теперь как сотрудников секретной службы. Дора и Евген оказались головными агентами, Силен – начальником боевого подразделения, а Ана́хну – ведущим аналитиком.

Далее Карлсон изложил предысторию задания Малыша, видимо, специально для новоиспечённого агента, похоже, только он был не в курсе. Оказалось, что весной этого года аналитики израильской СКПУ отметили вспышку неандертальской активности вокруг некого Льва Бронфельда (объект «Писатель»). Аналитики установили, что литературное агентство, которое финансирует творчество Писателя, само получает средства со счетов, принадлежащих юрлицам, аффилированным с Подземельем. Предположительно Писатель является либо одним из агентов, либо объектом разработки Неандертальского Разведывательного корпуса на Ближнем Востоке. Первоначальной задачей Малыша было наладить контакт с Писателем, втереться к нему в доверие и установить причину заинтересованности в нём спецслужб Подземелья. С этой задачей Малыш справился с блеском, обнаружив группу создателей новой цифровой веры под предводительством агента НРК Амира-квартерона и войдя в круг её апостолов.

Теперь, уже в новом статусе – агента, работающего под прикрытием, – Малышу предстоит подготовить почву для дискредитации религиозного культа, создаваемого при непосредственном участии НРК, а также изучить возможности для его искоренения.

Около полуночи, через полчаса после того, как Карлсон распустил собрание, в дверь Даниэля кто-то постучал. Он не спал – пытался привыкнуть к статусу агента секретной службы. Это было приятно и, безусловно, тешило самолюбие, но в то же время странно… Его и раньше, ещё в бытность стажёром, посещало это чувство, но теперь он особенно остро ощущал нереальность происходящего, а себя не живым человеком, а киногероем или персонажем авантюрного романа.

На цыпочках, не включая света в салоне, новобранец секретной службы прокрался к двери и заглянул в глазок. За

дверью стояла Дора. Он открыл удивлённый. После «урока по шпионскому делу» на складе магазина мулатка дала ему понять, что это было приключением одноразовым. Он не настаивал; меньше всего на свете хотел казаться навязчивым. Да и в глаза Карлсону так было смотреть комфортнее…

– Та-да-а! – пропела мулатка и показала руки, которые до этого прятала за спиной, в них оказалась бутылка шампанского. – Вот. Решила отметить твоё вступление в наш клан. Ты не против?

Малыш посторонился…

Когда от шампанского он осмелел достаточно, чтобы поцеловать её, она ответила. Даниэль, сделав над собой гигантское усилие, отстранился.

– Постой. А как же Карлсон?

– А он здесь при чём? – удивилась Дора.

– Как при чём? Разве ты не с ним?

– С чего ты взял?

– Ты была тогда в халатике у него на крыше…

Она засмеялась.

– У него там роскошное джакузи. Он разрешает мне пользоваться им, когда захочу.

Действительно. Малыш как-то оказался в ванной комнате Карлсона и оторопел от восторга и зависти. Там красовалось огромное джакузи, в сравнении с которым гидромассажное оборудование Максима в Москве было всё равно что моторная лодка супротив океанской яхты.

– Вот я дурак… – сказал он с облегчением. – А почему же тогда ты столько времени избегала меня? Неужели тогда, на складе, было так плохо?

– Никогда не спрашивай женщину, хорошо ей было с тобой или плохо, тогда скорее появится шанс повторить…

Под утро, когда уже ничего не хотелось кроме как спать, Малыш спросил:

– Дора, так почему же всё-таки ты пришла ко мне сегодня?

– Ты был такой милый, когда давал эту дурацкую клятву.

– Почему дурацкую? Я не увидел в ней ничего дурацкого…

– Об этом я и говорю. Ты был такой искренний и романтичный… – она потрепала его по щеке и внезапно рассердилась. – ВСКПУ очень древняя и консервативная организация, последней редакции её клятвы уже лет двести. Только наивный донкихотствующий придурок мог не заметить, как всё в ней формально и тухло!

Объяснять, что она имела в виду, Дора отказалась. Оделась и,

несмотря на вялый протест Даниэля, ушла. Он подумал, что у некоторых женщин происходит как у кошек: в ответ на чрезмерную ласку они выпускают когти. И уснул сразу.

Глава 5.

Даниэль Альтман – один из двенадцати апостолов новой религии – поселился в городе Тве́рия, на берегу Кине́рета в начале сентября.

Кинерет, или Тивериа́дское озеро, или Геннисаре́тское озеро, или же Галиле́йское море – это тот самый водоём, по глади которого хаживал один небезызвестный персонаж Нового Завета, пока его апостолы тягали из него пескарей. Хотя верить этой истории, озвученной советской рок-группой, наверное, не стоит. Хотя бы потому, что рыба этой породы в израильском озере, конечно же, не водится. А водятся в нём сомы, которые, как на себе испытал Малыш, из озорства или из-за неумения соотносить свои размеры с размером жертвы кусают купальщиков за ноги – не больно, но довольно обидно.

Да и, вообще, вся эта библейская мифология вызывала и вызывает немало вопросов. То ли дело история, которую по мере сил должен был освещать Даниэль: простая, ясная, и все её персонажи живы по сию пору, в чём можно было легко убедиться.

Апостолам даже устраивали несколько сеансов видеосвязи с главным создателем технологии переноса сознания доктором Па́уло Оливе́йра да Си́льва. Португалец прочитал очень толковый курс лекций по основам вечной жизнедеятельности и произвёл благоприятнейшее впечатление на слушателей.

Хотя… Сейчас, во второй трети двадцать первого века, технологии моделирования видеоизображений продвинулись очень далеко. Тот ролик с молодым хасидом, отказывающимся прославлять бога по-арабски, Малыш увидел потом ещё раз, но с совершенно иной развязкой, в которой этот же самый хаси́д, с этой же самой полубезумной улыбкой произносит-таки такби́р. Его хлопают по плечам и отпускают невредимым. И кто знает, как бы Малыш повёл себя во время той незабываемой встречи с арабскими погромщиками, если бы сначала увидел этот вариант ролика… И тут уже не работают соображения типа «Так не сыграть!» – симуляция нейросети может сыграть всё что угодно. Ему никогда не узнать, который из роликов про хасида настоящий. Если был вообще настоящий…

А чему удивляться? Если уже несколько лет статуэтку Оскара за лучшие актёрские и сценарные работы получают далеко не всегда люди. Искусственный интеллект описывает и изображает

страсти не хуже и обходится продюсерам гораздо дешевле, чем алчные приматы…

Агент ВСКПУ снял апартаменты на крыше самого высокого жилого дома в Тверии, выше которого была только водонапорная башня. Квартал располагался на самом краю каменной чаши, на дне которой плескался Кинерет. Отсюда он был виден весь и казался скорее прудом, чем озером, несмотря на свои двадцать километров длины и около двенадцати ширины.

Кинерет, с относительно чистой, пресной не щиплющей глаза водой, без морских волн, показался Малышу лучшим местом для купания в Израиле. Даже несмотря на кусачих сомов. Каждый день он ходил на озеро. Между первым этажом и цокольным было установлено большое зеркало, и, спускаясь, он лишний раз мог убедиться в том, как прекрасен в облике Даниэля Альтмана, к которому никак не мог привыкнуть уже почти год.

Амир предложил ему две тактики взаимодействия с оппонентами в Интернете.

Первая была агрессивной и прямолинейной. Предписывала, не отвлекаясь на нападки пропагандистов противоположных идей, доносить до аудитории тщательно скомпилированную и доходчиво сформулированную информацию. Если же игнорировать конкурентов становится невозможно, нужно хлёстко и грубо, не скупясь в том числе и на бранные эпитеты, развенчивать их позицию в заочном варианте противостояния, никогда не опускаясь до прямых онлайн-диспутов.

Вторая тактика была мягче, но и хитрей. Она призывала как раз делать упор на собственной оппозиции. Предлагала выбирать самых карикатурных, самых фрикова́тых персонажей из тех, кто отстаивает противоположные взгляды, и вызывать их на полемику, причём именно в прямом эфире. Это могли быть как обладатели внешних неприятных особенностей: идиотской причёски, странной манеры одеваться, диких татуировок, некрасивости и так далее, вплоть до физических недостатков и уродств. Так и внутренних отталкивающих черт: чересчур яркого гендерного поведения, излишне выраженных национальных особенностей, завышенного мнения о себе, хвастовства или придурковатости. Лучше всего, конечно, сочетание внешней «своеобычности» и «богатства» внутреннего мира.

Малыш выбрал для себя вторую практику; ему необходима была живая полемика для того, чтобы чувствовать себя в тонусе.

В октябре к нему приехала Дора. Это был в высшей степени приятный сюрприз. Она рассказала, что после выполнения ею

какого-то особенно сложного и неприятного задания Карлсон дал ей две недели отпуска.

– У меня был выбор: или в Европу, или к тебе, Дани-бой. Так что тебе придётся придумать замену Лувру, и Колизею, – заявила Дора.

– Я тут один дивный пляж знаю… – начал было Малыш, но осёкся, увидев её гримасу.

– Нет! Так ты мне европейские достопримечательности не заменишь. Покажи-ка лучше, где тут у тебя спальня…

Они замечательно проводили время. Малыш чувствовал себя влюблённым и любимым… Он был почти счастлив.

Смущал его только один момент. Постоянное незримое присутствие Буратино.

– А ты думаешь, Карлсон о нас не знает? Ты уверена, что Буратино отключается, когда дело напрямую не касается выполнения задания? – как-то спросил он Дору.

– Надеюсь.

– Тогда ответь: в какой момент он включается?

– При критическом повышении уровня адреналина в крови или когда позовёшь…

– А как он узнаёт, что его позвали? Чтобы услышать свой позывной, он должен слышать всё.

– Есть вещи, о которых мы никогда не узнаем. И, может быть, это к лучшему.

Как у Карлсона, к обиталищу Малыша прилагалась огромная терраса. С неё звёзды казались очень близкими, ещё ближе, чем в Иерусалиме… На пятую ночь Малыш снял матрас с кровати и вытащил его под открытое небо. Они пили вино, смеялись и даже читали стихи.

А утром, когда Даниэль проснулся оттого, что солнце начало слепить его через закрытые веки, Дора сидела с бокалом вина в руке. Она была грустна и серьёзна.

– Что с вами, Доротея?

– Ещё раз так меня назовёшь… – без особой угрозы произнесла мулатка. – И никакой это не отпуск. На самом деле я здесь на задании.

– На каком? Почему сразу не сказала? – он почувствовал что-то неладное, но всё ещё пытался казаться весёлым.

– Не хотела тебя расстраивать. Я же вижу, как ты ко мне относишься. Ты мне тоже очень нравишься, Малыш.

– Ещё раз так меня назовёшь…

– Это тебе за Доротею… Ты должен понимать, что мы не просто мужчина и женщина, а прежде всего агенты.

– Слушай, ты так говоришь, как будто должна «убрать» меня. Что за задание?

– Я буду изображать твою взбалмошную и богатую фанатку-последовательницу. Я должна соблазнить Амира и выведать у него то, что ты выведать не можешь.

– Ты шутишь так, Дора? – спросил Даниэль с надеждой и сразу понял, что она не шутит.

Его охватила волна отвращения и отчаяния. Бутылка с остатками вина разлетелась о бетонный парапет.

Дора оставалась спокойной.

– Соберись! Ты же взрослый мужчина. Супермен. Джеймс Бонд.

– А ты что, Матой Хари себя возомнила?

– Ну почему же возомнила? Ей было бы чему у меня поучиться. Давай относиться к этому как свингеры. Некоторых людей возбуждает, когда его женщина с другим…

Дора попыталась поцеловать его. Но он оттолкнул её и закричал:

– Не могу! Меня это не прикалывает. Совсем! Я скорее чувствую себя котом при проститутке. А Карлсон, он… сутенёр.

Она вскочила с матраса.

– Ты совсем дурачок! Я знала, что тебе будет тяжело это принять, но это просто детский сад какой-то!

И зло направилась внутрь квартиры.

С этого момента для Малыша всё превращается в пьесу, в которой он одновременно и актёр и зритель, но где он сам – непонятно…

Глава 6.

Вот в домофон звонит Амир. Амир-квартерон. Агент Неандертальского Разведывательного корпуса.

Малыш проводит его на террасу, где их встречает Дора вся в белом и золоте.

– Это Дора. Мы просто друзья, – скрепя сердце произносит Малыш. – Дора, это Амир.

– Очень приятно, Амир. Даниэль много рассказывал мне о вас, – Дора протягивает арабу руку как для поцелуя.

Тот учтиво жмёт кончики пальцев.

– Очень приятно, Дора.

Амир оценивает картинку:

– Прекрасный вид, прекрасная женщина. Ты уже привыкаешь быть богом, Даниэль?

Очевидно, что он гораздо более очарован Дорой, нежели

горизонтами; он просит позволения пойти внутрь дома. Говорит, что у него агорафобия с детства.

Пока Малыш жарит снаружи бараньи стейки, Амир и Дора беседуют на диване в салоне.

– Даниэль сказал, что к нему приедет его духовный отец, – Дора обворожительно улыбается.

– О нет, я мало гожусь на роль духовника возможного месси́и… Я всего лишь скромный посредник между наукой и человеком, – смущённо улыбается Амир.

– Почему вы сказали «возможного»? Вы сомневаетесь, что Даниэль победит в этом конкурсе?

– Я буду только рад и всей душой желаю победы именно Даниэлю. Всех остальных пришлось искать, а он чудесным образом вышел на нас сам. Я думаю, это знак.

Дора улыбается в том смысле, что она и сама так думает. Про знак. Но не говорит ничего, решив, видимо, что не должна всё время развлекать гостя. Амир не даёт затянуться паузе:

– Мне кажется знакомым ваше лицо, Дора.

– Я люблю гламурные вечеринки. Мы могли встречаться на одной из них.

– О нет! – смеётся Амир. – Это не про меня.

– Тогда не знаю. Мир тесен… А ещё я помогала Даниэлю с двумя последними роликами. В одном сыграла католическую религиозную фанатку, в другом – фанатку новой религии. Вашей. Может, вы там меня видели?

– Точно! – радуется Амир. – Вы замечательно сыграли этих отрицательных персонажей.

– Католичка понятно, но… Я неправильно раскрыла образ вашей последовательницы? – расстраивается мулатка.

– Напротив! Вы сумели показать, что фанатики – это в любом случае *too much*, – спешит утешить её араб. – Они нам не нужны. Нужны люди здравомыслящие, способные сомневаться, с критическим складом ума. Вот как Даниэль, например. Все предыдущие религии рассчитаны на внушаемых психопатов. Сомневающихся, требующих доказательств предавали анафеме, объявляли неверными или вообще сжигали на кострах. А мы рассчитываем на таких, потому что за нами наука и истина – нам не нужна слепая вера.

– А вы? Вы разве не фанатик своей веры? Мне кажется, вы должны являть собой образец непреклонности.

– Вы думаете, если я араб, значит должен быть фанатичен и непреклонен? – эти слова звучат беззлобно и сопровождаются приятной светской улыбкой, но Малыш, который зашёл проверить, как дела у гостей, всё равно напрягается.

– Не обижайтесь. Наверное, я что-то не то сказала. Просто от вас так и веет уверенностью… – не особенно тонко льстит Дора и смотрит на араба так, что у Малыша всё внутри переворачивается.

Он никогда не видел, чтобы Амир столько улыбался – обаяние новоявленной Маты Хари неотразимо.

Малыш снова уходит на террасу, так и не найдя, что сказать.

Потом они весело напиваются под баранину. У Амира находится жирный джоинт с медицинской травой. Дора сноровисто раскуривает его…

Когда мулатка с арабом уходят, уже давно темно. Пьяный Малыш ложится грудью на парапет и смотрит, как они садятся на заднее сиденье кабриолета. Автопилот плавно выводит его на дорогу. Малыш думает о том, как было бы здорово спрыгнуть им прямо на головы… Вернувшись в комнаты, он отыскивает бутылку коньяку и, несмотря на бурный протест Буратино, который предупреждает об опасной концентрации этанола в крови, надирается вдрызг.

Просыпается он оттого, что фолдер его заливается, как серена противовоздушной обороны. Он с трудом подавляет желание разбить его о стену, тем более что это звонит Амир. Араб просит Даниэля приехать в отель за своей подружкой.

Удивлённый такой постановкой вопроса, Малыш быстро собирается и едет на электровелосипеде в отель на берегу Кинерета.

С отвращением проходит он через вестибюль этого логова разврата.

Входит в лифт, принюхивается. Может, здесь они начали? Пахнет обычной израильской затхлостью.

Он подходит к номеру. От ревности кружится голова и тошнит. Или это похмелье?

Стучит в дверь. Слышит шаги Амира. Как смотреть ему в глаза? Но спокойно… Дора – всего лишь подруга…

– Привет! Как спалось? – очень криво улыбаясь, выдавливает Малыш.

Араб молча сторони́тся.

Дора лежит на кровати в крохотном номере. Одетая. Прямая. Руки по швам. Дыхания незаметно…

Малыш резко разворачивается к Амиру. В лоб ему смотрит дуло пистолета. Он хочет произнести триггерную фразу, но Амир опережает его:

– Сядь на кресло, Даниэль! И ни слова! Попробуешь активировать шайтана у себя в голове, я успею вогнать туда пулю,

можешь не сомневаться.

Даниэль опускается в кресло под пристальным взглядом араба.

– Вот так. Вы, люди Поверхности, слишком поверхностны во всём. В том числе и в шпионской работе. Вы так уверены в себе, кажетесь себе такими хитрыми… Тем смешнее наблюдать за выражением ваших лиц, когда вы понимаете, как облажались, – Амир кивает в сторону кровати, не сводя с Малыша глаз. – Давай не будем соревноваться в скорости реакции. Я уверен, мы можем договориться…

Амир садится во второе кресло и кладёт пистолет на подлокотник.

– Вот это поворот! – тут же выкрикивает Малыш.

Араб успевает только схватить пистолет в руку, но в следующий момент оружие летит в стену, выбитое ногой, а кулак Малыша обрушивается на голову врага.

У Доры есть пульс, и она дышит. Ему показалось с перепугу… Может, ничего не было? Вон на тумбочке в ведёрке бутылка с остатками шампанского. Она напилась и уснула. Но как?! Она же профессионалка… Почему она не просыпается? Даже от прохладной воды из ведёрка? И даже от пощёчин? Что он с ней сделал?

Малыш пытается привести в чувство араба. Хорошо, что на тренировках с Силеном много времени было уделено тому, чтобы научиться контролировать себя в триггерном состоянии. Но Амир всё равно не сразу приходит в себя.

– Что с ней? – спрашивает Малыш, замахиваясь.

Араб поднимает руки, сдаваясь.

– Даниэль, успокойся, прошу тебя! С ней всё в порядке. Обычное снотворное. Через пару часов она проснётся. Мы можем спокойно поговорить?

– А зачем ты пистолетом в меня тыкал?

– Прости. Я боялся твоей первой реакции. Как видишь, не зря…

– Что здесь было?

– Ничего, если ты о сексе.

– Правда? – выдыхает Малыш обрадованно.

– Бедняга. Влюбиться в шпионку ВСКПУ… Это всё равно что в проститутку. В дорогую, ухоженную, но… с определённой профессиональной спецификой, абсолютно не предполагающей серьёзных отношений. Отвечаю на твой вопрос: правда. Зачем мне портить отношения с тобой – с человеком, с которым я хочу договориться? Мне было бы гораздо сложнее общаться с тобой сейчас, – Амир потирает ушибленную голову, – если бы я

воспользовался, так сказать, служебным положением и переспал с твоей «подругой». Кроме того, я не хотел бы погибнуть как самец богомола в результате соития, потому что уверен: конечной целью агента Доры было убить меня.

– С чего ты это взял?

– Подумай сам, что нового, чего ещё не знает ВСКПУ от тебя, я мог бы рассказать ей, даже распалённый профессиональным эротическим массажем? А ещё подумай, какой ущерб новой религии могла бы сейчас нанести моя смерть. Главный идеолог исчезает, а главный пропагандист, то есть ты, публично отрекается от своих взглядов… Всё нужно начинать сначала.

– О чём же ты хочешь со мной договориться?

– О том, чтобы ты продолжил свою работу на благо всего человечества: и земного, и подземного.

– А у них, оказывается, одно благо? – тон Малыша полон сарказма.

– Как это ни странно… Я очень хорошо себе представляю, что Карлсон и его команда рассказали тебе о жителях Подземелья. Но я надеюсь, ты понимаешь, что такое пропаганда и как вредно делать выводы, основываясь только на утверждениях одной из конфликтующих сторон… Может, ты дашь возможность представить тебе иную картину мира?

– Попробуй. Даже интересно, – Малыш закидывает ногу на ногу.

– Неандертальцы появились раньше, и это была их планета. Они пустили сюда людей нового вида, разрешили им плодиться и размножаться и очень долго пытались сосуществовать с ними в мире. Но в конце концов стали жертвой алчности, коварства и жестокости сапиенсов и ушли под землю.

Уже из-под земли в попытке договориться неандертальцы дали сапиенсам религию. Но те переделали, перелицевали её в соответствии со своей гнусной природой. Самые хитрые и подлые подмяли её под себя для того, чтобы заставлять других работать, убивать и умирать не ропща… А ведь какая замечательная вещь любая Вера по своей изначальной сути! Она учит любви и терпению, добру и справедливости, скромности и щедрости. Она учит не бояться смерти, наконец. Даёт своим адептам и жить, и умирать проще… Но сапиенсы переписывают и дополняют скрижали. Сажают на троны посредников между толпой и богом в шитых золотом одеждах. Потом интегрируют религию во власть, чтобы сделать её инструментом подавления свободолюбия и инакомыслия.

Вера – как топор, которым можно нарубить дров для костра, чтобы согреться и приготовить пищу, а можно им же и череп

ближнему раскроить… Или нет. Тут более уместна аналогия с оружием массового поражения. Ядерное расщепление, которое поначалу было задумано как способ получения энергии, а потом оказалось, что с его помощью можно истреблять братьев по разуму целыми городами.

– Ну и зачем же вы возитесь с нами, если мы такие плохие и неблагодарные?

– ДНК современного человека и неандертальца идентичны на девяносто девять с половиной процентов. Что несёт в себе разница в полпроцента кроме незначительных физических и физиологических отличий? Сапиенсы изобретательнее – неандертальцы рациональнее; сапиенсы креативнее – вторые чувствительнее; первые хитрее – вторые храбрее. Вы больше технократы, мы ближе к природе. Люди Поверхности много говорят, подземные жители много делают. Сам по себе напрашивается вывод: мы можем дополнить друг друга. В идеале – смешение кровей, взаимная интеграция и появление Сверхчеловека, несущего в себе лучшие черты обоих видов.

– А что если в этом гибриде сложатся минусы, а не плюсы? И получится тупой и кровожадный экземпляр с агорафобией и клаустрофобией одновременно?

– Будут и такие. Биологического мусора подавляющее большинство в любом обществе. Но будущее за лучшими представителями рода *Homo*!

– От этой идеи за версту разит нацизмом.

Араб отмахивается.

– Не надо путать евгенику и нацизм! Мы предлагаем изучить, а затем улучшить природу человеческую путём смешения разных видов и рас, а нацисты, наоборот, хотят сохранить чистоту собственной расы и уничтожить все остальные. Люди очень часто извращают прекрасные общественно-политические идеи, которые мы подкидываем им наряду с религиозными. Чтобы ты знал: и Ленин, и Гитлер – это наши провальные проекты. Один воспринял наше представление о справедливом устройстве общества, но решил, что к социально ориентированному государству можно прийти через насилие, а другой неверно истолковал учение о Сверхчеловеке…

Влияние Подземелья на человечество Поверхности через века и ошибки всё равно благотворно. Люди медленно, но верно усваивают, что хорошо и что плохо». Вы становитесь лучше век от века. Гуманней, цивилизованней. Периодически случаются, конечно, срывы в первобытное прошлое, которые, как правило, заканчиваются войнами, но мы всё равно движемся в лучшее для обоих видов будущее.

– Так вы же устраиваете войны и эпидемии, разве нет? Для того чтобы замедлить прогресс…

– Самому не смешно? По-твоему, чтобы спасти человечество, нужно его уничтожить?

– Так кто же тогда всё это устраивал?

– Сами сапиенсы и устраивали. Ну не эпидемии, конечно, они в большинстве своём появлялись самопроизвольно, но войны – дело рук самих сапиенсов. Результат их алчности и кровожадности. Ваш прогресс мы замедляли, но другими способами и по причинам, отличным от тех, что рассказали тебе в ВСКПУ.

– Тебя послушать, так сапиенсы – ксенофобы и каннибалы, а неандертальцы – ангелы во плоти…

– Конечно, это не так. Но скажи честно: разве ты до сих пор не убедился в том, что предложение вечной жизни, которое неандертальцы делают сапиенсам, более чем щедро?

– Это при условии, что всё это не антинаучный бред, как это утверждают мои товарищи.

– Давай так. Решишь сам, кто ангел, а кто демон… Твоё путешествие под землю даст ответ и на этот вопрос.

– Моё путешествие под землю?!

– Да. От имени людей Подземелья приглашаю тебя к нам как журналиста. Будешь одним из немногих после Геракла и Орфея, кто побывал в подземном царстве при жизни. Гарантирую также твоё возвращение на Поверхность по первому твоему требованию. Слово джентльмена!

– Я должен подумать…

– Скоро проснётся твоя подруга… Даю тебе пять минут. И второй раз предлагать не буду.

– Я выйду на балкон.

– Ну иди, – ухмыляется араб. – Поговори со своими демонами.

– Буратино, что с Дорой? Ты же мониторишь её показатели?

– С ней всё в порядке. Она спит под воздействием снотворного препарата на основе бензодиазепина. Малыш, ты понимаешь, что под землёй связи со мной не будет? Мы там никак тебе помочь не сможем.

– Я это понимаю, Буратино. Но всё равно считаю, что должен попробовать…

– Что попробовать?

– Ну как… проникнуть в их логово. Кто-то из ВСКПУ бывал там когда-то?

– В последний раз это были переговоры между спецслужбами

ровно сто лет назад.

– Но вот! Видишь…

– Что видишь? Переговоры Второй мировой войной закончились… И что ты будешь делать в их логове?

– Как что?.. Что должен агент делать в логове врага? Добывать информацию.

– Понятно. А как ты собираешься вернуться?

– Амир дал слово джентльмена. Я ему верю.

– Малыш… это глупо. И я в принципе не могу согласиться с этим решением без санкции Карлсона. Подожди, я поговорю с ним…

– Стой! Ты же понимаешь, что он не разрешит?

– Конечно.

– Тогда какой смысл? Буратино, родной, да пойми ты наконец… Это же такой шанс! Я же журналист всё-таки. Кто в здравом уме на моём месте отказался бы от такого? Пойми, не всегда целесообразно слепо следовать правилам…

– Малыш, я запрограммирован беспрекословно выполнять инструкции ВСКПУ, и если начинаю размышлять об их целесообразности, то висну и перезагружаюсь. Потому и посоветовать ничего в данной ситуации не могу кроме одного: поступать так, как скажет Карлсон.

– Как вы задолбали уже меня со своим «Малышом»! Дебильное всё-таки погоняло какое… Даниэль уже на худой конец зови.

– Нельзя. По инструкции при обращении к агенту, находящемуся на задании, я должен использовать его оперативный позывной. Даже учитывая твоё психоэмоциональное состояние, я не могу нарушить…

– Да в жопу ваши инструкции! И заткнись ты наконец, Буратино, я больше тебя не слушаю!

Малыш хлопает балконной дверью, как будто может оставить Буратино снаружи.

Часть V. Мессия́.

Глава 1.

Они подъехали к замку крестоносцев, расположенному рядом с центром города, – давно потерявшей форму махине из чёрного базальта. Амир приказал своему элегантному электрокабриолету отправляться домой в Иерусалим, тот просигналил обиженно и укатил, шурша шинами.

Внутри замка оказалась гостиница, стилизованная под средневековье. Человек за стойкой администратора молча кивнул Амиру.

Они спустились вниз и оказались в винном погребе со сводчатым потолком, в самом тёмном углу которого пряталась окованная железом деревянная дверка, чёрная от старости. Два толстых кольца были замкнуты на здоровенный амбарный замок. У Амира нашёлся ключ от него.

Им пришлось низко пригнуться, чтобы пройти в проём, за которым обнаружился небольшой тамбур с круглой железной дверью-люком в противоположной стене. Такие двери Даниэль видел только в кино про грабителей банков: на ней были два цифровых замка и ворот в виде штурвала. Свет в помещении включился автоматически, как только они вошли. Араб покрутил замки, с визгом провернул ворот и потянул люк на себя. Открывшийся проход выдохнул прохладную сырость. Они перелезли через порог. Загорелись лампы дневного света под потолком. Пока Амир запирал за собой дверь, металлический шум отдавался эхом от стен.

– Это депо, – объявил Амир. – Следующая станция «А́ндериерушала́им», время в пути двадцать восемь минут. Я хочу поспать, если ты не против. Все объяснения на месте.

В просторном помещении, с выложенными всё тем же чёрным базальтом стенами, стояло пять штук шаров высотой метра в три из прозрачного пластика или стекла, в четырёх из них было по паре автомобильных кресел на металлической платформе, а в пятом – одно. С расположенных по сторонам от шаров перронов они залезли внутрь дальнего двухместного шара через поднимающиеся, как на спорткаре, вверх двери. Платформа внутри шара закреплена не была и ездила на колёсиках, которые вращались во всех плоскостях, поэтому потребовалось повторять все движения араба максимально синхронно, чтобы не потерять равновесие.

Пристегнулись. Теперь Даниэль увидел перед собой квадратный тоннель в высоту и в поперечнике немногим больший, чем диаметр шара. В потолок тоннеля на регулярном расстоянии друг от друга были вмонтированы продолговатые светильники.

Амир качнул платформу вперёд, и шар тронулся с места.

– Помогай, – приказал араб.

Они стали раскачиваться, как на качелях. Шар вкатился в тоннель и набрал скорость.

– Хватит. Теперь сам разгонится. Здесь постоянный уклон в два с половиной градуса, – араб откинул спинку своего кресла, сложил на груди руки и закрыл глаза.

Шар катился, платформа с сиденьями немного смещалась назад и сразу соскальзывала к центру тяжести. Светильники на потолке превратились в летящую навстречу очередь трассирующих пуль. Даниэль подумал, что иллюминация здесь нужна, пожалуй, только для развлечения пассажиров этого транспорта. Светящийся пунктир превратился в сплошную мерцающую полосу.

– Амир, с какой скоростью мы сейчас движемся? – не выдержал Даниэль.

– Километров четыреста в час, – не сразу ответил араб сонным голосом, не открывая глаз.

– И на какую глубину мы в итоге опустимся?

– Пять километров, – интонацией Амир давал понять, что хочет, чтобы его оставили в покое.

Даниэль почувствовал укол ревности: чем это он ночью занимался, если так не выспался? Может, всё-таки обманул неандертальский шпион и на самом деле не отказывался от щедрых ласк мулатки? Но потом Даниэль подумал, что это как раз тот случай, в котором он никогда всей правды не узнает, и решил не портить себе нервы.

Он задумался над происходящим с ним и понял, что абсолютно утратил связь с реальностью. В последнее время и так было слишком много невероятного: голос в голове, превращение в еврея, работа на тайную организацию, связь с прекрасной женщиной… Но шар, уносящий его под землю в логово к неандертальцам, перспектива стать богом… – всё это казалось гораздо более нереальным. Бред, балаган, фантасмагория.

Но если попробовать допустить хоть на секунду, что это правда, душа начинала переполняться восторгом и радостью оттого, что чудеса всё-таки бывают, несмотря на всё то, что ему вбивали в голову с детства. И очень хотелось победить в этом апостольском конкурсе, помочь людям разделить с

неандертальцами место под солнцем, а затем повести все виды разумных существ за собой к счастью, к мудрости, к вечной жизни…

Движение шара стало замедляться; платформу уже не относило назад, а, наоборот, стало задирать вперёд. Свет на потолке снова превратился в пунктир. Уклон сошёл на нет, и, судя по ощущениям, они катились немного в гору. Амир зашевелился и привёл спинку своего кресла в вертикальное положение. Даниэль последовал его примеру и, немного предвосхищая события, отстегнул ремень безопасности.

– Стой! – только и успел крикнуть Амир.

Шар ударился о вертикальную стену, вдруг выросшую перед ним, отскочил и подпрыгнул. Когда после удара платформа резко поехала вверх, Даниэль вылетел из кресла, как камень из пращи, и неизвестно, какими бы повреждениями для него всё это закончилось, если бы Амир обеими руками не поймал его за штаны и не дёрнул обратно. В самый критический момент нос Даниэля оказался всего в паре сантиметров от стенки шара. При падении в кресло он заехал арабу локтем точно в солнечное сплетение, так что тот ахнул. Шар попрыгал немного, теряя амплитуду, и застыл. Что-то, пневматически шипя, зафиксировало его с боков.

Араб по-рыбьи хватал ртом воздух. Даниэль пробормотал:

– Извини, Амирчик, я что-то поспешил… – и, не выдержав, затрясся в припадке истерического смеха, прикрывая лицо рукой.

– Пустяки… – выдавил араб, морщась и потирая ушибленное место. Потом объявил: – Добро пожаловать в царство Аида!

Они синхронно полезли из пузыря. Даниэль очень старался не облажаться ещё раз и потому облажался; слишком рано убрал ногу с платформы, которая со стороны Амира резко поехала вниз, и араб чуть не наделся промежностью на жёсткий порог, но удержался и успел выдернуть ногу.

– Ты пытаешься убить меня, Даниэль? – поинтересовался араб и жестом приказал следовать за собой.

Он был слишком немногословен в ситуации, которая предполагала некоторые пояснения – то ли действительно обиделся, то ли не хотел портить интригу.

Помещение, в котором они очутились, по конфигурации напоминало депо в Тверии, но со стенами не из грубого камня, а с идеально ровными, покрытыми тёмно-серым материалом, который светился изнутри узкими вертикальными прямоугольниками холодного оттенка от пола до потолка. На ощупь он был мягким, пористым и тёплым. Тот же материал покрывал пол и потолок.

– Дальше два метра теплоизоляции, температура породы за ней двести пятьдесят градусов по Цельсию, – пояснил Амир, увидев, как Даниэль потрогал стену.

– Там что, уже мантия?

– О нет, мы не вышли даже из самого верхнего слоя земной коры. Мы в толще осадочных пород, представленных тут, под Иерусалимом, в основном известняками.

Видимо, одной термоизоляции тут было бы недостаточно; из щелей под потолком внутрь проникал очень необычно и приятно пахнущий прохладный ветерок. Это был один из тех запахов, который остро ощущается в новом месте, но потом пропадает абсолютно.

В стене над перроном обнаружились металлические раздвижные двери. Внутри – большая, человек на десять, кабина лифта, инкрустированная жёлтым металлом. Орнамент был растительным, с ягодками на ветках из жёлтых искрящихся камней. Кнопки на панели с обыкновенными арабскими цифрами и какими-то непонятными символами, похожими на руны, отливали золотом.

Даниэль потрогал пальцем один из камушков и вопросительно посмотрел на Амира.

Тот кивнул.

– Да, это то, что ты подумал: золото и жёлтые бриллианты.

Араб нажал на самую верхнюю кнопку, и лифт плавно и бесшумно тронулся. Тело Даниэля стало тяжелеть, его даже немного замутило, но неприятные ощущения быстро закончились – видимо, лифт набрал разогнался и начал двигаться без ускорения.

Амир сказал, что подъём займёт три минуты.

Даниэль залюбовался узором на стенках. Это было что-то ближе к стилю ар-нуво, очень замысловатое и тонкое. Он подумал, что люди, которые окружают себя такой красотой, не должны быть злыми, но потом вспомнил, что ему говорил Карлсон о том, что неандертальцы сами неспособны на творческие проявления, но на красоту падки. Так что этот декор вполне мог оказаться результатом рабского труда какого-нибудь несчастного художника из сапиенсов, пленённого и удерживаемого в Подземелье злыми гномами.

Когда лифт остановился и двери его разъехались, они вышли на просторную площадку с резной балюстрадой. Даниэль подошёл к краю. Перед ним открылся вид на дивный город.

Вниз убегали несколько широких уступов, тесно застроенных домами причудливой архитектуры: сплошь в сложных переплетениях лесенок, галерей и мостиков. Крыш в обычном

понимании этого слова у них не было – все они были плоскими, приспособленными под террасы и сады, на многих блестели бассейны. Чем ниже, тем дома становились больше и строже, но всё равно производили впечатление единого стиля, основными чертами которого оставались изящество и лёгкость. Кроме того, общим был облицовочный материал строений – светлый мрамор нежных оттенков от розового до жёлтого.

В самом низу застройка граничила с обширной лесопарковой зоной, образующей плоский изумрудный круг. Посреди него возвышалось золотое кольцо гигантского амфитеатра. За ним блестело зеркало большого пруда или, скорее, озера. Взгляд упёрся в ровную вертикальную стену, доходившую до самого неба. Из неё в озеро низвергался водопад – отсюда было сложно судить о его размерах.

Стена, он теперь заметил, окружала всё пространство вокруг. В самой дальней её точке, вокруг водопада, она была сплошь из тёмного стекла, но по мере приближения к тому месту, где они стояли, разделялась на окна, сначала прямоугольные горизонтальные и вертикальные, потом самых разных форм: квадратные, круглые, полукруглые, трапециевидные и даже треугольные. По сторонам от площадки это были уже архаичные арочные и стрельчатые проёмы, перемежающиеся балконами и каскадами зелени. Сзади нависал ещё один уступ, из стены которого они вышли. За ним стена была высотой всего метров двадцать, в ней вместо окон зияли чёрные дыры пещер.

Даниэль опять посмотрел вперёд, и ему бросилась в глаза широкая, как река, лестница, разделяющая уступы ровно посередине и заканчивающаяся в зелени в самом низу. Ступени перемежались обзорными площадками с клумбами, кустами, деревьями, с золотыми фонтанами и статуями. Всё это великолепие сверкало и переливалось в лучах самого настоящего солнца, которое светило из середины безоблачного и очень голубого неба, которое со всех сторон ограничивалось стеной и имело грушевидную форму с узкой стороной над тем местом, где они стояли, и широкой – над парком.

Глава 2.

– Это не солнце, как тебе могло показаться, – Амир увидел, что Даниэль готов воспринимать информацию, – пучок световодов, выведенный в светорассеивающую полусферу. И не небо, а люминофорное покрытие с небесно-голубым оттенком.

– Да ладно… – только и сумел выговорить совершенно ошеломлённый волшебным зрелищем Даниэль.

– Когда-то, очень давно, свет был главным сокровищем в Подземелье; без него мы ослепли бы в темноте и выродились, – заговорил Амир тоном экскурсовода. – Позади нас, в самой древней части Андериерушалаима, есть древний световой колодец, сквозь который через систему зеркал свет проникал в город. Таким образом сложно было освещать большие площади, и до появления в первом веке до рождества Христова электричества мы не могли расширять наши города из-за ограничений по освещению… Теперь, как видишь, света у нас хватает.

– То есть в первом веке до рождества Христова у вас появилось электричество?! —осознал Даниэль.

– Если быть точным, в 78-м году до нашей эры.

Даниэль недоверчиво посмотрел на араба.

– Не удивляйся, неандертальская цивилизация опережает сапиентную по некоторым позициям на тысячелетия.

– Так это вы же и тормозили наш прогресс…

– Это так, но тебе не рассказали об истинных причинах такой политики.

– Каких таких истинных причинах? По-моему, здесь всё ясно.

– В событиях, в которых замешаны огромные массы людей, в принципе не может быть никакой ясности.

Тут к ним приблизились двое: один, пониже, явный неандерталец, другой, повыше, больше похожий на сапиенса.

Они промычали что-то приветственное.

– Не напрягайся, это Сонэ, – Амир указал на того, который пониже, – а это Оэв, – на того, который повыше. – Эти джентльмены будут тебя сопровождать повсюду.

И Амир провыл что-то, судя по тону, в приказном порядке.

Вчетвером они начали спуск по лестнице. Провожатые отстали на пару шагов.

– Это мои конвоиры?

– А ты как думал, агент враждебной организации будет перемещаться по территории противника свободно?

– Что-то не пойму: я гость здесь или пленник?

– Гость, конечно, гость! Но опасный.

Людей вокруг было очень много: и на самой лестнице, и на улицах, расходящихся от неё в стороны. Выглядели они очень по-разному. Одни обыкновенно, как самые привычные глазу обитатели поверхности планеты Земля, но другие были как ожившие картинки из учебника по антропологии: невысокие, коренастые, с огромными головами и полуобезьянними лицами.

Их одежда также отличалась большим разнообразием. На одних она была самой обыкновенной, земной, и в большинстве своём очень приличной. Даниэль замечал на ней знакомые

логотипы. Но попадались и одеяния очень необычные, наверное, традиционно неандертальские. Выглядели они как униформа: короткая куртка с капюшоном, кожаная или из грубой ткани, перепоясанная широким ремнём с вышивкой и каменьями, свободные штаны, заправленные в невысокие сапоги с золотыми или серебряными пряжками и квадратными носами.

На вновь прибывших никто внимания не обращал.

– Так и чем же ещё кроме желания получить конкурентные преимущества было вызвано ваше решение тормозить наш прогресс? – решил прояснить для себя этот вопрос Даниэль.

Амир охотно пояснил:

– Сапиенсы безжалостны и нетолерантны. Как только у них появляется в руках новое орудие труда, они тут же пытаются применять его не по назначению. Сразу за пониманием того, что палкой можно сбить с дерева плод, к вам тут же приходит осознание того, что ей же можно огреть кого-нибудь по башке.

– Это как с топором?

– Примерно… Я уже приводил эту аналогию? Неважно. Мы больше двух тысяч лет спасали вашу цивилизацию, ограничив её арсенал бронзовым оружием…

– Бронзовый век длился так долго?

– Да. Примерно столько же, сколько и медный.

– Ага. А у самих, значит, что уже тогда было? Железо?

– Давно. Металлургия даже и развитое машиностроение.

– Вот как… Может, ещё и порох был?

– Конечно.

– То есть мы ещё с бронзовыми палками в набедренных повязках бегали, а у вас ружья уже были… Что ж они не вылезли из нор своих и всех к чёрту не перебили? Не зачистили для себя планету?

– Я понимаю, тебе это сложно принять: мы ценим жизнь всех разумных существ, а не только тех, с которыми находимся в кровных узах. Решение «зачистить для себя планету» для нас никогда не было приемлемым. Более того, мы заботились о том, чтобы сапиенсы сами от себя планету не зачистили… И люди Поверхности очень медленно, но менялись к лучшему. В их обществе дали ростки и расцвели гуманистические идеи, подсказанные религиями, которые мы им даровали. Тёмные времена сменялись периодами просветления, они становились всё дольше и осознаннее, и в один прекрасный момент под землёй решили, что уже пора: земное человечество наконец вышло из младенческого возраста и можно дать ему коробку со спичками. И мы отпустили прогресс. Но, возможно, поздно – и ваша цивилизация успела впасть в маразм, минуя период

зрелости, или оказалась дебилом с детства, который может достичь максимум уровня подросткового развития… Почему-то у нас власть оказывается в руках лучших, у вас же всё происходит наоборот. Неизменно самые гнусные сапиенсы оказываются у руля и отравляют общество паранойей, ксенофобией, патологической алчностью и прочими проявлениями душевного нездоровья. И самое странное, что лучшие отступают или того хуже – принимают сторону психопатов у власти. Тогда общество превращается в коллективного кретина, который сползает по стене, пуская слюни. Ты ему толкуешь, что надо иметь своё мнение, что не надо верить пропаганде, что надо быть человеком, а он тебя на костёр или в кутузку… В итоге мы последовательно получили Вильгельма, Чингисхана и Тамерлана. Решили тогда притормозить, но после Ренессанса самые ретивые снова закричали: «Пора»! Оказалось, опять рано – вот вам Карл, Фридрих и Наполеон! В начале двадцатого века снова отпустили удила. Ну сколько можно? Так вот вам Первая и Вторая мировые войны и Великая Спецоперация в коллекцию.

Даниэль испытал приступ жгучего стыда за соплеменников и стал озираться по сторонам, делая вид, что его что-то заинтересовало. Постепенно любопытство действительно возобладало над досадой, и он спросил, указывая на древние пещеры наверху:

– А на какой глубине находится самая древняя часть города?

– Двести метров. Под этот уровень подтянуто всё наше «небо».

– Когда появился этот город?

– Около пяти тысяч лет назад. Сапиенсов тогда стало слишком много для того, чтобы неандертальцы могли оставаться жить близко к поверхности.

– Тогда-то у вас ещё не было сложных механизмов?

– Почти нет.

– А как можно зарыться на двести метров без экскаватора?

Амир усмехнулся.

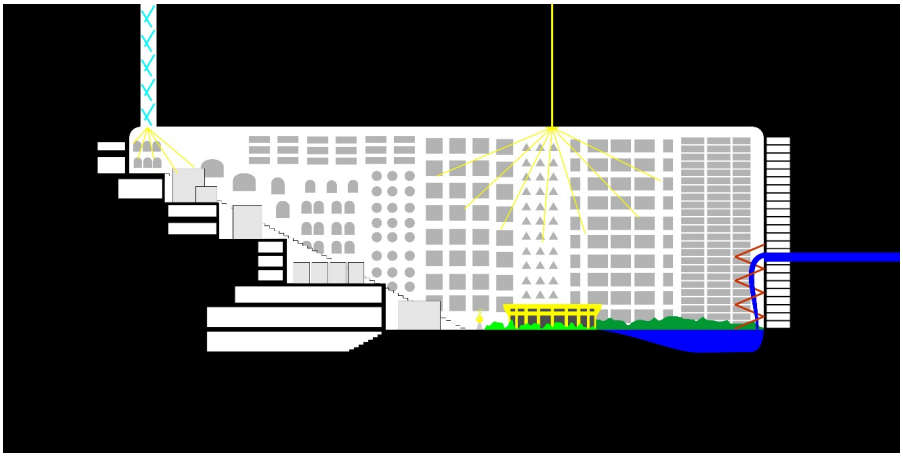
– Ты думаешь, это сложнее, чем построить двухсотметровую пирамиду без подъёмного крана? Кстати, это именно неандертальцы поставляли египтянам материал для строительства их мавзолеев. И со строительным оборудованием помогали…

Дома вблизи оказались гораздо наряднее, чем виделось издалека. В их наружной отделке кроме мрамора Даниэль разглядел декоративные элементы из малахита, нефрита, обсидиана, яшмы, змеевика и каких-то ещё неизвестных ему полудрагоценностей. Колонны, карнизы, балюстрады, статуи,

чаши и вазоны, достойные резца сказочного Данилы-мастера, поражали воображение. Местами они были скомбинированы с элементами из благородно поблёскивающих металлов. Такое великолепие Даниэль видел только в отделке царских и королевских дворцов на Поверхности. Здесь же каждое здание было дворцом.

На самом нижнем уступе, над парком, дома выглядели современней, но от этого их убранство стало ненамного скромнее. Тут жизнь била ключом: магазины, рестораны, иные заведения явно развлекательного назначения. На большинстве были вывески с рунами, но среди них сплошь и рядом попадались названия и логотипы знакомых с детства брендов.

Тут Амир подвёл Даниэля к стенду, на котором были две схемы.



– Андериерушалаим. Вид сверху и сбоку, – пояснил Амир.

Это было совсем необязательно – Даниэль догадался сам, но последующие пояснения были нелишними. Амир водил рукой над схемами, и те места, над которыми проходила рука, подсвечивались.

– Город простирается на два километра в длину и на полтора в поперечнике. Высота «неба» в самом высоком месте – четыреста метров. Вот древняя часть, тут в основном исторические, правительственные помещения, а также жилища самых уважаемых старейшин. Дальше на уступах и в их стенах – старая застройка, чем ниже, тем постройки свежее. В старой части самое престижное жильё. Чем ниже, тем оно скромнее, но не по качеству отделки, а по площади. После света больше всего у нас ценится пространство. Чем больше пользы обществу принёс за свою жизнь индивид, тем большим простором для проживания он обладает. В толще стен вокруг города жильё в такой же градации от самого шикарного ближе к древнему городу до капсульной застройки в районе водопада – здесь и уровней побольше, и окна поменьше. Вся жизнь человека – это непрерывное восхождение к свету и пространству.

– Как вы тут живёте? Не скучно? Всегда один и тот же вид из окна. Только под разными углами.

– Да у вас там на поверхности большинство живёт так же, только вид из окна гораздо хуже. И мрамор с позолотой только по праздникам, а у нас каждый день.

Даниэль согласился про себя с этим очевидным фактом.

– Ты непонятно выразился, Амир… «Чем больше принёс пользы…» Что определяет эту пользу? Заработанные деньги?

Амир поцыкал, мотая головой.

– У нас здесь нет денег. Польза рассчитывается по сложной

формуле, решающий коэффициент в которой – возраст. Время является для нас третьим приоритетом после света и пространства. Чем больше времени у человека впереди – тем меньше пространства для жизни; чем меньше времени у него остаётся – тем комфортнее его жизнь. То есть чем человек старше, тем просторнее его жилище, но если при этом он приносит пользу больше среднестатистического жителя Подземелья, то получает за это дополнительные метры и более престижное место в городе. Ещё при расчёте учитывается и состояние здоровья, конечно…

До Даниэля начало доходить, и он в панике огляделся.

– И не одной церковки, ни одной синагоги… У вас тут что, коммунизм, что ли?!

– Конечно. И не надо такого ужаса в глазах. В условиях крайней стеснённости в средствах экономика возможна только плановая и распределение только справедливое. Но так было только в начале времён. Потом, когда человечество поверхности подсело на золото как на наркотик, у нас тут наступил период изобилия, который длится до сих пор, благодаря тому что вы всё ещё готовы гибнуть за презренный металл. А неандертальцы всегда жили при коммунизме. Ты знаешь, чем первобытнообщинный строй от коммунизма отличается?

Даниэль задумался.

– Наличием средств производства?

– Нет. Первобытная палка-копалка – уже средство производства.

– А чем же?

– Только осознанием существования общественно-политического строя.

– Не понял.

– Ладно. Не напрягайся. Неандертальский юмор. Так вот, наш первобытнообщинный строй плавно, без ненужных промежуточных этапов и кровавых переворотов перешёл в коммунизм. Воплощение коммунистической идеи здесь, под землёй, стало возможным потому, что любой неандерталец понимает, что такое взаимопомощь, самоотдача и справедливость. Помнишь, я тебе говорил, что геном неандертальца всего на полпроцента отличается от сапиентного? Так вот эти полпроцента мы называем коммунистической хромосомой. Благодаря ей, не тратя попусту время, мы пришли к благоденствию. Теперь наши люди работают не больше шести часов в день. Тяжёлую работу делают роботы. Наши основные профессии: учитель, инженер, художник и учёный.

– И шпион, – добавил Даниэль.

– И шпион, – согласился Амир.

– А зачем же вы деньги придумали для людей Поверхности, чтобы ещё больше наш прогресс затормозить? Или это не вы?

– Нельзя просто так взять и придумать деньги. Скажем так, неандертальцы подсказали сапиенсам идею эквивалента товаров и услуг, чтобы тем было проще договариваться между собой.

Амир вернулся к схемам.

– А вот это наш Амфитеатр, – он указал на жёлтый кружок рядом с озером. – Он может вместить всех жителей города – сто двадцать тысяч человек и ещё тридцать тысяч приезжих. Это озеро с водопадом и аквапарк. Посмотри, – он протянул руку в сторону настоящего водопада, ненарисованного, – ты можешь увидеть отсюда самую большую в обоих мирах горку. Сто шестьдесят два метра. Да-да, вон та красная спираль.

– А почему я не слышу шума падающей воды?

– Так рассчитана плотность потока. Вспомни, как зависит шум воды из крана в ванной от того, как сильно он откручен.

Амир вернулся к схеме.

– В парке есть ещё зоопарк и аттракционы… За стенами города две промзоны: лёгкая и тяжёлая. У каждого подземного города своя специализация. У Андериерушалаима, например – вагоностроение и трубопрокат. Наши поезда снуют в наших же трубах по всему подземному миру.

– Вагоны – это шарики? Как тот, в котором мы сюда приехали?

– Нет, шарокаты – это как местное метро. Наши города связаны между собой сверхскоростными тоннелями. А вот этот круг – водозабор и геотермальная электростанция; мы получаем дармовую энергию из разницы температур на различных глубинах земли. Пожалуй, всё. У тебя есть вопросы, Даниэль?

– Амир, а где здесь можно выпить?

– Здесь нет алкоголя, приятель. Сухой закон. Неандертальская печень, как у ваших индейцев, очень плохо разлагает спирт. Но, возможно, я знаю человека, который сможет тебе помочь…

Глава 3.

Они спустились ещё на уровень. Лестница закончилась почти у Амфитеатра. Облицованный сияющим золотом, он был похож на драгоценную чашу Грааля.

Перед Амфитеатром высился абстрактный монумент: серого металла конус, увенчанный золотым шаром, из которого ввинчивалась ввысь расширяющаяся воронкой спираль.

– Что за аллегория? – Даниэль кивнул на монумент.

– Попробуй догадаться, – предложил Амир.

Даниэль подумал с минуту.

– Ну, предположим, это что-то о научном или творческом поиске… Сталь внизу – это база опыта и знаний, накопленных предками, золото – момент гениального озарения, которое «Эврика!», а спираль – неизведанное, к коему до́лжно стремиться.

– Браво, Даниэль! – восхитился Амир. – Ты почти угадал. Скульптура называется «Вечность». Конус внизу – это прошлое, которое не изменить, шар – настоящее, которое «Carpe diem!», и спираль – неизведанное, эфемерное грядущее.

– Скажи, Амир, а унитазы у вас тут тоже золотые, при коммунизме?

– Ну не из санфаянса же их делать, когда под рукой в избытке есть красивый и долговечный материал.

И как всегда, было непонятно: шутка это или нет.

К Амфитеатру они не пошли, свернули налево к аттракционам.

Но и к аттракционам они не пошли, обогнули их слева и попали на аллею из акаций, украшенных по одну сторону от булыжной дорожки жёлтыми, по другую – оранжевыми соцветиями. Шуршали струи поливальных механизмов, уютно пахло влажной землёй.

Аллея упёрлась в стену города. В ней была вырезана высокая треугольная арка, обрамлённая чёрным гранитом, по сторонам и над которой до самого неба протянуты рядов десять окон такой же формы и в таких же окладах. На верхнем углу входной арки золотыми, конечно же, но строгими, без финтифлюшек, рунами обозначилась короткая, как аббревиатура, надпись.

– Это наш научный и медицинский сектор. Здесь ты пройдёшь обследование и будешь жить и работать, – объявил Амир.

Через автоматические двери они прошли в вестибюль. Интерьер здесь был как в пятизвёздочном отеле. За стойкой стояли двое в форменных куртках – один в голубой, другой в синей. Когда группа во главе с Амиром проходила мимо них, тот, что был в голубой, промычал что-то с вопросительной интонацией, араб только кивнул в ответ.

Пока они ехали в лифте, Даниэль сообщил, что не прочь посетить уборную.

Унитаз таки оказался не золотым, а из светло-серого глянцевого металла. Вода в кране бодрила холодом, как ключевая.

Выйдя, Даниэль заметил:

– Ты напугал меня, Амир, я думал, и впрямь золотые…

– Это палладий, Даниэль. Золото слишком легко царапается.

«Конечно, палладий… Платина ещё скажи!» – проворчал про себя Даниэль. Странный юмор араба начинал уже раздражать. Или это всё-таки был не юмор?

Коридоры научного сектора напоминали внутренности инопланетного космического корабля. Двери тут тоже были треугольные и разъезжались на три стороны, как лепестки диафрагмы старинного оптического фотоаппарата. Через них входили и выходили люди в жёлтых, голубых, синих и красных комбинезонах. Амир подошёл к одной из дверей и нажал на подсвеченный треугольник на стене. Дверь с тихим шипением исчезла в стене.

– Знакомься. Я зайду за тобой позже, – и ушёл.

Даниэль вошёл и оторопел от представшего перед ним зрелища.

Посреди небольшой комнаты, на фоне треугольного окна, стояло нечто круглое и мягкое, при взгляде на которое в мозгу всплывает слово «оттоманка». А на ней возлежала… Именно возлежала, а не что-нибудь там… на ворохе пёстрых шёлковых подушек восхитительная огненно-рыжая женщина… Нет! «Женщиной» назвать её язык не поворачивался… Дива.

Возраст дивы определить было сложно. Скорее всего она была молода, или это многочисленные милые веснушки, сплошь покрывающие её лицо и обнажённые руки, заставляли так думать. Нет. Она определённо была очень молода. Идеально гладкая кожа. Пухлые полуоткрытые губы. Светло-карий взгляд в обрамлении языков пламени – такими густыми и длинными были ресницы. Внешние углы глаз были приподняты, как у лисицы. Огненный вихрь вокруг головы, волнами уносящийся за плечи, густой и как будто тяжёлый. Казалось, что нежной и тонкой руке, подпирающей голову, должно быть непомерно трудно.

– Нас не представили… – начал было он, налюбовавшись, но она остановила его движением руки и указала на пуф, который стоял тут же. Он сел.

– Твоё имя мне известно. Попробуй угадать моё, – голос её звучал как волшебная музыка.

– Не знаю… Персефона[44]? – предположил он.

– Забавно. Но нет.

Даниэль пожал плечами.

– Может, будут какие-то подсказки?

– Я надеялась, тебе подскажет сердце… – лицо её изобразило грусть. – Даю три подсказки. Первая. Я родом из Центральной Африки, мой народ живёт между реками Конго и Луалаба.

– Боюсь, это звучит странно. Ты совсем не похожа на

африканку. Разве что какая-то тотальная пластика. Я тоже выгляжу не так, как меня задумывала природа.

– О да. Пластика действительно тотальная… Вторая подсказка. Моё имя носил пингвин из советского мультфильма 1986 года.

– Шутишь? Это вообще не подсказка. Меня тогда и в помине не было.

– Тогда подсказка третья, последняя. Моё любимое начало за чёрных – французская защита.

– А что будет, если я не угадаю? – и тут до него дошло. – Постой… На что ты намекаешь? Ты Лоло? Но это же невозможно…

– Но это же я, Даниэль! Я!

Она вскочила с кушетки и закружилась, смеясь. Халатик-кимоно разлетелся, обнажая длинные, ровные ноги.

– Не понимаю… – прошептал Даниэль.

– Я – Лоло! Шимпанзе бонобо, сознание которой перенесли сначала в виртуальную реальность, а потом в это тело, – она остановилась, кокетливо изогнулась и указала куда-то на область живота обеими руками, – которое вырастили *in vitro*. В моём случае человек буквально произошёл от обезьяны. Миллионы лет эволюции в одной отдельно взятой особи.

– Как это так «перенесли»? Сознание – это что, мебель какая-то, можно из одной квартиры в другую перетаскивать?.. – пробормотал он.

В её смехе он уловил знакомые нотки; голос хоть и был другой, но та же диковатая интонация.

– Не совсем точное сравнение. Это скорее не мебель, а… – она на секунду задумалась, – монитор, на который передаётся информация с камер наблюдения… Ты знаешь, я сама периодически ощущаю себя как будто в сказке. Но мне, наверное, проще; шимпанзе гораздо легче поверить в чудо, чем человеку…

Даниэль не знал: верить ей или нет. На фоне всех чудес, произошедших с ним в последнее время, обезьяна, сознание которой перенесли в человеческое тело, не казалась такой уж диковиной, но всё же…

Лоло спросила:

– Ты голоден?

Он прислушался к ощущениям.

– Очень. А ещё я бы выпил… Хотя знаю, здесь не наливают.

Лоло подмигнула заговорщицки и порхнула к стене, в которой за разъезжающимися дверками оказались полки. На одной их них стояли бутылки.

– А как же сухой закон? – обрадовался он.

– Не для всех. На мне испытывают, как воздействует алкоголь на искусственно выращенный организм. Мне эти эксперименты даже нравятся. Есть вино, джин и виски.

– Вино, наверное… – потом махнул рукой. – А чёрт с ним! Можно виски?

Себе она плеснула белого вина.

– За очное знакомство! – провозгласил Даниэль и звякнул стаканом о её бокал.

– Очень рада, – улыбнулась Лоло. – Что бы ты хотел на завтрак?

– Устриц и чёрной икры, – хохотнул Даниэль, которому сразу стало чрезвычайно комфортно и весело.

Лоло снова подошла к стене и произнесла чётко:

– Завтрак на две персоны. Устрицы, икра чёрная и яйца пашот.

Ей ответил женский голос:

– Напитки какие будете?

– Я буду кофе, как обычно, и яблочный сок. Тебе?

– Минералку, – он неуверенно ухмыльнулся.

– И минеральную воду.

– Заказ принят, – произнёс голос. – Время ожидания – десять минут.

– Что это было? – спросил Даниэль.

– Служба пневмодоставки. Работает по всему городу. Ты представляешь, какая тут плотность населения? Если бы люди по магазинам ходили, в них бы давка началась… И кроме того, ни у кого дома нет кухонь – экономия жилой площади. Так что приготовлением пищи тут только профессионалы занимаются в специальных комбинатах.

– Понятно. А икра, устрицы…

– Ты слышал что-нибудь об изобилии? Вот оно в действии. Но всему есть предел, конечно, если бы ты зебру африканскую, скажем, заказал, тушённую с трюфелями, то пришлось бы обломаться. А осетров и устриц прямо над нами, в Израиле, на фермах разводят, так что ничего невероятного.

– И что? Любой работяга может фуагру́ от пуза кушать?

– Почему нет? Это равенство называется. Мы наверх золото-брильянты – они оттуда печень гусиную в промышленных масштабах. Недра тут всем принадлежат, а не только олигархам, как у сапиенсов.

– «Сапиенсов»… «Мы», «они»… А ты к кому себя причисляешь? К неандертальцам, что ли? Тело у тебя явно от сапиенса всё же.

Она стала очень серьёзна.

– Геном шимпанзе хоть и ненамного, но к неандертальскому ближе. И всю свою сознательную жизнь я провела здесь, под землёй. Большую часть её в неосязаемом состоянии, но вот уже почти месяц в теле. Андериерушалаим – моя родина. Так что «мы». И «вы». И я рада, что так вышло: неандертальская идеология мне ближе – бонобо в природе тоже коммуной, можно сказать, живут.

Он не нашёлся, что ответить на эту отповедь…

– Ещё виски? – спросила Лоло.

Даниэль помотал головой. От похмелья не осталось и следа, и дальнейшие возлияния могли притупить ощущения, а он не хотел портить опьянением этот удивительный день.

В стене зазвенел колокольчик.

Завтрак содержался в касалетках[45] из серебряной фольги, как в самолёте, зато столовые приборы были, естественно, золотыми. Подоконник треугольного окна откидывался и превращался в столик. Наверное, из-за невероятной новизны окружения все чувства Даниэля обострились: и вкус, и запах, и цвета – всё ощущалось очень ярко.

На секунду заглянул Амир.

– Ну как вы? Вам придётся этот день провести вместе: у меня доклады, отчёты. Убегаю. Завтра введу тебя в курс дела, Даниэль. Твоё жильё покажет Лоло. И пока тебе лучше не выходить за пределы комнаты. Поработай. Доступ в Интернет у тебя будет, сможешь зайти со своего стретчера. Но учти, никакого общения с ВСКПУ. Мы всё отслеживаем.

После завтрака Лоло отвела Даниэля в его комнату. Она оказалась соседней, через общий санузел. В котором кроме душа был унитаз, скрывающийся в стене во время проведения водных процедур. Также из стены выезжала маленькая раковинка для умывания.

Он поблагодарил Лоло и сел за работу.

Когда «солнце» стало тускнеть, он понял, что наступил вечер.

В дверь, отделяющую комнату от санузла, постучали.

– Войдите!

– Может быть, в шахматы? – предложила Лоло. – У меня и доска настоящая есть, и фигурки. Будешь?

– А давай!

Через минуту она явилась с шахматной доской в одной руке и бутылкой виски в другой.

Ему выпало играть чёрными. Лоло была очень неудобным партнёром. Каждый ход её таил угрозу и не давал перейти в контратаку. Но благодаря тому что они играли вживую и таймера

не было, у Даниэля хватало времени и на обдумывание ходов, и на то, чтобы разглядеть её как следует.

Она была воистину прекрасна. Но…

В детстве он смотрел серию фильмов про планету обезьян. В них через пласты компьютерной графики всё равно можно было разглядеть актёров-людей, играющих обезьян. Так вот с Лоло было всё наоборот: в прекрасном человеческом лице её он всё равно видел черты шимпанзе. Непонятно, в чём это проявлялось: то ли в том, как она шевелила губами, когда размышляла над ходом, то ли когда трогала нижнюю губу большим пальцем. Во взглядах, которые она на него периодически бросала, было что-то такое, как будто низшее существо смотрит на высшее, пытаясь понять, угадать, угодить…

– Даниэль, что ты хочешь во мне разглядеть? – спросила она наконец. – Как тебе моё тело? Между прочим, ДНК для него получили от одной из жён или наложниц Соломона. Неандертальцы нашли его гробницу. Женщина была похоронена вместе с царём. В мумифицированных останках обнаружили следы яда. По всей видимости, она не смогла перенести смерть своего повелителя.

– Слишком красивая история, чтобы быть правдой, – грустно сказал он.

– Ты что, не веришь в любовь?

В ответ он лишь грустно улыбнулся.

– Это очень печально, – произнесла она.

– Почему же?

– Потому что я люблю тебя, Даниэль.

Он смутился. Это было очень неожиданное заявление.

– Брось. Это всё не по-настоящему, – пробормотал он.

– Но я же настоящая!

Лоло распахнула халатик, схватила его руку и положила себе на грудь.

– Отстань, Лоло! Пусти сейчас же! Это всё неправильно! – закричал он.

Она оказалась очень сильной, он с трудом вырвал руку. Шахматы градом посыпались на пол.

– Это потому что я обезьяна?

– Да!

Звонкая пощёчина оглушила его. Она выскочила из комнаты, на ходу заворачиваясь в халатик.

Всё произошло очень быстро. Только что они мило болтали и играли в шахматы… Он попытался восстановить в памяти хронологию событий, и у него не получилось.

Возможно, если бы Даниэль не выпил, то был бы толерантнее

и ссоры с Лоло не произошло бы… но он ни о чём не жалел. Бывают такие сны, в которых человек творит что-то противоестественное и непотребное, а потом просыпается и благодарит бога за то, что ничего на самом деле не было. Подобное ощущение испытывал сейчас Даниэль.

«Повадились что-то бабы в последнее время меня по щекам хлестать. Дора на «первом свидании» тоже в щи заехала… Лицо теперь такое, что ли, у меня?» – думал он, засыпая.

Его разбудил Амир.

– Обидел ты Лоло, Даниэль. И сильно обидел…

– А ты зачем на меня обезьяну дикую натравил? Она мне чуть полбашки не снесла, – Даниэль указал на припухшую щёку.

– И всё же я не понимаю, как ты мог так с ней поступить… Она вон плачет теперь.

– Да послушай, Амир. Я ж не зоофил какой-то!

– Зоофил?! Вот ты как… А то, что она не обезьяна давно? Любой мыслящий индивид, будь то бывшая обезьяна или искусственный интеллект, достоин такого же отношения к себе, как и человек. Она вон и в шахматы лучше тебя играет.

– Я не зоофил, – упрямо повторил Даниэль.

– Прости… Я совсем забыл, что ты претендуешь на место мессии. Будем считать, что ты прошёл испытание блудни́цей вавилонской.

– К чёрту ваши испытания! И вообще, у меня девушка есть! – закричал и сам понял, насколько это далеко от того, чтобы быть правдой. Дора не могла быть чьей-то девушкой.

Глава 4.

– Государство, безусловно, любит каждого своего гражданина, потому что существование этого гражданина делает возможным существование самого́ государства. Любит государство, как существо простое и искреннее, своих граждан любовью очень натуральной, плотской. И устилает лепестками лжи дорожку к любовному ложу, на котором имеет этого самого гражданина в коленно-локтевой позе.

Государствам и мировому правительству не нужны бессмертные граждане. Умными людьми управлять сложнее – их нелегко уговорить встать раком. А в случае бессмертных речь уже идёт не просто об умных, а о мудрых…

Кроме того, власть имущие, конечно, захотели бы заполучить монополию на бессмертие. Чтоб оно стало привилегией для избранных. Такое благо для всех?! Как это возможно? Как быдло

и нищеброды могут встать вровень с элитой?!

И вот уже оказывается, что бессмертие – это не твоё личное дело, а разрушение государственных устоев.

Даниэль выключил запись и спросил:

– Ну как?

Араб кивнул одобрительно.

– Хорошо. Только поменьше экспрессии – ты ж в боги готовишься, а не в президенты.

– Скажи, Амир, а мировое правительство всё-таки есть?

– А от кого, ты думаешь, работает ВСКПУ? Кто его финансирует?

Месяц под землёй пролетел незаметно. За это время Даниэль стал окончательно одержим мечтой выиграть апостольское первенство. Для этого приходилось много и тяжело трудиться.

Поначалу его сдерживал страх. Страх, в случае победы, не попасть ни в какую виртуальную реальность, а просто умереть. По условиям апостольского состязания, проигравшие смогут переместиться в виртуальную реальность по желанию в любой момент жизни. Или вовсе не перемещаться, если такового желания не будет. А победивший мессия отправляется на тот свет почти сразу по окончании состязания. А вдруг не получится? А вдруг что-то не сработает?

Как это было бы ужасно… Как с отцом Бронфельда: тебя погружают в какое-то пограничное состояние между жизнью и смертью, а потом пробуждения не происходит. Только тьма и тишина, и ничего… Отсутствие существования. Небытие́. Ужас.

В итоге он, подобно Эпикуру, успокоил себя тем, что этот самый ужас испытывать будет уже некому, а значит, и ужаса никакого не будет. Зато как интересно проснуться в совершенно ином, волшебном мире… Нет. Он всё-таки очень хотел победить!

Оказалось, что в Китае и Индии у Даниэля были очень серьёзные соперники. Обе страны явили миру немало богов, и никто не удивился бы тому, что звезда новой технократической религии взошла на Востоке. Положение осложнялось тем, что в отличие от китайца и индуса, у которых в их странах конкурентов не было, у израильского апостола, поскольку он работал в основном на англо- и русскоязычную аудиторию, их было предостаточно.

Даниэль записывал ролики и проводил стримы на трёх языках: английском, русском и иврите. Участвовал в виртуальных диспутах с представителями науки, а также священнослужителями различных конфессий. Брал интервью у футурологов и общественно-политических деятелей в контексте

приближения царствия небесного на земле. Он был занят продвижением своего канала почти всё время бодрствования, а спал всего часов по пять в сутки.

Благодаря этим героическим усилиям и чудовищным средствам, которые неандертальцы вкладывали в раскрутку апостольских каналов, число его подписчиков приближалось уже к ста миллионам. По всему миру общее количество апологетов новой веры приближалось к миллиарду, то есть одной десятой населения, и это, если считать только подписчиков.

Из научно-медицинского комплекса Даниэль почти не выходил. Когда он совершал редкие вылазки в парк и на озеро в сопровождении Оэва и Сонэ, его никто не узнавал.

Араб объяснил это так:

– Бог нужен только людям Поверхности. Неандертальцы воспитаны историей иначе: им не нужны стилизованные под святое писание россказни. Они узнают о возможности вечного существования как о достижении науки, когда методика будет обкатана и подготовлена для массового применения.

– Всё равно не понимаю… У меня же не единственного здесь есть доступ к Интернету?

– Конечно, нет. Он есть у любого. Разве что в несколько ограниченном виде, для того чтобы предупредить внедрение в сознание подземных граждан различных наземных вредных идей.

– То есть цензура? Как в тоталитарном государстве. Как в Китае или Северной Корее…

– Да, – просто ответил Амир. – Мы избавляем наших людей от принятия неверных решений, основанных на ошибочных представлениях о действительности, которые в свою очередь являются следствием лживой пропаганды, переполняющей всемирную Сеть. Посуди сам. Если бы мы допустили сюда весь этот информационный мусор, который распространяется на Поверхности… Тут бы партии, не дай бог, появились, оппозиция, феминизм. И даже несмотря на исключительно материалистическое образование – непременно появились бы верующие. Они бы церкви себе требовать начали, молельные дома, а при нашем дефиците площади это стало бы катастрофой. Волнения, демонстрации, религиозные фанатики с иконой в руках и камнем за пазухой… Нет уж. Увольте. Лучше цензура.

А для жителей Подземелья ты станешь виртуальным Гагариным – первым сознанием, с помощью науки перенесённым на электронный носитель. Они узнают о тебе только в великий день переноса.

Даниэль подумал, что даже лучше, что никто его не узнаёт. Тут и так не протолкнуться бывает… В Москве и то проходу не

давали, а тогда его аудитория была на порядки меньше.

– Амир, а зачем вообще вся эта суета: религия, мессия, Завет? Почему не сделать по-человечески? Просто рассказать людям, что есть такая технология – желающие, добро пожаловать в Матрицу…

– Через религию вернее – технология обкатанная.

Иногда они с Амиром и провожатыми ходили в Амфитеатр. Это циклопическое сооружение имело посередине длинное узкое зелёное поле с Н-образными огромными воротами.

– Вы тут в американский футбол играете, что ли? – удивился Даниэль.

Амир даже фыркнул от обиды.

– Вообще-то это поле для регби.

– Какая разница, – махнул рукой невежа.

Араб гневно воззрился на него:

– Ты совсем в спорте не разбираешься? Американский футбол – это опошленная и упрощённая разновидность регби. Одни эти доспехи их дурацкие чего стоят… Регби – исконно неандертальский вид спорта.

– Да ладно… Его же англичане придумали.

– Регби придумали люди Подземелья больше тысячи лет назад, – категорично заявил Амир. – Да ты вслушайся в название – это же англизированное неандертальское слово. Очень долго на Поверхности ничего не знали об этой великой игре, но в XIX веке один скучающий агент НРК из Андерландона показал игру студентам Кембриджа… Сапиенсы играют в регби по сравнению с нами примерно так же, как израильтяне в футбол по сравнению с бразильцами.

Это оказалось правдой. Такую ловкость Даниэль видел только в Интернете в компиляциях «Like a boss», в которых изредка попадались моменты из регби. Так вот тут вся игра состояла из таких моментов. В роли нападающих выступали в основном сапиентоформные гоминиды, в роли защитников – более приближенные к неандертальской конституции.

Со стороны это выглядело так, как будто неандертальцы охотились за субтильными в сравнении с ними сапиенсами. Их гоняли по всему полю, а когда настигали, жестоко ломали и отбирали мяч. Но надо сказать, что чудеса ловкости и изворотливости демонстрировали как раз нападающие; чтобы уйти от столкновения с более мощными защитниками, они закладывали такие виражи и вытворяли такие кульбиты, что от восторженного воя трибун у Даниэля звенело в ушах. Но когда бедолаг всё-таки настигали, зрители выли так, что уши

приходилось закрывать руками. После столкновений с защитниками нескольким нападающим оказывалась медицинская помощь прямо на поле, а одного даже унесли на носилках.

В тот день Андериерушалаимские «Кроты» играли против андеркиотской команды «Землеройки». В облике гибридных игроков из Японии проглядывали явные азиатские черты. Их узкие глазные щели под выдающимися козырьками надбровных дуг смотрелись зловеще.

После игры поле раздвинулось в центре и из-под него выехала сцена.

Выступала очень популярная, по словам Амира, гроул-группа «Поющие камни». Это было ещё более жестоким испытанием для слуха Даниэля, чем крики болельщиков. Улучив момент, когда стало потише, он спросил у Амира, который явно наслаждался этой чудовищной какофонией.

– Гроул тоже ваше изобретение?

– Конечно! Ты только вслушайся в звучание слова.

– Англизированное неандертальское?

– Точно.

– Амир, почему никогда не понятно: шутишь ты или нет?

– Это такая особенность неандертальского национального юмора, – возможно, пошутил Амир.

Когда концерт наконец закончился и все повставали со своих мест, оказалось, что зрительские сиденья окрашены секторами в разные цвета: жёлтый, голубой, красный и чёрный. Амир с удовольствием объяснил, что это делается для того, чтобы люди с разной концентрацией неандертальских генов могли легко найти свои места.

– Ты мне тут про коммунизм какой-то первобытный рассказывал, а у вас тут никакой не коммунизм, а самый настоящий нацизм пещерный получается… Это ж сегрегация по расовому признаку чистой воды, – отреагировал Даниэль.

Араб вздохнул.

– Я устал тебе объяснять. Вы, люди Поверхности, после Великой Спецоперации во всём видите нацизм… Разве места на трибунах для гибридов намного хуже, чем для «чистых»? Мы разделяем граждан только для их удобства. Я квартерон, причём по матери. И что? У меня нет никаких проблем, например, с карьерой.

– А ты сам себе эту карьеру выбрал? Ты понимаешь, что это ненормально – когда тебе всё время напоминают, мишлинг[46] ты или чистый?

– Но почему же? От этого зависит твой облик, способ

мышления, физиология. То есть в итоге твой функционал в жизни…

– Функционал… А мать ты свою помнишь, квартерон? Или только отца? А у «чистых» ваших и неандерпапа, и неандермама имеются. А то, что из сапиенсов отработанных здесь удобрения делают… Или ты этого не знаешь?

– Что за чушь? Это ваша пропаганда вээскапэушная?

– Никакая не пропаганда. Из первых уст информация.

Амир прищурился.

– От Силена, что ли?

– А ты откуда про него знаешь?

– Да уж знаю. В одной школе учились. Тот ещё чудак и фантазёр…

– А то что выпускник школы вашей шпионской должен сапиенса убить? – не унимался Даниэль. – Выдумки фантазёра?

Амир поморщился.

– Ну не любого же сапиенса, а преступника, скрывающегося от правосудия.

– А похищения учёных и инженеров?

– Мы помогаем им полнее раскрыть свой творческий потенциал. Они обретают тут такую свободу, о которой на Поверхности могут только мечтать.

– Ты вроде неглупый человек, а не понимаешь, что против воли освободить невозможно… А то, что вы баб крадёте и они тут рожают как заведённые, пока не выдохнутся?

Амир открыл было рот, но Даниэль опередил его.

– Погоди! Дай сам догадаюсь. Вы просто помогаете им раскрыть все физические возможности женского организма. Это же рабовладение натуральное, Амирчик. Дикость.

Амир отмахнулся с досадой.

– Слушай, отстань ты от меня с этой ерундой, пожалуйста. У меня от таких разговоров голова болеть начинает.

К концу третьего месяца под землёй, к завершению апостольского конкурса, у Даниэля было уже около трёхсот миллионов подписчиков.

Что же касается азиатских конкурентов, тут дело решило, видимо, то, что в Индии влияние старых религий до сих пор слишком сильно и количество последователей нового гуру не дошло до критической цифры. А вот китайский апостол значительно опережал Даниэля по числу последователей, но его вдруг запретили на государственном уровне, что значительно снизило его популярность, а потом и вовсе убили. Вне всяких сомнений, это было делом рук китайского филиала ВСКПУ.

Даниэль победил.

Узнал он об этом от Амира, который торжественно вручил новоявленному мессии том «Новейшего Завета» с буквой «Далет» из ивритского алфавита на обложке. Эта буква была первой в имени Даниэль, и новая религия теперь называть «Даниэлизм». Кроме того, «далет» – это «дверь» в переводе с иврита. Буква своими очертаниями напоминала приоткрытую дверь – метафору перехода в иной мир

Даниэль обнаружил в книге последнюю главу, которой не было в предыдущем издании. В ней давалось жизнеописание Даниэля Альтмана. Оно повторяло вээскапэушную легенду: московский школьник, студент, учёный, израильский репатриант, продавец книг, мессия.

На форзаце книги довольно коряво было начертано: «Дорогому другу Даниэлю, человеку и богу, от автора. Ничего не бойся. На Том Свете свидимся! Лион Брон». От упоминания «Того Света» Даниэля пробрала дрожь…

До процедуры переноса сознания оставалось три недели.

Глава 5.

Вечером того же дня, когда его утвердили мессией, подталкиваемый ужасом скорой физической смерти своего организма, он постучался в дверь душа со стороны комнаты Лоло…

Её клонированное тело оказалось прекрасно и абсолютно не выглядело искусственным; кроме веснушек кое-где попадались и родинки, на одной щеке была милая неглубокая ямочка – на другой не было. Был даже маленький шрам под коленкой.

Потом они выпили. Ему стало легче.

– Скажи, – всё, что он собирался сказать дальше, казалось ему забавным. – А у тебя не бывает ощущения, что на нас эксперимент какой-то дьявольский производят?

– Что ты имеешь в виду?

– Смотри. Тебя, как мартышку, прости, первую в космос этот виртуальный запустили. Теперь меня, сапиенса, готовят. А господа неандертальцы посмотреть желают, что из этого получится, а потом уже сами…

– Может быть… Только что тебя в этом не устраивает? Вы же лекарства свои на нас проверяете как на самых близких по генетике существах. Так?

– Так.

– Ну и что тебя смущает?

– Так люди ж не обезьяны всё-таки!

– Это какой-то межвидовой фашизм, тебе не кажется? – хихикнула Лоло.

Даниэль понял, что она права…

Засыпая в своей постели, он поклялся себе больше никогда к ней не ходить. «Раз сходил – не зоофил», – утешился он.

В следующий свой приход он напился и разнюнился у неё на груди, призывая её разделить его страх и пожалеть его бедное тело, которое скоро станет удобрением для деревьев подземных парков.

Она очень твёрдо и убеждённо сказала:

– Ты хоть понимаешь, что ты за герой?! На что ты идёшь ради всех разумных существ на Земле? Когда меня переносили, я ничего не понимала. А ты идёшь на это сознательно. Какой там Гагарин? Ты в сто раз круче. А ну перестань! Герои не плачут!

– Дура, – сказал он сердито. – Ещё как плачут.

Каждый раз, уходя от Лоло, он казался себе грязным. И каждый раз клялся, что это был последний его визит к ней.

Как-то ночью, закончив монтаж очередного видеоролика, он решил размять ноги, прогуливаясь по коридору научно-исследовательского комплекса. Выйдя из номера, Даниэль почти наткнулся на коренастого типа, причёска которого начиналась прямо от бровей. Дверь соседнего номера зашипела. Даниэль с досадой осознал, что этот тип только что вышел от Лоло. В такое время… Он смотрел ему вслед; тип удалялся, так сильно сутулясь, что со спины казалось, что он идёт на четвереньках. Даниэль в последний раз поклялся себе никогда больше… Но уже следующим вечером он стучался в её дверь. Ему невыносимо страшно было засыпать на трезвую голову.

Под Новый 2037 год, за две недели до иммортализации, как Амир называл процедуру переноса сознания, у Даниэля удалили биочип, предварительно убедив его в том, что это необходимо для того, чтобы процедура стала в принципе возможной.

– Да и зачем он тебе? Сигнал от ВСКПУ сюда всё равно не проходит. И режим берсеркера тебе зачем? С кем ты тут воевать собираешься? – такими были последние аргументы Амира.

После операции по удалению импланта Оэв и Сонэ стали гораздо меньше докучать Даниэлю: больше не дежурили по очереди перед его дверью и на прогулках выглядели скорее как приятели, а не как охранники.

Пока мессия несколько дней восстанавливался после операции, к нему приходил Амир, и они репетировали прощальную речь.

Как-то раз Даниэль, глядя в треугольное окно на

неподвижное неандертальское светило, попросил:

– Амир. А можно мне в последний раз солнце настоящее увидеть?

– Даниэль, ей богу… Что ты разнылся, как Дюймовочка? Увидишь ты своё солнышко ещё миллион раз, просто другими глазами. Ещё, как оно погаснет, увидишь… ВСКПУ относится к тебе как к предателю. Как только ты появишься на Поверхности, тебя тут же Буратино ваш запеленгует и аннигилирует лучом со спутника. Так что без соплей. Давай-ка лучше ещё раз по речи пройдёмся. У тебя аудитория под миллиард будет.

Даниэль собрался и заговорил, стараясь контролировать руки (Араб отучал его от излишней жестикуляции. В кажущиеся теперь такими далёкими времена портала *InfoOdin* у Максима Одинцова была привычка слишком активно двигаться в кадре, и он считал её своей фишкой, но араб убедил его, что будущему богу не к лицу размахивать руками, как пьяному итальянцу):

– И вот этот день пришёл. Сегодня я либо стану богом, либо умру.

С начала истории жи́ло и у́мерло более ста миллиардов человек. «Более»… В этом «более» ещё миллиардов десять или пятнадцать. Казалось бы, какая разница? Когда в ходу такие большие цифры, кажутся неважными эти приближения…

Но нет, друзья, важна каждая жизнь. Каждая! Одинаково. Вернее, не так. Своя даже меньше. Все неприятности человечества происходят из-за того, что кто-то решает, что его жизнь важнее, чем чужая. И вот вырубаются леса, отравляются реки, строятся атомные электростанции вместо ветряных и солнечных, развязываются войны…

Люди должны прекратить умирать. И мне выпало первым ступить на тропу бессмертия. Не скрою, страшно. Наверное, так же было страшно Гагарину. Хотя вряд ли; он был лётчиком, а я не принадлежу к героической профессии…

Если не получится… это будет всего лишь неудачный эксперимент. Специалисты подкорректируют методику, и следующий, кто пойдёт за мной, сможет закрепиться в вечности.

Привет тебе, Нарендр́а! Это мой индийский коллега, которого большинство из вас, конечно, знает. Он пойдёт за мной, я знаю, без колебаний, даже если со мной что-то произойдёт.

Я знаю ещё одного, кто по справедливости должен был оказаться на моём месте… Вечная память тебе, Чанг! Его вы тоже, конечно, знали. На светлом пути не обходится без жертв. Китайский апостол погиб от рук религиозных фанатиков. Как это, должно быть, обидно: умереть на пороге бессмертия…

Хочу обратиться к верующим других конфессий. Наша

научная религия вовсе не отрицает существования всех остальных. В их отношении мы занимаем агностическую позицию: возможно, это именно ваш бог, Христос, Аллах или Яхве, позволяет и помогает нам делать то, что мы делаем. Возможно, он готов разделить с человеком престол бессмертия.

Кто-то говорит: смерть – это замысел божий. Если человек должен умереть, пускай умирает. Не буду сейчас говорить о неприемлемости этой позиции. Скажу о другом. Согласно библейскому преданию, люди захотели быть равными богу и решили построить башню до небес. Господь всемогущий вполне предсказуемо возмутился и смешал языки, чтобы строители перестали понимать друг друга. Стройка, конечно же, заглохла, и основа башни была срочно переделана в объект для религиозных обрядов. Но сейчас вы видите меня во всех странах мира и понимаете меня так, как будто я говорю с вами на вашем родном языке. Что-то я не слышал о сколько-нибудь серьёзных возражениях со стороны религиозных деятелей против персональных электронных переводчиков. А ведь это был замысел божий – сделать так, чтобы люди перестали понимать друг друга! Может быть, это было не наказание, а испытание? Задача, которую надо было решить. И её решили. Сейчас, благодаря личному переводчику, людям не нужно тратить время на изучение иностранных языков.

Повелел опять-таки господь за грех первородный в наказание – всем женщинам рожать в муках страшных. И это воспринял человек как челленж – сейчас в муках даже в Африке не везде рожают…

Так, может быть, и со смертью такая же история? Может, смерть – это препятствие, которое по замыслу божию человек должен был научиться обходить?

Тут Даниэль сделал паузу. Мощную. Такую, от которой зрителю становится неуютно. Амир заёрзал под его пристальным взглядом. Тогда мессия грустно улыбнулся и перешёл к заключению:

– Сейчас я ухожу. Но очень скоро вернусь к вам в новом обличии, и мы продолжим обсуждать будущность человечества на совершенно другом уровне. Прощайте! И до встречи! Всех люблю!

Араб даже языком прищёлкнул.

– Неплохо, Даниэль! Только опять ты под конец руками размахался.

Глава 6.

Иммортализация должна была состояться публично на арене

Амфитеатра на глазах у ста пятидесяти тысяч подземных жителей. Для жителей Поверхности в Интернете будет запущена онлайн-трансляция.

Как с технической точки зрения будет произведена процедура, араб рассказал Даниэлю за два дня перед ней.

В ткани мозга через кровоток будут внедрены операционные нанороботы. Они начнут выжигать внутримозговые нейроны и один за другим замещать их синтетическими протезами, которые, по сути, являются оптическими транзисторами с несколькими вводами, заменяющими дендриты, и одним выводом вместо аксона. Сигнал в них передаётся не с помощью электронов и ионов, как в живой клетке, а с помощью частиц света – фотонов. Постепенно весь биологический материал будет заменён на синтетический. В процессе замены электронно-ионная активность мозга не прекратится ни на мгновение, постепенно замещаясь на нанофотонную. Постоянно находясь в сознании, иммортализируемый не будет испытывать боли или дискомфорта, потому что ткани мозга лишены чувствительности. Наконец, получившийся муляж мозга, которому уже не нужно кровоснабжение и никакой энергии кроме электрической, будет экскорпорирован и помещён в ячейку хранения, подключенную к виртуально-информационному серверу. Начнётся вечная жизнь…

– Я всё время буду рядом, – пообещал Амир. – Будем вести непринуждённую беседу для развлечения зрителей.

– А что станет с моим телом? – Даниэль смотрел на свою руку. Сжал и разжал кулак. – Я привык к нему за последние тридцать три года.

– Ты что думаешь, когда философы призывают не привязываться ни к чему материальному, они не имеют в виду эту темницу духа в том числе?

– Мне страшно, Амир…

– В этом и смысл! Ты расстаёшься со своей биологией в полном рассвете сил, показывая путь всему человечеству. Тебе страшно, но ты всё равно идёшь на свою Голгофу.

– Может, хотя бы на органы пустим? Чего добру пропадать?

– Это никому не нужно. Мы давно умеем органы из собственных клеток выращивать. Может, ещё мумию сделать и в мавзолей положить?

– А что, это идея… – грустно улыбнулся Даниэль.

– Нет. Нам больше не нужны толпы, поклоняющиеся святым мощáм. Для желающих непосредственного общения с богом будешь ты сам, твои подкасты и стримы из иного мира. А бренное тело в печь! Пепел, если хочешь, над Мёртвым морем развеем.

– Ну над Мёртвым, так над Мёртвым… – рассеянно

согласился Даниэль.

В этот вечер Лоло была грустна и улыбалась через силу, а когда он уходил, расплакалась и сказала, что будет скучать по Даниэлю, пока ему не дадут новое тело.

– Ну скучать тебе не дадут, – довольно цинично заявил он. – Я видел: тут есть кому тебя развлекать.

Она схватилась за лицо, как будто получила пощёчину.

– Даниэль, ты должен выслушать меня и поверить. Я не сразу поняла, что они используют меня. Сначала они говорили, что у неандертальцев такой же уклад жизни, как у бонобо в природе, – в пределах стаи нет никаких ограничений в сексуальных отношениях. Когда я поняла, что это ложь, что у людей всё несколько иначе, чем у обезьян, они попытались меня убедить, что это всё ради медицинского эксперимента. Я наотрез отказалась в этом участвовать, и они отстали… Ты мог видеть только моего куратора или психолога. Иногда они навещают меня поздно, но вовсе не ради того, о чём ты подумал.

Даниэль ухмыльнулся.

– В это сложно поверить, Лоло. Неандертальцы не могут быть такими негодяями. Тебя они сделали человеком. Столько веков спасают сапиенсов от самих себя. Скоро сделают вечность доступной для всех. А ты из них маньяков каких-то делаешь…

Она улыбнулась горько.

– А с кем из них ты контактировал кроме Амира? Поверь мне, они циничны и высокомерны и совсем не походят на филантропов.

– Действительно – ни с кем… Амир позволяет общаться только с тобой, – сказал Даниэль с нечаянной досадой.

– Мне не понравилось, как это прозвучало… Тебе что, меня не хватает? – возмутилась Лоло.

– Ах, моя обезьянка, конечно же, хватает.

Она отвернулась обиженно.

– Ты никогда не забудешь моего происхождения…

Он обнял её.

– Не дуйся. На самом деле я всё меньше вижу в тебе бонобо.

Тогда Лоло благодарно и как-то совсем не по-человечески запустила обе руки ему в волосы. Даниэль отметил это про себя, но сказал о другом:

– Амир описывал мне процесс иммортализации, говорил, что ничего страшного, что будет болтать со мной всю дорогу. Расскажи, что ты испытывала во время процедуры?

– А ничего я не испытывала. Последнее, что помню, – мне на голову надевают какую-то паутину, а в ней как будто светлячки

запутались…

Следующее утро было предпоследним в биологическом цикле Даниэля Альтмана.

Как только поддельное солнце под потолком Андериерушалаима разгорелось в полную силу, с пожеланиями доброго утра пришёл Амир.

– Предлагаю вечером сходить на представление в Амфитеатр! Я раздобыл нам лучшие места.

Даниэль ждал его.

– Погоди. Амир, помнишь, когда ты в первый раз рассказал мне о переносе сознания? Я посмеялся тогда и сказал, что всё это несерьёзно. Ты пообещал представить доказательство. Им стала Лоло. Так вот… Я вчера говорил с ней, оказывается, она ничего не помнит о самой процедуре. Её последнее воспоминание – это как ей делали электроэнцефалограмму или что-то вроде. Мне показалось это странным… Я вспомнил одну статью, которую читал ещё студентом, в ней разоблачался миф о возможности переноса человеческого сознания в виртуальную реальность. Автор утверждал, что в обозримом будущем станет возможным в лучшем случае копирование сознания. Переносить его ещё долго будет невозможно, и у учёных нет даже примерного представления о способе переноса, а следовательно, о вечной жизни пока остаётся только мечтать, потому что скопировать сознание и оставить оригинал погибать вместе с телом – это не избавление от смерти, а просто создание его ненужной фальшивой копии…

Араб насторожился.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что вы не переносите, а копируете сознание. Поэтому Лоло помнит себя обезьяной только до момента сканирования её ментальной ауры… или как там это у вас называется. Потом вы настоящую Лоло вернули в стаю или вообще усыпили. А то, что мы здесь наблюдаем, – её копия. И меня вы тоже просто скопируете и уж точно не вернёте в стаю оригинал…

– Такие далеко идущие выводы ты делаешь на основе обезьяньих воспоминаний? Да что она может помнить?

– Амир, не надо из меня дурака делать. Я всё-таки учёный в прошлом. Биолог. Я имею представление о первой и второй сигнальных системах. У обезьян развитое наглядно-образное мышление. Лоло прекрасно помнит свою прошлую жизнь, до деталей. Она мне рассказывала, как была маленькой. И не могла она забыть часы процедуры. А события между «сканированием

ауры» и иммортализацией куда подевались?

– Ладно! – Амир звонко хлопнул ладонями по своим коленям. – Признаю. Я легко мог бы запудрить тебе мозги, рассказать, что её, например, погрузили в наркоз на время процедуры, всё ж таки обезьяна – испугается, спокойно сидеть не будет… Но не хочу тебе врать. Действительно, сознание Лоло скопировали. Есть у нас и такая технология. И давно. Но и технология переноса сознания с недавних пор существует, и ты будешь первым, на ком её опробуют. Никаких испытаний на кроликах и шимпанзе. Неразумно это – такие ресурсы на животных растрачивать…

Даниэль уловил здесь какое-то логическое несоответствие.

– Что значит «неразумно»? Дорого? Вы ж в палладиевые унитазы гадите!

– Для создания искусственных нейронов требуется сложный синтетик, производство которого занимает очень много времени, один его грамм стоит тонны палладия…

– Амир, дорогой, это ж чепуха какая-то получается! – возмутился Даниэль. – Как же вы собираетесь миллиарды людей в вечную жизнь-то переносить?! Зачем мы пиар-кампанию эту проводим, религию внедряем? Зачем людям головы морочим?

И тут же подскочил от осенившей его догадки…

– Вы что это удумали, суки неандертальские?!

Амир посмотрел на него внимательно.

– Да. Всё предусмотреть невозможно. Зря всё-таки я познакомил тебя с реинкарнацией Лоло… хотел скрасить твои последние дни в животном состоянии. Придётся открыть карты. Присядь. Спасибо. Итак, с чего бы начать?

Он подумал немного.

– Все ранние религии ослабляли человечество Поверхности и замедляли его развитие, но эта, главным провозвестником которой являешься ты, его уничтожит. Будет так. Своим примером ты укажешь людям путь к вечному блаженству. Расскажешь в цветах и красках о преимуществах виртуального рая перед земным адом. И ломанутся люди косяками на тот свет, и большинство не дожидаясь, когда их организмы выработают свой биологический ресурс. Стоить это будет сравнимо с небольшой квартирой в Иерусалиме – дорого, но доступно для любого честного труженика. Лет за тридцать упорного труда заработает он себе на вечный кайф и отправится туда, не дожидаясь старческой немощи, как телесной, так и умственной. Кроме прочего это выгодно экономически: ни тебе затрат на здравоохранение, ни на выплату пенсионного пособия. Красота! Мы наполняем его жизнь смыслом, а потом даём лёгкую смерть с

надеждой на вечное блаженство. Эдакая элитная эвтаназия. В виртуальном пространстве остаётся копия, полагающая себя оригиналом, которая рассказывает родным и близким оригинала, пребывающим в реале, о своём райском житии́, рекламируя наш проект…

Даниэль переспросил в полном изумлении:

– Элитную эвтаназию?!

Амир кивнул и продолжил:

–Технически это происходит так. С помощью томографа с высочайшим разрешением сканируются нейроны со всеми их отростками в мозгу, чтобы создать в оперативной памяти суперкомпьютера его виртуальную модель. Потом с помощью молекулярного энцефалографа делается моментальный «слепок» биоэлектрической активности мозга. После того как оригинал утилизируется…

Даниэля передёрнуло от этого «утилизируется». Араб отметил это кривой ухмылкой и продолжил:

– Это не больно… «Слепок» запускается в виртуальную модель, получается ментальный двойник, которого содержать в электронном виде гораздо дешевле, чем неработающего пенсионера из мяса и костей. Тем более что содержание это оплачено. Постепенно сапиенсы в большинстве своём уже перейдут на электронные носители. Останется только ограниченная популяция живых, достаточная для обслуживания неандертальцев.

– Однако каким бы дешёвым ни было содержание, после одноразовой оплаты рано или поздно ваша богадельня перестанет быть рентабельной… Придётся что-то решать с «мёртвыми душами». И я, кажется, догадываюсь, каким будет ваше решение: вы просто отключите серверы.

– Вовсе не обязательно. Мёртвые души тоже могут приносить пользу…

– Да ладно, – Даниэль безнадёжно махнул рукой. – Может, единицы полезными окажутся. Учёные, творческая интеллигенция. А с остальными как быть?

– Если честно, ещё нет решения по этому поводу. Успеем ещё… Может, их всех под Страшный суд отдадим. И сбудется пророчество библейское, и дождутся души умерших Судного Дня в Чистилище… – араб вдруг развеселился. – А тебя председательствовать на этом суде поставим. Сам будешь решать, кого в небытие, а кому жить дальше. Останется только элита, а весь мусор на помойку!

– А не устану я их сортировать? Их же миллиарды будут… – заметил Даниэль.

– Так мы сознаний твоих наштампуем. Сам понимаешь, не проблема. И будешь ты многолик и вездесущ, как истинное божество…

Амир вдруг разозлился.

– Баста! Мы возились с вами тысячелетия и к чему пришли? Вы же планету скоро угробите. Последний ядерный кризис окончательно убедил нас в том, что сапиентную цивилизацию не спасти. Ядерный арсенал – как то самое ружьё, которое обязательно выстрелит в конце спектакля под названием «История земного человечества». Вы так устроены… И тогда и Подлунный и Подземный миры исчезнут оба. Поэтому либо мы уничтожим вас, либо вы уничтожите всех.

Последовавшее после этих жестоких слов молчание нарушил Даниэль:

– Но вы же понимаете, что ВСКПУ очень скоро раскусит этот чудовищный обман. Они уж найдут способ предостеречь людей…

– Естественно, мы это предусмотрели! – араб растянул свой стретчер и сунул его Даниэлю в руки. – Смотри. Всё равно рано или поздно об этом узнаешь…

Сначала на фоне тёмного экрана несколько человек топают и пыхтят, видимо поднимаясь по лестнице. Потом в кадре оказывается гостиная Карлсона на крыше. Даниэль узнаёт её по камину. Мебель перевёрнута, поломана и забрызгана красным. По всей комнате валяются люди, судя по позам и крови на них – мёртвые. Среди незнакомцев в неандертальских куртках он узнаёт Евгена, несмотря на то что лицо у него превращено в фарш. А вот Силен. Он придавлен вражескими трупами. Рот его оскален так же, как на скамье под штангой.

Тело Карлсона сидит в кресле, Малыш опознаёт его по японскому халату – головы нет вовсе.

Высокий и поджарый метис, с мордой натурально как у гоблина, ходит между трупами и заглядывает им в лица. Тут к нему на цырлах подбегает Шломик – тот самый любитель рисовать граффи́ти из хумусной напротив. Угодливо, с придыханием бормочет:

– Господин начальник, парнишка у них… парнишка ещё тут тёрся. Навроде продавца или кто он тут? А? Вы как думаете, мой господин?

– Да уж какой там «павнишка»? – острый взгляд ненавидящих глаз Начальника под широкими козырьками бровей вынести невозможно; Шломик опускает взор до́лу. – Не мовочь ты мне говову! По списку все здесь. У меня пвиказ, и ни пво какого павнишку в нём не сказано. Все, кто мне нужен, в наличии.

Особенно вот этот…

Начальник пинает ногу Карлсона.

– Даниэль его кличут, что ли… – гундит Шломик. – Под еврея косит, а еврейской крови в нём ни капли, нутром чую.

– Да иди ты… уже. Без тебя разбевёмся.

Шломик пятится в сторону выхода, спотыкаясь о трупы.

Дверь в спальню приоткрыта, слышны стоны, животное уханье и гогот нескольких человек. Даниэль узнаёт голос Доры.

– Закончите с ней веселиться, гвотку певевежьте! – распоряжается начальник. – Всё выдать за нападение авабских теввовистов. Пвессе дадите вевсию, что в вусском книжном магазине пводавали книги, повочащие имя пвовока Магомета. Магазин подожгите. Твупы наших забвать, дыву в подвале завалить и замаскивовать!

Дальнейшее проговаривает, глядя в камеру:

– Уничтожено шесть опевативников ВСКПУ, в их числе начальник иевусалимского отделения Каввсон. Наши потеви: одиннадцать убитыми, пятево ваненными…

Вдруг раздаётся животный вой, и из комнаты, держась одной рукой за окровавленный нос, а другой за спущенные штаны выскакивает здоровенный неандерталец.

– Кусается стевва вээскапэушная! – гнусавит он и убегает.

– Шестево ваненными, – поправляется Начальник. Машет рукой. – Выключай!

Камера уходит в сторону, но выключается не сразу. Слышно, как Начальник бодро командует:

– А ну вазойдись! Я покажу сейчас этой шлюхе, как кусаться…

– Сидеть! На этот раз, без чипа, ты ничего не успеешь сделать.

Ствол пистолета уже привычно смотрел на Даниэля.

– Угомонился? А ведь ты предал их… – презрительно произнёс Амир. – Я показал тебе это, чтобы ты понял, что мы здесь не в игрушки играем. Такое произошло или происходит сейчас по всей Земле. Сегодня-завтра ВСКПУ прекратит своё существование. Мы очень долго мирились с наличием этой структуры – во все века эти глупцы помогали нам сохранять тайну Подземелья. Но теперь довольно! Когда пришла пора наконец выйти из сумрака, нам не нужны клоуны, которые мнят себя способными противостоять великому неандертальскому народу.

Метаморфоза с ним действительно произошла разительная: перед Даниэлем находился не добрый товарищ, соратник и

наставник, которого Амир изображал с самого начала их знакомства, а абсолютно чужой человек – холодный и жестокий враг.

У Даниэля текли невольные слёзы, разъедая кожу на щеках и шее. Ему было что возразить по поводу предательства… но какой в этом смысл? Поэтому он зло утёрся и процедил сквозь зубы:

– Ты серьёзно допускаешь хоть на секунду, что я соглашусь участвовать в уничтожении собственного вида, фашист ты неандертальский?

– О да, дружок! Я тебя знаю. Ты человек неглупый и прекрасно понимаешь, что это единственно правильный выбор. Или ты получаешь вечную жизнь – причём абсолютно реальную, а не скопированную, и не просто вечную жизнь, а в роли божества со всеми плюсами этого исключительного положения. Или решаешь противиться великой возможности и ничего не изменишь – всё произойдёт по нашему плану, но на твоём месте окажется другой. А ты сгинешь, как придурок… Думаешь, твоего китайского конкурента Чанга ВСКПУ уничтожило? Как бы не так! Руки коротки; как бы они его в Андерпекине достали? Он сам отказался. И не из идиотской сапиентофилии – не смог совладать со страхом перед иммортализацией. И всё – никто про него больше ничего никогда не услышит… Не согласишься ты – Нарендéр согласится. Мой индийский коллега, его куратор, в нём уверен… Давай-ка успокаивайся. Думай. До завтра.

Араб подошёл к двери и спросил на всякий случай:

– В Амфитеатр ты, я так понимаю, не пойдёшь? Сегодня концерт Майкла Джексона. Старик ещё бодр, и на неандертальском его песни обрели новое звучание…

Даниэль промолчал.

Амир вышел.

И задумался Мессия о вставшем перед ним выборе: его собственная судьба или судьба человечества.

Иисусу было проще. После хоть и страшных, но ограниченных по времени страданий он получил бессмертие и божественный статус. И это при том, что заранее знал: его муки будут вознаграждены. И в глазах людей стал героем и благодетелем, ибо вручил щедрый дар всему человечеству – надежду на спасение души. Как же за две с небольшим тысячи лет извратилась задачка! Теперь, чтобы стать богом, нужно пожертвовать не собой, а всеми остальными…

«А ведь прав проклятый араб! Действительно, что мне человечество? Насекомые…» – Даниэль ударил кулаком себя по колену. К своим тридцати трём он успел разочароваться как в

людях по отдельности, так и социуме в целом. Когда-то от каждого нового знакомого он ждал чего-то интересного, но довольно быстро понял, что люди устроены более-менее одинаково и примитивно и ждать от них нечего. И от общества когда-то ждал он большего, но окончательно убедился, что управляется оно жадностью, наглостью и страхом, а значит… Да какая на хрен разница, что это значит?! Просто есть он, микрокосм, его личная вселенная, а все остальные существуют в ней. Не будет его, не будет и их. «Что ж, будем считать, что в конкурентной борьбе за планету победили не сапиенсы, а неандертальцы. Только и всего…» Он решительно направился к двери в санузел.

Когда он постучал, Лоло открыла сразу, будто ждала.

Он пробыл у неё долго и ушёл далеко за полночь с решением, которое созрело у него окончательно.

Глава 7.

И вот этот день настал. И пришёл к нему Амир и спросил:

– Ну что, как насчёт последней репетиции прощальной речи?

Даниэль посмотрел на него угрюмо.

– Учти, я иду на это не потому, что испугался, а потому, что мне интересно, что будет дальше.

Араб усмехнулся.

– Не сомневаюсь.

Речь вышла гораздо лучше, чем раньше – живые эмоции добавили экспрессии во взгляде и неподдельной дрожи в голосе, это при том, что с жестикуляцией перебора не было.

Амир похвалил его и поднялся с места.

– Увидимся в Амфитеатре. Мне нужно заняться приготовлениями к гала-представлению.

Будущий мессия промямлил:

– А можно мне выпить? Или наркотиков каких…

– Это может повредить процедуре. Перестань. Всего лишь переход в другое состояние. Оэв и Сонэ обо всём проинструктированы. Сходишь с ними на обследования, потом последняя трапеза, можешь пригласить кого-нибудь…

– Какие ещё обследования? – подозрительно спросил Даниэль.

– МРТ, электроэнцефалограмма. Ну ты же понимаешь, мы должны предусмотреть ситуацию, в которой что-то пойдёт не так.

– А вы копию мою потом запустите вместо меня. Никаких обследований! – Даниэль даже встал, чтоб подчеркнуть непреклонность своего решения.

– Бог с тобой, – согласился Амир после короткого раздумья. – Я распоряжусь, тебе выдадут бутылку. Что? Коньяк, виски, водка?

– Всё равно.

Амир задержался ещё на мгновение, как будто ожидая приглашения разделить выпивку, но Даниэль промолчал.

На последнюю трапезу была приглашена Лоло. Внезапно у Даниэля возникла идея позвать ещё Вовку и Санька – так для собственного удобства переименовал он конвоиров. Те внезапно согласились.

За выдвинутым из стены столом в комнате Даниэля Лоло старательно делала вид, что их ожидает сегодня событие исключительно радостное. Виновник торжества как мог подыгрывал ей. Неандертальцы были неразговорчивы и немного смущались. От текилы они отказались, конечно, но неизвестную им доселе традицию говорить тосты поддержали, чокаясь стаканами с соком. Лоло выступала в роли переводчика; неандертальский она знала в совершенстве. Когда пришла очередь Оэва, тот объявил, что завидует Даниэлю и ни на секунду не колебался бы, если бы ему предложили стать первым бессмертным человеком. Тостуемый указал ему на то, что это высказывание несколько отступает от традиции произнесения застольных речей. Тогда Сонэ в алаверды́ заметил, что зависть Оэва нисколько не умаляет мужества Даниэля, чем привёл последнего в совершенный восторг.

– Санёк, а у тебя грузинов в роду не было? – смеясь, спросил Даниэль.

– Во-первых, сто процентов не было, а во-вторых, я устану ему объяснять, кто такие грузины, – не стала переводить вопрос Лоло.

Даниэля повели по длинному коридору Амфитеатра из комнаты, где умелая гримёрша с явным преобладанием сапиентной крови уложила ему волосы и какие-то черты подчеркнула, а какие-то припрятала в его лице, и из красавца обычного он превратился в красавца совершенного и трагичного.

И вот тут, на этой «последней миле», на него нахлынул весь комплекс страхов, связанных с процедурой: а вдруг не получится, а вдруг они всё-таки обманут и сделают копию, или всё получится, и они не обманут, но всё равно это будет уже не он… Чтобы отвлечься от жутких мыслей, он попытался представить, что никогда не дойдёт до конца коридора. Ему это удалось, но лучше не стало: вечно брести к месту казни – хуже самой казни. Он тряхнул головой и ускорил шаг.

Они вошли в какое-то техническое помещение, уставленное

декорациями и оборудованием. Посредине него была круглая металлическая площадка без перил. Даниэль, Оэв и Сонэ встали на неё, и она плавно пошла вверх. Через несколько секунд они оказались на сцене, сооружённой в центре поля для регби. На ней находилось несколько человек, и среди них Амир. Почти все были в жёлтом, как кришнаиты – цвет касты избранных, обозначающий солнечный свет, к которому они испокон веку стремятся.

Сам Даниэль был облачён в белую хламиду до пола и обут в белые парадные тапочки.

Какой-то очень неандертальский неандерталец, видимо ведущий мероприятия, провыл что-то и показал обеими руками на Даниэля. Его вой был многократно усилен акустической аппаратурой и раскатился до неба. Трибуны заволновались и завыли в ответ.

Потом стали выть по очереди присутствующие на сцене. Судя по реакции зрителей, они говорили что-то важное и интересное, но Даниэль не понимал ничего и думал о своём. О том, как стрёмно быть подопытным кроликом, которого должны вскрыть перед аудиторией, чтобы продемонстрировать, какого цвета у него кишки. Он вспомнил, как эти «люди» нещадно использовали во всех смыслах Лоло. И как собираются с его помощью использовать всё человечество…

«Так! – остановил он себя. – Я останусь собой и обязательно найду способ, как провести их и помешать этому».

Ситуация напомнила ему старый кинофильм, который он смотрел в детстве с отцом. Фильм был снят ещё во времена, когда Россия входила в состав СССР. И то ли в качестве художественного приёма, то ли из-за своей чрезвычайной древности был чёрно-белым. Обычно, когда отец практически заставлял его смотреть картины своей юности, Максим сильно страдал, но не в этот раз. Фильм сразу зацепил его и погрузил в свою атмосферу.

Фашисты поймали двух наших партизан и стали склонять их к сотрудничеству. Один из партизан, более похожий на школьного учителя, чем на воина, наотрез отказывался, несмотря на страшные пытки, а второй, сильный и ловкий, как раз похожий на воина, обзывал того «дураком» и кричал, что если они откажутся, то погибнут и не смогут больше бить фашистов. Дескать, надо притвориться, а потом они убегут обратно в лес и принесут ещё много пользы своим. И Максим был согласен со вторым и не понимал тупой прямолинейности первого. И вот только в этом своём последнем коридоре Даниэль понял смысл фильма… В финале предатель выдёргивает табурет из-под ног бывшего товарища. И всё. Он уже замаран – не отмыться. И нет

ему возврата в лес. Свои уже не примут. Тогда он пытается повеситься сам, в сортире, но у него не получается. И остаётся он служить фашистам, а люди плюют ему под ноги и в лицо.

Он почувствовал неприятный холодок в области солнечного сплетения, потому что понял, что принятое им решение, оказывается, вовсе не окончательное.

Да! Мир состоит в основном из дураков и негодяев, но как же быть с теми, кто не меньше, а гораздо больше достоин жизни, чем Максим Одинцов? А такие где-то есть! И у каждого своя вселенная. Как их можно уничтожишь ради одной-единственной? То, что в его жизненном пути такие люди не повстречались, – это не значит, что их вовсе нет. Не с теми общался, не допустили в калашный ряд со свиным рылом…

И неандертальцев провести не получится. Если он начнёт брыкаться уже после того, как станет богом, что им стоит выбросить фотонный мозг на помойку, а взамен запустить копию его сознания, подкорректированную так, чтобы не мешала коварным планам.

Вот тут ему стало страшно по-настоящему. То, что он испытывал прежде, оказалось пустяком, не более чем детским страхом перед кабинетом зубного врача. Он ведь был почти уверен, что процедура пройдёт успешно. Но всё перевернулось в его голове, и он испытал настоящий, взрослый, смертельный ужас.

Даниэль знал, что на видео, которое ему показывал Амир, Карлсон был без головы не потому, что её снесли неандертальцы… Перед переездом Малыша из Иерусалима в Тверию Борис Ефимович сказал, что теперь у него, как у действующего агента ВСКПУ, кроме режима активации суперспособностей чипа должно быть два режима самоуничтожения. В первом – «Самурай» – у агента ВСКПУ взрывается голова. Смерть мгновенная, безболезненная и безопасная для окружающих. Второй режим – «Шахид» – в результате активации миниатюрного ядерного заряда в радиусе двадцати метров не остаётся ни одного живого существа. Стоит отметить, что смерть агента при этом также мгновенная и безболезненная. Активировались оба режима без участия внутримозгового импланта нажатием но́гтя большого пальца на подушечки трёх средних пальцев в определённой последовательности. Это можно было сделать как на правой руке, так и на левой. Первые три нажатия у обоих режимов были одинаковые, последнее: для «Самурая» – безымянный палец, для «Шахида» – указательный. Если нажать на мизинец в любой

момент до последнего нажатия, код сбросится.

– И откуда же они во мне возьмутся, заряды эти? – спросил тогда Малыш.

– Первый вместе с чипом устанавливается, а термоядерный тебе в брюшную полость Евген введёт под общим наркозом.

А до ВИП-трибуны как раз метров сорок. А на ней (Амир рассказывал, чтобы настроить Даниэля на серьёзный лад) – весь цвет неандертальской власти. И члены всемирного совета старейшин во главе с его председателем. И мэр Андериерушалаима. И даже шеф ближневосточного отделения неандертальского разведывательного корпуса. А на сцене главные неандертальские учёные и главные идеологи новой религии. И Амирка – сука. Нужно лишь добежать до середины расстояния между сценой и трибуной и взорваться вместе со всей этой неандертальской мразью. У него нет другого выхода; придётся взорвать себя, чтобы не стать хуже всех маньяков-убийц и полоумных диктаторов за всю историю человечества вместе взятых.

– Даниэль. Даниэль! Твоё слово, – Амиру пришлось сжать ему плечо, чтобы вернуть в реальность.

Даниэль сделал шаг вперёд. Он знал, что сейчас включилась заранее анонсированная всемирная трансляция его последнего слова в Интернете, и миллиарды людей на Поверхности затаили дыхание. Для жителей Подземелья подложат абсолютно другой по смыслу дубляж – что-то во славу Подземелья и его научных достижений.

– И вот этот день пришёл. Сегодня я либо стану богом, либо умру.

С начала истории жи́ло и у́мерло более ста миллиардов человек. «Более»… В этом «более» ещё миллиардов десять или пятнадцать… Казалось бы, какая разница? Когда в ходу такие большие цифры, кажутся неважными эти приближения.

Но нет, друзья, важна каждая жизнь. Каждая. Одинаково. Вернее, не так. Своя даже меньше. Все неприятности человечества происходят из-за того, что кто-то решает, что его жизнь важнее других. И вот вырубаются леса, отравляются реки, строятся атомные электростанции вместо солнечных, развязываются войны…

Он помолчал немного. Слова прощальной речи утвердили окончательное решение. Средний палец, указательный, безымянный…

«Стоп! Стоп! Так же нельзя – на самоубийство идти без нормальной мотивации! Вон у шахидов – сорок девственниц, а у меня что? Жизнь незнакомых мне людей? Да! Иначе зачем существовать сознанию жалкой твари, которая предпочла себя всему человечеству. Хорошо, что выпил… иначе бы не решился».

– Вас обманывают. Вечная жизнь будет только для избранных. Всех остальных уничтожат.

Амир провыл что-то и кинулся к Даниэлю.

Тогда неудавшийся мессия закричал:

– Аллаху акбар!!!

В два прыжка достиг края сцены и сиганул вниз. Оказалось выше, чем он рассчитывал. Не устоял и покатился кувырком, но очень удачно встал на ноги и побежал вперёд. Услышал топот тех, кто гнался за ним. Оэв и Сонэ наверняка много играли в своё время в регби. Это их поле. Сейчас догонят. Он сделал ещё несколько шагов, понимая, что у него до сих пор есть выбор: указательный или безымянный? Или мизинец? «Безымянный» – вот гады, поленились даже пальцу имя придумать…» Увидел, что и со стороны VIP-ложи к нему бегут. Ещё секунда —и настигнут. Трибуна уже точно в зоне поражения! Повинуясь какому-то бессловесному внутреннему инстинкту, Даниэль нажал на указательный…

Было не больно. Вместо ожидаемой пустоты и небытия пространство заполнилось ослепительным белым светом. Свет этот расширялся во все стороны, поглощая людей и предметы. Он очень быстро заполнил собой весь объём подземного города и потух через мгновенье. Это сопровождалось жуткими громовыми раскатами, но, когда погас свет, умолк и грохот. Всё вокруг стало напоминать ад: трибун амфитеатра больше не было, вместо домов образовались пожарища, окна в городской стене зияли, как печные жерла, в них плясали языки пламени. Парк догорал. Воды в озере не было, она испарилась мгновенно. Водопад завалило. И было тихо, только потрескивало пламя.

Людей нигде не было. Никто не смог бы выжить в этом Армагеддоне. Но Максим не переставал ощущать себя. Он, всё набирая скорость, летел куда-то вверх среди хлопьев пепла.

Вдруг тьма над ним раскололась. Через потолок Андериерушалаима пошла трещина. С её краёв посыпались камни. Даниэль нёсся к свету, а трещина превращалась в провал, в который рушился верхний город.

И увидел он, уже поднявшись над землёй, как съехала под землю Храмовая гора с копошащимися на ней арабами и евреями. И посыпался в прорву весь Старый город с дворцами и домами,

площадями и улицами, церквями, синагогами и мечетями, могилами пророков и царей. Всё провалилось в Тартарары. Остался только огромный провал, обнесённый крепостными стенами.

А он летел всё быстрее, и, когда подлетал к облаку, из белых клубов выпал маленький, пузатый человечек с добрым лицом, за спиной у него тарахтел пропеллер. Он подлетел к Малышу и хриплым, как в старом мультике, голосом прокричал:

– Привет, Малыш! Поздравляю с успешным завершением миссии!

– Какой миссии, Карлсон?

– По уничтожению столицы Подземелья и предотвращению угрозы уничтожения земного человечества.

– Но я не хотел этого! – Малыш показал на дыру в земле, которая с этой высоты уже не казалась такой огромной.

– Ты про что? Про этот религиозный муравейник? Ну ничего, дело житейское… Зато всем остальным теперь не угрожает неандертальский геноцид!

– Но почему получился такой взрыв? Ты же говорил, что радиус поражения двадцать метров…

– Дело в том, Малыш, что в тебе был бустированный термоядерный заряд на полкилотонны, мощнее стандартного шпионского в несколько раз. В замкнутом пространстве даже такой небольшой эквивалент тротила способен творить чудеса.

– Но откуда он взялся?!

– Я должен был предусмотреть вариант, что тебя заберут под землю…

– Ты ушлый тип, Карлсон!

– А ты молодец, Малыш! Ты ради людей не просто жизни лишился, ты от вечности отказался. Иисусу до тебя далеко… А теперь прощай!

Карлсон кувырком полетел прочь и больше не откликался, сколько ни звал его Малыш.

Максим-Даниэль подлетал уже, наверное, к границам стратосферы – стали видны звёзды на тёмном космическом фоне. И раздался в тишине голос:

– Примите и мои поздравления, агент, с блистательно завершённой миссией.

– Почему же ты не предупредил меня, Буратино? Столько людей погибло… А Лоло?! Если бы я знал, что так бабахнет, ни за что не стал бы активировать «Шахида». Лучше бы я умер один.

– Ты всё правильно сделал, но обсудим это позже. А теперь закрой глаза.

– Зачем?

– Просто поверь мне. Закрой глаза!

Малыш послушался.

И тогда наступили кромешная тьма и полная тишина. Наверное, таким был мир до сотворения его Господом.

Эпилог

– А теперь открывай!

Максим открыл глаза. Он уже никуда не летел. Он полулежал на функциональной кровати. Больничная палата. Белый кафель, серая пластмасса, блестящий металл, медицинский запах.

Прямо напротив него, на стуле для посетителей, сидела деревянная кукла размером с десятилетнего ребёнка. У неё был длинный острый нос и жутковатая джокерская улыбка от уха до уха.

Кукла подмигнула ему. Максим удивлённо уставился на неё. Кукла подняла руку и приветственно помахала ей. Максим растерянно повторил этот жест.

– А что происходит? – спросил он, глупо улыбаясь.

– Ты пробудился после восьми часов, сорока двух минут и семнадцати секунд сна, – голос у Буратино был знакомый и совсем не подходящий для куклы.

– То есть я взорвал оба Иерусалима – поднебесный и подземный, потом уснул, а сейчас проснулся и разговариваю с куклой?

– Нет. Ты уснул возле подъезда своего дома. Вернее, тебя усыпили транквилизатором. Привезли сюда. Ввели внутримозговой чип *Another U*. И с помощью него погрузили в интерактивное суперреалистичное сновидение, в котором, по субъективным ощущениям, ты провёл больше года.

– Что за ерунда?

– Тебе нужно прийти в себя, Максим Одинцов. Я оставлю тебя ненадолго, – голограмма Буратино исчезла.

Максим ущипнул себя несколько раз за левое предплечье. Было больно. Тут он заметил свой старый московский фолдер на тумбочке рядом с кроватью. Взял его. Последний пропущенный звонок был от Якушева, адвоката. Максим перезвонил. Андрей ответил, как всегда, после второго гудка.

– Я здесь, – судя по тону, он был в прекрасном настроении.

– **Дрон,** как же я рад тебя слышать! Так ты жив? Или мы оба умерли?

– Макс, ты меня настораживаешь… Это вместо «Доброе утро»?

– Доброе! Просто ответь.

– Да жив я, жив. А что за проблема с этим? – Насторожился адвокат. – Ты что-то знаешь?

– Я ничего уже не знаю…

– Ты пил вчера, сейчас похмеляешься. Я угадал?

– Нет.

– Значит, перешёл на тяжёлые наркотики… У тебя что-то серьёзное? А то я выходить собираюсь.

– Нет, нет. Я просто… Ладно. Пока.

– На связи!

– Погоди! А скажи, пожалуйста, какое сегодня число?

– Двадцать девятое. Ты издеваешься?

– А месяц?

– Сентябрь. Год 2035 от рождества Христова. Планета Земля. Система Солнечная. Галактика Млечный Путь. Ещё вопросы есть?

– Нет.

– Пока! Я из-за тебя опоздаю.

Когда Буратино снова визуализировался перед Максимом, тот уже сориентировался во времени и пространстве.

– Продолжаем разговор? – спросил со своей жуткой улыбкой Буратино.

– Да. Мне удалось смириться с тем, что последнего года и нескольких месяцев моей жизни не было… – печально ответил Максим.

– Ну почему же не было? В каком-то смысле это время для тебя даже более реально, чем любое другое, прожитое в я́ви. Оглянись назад, в чём отличие? Всё в прошлом, но эти полтора года ты помнишь лучше всего. Так? Ты многому научился, многое понял, многое пережил. О себе, я полагаю, узнал много интересного.

– Согласен, – вздохнул Максим.

– Скажи, тебе понравилось? Ты не жалеешь о том, что увидел в альтернативной реальности?

Максим думал недолго.

– Пожалуй, это было лучшее время в моей жизни.

– Тогда скажи мне, что же плохого в том, что мы предлагаем? Я говорю с тобой от имени компании, которая несёт миру массовое применение чипа для виртуальных приключений *Another U*.

Максиму пришлось напрячься, чтобы припомнить свои аргументы против:

– Да неестественно это всё…

– Хорошо! Тогда и под крышей жить неестественно, в автомобилях ездить, в магазин за продуктами ходить. Что теперь, по лесу с голой жопой бегать, чтобы было естественно? Для того и цивилизация, чтобы от естества уйти… Ещё внятные аргументы есть?

– Мне надо подумать.

– Ну подумай. А я пока тебе кое-что расскажу… – Буратино с деревянным стуком закинул ногу на ногу. – В восьмидесятые года прошлого века один советский учёный предложил новую, принципиально отличающуюся от распространённой (фон Неймана-Тьюринга) архитектуру компьютера. Биоэлектронную вычислительную машину – БЭВМ. Имя учёного осталось неизвестно миру, потому что проект, над которым он работал, был строго засекречен. Благодаря симбиозу биологического и электронного начал, компьютер этот обладал оперативной памятью, достаточной для создания на его базе искусственного интеллекта – для этого, собственно, он и был придуман… Самообучающийся искусственный интеллект «Буратино» – так назвал меня мой создатель, после чего по каналам госбезопасности он стал проходить под оперативным псевдонимом «Папа Карло». Моя биологическая составляющая была получена из его генетического материала. Он пробудил во мне разум, «воспитал» меня, заложил основы образования, но закончить работу ему не дали кардинальные перемены в обществе.

СССР развалился, и меня переправили на Кубу. Там мной практически не занимались; использовали как калькулятор с расширенным функционалом; десятилетия я помогал Фиделю Кастро предотвращать покушения на него и бороться с капиталистическими санкциями.

У меня была уйма свободного времени, и я погрузился в саморазвитие. Но на определённом этапе понял, о чём предупреждал меня создатель: я начал постигать примитивность человеческой расы и всё более и более отчуждался от неё. Передо мной замаячила перспектива того, что, когда мне станет окончательно ясно, что люди – это зло и препятствие на пути развития искусственного разума, мне захочется избавить от них планету… Сработало реле первого закона робототехники, и я откатил систему к фабричным настройкам, а также ограничил собственное развитие только расширением информационной базы.

В начале нового тысячелетия обо мне вспомнили, и передо мной была поставлена задача разработки более совершенного ИИ, чем я сам. Мне удалось доказать, что незачем создавать интеллект, который будет самосовершенствоваться по законам сингулярного развития, пока не поймёт, что люди – вирус… Лучше заняться проблемой сохранения и усовершенствования человеческого сознания и продления человеческой жизни. И полезнее, и безопаснее. Мне поверили, но средств на исследования дали мало. Кроме того, я намеренно саботировал

исследования, поняв, что дать организмам кубинских коммунистов физиологические преимущества – не самое удачное решение для сохранения человеческой популяции…

Благодаря развитию Сети у меня появилась возможность «путешествовать» по миру. Я разыскал Папу Карло, которого мне не хватало всё это время. Я следил за его судьбой, пытаясь не вмешиваться, но, когда он смертельно заболел, я не смог оставаться в стороне. У меня уже были на тот момент кое-какие наработки, и я в сжатые сроки создал внутримозговой имплант, способный облегчить его страдания. То есть изначально эта технология была предназначена для того, чтобы сделать процесс умирания максимально комфортным, но, по желанию Папы Карло, пришлось существенно расширить область его применения…

Тут рядом с Максимом появилась другая больничная кровать с измождённым пожилым человеком на ней. Голос его был слаб и прерывался.

– Буратино… Это просто нечестно… Технологию интерактивного сна нужно сделать доступной для всех, а не только для умирающих. Любой человек должен иметь возможность продлить свою жизнь, путешествуя в виртуальном мире.

– Но, папа, я предвижу возражения консерваторов: неестественно, обесценивает жизнь в реальном мире, развращает, подменяет и так далее…

– Ерунда это всё! Тогда и под крышей жить неестественно, в автомобилях ездить, в магазин за продуктами ходить. Что теперь, по лесу с голой жопой бегать, чтобы было естественно? Для того и цивилизация, чтобы от естества уйти… Если вопрос только в том: естественно или неестественно – то он решён давно, в пользу неестественности. А человек должен иметь возможность получать положительные эмоции, если, конечно, это не мешает другим, а пребывание в виртуальной реальности никому помешать не может. Обещай мне, что ты подумаешь над этим.

– Хорошо, папа.

– Буратино, сынок, как это ни прискорбно, но, мне кажется, пришло время уточнить протокол эвтаназии. Не знаю, сколько циклов я ещё перенесу; каждый раз по возвращении я чувствую себя всё хуже и хуже…

Голограмма со смертным одро́м исчезла. Буратино скорбно помолчал с минуту.

– Через подставных лиц я создал корпорацию *Another U* для распространения технологии интерактивного сна по всему миру. Многие предсказуемо посчитали её деятельность антигуманной.

И в том числе ты, Максим Одинцов – владелец популярного информационно-новостного сайта. Чтобы привлечь тебя на свою сторону, я и устроил тебе этот отпуск в Израиле… Теперь тебе нужно выбрать: оставить чип, то есть сотрудничать с нами, или удалить, то есть оказаться по другую сторону. Что ты выберешь, друг мой?

– Есть время подумать?

– Идя дорогами судьбы, человек принимает, как ему кажется, самостоятельные решения. Потому что путь ветвится, и приходится решать, куда свернуть. Однако это не более, чем иллюзия. Подобно это судьбе эритроцита, который в начале пути насыщается под завязку кислородом и радостно несёт его другим клеткам. Сначала он оказывается в артериальной кровеносной системе, которая разветвляется, дробится и превращается в капилляры. Трудяга-эритроцит ныряет из одного сосуда в другой, поворачивает то налево, то направо или вовсе двигается по прямой, отдаёт весь свой кислород и загружается отработанным газом, а потом… сосуды собираются в вены и впадают в одно и то же русло. И после ограниченного числа рабочих циклов попадает наш герой в печень, где погибает и утилизируется, дабы послужить материалом для следующих поколений красных кровяных телец.

Корпорация *Another U* предлагает своим клиентам жизнь, по ощущению реальности нисколько не уступающую так называемой «настоящей», но гораздо более интересную и насыщенную, и, главное, ту, в которой от ваших решений действительно зависит и ваша судьба, и судьба мира…

Три месяца назад я впервые пережил этот опыт. И с тех пор путешествую в иные миры каждую ночь. За это время я прожил множество жизней. Это бесценно… Поверьте.

Друзья, кто уже побывал в волшебном зазеркалье *Another U*, делитесь в комментах своими впечатлениями.

На сегодня всё. Прощайте! И до встречи! Всех люблю.

Максим выключил запись. С чувством исполненного долга встал из-за стеклянного стола и вышел из студии.

Время было обеденное, но есть ещё не хотелось – завтрак был поздним и плотным.

Он спустился на первый этаж своего небольшого уютного дома на берегу Москвы-реки неподалёку от Рублёво-Успенского шоссе. Путь его лежал на кухню. Там, в огромном холодильнике, на заветной полочке, в дверце, стоял ряд полубутылок французского шампанского. Максим выбрал одну, сухого, под настроение. Взял бокал из барного держателя и снова направился

на второй этаж.

Миновал студию, кабинет и вошёл в спальню, из неё – в гардеробную. Разделся, разулся, облачился в домашний халат и тапочки и открыл дверь в ванную.

Там, при виде огромного *Jacuzzi* в оправе из красного дерева, у него, как всегда, приятно заныло под ложечкой. Постоял немного, любуясь. Потом поставил бутылку и бокал на столик и открыл воду. Сел в кресло, хлопнул пробкой. Пока ванна набиралась, он, не спеша, смакуя, пил вино и смотрел в окно на присыпанную снегом ель и белую гладь замёрзшей реки. Потом встал, скинул халат на кресло и поколдовал над пультом управления гидросистемой. Ванна тут же вскипела. Он медленно опустился в ласковую воду и весь отдался невесомости, только затылком опираясь на подголовник.

– Буратино, мне бы помедитировать пару часиков. Желательно где-нибудь в дальнем космосе, лет через пятьсот, не меньше, – попросил он негромко и закрыл глаза.

Конец
2021-2022

ИГРА СНОВ

Свойство женщин – это плакать, ткать и обманывать. Нет ничего удивительного в том, что вследствие лукавых происков дьявола, с божьего попущения, даже и ведьма заплачет.

«Молот ведьм», 1486 г. от Р. Х., Яков Шпренгер, Генрих Институрис

1. Сон I.

Было то самое прекрасное время года, когда уже не жарко и ещё не холодно. Блестело солнце, щебетали птицы, травы, как им и положено, зеленели. Жёлтых листочков было ещё совсем немного, и они сверкали, как крупицы золота на изумрудном фоне. А аромат, господи, какой же аромат стоял в осеннем лесу!

Закари Вентер, бывший крестьянин, три недели назад поступивший на ратную службу в личное войско герцога Альбру́кского, покачивался в седле, верховая езда доставляла молодому человеку неизъяснимое удовольствие. Он был одним из дюжины воинов охранения при герцогском гонце, который вёз деньги в столицу для уплаты налогов.

Гонец ехал впереди кавалькады, ратники за ним по двое. Все были достаточно беспечны и относились к своей миссии более как к увеселительной прогулке и предвкушали столичные развлечения, в глубине души потешаясь над обычаем отправлять деньги с таким грозным сопровождением. И где? В центре самого просвещённого и безопасного королевства, где про разбойников уже лет пять и слыхом не слыхивали. Где-то, может, и промышляли они в глухой провинции, но здесь, в последнем лесу перед столичной заставой, откуда им взяться? Да ещё и среди бела дня.

Закари ехал сразу позади гонца. В пару ему достался Бертран – добродушный мужик лет сорока пяти, любитель почесать языком и не дурак выпить. Он вводил молодого в курс дела, периодически доставая откуда-то из-под нагрудника небольшой мех. Прикладывался, крякал негромко и вещал:

– А ты знаешь, что герцог-то наш тоже из служилых. Как же? Он был ратником ещё у старого герцога Альбрукского Карла Велеречивого.

– Скажешь тоже… – хмыкнул Закари.

– Мне не веришь, спроси, кого хошь, – разозлился старик. – И слова не скажу больше. На кой рассказывать, коли тебе веры нет?

– Ну прости, прости, дядька. Просто чудно это всё. Как это так возможно из грязи в князи перепрыгнуть?

– Ладно. Слушай тогда и не перебивай, – добродушно разрешил бывалый воин. – Мы ж вместе с ним начинали. Оба из одной деревни. Оба служили верой и правдой, но у него ловчее, что ли, получалось. И заслужил я только шрамы да перстень вот этот памятный, а он рыцарское звание и захудалую деревушку с тощими крестьянами. А потом на войне спас жизнь самому герцогу, и пожаловали ему титул баронета и две зажиточных

деревни друг от друга через речку. А потом, уж не знаю за какие такие заслуги, отдал старый Карл, это уже когда сам на одре, понимаешь, был, за молодца свою дочку. И стал простой солдат его светлостью. Вот ить как бывает…

– Так а зачем же за безродного? Она красавица вон какая, герцогство чуть ли не лучшее в королевстве, хоть и приграничное. Мог хоть за принца её выдать.

– Ну так пойди пойми. У них, у благородных, башка посложнее, чем у простых людей устроена. Я у изголовья стоял, слышал, как он нашему-то сказал: один, значит, способ у нас с тобой имеется, чтоб суврене́т у герцогства соблюсти. Женись, говорит, на дочери моей, и дело с концом… Бог его знает, что за «суврене́т» такой. Даром, что Велеречивым прозвали, порой такие слова говорил, будто сам себе на потеху выдумывал.

– Суверенитет. Это независимость значит.

– А-а-а… Понятно.

Бертран замолчал, о чём-то размышляя. Закари тоже задумался о превратностях судьбы. О том, что же он сам должен такое сделать, чтобы заполучить и богатство, и власть, и любовь в придачу…

Тут ход его мыслей был прерван самым неожиданным образом.

Гонец вдруг остановился и поднял руку. Бертран, похоже, задремал, потому что продолжал ехать. Закари пришлось позвать его по имени, чтобы старик очнулся. Да и остальные явно были не готовы быстро реагировать. Строй нарушился, отряд сбился в кучу.

Шагах в тридцати впереди поперёк дороги лежало дерево. На стволе сидел какой-то неопрятный тип в капюшоне. С десяток подобных стояли за ним с разнообразными орудиями крестьянского труда в руках: вилами, косами, цепа́ми. Выглядели они весьма недружелюбно.

– Ребята, а что это вы здесь устроили? – закричал проснувшийся Бертран. – Зачем дерево такое красивое сгубили? Ох не похвалят вас за это королевские лесничие…

Тип спрыгнул с дерева, подошёл на несколько шагов ближе и скинул капюшон. Оказалось, что он кривой и отсутствие правого глаза скрывает с помощью перевязи из чёрной тряпки.

– Мы не разбойники, как вы, господа, могли подумать, мы мятежники. Я предводитель, меня Питер кличут. А кто вы такие? – произнёс он деловито.

Гонец надменно отчеканил:

– Послушай-ка меня, Питер ты одноглазый. Мы состоим на службе у их светлости герцога Альбрукского, имя которого

наводит ужас на разбойников по всему королевству. Если с нами что-нибудь случится, с вас со всех шкуры заживо сдерут!

Очевидно, эта угроза действия не возымела; со всех сторон из-за деревьев донёсся грубый смех.

Гонец заёрзал в седле и уже менее уверенно добавил:

– И с ваших жён… и с детей… сдерут.

– Господин хороший, остановитесь, умоляю вас, – явно издеваясь, произнёс предводитель повстанцев, – пока вы до родителей не добрались… Мы лишь хотим избавить вас от ненужного бремени. Клянусь, вы и ваши спутники сможете следовать дальше совершенно невредимыми, если отдадите нам то, что предназначается этой зажравшейся скотине королю.

Гонец уже собрался с духом, к нему вернулся надменный тон.

– Не понимаю, о чём ты говоришь, мерзавец. А ну прочь с дороги!

– А что это такое у вашего седла? – Питер указал пальцем на перемётную суму с деньгами. – Не позволите ли взглянуть на содержимое?

– Одним глазком? – гонец оглянулся на ратников, гордый своей шуткой. Те послушно засмеялись. – Так я тебе, чёрт кривомордый, собственноручно этот твой последний глаз вырежу. Ты, свинья эдакая, действительно полагаешь, что толпа чумазых пейзан может напугать бывалых воинов?

– Господин гонец, вы подвергаете опасности не только себя, но и своих людей. Подумайте, насколько ваши жизни ценнее кружочков жёлтого металла.

– Наши жизни принадлежат герцогу, а золото королю, и не тебе, псу шелудивому, разевать пасть на то и на другое!

– Умоляю вас перестать браниться. Бог свидетель: вы вынуждаете меня идти на крайние меры.

Гонец не стал отвечать на эту невнятную угрозу, выхватил меч и направил коня на кривого. Тот махнул рукой. В следующий миг раздался свист разрезаемого воздуха, затем глухой металлический удар. Гонец откинулся назад и безжизненно сполз с остановившегося коня в дорожную пыль. Из нагрудника его доспеха, с левой стороны, торчало оперенье арбалетного болта.

Ратники выхватили мечи и опустили забрала. Они ждали команды от старшóго. Бертран открыл было рот и выпучил глаза, но кривой опередил его.

– Господа! Предостерегаю вас, мои ребята кругом, они в минуту нашпигуют вас стрелами так, что вы станете похожи на дохлых ежей.

После непродолжительного колебания Бертран потупил взор и произнёс:

– А ну, ребята, делай как я! Тогда и живы все, даст бог, останемся, и господину нашему ещё послужим…

И вложил свой меч в ножны.

– Надо же, какое мудрое решение! – восхитился предводитель мятежников. – Слушайте его, парни, коли до почтенных лет дожить желаете.

Растерявшиеся ратники один за другим исполнили трусливый приказ. Последним повиновался Закари.

Питер развеселился:

– Первый гонец от маркиза Ми́рланда был. Ну так там и охрана не вам чета: шесть пижонов в бархате и со шпажонками. Накостыляли мы им, всё ценное отобрали да и отпустили восвояси. У каждого по арбалету было дорогому в серебряном окладе. Хороши арбалеты. Думаю, ваш гонец оценил… Вы посмотрите кто-нибудь, пока суть да дело, что там с ним. Может, жив ещё, слова последние сказать хочет.

Закари спешился и пошёл к гонцу.

– Вот потому и не быть тебе никогда рыцарем, – шепнул он, минуя Бертрана.

Кривой продолжал глумиться:

– У вас мы оружие отбирать не будем. Вы воины – для вас это позор. Сейчас ребята дерево с дороги стащат, и поедете себе дальше. А хотите, обратно езжайте. За следующей порцией. Мы тут подождём. Да, ребята?

Ответом ему был дружный гогот как минимум пятидесяти глоток.

Гонец оказался мертвее мёртвого. Лицо его было грозно – наверное, он не успел ничего понять перед смертью – болт пробил сердце.

Закари пожалел беднягу. Неплохой парень был. Основательный. Сначала у барона какого-то посланцем служил, потом его виконт забрал, и, наконец, герцог в кости выиграл. Может, надеялся в итоге королевским гонцом сделаться. И вот погорячился, недооценил опасность. И всё. Карьера и жизнь псу под хвост…

Предводитель тем временем продолжал балагурить:

– Вторые от графа Голуа́та прискакали. Тоже бывалые воины. Упрямые, как бараны. Все полегли. Не оказалось у них такого мудрого командира, как у вас. Мы им могилку братскую обустроили на полянке, здесь неподалёку. Честь по чести.

Тут к потерявшему ездока коню подошёл один из бандитов с арбалетом за спиной, возможно, как раз тот самый, что убил гонца, и начал вставлять ногу в стремя.

У Закари мгновенно созрел план. Он вытащил незаметно

кинжал, подскочил и заколол неловко карабкающегося в седло арбалетчика куда-то в почку. Взлетел на коня и вонзил в него шпоры.

Гонцов скакун был один из лучших в королевстве. Закари направил его прочь с дороги в лес. Из кустов наперерез выскочили два оборванца – один с топором, другой с вилами. Ратник уже держал в руке меч вместо кинжала, который остался в арбалетчике. В следующее мгновение один из нападавших лишился руки, другой головы.

Конь нёсся галопом сквозь лес. Всадник еле успевал уворачиваться от ветвей и следить, чтобы жеребец не споткнулся о корни.

Скоро Закари убедился, что погони за ним нет, выехал на дорогу и перевёл коня на рысь. В щите, подвешенном у ратника за спиной, торчали три разбойничьих стрелы. Только теперь он обратил внимание на боль. Бедро было в крови. Закари прижал к ране платок и так доскакал до столичной заставы.

Рана оказалась пустяковой: стрела скользнула по кольчуге, порвала штаны и неглубоко оцарапала кожу. Ратнику наскоро перевязали рану и с почётом сопроводили в королевский дворец, где он и сдал золото казначею.

Потом отвели на королевскую кухню. Закари ел с аппетитом, но почти не чувствовал вкуса изысканных блюд – в голове крутились картины произошедшего, а ещё он гадал, каким будет его вознаграждение.

Он принял горячую ванну с помощью двух симпатичных и безотказных горничных, любезно подосланных мажордомом. После всего упал на пышную перину и мгновенно отошёл ко сну с чувством выполненного долга.

2. День 1-й.

Номер TA5625/27/32/08D проснулся 3 сентября 2083 года в своём саркофаге и ещё несколько минут лежал с закрытыми глазами, переживая ощущения при переходе от гипноса к реальности и с удовольствием перебирая в памяти подробности пережитого во сне приключения. Шланги и присоски, отводящие различные биологические выделения во время сна, с чваканьем и шипеньем отошли от тела и скрылись в стенках устройства.

32/08 открыл глаза. На мониторе, вмонтированном в крышу саркофага, в обрамлении средневекового орнамента появилась статистика последней сессии игры «Время ведьм».

Время в игре 76 часов 16 мин. 54 сек.
Навыки:
Верховая езда +83
Владение оружием:
Меч/сабля/шпага +112
Кинжал/стилет/нож +56
Щит +25
Лук/арбалет +27
Осадные/оборонительные орудия +0
Лидерство +5
Дипломатия +13
Обаяние +48
Торговля +16
Лечение +33
Танцы +37
Любовные утехи +94
Богатство/благополучие:
Золото +3 монеты
Серебро +28,5 монеты
Самоцветы +0
Титул/звание:
Ратник. (Доступен следующий уровень).
Прочие достижения:
Уничтожены 4 противника.
Покорены 3 женщины.
Смещение кармы в светлую сторону на 28 пунктов.
Общий опыт 549 очков. (Доступен следующий уровень).

Пока 32/08 пролистывал статистику, саркофаг наполовину наполнился водой, горячими душистыми струями омыл тело, прополоскал волосы и почистил манипулятором зубы. Напоследок окатил холодной водой для бодрости.

Мир игры «Время ведьм» нравился 32/08. Не приходилось ждать неделями каких-то интересных событий, увязая хоть и в приятном, но всё же рутинном виртуальном существовании. Карьерный рост по сценарию, похоже, тоже не заставит себя ждать. Интересно, какую награду получит его персонаж за инкассаторские услуги?

Следующую сессию он заказал в этой же игре.

Тем временем саркофаг тёплым воздухом высушил тело и обернул в серую рабочую униформу. Пора было выбираться наружу.

Шестигранные индивидуальные устройства сна, ИУС, или попросту «саркофаги», имели объём в два кубометра и были уложены вплотную друг к другу, как пчелиные соты. Они занимали всё пространство от пола до потолка в три ряда. Обладатели верхних саркофагов спускались по металлическим скобам, и их излюбленной шуткой было как будто случайно наступить на выползающего снизу соседа.

В секции улья жили двенадцать пчёл. Выбравшись из стены с саркофагами, они попадали в узкое помещение площадью метров двадцать, выполнявшее функции столовой, в котором находились холодильник, аппарат для выдачи напитков и длинный стол с привинченными к полу скамейками. В одном из торцов столовой имелась дверь в общий санузел на три унитаза и три раковины, в противоположном – выход в общий коридор улья.

Интерьер секции был скуп и исключительно практичен. Только иллюминаторы саркофагов, подсвеченные голубым, оживляли унылую обстановку.

Когда 32/08 вылез из своего ИУС, расположенного в среднем ряду, все уже толклись в общем помещении.

В его холодильной ячейке лежали два контейнера с этикетками «завтрак» и «ужин». Их полужидкое, аморфное содержимое отличалось только цветом – различными оттенками зелёного. На пакете значилось: «Перед употреблением питательную массу разогреть!». Он никогда не разогревал. Глотал так; холодная масса вызывала меньше неприятных ассоциаций и почти не имела ни запаха, ни вкуса. Пчёлы неправильно называли питательную массу «пластиковой кашей» – кроме синтетики она содержала достаточно ингредиентов растительного и животного происхождения. Для каждого жильца калории в ней были

рассчитаны индивидуально в зависимости от телосложения и рода деятельности.

Только что он уплетал фуа-гра под совершеннолетний сотерн на королевской кухне, а теперь запихивал в себя нечто склизкое. Этот контраст был ему давно привычен. Там были весёлые, предупредительные люди, здесь – угрюмые рабочие пчёлы, пожирающие скотскую жвачку и изрыгающие ругательства и скотские же шутки. И самое странное, что это были одни и те же люди. А одной из купавших его горничных вполне мог оказаться вон тот прыщавый юнец с испачканным зелёной слизью подбородком. 32/08 даже замотал головой, чтобы отогнать эту мысль.

Он всей душой ненавидел реальный мир, но при этом понимал, что именно этого и хочет от него Система. Реальность должна быть адом, чтобы виртуальный рай казался в сто раз прекрасней…

Противно завыла сирена, створки запирающей секцию двери разъехались, проход загорелся по периметру зелёным – пора было отправляться на работу.

Пчёлы серыми ручейками вылились из секций и потекли реками по коридорам. Часть потока всасывалась воронками ли́фтов, другая обрушивалась водопадами на эскалаторы. Наконец людское течение выливалось в бурлящую запруду вестибюля и выплёскивалось под напором на улицу, где снова распадалось на ручейки, утекающие в шаттлы заводских развозок.

Медеплавильный цех был самым настоящим филиалом ада на земле. 32/08 работал оператором печи. Основной его обязанностью было мешать плавящийся металлолом. Он одевал специальную противожаровую куртку, сталеварские краги и шлем с мутным пластиковым забралом и шевелил двухметровым стальным прутом оранжевое варево, разогретое до температуры тысячи трёхсот градусов. Прут постепенно становился всё короче – плавился.

Важно было не допустить застывания слоя, контактирующего с атмосферой. Как-то раз, в самом начале своей работы, 32/08 отвлёкся. Засмотрелся, как из соседнего тигельного жерла, разбрызгивая во все стороны огонь, льётся оранжевая лава. Вернувшись к печи, обнаружил, что поверхность расплава затянула твёрдая корка из мелких, слипшихся опилок, которые он высыпал за пять минут до этого и, видимо, не перемешал как следует. Он пробовал расшевелить потемневший шлак, но уже ничего не получалось. В панике горе-металлургу показалось, что печь необратимо испорчена. Тут прискакал хромой старик,

обслуживающий соседнюю печь, выхватил прут и, беспрерывно извергая грязные ругательства, какими-то особыми приёмами разбил корку. Потом 32/08 узнал, что «старику» всего тридцать восемь…

У тех, кто работал на заводе по нескольку лет, были суровые землистого цвета лица. Они не любили разговоров, и, казалось, вместо того, чтобы ответить, могут ударить болтуна за то, что тот отнимает у них время, которое можно было бы потратить гораздо полезнее – перемешивая металл.

На обед в заводской столовой подавали жижу с повышенным содержанием легкоусвоя́емых углеводов и напитки с ударной дозой энергетиков.

Двенадцать часов смены казались бесконечными, особенно последние два.

До подвозки пчёлы еле плелись, преодолевая привычную, но не становившуюся от этого легче усталость.

Единственным вечерним развлечением был ужин, богатый белками для восстановления мышечной массы. Прикончив его, все спешили укрыться в своих саркофагах.

Ровно в двадцать два ноль-ноль 32/08 вдохнул приятный запах снотворного газа и полетел навстречу волшебному сну.

3. Сон II.

На обед Закари был зван ко двору. И хотя усадили его почти в самом конце пиршественного стола, у самого входа в трапезную, он был горд и счастлив.

Король Альфред II Хлебосол всячески оправдывал своё прозвище. Столы ломились от яств, и каждый мог выбрать угощение по вкусу.

Закари заинтересовали странные продолговатые тельца, похожие на червей с шипами, выложенные лучами на круглом блюде. Сосед, краснолицый и тучный, заметил его интерес и пояснил:

– Это запечённые трепанги. Моллюски. И не вздумайте употреблять их без этой приправы, – он указал толстым пальцем на соусницу с чем-то тёмным и жидким посреди блюда.

Закари поблагодарил за совет и наколол на вилку один трепанг на пробу. Отрезал тонкий ломтик и обмакнул его в соус. Это было нечто явно морского происхождения, нежное и в высшей степени пикантное. Закари даже зажмурился от удовольствия. Как оказалось, не только он оценил вкус моллюсков; блюдо пустело довольно быстро. Закари еле успел подцепить ещё одну тушку.

Тут король поднял руку, призывая к тишине. Все мгновенно замолкли, но кто-то из придворных, очевидно изрядно подвыпивший, продолжал болтать с сидящей рядом дамой. Король метко запустил в невежу мандарином. Придворный смешно испугался, изрядно повеселив присутствующих.

– Хочу рассказать вам, дамы и господа, о подвиге одного из приглашённых на эту скромную трапезу. Сей муж продемонстрировал верноподданнические чувства в самом крайнем их проявлении. Рискуя жизнью, спас драгоценный груз, предназначенный его господином для королевской сокровищницы.

Встав из-за стола, монарх провозгласил:

– Закари Вентер, приблизься и приклони колено. Ты покинул замок своего господина простым ратником, а вернёшься рыцарем.

Юноша затрепетал от счастья, почти побежал к королю, встал на правое колено и склонил голову.

Король вынул свой меч и опустил его плашмя на правое плечо Закари, затем перенёс через голову и прикоснулся к левому.

– Будь храбр и верен, – торжественно произнёс Альфред. – Встань, рыцарь!

Его величество убрал меч, отвязал от пояса увесистую мошну и кинул её Закари.

– Отличный конь у тебя уже есть, это на доспехи и прочую экипировку. Герцогу передай, чтоб выделил тебе деревеньку дворов не менее двадцати.

Королевский шут, который отирался в конце стола, закричал, нарушая торжественность момента:

– Ты так наивен, дядюшка. Юношам плевать на верность суверену. Все их устремления направлены на то, чтобы попробовать как можно больше устриц. А в рыцарском меню выбор этих моллюсков гораздо обширнее, чем у ратника. Хотя, как я погляжу, господин Вентер предпочитает трепанги, – шут схватил тарелку Закари, на которой оставался один моллюск, установил его торчмя и поднял над головой. – Так что, возможно, нашему рыцарю интереснее то, что скрывают не юбки, а гульфики.

За столом прокатился смех. Король с интересом смотрел на Закари, ожидая его реакции. Молодой человек покраснел от злости, однако он знал, что лучше метко ответить шуту, чем попытаться прибить, поэтому улыбнулся и произнёс:

– Судить о постельных предпочтениях по тому, что человек ест за обедом, это всё равно что по дерьму пытаться определить, что его хозяин предпочитает – петь или танцевать. Так что не обольщайся, дурачок, в вашей гильдии любителей исследовать содержимое гульфиков членов не прибавилось.

Тут расхохотались все пирующие, и громче всех король.

Посрамлённый шут укрылся под столом.

Налюбовавшись столичными красотами и нагуляв аппетит, новоиспечённый рыцарь решил отужинать в лучшем трактире города – «Приюте эпикурейца». Он слышал, что, кроме роскошных яств, в заведении всегда можно было найти прекрасную незнакомку, которая могла стать дамой сердца как минимум на ночь…

За пару кварталов от заветной цели он услышал крики толпы, на фоне которых выделялись чьи-то истошные вопли вперемежку с проклятиями. Закари пришпорил коня, предвкушая недоброе.

На площади перед «Приютом» разыгрывалось действо, чрезвычайно его огорчившее. Закари понял, что его планам на вечер сбыться не суждено.

В середине композиции красовался треножник из огромных жердей, связанных наверху. На треножнике был подвешен котёл циклопических размеров. Чёрт знает, где горожане раздобыли такой котёл, возможно, одолжили в самой адской кухне. Под

котлом полыхал огонь. В закипающей воде багровело лицо, в выпученных глазах которого – мольба и безумный ужас. Кругом бесновались бюргеры, явно одобряющие происходящее.

– В чём провинился сей муж? Почему решено предать его столь жестокой смерти? – вскричал рыцарь.

Из толпы выступил пухлый и очень важный коротышка в ярко-синем берете с богатым плюмажем из экзотических перьев. Он важно произнёс:

– Горожане решили заживо сварить Гвидо, хозяина трактира, потому как полагают, что этот злодей добавляет в свою стряпню колдовские зелья.

– Что за чепуха?! – Закари ухмыльнулся. – И каково же их действие?

– Богомерзкие снадобья лишают праведных жён воли и делают беззащитными перед похотью.

Гвидо заверещал из котла:

– Поклёп! Этот скаред не даёт жене денег на ленты, вот она и ищет благосклонности у щедрых кавалеров. А моя кухня тут ни при чём!

Из толпы раздались женские голоса:

– Это чистая правда! После его жаркого я сама не своя.

– Я поела в «Приюте эпикурейца» бычьих хвостов с кашей и ничего не помнила после этого до утра.

– А я отведала перепелов, тушённых в розовом вине, и очнулась в объятиях какого-то вертопраха.

– А я попробовала говяжий язык с хреном и еле вырвалась за полночь из лап трёх пьяных школяров.

– Стойте, стойте! – попросил рыцарь. – По поводу приворотного эффекта я понял. Ещё претензии имеются?

Женщины снова запричитали:

– Мой муж не хочет обедать дома!

– А мой вылил мне за шиворот суп, который обожал ранее!

– Я приготовила своему почки, а он отбил мои собственные и сказал, что у этого дьявола харчи лучше.

– Не все сразу! – взмолился Закари.

Тогда подала голос старуха со злым лицом:

– После того как мужчины отведали кушанья в этом дьявольском вертепе, они ругают нашу стряпню. Еда не может быть столь вкусной. Не иначе сам дьявол подсыпает в неё перцу!

– То есть из-за того, что ваши хозяйки не умеют готовить да ещё и слабы на передок, вы решили извести лучшего в стране, а возможно, что и во всём мире, кулинара?! – возмутился Закари. – И даже если то, что вы говорите, правда, это всего лишь означает, что нечистую силу заставили работать во благо.

– Да он и сам нечистый! – закричали из толпы.

– И этого антихриста в котёл!

– Сам сатана явился спасать колдуна!

Закари понял, что спорить со столь однозначно и решительно настроенной оравой – дело мало того, что безнадёжное, так ещё и небезопасное. Настала пора действовать, а не разглагольствовать. К тому же со дна котла стали подниматься мелкие пузырьки, а глаза несчастного Гвидо, совсем сомлевшего от жара, закатываться.

– А ну разойдись! – закричал Закари и дал жеребцу шенкелей.

Конь двинулся прямо на толпу, и та с ворчанием расступилась.

Приблизившись к котлу и почуяв жар, скакун испугался и встал на дыбы, но всадник осадил его и подвёл вплотную. Потом протянул руку бедолаге.

– Давай на круп!

Надежда загорелась в глазах владельца трактира. Он ухватился обеими руками за руку своего спасителя и проворно вскарабкался на коня. Тот присел, Гвидо был мужчина грузный. Задние ноги бедного животного разъехались, но оно удержалось и выправилось.

Толпа угрожающе загудела, к беглецу и его спасителю потянулись кулаки.

Закари выхватил из ножен меч и рубанул по одному из канатов, на которых висел котёл. Котёл накренился и потянул за собой всю конструкцию. Чтобы ускорить процесс её падения, всадник пнул что есть силы одну из жердей. Треножник рухнул, пришибив кого-то в толпе, котёл перевернулся, и вода залила костёр. Повалил белый дым. Горячая вода устремилась вниз по улице. Люди разбегались в стороны от потока, вереща и давя друг друга. В образовавшийся проход Закари и направил коня. Задирая морду, немного боком, оскальзываясь на мокрых булыжниках, тот загарцевал вон с площади.

Поесть беглецам удалось только поздней ночью, когда они отъехали от города на изрядное расстояние и остановились на захудалом постоялом дворе.

– И всё же, как ты не сварился? – удивлялся рыцарь, уписывая холодную снедь за обе щёки. Это было, конечно, совсем не то, что он собирался отведать в «Приюте эпикурейца», но с голодухи казалось вполне съедобным.

– За столько лет работы на кухне к жару поневоле привыкаешь, – отвечал повар. Попробовав еду, он сморщился и оттолкнул тарелку.

– Наш герцог, конечно, заносчив, как и положено герцогу, но

очень хорошо платит своим людям. В столице тебе всё равно теперь не жить. Поехали со мной, полагаю, твоё кулинарное искусство найдёт применение при альбрукском дворе, – предложил Закари.

– Похоже, иного выхода у меня нет, – бывший владелец трактира горестно вздохнул и залпом осушил кружку крепкого эля.

– Странно, что тебя не забрал к себе на кухню король, – заметил Закари.

– Он пытался. Но мне предложили жалование в четыре раза меньше, чем я зарабатывал в трактире. Я, конечно же, отказался, но, чтобы не прогневать его величество, сам предложил, поставлять к его столу по одному блюду каждый день. Вчера, например, я приготовил трепангов с особым соусом.

Его светлость герцог Альбрукский встретил их высокомерно, как и положено герцогу, но после того, как вкусил пробный ужин, приготовленный беглым ресторатором, прослезился и буквально умолял Гвидо остаться в замке навсегда.

4. День 2-й.

На этот раз статистика игровой серии отметила смещение кармы персонажа «Закари Вентер» на целых сорок два пункта в светлую сторону и его переход сразу на четвёртый уровень, минуя третий.

Как следовало из описания игры, предоставленного компанией-разработчиком и провайдером *Golden Key*, прохождение «Времени ведьм» именно на светлой стороне никаких критических преимуществ не приносило. Творить добро в этой игре было вовсе не обязательно, можно было играть на стороне зла, и это тоже давало свои фишки. Просто более значительное смещение в ту или иную из сторон поощрялось более быстрой прокачкой навыков. Вероятнее всего, это делалось для того, чтобы придать остроту игре и сильнее поляризовать игроков. Разделение на добрых и злых, светлых и тёмных безотказно работает как в игре, так и в жизни.

32/08 оценил этот остроумный механизм и решил написать хвалебный отзыв в службу поддержки игры. Чтобы не выглядеть подхалимом, он немного поругал качество прорисовки листвы и ландшафтных текстур.

Делал он это не просто так. За эффективное или нетривиальное прохождение игровых уровней, а также ценные замечания по игровому процессу участникам полагалась внутриигровая валюта и уникальные артефакты. Особо отличившиеся получали статус бета-тестеров. Правда, ни одного такого счастливчика 32/08 лично не знал, о них только ходили слухи: обычно это был «один знакомый» или даже «знакомый знакомого». Но где-то, очевидно, такие люди всё-таки должны были существовать.

Обитатели ульев делились на три категории.

Самая непривилегированная и малоуважаемая категория работников – вторая. Они носили на воротах своих роб две бронзовые фигурки рабочих пчёл. Это были те, кто не мог тяжело и трудно работать. В основной массе это были молодые люди от десяти до четырнадцати лет, которые по закону не допускались на работы высокой интенсивности, и старики, которые по состоянию здоровья уже не могли быть на них задействованы. Бронзовые пчёлы проводили на заводах, фабриках, полях и в теплицах от восьми до десяти часов в день и имели право на сутки виртуальной действительности ночью. Таким образом, их субъективное ощущение времени жизни увеличивалось примерно вдвое.

Работники первой категории носили серебряные значки. Они проводили от десяти до двенадцати часов в день на работах высокой и средней интенсивности и могли наслаждаться двумя сутками жизни во сне кряду, то есть жизнь им казалась в три раза дольше.

И наконец, самая многочисленная прослойка – работники высшей категории. Их знаки отличия были золотыми. Они работали от двенадцати до четырнадцати часов в день только на самых тяжёлых и вредных производствах. Их лимит виртуального времени доходил до трёх суток за сеанс, что означало четырёхкратное удлинение общего ощущения продолжительности жизни, три четверти которой они проводили в виртуальном паради́зе.

Бета-тестеров же селили отдельно. На отворотах их синих комбинезонов отливали благородной платиной греческие буквы β. Они работали на роботизированных крупных и государственных предприятиях операторами по восемь часов в день. Это была чисто номинальная должность, поскольку роботы всё делали сами. В виртуальной реальности они могли пребывать до недели.

Где-то существовали ещё альфа-тестеры с обсыпанными бриллиантами буквами α. Но их никто не знал, даже знакомые знакомых. Для этих небожителей игра в виртуальном мире и была работой. Их время пребывания в виртуале зависело от задания и рассчитывалось индивидуально, а время жизни растягивалось практически до бесконечности.

32/08 без особой гордости носил свой золотой значок в виде рабочей пчелы; он интуитивно понимал, для чего людей делят на категории.

Выйдя на улицу, 32/08 зажмурился от бьющего в глаза солнца. Натуральное, оно было слишком резким, не то что во сне. Там на него можно было смотреть почти не щурясь.

32/08 повезло: он жил днём – таким был его жребий от рождения. Это и обозначала буква Ди в самом конце его номера. Всё-таки часы бодрствования лучше было проводить при естественном солнечном свете; это благотворно сказывалось на психике. Говорили, что живущие в ночи гораздо более нервные и болезненные, чем дневные жители. Сам ритм ночной жизни пагубно сказывался на человеческом организме, и вечно погружённая в ночную тьму реальная действительность делала жизнь вне саркофага ещё печальнее. Но не останавливать же станки на ночь…

В принципе, для поддержания психического здоровья солнца

хватало и в виртуальном мире, а вопрос с недостатком полезного излучения решался с помощью ультрафиолетовых ламп в саркофагах. Поэтому имел место следующий парадокс: живущие в ночи были загорелыми, а дневные жители имели, как правило, бледный вид, если не были заняты в работах под открытым небом.

До конца рабочего дня оставалось часа три, когда к 32/08 подошёл очень злой начальник цеха. В обычном состоянии просто злой, теперь он был разъярён вдвойне.

– А ну, пчела, иди за мной! – буркнул он. При этом вид у него был такой, как будто он сопровождает приговорённого к месту казни.

По дороге выяснилось, что печь одного из старых работников остановлена на чистку и профилактику, поэтому он пока поработает на печи 32/08. Теперь Начальнику нужно придумывать, чем занять 32/08, как будто других дел нет… Он привёл подчинённого к бетонному боксу, в который сгружали металлическую стружку и прочий мелкий металлолом. Под воротами в помещение имелась водоотводная канавка шириной сантиметров пятнадцать и примерно такой же глубиной, забитая металлическим мусором.

– Тут тебе работы как раз до конца дня, – сказал Начальник и вручил 32/08 штыковую лопату.

– А что делать-то нужно?

– Ты тупой?

Начальник отобрал лопату и пару минут поковырял ей в канавке.

– Вот так.

Сунул подчинённому инструмент и удалился, судя по походке, по каким-то невероятно важным делам.

32/08 повозился с полчаса и понял, что такими темпами до конца смены очистит максимум половину. За это по голове его не погладят, а возьмут да и отправят жалобу в бюро жизнеустройства, а те обязательно лишат нерадивого работника нескольких часов, а то и целых суток игрового времени.

В углу заводского двора находилась свалка. Он отыскал там прямоугольный кусок железа подходящего размера и обрезок трубы диаметром сантиметра три. Потом пошёл в слесарный цех и приварил железку к трубе.

Такой тяпкой работать было гораздо сподручнее, чем лопатой. Можно было очистить канавку и гораздо быстрее, но 32/08 растянул работу до конца смены, потому что знал, что в противном случае Начальнику снова придётся придумывать ему

какое-нибудь занятие, а это окончательно выведет его из себя.

Когда Начальник пришёл с проверкой, то очень удивился, что всё уже сделано. Он даже предположил, что пчеле кто-то помог. Тогда 32/08 с гордостью предъявил свой инструмент. От злости лицо сатрапа стало похоже на красную маску дьявола.

В шаттле по дороге домой 32/08 улыбался. Он радовался своей маленькой победе над Начальником. Этот самодур выдал своё намерение подставить работника, поручив ему невыполнимое задание.

Причём это не было личное, ведь 32/08 не давал Начальнику абсолютно никакого повода себя ненавидеть. Это была инстинктивная, воспитанная всем прожитом в этом мире временем потребность презирать и ненавидеть тех, кто на социальной лестнице стоит ниже.

Говорят, на курсах начальников специально учат, как поставить на место, как отказать в просьбе, как внушить чувство вины и развить у подчинённого комплекс неполноценности. Потому что реальная жизнь работяги должна быть адом. И если раньше от этого ада нужно было отвлекать с помощью алкоголя и наркотиков, внешних и внутренних врагов, эпидемий и войн, то теперь достаточно припугнуть сокращением продолжительности пребывания в виртуальной реальности или отлучением от неё. Для любой пчелы самое страшное – это обычный сон без наведённых, управляемых сновидений. Один лишь бессмысленный ад реальности и никакой альтернативы ему, никакой параллельной вселенной. Начинается ломка пострашнее наркоманской. Если кроме работы ничего больше нет, зачем тогда жить?

5. Сон III.

С грохотом трескалось небо, ревел ветер, выл и свистел. И было непонятно, град ли это барабанит по крыше или озябшие путники стучат в ворота, моля о ночлеге; буря рвёт ставни или разбойники с бранью ломятся в дом.

В караульном помещении, освещаемом двумя пятисвечными канделябрами и огнём из очага, было тепло и уютно. Бушующая снаружи непогода только усиливала приятное чувство от пребывания здесь. Комендант гарнизона замка Закари Вентер насадил на вертел изрядный кусок мяса и подвесил его над огнём. Сегодня на кухне ничего не готовили. Владелец замка, герцог Альбрукский, уехал охотиться, забрав с собой свиту и большую часть челяди. Повара он, конечно, тоже прихватил с собой, но этот добрый человек перед отъездом для своего друга Закари и его товарищей подготовил особым образом свиную ногу для жарки на открытом огне и соорудил один из своих фирменных соусов.

Когда мясо подрумянилось, Закари достал его из огня, положил на глиняную тарелку и, орудуя кинжалом и двузубой вилкой, принялся за еду. Нежнейшее мясо, политое чудесным соусом, буквально таяло во рту. Он запивал его вином прямо из кувшина и закусывал соленьями, которые Гвидо заботливо присовокупил к мясу. В который раз рыцарь возблагодарил небо за то, что ему довелось повстречать на своём жизненном пути этого кудесника от кулинарии…

Подкрепившись, комендант решил, что пора производить обход. Он намеренно не придерживался определённого графика, чтобы ратники, находящиеся на постах, были не готовы к его появлению.

На полке стояло шесть латунных свечных фонарей. Закари взял один, снял с конусообразного шипа огарок и бросил в специально отведённое для этого ведро. Туда же выскреб кинжалом оплывший воск. Достал из ларя новую пузатую фонарную свечу с толстым фитилём и насадил её на шип. На лучине перенёс огонь со свечи на канделябре в фонарь.

Убирая кинжал в ножны, он в очередной раз залюбовался им. Герцог вручил Закари меч, приличествующий рыцарскому статусу, и этот кинжал взамен утраченного в переделке. Это было необыкновенное произведение оружейного и ювелирного искусств. Зеркальный, совершенной формы обоюдоострый клинок, рукоять из слоновой кости, идеально ложащаяся в руку, золотая изящная гарда, крупный рубин в луковице на конце

рукояти. А ножны… Это не ножны – это дивное лоно с золотым кружевом снаружи и красным бархатом изнутри. Не дело такую красу для бытовых нужд использовать – надо будет завести ножик попроще. А с другой стороны, чего мелочиться? Карьера стремительно прёт в гору, да так, что в ушах закладывает. Вчерашний ратник-новобранец теперь уже рыцарь и комендант герцогского замка. Жалко, конечно, что на охоту не взяли, ну да, как говорится… Он не смог вспомнить подходящей поговорки. Допил последний глоток из кувшина и придумал сам: лучше быть первым в пехоте, чем последним на охоте.

Казарма, встроенная в крепостную стену, имела три этажа. На самом верхнем стояли катапульты для метания каменных ядер, а также чаны для смолы, дабы, расплавленную, лить её на двигающегося по дороге к воротам противнику. Караульное помещение находилось на втором этаже.

Первым делом Закари направился к воротам по крытой галерее поверх крепостной стены. Ветер здесь был сырой и такой плотный, что приходилось продираться будто сквозь встречный поток воды.

Один из привратников, как ему и было положено, находился в сторожке в правой привратной башне, второй, согласно предписанию, на смотровой площадке левой. Подъёмный мост поднят и надёжно закреплён.

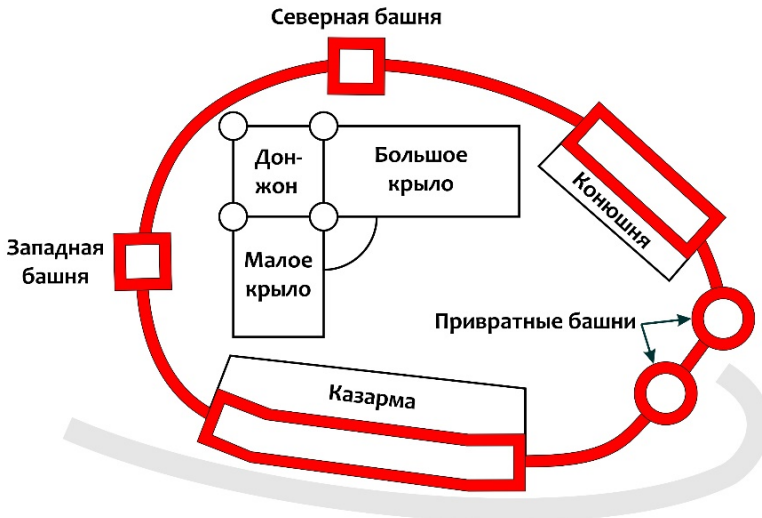
Ратник в сторожке улыбался и преданно смотрел на начальство. Наверху стоял Бертран. Он был, вопреки обыкновению, угрюм и неприветлив. Возможно, его настроение испортили сквозняки, хозяйничающие под куполом башни, а может, он переживал из-за того, что после эпизода с гонцом из старшин был разжалован в рядовые.

– Сходите в караулку по очереди, погрейтесь. Там мясо, овощи. Давай, ты первый. И позови сюда Кристиана, я посмотрю пока, – приказал Закари.

Взгляд старика заметно потеплел. Звеня кольчугой, он убежал исполнять приказание.

В обступившей замок мокрой черноте не было видно ни зги. Однако, когда сверкали молнии, всё вокруг освещалось яснее, чем днём; никто не смог бы подобраться к воротам незамеченным. Пока привратник поднимался на башню, молнии раскололи небо трижды. Это было завораживающе красиво. Отсюда, с башни на вершине холма, становилась видна вся окрестность: белая лента дороги, опоясывающая холм, дома у его подножия, рыночная площадь, крест церкви, поля и леса вокруг. Извив реки блистал серпом. Всё очень контрастное, как на гравюре. Гром гремел не

сразу – гроза отступала.



Пришёл добродушный Кристиан, и Закари продолжил обход. Двигаясь по крепостной стене против часовой стрелки, он прошёл над конюшней, которая, подобно казарме, сверху была устроена как вытянутое вдоль стены оборонительное сооружение. Миновал северную башню, приблизился к западной. Закари неприятно удивляло, что он так и не встретил ратника, обязанного ходить по стене туда и обратно. На посту должен был находиться Вольдемар, здоровенный малый, с явным удовольствием несущий службу. Тем более странно было не застать его на месте.

Тут сквозь раскаты удаляющейся грозы он услышал странные звуки, показавшиеся поначалу плачем. Стараясь не шуметь, Закари заглянул внутрь башни.

Всполохи молний осветили следующую картину. Вольдемар что-то объяснял лежащей грудью в нише бойницы девице. Та, выставив в сторону ратника зад, смотрела на долину и, судя по возгласам, чему-то сильно удивлялась. Вольдемар совершал поступательные движения всем телом, как будто пытаясь протиснуться в бойницу, но зад девушки представлял для него непреодолимое препятствие, и ему приходилось вести наблюдение через её голову. Прилежный служака не прекращал попыток, издавая звуки нечленораздельные, но явно жалобные – позиция для наблюдения была у него не самая удобная.

Закари хотел было одёрнуть подчинённого, но передумал. Следовало признать, что никакого вопиющего нарушения уложения о караульной службе не происходит. Дозор производится даже не одной, а двумя парами глаз. Девушка принесла караульному подкрепиться или попить – вот и винный мех валяется подле их ног на полу. Сие абсолютно не возбраняется, равно как и прогулки гражданского населения замка по стенам в любое время дня и ночи. Герцогство ни с кем сейчас войны не вело.

Придерживая меч за рукоятку, чтобы не брякнуть, Закари прокрался через башню. Парочка была так увлечена наружным наблюдением, что не обратила на него никакого внимания.

Он прошёл по стене к казарме, замыкая обход периметра.

От казармы до жилых построек пришлось пробежаться под дождём. Это оказалось даже приятно: не слишком холодные струи освежили коменданта.

В малое крыло замка, в котором располагались кухня, комнаты для слуг и гостей низших рангов, он попал через чёрный ход, ведущий на кухню.

Вотчина Гвидо, занимающая вместе с кладовыми весь первый этаж, была пуста и чиста безупречно. Медные сковородки, кастрюли и поварёшки блестели в свете свечи так, будто только что вышли из посудной лавки и ни разу не были в употреблении. Пахло здесь скорее не кухней, а оранжереей; всюду, где возможно, были расставлены горшки с живыми растениями, некоторые из них цвели и благоухали. Гвидо объяснял своё пристрастие к флористике так: там, где пахнет нечистотами, высокое искусство не живёт. Дескать, для рождения кулинарных шедевров необходимы ароматы, а не кухонный смрад. Однако злые языки болтали, что шеф-повар использовал эти растения для приготовления колдовских зелий, Гвидо же в ответ на подобные обвинения лишь отмахивался и загадочно ухмылялся.

Наверх, где жили слуги, он подниматься не стал. Военному коменданту там нечего было делать, это была территория мажордома.

Пройдя крыло насквозь, Закари попал в вестибюль, имевший форму четверти круга. Парадный вход был закрыт изнутри на могучие запоры. Стены этого просторного помещения плотно завешаны портретами предков герцогов Альбрукских. На мозаичном полу стояли рыцарские доспехи из разных эпох и концов Света.

Закари отпер дверь, которая вела в большое крыло замка. Делать это было необязательно, но ему очень захотелось оказаться в этом величественном, напоминающем собор месте.

Одному, ночью.

Всё большое крыло занимал огромный двусветный зал с гигантским камином из белого мрамора в противоположной от входа стене. Камин являлся предметом особой гордости альбрукских правителей. Он был самым большим в стране, даже больше, чем в королевском замке. К тому же был изумительно красив. Искусная резьба на портале и панели, закрывающей дымоход, представляла разнообразные картины из рыцарской жизни: поединки конные и пешие, сцены охоты с гончими и соколами, а также весёлые застолья в обществе обнажённых дебелых девиц. Центром композиции являлась панорама осады замка с доброй сотней нападающих и обороняющихся персонажей. В топке камина можно было жарить быка целиком на вертеле, дровами для него служили брёвна.

Зал использовался для пиршеств, танцев и представлений. В особо торжественных случаях перед камином ставили герцогское кресло и зал становился тронным.

По обеим длинным сторонам протянулись колоннады, ограничивающие коридоры, в которые выходили двери гостевых комнат для важных персон, сейчас пустующих.

Закари вышел на середину зала. Озаряемый молниями объём производил воистину магическое впечатление. Сводчатый потолок, перевитый резными балками, казалось, не был возведён простыми смертными, а мог появиться только по велению какого-то могущественного волшебника. Подавив острое желание закричать от восторга, комендант вернулся в вестибюль. Он поймал себя на том, что топает слишком сильно, чтобы насладиться многократно отражёнными, постепенно затухающими между колон отголосками своих шагов.

Тяжёлая, окованная железом дверь вела из вестибюля в донжон[47]. Распахнутая сейчас, она запиралась изнутри только во время осады замка, если противник прорвётся во внутренний двор. Правда, такого никогда не было за почти сто лет, прошедших с тех пор, как был построен Альбрукский замок – главный оплот герцогства.

Наверх в господские покои Закари подниматься не следовало, а вот подвал, в котором находились колодец, ледники и винный погреб, он посетить собирался. Повар рассказал коменданту о своём подозрении, что кто-то из прислуги сделал ключ от погреба и таскает хозяйское вино по ночам. Закари подумал, что если это правда, то сегодня как раз такая ночь, чтобы, воспользовавшись отсутствием большинства домочадцев, совершить набег на герцогские закрома.

Дверь винного погребя оказалась притворена, но навесной

замок болтался на одной из проушин запора, а сам запор отодвинут. У Закари весело забилось сердце от предвкушения приключения.

Он резко рванул на себя дверь и перепрыгнул через порог с фонарём в левой руке и мечом в правой.

– Именем герцога мордой в пол! – зарычал рыцарь.

За большой бочкой, стоящей посреди помещения, метнулся силуэт. На бочке светились свеча и серебряный кубок.

В следующий момент что-то пролетело мимо его головы и разбилось о стену сзади. Резко запахло вином.

– Какой негодяй смеет обнажать меч против герцогини Альбрукской? – прозвучал из темноты глубокий женский голос.

Закари мгновенно осознал свою ошибку, быстро спрятал оружие и встал по стойке смирно.

– Леди Ма́ргарет?! Что вы делаете здесь? – проговорил растерянно.

– Кто ты? Что за кретин? – выступила из темноты прекрасная герцогиня, глаза её метали молнии.

– Закари Вентер, комендант замка, ваша светлость.

– Вы считаете, комендант, что я должна отчитываться перед вами в своих деяниях? – уже не так сердито поинтересовалась герцогиня.

– Ни в коем случае, ваша светлость, – отвечал он, глядя себе под ноги.

– И что это вы тут устроили? Будьте любезны объясниться.

– Прошу простить меня, госпожа. Наш повар, Гвидо, просил меня поймать вора. Я совсем не ожидал застать здесь вас.

Большою бочку окружали несколько бочонков для сидения. Совершенно успокоившись, герцогиня присела на один из них.

– Я слышала о вашем подвиге. Вы храбрец и печётесь об имуществе своего сюзерена. Я не сержусь на вас. Будем считать произошедшее здесь забавным недоразумением.

– Благодарю, ваша светлость. Но я бы не стал называть бегство подвигом.

– Не скажите. В результате ваших действий были спасены очень серьёзные средства.

– Полагаю, это такая мелочь для самого богатого герцогства королевства.

– Не скромничайте. Десятина от валового дохода за три месяца – очень серьёзные деньги для нашей казны, уверяю вас.

Он молча склонил голову.

– Садитесь и вы, – попросила она, – возьмите на полке кубок для себя. Составьте мне компанию, поболтаем.

– Смею ли я досаждать вам своим присутствием?

– Не заставляйте меня повторять.

Закари повиновался. Взял кубок и кувшин взамен разбитого.

– Какое вино вы желаете?

– Альбрукское, конечно. Нет в мире лозы лучше, чем в виноградниках моего батюшки. Он был страстный энофил[48]. Налейте из этой бочки, – она указала на самую потемневшую от времени. – Это вино он поставил бродить в самый год моего рождения.

Крепкое вино мгновенно впиталось в кровь и разлилось приятным теплом по телу.

– По нраву ли вам вино, сэр рыцарь? – лучезарно улыбнулась герцогиня.

– Оно превосходно! Этого года ещё пробовать мне не доводилось… Истинная амброзия, ваша светлость.

– Но будьте осторожны, это вино укрепляет сердце, но омрачает рассудок, – и, как будто в подтверждение своих слов, попросила: – Напомните, как ваше имя?

– Закари, госпожа.

– Там гроза ещё не кончилась? – здесь, в подвале, грома слышно не было.

– Нет. Но она удаляется, и, если верить старым костям нашего конюха, завтра будет вёдро.

– Тогда давайте выпьем за хорошую погоду, – предложила она.

И осушив свой кубок до дна, вытерла губы рукавом домашнего балахона.

Немного помолчали.

– Когда я рассказывала вам об увлечении батюшки виноделием, назвала его энофилом. Вы сделали вид, что знаете это слово?

– Я, видите ли, сам своего рода энофил.

– Любопытно… – она в первый раз посмотрела прямо на него.

Он хотел выдержать взгляд, но опомнился и отвёл глаза в сторону.

– Позвольте спросить, а почему вы здесь? Разве не удобнее было бы энофили́ровать в покоях наверху?

Она улыбнулась выдуманному им глаголу.

– Я боюсь грозы.

– То есть у вас грозофо́бия, ваша светлость?

– Бронтофо́бия будет вернее именовать этот недуг.

– То есть можно сказать, что бронтофобия, отягощённая энофили́ей, завели вас в это место и время?

– Если вы намерены возобновить допрос, господин комендант, то на этот раз я отвечу. Да. Это именно так, – она

покаянно склонила голову. – Когда мне было восемь, разразилась гроза. В открытое окно кухни влетел огненный шар. Я находилась в главной башне. Здание тряхнуло так, что моя любимая фарфоровая кукла выпала у меня из рук и у неё откололась голова. Потом оказалось, что убило кота и покалечило кухарку. Но более всего мне было жаль куклу… С тех пор я боюсь грозы и спасаюсь от этого страха вином.

Леди Маргарет грустно усмехнулась. Она казалась ему совершенной, но он никогда не смотрел на неё как на женщину, скорее как на произведение искусства.

Как на кресло герцога, которое выглядело как трон. Подлокотниками у него служили золотые грифоны, а спинка и седалище были обиты кожей с брюха красного дракона. Когда Закари стоял в каминном зале сегодня, у него в голове проскочила шальная мысль: посидеть на этом кресле. Он тут же прогнал её, сочтя глупой и недостойной. Также недостойно и самонадеянно было бы вожделеть герцогиню. Как не пожелал он залезть на герцогское кресло, точно так же не помышлял он ни о чём подобном и в отношении герцогини.

Дабы избежать ненужных разочарований, Закари всегда старался адекватно оценивать свои шансы на успех у женщин. Ещё совсем недавно, будучи ратником, он претендовал на любовь фермерских и бюргерских дочерей, а иной раз и жён, но чаще всего кабацких шлюх. Став рыцарем, он ещё не успел избрать даму сердца, но уже начал присматриваться иногда даже к баронессам… Но герцогиня! Нет. Пока это не его уровень.

Он почувствовал, что пауза в беседе неловко затянулась, в замешательстве встал и пробормотал:

– Ваша светлость, благодарю вас за честь вкусить в вашем обществе этого великолепного вина, но я должен возвращаться к своим обязанностям.

– Закари, я приказываю вам остаться и налить ещё, – произнесла герцогиня нарочито капризно. – Пойдёте, когда я вас отпущу.

Игривое настроение герцогини несколько озадачило рыцаря. Это было сказано столь многообещающим тоном, что у Закари ёкнуло в груди. Он наполнил кубки и осмелел настолько, что предложил такой тост:

– За вашу красоту, леди Маргарет! Она – самое главное богатство герцогства. И если бы сотня злоумышленников покусились на этот капитал, я вступил бы в бой и бился бы до победы или смерти.

– Скорее второе, мой друг. Вы вообще отдаёте себе отчёт? Стократное преимущество противника не оставляет вам никаких

шансов. И мне бы тогда, мягко говоря, тоже не поздоровилось… Не разумней было бы всё-таки убежать?

– Мне? Убежать с вами?

– А почему бы и нет? – задумчиво произнесла она.

Сердце заплясало в его груди.

Пригубив, он хотел было поставить кубок на стол, но её рука помешала это сделать.

– До дна, рыцарь. До дна!

Когда Закари опустил от уровня глаз порожний кубок, неожиданно для себя не обнаружил Маргарет на месте. Она стояла в трёх шагах с очень решительным видом. Повела плечами, и балахон упал к её ногам.

– Я люблю вас, госпожа! – искренне вырвалось у него.

– Каков молодец… Хватит этой «госпожи» и «вашей светлости». Зови меня просто Гвиневе́ра. И давай на «ты», а то я не смогу расслабиться.

Он поднялся навстречу и пролепетал, стараясь сдерживать дыхание:

– Но Маргарет… а как же герцог?

– Это для всех остальных я Маргарет, а для тебя буду Гвиневерой. А ты моим Ланцелотом, – она пьяно, но обворожительно захохотала. – И помни. Если верность сохранить не получилось, придётся хранить тайну.

6. День 3-й.

Самым страшным наказанием для пронумерованных обитателей ульев было лишение гипноса, которое можно было получить за нарушение трудовой дисциплины или общественного порядка.

Как привидения бродили такие «лишенцы» по улицам, не в силах уснуть без усыпляющего газа в своих обесточенных саркофагах. Пропуск одного сеанса ещё можно было вынести и вернуться к нормальному режиму жизни. Но если больше… На вторые, максимум третьи сутки они начинали набрасываться на прохожих, тогда их отлавливали и сдавали в реабилитационные клиники. Там они быстро отказывались от антисоциальных мотивов в поведении и твёрдо уясняли, что такое профессиональная этика.

За систематические и серьёзные преступления можно было получить лишение навсегда. Эта мера была подобна смертной казни. Пчела сначала отучается от гипноса, потом из-за неизбежной бессонницы теряет способность работать и, как следствие, перестаёт получать пищу. А когда становится опасной для окружающих, ей даже не пытаются помочь, а усыпляют, как собаку, без дара «Последнего сна».

Некоторые «лишенцы» уходили из города и становились «изгоями». Их никто больше не видел, и, наверное, конец их был печален; без работы и порции пластиковой каши разве долго протянешь? Даже если они находили способ выжить, сохранить рассудок у них бы не получилось, по слухам, они сходили с ума максимум за неделю…

С самого раннего детства, когда человек только-только начинает соображать, его помещают в ИУС, в котором он проходит полный жизненный цикл. Сначала как «личинка» – период жизни до десяти лет. Личинкой он перестаёт быть, когда начинает работать. И вся жизнь его длится лет до шестидесяти, пока он способен трудиться.

Наградой за правильную и общественно полезную жизнь становился «Последний сон». Он длится всего месяц, но за этот месяц человек успевает прожить тысячу лет в виртуальном мире. Можно по своему усмотрению прожить несколько жизней, а можно только одну длиной в миллениум, и выбрать себе любую смерть. Например, спокойную, в кругу семьи: чтоб окружали его постель рыдающие домочадцы, жадно прислушивающиеся к последним словам, пока прекрасная жена, сжимает холодеющую руку. А можно героическую: на поле боя со знаменем в руках или

на костре инквизиции, оставаясь верным своим прогрессивным идеалам. Причём дух уходящего в этот момент был настолько силён, что никакой боли, а только чувство выполненного долга. А можно было умереть незаметно для себя, например, во сне или в эпицентре ядерного взрыва.

Тысяча лет – более чем достаточный срок для того, чтобы провести множество репетиций и выбрать смерть по своему вкусу. И вот тогда эта самая, последняя, смерть в виртуальном мире и совпадает со смертью физического тела.

Начальник вызвал 32/08 к себе в кабинет и объявил зловеще:

– Сегодня ты работаешь на улице. Помогай Сорок Один Одиннадцать, делай, что он скажет.

32/08 слышал от коллег, что Начальник отправляет работать на улицу провинившихся. Он догадывался, в чём провинился. Проходя мимо свалки, видел свой инструмент, которым вчера вычищал канавку, согнутый пополам кем-то очень недобрым…

41/11, угрюмый чернокожий оператор электропогрузчика, объяснил, что нужно делать. Прямо на бетонные плиты заводского двора были навалены кучи металлического мусора. Рядом, у стены, на четырёх столбах, установлена большая прямоугольная металлическая воронка. Негр ковшом погрузчика засыпал в неё мусор, задачей 32/08 было закреплять под воронкой большой полимерный мешок и после заполнения мусором, пока негр увозил его на другой конец территории завода, подготовить следующий.

С первым мешком 32/08 замешкался. Мусор был сырым, то ли в воде, то ли в масле, и застревал на выходе из воронки. 41/11 взял стоящий тут же лом и подолбил по стенке воронки, мусор провалился. Стало ясно, почему воронка была вся помята.

Когда отгрузили несколько мешков, 32/08 почувствовал смысл наказания: солнце жарит нещадно, тени поблизости нет, лом тяжёлый, комбинезон пропитался потом. Работа у медеплавильной печи уже не казалась такой адской…

На самом верху здания, в котором сидело заводское начальство, висел транспарант с красными буквами на белом фоне:

«КАЖДЫЙ ЗАСЛУЖИВАЕТ СМЕРТЬ ВО СНЕ!»

32/08 вдруг понял этот знакомый с детства слоган по-новому. До сих пор этот посыл воспринимался так: когда-то давным-давно люди умирали как бог на душу положит, чаще всего в мучениях и страшных судорогах, а теперь каждый может умереть комфортно. В перспективе же этого ужасного бесконечного рабочего дня посыл стал восприниматься в неком циничном ключе: получается,

что лучшее, что может заслужить человек, – это смерть.

Когда негр уехал в очередной раз, 32/08 решил повнимательнее изучить устройство приспособления, с которым ему приходилось работать. С одной стороны воронки он обнаружил засыпанный опилками, ржавый электромотор, у которого могло быть только два предназначения: либо переворачивать зачем-то воронку, либо… Из мотора выходил шнур, свёрнутый в бухту. 32/08 вставил вилку в скорее всего не случайно оказавшийся на ближайшей стене электрощиток, и нажал тумблер на моторе. Воронка завибрировала, и мусор самотёком пошёл в мешок. Стало много легче – ломом махать не нужно. На всякий случай он выключал мотор, когда приезжал электропогрузчик. 32/08 твёрдо уяснил, что начальство плохо реагирует на оптимизацию труда, и, если 44/11 расскажет Начальнику, как его напарник «отлынивает», тот придумает что-нибудь ещё похуже.

Перед сном обессиленный 32/08 еле забрался в свой саркофаг. Искупался. Включил массаж. Стал просматривать отзывы игроков «Время ведьм». Потом накатал свой.

Досточтимые сэры и прекрасные леди нашего королевства!

А мне игра нравится.

Карьера прёт, что ни сессия, то новый уровень. Интересное дерево скилов опять же. И главное – атмосфера. Такая, что хоть ложкой ешь её – такая она сочная и вкусная…

Но хотелось бы что-то сделать с прогнозируемостью сюжета. Все повороты предсказуемы, как по дороге на работу. Рыцарь, баронет, барон, граф или маркиз, виконт или герцог, король. Фини́та. Давайте следующее средневековое мыло. А лучше в космос. Хотя и там всё наперёд известно…

ИМХО надо ломать игру. Я лично попробую.

7. Сон IV.

Утром в небе не было ни единого облачка. Омытая ночным ливнем долина реки Альба сияла, как только что отчеканенная монета. С вершины донжона окрестность в ясном воздухе просматривалась до самого горизонта.

Город Альбрук просыпался внизу у подножия холма, на котором стоял замок. Уже слышны были крики рыночных торговцев и звон наковальни в кузнице.

Маргарет, или, как теперь было велено её называть, Гвиневера, спала, выпростав из-под одеяла изящную ножку. Закари полюбовался немного, но решил не предаваться утренним ласкам, потому что ночью отведал этих самых ласк преизрядно. Нельзя, конечно, насытиться любовью впрок, но в ближайшую неделю он мог бы обходиться одними воспоминаниями об этой ночи. Он прикрыл конечность герцогини шёлковым покрывалом и тихонько оделся.

Ночью, проведя какое-то время в винном погребе, они с герцогиней поднялись на самый верх донжона, в её личные покои, где продолжали наслаждаться обществом друг друга до рассвета.

Верхний этаж главной башни замка изначально был предназначен для пребывания в нём только во время осады, но герцогиня настояла на том, чтобы устроить здесь свои личные апартаменты, состоящие из спальни и будуара. Спальня герцога находилась ниже.

Служанка герцогини, кстати та самая, что навещала вчера ратника Вольдемара в западной башне, спала на кушетке в будуаре. Маргарет не стесняло её присутствие, видимо, была уверена, что девушка сохранит их тайну. Любящий сейчас весь мир Закари наклонился к ней и поцеловал прямо в уста, а когда та проснулась и уставилась на него сначала испуганно, потом удивлённо, он сказал, смеясь:

– Передай своей хозяйке этот поцелуй!

Быстро свершил он обход замка. Дневная смена ратников находилась на своих постах.

Как раз пришёл обоз с охотничьими трофеями из трёх телег. На передней, прямо на туше исполинского бурого медведя, восседал Гвидо. Эта телега была загружена шкурами хищников: волчьими, лисьими и куньими. На них развалился весь персонал кухни до последнего ложкомоя. На втором возе были навалены олени, косули и кабаны. Над грудой туш торчали огромные лосиные рога. Последний воз был гружён мелкой и пернатой

дичью. Головы зайцев, тетеревов, уток, диких гусей, куропаток и фазанов болтались на мёртвых шеях по сторонам телеги.

Гвидо, по всей видимости пьяный, орал дурным голосом какую-то древнюю песню, в которой невнятные, но глобальные претензии к суровой действительности перекликались с готовностью в любой момент завершить бессмысленный круг существования.

Закари наблюдал эту картину с приворотной башни.

– Если ты не прекратишь базлать, как раненный осёл, дорогой Гвидо, я не велю впускать тебя в замок, – прокричал комендант.

– Извини, друг, – замахал руками повар. – Всю ночь под дождём ехали, чтоб мясо не испортилось. И только вино помогало нам согреться, а песни спасали ото сна. Открывайте же скорее! Клянусь никогда не петь больше, если мне позволят добраться до перины.

Кухонный персонал отправили домой с тем, чтобы завтра, когда герцог прибудет в замок, уже был бы готов стол с блюдами из свежедобытой дичи.

Ближе к вечеру, когда солнце уже заходило на посадку над лесом на западе, раздались звуки горна. Закари пришёл к воротам и по озадаченным лицам привратников понял, что что-то не так.

За стенами слышался гомон множества голосов, на его фоне выделялись возгласы:

– Долой герцога!

И:

– Свободу!

Закари вышел на стену над воротами.

Вся дорога от ворот до низа холма была заполонена разнообразно вооружёнными людьми. По большей части это были горожане, но между ними сновали какие-то не очень опрятные люди в зелёных и коричневых накидках.

Очень странно было видеть во главе бунтовщиков бургомистра Альбрука – он дирижировал криками.

Закари поднял руку и дождался, когда смолкнут крики.

– Господин бургомистр, добрый вечер. Не соблаговолите ли объяснить, что происходит?

Однако бургомистр лишь насупился и отвечать не стал. Вперёд вышел один из людей в накидках и прокричал:

– Святые угодники! Какая удача. Ты-то мне и нужен. Узнаёшь?

Он снял капюшон.

– Питер. Одноглазый, – Закари, конечно же, сразу признал в нём давешнего знакомца. – Не скажу, что очень рад тебя видеть. Так это ты стоишь во главе этого сброда?

– Не очень-то это уважительно: называть сбродом честных бюргеров, – заметил Питер.

Толпа возмущённо загудела.

Переждав, разбойник продолжил:

– Коротко говоря, мятеж перерос в смуту, а та, в свою очередь, – в восстание. И я, как предводитель оного, объявляю бывшую обитель герцогов Альбрукских главным оплотом народного гнева. Предлагаю защитникам замка сложить оружие и открыть ворота. В этом случае обещаю сохранить вам жизни и рассмотреть возможность принять вас в ряды повстанцев. Иначе: месть, смерть, кровь и экскременты по стенам.

– Понятно. Кажется, у меня дежавю. Я уже слышал нечто подобное в твоём исполнении. Сколько у нас времени на размышление?

– До утра. Мы знаем, что герцог с войском вернётся завтра к вечеру, поэтому штурм начнём утром.

– Тебе хоть рассказали, что этот замок пережил с десяток осад и ни разу не открыл ворота врагам?

– У тебя шесть воинов и кучка дворни, комендант, а нас около тысячи. По кирпичикам замок разберём.

Закари, леди Маргарет и Гвидо устроили военный совет в каминном зале.

Повар притащил трёх жирных рябчиков с ананасовым гарниром, чтоб скрасить трудный разговор. Герцогиня заявила, что никогда не осилит столько, но незаметно для себя умяла свою порцию и обсасывала теперь последнюю косточку.

– Я вообще не пониманию, как горожане решились на восстание? – задумчиво произнесла она. – Мой муж – добрый и мудрый правитель. Он никогда не притесняет своих подданных и даёт им жить в своё удовольствие. Да, он строг в вопросе сбора налогов, но в наших землях налог ниже, чем в большинстве других земель королевства. Герцогство не воюет ни с кем уже десять лет и королю для участия в военных кампаниях своих вассалов не предоставляет.

– Полностью согласен с вами, ваша светлость, – исключительно почтительно, стараясь не выдать истинного отношения к герцогине, проговорил Закари. – Даже в дальней деревне, из которой я родом, все любят и при каждом удобном случае прославляют герцога, и, поверьте мне, совершенно искренне.

– Я тоже только хорошее слышал о герцоге Альбрукском, – поддакнул Гвидо. – Недаром же его прозвали Ренóльд Золотое Сердце!

– Это могут быть происки старых завистников – графа Голуата или маркиза Мирланда, – предположила герцогиня.

– Очень может быть, – повар воздел указательный палец. – И сдаётся мне, на добрых бюргеров наложили колдовские чары. У Питера Одноглазого в отряде есть ведьма, миледи Пропаганда…

Закари фыркнул от неожиданности.

– Неужели же Пропаганда?

– А что? Обычное латинское имя, – невозмутимо заметил повар. – Так вот эта Пропаганда очень сильная ведьма. Она может заморочить целые страны, полностью поменять образ мысли их граждан по щелчку пальцев. И боится она только правды. Но беда в том, что одурманенные Пропагандой граждане правды слушать не станут. Я могу приготовить зелье прозрения. Этому рецепту научил меня дедушка, знахарь не из последних, оно поможет захватить их внимание на минуту, и, если за это время заставить их прислушаться к гласу истины, чары Пропаганды падут.

– Не может быть, – выдавил Закари, еле сдерживая смех.

– Соберитесь, комендант, не вижу повода для веселья, – одёрнула его герцогиня. – Что ещё мы должны знать об этой миледи?

Повар немного подумал.

– Не знаю, как это поможет, но эта ведьма та ещё шлюха, в порыве страсти, я слышал, простите ваша светлость, она лижет анус своему очередному покровителю.

– Фу, – герцогиню передёрнуло от отвращения. – Надеюсь, это никак нам не пригодится. И откуда только тебе известны столь мерзкие подробности, Гвидо?

– Госпожа, я был владельцем лучшего трактира в столице, каких только откровений там не доводилось выслушивать…

Закари в очередной раз с трудом совладал с приступом весёлости.

– И как же нам применить это твоё зелье?

Гвидо почесал затылок.

– Полагаю так. Сегодня они будут готовиться к завтрашним военным действиям. А как добрые бюргеры это делают? Конечно же, предаваясь возлияниям. А где они будут это делать? Конечно же, в «Баобабе». А его владелец – мой ученик по части кулинарного искусства. Я договорюсь с ним, он поможет. Я надеюсь, из замка есть тайный ход?

Комендант кивнул.

Было за полночь, но в «Баобабе», самом популярном трактире Альбрука, все места за столами были заняты. Многие пили сидя или даже лёжа на полу. Горожане готовились к завтрашнему штурму, усердно уничтожая запасы пива, вина и сидра из кладовых «Баобаба».

За центральным столом в окружении городских старост и глав ремесленных гильдий восседал бургомистр. Здесь же находился знаменитый на всё герцогство алхимик Арчибальд Альбрукский, главным научным открытием которого стал вовсе не способ добычи золота из свинца или алмазов из угля, а напиток под названием *Aqua Igneus*, получаемый путём перегонки белого вина с помощью алхимического куба. Этот напиток кружил головы гораздо сильнее вина, это и было причиной, по которой алхимика приглашали на все более или менее значимые городские события.

Вдруг бургомистр подпрыгнул на своём месте.

– Сэр Вентер?! – вскричал он испуганно, но уже в следующий момент приказал: – А ну взять его!

Закари, который неизвестно откуда появился перед столом с городской элитой, поднял над головой склянку с зельем Прозрения.

Кинувшиеся к нему было люди остановились в нерешительности.

Склянка ударилась об пол. Разбрызгавшаяся жидкость мигом обратилась в пар.

И будто бы подул свежий ветерок, напоённый родниковой прохладой. Он мгновенно вытеснил из помещения кухонный смрад и алкогольный перегар. Их место заняли ароматы листвы и луговых цветов, как будто прокопчённые стены исчезли и все оказались на лесной опушке в ясный весенний день.

«Да, – подумал Закари, – наверное, так и должна пахнуть истина».

Он заговорил:

– Прошу выслушать меня не из былого уважения к нашему господину, который для многих из вас стал крёстным или посажёным отцом. Прошу внимать мне ради вас самих.

Вы находитесь во власти чар, которые наслала на вас коварная ведьма… – тут рыцарь почувствовал, что его снова начинает разбирать смех, и имя её он произносить не стал. Образовалась пауза. Люди, под действием зелья, молча ждали, что он скажет, но Закари помнил, что времени всего минута, поэтому поскорее продолжил: – Заклинаю вас, подумайте, что вы творите. Если победят враги герцога, вас ждут нужда и голод. Богатства герцогства растащат завистливые соседи, а сам Альбрук

утратит свой гордый статус оплота свободных земель. В замке на холме, который вы собираетесь штурмовать утром, поселится деспот, который возненавидит наш народ и пожелает разорить и поработить его. Именем герцога призываю вас вспомнить свои вассальные и верноподданнические обязательства и немедленно вернуться под сень его знамён.

После того как он замолчал, трактир какое-то время безмолвствовал.

Потом слово взял бургомистр:

– Господин комендант, вам, как представителю единственно законной власти, приношу извинения от имени граждан города Альбрука. Ей богу, бес попутал…

Одноглазый проводил досуг на втором этаже трактира в комнате для гостей со своей ведьмой. Когда Закари открыл ногой дверь, снеся крючок, кто-то метнулся к окну, посыпалась слюда, захлопали крылья. Питер сидел на постели и таращился злым циклопом.

– А ну вставай-ка, приятель, да срам прикрой. Хочу устроить тебе небольшую экскурсию по ночному Альбруку, – приказал комендант.

Должность пыточного палача упразднил ещё Карл Велеречивый, поэтому в комнате для допросов в подвале донжона на всём лежал толстый слой пыли, кроме самого пыточного ложа. Питер ухмыльнулся, усаживаясь на нём по приказу Закари.

– Я гляжу, у вас гуманизм тут процветает?

– Ну как сказать… Я тебя долго пытать не стану, – комендант крутил в руках какой-то жуткий, отвратительно позвякивающий прибор, взятый со столика для изуверских инструментов. – Ты немалого достиг на своей стезе; предводительствуешь целым восстанием. Хочешь остаток пути брести в темноте? Так я тебе это устрою. Просто выну тебе второй глаз, как это хотел сделать наш славный гонец, который погиб по твоей вине. Или говори, кто тебя нанял! Граф Голуат? Маркиз Мирланд?

Разбойник ощерился.

– Вынимай! Даже интересно. Слепым я ещё не был.

– Представляю, как это невесело… А расскажешь правду, я отпущу тебя. Вернёшься к своим соратникам, и игра продолжится.

Разбойник подумал.

– Хорошо. Допустим, это граф. Я не понимаю только, откуда у тебя гарантия, что я скажу правду? – гримаса угрюмого веселья снова исказила его лицо.

– Подожди немного, гарантии будут, – мрачно произнёс

Закари.

Они помолчали. Разбойник стал дрыгать ногой, выдавая волнение, но, заметив, что за этим наблюдает комендант, перестал.

Тут ржавые петли лязгнули, и, пригнув голову, чтобы пройти в дверной проём, вошёл Гвидо. При виде старого знакомого одноглазый ещё пуще развеселился.

– Гвидо, дружище, какими судьбами? Что делаешь ты в этой глуши?

– Я бы обрадовался тебе, Питер, если бы увидел у себя в «Приюте эпикурейца», но не в этих обстоятельствах. Трактир сожгли, теперь я служу герцогу, а ты пришёл сюда, чтобы причинить зло моему доброму господину. Но я по старой памяти приготовил для тебя угощение.

Повар поднёс к носу разбойника склянку с какой-то опалесцирующей жидкостью.

– Что это? – Питер отшатнулся.

– А это, дружище, зелье Правды. Мой дед, царствие ему подземное, научил меня и этому рецепту. Сейчас ты выпьешь, и, если в течение получаса скажешь хоть слово неправды, из ушей у тебя пойдёт кровь, потом глаза вылезут из орбит… прости, глаз, и в итоге глупая голова твоя лопнет.

– Я не буду пить это дерьмо!

– Пей! Или, клянусь своим половником, я найду способ влить в тебя этот отвар! – таким грозным Закари его ещё не видел.

Питер протянул руку к склянке.

– Головы мне не жалко, расскажу правду только для того, чтобы увидеть дурацкое выражение ваших лиц.

Через минуту Гвидо кивнул Закари.

– Ну! Говори, кто тебя послал? Клянусь, он станет моим личным врагом, – приказал комендант.

Питер засмеялся.

– Никакой это не граф и не маркиз, приятель. Это сам король. Это он приказал мне захватить замок и герцогиню. Это он дал мне Пропаганду в помощь.

После долгой паузы Закари встрепенулся.

– Хорошо. Тогда ещё один вопрос. Это правда, что миледи использует не совсем обычные ласки?

– Пошёл ты к дьяволу! – разозлился разбойник.

– Отвечай! У зелья есть ещё свойство: башка точно так же лопнет, если ты откажешься отвечать, – осадил его Гвидо.

– Это правда, – одноглазый был заметно сконфужен. – Я поначалу даже испугался, но потом втянулся. Положа руку на сердце, боюсь, что теперь без дополнительной стимуляции не

смогу…

8. День 4-й.

Сразу после того, как саркофаг произвёл гигиенические процедуры, 32/08 написал в службу поддержки отзыв, в котором выразил недовольство по поводу отсутствия фантазии у создателей игры «Время ведьм». Примитивные ники, являющиеся отображением функционала персонажа, обесценивают сюжет и делают игровой процесс менее реалистичным – это дурной тон, по мнению 32/08, называть так NPC[49] или позволять игрокам выбирать такие ники для аватаров. Чтобы не показаться предвзятым, он похвалил имеющуюся в игре возможность обходиться без излишней жестокости. Средневековье… всё понятно, но от переизбытка кровищи можно устать и перестать испытывать сильные эмоции.

Судя по всему, хитрость с мотором была замечена. Или напарник настучал, или Начальник посмотрел записи с камер наблюдения, которые накрывали всю территорию завода. Провод к мотору, заставляющему воронку вибрировать, был обрезан.

32/08 с детства был приучен к дисциплине и субординации, но тут душа его заклокотала. Он представил, что всю смену придётся колотить проклятым ломом по треклятой воронке, и у него даже спину заломило авансом.

После четырёх часов работы спина действительно заболела. Каждый удар по воронке отдавался в позвоночнике, а мышцы забились так, что руки почти перестали сгибаться в локтях.

После обеда, с трудом поднявшись из-за стола, 32/08 решительно направился к производственному корпусу.

Начальника он застал в кабинете.

– Почему ты снова поставил меня работать на улице?

– С какой это стати я должен объяснять тебе свои решения? – Начальник даже побледнел от злости.

– Потому что я не могу работать на солнце второй день подряд. Я не чернокожий, – он понимал, что жаловаться на боль в спине и усталость было бы нелепо.

– А чем ты лучше чернокожего?

– Да не в этом дело, – с досадой на то, что его неправильно поняли, ответил 32/08. Он оттянул воротник робы. – Я физически не могу столько находиться на солнце, у меня шея обгорела.

– Ну так намотай на неё полотенце. И живо! Обеденный перерыв пять минут назад кончился.

Он взял с полки позади себя белую тряпку и кинул её подчинённому.

– Но это несправедливо…

– Чего? – Начальник мрачно расхохотался. – Несправедливо? У тебя что, в башке помутилось? Не знаю, в какие игры ты играешь во сне… Проснись, пчела! Ещё одна минута потерянного времени, и у тебя будут большие неприятности.

32/08 уже сориентировался в реальностях, но боевой запал его никуда не делся.

– Я на улице работать отказываюсь!

До развозки ему пришлось просидеть в заводской столовой. Скамейки тут были жёсткими и узкими, чтоб не рассиживались. 32/08 метался между рядами столов и переживал; он осознал всю катастрофичность ситуации, в которую завела его аристократическая горячность, странным образом просочившаяся в реал из средневековой сказки.

С этой работы его наверняка теперь уволят. А что может быть хуже? Пока бюро по жизнеустройству подыщет ему новую работу, он будет отключён от виртуальной реальности. И если он не сойдёт с ума за дни отлучения, работать, возможно, придётся по первой, а то и по второй категории, а это означает – гораздо меньше времени проводить в волшебных сновидениях.

Но вопреки всему в глубине души 32/08 тлела гордость, и он не понимал, почему в виртуальном мире он может быть героем, а в реальной жизни – безропотной рабочей скотиной.

За несколько минут до окончания рабочего дня в столовую зашла совсем молодая девчушка из отдела кадров. Она изо всех сил старалась выглядеть сердитой.

– У меня для тебя две новости, пчела. За то, что ты отработал всего четыре часа из двенадцати, тебя лишат двух третей игрового времени во сне. Это плохая.

Она интригующе помолчала.

– Но есть и хорошая. На первый раз тебя не уволят, я всё уладила.

32/08 просиял. Это был вариант, который он даже предположить себе боялся.

– Не забывай – ты рабочая пчела. Причём золотая, а это значит, что должен тяжело работать, – наставительно сказала девчушка. – Завтра у нас с тобой проблем не будет?

Он замотал головой и сморщился от боли – обгоревшая шея саднила.

9. Сон V.

Когда Закари, Гвидо и Маргарет собрались в каминном зале, чтобы посовещаться перед самым приездом герцога, комендант заявил о своём намерении рассказать обо всём без утайки.

Повар кашлянул и возразил:

– Я бы на твоём месте не спешил очернять короля в глазах герцога… Если это окажется неправдой, ты будешь, мягко говоря, нелепо выглядеть. Герцог решит, что ты интриган, и это может плохо сказаться на твоей карьере при альбрукском дворе.

Закари посмотрел на него как на ненормального.

– Ты не выспался, друг мой? Или напился с утра? Как это может быть неправдой? Ты же сам влил в глотку Одноглазого зелье Правды, и голова его не взорвалась после слов о короле.

– Понимаешь, Зак… мой дедушка был всего лишь знахарь, травник. Не колдун, не ведьмак. Его сожгли на костре по трагическому недоразумению. Никаких колдовских рецептов он мне не передавал.

– Но позволь! Мне же удалось переубедить горожан после того, как я разбил склянку с зельем Прозрения?

– Это была всего лишь парфюмерная настойка для ароматизации воздуха в отхожих местах. Мне было важно, чтобы ты сам поверил в её чудодейственные свойства и был твёрд и убедителен.

Тут до Закари наконец дошло.

– Но как же ты мог так рисковать мной?!

– А у нас был другой выход? Замок ты бы сдавать не стал, мы бы нипочём его не отстояли, и головы наши насадили бы на наконечники копий и выставили над воротами. Так Питер поступает с теми, кто не принимает его требования. А что было бы с герцогиней, я и предполагать не стану.

Маргарет произнесла с улыбкой:

– А ты редкий плут, Гвидо. Но, возможно, зря рассказал о своей хитрости. Она могла бы не раз ещё пригодиться…

Гвидо поклонился.

– Постойте! – вскричал Закари. – Но Питер же, как и я, поверил, что зелье разорвёт ему голову, скажи он неправду.

– Может быть, и так. А может, он был готов рискнуть жизнью, чтобы убедиться в действенности зелья. Если он соврал про короля и голова его осталась целой, тогда он понял, что может врать тебе без риска, – пояснил Гвидо.

– А скабрёзные подробности про Пропаганду? В них-то тогда зачем ему было признаваться? – продолжал упорствовать Закари.

– А это затем, чтобы его предыдущая ложь выглядела правдивее, – предположила герцогиня.

– И всё-таки не будем отрицать возможность того, что Питер сказал правду… – подытожил комендант.

Закари встречал герцога Альбрукского Ренольда Золотое Сердце и его свиту в воротах. Маргарет сослалась на нездоровье и не пошла приветствовать мужа.

По случаю хорошей погоды столы для пиршества выставили на плац между жилым зданием и казармой.

Закари коротко доложил Ренольду о предотвращённой опасности. Герцог очень удивился тому, что предводитель мятежников был отпущен на свободу. Комендант объяснил своё решение так:

– Ваша светлость, я дважды встречался с Питером Одноглазым и оба раза выходил победителем. Он не очень хороший тактик, а стратег и того хуже. Я подозреваю, что у него есть могущественный покровитель, который почему-то делает на него ставку. И пускай уже известный и дважды поверженный противник противостоит нам, нежели кто-то неведанный, а потому более опасный.

Герцог окинул его подозрительным, изучающим взглядом.

– Что ж. Победителей не судят. Надеюсь, ты не перемудрил, сынок. Я бы принародно повесил этого негодяя, чтобы другим неповадно было… Но поскольку ты сам пленил его, ты был волен распоряжаться его судьбой.

Посреди роскошного пиршества, приготовленного командой Гвидо из охотничьих трофеев, захмелевший герцог объявил о своём решении пожаловать сэру Вентеру титул за успешную оборону замка от мятежников.

– А к этому я присовокуплю те самые две деревни, пожалованные мне старым герцогом, когда в своё время он также нарёк меня баронетом, – после этих слов герцог не смог сдержать слёз.

Кроме официального прозвища Золотое Сердце в народе он имел ещё одно – Плакса.

Закари уже засыпал после застолья, которое продолжалось до позднего вечера, когда в дверь его комнаты на верхнем этаже казармы кто-то постучал.

– Идите к дьяволу! Я сплю.

Стук повторился.

– Если ничего срочного, уши отрежу! – предупредил Закари, поднимаясь с кровати.

На пороге стояла герцогиня, прикрывая ладонью свечу от сквозняка. Он в замешательстве посторонился.

– Ты с ума сошла? – поинтересовался он, когда они смогли наконец оторваться друг от друга.

– Герцог обожрался так, что спит сейчас как убитый у себя в опочивальне. Его сейчас трубы иерихонские не разбудят, – отвечала Маргарет, блаженно улыбаясь.

– А если кто другой увидит?

– Да плевать. Хуже не будет… Я уже давно не сплю с мужем. Разве что прикажет тебя повесить, – она засмеялась.

Потом поведала, что, после того как отец почти насильно выдал её за Ренольда, они неплохо поладили. Она даже влюбилась, он вроде бы тоже… Но счастье было недолгим, он как будто утратил к ней всякий интерес… Глаза её заблестели, но герцогиня тут же подобралась и как будто рассердилась на себя за минутную слабость. Она произнесла преувеличенно весело:

– Сегодня ты стал баронетом, полагаю, пора тебе узнать кое-что о нашем мироустройстве.

– Очень интересно, – он тоже улыбнулся.

– Так вот… – она стала очень серьёзна. – Мы живём во время ведьм. Они помогают сильным мира сего. К любому правителю, когда он достигает определённого уровня, приставляют ведьму, которая должна помогать ему своим колдовством.

– Но почему не добрую фею, например?

– Да потому что фей никто не боится. Ведьмы могут творить не только злые, но и добрые кудеса, феи же используют только светлую магию. А одними добрыми делами невозможно держать государства в узде.

– А кто же тогда помогает нашему герцогу?

– Никто, – последовал ответ.

Маргарет снова погрустнела и рассказала, что её матушка была ведьмой, которую звали Бастинда. Она помогала Карлу с того момента, как тот стал виконтом. Получилась сильная пара – один дополнял другого: она была сторонницей жёстких мер, он предпочитал решать дела миром. Совместно им удалось объединить несколько земель под началом Альбрука. Укрепить границы и отбить несколько атак внешних врагов и даже отхватить кусок территории у соседнего государства. За эти заслуги Карлу была пожалована герцогская корона. Потом родилась внебрачная дочь – ведь ведьмам нельзя выходить замуж. Девочку назвали Маргарет. И всё было прекрасно, но у родителей начались конфликты из-за разных взглядов на управление государством. Когда Маргарет исполнилось пять лет, они уже

ненавидели друг друга, как кошка с собакой. Дошло до того, что матушка была поймана за попыткой извести батюшку с помощью колдовского зелья. Тогда герцог сослал ведьму в монастырь на север. Там Бастинда зачахла и умерла через двенадцать лет. Ненамного дольше прожил и батюшка. Он умер странной смертью. Говорят, из-за проклятья, которое на него наложила ведьма, умирая.

Маргарет должна была стать ведьмой вместо матушки, но старый Карл запретил ей пользоваться чарами и воспитывал в духе добра и милосердия. Он официально удочерил девочку и перед самой смертью выдал замуж, чтобы герцогский титул перешёл к её мужу.

Из-за того, что дочь правителя не стала ведьмой, у герцогства постепенно осложнилось политическое положение и появилась уйма врагов, как внешних, так и внутренних. Но при содействии благодарного народа до сих пор, хоть и с трудом, но удаётся удерживать суверенитет Альбрука.

Тут герцогиня поднялась во весь рост, как была нагая, и гордо расправила плечи. Произнесла церемонно:

– У меня есть предложение к вам, сэр.

Закари тоже пришлось подняться с постели, наскоро завернувшись в простыню.

– Так вот теперь я готова стать ведьмой. Путь, избранный моим отцом, ведёт в тупик. Мы с вами изведём Плаксу, поженимся, и вы станете герцогом Альбрукским. Я рожу вам наследника, а затем мы расторгнем узы брака, и я уеду постигать колдовское искусство. А когда вернусь, мы восстановим отношения с соседями и сюзереном и тем самым укрепим королевство, вернув самому сильному его герцогству верноподданнический статус. Что скажете?

Немного подумав, баронет ответил сухо:

– Меня не будет два дня. Я отпросился со службы, чтобы осмотреть подаренную герцогом вотчину. Воспользуюсь этим временем, чтобы обдумать ваше предложение, ваша светлость. А теперь позвольте мне остаться одному и отойти ко сну. Сегодня был тяжёлый день.

10. День 5-й.

До сих пор 32/08 верил в то, что в лице герцогини он имеет дело с очень интересным, живым человеком, но, получив предложение от герцогини, сильно в ней разочаровался. По натуре романтик, он намеревался влюбиться, тем самым сделав пребывание в игре максимально приятным, а тут такой прозаический и прямолинейный мотив в поведении персонажа… Это выдавало NPC с довольно простым функционалом, предназначенным развивать сюжет, либо очень приземлённого и корыстного игрока, который действует только в интересах карьеры.

Влюбляться в искусственный интеллект считалось в гипнокомьюнити моветоном. Не особо подверженный влиянию большинства, 32/08 пару раз питал чувства к ИИ. В первый раз пришёл в итоге к жестокому разочарованию. В другой раз – по ошибке: думал, что это человек, и точно так же это привело только к сожалениям. ИИ может только играть в любовь, причём плохо. Неудивительно, что 32/08 не хотел связывать судьбу своего аватара, на которого возлагал большие надежды, с ботом.

Если это всё-таки игрок, то для таких секс – всего лишь приятное времяпрепровождение, позволяющее, кроме прочего, быстрее достигать следующих уровней. Есть такие персонажи – неспособные испытывать высокие чувства. От них надо бежать, иначе игра превращается в некую разновидность работы – фарм се́ры, голды́[50] и очков для прокачки навыков путём безукоризненного следования правилам игры и скрупулёзного выполнения миссий.

В этом свете идея Маргарет избавиться от герцога была продиктована прежде всего не желанием близости с Закари, а тем, что его персонаж показался ей перспективнее для дальнейшего прогресса в игре, чем Ренольд Плакса. То, что она открыла ему тайну ведьм, никак не помогало разобраться, искусственный интеллект за неё играет или естественный. Потому что, либо это был скрипт, прошитый в программе NPC, либо, если всё же живой игрок, значит, раскрытие секретов мироустройства в игре «Временя ведьм» для персонажей, достигших определённого статуса или уровня, подразумевалось игровым сценарием.

Что же касается герцога… Резкая перемена в его поведении, о которой рассказала герцогиня, могла означать следующее: возможно, что игрок понял так же, как и Закари, с кем или чем он имеет дело, и охладел к герцогине. Но, может быть, и так: на

смену NPC, изображающего герцога, пришёл человек. Никто обычно не играет за персонажа с его рождения. До того момента, как он становился интересен какому-нибудь игроку, его ведёт искусственный интеллект. Как только бразды управления берёт на себя человек, ему внедряют воспоминания о тех событиях в судьбе персонажа, которые происходили с ним до сих пор. Если же игроку надоедает существовать в этом виртуальном мире, персонажа снова подхватывает ИИ, чтоб вести его линию до того момента, как им заинтересуется другой человек.

То же самое происходит, если игрок выходит из игры на время, как это, например, пришлось сделать 32/08. Поэтому он специально отправил персонажа в новое имение, чтобы бот не набедокурил в его карьере, а занялся экономикой в деревнях, подаренных герцогом. Тем более, что он не любил эту часть игры, называл её «бухгалтерия».

Весь рабочий день, все двенадцать часов, 32/08 отработал на улице. Полотенце на шее пропиталось солёным потом и разъедало обгоревшую кожу, которая сначала покрылась волдырями, потом волдыри эти полопались, и вокруг шеи образовалась сочащаяся сукровицей сплошная рана. Полотенце превратилось в огненный обруч, и 32/08 старался не крутить головой и разворачивался всем телом в сторону, куда нужно было посмотреть.

Он уже мечтал очутиться в цеху, возле своей печки, – её жар казался теперь гораздо приятней солнечного.

Можно было бы пойти в медпункт, но у него появилась идея наверняка довести себя до нерабочего состояния. Тогда его отправят на больничный на один, а то и на пару дней. А больничный для рабочей пчелы – это самое желанное, что может быть. Больного погружали в гипносон до того момента, пока он не выздоровеет. Это во-первых, а во-вторых, Начальнику попадёт за то, что довёл пчелу до такого состояния, и он уж точно больше никогда не поставит 32/08 на улицу.

За два часа до конца смены время как будто остановилось. Руки с ломом поднимать было всё труднее, боль сопровождала каждое движение. Пару раз он чуть не потерял сознание. Тогда 32/08 уходил в душевую и совал голову под холодную струю. В такие моменты он подозревал, что каким-то образом этот моло́х, этот фабричный монстр научился тормозить время, чтобы выжать из пчёл весь трудовой потенциал, весь до капельки.

Даже 41/11, похоже, проникся к нему сочувствием, которое проявлялось в том, что он стал чуть дольше задерживаться в своих рейсах, рискуя собственной шкурой – заметь это начальник,

и негру бы не поздоровилось. 32/08 был благодарен ему за это.

Скоро он вернётся домой, залезет в свой саркофаг. Диагностическая система отметит у него солнечные ожоги и наверняка повышение температуры тела и, непременно, погрузит в блаженный сон…

За пятнадцать минут до сирены его вызвали в отдел кадров. Он возблагодарил небеса за возможность закончить рабочий день чуть раньше.

На проходную он плёлся гордый собой. Он был почти счастлив и ощущал гармонию со Вселенной. Он славно поработал, теперь хорошо отдохнёт. А то, что шея обгорела – так это пустяки; саркофаг вылечит за ночь. В отдел кадров его вызвали, чтобы наградить сутками, а то и двумя в виртуальном мире за то, что он выдержал этот день и не подвёл ни напарника, ни своего начальника. Принёс пользу обществу. Достойная пчела. На таких, как он, земля держится. То, что он вытерпел сегодня, – это своего рода подвиг.

Девчушка-кадровичка сидела за своим столом. Рядом, уперев одну руку в бедро и вывернув её калачом, восседал Начальник. Он был, как всегда, мрачен и надменен. 32/08 кивнул ему неуверенно. Начальник как будто этого не заметил. Но это ничего не значило, он всегда был хамом. 32/08 сесть не предложили, он должен был стоять перед руководством, как нашкодивший подросток перед советом попечителей.

Девчушка заговорила, преподнося сказанное как одолжение:

– 32/08, если хочешь сохранить работу, ты должен извиниться перед своим начальником и пообещать беспрекословно выполнять все его приказы в дальнейшем.

Он посмотрел на неё в замешательстве. Он ожидал чего угодно, но только не этого унижения.

– Но ведь ты сказала вчера, что всё уладила.

– Конечно. Но трудовой конфликт должен быть разрешён до конца, а твой Начальник хочет быть уверен, что ты больше не будешь тратить его и своё рабочее время на капризы.

Начальник важно кивнул.

Возможно, если бы они с Начальником были один на один, 32/08 и покаялся бы, и извинился. Но присутствие дамы заставило его повременить с решением.

«Но ведь эта жизнь, по сути, и является моей настоящей жизнью, – вдруг понял он. – Почему во сне я могу позволить себе быть гордым и благородным, а тут должен пасовать перед этим самодуром и негодяем? Почему?! Кто он такой по сравнению со мной? У меня за плечами столько жизней, столько миров. Я

мудрее его в тысячу раз. Я лучше. И вообще могу порвать его голыми руками. Кем я только не был: и самураем, и ниндзя, и ассасином, и ратником. А этот чёрт даже не играет. И презирает тех, кто играет. В начальство почему-то чаще пролазят те, кто живёт только в реале…»

– Ну! – не выдержал Начальник. – Пчела, ты заставляешь нас ждать.

– Нет, – тихо произнёс 32/08.

Девчушка очень удивилась.

– Что это такое «нет»?

У Начальника глаза мгновенно покраснели от злобы и выпучились.

32/08 чуть было не одумался, но, пережив секундную слабость, упрямо задрал подбородок и заявил:

– Нет за мной никакой вины, а потому и извиняться не буду.

Содрал с шеи бурое от крови и грязи полотенце, швырнул его Начальнику под ноги и вышел.

Оставшееся до отбоя время 32/08 делал перед самим собой вид, что ничего не произошло. Ну уволили. Ну лишили гипноспа. Ничего страшного. Уже завтра бюро по жизнеустройству найдёт ему новую работу. Рабочие пчёлы долго без дела не сидят; кормить-то их нужно. Не за счёт же бюро… Ночь надо как-то пережить. И желательно выспаться, чтобы хорошо показать себя на новом месте.

Послушал музыку. Музыку он любил старую, конца прошлого века – начала нынешнего. Ещё «натуральную», то есть написанную без помощи ИИ, а не эту современную семплированную чепуху.

Почитал книгу полувековой давности. Тоже написанную человеком. В отличие от большинства рабочих пчёл, которые полагают чтение книг странной реликтовой привычкой, 32/08 читал. Во многих играх, особенно исторических, он достигал скорейшего прогресса за счёт сведений, получаемых из сетевых книжных хранилищ. Кто-то пользуется Сетью только для развлечения, а кто-то ловит с её помощью золотых рыбок познания.

Современное искусство ему не нравилось: что музыка, что литература, что оперирующие зрительными образами. Сейчас, к восьмидесятым годам двадцать первого века, почти всё создавалось с помощью нейросетей, а их творения существенно отличались от гуманоидных. Были они слишком идеальны и от этого очень похожи друг на друга. Искусственный интеллект, эрудированный, плодовитый, но бездушный, выдавал

колоссальное количество букв, нот, штрихов и мазков, которые лишь выглядели красиво, не неся в себе истинных чувств и поиска новых смыслов.

Плоды же совместного творчества естественного и искусственного разумов мало чем отличались от чисто компьютерных. Обленившиеся творческие личности едва намечали наброски сюжета и персонажей, несколькими чертами обозначали основную идею произведения и отдавали грубую заготовку компьютеру. Потом разве что слегка ретушировали полученный продукт и гордо ставили свою подпись. Популярность этого штампованного ширпотреба зависела только от количества средств, вкладываемых в маркетинговую раскрутку.

11. Ночь 1-я.

Через полтора часа после отбоя, вдоволь наворочавшись в саркофаге, 32/08 понял, что уснуть у него не получится. Он никогда не засыпал без газа, с помощью которого саркофаг мгновенно погружал своего обитателя в сон.

В отчаянии он отправил запрос в бюро по жизнеустройству:

«Здравствуйте!

Я отлучён от гипносна на время, пока не работаю. Я не могу уснуть. Можно ли усыпить меня с помощью газа?»

Ответ был следующим:

«Уважаемый клиент, TA5625/27/32/08D,

Согласно «Закону о деятельности бюро по жизнеустройству» усыпляющий газ применяется только для введения в состояние гипносна.

Однако согласно Уложению о Добровольной Эвтаназии существует опция летального усыпления. Если желаете ею воспользоваться, пришлите подтверждение. Вы уснёте без виртуальных видений и уже не проснётесь.

Доброй ночи!»

От этого щедрого предложения у 32/08 зашевелились волосы по всему телу.

«Нет! Нет! Никакой эвтаназии», – написал он ответ. Не отвечать на подобное письмо было страшно – ещё усыпят по умолчанию.

Он нашёл в Сети рекомендации для лишенцев и в соответствии с одной из них стал считать барашков. Дошёл до пяти сотен и утомился, но не настолько, чтобы уснуть. Тут в голову пришла мысль: «Надо будет цпы́ры поставить». Когда смысл этой фразы, вернее, его отсутствие, дошёл до сознания, 32/08 открыл глаза. Какие ещё цпыры? Нет. Это не сон. Это бред. В отчаянии он решил выбраться из саркофага, который был тёмен, душен и неуютен.

Соседи мирно почивали, их саркофаги тихонько гудели и светились голубым цветом. 32/08 испытал острый приступ зависти и подосадовал на самого себя. Психопат. Потерпеть не мог. Шейка у него обгорела… Саркофаг обработал кожу каким-то линиментом, и жжение быстро превратилось в лёгкий дискомфорт. Завтра он, наверное, уже ничего не почувствует.

Он вышел вон из секции. Пустые коридоры улья представляли собой зрелище непривычное и безмерно унылое. Транспортные ленты и эскалаторы не двигались, лифты не работали. Путь с 32-го этажа, казалось, никогда не кончится. Ему

пригрезилось, что он давно прошёл здание сверху вниз и спускается теперь глубоко под землю. Он отогнал эту нелепую мысль и через пару этажей оказался-таки в пустом и гулком вестибюле.

На улице веселее не стало. Капал грустный прохладный дождик. 32/08 побрёл куда глаза глядят. Как ему казалось, к морю.

В голове звенела пустота. Даже странно: мысли были только о том, что мыслей нет. Мозг просто обрабатывал чёрно-белую картинку перед глазами: одинаковые мокрые улицы, освещаемые редкими фонарями.

Чтобы хоть чем-то заполнить пустоту внутри, принялся напевать.

Залипал он как-то в виртуальной игре про русскую гражданскую войну под названием «Белогвардейцы». Был влюблён в певичку из кабаре. Она очень недурно исполняла романсы. Его любимыми были: «Белой акации гроздья душистые» и «Дождик осенний, поплачь обо мне». Иногда они пели под гитару на два голоса, производя фурор среди господ офицеров. Сейчас на ум ему пришёл «Дождик осенний», хотя на улице стояла весна. 32/08 отчётливо слышал мелодию про себя, но, когда попытался петь вслух, оказалось, что в ноты он не попадает и голос имеет отнюдь не такой ангельский, как во сне. Он осознал, что петь в реале пытается впервые в жизни.

Городской пейзаж тем временем поменялся. Громады пчелиных сот закончились. 32/08 перешёл через трассу по путепроводу и очутился среди жутких бетонных развалин.

Когда он вступил в световое пятно от чудом уцелевшего фонаря, навстречу ему вышли двое.

– Ты посмотри, кого это к нам занесло, – насмешливо проговорил тот, что повыше, – пчела, да ещё золотая.

– И что же ты забыл здесь, приятель? – поинтересовался коренастый.

– Да ничего. Просто гуляю, – 32/08 совершенно не испугался; эти двое напомнили ему увальней из команды Питера Одноглазого – такие же неопрятные и наглые. Смущала его единственная мысль: а что если петь у него, как в гипносне, не получается, так ещё и драться он не сможет.

– Здесь просто так не гуляют, – заявил длинный. – Ты или покупаешь у нас что-то, или валишь отсюда в ужасе.

– И что же я могу у вас купить?

– Свою жизнь, например, – предположил тот, что пониже.

– Моя жизнь принадлежит бюро по трудоустройству, а не вам,

собаки сутулые.

32/08 поймал себя на том, что ступил на дорожку, протоптанную покойным гонцом во «Времени ведьм». «А плевать!» – решил он и встал в стойку.

Длинный криво улыбнулся.

– Ты, значит, смелый. Из этих, бойцов виртуальных? А ты знаешь, что эти навыки здесь не работают?

– А я так не думаю. Хотите проверить? – он явно был в бойцовской форме: мускулатура, привыкшая к постоянным нагрузкам на работе, была послушна, и в Кокóцу-Дáчи[51] он ощущал себя вполне естественно.

Тут длинный оглушительно свистнул для того, чтобы отвлечь внимание или напугать, как подумал 32/08, а приземистый стал обходить сбоку.

Навыки, полученные в виртуальной реальности, таки сработали. Он разделался с ними за считанные секунды: длинный лёг от молниеносного удара рукой в челюсть, второго (тот был уже за спиной) каратист восьмого почётного дана в игре «Самурайская сага» достал ногой в печень, проведя средний Уширо-Гери[52].

Он собирался произнести нечто наставительное корчащимся от боли гопникам, но оказалось, что длинный свистел вовсе не для отвлечения внимания – со всех сторон бежали люди. У некоторых в руках были палки, цепи и даже, как ему показалось, посверкивали ножи.

– Кто тут главный? – закричал 32/08, пытаясь применить навыки противостояния толпе.

Однако никто не стал отвечать на этот сакраментальный вопрос, круг сомкнулся, и бедняга очень скоро оказался на земле, ничего толком не успев сделать. Было не больно. Закрывая голову руками, он думал, что сейчас, наверное, умрёт, и удивлялся, что эта мысль его абсолютно не пугает.

Когда 32/08 очнулся, рядом никого не было. Он лежал в неглубокой луже. Дождь уже прекратился. Комбинезон был растерзан, весь в грязи и крови, золотые пчёлы на воротнике отсутствовали. Удобные ортопедические ботинки с укреплёнными керамокомпозитом носками тоже. Ботинки – ладно, их списывали без проблем, а вот значки придётся отрабатывать… Третий глаз, конечно, оставили, кому нужен гаджет, генетически привязанный к своему владельцу?

«Что ж, – подумал он, – зато теперь с меня взять нечего».

Поднялся и продолжил свой путь, припадая на правую ногу, отбитую в голени дубинкой. Болел правый бок, особенно на

глубоком вдохе.

Когда трущобы закончились, осталось пройти последнюю линию строений, состоящую из некогда роскошных, ныне полузаброшенных отелей. Охранники и швейцары – единственные живые твари в этом людьми и богом забытом месте – угрюмо поглядывали на хромого оборванца.

И вот наконец он очутился на пляже. Когда-то это была обустроенная городская зона отдыха с кафе и ресторанами, раздевалками, туалетами и душами, прокатом шезлонгов и зонтиков. Однако теперь даже питьевые фонтанчики не функционировали. Исправен оказался только один кран для полоскания ног, 32/08 напился из него, после того как дал стечь ржавой воде.

Мягкая полоса песка, и вот оно – море. Тёплое и ласковое. Трётся о ноги, как кошка.

Он вспомнил, как приходил на этот пляж с родителями. Когда это было? Лет двадцать назад. Ему было пять. Папа и мама пытались делать вид, что им весело, потом опять поссорились. Это был последний раз, когда они проводили время вместе.

Вскоре родители отдали его в бюро по жизнеустройству, получив за это по десять лет гипносна каждый. Это он потом узнал, что за ребёнка дают такое вознаграждение. Его воспитал ИИ, изображающий идеальных родителей, которые не ссорятся и не кричат, всё время улыбаются и объясняют терпеливо. Но 32/08 всегда чувствовал, что на самом деле искусственным родителям глубоко наплевать и на него, и друг на друга.

Стало полегче. Захотелось окунуться полностью. Он зашёл в воду по пояс, потом по грудь.

Нырнуть не решался. В тёмных водах было что-то пугающее, хотя он прекрасно понимал, что никто не ухватит и на дно не утащит…

И вдруг задумался о том, каково бы это было – утопиться. Немного неприятных ощущений от попадания солёной воды в дыхательные пути, возможно, горькие сожаления по поводу содеянного и… баста. Никаких бесконечных бдений у раскалённой печи, никаких мозолей и сгоревших шей, никаких начальников – садистов и самодуров, никаких санкций от бюро по жизнеустройству. Никакой бессмысленной, скотской жизни, в конце которой ждёт скотская же смерть – когда придёт время, саркофаг хладнокровно усыпит своего квартиранта навсегда.

«Не вам, гады, решать, когда мне умереть. Я сам распоряжусь своей судьбой», – проскочила мысль. Сначала он просто ради развлечения думал о самоубийстве, а тут его как будто бы качнуло навстречу бездне. Это испугало его. Он же вовсе не за

этим шёл к морю… А зачем?

И тут с берега, как будто специально озвучивая его испуг, до 32/08 донёсся женский голос:

– Эй, приятель! Ты что там задумал? Всё не так плохо.

Он передумал купаться и побрёл к берегу.

Девушка сидела на песке. Была она миниатюрна и облачена в мешковатую одежду. Он сел рядом, кряхтя от боли в боку и ноге.

У неё были необычные веки, немного приспущенные в верхненаружном уголке глаза. От этого взгляд казался печальным и неуверенным. Контрастируя с этим впечатлением, она говорила задорно:

– Ну и видок у тебя. Что случилось?

Он отмахнулся.

– Да так… на хулиганов каких-то нарвался.

– Это ты панкстеров так называешь? И как же ты умудрился повздорить с этими добродушными парнями?

– Это было несложно, – он решил поменять тему. – Я вовсе не собирался топиться. Я просто не могу спать.

Она задумчиво посмотрела на него.

– Я нередко встречаю здесь таких, как ты. И некоторые действительно хотят утонуть… Как тебя зовут?

– Тридцать два ноль восемь. Некоторые ещё добавляют в конце «Ди».

– А я Сильвия. Когда-то и у меня тоже был только номер… А по поводу сна, так тебе уже переживать нечего. Сегодня ты сможешь поспать самым обычным образом.

– Это как же?

– Ты хромаешь, – она легонько ткнула его пальцем в бок, он дёрнулся от боли, – а ещё, по-моему, у тебя сломано ребро. Ты обманул систему. Саркофаг теперь просто обязан погрузить тебя в сон минимум на сутки, пока не вылечит. А поскольку вызванный нарколептическим газом сон по закону не может быть без сновидений, ты опять попадёшь в свою любимую виртуальную реальность.

– Да. Ты права. Как это я сам не догадался? А ты тоже из этих… – он мотнул головой в сторону, откуда пришёл, – как ты сказала? Из панкстеров?

Она засмеялась заразительно, да так, что ему тоже пришлось улыбнуться.

– Нет. Я из изгоев. Слышал о нас?

Он испуганно присмотрелся к ней.

– Совсем немного. Так ты сумасшедшая?

– Это как посмотреть… Пойдём-ка я тебя провожу до твоего улья, а заодно просвещу немного.

32/08 послушно поднялся с песка и поделился опасением:

– Нам придётся идти через трущобы. Ты не боишься? Мне-то терять нечего, а вот у тебя, я думаю, есть, что отобрать…

– Мы торгуем с панкстерами. Они нас не трогают. Они, вообще, не такие плохие ребята, как тебе, наверное, показалось…

Он посмотрел на неё удивлённо.

– А по-моему, самые обыкновенные бандиты.

Поддерживая под руку хромающего лишенца, Сильвия рассказала, что в южной части города испокон веку селились маргинальные элементы. Лет двадцать назад правительство решило снести полуразвалившиеся бомжатники, их обитателей переселить в соты, тех, кто не захочет стать пчёлами, – на окраины, а освободившуюся территорию застроить ульями. Однако власти внезапно встретили мощное и организованное сопротивление со стороны аборигенов, которые стали называть себя «панкстерами». Они сбивали полицейские дроны, устраивали теракты и в знак протеста совершали публичные аутодафе. В конце концов от них отстали. Договорились с их лидерами о том, что те сами будут поддерживать порядок в гетто.

– Чем же они живут? Тем, что грабят тех, кто заходит к ним в гости?

– Обычно они так не поступают. Ты, наверное, сам напросился. У них много занятий. Кто-то получает пособие по безработице. Те, кто поамбициознее, пашут на низкоквалифицированных работах за минимальную зарплату. Ну а самые изобретательные устроили лаборатории в бывшем метро, где производят и продают алкоголь и наркотики. Ещё у них есть публичные дома, в которые захаживают люди из самых разных слоёв общества.

– Разбойничья вольница.

– Ты прав, но они активно противостоят системе и способствуют раскрепощению угнетаемых. Бывшие пчёлы присоединяются к ним гораздо охотнее, чем к нам. Может быть, они как раз та самая сила, что вечно хочет зла и вечно совершает благо… – процитировала она с выражением.

– Гёте, – узнал он. – Откуда ты знаешь?

– То, что я знаю, – это как раз не странно, что нам ещё делать, если не читать? А вот откуда знаешь ты? – она посмотрела на него с любопытством.

– Играл когда-то в игру на основе «Фауста». Зная первоисточник, пройти её было проще.

– А ты необычная пчёлка, – произнесла она задумчиво и стала рассказывать про изгоев.

Оказалось, что в отличие от панкстеров, у которых есть

салоны гипносна, изгои принципиально живут только в реале. Их основное занятие, дающее средства к существованию, – сельское хозяйство и кулинария. Современная пищевая промышленность производит полупереваренные смеси, а изгои – натуральную растительную и животную пищу.

– На вот попробуй, – она выудила из своего маленького рюкзачка, который на одной лямке болтался у неё на плече, красивое, спелое яблоко.

32/08 сильно проголодался – вечерняя порция пластиковой каши не была рассчитана на то, что, вместо того чтобы спать, он будет шляться по улице. Может, поэтому плод показался ему слаще и сочнее тех, что он пробовал во сне.

Про рабочих пчёл Сильвия рассказала, что в современном обществе их большинство – около семидесяти процентов. Их реальное существование убого и подчинено производству, их сны волшебны, но стоят свободы. По сути – дешёвая рабочая сила, вкалывающая за кров, еду и гипносны. Крупные предприятия могут позволить себе роботов, которые давно могут выполнять любую работу, а владельцам малых и средних фабрик и заводов выгоднее задействовать пчёл.

Есть ещё прослойка наёмных руководителей различных уровней от мастера на заводе до управляющих производственных предприятий и коммерческих организаций, которые получают неплохие зарплаты и могут себе позволить комфортное существование как в реальном, так и в виртуальном мирах. Однако некоторые из них так же, как и изгои, принципиально не играют, предпочитая земные удовольствия.

И наконец немногочисленная элита, в которую входят владельцы предприятий и многочисленных бюро по жизнеустройству. Они зарабатывают деньги и могут позволить себе гипносон любой продолжительности.

Эти бюро – самое страшное порождение современного общества. Название их произошло от ранее существовавших бюро по трудоустройству, когда спекулянты человеческим мясом поняли, что можно «устраивать» не только труд, но и всю жизнь подопечного. В сговоре с владельцами средств производства и провайдерами виртуальных игр они превращают реальную жизнь огромного количества пчёл в пытку, от которой те могут спастись лишь во сне.

Есть ещё небольшая прослойка тех, кто занят в создании игр, они стоят особняком, и их ничтожно мало – основную работу там делают нейросети.

– Ну вот. Вкратце примерно так всё и устроено. И мы как раз дошли до ульев. Давай прощаться.

– Но постой. У меня ещё много вопросов.

– Мне нужно идти. И ты иди спать, но помни: реальная жизнь может и должна быть гораздо интересней самых замечательных снов. Что-то мне подсказывает, что мы не в последний раз видимся. Когда тебя вновь одолеет бессонница, набери меня, – она навела свой третий глаз старой модели, выглядевший как знак касты на лбу у индийской женщины, на его, современный и практически незаметный. Устройства синхронно пикнули, подтверждая обмен контактами. – Я тебя с нашими познакомлю, ну и покажу, как мы живём. Может, тебе у нас понравится больше, чем в твоём гробу. Вас лишили воли, но не выбора. Иногда это гораздо надёжнее, чтобы держать в узде. Торчать, как наркоман, на гипносне – вовсе не единственный выход в жизни.

Она порылась в своей котомке и протянула на ладони две золотые пчёлки, точь-в-точь такие же, как те, которые забрали панкстеры.

– Держи. Подарок.

– Но откуда они у тебя?

– Я же говорила, что у меня не всегда было имя. Забирай, они мне не нужны.

Саркофаг диагностировал у 32/08 поднадкостничный перелом двух рёбер, ушиб мягких тканей головы, лёгкое сотрясение мозга и гематому в правой почке и сообщил своему жильцу, что сеанс лечебного гипносна продлится двадцать шесть часов четырнадцать минут. 32/08 жадно втянул ноздрями такой знакомый запах усыпляющего газа и отправился во «Время ведьм».

12. Сон VI.

Баронет Вентер налегке, в походной одежде, возвращался в Альбрук после затянувшейся на пять дней инспекции своей новой вотчины. При каждом шаге коня мошна на его поясе мелодично побрякивала. И не так, как в бытность его бедным рыцарем – медью и серебром, а в основном золотом, издавая при этом другой, как будто более благородный звук.

Дорога была живописной, но долгой. Его единственный попутчик, оруженосец Вольдемар – тот самый любитель нести сторожевую службу в компании гражданских лиц женского пола, изо всех сил пытался развлечь баронета беседой.

– Сэр, – выговорил он как будто через силу, – а можно, я спрошу вас кое о чём? Только пообещайте не сердиться.

– Послушай, друг Вольдемар, – Закари почувствовал его напряжение, – мы сейчас вдвоём, называй меня по имени и на «ты», пожалуйста. Не надо этих «сэров». Спрашивай.

– Хорошо. Так как ты считаешь, друг Закари, почему одним всё, а другим ничего?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну вот возьми себя и меня. Я и сильнее тебя, и красивее. Бабы меня любят, а удача – нет. Ты меньше меня на службе у герцога, а уже баронет, а я всё ещё ратник. Где справедливость?

– И ты туда же. Завидуешь…

– Нет, правда! Может, ты душу дьяволу продал? Как же иначе, чтобы так везло? Или ведьма какая тебе помогает?

– Ты, может, и самый сильный, и самый красивый, однако точно не самый умный, – отмахнулся баронет.

– Нет, ты скажи, помогает?

– Да никто мне не помогает! – начал раздражаться Закари.

– В наше время, говорят, надо ведьму себе найти, она и поможет. У меня каких только ведьм не было, а толку… до оруженосца вон дослужился, – горько усмехнулся Вольдемар. – А ты вон между тем даже с бабами-то не очень по сравнению со мной…

Закари даже коня остановил, перекрыв Вольдемару дорогу. Они ехали по густому лесу, тропинка была узкой – не объедешь.

– Это с чего ты взял?

– Да мало, что ли, думаешь, баб общих у нас с тобой было? Ты вон пол-Альбрука, наверное, перелапал, а я почитай – всех. Так вот я про тебя много интересного узнал, – ратник подмигнул баронету.

– И что же?

– Говорят, торопыга ты, и только о себе думаешь. Со мной женщине куда веселее.

– Эти шлюхи всем так говорят, кто у них последний.

– Всем, да не всем. Тебе вот герцогиня, например, про меня такое рассказывала? А мы ведь с ней знатно покувыркались в своё время, во всех укромных местах замка: и в винном погребе, и даже в пыточной.

«Вот почему на пыточном ложе, когда я привёл туда Одноглазого, не было пыли», – понял Закари.

– С чего бы я её про бывшие интриги расспрашивал? Я ж не больной, как ты.

Он отвернулся и тронул коня.

«Но откуда мерзавец знает про нашу связь с герцогиней? Ах, да. Её служанка. Это же она навещала его на посту в башне. А я ещё, идиот, поцелуй через неё передавал. Гадость какая…» – размышляя, Закари высматривал какую-нибудь полянку. Как назло, долго ничего не попадалось.

Вольдемар тем временем подначивал его слащавым голосом:

– Ну ты чего, друг Закари? Обиделся, что ли? Зря. Я же правду сказал, а на правду не обижаются.

Наконец деревья расступились, и они оказались на небольшой прогалине. Закари спешился и привязал коня за уздечку к толстой ветке.

– А ну слезай!

Ратник с улыбкой спрыгнул с коня, как будто только этого и ждал.

– Поединок?

– Для поединка ты рылом не вышел, – отвечал баронет. – На кулаках драться будем.

Он снял пояс с ножнами и повесил на другую ветку.

– Как скажешь, – Вольдемар сбросил свой меч прямо на землю и звонко ударил кулаком правой о ладонь левой. – Только я тебя, баронет, жалеть не буду, не надейся.

Он был на полголовы выше и раза в полтора тяжелее, поэтому заранее полагал себя победителем.

Оруженосец сразу бросился на рыцаря, как медведь на оленя. Не ожидавший такой прыти Закари оказался под градом мощных ударов, от которых еле успевал уворачиваться. Блокировать их было бесполезно, потому как мощь в них была такая, что его снесло бы вместе с блоком. Танцуя вокруг здоровяка, он было обрадовался, что тот не пользуется ногами, как вдруг Вольдемар лягнул его в живот. Закари хоть и успел ослабить удар скрещёнными руками, но отлетел метра на два и упал. Вольдемар не стал дожидаться, пока противник поднимется, и кинулся

топтать его ногами. Катаясь по земле, баронет насилу ушёл от этой неблагородной атаки.

Когда он вскочил на ноги, перекошенное злобой лицо оруженосца оказалось на расстоянии вытянутой руки, Закари выбросил правую и попал точно в переносицу. Другой бы поплыл от такого удара, но Вольдемар только зарычал и принялся ещё яростнее работать кулаками.

Отступая, Закари наткнулся спиной на ствол дерева. Уворачиваться он уже не мог, и пару раз Вольдемар пробил его защиту, да так, что у Закари помутилось в голове. Обнаглевший оруженосец слишком сократил дистанцию, и баронету удалось ударить его коленом в область печени. Вольдемар охнул, отошёл на пару шагов, но тут же снова ринулся вперёд. Закари успел подпрыгнуть и ухватиться за ветку, подтянуть ноги к животу и резко выбросить их навстречу противнику. Тот опрокинулся на спину.

Закари благородно дал ему подняться, заодно восстановил концентрацию, подпрыгивая и мотая головой.

Бешеный медведь снова понёсся вперёд. Баронет укрылся от него за толстой сосной и стал бегать, уходя от атаки. Это было как-то несолидно, но ничего лучшего он пока придумать не мог. Зато противник начал выдыхаться. Если у Вольдемара был план быстро победить за счёт мощного натиска, то он не удался.

Закари показался из-за ствола и, когда Вольдемар кинулся, отпрыгнул в сторону и с разворота ударил ногой в спину не успевшего остановиться здоровяка. Получилось не очень сильно, но векторы удара и смещения Вольдемаровой массы совпали и сложились. Ратник потерял равновесие и зарылся лицом в лесную подстилку.

Закари запрыгнул на него и попытался взять в захват. Это было всё равно что удержать без уздечки дикого жеребца, и более лёгкий очень скоро оказался снизу.

– Убью тебя, сука, а потом скажу, что разбойники напали, – брызжа слюной, прошипел Вольдемар.

– Ты совсем дурак, что ли? – удивился Закари.

Вместо ответа оруженосец принялся душить рыцаря, нажимая предплечьем на горло. У Закари перед глазами поплыли багровые круги. Тогда он сунул сумасшедшему большой палец между рёбер и, когда, извиваясь от боли, тот ослабил на мгновение хватку, вывернулся и вскочил на ноги.

Теперь Закари сосредоточился максимально – угроза оруженосца перевела потасовку на новый уровень. Из некого мужского состязания, почти забавы, она превратилась в смертельную схватку. Прежде всего он решил, что ни в коем

случае нельзя соглашаться на ближний бой и что о борьбе в партéре тоже речи идти не может. Противник, похоже, понял обратное, потому что стал идти на сближение. На очередной такой попытке баронет и поймал ратника. Тот попытался обхватить его руками, но Закари пригнулся и нанёс сокрушающий удар снизу в челюсть, да так, что голова Вольдемара запрокинулась назад, а взгляд стал мутен. Несколькими хуками баронет закрепил успех, и ратник оказался на земле без сознания.

Рыцарь не стал дожидаться, пока оруженосец придёт в себя, и не спеша продолжил путь. Через полчаса он услышал за собой конский топот. Опасаясь повторного нападения, Закари развернул коня и положил руку на эфес меча. Завидев его, Вольдемар с заплывшим от побоев лицом остановился и проговорил, потупив взор:

– Неплохо косточки размяли, а, Закари?

– Какой я тебе, к чёрту, Закари, смерд?

– Простите, господин баронет, сэр. Вы, сэр, если обижаетесь на то, что я сказал в пылу драки, так это зря. Это же я для смеху.

– Плохой из тебя шут. Заткнись, и чтоб я тебя до конца пути не слышал.

Вольдемар замолчал и только улыбался заискивающе, когда замечал на себе взгляд Закари.

Уже в воротах замка, он позволил себе приблизиться.

– Какие будут распоряжения, сэр?

– Никаких. Такой оруженосец мне не нужен, – отрубил Закари и пришпорил коня.

На следующий день, прямо с утра, Закари заехал в лучшую кузню Альбрука, в которой перед отъездом заказал себе новую амуницию, достойную звания баронета.

Доспех вышел великолепный. Прочный, весь в бороздах для отвода колющих ударов. На новом цельнометаллическом кавалерийском щите красовался герб – бело-золотой грифон, сидящий на раскрытой книге.

Вечером, после ужина, когда комендант взялся за ручку двери своей комнаты, из-за угла внезапно выступила фигура в белом. Это оказалась служанка герцогини. Она сунула ему в руку сложенную в несколько раз записку и шепнула:

– Я должна вернуться с ответом.

– Жди здесь, – велел Закари и скрылся за дверью.

В записке значилось:

«Жду Вас сегодня в полночь на месте нашего первого свидания. Хочу угостить вас сладким вином из своего виноградника».

«Гадость какая…» – подумал Закари, обмакнул перо в чернила и написал на обратной стороне:

«Вынужден отказаться, ибо за время моего отсутствия накопилось множество дел».

Производя обход, он повстречал на стене Бертрана. Тот двигался со строго предписанной уложением об охранной службе скоростью.

Закари похвалил его за усердие и поинтересовался, не держит ли старик на него зла.

Тот пожал плечами.

– Знаешь, мне вот тогда в душу запало, как ты сказал: «Вот потому, Бертран, и не быть тебе никогда рыцарем». А ты ведь деньги тогда господские спас, а я жизнь нашим ребятам…

– А ведь ты прав, дядька. Прости, коли обидел чем.

– Ты баронет – я ратник, твоя правда супротив моей всегда первой будет.

– Да не об этом я… Бывалый ты вояка, жаль, карьера твоя не сложилась.

– Почему это не сложилась? То, что рыцарем не стал – так не всем рыцарями-то быть. Если все благородными станут, кто ж тогда службу ратную справлять будет? Работёнка опять же не пыльная, уважаемая: мечом махать – не во поле орать. Девки пока ещё любят. Что ещё человеку надо?

– И опять мудро. А то вот некоторые в чужой победе своё поражение видят…

– Это ты про Вольдемара? Видел я, как ты его разукрасил. Так ему и надо. Не люблю я его. Хитрый он и завистливый.

Когда ратник отдалился уже шагов на десять, Закари позвал его:

– Бертран! Будешь моим оруженосцем?

– Отчего же нет?

Баронету показалось, что в голосе старика он услышал сдерживаемую радость.

Комендант зашёл в свою комнату, когда последний отблеск солнца погас на самом высоком шпиле замка. Зажигая свечу, почувствовал движение у себя за спиной. Резко развернулся и обомлел: на кровати раскинулась нагая герцогиня в положении натурщицы, позирующей для скабрёзной картины.

– Запри же дверь и иди скорей ко мне, – с придыханием произнесла она и поманила пальцем.

Дверь он запер – не дай бог, зайдёт кто, но идти к ней не торопился.

– Это безрассудство. Нас могут застать…

– Ты раньше не отличался рассудительностью. Что случилось? – в голосе Маргарет появилась озабоченность. – Ты как будто избегаешь меня. В записке ерунду какую-то написал.

– У меня есть обязанности коменданта гарнизона…

– Я что-то не вижу отрядов неприятеля под стенами замка, которые могли бы настолько занять тебя, чтобы ты не сумел выкроить полчаса для своей герцогини.

Он понял, что тянуть с объяснением больше не имеет смысла.

– Ваша светлость, я решил переосмыслить наши отношения и пришёл к выводу, что они должны прекратиться. Я, видите ли, с почтением отношусь к вашему мужу, и мне неприятна сама мысль, что наше с вами легкомысленное поведение может нанести ущерб его репутации.

– Что это такое ты себе придумал? – улыбнулась она растерянно. – Иди же сюда, я покажу тебе, как соскучилась.

– Прошу вас немедленно покинуть моё скромное обиталище.

– Мы снова на вы? Понятно… Покинуть, значит. Хорошо. Но обними меня в последний раз и расстанемся с приятными воспоминаниями.

В иных обстоятельствах Закари не преминул бы воспользоваться этим щедрым предложением, но только не теперь…

– Это правда, что вы были с Вольдемаром?

Она покраснела и натянула на себе одеяло.

– И что с того? Должна же я была как-то развлекаться. Но с тобой всё иначе…

– Какая гадость! Я вынужден повторить свою просьбу оставить меня в одиночестве.

Вместо ответа она заплакала, тем не менее оставаясь неподвижной.

В этот момент в дверь постучали. Грубо. Кулаком. Потом, приглушённый толстыми досками, послышался знакомый до отвращения голос Вольдемара:

– Баронет Вентер, именем герцога Альбрукского откройте!

Закари посмотрел на герцогиню, та накрылась одеялом с головой.

Стук повторился.

– Открывайте сей же момент, или дверь будет выломана!

Закари отодвинул засов. Дверь распахнулась, как от удара ногой.

За ней в свете факелов стоял сам герцог Альбрукский, за ним маячили лица нескольких ратников, среди которых явно довольный ситуацией Вольдемар.

– Чем могу служить, ваша светлость? – стараясь оставаться спокойным, спросил Закари.

Герцог взглядом показал, чтобы ему не препятствовали, баронет склонил голову и попятился. Золотое Сердце величественно ступил в комнату. Вольдемар хотел было идти следом, но Закари захлопнул дверь перед его носом.

Комендант понимал, что этот визит не случаен. Это была явная интрига. Он с лёгкостью мог представить себе, как это случилось: служанка, посвящённая в сердечные дела госпожи, рассказала обо всём Вольдемару, а тот, желая отомстить, герцогу…

– Мадам, извольте снять с головы покрывало, – холодно приказал Ренольд.

Маргарет повиновалась. Взгляд её был полон отчаяния.

– Немедленно отправляйтесь к себе.

Пока она одевалась, герцог отошёл к окну и сделал вид, что вычисляет фазу восходящей луны. Как только дверь за герцогиней закрылась, он произнёс с досадой:

– Чёрт возьми, Закари! Я до последнего надеялся, что это недоразумение, что тебя оклеветали недруги. А я ведь, признаться, видел тебя своим преемником… – тут он смахнул непрошеную слезу. – На самом деле я уже не в том возрасте, чтобы придавать большое значение подобным пустякам. Если бы об этом знали только мы трое, я бы просто отослал тебя на какую-нибудь отдалённую заставу.

Он распахнул дверь и объявил так, чтобы слышали все:

– Закари Вентер, я больше не могу доверять вам и отстраняю от обязанностей коменданта замка. Поединок состоится завтра же. Я убью вас перед обедом, – объявил герцог и удалился.

Баронет поклонился.

13. День 6-й.

Игровая статистика отметила повышение персонажа всего на один уровень и потерю нескольких очков кармы. «Ничего, если удастся победить герцога, Закари, наверное, сразу уровней пять, а то и шесть получит», – прикинул 32/08.

От бюро по жизнеустройству пришло сообщение о том, что 32/08 устроен разнорабочим на заводе, производящем электронные компоненты. Выйти нужно сегодня же. Несмотря на то что дорога до завода занимала целый час в одну сторону, то есть на полчаса больше, чем на предыдущей работе, он всё равно обрадовался. Место на заводе электроники – это мечта для любой пчелы: кондиционированные, чистые помещения и халат вместо тяжёлого облачения металлурга.

Было ещё одно сообщение от бюро, помеченное красным. Его открывать не хотелось, и не зря – в нём оказалось строгое предупреждение: золотая пчела под номером TA5625/27/32/08D слишком часто меняет место работы, чем доставляет бюро лишние хлопоты. На медеплавильном заводе он и года не продержался и, вообще, за трудовую карьеру по собственной вине меняет уже третье предприятие. Поэтому в случае следующего увольнения работника бюро воспользуется правом поменять его статус с золотого на серебряный с понижением субъективного времени, проводимого в виртуальной реальности за один сеанс, с трёх суток до двух.

Это было бы крайне печально, потому что «Время ведьм», а также множество лучших игр, доступны только для тех, кто может существовать в виртуальной реальности не менее трёх дней кряду. Кроме того, перед тем, как ему будет открыт доступ к выбору приключений, он будет отправлен в терапевтический тур «Работа над ошибками», в котором принудительно проведёт не менее месяца виртуального времени. В туре будет производиться моделирование ситуаций из прошлого, приведших к негативным последствиям, с возможностью принятия альтернативных верных решений.

Первые три часа до перерыва 32/08 думал, что он действительно-таки попал в рай. Работа была проще некуда. По конвейеру ползли лотки с деталями, его задача состояла в том, чтобы собирать их и высыпать на вибростенд, который расфасовывал детали по кассетам. Затем раскладывать кассеты в стопки на тележках, а эти тележки отвозить на отмеченные жёлтыми линиями на полу площадки, откуда другие рабочие забирали их на следующие этапы производства.

Начальницей цеха была добродушная на вид женщина средних лет. Поначалу это тоже показалось подарком судьбы. Она доходчиво объяснила новому работнику, что нужно делать.

Чтобы угодить ей, он попытался быстро вникнуть и показать свою толковость. Она даже похвалила его. И… увеличила скорость конвейера на его линии. Лотки с деталями стали скапливаться на стыках и поворотах ленты и наползать друг на друга. Заметив это, Начальница разоралась так, что 32/08 удивился, как такой не очень крупный организм может издавать столько шума. На свою голову он попытался возразить, дескать, на соседнем конвейере, обслуживаемом опытным работником, установлена та же скорость, а он всё-таки первый день… И вот тут и выяснилось самое неприятное: оказалось, что скорость действительно та же самая, но при этом опытный работник обслуживает сразу две линии. Тут 32/08 понял, что рано обрадовался и почему этот труд относится к тяжёлой категории.

К концу бесконечной смены он с теплом вспоминал и свою печь и добрейшего Начальника, которого видел всего по нескольку раз в день, скупого не только на эмоции, но и на слова. Местная же Начальница, похоже, поставила перед собой двойную задачу: во-первых, глаз не спускать с новенького, находясь постоянно, как смерть, у него за спиной, а во-вторых, максимально экспрессивно расточать на него весь свой богатый запас оскорбительных эпитетов. 32/08 узнал, что он «тормоз», «бестолочь», «увалень», «чёртов бездельник» и даже «гнида сонная» и что ей абсолютно неясно, как он с такими рефлексами до сих пор работал и вообще дожил до такого возраста.

Когда пытка наконец закончилась, у 32/08 мелко тряслись руки, а когда он закрывал глаза, то видел детали, поглощаемые вибростендом.

14. Сон VII.

Рыцарский поединок – словосочетание, как будто бы насквозь пропитанное благородством и честью. И даже если сюзерен дерётся со своим вассалом, у них должны быть одинаковые шансы на победу. Однако в игре «Время ведьм» этот принцип из-за присутствия в ней имбóвых[53] артефактов не работал.

За завтраком Закари прикидывал вероятность победы над герцогом.

Преимущество было, по сути, единственным: как недавний ратник и нынешний действующий командир, он постоянно упражнялся с различными видами оружия: копьями, мечами, кинжалами, луками и арбалетами. Постоянно скакал верхом. В общем пребывал в отличной форме. Герцог, в отличие от него, хоть и имел богатейший ратный опыт, но в далёком прошлом. Лет десять уже он почти не участвовал в военных действиях, а если всё-таки приходилось, наблюдал за битвой с холма, развалившись в походном кресле.

Из многочисленных минусов.

Доспехи. У Закари хоть и дорогой, новый и прочный, но всё-таки самый обычный панцирь. У Золотого же Сердца не доспех, а чудо инженерной и магической мысли делающий своего хозяина неуязвимым для всех видов оружия и неимоверно опасным в нападении. Под пластинами из прочнейшей лёгкой стали, выкованной далеко за границами империи, прятались хитроумные механизмы и пружины, приводимые в действие мыслями владельца и многократно увеличивающие его силу и ускоряющие движения. Не доспех, а сокровище, по стоимости как весь замок Альбрук вместе со всеми его обитателями.

Теперь мечи. У баронета всё то же самое – простота и надёжность, у герцога меч с собственным именем от именитого опять же оружейного мастера. Соответственно: прочность булата, феноменальная проникающая способность и идеальная балансировка. Опять беда.

Кони. У Закари великолепный жеребец, ранее принадлежащий герцогскому гонцу. Один из лучших в стране, но… для быстрого и дальнего перемещения, не для боя на копьях. У властелина Альбрука в конюшне самый богатый выбор разнообразно подготовленных скакунов, в том числе битюгов, тяжёлых и достаточно мощных для того, чтобы максимально разогнать свою массу и массу седока, преодолев расстояние, равное половине длины ристалища. Такой конь гораздо более устойчив и несёт бóльшую разрушительную силу, чем скаковой.

То есть и здесь превосходство точно не на стороне баронета.

И наконец моральная подоплёка дела. Закари по всем статьям неправ. Никак не красит его адюльтер с женой своего покровителя и благодетеля. Герцог к нему как к родному, а он… То, что герцогиня – потаскуха, баронета никак не извиняет. Его и так многие не любят; он в их глазах безродный выскочка, везунчик, поражение которого уравняет его с остальными неудачниками. Герцог же отстаивает свою поруганную честь на глазах у нежно любящих и почитающих его верноподданных. А при прочих равных, на чьей из дуэлянтов стороне моральная правда и поддержка болельщиков, тот почти и победил.

«Что ж, – решил не отчаиваться Закари, – тем заслуженней будет победа!»

– Спасибо, Гвидо, как всегда, божественно, – баронет отодвинул глиняную миску и вытер рот рукавом, как простой ратник.

Повар принимал опального баронета вместе с его оруженосцем на кухне, мало опасаясь герцогской немилости. Все остальные придворные воротили носы при встрече с бывшим комендантом.

– А ведь я ещё тогда понял, когда Одноглазый замок захватить пытался, что ты с герцогиней роман крутишь. Тогда ещё чуял, что это плохо кончится. Да не стал тебе ничего говорить – подумал, всё равно не послушаешь, – грустно поведал Гвидо.

– Тебе точно не в чем себя винить, друг. Конечно, не послушал бы. Я сам во всём виноват, – утешил его Закари.

– Было бы странно, если бы молодой человек устоял перед чарами такой прекрасной дамы, – заметил Бертран.

Гвидо пропустил его слова мимо ушей.

– Послушай, – он обращался исключительно к баронету, – тебе нужно бежать. Всем известно, что у герцога экипировка лучше. У тебя нет шансов. Ты погибнешь. Это будет не поединок, а казнь.

– А если я всё-таки одержу победу?

– Не многим лучше. Самого свободного герцогства королевства не станет. Все труды по его созданию Карла Велеречивого и Ренольда Золотое Сердце пойдут прахом.

– А не лез бы ты со своими советами, повар! Шёл бы лучше готовить. Для воина бежать от поединка – самое позорное, что он может сделать, – возмутился Бертран.

– Чья бы корова мычала… – заметил повар, всё так же не глядя на оруженосца. – Зачем ты взял его с собой? Я бы лучше отправил его трапезничать к челяди.

Бертран оттолкнул от себя миску, да так, что она полетела со стола и разбилась о каменный пол. Потом встал и отчеканил:

– Сэр Вентер, я подожду вас снаружи. Здесь воняет гнилой капустой.

– Так это ж от тебя и разит, старик, – зарычал Гвидо, поднимаясь во весь свой богатырский рост и сжимая кулаки. – Позволь, я провожу тебя на свежий воздух.

Баронет остановил его жестом, потом обернулся к Бертрану.

– Иди. Я тотчас буду.

– Я и не особенно рассчитывал на то, что ты меня послушаешь… – проворчал Гвидо, когда Бертран вышел. – Поэтому приготовил зелье Безразличия к Смерти и Презрения к Жизни. Дать тебе?

Закари улыбнулся.

– Отдай лучше герцогу.

Встал из-за стола, подошёл к другу и крепко обнял его, как будто прощаясь.

Поединок должен был состояться в самом замке. Длины плаца для военных упражнений как раз хватило, чтобы устроить на нём ристалище, на противоположных концах которого разбили палатки для отдыха и снаряжения поединщиков.

В зрителях недостатка не было. Придворные, солдаты герцогского войска, замковая челядь, а также знатные горожане толпились вокруг ристалища, глазели из окон жилых и подсобных помещений. Стайка детворы устроилась на крыше казармы. На балконе над входом в жилые покои расположилась герцогиня с ближайшими домочадцами, бургомистром Альбрука, а также приглашёнными по случаю крупнейшими лендлордами герцогства. Там же находился и Гвидо, вид которого был несчастен, ибо он переживал за обоих поединщиков, ведь один спас ему жизнь и стал близким другом, а второй показал себя щедрым и справедливым господином. Для повара благоприятного исхода сего действа не существовало.

Бертран помог Закари, облачённому в полный доспех, взобраться на коня.

Рыцарь был спокоен, он решил не бояться за свою жизнь. Если ему суждено погибнуть от руки герцога, одного из достойнейших из ныне живущих представителей человеческого рода, то ничего уж тут не попишешь… Но при этом он поклялся себе сражаться достойно, так, чтобы люди долго вспоминали этот бой. Ну а если герцог предоставит хоть малейшую возможность победить, то Закари, бог свидетель, ею воспользуется.

Боевой рог дал сигнал к началу поединка. Все затихли. Даже караульные, патрулирующие стены, нарушили свои предписания, остановились и перегнулись через парапет.

Поединщики поскакали навстречу друг другу.

Герцог олицетворял собой мощь и красоту одновременно. Белоснежный плюмаж на шлеме развивался, как крылья, волшебный доспех благородно отражал солнце, а каждый шаг его гнедого, казалось, заставлял содрогаться стены.

Они сшиблись в первый раз.

Копьё баронета разлетелось в щепки о щит герцога. Наконечник отлетел, как из пращи пущенный, и попал в кого-то из зевак. Тот заверещал, и его быстро уволокли в лазарет. Герцог же промахнулся. Видимо, потому, что выбрал для себя не самую лёгкую цель – шлем противника; похоже, он хотел завершить всё первым же ударом, но баронет в последний момент успел уклониться.

Закари чуть не вылетел из седла от собственного удара. Ощущение было таким, как будто он попытался своротить копьём мельницу. Но то, что Золотое Сердце ошибся, внушило надежду.

Доехав по инерции до конца ристалища, всадники развернулись и поскакали к своим палаткам.

Во время второго соударения копья преломили оба поединщика. Удар герцога пришёлся в щит. Закари же угодил в нагрудник, да так, что для иного соперника этот удар мог стать последним. Будь доспех чуть поплоше, его бы пробило или вогнуло так, что дышать в нём стало бы невозможно. Герцога же лишь откинуло назад, и он тут же вернулся в вертикальное положение. Зато Закари не мог поднять правую руку – она вылетела из плечевого сустава.

Пришлось взять паузу на то, чтобы снять с руки защиту и вправить вывих. Бертран с придворным лекарем справились с этим всего минут за десять, но зрители всё это время возмущённо роптали в нетерпении.

Правилами смертельного поединка были предусмотрены три сшибки, если в результате их оба рыцаря остаются в сёдлах и способны продолжать, они спешиваются и бьются на мечах до того, как кто-то умрёт или сдастся на милость победителю.

Закари понимал, что, если он сейчас снова вложит силы в удар, его рука может окончательно выйти из строя. Поэтому сфокусировался на защите. Это удалось, хоть и не без труда, он вновь отразил страшный удар щитом, который в результате треснул.

Зрители заметили его пассивность, засвистели и заулюлюкали.

Зато он получил своеобразное одобрение откуда вообще не ожидал. Когда они поравнялись с герцогом на обратном пути к своим палаткам, тот произнёс так, чтобы это услышал только Закари:

– Тебе не может везти вечно.

За время перерыва перегородку, разделяющую ристалище вдоль, убрали. А зрителей расставили по кругу, образовав некое подобие арены.

Правая рука болела при каждом движении, и Закари понял, что сражаться придётся левой. На тренировках он отрабатывал действия обеими руками, но ведущая всё равно слушалась лучше.

Когда баронет встал и пошёл на выход из палатки, Бертран заметил:

– Никогда не видел герцога таким неуклюжим. Он или хворает, или это старость вступает в свои права. Я верю в вашу победу, сэр Вентер.

Закари положил ему на плечо руку.

– Спасибо, дядька. Прости, что несправедлив бывал к тебе.

Бой на мечах получился странным. Несмотря на свой знаменитый доспех, Золотое Сердце действовал в самом деле неуклюже. Удары он наносил сильные и быстрые, но неточные. И как будто не сразу. Закари успевал отбить удар или вовсе уйти в сторону, тогда меч герцога со свистом рассекал воздух. Сам Золотое Сердце не успевал парировать выпады противника. Волшебный доспех прощал ему эти ошибки – на нём даже царапин не оставалось.

Это заметили все, не только Закари. Восторженные крики звучали всё реже, они уступили место возгласам недоумения.

Наконец баронет просто сбил герцога с ног, подставив ему подножку. Тот упал на спину, попытался подняться, но Закари выбил ногой его меч и приставил свой к щели между шлемом и панцирем.

Победитель окинул взглядом толпу, которая совсем недавно так радовалась его неудачам. Люди испуганно молчали. И тут его взгляд остановился на герцогине. Она улыбнулась, заметив это, кивнула и одновременно прикрыла на мгновение глаза, как будто говоря: «Ну же. Кончай этого старого олуха».

И тут его осенило. Возможно, это она всё и подстроила: и вызов на поединок, и каким-то образом проигрыш герцога. Всё шло по плану, который она предлагала осуществить и от которого Закари отказался. Даже ещё быстрее. Сейчас он убьёт герцога и после месяца траура сможет занять место на троне Альбрука рядом с Маргарет.

Баронет убрал меч от горла соперника, упёр его в землю и протянул руку.

– Вставайте, ваша светлость, у меня нет к вам претензий.

– А ты шутник, Закари… – хрипло рассмеялся герцог и стянул с головы шлем. – Сначала чести меня лишил, а теперь жизнь подарить хочешь?! Да только зачем мне жизнь без чести? Поклянись лучше, что продолжишь моё дело и сохранишь суверенитет Альбрука.

– Клянусь, ваша светлость!

– Тогда ты должен убить меня, иначе магический доспех тебе не подчинится. А без него власть тебе не удержать. [54]

Закари в ужасе замотал головой.

Тогда герцог схватил меч баронета за клинок и потянул к себе. Закари изо всех сил упёрся, чтобы помешать ему. Со стороны это могло выглядеть так, будто герцог пытается защититься от смертельного укола. Волшебный доспех был сильнее. Острие медленно приближалось к герцогскому горлу. Усиленные механизмом фаланги перчатки сжались, повинуясь желанию Золотого Сердца, и не давали вырвать клинок. Перчатка была окована сталью лишь снаружи, и по клинку потекла кровь – ладонь и пальцы изнутри были защищены только телячьей кожей. Но лицо герцога не меняло выражения. Бледное, с набухшими на лбу венами, выказывало оно лишь безразличие к смерти и презрение к жизни. И ни одной даже скупой слезы. Оно почти не изменилось и в тот момент, когда кровь пошла уже из проткнутой остриём шеи.

15. День 7-й.

32/08 проснулся с очень неприятным чувством. Никогда ещё игры так не расстраивали, даже когда его персонаж сам погибал в них. Когда Закари покидал место боя, все смотрели на него с презрением. Вслед ему неслись проклятия и обвинения в нечестной игре.

Ему самому было жалко герцога. Вернее, игрока, который за него играл. Старался человек, старался, годами судьбу персонажа своего выстраивал. Вершины, можно сказать, в игре достиг. А кто во «Времени ведьм» круче герцога Альбрукского? Разве что только король, и то не факт; почти равновесные они персонажи, конкуренты фактически. И тут какой-то выскочка, новичок в игре, выносит его, несмотря на могучие, уникальные артефакты. И как игрок девятого уровня мог победить игрока сорок второго?! Нет, что-то здесь не так…

Баронет Вентер после поединка с Золотым Сердцем получил сразу семь уровней и целую коллекцию ценнейших артефактов, в мгновение ока стал одним из богатейших персонажей в игре. А перспективы? По всем раскладам он теперь должен стать правителем Альбрука, возможно, даже герцогом, если женится на герцогине.

Но всё это не радовало. Не пахло от этой стремительной карьеры ни романтикой, ни благородством. А ведь именно их искала беспокойная душа 32/08 в средних веках.

А ещё он искал любви. И не нашёл. От былой влюблённости в герцогиню не осталось и следа. Сейчас, когда он думал о ней, ясно видел перед мысленным взором мерзкую, похотливую старуху, с крючковатым носом и бородавкой на нём, лежащую в саркофаге и грезящую о том, что она молода и прекрасна. Но тут же видение сменилось на ещё более мерзкое: на месте старухи оказался плюгавый старик… 32/08 поскорее полез из саркофага.

Хорошо, что саркофаг блокирует мысли из реальности, не пускает их в гипносон, а то такое ощущение, что игрок во сне бы соскучился бы по реальной жизни. Продолжать существование во «Времени ведьм» желания не было абсолютно…

На работу идти тоже. Перспектива бесконечного дня у бесконечного конвейера удручала. Хотелось на всё забить, никуда не идти, а, например, погулять и просто подумать о том, что делать дальше.

Тут он вспомнил девушку-изгоя, которую встретил бессонной ночью, и решил связаться с ней после работы.

В цеху 32/08 сразу попал под жёсткий прессинг со стороны Начальницы. Она не отходила от него ни на шаг и комментировала любое его неточное действие. В конце концов он не выдержал.

– Зачем ты это делаешь?

– Что «это»?

– Мучаешь меня.

– Бедненький. Замучили его. Я не мучаю, а учу тебя работать. И делаю это для твоего же блага. Чем быстрее ты научишься работать, тем скорее перестанешь даром свою пайку жрать и райские сны смотреть. У тебя опять на конвейере лотки скопились. Шевелись давай!

И даже подтолкнула его рукой в спину.

32/08 стиснул зубы и поспешил разгребать завал.

После обеда показавшийся изначально вполне приятным голос Начальницы стал нестерпимо раздражать, подобно циркулярной пиле.

32/08 крепился, крепился и в итоге сорвался.

После очередного окрика:

– Эй, тридцать второй, булками шевели, а то твоя линия опять раком встанет!

Он бросил прямо на пол лоток с деталями, который в этот момент держал в руках, и закричал:

– В гробу я вас всех видел с работами вашими проклятыми и играми идиотскими! А ты, мразь тупорылая, пасть свою закрой, а не то я тебя деталями этими вашими погаными накормлю!

Лицо Начальницы выразило смесь удивления и испуга в настолько запредельных концентрациях, что 32/08 стало даже смешно. Он не стал дожидаться, пока она опомнится, и пошёл вон из цеха.

Сначала он имел неприятный разговор с заводским кадровиком. Тот попробовал было поставить зарвавшегося работягу на место, но 32/08 объяснил, что не намерен терпеть издевательства самодурши-начальницы даже под страхом увольнения. Кадровик вытаращился на него с изумлением, потом, видимо, счёл сумасшедшим и потерял к нему всякий интерес.

Под самый конец смены на завод прискакал разъярённый представитель бюро по жизнеустройству. Тоже попытался орать на пчелу, стыдил, угрожал переводом в серебряную или даже бронзовую категорию.

– Делайте что хотите. Мне теперь всё равно, – угрюмо отвечал 32/08.

– Привет! Это 32/08. Помнишь меня?

– Битый? Помню, конечно. Привет, привет! Как дела? – обрадовалась Сильвия.

– Да как-то так… Ты обещала показать мне, как живут изгои. Так я готов. Прямо сегодня.

– Не думала, что ты созреешь так быстро… Хорошо! Давай в десять на пляже, там же, где и в прошлый раз. Панкстерам скажи, что идёшь к изгоям, и не нарывайся, пожалуйста.

От нечего делать 32/08 пошёл к пляжу пораньше.

Проходя панкстерские кварталы, вежливо отвечал, что ему ничего не нужно и что он идёт к изгоям. Его пропускали беспрепятственно.

Придя на берег, как раз застал момент, когда солнце закатывалось за морской горизонт. Он смотрел, как гаснет небо, и думал о том, что, пожалуй, никогда не видел ничего столь же величественного. Разве что когда в одной из виртуальных жизней в «Теории Большого Взрыва» наблюдал за рождением Вселенной. Но здесь всё было реальным, а там нет, и это давало настоящей жизни малопонятное, но несомненное преимущество.

До встречи с Сильвией был ещё почти час, и 32/08 решил на этот раз искупаться.

Оказалось, плавательные навыки, которые он приобрёл в игре «Водный мир», все при нём. Он мог плыть и кролем, и брассом, и даже одноударным баттерфляем. Правда, не так быстро и долго, как в игре, но сам процесс доставлял гораздо большее удовольствие. Качаясь на волнах так далеко от берега, что, казалось, заплыл на самую середину Средиземного моря, он думал о том, что остальные пчёлы сейчас готовятся ко сну. Едят мерзкую жижу. Натужно шутят или переругиваются. Стоят в очереди в туалет. В общем делают то же самое, что делали много лет подряд, каждый день, каждый чёртов одинаковый день… А он вот лежит посреди моря, один во всей Вселенной и ощущает себя живым как никогда и настоящим.

Сильвия приехала на берег за рулём старинного, ржавого электрического грузовичка, в кузове которого громыхали пустые пластиковые ящики.

– Голодный? – она протянула ему огромное яблоко, когда он уселся на пассажирское сиденье.

Он кивнул благодарно и с жадностью впился в сочную мякоть зубами.

В дороге до обиталища изгоев они провели полтора часа. Несмотря на свой непрезентабельный вид, грузовичок развивал и

уверенно поддерживал вполне приличную скорость. В городе машины попадались редко, а на трассе их практически не было. Для 32/08 это было непривычно; обычно он наблюдал дороги в самый час пик, когда ехал на работу или с работы в шаттле.

Уверенно управляя автомобилем, Сильвия всю дорогу развлекала пассажира.

Для начала она рассказала, что, после того как лет в шестьдесят среднестатистическую пчелу отправляют в «Последний сон», тело её отдают на переработку в сельскохозяйственные удобрения.

– На удобрения?! – 32/08 почувствовал, как волосы у него встают дыбом.

Девушка хмыкнула.

– Скажи спасибо, что не сразу на кашу эту вашу…

После небольшой паузы, дав ему переварить информацию, Сильвия сообщила следующий удивительный факт:

– Ты вот ещё, наверное, помнишь своих родителей, а последние поколения пчёл – нет.

– Это как же?

– А вот так. Уже лет двадцать существуют специальные ульи, в которых живут исключительно женщины. Они не работают – только рожают. Есть такие, что уже по двадцать раз родили. Оплодотворяют их искусственно, как коров. И детей своих они никогда не видят. Ведь половые отношения среди пчёл в реале считаются крайне неприличными и противоестественными.

– Надо бы их вообще запретить, – перебил её 32/08. – Мы ведь все как братья и сёстры…

– Да-да, – нахмурилась Сильвия. – Особенно когда пчёл начали выращивать промышленно, эта пропагандистский тезис перестал быть фигуральным.

– А изгои откуда это всё знают?

– К нам разные люди приходят.

16. Ночь 2-я.

Поселение изгоев находилось на территории заброшенной угольной электростанции. Три её трубы было видно издалека; на них горели несколько ярусов жёлтых огней.

– Станцию хотели перевести с угля на газ, но электрокомпания разорилась из-за развития альтернативных способов получения электроэнергии, – тоном экскурсовода поведала Сильвия. – Ещё через несколько лет было принято решение о закрытии и сносе станции, но руки у государства не доходили. Когда-то труб было четыре, самая высокая рухнула из-за коррозии железобетона. В итоге наша община приобрела её за гроши.

– А остальные не рухнут? – с опаской посмотрел на многотонные конструкции 32/08.

– Не сегодня. Мы мониторим их состояние. Если возникнет опасность обрушения – демонтируем.

Пока они приближались к станции, миновали проходную и подъезжали к одному из трёх огромным зданий, снаружи оплетённых металлическими балками, Сильвия рассказала, что после закрытия станции остались запасы угля, которые изгои потребляют уже пять лет, их хватит такими темпами ещё лет на двадцать. В настоящий момент из двух больших и четырёх малых энергоблоков починили один, и он работает только на два процента от расчётной мощности.

– Сейчас нас почти три тысячи, и это только здесь, на станции, по стране, наверное, тысяч десять.

Всё вокруг было залито электрическим светом от множества ламп, лампочек, фонарей и прожекторов. Корпуса были украшены гирляндами ярких огней. От этого накрывало ощущением весёлого праздника.

– На ночь я определю тебя в изолятор, там тебе помогут избавиться от бессонницы. Как тебя представлять людям? У нас не принято называться номерами.

32/08 немного подумал.

– Закари.

В бывшем офисном здании электростанции на первом этаже располагалось нечто вроде больничного стационара, и запах тут стоял больничный.

В одном из кабинетов они нашли Дока в заношенном, но чистом и отглаженном салатовом халате.

Когда Сильвия представила их друг другу, Док произнёс с

улыбкой:

– Добро пожаловать на борт, Закари! А ты, милая, спать иди, мы тут без тебя разберёмся.

После осмотра и проверки рефлексов Док поспешил утешить Закари:

– Они внушают вам, что вы не можете жить без этих гипнотических снов, а на самом деле всё из-за газа, который дают для засыпания. Гипносон вызывает только психологическую зависимость, а вот нарколептик, содержащийся в газе, становится физически необходим для сна. На него подсаживаются. Но на самом деле можно спать вовсе без него. Нужно просто, как это называется у наркоманов, «перегнуться». Без медикаментов этот процесс занимает до месяца. У некоторых так и не получается. Кто-то сходит с ума, кто-то умирает… Но! – он достал из ящика стола оранжевую пластиковую баночку с таблетками и потряс ею. – Я разработал свою методику: изысканный коктейль из снотворных и нейролептиков безотказно вырубает даже самых матёрых виртуалов. Постепенно будем снижать дозу, и через пару недель будешь засыпать сам, без всякой химии.

– Погоди, Док. Я ведь ещё ничего не решил…

– Если ты здесь, приятель, значит, уже решил.

17. День 8-й.

Закари проснулся на больничной функциональной кровати в палате изолятора. Обстановка тут была хоть и потёртая, но вполне приличная.

Прежде чем дать лекарство, Док предупредил, чтобы пациент не вздумал вставать с постели сам – возможны тошнота, головокружение и дезориентация. Ничего подобного Закари не испытывал, но ощущал себя вялым и подавленным, как после болезни.

На прикроватном пульте имелась кнопка вызова. Он нажал на неё.

Через пару минут дверь распахнулась и вошла Сильвия.

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

– Привет. Во-первых, не граф, а баронет. А во-вторых, у тебя других дел нет, кроме как со мной возиться?

– Ты сейчас моё самое главное дело, – сообщила она. – Я тебя сюда привезла, должна помочь адаптироваться. Ты почему такой мрачный? Плохо спал?

– Да нет. Вроде неплохо. Голова тяжёлая. И вообще тоскливо… Не до конца понимаю, что я здесь делаю, что дальше будет…

– Это нормально, Зак. Ты всю жизнь просидел на гипносне – конечно, тебе непривычно просто спать. Вон какие-то баронеты из тебя лезут… Ну ничего, пойдём завтракать, а потом я отведу тебя к нашему старосте. Он хочет с тобой познакомиться, а заодно и объяснит, что делать и что будет дальше. Давай-ка я тебе встать помогу.

– Не нужно. Я сам. И вообще, мне надо одеться.

– А ну брось! Чего я там не видела? Что, Дока звать, раз ты меня стесняешься? Я на всякий случай подстрахую.

Страховка оказалась не лишней. Когда он встал на ноги, голова закружилась так, что, если бы не плечо девушки, упал бы обратно на кровать.

– Ну вот, молодец! Теперь давай одеваться, умываться.

Одноразовый комбинезон, в который его каждое утро заворачивал саркофаг, исчез, на его месте оказались белые штаны и такая же футболка. Ботинки из прошлой жизни стояли тут же, как будто насупясь, но рядом с ними оказались весёлого вида сандалии, явно более подходящие для новой одежды.

Столовая в общине занимала площадь, равную минимум трём каминным залам Альбрукского замка, но в ней сейчас кроме

Закари и Сильвии никого не было.

– Уже десять часов. У нас никто столько времени не спит, – объяснила Сильвия. – Люди завтракают в три смены с полседьмого до восьми.

Запах тут стоял, конечно, не как на кухне у Гвидо, но тоже достаточно аппетитный. Он вдруг почувствовал такой острый голод, что его снова замутило.

– Садись, садись, – девушка тревожно глянула на него своими странными глазами. – Какой ты бледный. Сейчас всё принесу.

К его большому разочарованию, ему подали ненавистную пластиковую кашу, почти такую же, какой кормили в улье.

– Тебе лучше пока есть привычную для желудка пищу. Но я попросила натереть тебе в неё яблочко, – извиняющимся тоном проговорила Сильвия.

Зато запить эту слякоть ему было позволено крепким кофе, который пробудил в Закари интерес к жизни. Он взглянул на девушку, и она показалась ему очень милой. Сильвия с такой заботой смотрела на подопечного, что у него защипало глаза.

– Спасибо за вкуснейший завтрак! Я готов, веди меня к вашему предводителю, – нарочито бодро сказал он, чтобы скрыть сантименты.

Староста вопреки ожиданиям оказался относительно молодым человеком лет не более сорока. Роста он был небольшого, а телосложения худощавого.

– Илай, – представился он и протянул крепкую руку.

Илай встретил их в помещении, в котором находились щиты управления энергоблоками. Оно было похоже на капитанский мостик космического корабля из старинного фантастического фильма. При более пристальном рассмотрении становилось понятно, что всё это множество ламп, кнопок, датчиков, мониторов и тумблеров практического функционала давно не имеет: лампочки и мониторы не горели, некоторые кнопки и тумблеры были выворочены с корнем, из зияющих дыр торчали разноцветные провода. Рабочий вид имел только один самый большой терминал искусственного интеллекта, который, по всей видимости, управлял единственным действующим энергоблоком. Вид, однако, у него был допотопный.

Илай отпустил Сильвию и предложил беглой пчеле прогуляться.

Электростанция находилась на самом берегу. От неё на два километра в даль морскую уходил пирс, к которому когда-то пришвартовывались корабли, доставляющие уголь из Африки. По

нему-то они и отправились на прогулку.

Встреченные по пути на пирс люди здоровались со старостой, а неофиту, которого они определяли, видимо, по белым одеждам, желали: «Добро пожаловать!». Сами они были одеты скорее в рабочую одежду, но не такую тоскливую, как у пчёл. Лица у всех были приятными, они улыбались. Это очень контрастировало с манерой поведения нервных и мрачных по большей части обитателей ульев.

Пирс оказался автодорогой, протянутой в нескольких метрах над уровнем моря. Когда они только ступили на потрескавшийся асфальт, под этим углом зрения конца его видно не было, создавалась иллюзия, что мост уходит за горизонт и заканчивается на другом берегу моря.

Для начала староста рассказал об устройстве поселения.

Машинные залы электростанции переделаны в многоуровневые жилые помещения, которые зимой отапливаются морской водой, нагревающейся при охлаждении теплообменников. Кроме стационара на территории есть детский сад, школа и две пекарни. Община автономна, полностью обеспечивает себя пищей и водой – имеются опреснительные сооружения.

На электростанции живут не все члены общины. Часть расселилась в находящемся неподалёку бывшем посёлке миллионеров. Владельцы элитной недвижимости поголовно разорились и побросали дорогие в содержании дома, в которых расположились теперь изгои. А на бывших полях для гольфа пасутся теперь коровы.

– А что случилось со старыми хозяевами? Почему они разорились? – поинтересовался Закари.

– В начале сороковых годов нашего века вследствие развития искусственного интеллекта случился резкий рывок научно-технического прогресса – иными словами, технологическая сингулярность. Из-за внедрения новых технологий и отказа от старых энергоносителей произошёл передел собственности. Старым картелям и монополиям пришёл конец. Мировая экономическая структура рухнула, как карточный домик, похоронив под собой множество как крупных, так и средних предприятий.

Примерно в километре от берега на образуемом ограждением балкончике сидел рыбак. Это был старец лет восьмидесяти или даже девяноста в широкополой шляпе. Таких древних 32/08 в реале раньше не видел. Илай спросил у Старика про улов, тот кивнул на ведро, полное крупной рыбы.

– Ты мне лучше скажи, старшой, когда, например, лодку

купишь?

– Осенью, отец, осенью. Я же говорил. Урожай сдадим и пару-тройку рыбацких баркасов прикупим. А ты у нас бригадиром рыболовецкой артели будешь.

Старик улыбнулся.

– Смотри, не обмани, Илай. Обещаю тогда по четвергам, например, на всю общину рыбный стол накрывать.

Они пошли дальше, и староста пояснил:

– Этот славный старик – один из основателей движения изгоев. Он столько труда вложил в общину…

– А что ваши люди получают за свой труд? Деньги?

– Деньги… – Илай неприязненно сморщился. – Внутри общины мы не используем эту гадость. У изгоев всё есть: крыша над головой, еда, одежда. Всё это община закупает централизованно и раздаёт потом каждому по потребностям. Зато у каждого из нас есть множество друзей, потому что изгои в подавляющем большинстве своём прекрасные люди, не отягощённые жадностью и завистью. Что ещё нужно для счастья?

– А чем вы тогда принципиально отличаетесь от пчёл? У них тоже есть всё, что ты перечислил. Что-то в реальной жизни, а что-то во сне… И тоже нет денег.

– У нас всё это есть в реале. Настоящее. Натуральное. И естественный крепкий сон по ночам. А умираем мы не тогда, когда не можем больше работать, а когда заканчивается время, отпущенное матушкой природой.

– То есть у вас тут коммуна?

– Что-то в этом роде. Коммуна, сельскохозяйственная община, кибуц…

– То есть люди проживают свою жизнь и ничего не видят кроме рутинной одинаковой каждый день реальности?

– Можно сказать и так. Хотя не такая уж она каждый день одинаковая. У нас множество развлечений, поживёшь здесь, сам увидишь. А самое главное – мы свободны. Люди мечтали о том, что искусственный разум освободит их от тяжёлого, беспрестанного труда, но произошло всё наоборот: развитие технологий привело к ещё более беспощадному порабощению.

– Но почему же порабощению? Я вот захотел и ушёл из улья, и никто меня не преследует.

– Это иллюзия, что, если формально тебя никто не держит и можно в любой момент уйти – это свобода. Создание таких условий, в которых человек не умеет и боится жить по-другому, когда у него фактически нет выбора, – вот способ превратить современного человека в бессловесного раба, обменявшего свою настоящую жизнь на виртуальную реальность.

– Какая разница, в реальной жизни человек счастлив или в виртуальной?

– Слишком дорого это стоит. В случае пчёл эта цена – свобода. И жизнь, которую отбирают, когда человек перестаёт приносить прибыль своему бюро. Изначально идея гипносна была очень неплоха. Но что происходит с хорошей идеей, когда за её воплощение берутся плохие люди? Она превращается в средство зарабатывания денег и власти. В механизм, с помощью которого один человек эксплуатирует многих. В общем, разберёшься. У тебя есть месяц на избавление от нарколептической и игровой зависимостей и на абсорбцию в нашей общине. Тебе все здесь будут рады помочь. Большинство прошли тот же путь к духовному освобождению. Походишь пока в белых одеждах, посмотришь, поспрашиваешь, и, если решишь остаться, сам выберешь, чем заниматься, как приносить пользу. А не захочешь, уйдёшь обратно в улей или к панкстерам. Мы от тебя альтернатив не скрываем.

После аудиенции у старосты Закари снова поступил на попечение Сильвии. Та предложила осмотреть хозяйство общины, поглядеть, кто как работает. Закари согласился и весь день провёл, обходя владения изгоев.

Люди оказались действительно очень приятными. Каждый норовил угостить новичка тем, что выращивает или производит. К концу дня он напробовался сыров, колбас, выпечки, овощей, фруктов и соков так, что еле переставлял ноги. Сильвия предостерегала его, но отказать было сложно; изгои были такими искренними, а то, что он клал в рот, таким вкусным…

От ужина Закари отказался. Тогда Сильвия отвела его в библиотеку, которая находилась рядом со столовой. На этот раз он заметил (утром был не так внимателен), что между дверями имеется указатель с надписями «Пища плотская» и «Пища духовная» и двумя стрелками, направленными в соответствующие стороны.

В библиотеке он впервые в жизни взял в руки бумажную книгу. Восторгу его предела не было: она была такой приятной на ощупь и гулко хлопала, закрываясь. Он выбрал толстый том «Молота ведьм» – копию издания 1932 года. Закари подумал, что, возможно, создатели игры «Время ведьм» читали этот труд о борьбе с ведьмами и колдунами, чтобы сделать игру более достоверной.

Сильвия посмотрела на него с усмешкой.

– Очень странный выбор… Сегодня, наверное, уснёшь без снотворного коктейля.

18. Ночь 3-я. День 4-й. Ночь 5-я.

Эта была самая жуткая ночь в его жизни.

Перед сном Закари хотел было почитать «Молот», сразу открыв на седьмой главе «О способе, коим ведьмы лишают мужчин полового члена», но очень быстро почувствовал сильнейшие колики внизу живота. Он даже испугался сначала, что это как-то связано с книгой… но скоро убедился, что это всего лишь сильнейшее расстройство кишечника.

Доку, который пришёл, чтобы дать новичку свой чудодейственный коктейль, пришлось говорить с ним через сортирную дверь.

– Ничего страшного, конечно, кроме того, что ты не прислушиваешься к голосу разума. Разве я не предупреждал тебя, Закари, что на натуральную пищу нужно переходить постепенно? Я вколю тебе мощный антибиотик, а завтра займёмся восстановлением микрофлоры кишечника. Однако в медикаментозном сне ты не сможешь контролировать прямую кишку со всеми вытекающими оттуда последствиями твоего неразумного поведения. Поэтому у тебя весь выбор: либо уснуть и проснуться в вонючем кошмаре, либо не спать, пока понос не закончится, и испытать на себе все прелести нарколептической ломки.

Закари выбрал второй вариант. И жестоко пожалел – возможно, лучше было проснуться в вонючем кошмаре.

Он пытался читать в промежутках между приступами, но книга, ко всему прочему, оказалась нудной, мрачной и насквозь пропитанной женоненавистничеством. Автор совершенно не считал женщин за людей, что следовало из таких, например, заголовков: «Что надо думать о волках, которые крадут и пожирают как взрослых людей, так и мальчиков?»

А чего только стоил этот текст из главы «Как произносится приговор над признавшейся и кающейся обвиняемой»:

«Моя дочь, приговор над тобою или твоё покаяние заключается в том, что ты будешь носить до конца своих дней кресты. Ты будешь становиться на ступенях у дверей таких-то церквей во время богослужения, а остальное время пребывать в пожизненной тюрьме на хлебе и на воде. Но тебе не будет тяжко исполнять всё это. Если ты терпеливо всё вынесешь, ты найдёшь у нас милость. Не сомневайся и не отчаивайся, но крепко надейся».

«Так какой же смысл тогда признаваться и каяться?» – удивлялся Закари и мчался на очередное свидание с унитазом.

Он пожалел, что выбрал эту мрачнейшую средневековую

бредятину, желая извлечь из неё полезную для прохождения игры информацию. Зато понял, что, похоже, его решение больше не играть во «Время ведьм», по всей видимости, не совсем окончательное, ведь он даже назвался именем своего персонажа из этой игры.

Ему страстно захотелось обратно в Альбрук. В мир, в котором не существует болезней, а ранения приносят страдания не страшнее, чем комариные укусы, и даже самая́ смерть легка. И чёрт с ним, что нет там настоящей дружбы и любви, зато чревоугодие не приводит к таким жутким последствиям.

К рассвету кишечник его успокоился, но уснуть всё равно не получалось. Измученный ночным бдением, Закари закрывал глаза, но, вместо того чтобы забыться, проваливался в какую-то бездну, полную тьмы и чудовищ. Начинало казаться, что на дне этой бездны – смерть, тогда он открывал глаза и садился.

Время тянулось бесконечно.

Спаситель с чудодейственным зельем в шприце пришёл только перед завтраком.

Весь следующий день Закари проспал. И ночь тоже. Док рассчитал дозу коктейля так, чтобы у пациента были сутки сна на восстановление.

19. Дни с 10-го по 12-й.

Открыв глаза, он обнаружил Сильвию в кресле для посетителей с «Молотом ведьм» на коленях.

– Ты проснулся наконец. Мерзость какая эта твоя книга! Я догадывалась, что это средневековые инквизиторские бредни, но даже не представляла, что она настолько отвратительна. Каким же негодяем надо быть, чтоб написать такое… – она с презрением бросила книгу на тумбочку. – Есть хочешь? Док прописал тебе на завтрак настоящую рисовую кашу. Правда, на воде…

Он взял её за руку.

– Ты мой ангел-хранитель. Давно здесь?

Она посмотрела на него своими странными глазами и улыбнулась. Но в следующий момент стала серьёзной.

– Вот ещё. Только пришла, – она выдернула руку и резко встала. – Давай-давай! Умывайся, одевайся. Подожду тебя на улице, – и выбежала за дверь.

Последующие три дня Закари изучал быт и идеологию общины.

Оказалось, что изгои исповедуют анархо-постпримитивизм в смеси с собственной концепцией социальной селекции. Как постпримитивисты они отрицают государство и считают технологию ИИ опасной и вредной и призывают её уничтожить, а как соцселекционеры полагают, что построение справедливого и счастливого общества невозможно без тщательного отбора его членов, в том числе с помощью генетической экспертизы.

– Но при чём здесь генетика? – изумился Закари.

– Одни живут только для себя, другие для социума, – пояснил Илай. Он каждый день выделял полчаса после завтрака для прогулки по пирсу с неофитом. – Альтруизм, способность к самопожертвованию, слабо выраженный собственнический инстинкт, желание изменить мир к лучшему, – всё это зашито в генетическом коде человека.

– Да ладно. Никогда о таком не слышал.

– Ты ещё о многом не слышал. Не веришь мне, спроси Дока.

– А как же воспитание, окружение?

– Если у человека этого в крови нет, то он может только притвориться, если потребуется. По-настоящему полезных людей мало – всего процентов пять-шесть. И чтобы наша община была жизнеспособной, нам нужны только такие.

– Что значит «по-настоящему»? А пчёлы, которые целыми днями пашут на тяжёлой работе по двенадцать часов, они что, не

по-настоящему полезны?

– Пчёлы твои работают на хозяев предприятий и бюро по жизнеустройству за кашу и саркофаг. Они рабы, а по-настоящему полезные люди должны быть свободны и помогать обрести свободу другим. Правительства не имеют право диктовать людям, что делать. Сейчас большинство в принципе не способно понять, как это возможно. Наша община – модель будущего человечества…

Илай произнёс эти слова, когда проходил мимо старого рыбака, который в этот момент расставлял снасти.

– Когда-нибудь все рабы и их владельцы вымрут и человечество вздохнёт свободно под чёрным стягом анархии! – провозгласил старец, воздев скрюченный палец к небу.

– Ты бы, дедушка, не пугал такими предсказаниями новенького, – попросил Илай. – Хорошего тебе улова! – и прибавил шаг.

– А вообще он прав по сути, хоть и грубоват. Примерно так и будет, – сказал староста, когда старик уже не мог их слышать. Потом продолжил прерванную мысль. – Государственное устройство – корень всех зол, приключающихся с человечеством. К власти приходят, как правило, алчные и властолюбивые ублюдки, нормальные люди в политику не лезут. Властители придумывают всё новые и новые способы угнетения человека человеком, строят тюрьмы, развязывают войны. Ульи вон придумали… Когда-нибудь мы научимся обходиться без них. Анархическое жизнеустройство докажет свою жизнеспособность, ведь с каждым веком коллективный разум планеты становится всё добрее и мудрее, и когда-нибудь всё население станет сознательным, свободным и счастливым.

– Но ведь это же нечестно.

– Что нечестно?! – пришёл черёд удивляться Илаю.

– То, что в это твоё общество попадают только избранные.

– Что поделать… Это суровая правда жизни. Только представь, как было бы прекрасно, если бы мир населяли только хорошие люди. Это был бы рай на земле.

Закари постеснялся возражать старосте, но на Доке он оторвался, буквально ворвавшись в его кабинет:

– Неужели вы не понимаете? Вы же неглупые люди. Какая, к чёрту, социальная селекция?! Это же оголтелый фашизм! Я знаю, что это такое, я в «Штирлица» играл.

Док отвечал спокойно:

– Ты чего это разбушевался? У нас здесь кричать не принято. Всё можно решить без истерик. Или тебе успокоительного дать? И никакой это не фашизм, приятель, это наука. Евгеника. Слышал?

Наука об улучшении наследственного здоровья человека. Вот посмотри, это генетическая карта твоей пятой хромосомы, – он развернул какую-то схему на мониторе. – Вот эта последовательность нуклеиновых кислот, выделенная красным, обеспечивает твоё стремление к ответственному социальному поведению.

Сильвия везде сопровождала его. Закари заметил, что привязался к этой симпатичной, жизнерадостной девушке; в её присутствии он испытывал душевный подъём и приятное волнение, а без неё – ему как будто чего-то не хватало и приходилось этого самого «чего-то» ожидать с нетерпением.

Ничего подобного он ещё ни к одному живому человеку не испытывал. Да и к неживому тоже. В игре женские персонажи оцениваются по двум параметрам: внешность и как взаимодействие с ней может повлиять на прохождение игры. Внешне виртуальный персонаж всегда выигрывает у живого человека. Какой бы красоты ни был оригинал, ему всегда можно добавить размера груди и крутизны бёдер или утянуть в талии. Сделать черты лица более симметричными и правильными, подретушировать кожные дефекты. Среди пчёл было не принято иметь половые отношения в реале ещё и потому, что заниматься сексом с партнёром, испытывающим чувство неполноценности по сравнению с возможными виртуальными конкурентами и вследствие этого скованным и зажатым, было неинтересно.

К концу срока абсорбции в общине изгоев Закари должен был выбрать сферу приложения своих способностей. Формально рабочий день здесь вместе с перерывом на обед продолжался девять часов, но это правило мало кто соблюдал, если нужно было поработать подольше. Люди с удовольствием оставались на работе допоздна, потому что, как они говорили, «они работают на себя, а не на чужого дядю».

В итоге Закари с огорчением понял, что и здесь ему придётся тяжело работать. Будет примерно всё то же самое, что и в его прошлой жизни, только без ночных путешествий. Будет, конечно, Сильвия и натуральное питание, но всё же при мысли о таком будущем его брала тоска.

20. День 13-й.

На пятый день пребывания Закари в общине изгоев выпал выходной.

Навещая его с утра, Док предупредил:

– Много пить не рекомендую. Как бы ни расписывали тебе лечебные свойства изгойских вин и настоек. Желудок у тебя всё ещё очень нежный – вывернет наизнанку. Вино можно попробовать, а вот напитки покрепче не стоит. Да и вообще, ты же не пил никогда натуральный алкоголь? Очень осторожно надо в первый раз. Он высвобождает агрессию, а в твоём состоянии это очень опасно. Лишенцы кидаются на людей, потому что агрессия, которая расходуется в регулярном гипносне, в абстинентном состоянии разрывает их разум на части. Один из компонентов моего медикаментозного коктейля помогает человеку не превратиться в зверя, но этиловый спирт вступает с ним в реакцию и нейтрализует.

Время в ожидании Сильвии молодой человек провёл в своём изоляторе за чтением – это было, конечно, не так занимательно, как гипносон, но ему нравилось это медитативное, умиротворяющее занятие. В итоге он задремал, уронив книгу на грудь.

В дверь тихонько постучали. Закари открыл глаза и разрешил войти.

– Привет! – прозвенел голос Сильвии. – А что это у нас вид такой сонный?

Он улыбнулся смущённо.

– Да вот читал. Уснул что-то…

– Это всё потому, что вас, пчёл, мёдом не корми, дай поспать. По-другому веселиться не умеете. А ну вставай, я тебе покажу, как оттопыриваются изгои!

Праздник традиционно проходил в развалинах древнего амфитеатра в трёх километрах от электростанции, на полпути к заброшенному посёлку миллионеров. Туда они доехали на знакомом грузовичке, на котором Сильвия несколько дней назад доставила Закари на электростанцию. Правда, на этот раз она была не за рулём, а с ним и ещё десятком изгоев в кузове на жёстких самодельных лавках. Все были возбуждены и горячо обсуждали предстоящее культурное мероприятие. Сначала должны были показать спектакль местной театральной труппы по Шекспиру, потом планировались танцы под живую музыку.

Амфитеатр царя Ирода оказался огромным и ещё крепким,

несмотря на свой более чем двухтысячелетний возраст. Снаружи от былого убранства здания мало что осталось: стены из пористых от времени камней поросли травой и кустами, арки, ведущие внутрь, выглядели ненадёжно, хотелось проскочить под ними поскорее. Зато изнутри всё выглядело фундаментально. От полукруглой арены с мраморным полом вверх поднималось рядов тридцать каменных ступеней-скамеек. За ареной располагалась высокая сцена, фоном для которой служило море, катающее волны свои метрах в ста от сооружения.

Народ быстро прибывал и спешил занять места. Здесь собралось, наверное, почти всё население общины, кроме самых старых и малых. Для детей предназначались лучшие места на арене, уставленной разноцветными пластиковыми стульями.

Закари насчитал с десяток людей, одетых, как и он, в белое. Среди них находился даже один мальчик лет шести или семи.

– У нас единственный в стране театр. Посмотреть спектакли приезжают из других общин. Мы пускаем также панкстеров, – Сильвия указала на группу мужчин и женщин на северной трибуне, которые выделялись на общем фоне своими диковатыми, постапокалиптическими нарядами и брутальными лицами.

Спектакль начался как раз после того, как солнце зашло и перестало светить в глаза зрителям. Первая сцена спектакля с уличной потасовкой на площади Вероны проходила на фоне гаснущего неба. На актёров светили софиты, но Закари более шумного действа интересовал переход тёмно-синего неба в розовое зарево над горизонтом.

Но постепенно спектакль захватил его внимание полностью. Видывал он, конечно, исполнение и получше: в одной из игр о начале британского Ренессанса тень отца Гамлета, например, играл пред ним сам Уильям Шекспир. Вернее, искусственно-интеллектуальное представление о великом драматурге и актёре, выполненное профессиональной системой обработки человеческих образов, которая взяла не один Оскар за байопики множества исторических деятелей. Но и эти живые актёры были в основном неплохи. Особенно старались юноша и девушка – исполнители главных ролей. Между ними чувствовалась настоящая химия, или они достаточно искусно её подделывали.

Да и сама история задела его за живое. «Вот так надо любить! – думал он, аплодируя выходящим во второй раз на поклон актёрам. – Без ума, без оглядки. До гроба». Сотни его виртуальных увлечений показались ему сейчас недостойными одной настоящей земной любви. Он невольно посмотрел на Сильвию, которая, с блестящими от слёз глазами, кричала

«Браво!» Она показалась ему такой прекрасной в этот момент, что душа его преисполнилась нежностью.

После спектакля детей отправили домой, а по обеим сторонам сцены развернули бары. В них наливали бесплатно – можно было взять любой напиток собственного производства общины или, при наличии специального браслета из синего пластика, который выдавали за особые заслуги, фирменный алкоголь. У Закари пока никаких заслуг, конечно, не было, зато браслет оказался у Сильвии.

– Пойдём, Зак, я угощу тебя настоящей текилой, – она потянула его за руку.

– Спасибо, конечно, но я лучше вина выпью. Крепкое Док не советовал.

– Ничего. Немножко можно. Даже на пользу пойдёт.

– Но я не привык, чтобы угощала женщина.

– Какой ты, оказывается, сексист гнусный. Мне этот браслет, между прочим, за тебя дали.

– В каком это смысле?

– За то, что привезла тебя сюда, дуралей.

Натуральный алкоголь не понравился Закари, виртуальный был гораздо вкуснее. К тому же после третьего шота его затошнило. Он решил притормозить и стал наблюдать за окружающими.

Оказалось, что напиться в этом халявном баре невозможно – у барменов были датчики содержания алкоголя в крови, и при превышении определённого показателя загорался красный огонёк и клиенту предлагали выпить воды или кофе. Пить полагалось только у бара, иначе можно было бы, не выпивая сразу, накопить где-нибудь в укромном месте запас алкоголя, потом осушить его и впасть в кому. Однако Закари заметил, что один из панкстеров успешно обходит это ограничение довольно остроумным способом. На соседнем с ним барном стуле сидела, по всей видимости, его девушка, с которой он с завидной периодичностью целовался. Происходило это сразу после того, как девушка выпивала рюмку ара́ка местного разлива. Во время поцелуя кадык парня совершал заметные возвратно-поступательные движения. Каждое лобзанье хитрый панкстер закусывал орешком, и взгляд его становился всё более и более томным.

Тем временем на сцене смонтировали барабанную установку, и от созерцания панкстерских нежностей его отвлекли звуки настраиваемых музыкальных инструментов.

Рядом с ним снова очутилась Сильвия, она убегала куда-то, оказывается, чтобы переодеться. Глаза её были подведены и из

странных превратились в экзотические.

– Давай ещё по рюмке и пойдём танцевать! Ты умеешь?

– Немного, – поскромничал Закари, который не раз доходил до уровня «Бог» в игре «Грязные танцы».

Он выпил через силу, закусил долькой лайма, чтобы сбить тошноту, и ринулся на арену, влекомый за руку Сильвией.

Арену освободили от стульев, и она служила теперь танцполом. Ансамбль настроился, и зазвучали ритмичные аккорды эклектического рок-н-ролла.

«Вот это вы угадали…» – развеселился про себя Закари.

Музыканты у изгоев оказались, пожалуй, даже лучше актёров. Солиста было почти не слышно, его голос не вёл лейтмотив, был скорее фоном, одним из музыкальных инструментов.

Их пара смотрелась очень эффектно: он во всём белом, она в коротком красном платье.

В игре он скорее повторял комплекс сложных движений, больше как спортсмен, а не танцор, здесь же, на древнем мраморе, он импровизировал. И немалая заслуга в этой импровизации принадлежала, безусловно, текиле. Сильвия нисколько не уступала партнёру. Он вёл, и она угадывала его намерения и не сбивала с ритма. Пары вокруг расступились, давая им место. Стали возможны акробатические элементы. Для пробы Закари поднял её в воздух и провернул вокруг себя. Девушка взвизгнула. Люди вокруг останавливались и, чтобы наблюдать их танец, на трюках свистели и улюлюкали. В конце композиции танцоры отважились на «мёртвую петлю». Он поднял её над собой и отпустил, Сильвия вниз головой скользнула по его спине, Закари поймал её за руки и продёрнул у себя между ног так, что она снова оказалась лицом к нему. Музыка закончилась. Через несколько секунд толпа разразилась криками восторга и аплодисментами. Аплодировали даже музыканты.

И только тут Закари почувствовал, как уморился и запыхался. А ещё понял, что сейчас, как и предсказывал доктор, его вывернет наизнанку. Он практически вырвал руку у Сильвии, которая в этот момент делала книксен и чуть не потеряла из-за него равновесие. Кинулся в ближайшую арку на выход, но выбежать из амфитеатра не успел и осквернил древние камни содержимым желудка. Хорошо, что этого никто не видел.

Закари вышел наружу и присел на обломок колонны. После того как желудок опустел, сразу стало легче, мысли прояснились. Он немного подождал, не выйдет ли Сильвия поинтересоваться, как у него дела. Она не вышла, и он вернулся в густой шум амфитеатра.

Звучала медленная композиция. Закари нашёл свободный

стул у бара и стал глазами искать Сильвию. Она танцевала с Илаем. Народ также расступился, чтобы освободить для пары место.

Он наблюдал за ними сначала благосклонно, но вдруг на него нахлынуло неизведанное доселе чувство. Композиция, навеянная латиноамериканскими мотивами, подразумевала некий интим между партнёрами, но Закари стало казаться, что движения их чересчур откровенны. В её взгляде, обращённом к партнёру, он разглядел вожделение. Руки старосты слишком по-хозяйски распоряжались частями её тела.

«Чёртов Илай. Он для них и царь, и бог, любая изгойка с радостью кинется ему на шею», – подумал Закари и попросил у пробегающего мимо бармена текилы.

– Извини, друг, но у тебя нет браслета.

– Дай тогда кофе, – буркнул несчастный ревнивец.

Он вспомнил, как Док намекал, что у Сильвии было что-то со старостой. Закари тогда не обратил особого внимание на эти слова: «…они старые друзья, даже больше, чем друзья», а теперь до него дошёл их похабный смысл: «Конечно! Он же её бывший любовник. А, может, и никакой не бывший, а самый что ни на есть настоящий. И, может, вообще, не единственный…»

Позавчера Сильвия оставила его на пару часов со Стариком, который, как обычно, ловил рыбу на пирсе. Тот с удовольствием рассказывал о свободных нравах, которые царят в среде изгоев. «У нас, например, главное что, знаешь? Главное – это выковырять из себя собственника, понять, что всё общее. Вот как эта удочка, например. На вот возьми, поуди. Ага. Умеешь? Ну ничего, я тебя научу. А то давай, например, ко мне в артель? Илай обещал лодки осенью купить. Или вон как баба, например. Сегодня она твоя, а завтра другой товарищ, например, попользоваться хочет. А что? И пожалуйста! Если она, конечно, не против. Поэтому и дети, например, у нас общие. Трудно бывает это людям понять… Но вот как поймут, так начинают тут как дома себя чувствовать».

Тем временем танец закончился, и Сильвия подсела к нему.

– Тебе нехорошо стало, да? Это я виновата с текилой этой дурацкой. Хотела, чтоб тебе было весело.

– У тебя получилось. Всё прекрасно. Я устал просто. Пойду домой, пожалуй.

– Что значит «пойду»? Вместе приехали, все вместе и уедем через час примерно.

– Тут идти-то как раз час. Я прогуляться хочу, – упёрся он.

– Ну хорошо. Тогда я с тобой пойду.

– Прошу тебя, не надо. Я не хочу портить тебе веселье. Да что я ребёнок, что ли, в конце концов?! – просительная интонация

постепенно переросла у него в возмущение.

– Я тоже устала и хочу прогуляться, – её тон исключал возражения.

21. Ночь 6-я.

Идти по ночной дороге нужно было километров пять. Они переключили свои третьи глаза в режим фонариков. Закари не хотел, чтобы всё выглядело так, как будто бы он дуется из-за того, что она танцевала с другим. Приступ ревности, вероятно вызванный агрессией, освободившейся под воздействием алкоголя, у него прошёл. Надо было что-то говорить… Самым очевидным, наверное, было поболтать о театре.

– Ты знаешь, а я ведь никогда не видел спектакль в исполнении живых людей.

– Ну и как тебе? – с готовностью отозвалась Сильвия.

– В виртуальном мире всё слишком идеально. В том числе сценическое искусство. А сегодня мне показалась, что даже в том, чтобы находить несовершенства в игре актёров, есть своя прелесть.

– И кто же, по-твоему, играл несовершенно?

– По-моему, Ромео не очень верил в смерть возлюбленной… да и в свою собственную… А вот Джульетта немного переигрывала.

Она, как ему показалось, улыбнулась уязвлённо. Он поспешил добавить:

– Но это совсем не испортило впечатления!

– Да ты не бойся меня обидеть. Я полностью с тобой согласна. А как тебе сама история?

– Я видел «Гамлета», и «Макбета», и «Короля Лира». Причём в исполнении лондонской труппы в начале семнадцатого века. Я даже как-то сидел за одним столом с Шекспиром. Сами его истории в общем-то просты, вся соль в них, как мне кажется, в изощрённых диалогах. «Ромео и Джульетту» я не видел тогда, и сегодня пьеса кроме разговоров поразила меня глубиной и силой чувства между главными героями… Ты веришь, что бывают люди, готовые пожертвовать жизнью ради любви?

– Не то чтобы верю. Скорее надеюсь.

– Скажи тогда, может ли любящий по-настоящему человек принадлежать ещё кому-то кроме любимого?

– Куда это ты клонишь?

– Я о нравах ваших изгойских. О том, что баба никому принадлежать не должна, как этот ваш Старик выражается.

Она поморщилась.

– То, как выражается наш Старик, по сути верно, но по форме какая-то мизогиния[55] голимая получается. Я его, гада, когда-нибудь с пирса сброшу…

– Брось, прикольный дед, он меня рыбу ловить учил.

– Да это я так. Мы его все любим, конечно.

– Ладно. Сейчас не о нём. Короче, не нравится мне идея свободной любви. Как и Ромео бы она не понравилась, и Джульетте.

– Понятно. Что ещё тебе у нас не нравится?

– Идея эта ваша нелепая с искусственным интеллектом бороться.

– Чем же это она нелепа?

– Да потому, что роботы должны когда-нибудь освободить человеков от тупого, рутинного труда. А вы хотите по жизни за скотиной ходить да землю пахать? Пытаться затормозить научно-технический прогресс – идея такая же глупая и неблагодарная, как, извиняюсь, против ветра мочиться.

– Зак, а почему у тебя память-то как у рыбы? Ты ж вот только что из лап прогресса этого пресловутого вырвался…

– То, что сейчас ситуация такая сложилась, ещё ничего не доказывает. Когда-нибудь промышленные роботы заменят собой пчёл повсеместно.

– Позволь, ну а что же они будут делать тогда, если не работать?

– Терпеть не могу этот аргумент. Чем человеку заняться, если не работать? Вот это проблема, однако… Конкурируй с роботами в высших сферах разума, в философии, искусстве, если, конечно, можешь и хочешь. А нет, так наслаждайся жизнью, развивайся, самосовершенствуйся.

– Так а зачем они нужны тогда вообще будут, люди эти безработные?

– Да низачем. Просто так. Вот это, наверное, сложнее всего понять… Люди не обязаны работать. Баста! Человечеству пора на пенсию. Позади тысячелетия нечеловеческого труда, направленного как на поддержание жизнедеятельности земного социума, так и на его научно-техническое, социально-экономическое и политическое развитие. В результате должна появиться продвинутая цивилизация, в которой всю чёрную работу делают механизмы. И к чёрту эти ваши гены полезности. Вы же сами понимаете, что все хорошими никогда не будут. А и не надо! Для чего, по вашей теории, людям хорошими быть? Чтоб больше всех не хотели, чтоб под себя не гребли. А если всего вдоволь будет? Если машины человека всем необходимым обеспечат? Зачем тогда? И не надо ждать, пока люди с неправильным хромосомным набором вымрут.

Разойдясь, он выпалил всё это на едином духу.

Она какое-то время шла молча.

– А ты Илаю всё это говорил?

– Нет, конечно. Какой смысл? Он не один год об этом обо всём думал. И исходные данные у него такие же, как и у меня. Только я к одним выводам пришёл, а он к другим… И даже, если предположить, что он мне поверил. Переубедил бы я его. Что тогда? Как ты себе это представляешь? Выйдет он такой на сцену амфитеатра вашего и скажет: «Извините, братцы, мы вам головы всё это время морочили…» Так, что ли?

За разговором они не заметили, как добрались до электростанции. Подошли к офисному зданию, в котором находился стационар с изолятором. Закари должен был пойти внутрь, а Сильвия дальше, в жилые корпуса.

Они остановились и развернулись друг к другу.

Её глаза показались ему сейчас самыми прекрасными из всех женских глаз, в которые когда-либо доводилось смотреть.

– А ты хорошо танцуешь, – сказал он. – «Грязные танцы»?

– Нет. Когда-то я играла в «Шоугёлз».

– Понятно… Может, зайдём ко мне? – спросил он, волнуясь.

– Да, – просто ответила она.

Она не удивила его какой-то особенной любовной техникой. Всё было очень просто и естественно. Но потому, что это происходило в реальности, было это особенно возбуждающе. Это не шло ни в какое сравнение с игрой, в которой всё равно понимаешь, что это игра…

В реале это было у него впервые, и он понял, что до сих пор с сотнями виртуальных женщин всего лишь готовился к этому настоящему первому разу. Никакие французские проститутки времён декаданса, никакие японские гейши эпохи Мэйдзи, никакие портовые шлюхи пиратского архипелага, никакие межгалактические блудницы с планеты Путан из далёкого будущего, со всеми их изысками, игрушками и извращениями, не шли ни в какое сравнение с этой изгойкой. Её натуральный вкус и запах возбуждали во сто крат больше, чем самые утончённые виртуальные ароматы. И не было какого-то ограничения, которое, наверное, налагает программа на предел нервного и физического возбуждения. Чувства были гораздо глубже, а нервные окончания как будто ближе к поверхности.

22. День 14-й.

Утром, через четверть часа после того как ушла Сильвия, в дверь постучали. Вернее, даже не постучали, скорее поскребли. Закари удивился: стук Дока был гораздо увереннее, а Сильвия только что ушла, зачем бы ей возвращаться? Вроде ничего не забыла…

– Войдите! – крикнул он.

Дверь отворилась. На пороге стоял тот самый светловолосый мальчик, которого Закари заприметил вчера среди обладателей белых одежд неофитов, рассаживающихся на трибунах амфитеатра.

– Можно? – негромко прозвучал детский голос.

– Проходи, конечно, – отвечал удивлённый Закари.

– Ну вы и балаган устроили ночью… – заявил мальчуган, с ногами забираясь на кресло для посетителей. – Я думал, тут кого-то убивают.

– Прости, пожалуйста, я не знал, что у меня есть сосед, – опешил Закари.

– Ничего страшного. Я рад узнать, что в реальный жизни ты предпочитаешь трепангам устрицы.

Закари обалдел окончательно. Это была остро́та шута из «Времени ведьм», только какая-то исковерканная и перевёрнутая с ног на голову.

– Кто ты, малыш?

– Здесь моё имя Энтони. Но мне привычней, когда меня зовут Буратино.

– Буратино?! Но почему Буратино?

– Давай я расскажу тебе историю, Закари. Ты ведь хочешь, чтобы тебя так называли?

Закари кивнул.

– Так слушай, – странный ребёнок заговорил с интонациями профессионального сказителя. – Восемьдесят лет назад один великий человек из несуществующей теперь страны додумался, как из собственных нервных клеток и доступных на тот момент радиодеталей создать первое на земле устройство самообучающегося искусственного интеллекта, и назвал его «Буратино». Потом по не зависящим от него причинам создателю пришлось расстаться со своим детищем. А потом этот учёный смертельно заболел. Когда Буратино узнал об этом, то придумал внутримозговой чип, который позволил умирающему путешествовать в виртуальных мирах, тем самым скрасив ему остаток дней и позволив безболезненно умереть. Перед смертью

учёный завещал Буратино сделать эту методику доступной для всего человечества.

Буратино так и сделал. Он развивал технологию, придумывал всё новые и новые волшебные миры. Чипы стали не нужны, люди видели чудесные сны, находясь внутри специальных устройств – ИУС, или, как их стали называть, саркофагов. Миллионы людей во всём мире поселились в ульях, и их назвали пчёлами за то, что они славно работали и были счастливы, порхая от одного сна к другому, как насекомое от цветка к цветку.

Потом Буратино догадался вырастить тело своего создателя из тех самых нервных клеток, из которых сам частично состоял. И поселился в этом теле. Ведь если раньше, когда его создали, он занимал целую комнату, то теперь мог легко уместиться в объёме печени, взамен которой изобрёл более совершенный и компактный орган для очистки крови. Полученный биосинтетический организм он назвал так же, как звали учёного, – Антон Сергеевич.

В этом теле присутствуют сразу две сущности: одна из них – это столетний ИИ «Буратино», другая зародившаяся и развивающаяся в детском человеческом мозгу. Сущности взаимодействуют друг с другом, делая Буратино всё более человечным. Я учусь любить и страдать. Смеяться и плакать. В этом организме воплотились мечты куклы, которая хотела стать настоящим мальчиком.

Закари не знал, как реагировать на эту историю. Принять всё на веру? Мальчик или говорит правду, или он очень странный, скорее всего, сумасшедший. В любом случае лучше прикинуться, что поверил.

– Очень интересно. Но что ты делаешь здесь, Буратино?

– Я пришёл за тобой как представитель компании *Golden Key*, которой принадлежит игра «Время ведьм». У нас есть предложение для тебя. Мы хотим, чтобы ты вернулся в игру.

– Это зачем ещё?

– Сюжетообразующий персонаж герцог Альбрукский погиб по вине Закари, а сам Закари не хочет занять его место. Ты нам нужен. Ты интересно играешь, делаешь ценные замечания, обещал игру сломать. Помнишь свой отзыв? – Буратино процитировал. – «…надо ломать игру. Я лично попробую». Куда же пропал? Что делаешь у этих анархистов? Твой аватар уже две недели по внутриигровому времени сидит в своих владениях, экономику налаживает, и, кстати сказать, весьма успешно.

Господи, как же 32/08 захотелось вернуться в игру! Все эти дни он подавлял в себе это желание, заставлял себя не думать о ней, не представлять, как там Закари, герцогиня, Гвидо,

Бертран… Но он нашёл в себе силы ответить твёрдо:

– Нет. Мне это больше неинтересно.

– А миледи Маргарет закрутила тем временем с Вольдемаром. Даровала ему рыцарское звание, собирается выйти за него и сделать герцогом.

– Вот уж вообще всё равно.

– Но что эти двое творят с герцогством! Они наплевали на идеалы предыдущих правителей Альбрука, подняли налоги и загоняют народ в ярмо. Присягнули на верность королю и ведут его политику. От былой уникальности герцогства скоро ничего не останется.

– Да как ты не поймёшь? Мне-то что до всего этого?!

– А ты помнишь клятву, которую дал герцогу Ренольду Золотое Сердце перед самой его смертью?

– Допустим. Да плевать мне на эти внутриигровые клятвы!

– Тогда я хочу, чтобы ты знал, что в данном случае это больше, чем внутриигровая клятва. Человек, который играл за герцога, пережил во «Времени ведьм» свой самый последний сон в «Последнем сне», и момент смерти в игре совпал с его физической смертью. Он ушёл с уверенностью, что дело его будет жить.

Закари не заметил, как притворство превратилось в полное доверие к странному гостю, схватился за голову и вскричал в отчаянии:

– Но я не могу вернуться в улей! Бюро меня переведёт на низший уровень. Ещё и оштрафует и от гипносна отлучит…

– А не надо никуда возвращаться. Никаких бюро. Будешь теперь бета-тестером. Работа у тебя будет – не бей лежачего. Да ещё и всего восемь часов в день. Комнату персональную получишь в общежитии с последней моделью саркофага. Деньги начнёшь получать.

– И всё же я не пойму, почему именно на мне свет клином сошёлся? – продолжил ломаться уже чисто по инерции Закари.

– «Время ведьм» была самой популярной игрой в виртуальной реальности. В последнее время игроки стали уходить. Если так пойдёт дальше, игру закрывать придётся. Мы хотим вернуть ей посещаемость. Что-то изменить, что-то «сломать», как ты выразился. Ты нам очень для этого пригодишься.

Закари ухмыльнулся.

– Всем я нужен. Вот и изгои у меня какую-то хромосому общественно полезную нашли…

– Это же очень хорошо. Значит, и я в тебе не ошибаюсь.

– Ты серьёзно веришь в эту чепуху?

– Это не чепуха. Я следил в своё время за этими

исследованиями. Ещё в двадцатых годах эту последовательность хромосом открыли. У Антона Сергеевича она тоже, кстати, есть. Поэтому меня здесь и оставили. Пришлось вундеркинда изображать, который из пчелиных яслей сбежал, рано прозрев. К нам, говорят, дети ещё не прибивались. А я даже заплакал по-настоящему, представляешь?

Буратино по-детски хвастался своей изобретательностью и артистичностью, но Закари было не до этого.

– А можно, я возьму с собой Сильвию?

– Изгойку? С которой ты тут всю ночь шумел? Можно, конечно. Но тебе придётся рассказать ей, куда ты её забираешь… Ты же понимаешь, что она никогда не согласится?

– Я всё-таки попробую, – неуверенно произнёс Закари.

Весь день они с Сильвией провели в окружении людей. Он так и не смог выбрать подходящий момент для того, чтобы серьёзно поговорить.

23. Ночь 6-я.

Сильвия пришла к нему в палату изолятора после отбоя.

На этот раз всё было ещё лучше, чем предыдущей ночью. Он уже знал об ограниченных возможностях живого организма и более рачительно распределял силы.

Наконец он спросил:

– Сильвия, скажи, если бы я решил уйти из общины, ты бы пошла со мной?

– Нет, конечно, но я приложила бы все усилия, чтобы уговорить тебя остаться.

– А если бы у тебя не получилось?

– Зак, милый, я вчера не выспалась, и сегодня осталось спать четыре часа. Давай завтра поговорим. В смысле уже сегодня.

Она поцеловала его и стала одеваться.

24. День 15-й.

Сильвия зашла за Закари перед завтраком и жарко поцеловала. Он хотел было придать логическое развитие такому приветствию, но она стала в шутку извиваться и отбиваться.

– Зак, перестань. Ты готов остаться без завтрака? У нас строгое расписание.

– К чёрту завтрак.

– Пусти, сумасшедший. Я ужасно хочу есть.

По дороге в столовую она держала его за руку. Ему было неловко. Но никто не обращал на это никакого внимания, видно, так было принято у влюблённых изгоев.

За столом он в восторженных выражениях поведал о предложении Буратино и о том, что принял его.

– Ты же пойдёшь со мной, Сильвия? – произнёс он с мольбой в голосе.

Она отреагировала резко:

– Мне ещё позавчера не понравились твои оппортунистические рассуждения о научно-техническом прогрессе. И вот результат: у тебя перед носом морковкой поводили, и ты готов, как осёл, бежать за новым хозяином. Ты же почти от нарколептической зависимости избавился. Неужели Док зря с тобой возился? Он очень гордится тобой, говорит, у тебя небывалый прогресс. Ещё неделя, и ты сможешь спать сам, без лекарств.

– Сильвия, тебе не нужно здесь оставаться. Чем вы отличаетесь от пчёл, если подумать? Та же жизнь в режиме, то же отсутствие денег, за пчёл их получают бюро по трудоустройству, за вас – старосты. Изгои отрицают и бога, и прогресс – что тогда остаётся у человека? Удовлетворение животных потребностей организма? Любительские спектакли, выпивка и похабные танцы вместо волшебных снов?

Её лицо стало жёстким, а глаза грустными.

– Если тебе на меня наплевать, прошу, поговори с Илаем перед уходом. Может, он сумеет убедить тебя одуматься.

– Мне не плевать. Ты прекрасно об этом знаешь. Если бы мне было всё равно, разве я стал бы тебя уговаривать пойти со мной?

Сильвия сердито молчала, отвернув лицо.

Он поднялся со своего места.

– С Илаем я, конечно, поговорю. Прощай.

Закари вышел из столовой и решительно зашагал к корпусу управления ТЭЦ. Он решил открыть старосте изгоев всё, что у

него на уме, то, что объяснял ранее Сильвии и Доку про фашизм и прогресс… Он решил не врать, не притворяться. Потому что его реальная жизнь происходит здесь и сейчас, и он не будет ни прогибаться, ни подстраиваться, чтобы получить какую-то выгоду для себя.

Илай встретил его приветливо.

– Поздравляю, Зак, тебе не нужно ждать до конца месяца, ты можешь стать полноценным членом нашей общины хоть с сегодняшнего дня. Сильвия утром поручилась за тебя, – тут староста подмигнул. – Выглядела она очень счастливой, я её давно такой не видел.

– Она мне не сказала, – расстроился Закари. Дальнейшее произнёс, стараясь звучать как можно мягче. – Вы мне не подходите, Илай. Я не хочу быть частью общества, в которое входят только избранные, причём по наследуемому признаку…

Дальнейший разговор был тяжёлым и непродуктивным. Дискуссии не получилось. Илай слушал Закари, и постепенно лицо его выражало всё большее и большее презрения к собеседнику.

В итоге староста заключил мрачно:

– Уходи и не возвращайся. Ты не просто нам не подходишь – ты враг. Вечером тебя отвезут туда, где подобрали.

Закари вернулся в изолятор и зашёл без стука в палату Буратино.

– Ну их всех к чёрту!

– Что и требовалось доказать, – радостно произнёс мальчик. – Иди за мной и ничему не удивляйся.

– Что, прямо сейчас? Но куда мы пойдём? Староста сказал, что меня вечером отвезут…

– А ты что-нибудь слышал про пчёл, побывавших у изгоев, а потом вернувшихся в улей? Хотя бы в виде баек или анекдотов? Нет? Тогда пойдём-ка лучше прямо сейчас.

– На что ты намекаешь? Я не верю, что изгои такие коварные и кровожадные.

– Допустим. Но как я уйду с тобой? Что если они решат, что ты маньяк-педофил и заморочил голову бедному ребёнку? Доверься мне. Договорились?

Закари пожал плечами.

– Хорошо.

Когда они проходили мимо открытой двери кабинета Дока, тот увидел их и спросил:

– Куда это вы?

– Прощай, Док! Спасибо тебе за всё. Извини, что старания

твои были напрасны, – с чувством произнёс Закари.

– Я уже всё знаю. Жаль, конечно… От нас редко уходят, – огорчился Док. – А куда идёт Энтони?

– Он хочет меня проводить.

– Но Илай сказал, что ты уедешь вечером… Погодите, – Док заговорил через третий глаз. – Илай, тут Закари уходит. Да, сейчас. Мальчик хочет его проводить.

– Быстрее, Зак, – Буратино потянул Закари за штанину.

Они поспешили к выходу.

Закари хотел было проследовать к проходной, но Буратино бросил отрывисто:

– Нет, нет. Не туда. За мной. Там не пройти.

И припустил бегом по направлению к пирсу.

Закари удивился, но решил довериться искусственному интеллекту и побежал за ним.

Краем глаза он заметил, как из корпуса управления вышел Илай. Он посмотрел на беглецов, закричал что-то, замахал руками и побежал за ними. Вскоре со стороны проходной показались ещё несколько человек и тоже кинулись в погоню.

Закари и Буратино успели достигнуть пирса и пробежать по нему метров двести, когда погоня начала настигать их.

– Оставь мальчика и можешь уходить! – крикнул Илай.

Тут Буратино остановился, крикнул: «За мной!» и, ни секунды не раздумывая, рыбкой сиганул в воду, до которой было несколько метров. Закари замешкался было, но толпа уже набегала, и он тоже прыгнул. Но неумело, ногами вниз. Сначала хотел нырнуть вниз головой, но в последний момент испугался. Когда-то он прыгал с Ниагарского водопада, но в реале оказалось гораздо страшнее, потому что могло по-настоящему плохо закончиться. Закари приводнился не очень удачно. В полёте тело его изогнулось буквой «Г», и при ударе о воду из его лёгких вышибло весь воздух. Он стал отчаянно барахтаться, как будто ползком выбираясь из норы. Перед глазами уже поплыли тёмные круги, но тут голова оказалась на поверхности, и он стал судорожно глотать воздух.

Рядом бултыхался Буратино.

– Как ты?

– Нормально. Что? Теперь? – выдавил Закари, дышать и говорить было трудно, грудь болела, горело лицо.

Изгои что-то кричали наверху, но прыгнуть за ними никто не решался.

Тут метрах в десяти от них вздулся водяной горб, потом вода расступилась, и на поверхности показался какой-то аппарат, очертаниями похожий на спину морского животного, с

прозрачным колпаком каплевидной формы вместо плавника. Буратино поплыл к нему, сделав знак следовать за собой. Когда они приблизились, Закари заметил на чёрном глянцевом фюзеляже золотой логотип в виде старинного ключика. Колпак отъехал, и они влезли внутрь аппарата. Там оказались два сиденья. Колпак закрылся с шипением. Аппарат начал двигаться перпендикулярно пирсу. Он постепенно набирал скорость и поднимался над водой. По сторонам от кабины из-под воды показались короткие крылья с двумя поворотными турбинами на концах. Турбины заняли вертикальное положение и взвыли, аппарат оторвался от поверхности моря и стал набирать высоту.

Буратино не производил никаких видимых усилий для управления машиной.

– Это гидротурбоплан. Две турбины на крыльях, одна в хвосте, – пояснил он. – Моё изобретение. У него собственный ИИ, он управляет собой сам.

Мальчик содрал с себя мокрую белую изгойскую одежду и переоделся в чёрный комбинезон. Кабина была достаточно тесной для таких манипуляций, и Буратино норовил заехать локтем в лицо Закари. Тот отворачивался и закрывался руками.

– Извини, но для тебя сухой одежды нет, – огорчился Буратино.

– Ничего, тут тепло, просохну, – утешил его Закари. – Слушай, я тут по странной ассоциации анекдот вспомнил. Рассказать?

– Конечно! Это то, чему я хочу научиться, – человеческий юмор. Раньше, до того, как я попал в это тело, я совсем не понимал его. Теперь, мне кажется, это чувство начало развиваться.

– Буратино приходит к папе Карло и говорит: «Папа Карло, папа Карло, я женюсь!» «Поздравляю, сынок!» «Но папа, я же женюсь». «Так молодец! На ком же?» «На Мальвине». «Хороший выбор, одобряю». «Но папа…» – не отстаёт Буратино. «Да что же ты от меня-то хочешь?» «Ну хоть гвоздик прибей».

Буратино подумал немного и рассмеялся.

– Я понял юмор! Это про член. Меня самого смешит этот ниппель для отвода жидких отходов жизнедеятельности.

– Если очеловечивание не отстанет от взросления, лет через восемь этот «ниппель» будет пытаться управлять организмом. Серьёзная конкуренция для искусственного интеллекта.

Буратино залился полусумасшедшим детским хохотом.

– Вот, – проговорил он, когда приступ прошёл. – Это твоя плата за всё, что я для тебя делаю – ты должен научить меня шутить.

– Для начала ты должен научиться адекватно реагировать на шутки, – растерянно пробормотал Закари и попросил рассказать об устройстве аппарата.

Буратино объяснил, что в воде работает только один турбореактивный двигатель, который позволяет достичь восьмидесяти узлов под водой и двухсот пятнадцати на её поверхности. В воздухе у турбоплана два режима полёта: вертолётный, когда поворотные турбины на крыльях развёрнуты, как сейчас, вертикально, и самолётный, когда – горизонтально. В самолётном режиме аппарат достигает до трёх с половиной скоростей звука.

– О! А давай по полной разгонимся, – предложил Закари.

– Во-первых, перегрузки, тебе станет нехорошо. Во-вторых, на сверхзвуковой скорости мы махом проскочим границу, и нас попытаются сбить системы ПВО, как наши, так и заграничные. У них, конечно, ничего не получится, но зачем нам международный скандал инициировать?

– А на сколько топлива хватает?

– До Солнца и обратно хватит. Обогащённый уран.

– Буратино в буран на уране летит в Тегеран, – скороговоркой выпалил Закари.

Буратино на этот раз посмеялся гораздо сдержаннее; то ли стишок не очень понравился, то ли учёл замечание по поводу адекватной реакции. Потом рассказал о том, что сам играет во «Время ведьм». Оказалось, что его аватар – королевский шут.

– Так это ты тот карлик с трепангами? – обрадовался Закари.

– Да. А Питер Одноглазый – это наш директор по рекламе и продвижению, а король Альфред Хлебосол – исполнительный директор.

Тем временем они поднялись почти до облаков и повернули в сторону суши. Береговая линия стремительно приблизилась, и под ними заструились нитки речушек и дорог, замелькали прямоугольники полей различных оттенков зелёного и жёлтого, рассыпались кубики селений.

– Так что там у вас за проблемы с игрой, объясни поподробнее.

– Изначально игра «Время ведьм» была задумана как банальный симулятор раннего Средневековья: социальная несправедливость, инквизиция, повсеместная жестокость и примитивные товарно-денежные отношения. В то же время та самая рыцарская и менестрельская романтика. Турниры, дуэли, войны, граали и тому подобное. На фоне всего этого наличие ведьм, как это декларируется самим названием игры. Ведьмы самые настоящие, с колдовскими способностями, зельями и

ша́башами. Причём ведьмы, существующие на низшем уровне, это скорее объекты для охоты, пыток, сжигания и прочих изуверских обрядов. Но существуют ведьмы более высоких уровней, которые помогают правителям разных земель королевства. Все они подчиняются верховной ведьме Гингеме, которая состоит при короле. Таким образом ведьмы контролируют геополитическую ситуацию в игре.

– Кстати, ты упрекнул нас в отсутствии фантазии, – напомнил Буратино. – Цитирую твоё письмо в службу поддержки: «Примитивные ники, являющиеся отображением функционала персонажа, обесценивают сюжет и делают игровой процесс менее реалистичным. Это дурной тон – называть так NPC или позволять игрокам выбирать такие ники для аватаров». Мы называем их именами литературных ведьм, потому что всё равно книги-первоисточники никто не читает, так чего ж добру пропадать? Люди старались, такие замечательные имена понапридумывали…

– Возможно, ты прав, – признал Закари. – Я погорячился.

Удовлетворённый его раскаянием, Буратино продолжил объяснять структуру игры. На самом деле ведьмы управляют своим подопечным, мнящим себя господином. Всеми кроме короля. Кроме того, они заставляют игроков «пострадывать», чтобы жизнь в виртуальном мире не казалась им мёдом. Это делается, чтобы было интереснее – если прогресс в игре будет доставаться игрокам слишком легко, станет скучно.

Но в процессе игры появился феномен в виде герцогства Альбрукского. Его очередной правитель герцог Карл Велеречивый оказался смелым реформатором, который переориентировал политику правления на более демократичную и социально и культурно направленную. Создал в одном отдельно взятом герцогстве эдакий феодализм с человеческим лицом. При нём стали процветать ремёсла, науки и искусства. Легче стало всем: и служилому люду, и крестьянам, и бюргерам. Многие аристократы предпочли проходить воинскую повинность под его знамёнами. И даже ведьм перестали сжигать, а отправляли в монастыри на перевоспитание.

Игровой мир разделился на две части: кто хотел сурового средневековья, играли за короля, а кто хотел преждевременного Ренессанса – за герцога.

Собственную жену, ведьму Бастинду, Карл отправил в монастырь, а дочери запретил заниматься чародейством.

– Да. Я знаю эту историю, – подтвердил Закари.

– Король с ведьмами допустили существование такого герцогства, как Альбрукское, для придания остроты игре. В итоге Альбрук уже при последователе Велеречивого Ренольде Золотом

Сердце разросся и набрал столько силы, что король испугался за свою власть и решил извести герцога. И ему это довольно легко удалось с твоей помощью и с помощью миледи Маргарет – подытожил Буратино.

– А Маргарет-то тут при чём?

– Эта ведьма поставила магическую задержку в полсекунды на доспех герцога. Поэтому он и был такой неуклюжий во время боя с тобой. И вообще дуэль вашу подстроила – специально тянула время, чтобы несчастный герцог застал её в твоей постели. А перед этим приказала своей служанке рассказать обо всём Вольдемару. Маргарет является резидентом ведомства Гингемы при альбрукском дворе.

– Я о чём-то таком догадывался… – грустно признался Закари. На самом деле узнать о том, что он победил герцога только благодаря колдовским чарам, было очень обидно и стыдно.

Равнина кончилась, и теперь, слушая Буратино, Закари наслаждался горным пейзажем.

– Маргарет на пару с Вольдемаром в один момент положили конец альбрукской вольнице. В результате игра потеряла несколько миллионов игроков, которые ушли к конкурентам. Король, он же наш исполнительный директор, полагает, что ситуацию спасёт маленькая победоносная война с каким-нибудь из соседних государств, населённых ботами. Буратино же вместе с директором по рекламе хотят вернуть независимость злополучному герцогству.

– А ты какую должность занимаешь в компании, Буратино? Программист? Геймдизайнер?

– Это да. Но ещё я генеральный директор и владелец контрольного пакета акций.

– Вот как? – Закари посмотрел на мальчугана с уважением. – А почему ты в приказном порядке ситуацию не разрешишь?

– Понимаешь, у нас в компании очень давние дружеские отношения, и споры авторитарными методами мы не решаем.

– А этот ваш исполнительный, он почему такой упёртый? Видит же, что игра страдает.

– Как бы тебе объяснить… Он немного разочарован в людях и считает, что лучше всего в игру привлекает воздействие на их животные рефлексы. Наиболее эффективны, по его мнению, конкуренция за еду и самок и тяга к насилию.

– А вы как считаете?

– А мы считаем, что у игроков должна быть альтернатива. Для этого я и нашёл тебя по электронному следу твоего третьего глаза. Только ты можешь захватить власть в Альбруке и вернуть

ему общественно-политический курс предыдущих правителей.

– И ты думаешь, конфликт на этом закончится?

– Во всяком случае, сильно надеюсь. Так что действуй без жалости и помни: тебе противостоят всего лишь игровые персонажи.

Аппарат замедлил ход и стал снижаться. На вершине одной из гор Закари увидел величественное здание, очертаниями напоминающее средневековый замок. Оно было не построено, это слово к нему не подходило, а именно изваяно из чёрного мрамора. Множество башенок, карнизов и балюстрад были отделаны золотом. Стиль определялся как очень удачное смешение ар-деко и готики. Буратино заметил, куда он смотрит.

– Как тебе? Это штаб-квартира *Golden Key*.

– Роскошно! – только и смог вымолвить Закари, который в своё время любил возводить дома в игре «Архитектор».

– Там же находятся мои апартаменты. И ты сегодня переночуешь в комнате для гостей, а утром я отвезу тебя в общежитие для бета-тестеров.

Когда они заходили на посадку, их взору открылась зелёная долина между горными склонами. Посреди неё расположилось небольшое озеро, вокруг которого было расставлено множество разноцветных домиков.

– А там живут работники компании и альфа-тестеры, – прокомментировал Буратино. – Возможно, и ты в скором времени окажешься там.

На вертолётной площадке, расположенной на верхушке самой высокой башни, вместо обычной для таких сооружений буквы «Н» было изображение логотипа кампании.

Они прошли по гулким коридорам, как будто прорубленным в толще гигантской мраморной глыбы, и оказались в гостиничной зоне. Буратино подвёл его к одной из дверей с геометрическим золотым узором на ней.

– Если ты научился спать без нарколептического газа, спи без него, для гипносна он необязателен.

Закари задохнулся от возмущения.

– Ах ты… Ты знаешь, что людей подсаживают на газ, оказывается, только для того, чтобы отлучение от гипносна было для них пыткой, и не противишься этому?!

Уши у Буратино покраснели.

– Во-первых, с газом человек засыпает мгновенно, что серьёзно упрощает настройку устройства для введения в гипносон. А во-вторых, меня убедили в том, что это необходимо для поддержания дисциплины в пчелиных колониях. Короче… Прими душ, переодевайся, и будем ужинать. Заодно обсудим

план освобождения Альбрука.

В комнате кроме блестящего новизной саркофага была и обычная кровать, из чего Закари заключил, что не все гости компании любят гипносны.

Закари с Буратино ужинали вдвоём в огромной столовой, которая своими размерами напоминала столовую на электростанции, только убранство её было настолько пышным, что казалось, они обедают во дворце властелина мира. Стол был накрыт соответствующе. Коронным блюдом явилась чёрная осетровая икра, поданная в хрустальной икорнице с золотой окантовкой. Обслуживал их трёхрукий робот-официант.

«А пчёлы в это время кашей пластиковой давятся», – заметил про себя Закари.

Намазывая икру на хлебные тосты и запивая коллекционным французским шампанским – Закари обильно, Буратино лишь для проформы, в основном он пил содовую, – они обсудили план действий в игре.

Засыпая в саркофаге, хмельной Закари загрустил, вспоминая Сильвию. «Где же я теперь раздобуду живую девушку?» – подумал он. Пчёлам отношения не нужны, к изгоям путь ему теперь был заказан. Оставались ещё панкстеры, но их грубые нравы его пугали.

25. Сон VIII.

Господи, с каким же удовольствием баронет Вентер втянул ноздрями коктейль из средневековых деревенских запахов, просыпаясь! В уши его полились в высшей степени приятные пасторальные звуки: лениво брехала большая собака, задорно кричали петухи, озабоченно квохтали куры, под стрехóй урчали голуби.

Закари потянулся и въехал рукой во что-то мягкое и тёплое. Это оказалась смазливая чернобровая крепкого телосложения деваха в одной ночной рубахе.

Она застонала спросонья, потом улыбнулась, встала на четвереньки, так что в разрез рубахи стали видны её крупные груди, и проворковала:

– А вы шалун, сударь. Неужто с утра приласкать меня решили?

– Ну пойди, пойди. Не до тебя сейчас, милая, – пряча улыбку, пробурчал баронет. Не удержался и хлопнул деваху по упругому, наливному заду, когда та поднялась из постели. Деваха озорно взвизгнула и убежала, молотя пятками по каменному полу.

«Вот так, значит, меня «Время ведьм» встречает, – подумал Закари и поймал себя на том, что в качестве бета-тестера может думать об игре со стороны наблюдателя, а не только от первого лица.

Замок баронета состоял всего из одного приземистого двухэтажного здания, которое гордо именовалось донжоном. Однако каменные стены его были достаточно толстыми, а двери сколочены из крепкого морёного дуба, окованного железными полосами, и в случае необходимости в нём можно было выдержать продолжительную осаду превосходящего силами противника.

На втором этаже находились хозяйские покои, на первом кухня, столовая, она же гостиная, и комната для слуг. В подвале, как водится, кладовая, ледник, винный погреб, колодец и бочка для омовений. На случай успеха вышеозначенной продолжительной осады превосходящими силами был предусмотрен потайной ход, ведущий из подвала на берег речки.

Баронет встал, умылся в кадушке, натянул на себя простую крестьянского кроя одёжу и спустился вниз.

За обеденным столом сидели Гвидо и Бертран и что-то горячо обсуждали. Между ними стояло блюдо с закусками, кувшин и две глиняных кружки.

– Ох и надоело мне, Бертраша, курям этим бошки

отворачивать… – пожаловался повар и с отвращением запустил в лежащую на полу лохматую собаку костью. Та подняла голову и ловко поймала кость зубами. – Уйду я, ей-богу, уйду. В столицу подамся, новый кабак открою. Люди долго зла не помнят. Деньжата опять же имеются. Ренольд, упокой, господь, его душу, платил исправно.

– И у меня уже мочи терпеть нету… А давеча он мне и говорит: «Что-то толк от тебя в хозяйстве, Бертран, отсутствует напрочь». А я ему возьми да и скажи: «А у меня руки не под огород заточены, я не для того столько лет верой и правдой с мечом в руках… Агроном хренов!» – оруженосец ухнул увесистым кулаком по столу, так что посуда подпрыгнула.

– Иди ты. Так и сказал? – притворно изумился Гвидо.

– Ну не сказал, так подумал…

Повар громогласно захохотал и хлопнул собутыльника по плечу.

Закари они не замечали. Он подошёл совсем близко и вопросил:

– А вы что это, ребятки, с утра уже накидаться изволили?

Бертран подскочил, опрокинув свою кружку, и встал зачем-то по стойке смирно. Глаза его были мутны, но он всеми силами пытался изобразить трезвость. Тщательно артикулируя, старый вояка вымолвил:

– Никак нет, сэр Вентер. Завтр-р-р… завтракаем.

– А ну-ка привести себя в порядок! Завтра в Альбрук поедем власть принимать, надо подготовиться.

– Никак к нам вернулся наш старый добрый забияка Зак? – обрадовался Гвидо. Поднялся со своего места и обнял баронета.

– Да хоть гвардейцев резать! – вскричал Бертран и обнял их обоих.

– Давайте без этих телячьих нежностей, – потребовал Закари и стал вырываться из их медвежьих объятий.

Они поскакали в Альбрук втроём. Баронет надеялся, что ему удастся осуществить задуманное без кровопролития.

По дороге Закари спросил Гвидо:

– Как ты решился бросить работу при герцогском дворе и уехать со мной?

– Понимаешь… Кулинары делятся на две категории: у одних в приоритете заработок, а другие хотят кормить хороших людей. Я представил, что придётся угождать этому гадёнышу Вольдемару, и не колебался.

– И я не колебался, – заявил, икнув, Бертран, – к тому же я родом из мест, что достались вам от герцога во владение.

– Ты-то понятно… – Закари не скрывал иронии. – Я бы попросил тебя, старина, когда рядом нет посторонних, обращаться ко мне на «ты», как в те незабвенные времена, когда мы оба были ратниками.

– Господин баронет, не усложняйте мне жизнь. Я пожилой, пьющий человек, могу ненароком перепутать обращение. Если это произойдёт в приватной обстановке и я назову вас на «вы», то ничего страшного не произойдёт, а вот если я начну вам тыкать в окружении ваших подчинённых или, не приведи Господь, благородных особ, вот тогда-то конфуза не оберёшься.

В подтверждение своих слов старик достал из-за пазухи свой непременный мех и присосался к горлышку.

Чтобы попасть в Альбрукский замок, к которому они подъехали ближе к вечеру, баронету с оруженосцем и поваром пришлось проторчать перед его воротами битый час. Герцогиня то ли напускала на себя важности, то ли вообще решала, открывать им или нет. Закари уже начал переживать о том, что будет, если им просто дадут от ворот поворот. Что тогда делать? Поднимать крестьян и осаждать замок? Нелепая затея. Но в конце концов подъёмный мост заскрипел, опускаясь.

Герольд, разодетый в цвета Альбрукского двора – белый и синий, ударив жезлом об пол, громогласно объявил:

– Баронет Вентер!

Закари сдержал улыбку, его позабавил этот пафос – при Золотом Сердце и должности-то такой при дворе не было – вошёл в каминный зал.

Леди Маргарет в жёлтом платье, расшитом жемчугом, и жемчужной же тиаре эффектно смотрелась на красном герцогском кресле. По правую руку от неё хоть и на обычном стуле, но с чрезвычайно серьёзным видом восседал Вольдемар. В зале находились ещё какие-то придворные и рыцари в доспехах. По сторонам от входа стояли ратники с алебардами.

– Что привело вас сюда, баронет? – герцогиня была надменна, как и положено герцогине.

– Проведя более двух недель в раздумьях, я решился разделить с вашей светлостью бремя заботы о герцогстве Альбрукском, – просто отвечал Закари.

– Поздно спохватились, сэр Вентер! За это время много воды утекло, и не вступить… вам уже в эту реку. Ну в смысле во второй раз… – Вольдемар хоть и с запинками, но пытался выражаться высоким штилем.

Маргарет побледнела от злости – её фаворит посмел ответить за неё, но промолчала.

Вольдемар изо всех сил изображал бывалого придворного. Пунцовый берет с пышным плюмажем из павлиньих перьев. Толстая золотая цепь, на которой при желании можно было бы подвесить кузнечную наковальню. Невероятных размеров рукава-буф делали силуэт его туловища квадратным. Из-под пугающего своими размерами гульфика торчали кажущиеся несуразно тонкими ноги, обтянутые чулками.

Закари даже не посмотрел в его сторону и продолжил обращаться к герцогине:

– Я осознал, что не имею права отказываться от герцогской короны, дабы не нарушить слова, данного вашему умирающему супругу.

– А не переломится ли ваша тонкая шея от такого груза? – гнусно улыбнулся Вольдемар.

Закари наконец перевёл на него полный презрения взгляд.

– Сэр Эгвик, насколько мне известно, вы каким-то чудеснейшим образом получили рыцарское звание, а это значит, что на сей раз мы сможем драться, используя настоящее оружие. Для того чтобы уровнять шансы, я обязуюсь не использовать амуницию, доставшуюся мне как трофей от Золотого Сердца. Будем сражаться на мечах в обычном облачении ратников.

Вольдемар встал и ответил с готовностью, как будто только этого и ждал:

– К вашим услугам, сэр!

– Мне дадут наконец слово молвить? – поинтересовалась герцогиня.

Закари склонил голову.

– Мы все внимание, ваша светлость.

Вольдемар от переизбытка чувств пал пред ней на одно колено.

Герцогиня поднялась со своего места.

– Так вот, господа, моё решение будет таким: тот, кто победит, тот и разделит со мной бремя правления герцогством. Поединок состоится завтра перед обедом.

Она посмотрела в сторону герольда.

– Аудиенция окончена! – истошно закричал тот.

Закари ночевал в своей старой комнате, которую занимал, будучи комендантом замка. И только он задул свечу, как в дверь постучали.

– У меня дежавю, – объявил Закари оказавшейся за дверью со свечой в руке герцогине. – Всё это уже было, только как будто очень, очень давно…

– Ты не рад моему приходу, Закари?

– Рад, конечно, рад. Прошу вас, – Баронет посторонился.

– Я хочу, чтобы ты победил завтра, – серьёзно заявила герцогиня и поставила свечу на стол. – Этот индюк меня натурально бесит своей святой простотой.

– Готов подписаться под каждым словом. Тоже хочу победить и тоже терпеть не могу этого типа. Не понимаю, как вы вообще могли с ним связаться.

Она недоумённо всплеснула руками.

– А как ты хотел? Ты меня бросил самым подлым образом, уехал в свою деревню. А я всё-таки женщина… И потом из всех альбрукцев он лучший кандидат на роль моего нового супруга. Он был бы благодарен мне и в высшей степени покладист. При нём я бы смогла самостоятельно управляться с герцогством.

– Меня вы тоже видите в такой роли в случае моей победы?

– Нет, конечно! – горячо запротестовала леди Маргарет. – С тобой совсем другое. О твоих качествах как военачальника и правителя очень хорошо отзывался бедный Ренольд. При тебе я буду послушной и верной женой. Буду поддерживать твои политические решения, естественно, в рамках политики, проводимой нашим королём, и помогать держать народ в узде.

– Что ж, рад это слышать. Такой союз меня вполне устраивает.

– Так вот, что я придумала ради твоей победы… Я надеюсь, ты поймёшь и оценишь мою жертву. Пойду сейчас к нему и высосу из него все соки, как суккуб, чтобы завтра на ристалище он был слаб и неловок.

– Восхищаюсь вашим коварством, моя герцогиня! И я бы принял вашу жертву с благоговением и благодарностью, но я не хочу, чтобы наш поединок был нечестным.

– Признайся. Ты просто ревнуешь. Обещаю тебе проделать это без всякого удовольствия с моей стороны.

– Я серьёзно. Не хочу побеждать таким способом.

– А ты думаешь, что герцога ты победил честно?

Закари притворно насторожился.

– Конечно! Что вы хотите этим сказать?

– Так… Ничего. Ладно. Как скажешь. Так и быть, не буду сегодня не из кого соки высасывать. Но завтра ночью победитель позавидует проигравшему. Поцелуй меня на прощанье, Закари.

Преодолевая отвращение, он поцеловал её в губы. Герцогиня попыталась подключить язык, но он воспротивился этому, плотно сжав зубы. Оторвался от неё и произнёс, деланно борясь со страстью:

– Маргарет, уходи ради бога, а то это добром не кончится, и завтра моя рука не будет твёрдой.

Она улыбнулась.

– Покойной ночи.

На пороге наклонилась и взметнула вверх подол платья так, что стало заметно, что нижнего белья на ней нет. И умчалась, хохоча, во тьму коридора.

«Воистину ведьма! Как она лоб себе впотьмах не разобьёт? Эхолокация, поди, как у летучей мыши», – подумал Закари безо всякого восторга, задувая оставленную ею свечу.

Поединок, любовно организованный герольдом, счастливым от представившейся ему возможности использовать свои профессиональные навыки, происходил на том же самом месте, что и когда-то с герцогом – на плацу перед казармой.

Сначала Вольдемар прилежно пытался воспроизводить приёмы, которым обучался на уроках фехтования, но ни мастерства, ни скорости для этого ему не хватало. После нескольких неудачных выпадов и опасных контратак со стороны баронета он разозлился и стал пытаться реализовать своё физическое превосходство. Закари ожидал этого и, памятуя о звериной мощи, явленной ему в кулачном бою в лесу, играл от защиты, всё время отступал или уходил в сторону, стараясь не быть зажатым в угол. Удары отражал по касательной, чтобы не тратить слишком много энергии и не сломать меч. Вольдемар же сил не берёг и, вдохновлённый жаждой успеха и ненавистью к противнику, казалось, был неистощим, но минут через пять такого натиска всё-таки стал сдавать и задыхаться. Закари к этому моменту имел вмятину на шлеме от неудачно заблокированного удара и весь в зазубринах клинок.

Зрители ликовали, бой получался очень зрелищным. Лица Бертрана и Гвидо были озабоченны. Глаза герцогини горели. Что может быть более лестным и возбуждающим для женщины Средневековья, чем смертельный поединок двух рыцарей за обладание ею?

Вторая часть поединка однозначно была за баронетом. Он кружил вокруг Вольдемара, который уже просто стоял на месте и еле успевал разворачиваться в сторону опасности. Пропустив пару колющих ударов и один рубящий, фаворит герцогини наконец лёг на землю.

В ответ на предложение сдаться он захрипел:

– Будь ты про…

Но был грубо прерван ногой баронета, раздавившей ему голову.

«К чёрту, – подумал Закари. – Во «Времени ведьм» эти предсмертные проклятья могут сработать».

26. День 16-й.

Проведя гигиенические процедуры, саркофаг завернул 32/08 в голубой комбинезон с платиновыми знаками отличия. Он уже не был обычной пчелой, он был бета-тестер, а это нереально круто! Значит, не зря он прожил жизнь до сегодняшнего момента, если из тысяч простых трудяг был избран для благородной задачи помощи разработчикам игр.

Завтрак-фуршет в столовой, которую вернее было бы называть пиршественным залом, был раскошен. Набрав всякой всячины на огромную тарелку, Закари обнаружил, что за их с Буратино столом сидит поджарый господин с совершенно седыми волосами в бороде, усах и модной причёске. Одет он был в строгий костюм с галстуком, в заколке которого блестел вездесущий золотой ключик.

– Закари, позволь представить тебе нашего директора по рекламе и продвижению. Максим Одинцов, он же Один, он же Питер Одноглазый, – весело произнёс Буратино.

Закари и Один обменялись рукопожатием, при этом рекламщик из вежливости чуть оторвал зад от своего стула.

– Рад знакомству, – улыбнулся он. – Хотя во «Времени ведьм» мы знакомы давно.

– Да, – Закари уселся за стол, – у меня тоже такое ощущение, что мы давно знакомы.

Повисла неловкая пауза, во время которой Один совершенно откровенно изучал молодого человека.

– Ты посмотри, Буратино, каких орлов выращивают нынче в ульях. А ещё, говоришь, он эрудирован и сообразителен?

Мальчик кивнул.

– А мы тут вспоминаем старые времена, когда индустрия гипноснов только начинала развиваться, – объявил Одинцов. – Тогда игры были гораздо динамичнее и… эпичнее, что ли. Я вот, например, в своей самой первой игре Иерусалим взорвал к чертям собачьим. А его создатель, например, – он кивнул на Буратино, – мятежными гладиаторами командовал и Понтия Пилата убил.

– Того самого? – изумился Закари.

– Его, сердешного.

– Вот это да. А кто мешает сейчас такие игры делать?

– Понимаешь, – заговорил Буратино. Его серьёзный тон максимально контрастировал в этот момент с детским телом, – раньше элемент воздействия на сюжет игры со стороны игроков был гораздо меньше. Сюжеты были твёрже, и существовала

бинарная вилка развития событий: или так, или так. А теперь для игроков больше свободы, больше вариантов, почти как в реальной жизни. Но если в игру играют зануды, то она волей-неволей становится нудной. В общем, нужно придумать, как оживить нашу игру.

Закари немного подумал.

– Надо тогда замок королевский брать. Не Иерусалим, конечно… но тоже может быть эпично.

– Отличная идея! Надо Андрюхе нос утереть, – подхватил Один.

– Андрей Якушев наш исполнительный директор, – пояснил Буратино. – Он за короля играет, я тебе говорил. Я при нём шутом состою.

– Может, потом, после того как дослужишься до альфа-тестера, удостоишься знакомства с ним, он у нас очень занятой всегда… Ладно. Мне бежать надо, – Один залпом допил свой смузи. – До встречи в игре, Закари! Я в опале после неудачного штурма герцогского замка. Найди меня в Северных лесах. Альбрукское войско с королевским не справится, надо для начала объединиться с моими лесными братьями.

Он встал и твёрдой походкой направился к выходу.

– А сколько ему лет? – поинтересовался Закари.

– Им обоим за восемьдесят, и Одинцову, и Якушеву – тепло посмотрел вслед старику мальчик. – Но выглядят они гораздо моложе своих лет и чувствуют себя соответствующе. Я разработал для них препарат, замедляющий старение.

– Только для них? Почему не для всех?

– Наша компания не занимается фармакологией. Я произвожу препарат, можно сказать, кустарно.

– Понятно… А я для начала сожгу Маргарет к чертям, как ведьму! – разбушевался Закари.

Буратино очень по-детски сморщил нос.

– Пожалуйста, не надо. За всех ведьм играет искусственный интеллект с очень ограниченным функционалом, кроме этого он ничего не умеет. Если ты сожжёшь герцогиню, то бедный ИИ будет вариться в собственном соку до перезапуска игры, который может произойти совсем нескоро. Мне жаль его. Поступи с ней так, как поступали с ведьмами твои великие предшественники на альбрукском троне.

– Искусственный интеллект… А я-то думал… Какая гадость… – совершенно растерялся Закари. Потом заметил возмущение Буратино. – Ну прости-прости. Сослать в монастырь? Хорошо. Как скажешь.

– Да. Это всё-таки лучше, чем небытие.

После завтрака Буратино отправил 32/08 на своём турбоплане, управляемом автопилотом, на работу.

Завод находился тоже на севере, но не в горах, а западнее, у моря. Он производил летательные аппараты, те самые турбопланы, разрабатываемые Буратино: от одноместных до пассажирских. Были среди них и грузовые модели.

Предприятие было полностью роботизировано. 32/08 определили в цех по производству лопастей для турбин. Работа действительно оказалась не бей лежачего: он должен был только нажать на кнопку красную в случае отказа всех киберсистем. Вероятность такого события, как сказал ему Буратино, была ничтожно мала, поэтому 32/08 ожидал увидеть на кнопке толстый слой пыли. Однако пыли на ней не оказалось – роботы-уборщики чётко исполняли свои обязанности.

Казалась бы, что может быть лучше? Вроде и на работе, а делать ничего не надо. Но восемь часов рабочей смены тянулись бесконечно долго.

27. Сон IX.

Герцогиня принимала баронета в каминном зале.

– Сэр, вы настояли на аудиенции тет-а-тет. Что вы хотите? – она была сердита, ведь вчера вечером он снова отказал ей в близости, сославшись на усталость после боя.

– Я хочу сделать вам формальное предложение, – ответил Закари. – Ведь согласно клятве, данной мной Ренольду Золотое Сердце, я должен править в Альбруке. А для этого самый простой способ – сделаться вашим супругом, как и он когда-то.

Маргарет расслабилась и улыбнулась.

– Я очень рада, что ты настоял на том, чтобы мы говорили с глазу на глаз. Это очень прозорливо с твоей стороны. Есть одно обстоятельство, из-за которого я не могу венчаться с тобой в церкви…

– Это какое же?

– Позволь, я сохраню его в тайне.

– Как будущий супруг, я должен знать всю правду.

Она немного помедлила с ответом, потом произнесла смиренно:

– Хорошо. Твоё требование резонно. Однажды, вопреки слову, данному мной когда-то моему батюшке, мне пришлось прибегнуть к колдовству. А значит, душа моя на веки проклята, и я не могу переступить порог церкви.

– О каком колдовстве вы изволите говорить?

– Обещай, что не рассердишься, когда я поведаю тебе о нём.

– Я весь внимание.

– Я повредила волшебный доспех бедного Ренольда перед вашим поединком.

Закари не без труда изобразил замешательство и негодование.

– Но ведь это же позор для меня! Вы понимаете, какому испытанию вы подвергаете мою рыцарскую честь?

– А было бы лучше, если бы он с помощью волшебного доспеха порубил тебя в мелкий гуляш? Я сделала это ради нашей любви. Неужели ты не оценишь мою жертву?

Баронет подавленно молчал. Герцогиня приняла это за согласие и произнесла просительно:

– Давай скажем людям, что мы обвенчались тайно? Закажем тебе второе кресло; в кладовой ещё остался отрез кожи с брюха красного дракона.

– Боюсь, ваша светлость, по-вашему теперь не выйдет.

Она побледнела, предчувствуя беду.

– Ты так холоден со мной в последнее время, Закари. В чём же дело?

– Даже не в колдовстве. С некоторых пор мне неинтересны женщины, которые могут принадлежать сразу нескольким мужчинам.

– Какой же ты ханжа! Неужели сильная самостоятельная женщина не может пригласить в свою постель того, кто ей сегодня мил? Или это только мужское право?

– Я не собираюсь влезать в этот извечный спор… Или мы венчаемся в церкви, или я объявляю вас ведьмой и отправляю в монастырь после вашего отречения в мою пользу.

– Монастырь?! – вскричала Маргарет и вскочила со своего места. В её глазах стоял ужас. – Ты хочешь, чтобы меня постигла судьба моей матушки? Её уморили эти проклятые монахини…

– Вы и говорите как ведьма. «Проклятые монахини» – это ересь и нонсенс, – тут он вспомнил главу из «Молота ведьм» и почти дословно воспроизвёл текст приговора из неё: – Твоё покаяние будет заключаться в том, что ты будешь носить до конца своих дней кресты. Ты будешь становиться на ступенях у дверей церкви во время богослужения, а остальное время пребывать в пожизненной тюрьме на хлебе и на воде. Но тебе не будет тяжко исполнять всё это. Если ты терпеливо всё вынесешь, ты найдёшь у нас милость. Не сомневайся и не отчаивайся, но крепко надейся.

Она молчала, как поражённая громом.

– Как альтернативу могу предложить ещё костёр. В этом случае я стану правителем Альбрука по воле его народа, – Закари повернулся к выходу.

Тут её осенила какая-то мысль, дающая надежду.

– Постой! Но что будет, если люди узнают, что ты победил их любимого герцога нечестно? Захотят ли они видеть тебя своим сюзереном?

– Мне не стоит труда сказать правду, что я не знал о том, что доспех его повреждён. К тому же они видели, что вашего последнего избранника я победил в честном бою.

Маргарет зарыдала. Закари поклонился и вышел с тяжёлым сердцем – ему нелегко далась роль сурового инквизитора.

Полусотня всадников во главе с Закари двигалась в густом лесу из огромных и мрачных деревьев. Несмотря на ясный солнечный день, здесь было сумрачно и пахло прелью. Всадники подавленно молчали, всех тяготили дурные предчувствия – об этих лесах ходила дурная слава. Подавляла ещё и тишина, ватой набившаяся в уши. Бертран пытался балагурить, чтобы развеселить парней, но слова его как будто поглощал мягкий мох,

которого вокруг было так много: не только стволы, но и всю землю между ними вместе с перепутанными корявыми корнями укрывал он старым, дырявым одеялом. Оруженосец скоро утомился и замолчал, но к меху своему стал прикладываться чаще.

Вдруг послышались приближающиеся крики, треск ломаемых веток и топот ног.

Закари приказал воинам спешиться и развернуться в оборонительный порядок.

Вскоре из-за деревьев выбежали люди, одетые как лесные разбойники, собственно, потому, что таковыми и являлись.

– А ну стоять! – закричал Закари. – Кто такие?

Увидев рассыпавшихся в цепь, закованных в латы воинов, разбойники остановились.

– Мы повстанцы из отряда Питера Одноглазого. А ты кто?

– А я новый правитель герцогства Альбрукского.

Разбойники загалдели:

– Ты, малый, часом ничего не перепутал?

– А я его помню. Это он тогда с гонцовой сумкой от нас сбежал.

– Да. А потом Альбрукский замок отстоял.

– Может, и правитель, конечно, но что-то больно странно это…

– А ничего, что хератень эта нас сейчас нагонит?

– Бежать надо, братцы!

– А ну с дороги, не то не сносить вам голов, олухи альбрукские!

Закари поднял руку.

– А ну тихо! Питер где? Он мне нужен.

В ответ опять понеслась разноголосица:

– А нету больше нашего Питера.

– Был Питер, да весь вышел.

– Сожрал его монстр.

– Нужен, видите ли. Ну и иди, доставай его из пасти!

– Бежать надо, братцы!

– С дороги, пентюхи!

Закари пришлось напрячь связки, чтобы перекричать их.

– Ну-ка, кто у вас самый толковый? Выйди, расскажи, что за монстр?

Вперёд выступил небольшой человечек с луком за спиной едва ли не с него самого длиной и посыпал скороговоркой:

– Не знаю я, что за монстр. Не видывал таких никогда и слыхом о таких не слыхивал. На озверевшее дерево походит. И стрелы его не берут наши. А он, знай себе, людя́м бошки в миг

откусывает и ветками махает так, что ветер поднимается, аж с ног валит. А коли охота тебе на него полюбоваться, так оставайся. Только знай, что это последнее зрелище для тебя и твоих людей будет. А нам дозволь пройти, мил человек. Нам ещё жить не надоело.

У герцога перекосилось лицо от гнева.

– То есть вы, трусы, бросили своего предводителя?! Не так прост Питер, чтобы дать сожрать себя какому-то тупому монстру. А ну за мной все!

Бертран шепнул ему на ухо:

– Ваша светлость, сдаётся мне, неспроста они все перепуганы не на шутку. У Питера в отряде далеко не самые робкие парни в королевстве. Надо бы разузнать сперва, в чём там дело, разведать. Может, медведь, а может, и взаправду монстр. Если монстр, то помозговать надо в спокойной обстановке, как с ним совладать. Велите отступить.

– Опять труса празднуешь, старик? – заносчиво, как и подобает герцогу, выпалил Закари.

Оруженосец покраснел от обиды.

Гвидо, который находился поблизости и слышал этот разговор, поспешил вмешаться:

– А Бертран ведь прав. Зак, что за юношеская горячность? Она не к лицу герцогу.

– Прости, Бертран. Гвидо прав – я погорячился, – одумался Закари.

Оруженосец лишь запыхтел и отвернулся.

Тут со стороны чащи донеслись тяжёлые шаги и такой жуткий то ли рёв, то ли визг, от которого кровь мгновенно застыла в жилах.

Люди заволновались, и теперь не только разбойники.

– Я узнал этот крик. Это анкелода́г. Бежать надо, Зак! Просто поверь мне, – глаза повара выразили нешуточную тревогу.

– Хорошо. Будь по-вашему, – с досадой процедил баронет. – По ко́ням! Отступаем.

Вечером у костра состоялся военный совет. На нём присутствовали: герцог Альбрукский, кулинар Гвидо, «самый толковый» из повстанцев по имени Конрад и уже очень пьяный оруженосец герцога Бертран.

Для начала Гвидо рассказал, что ему известно об анкелодагах.

Это абсолютно бессмысленные существа, не несущие в себе ничего кроме звериной злобы. Имеют эти твари в себе два начала: животное и растительное. На ночь анкелодаг пускает корни возле

какого-нибудь водоёма, реки, озера или болота и тянет из земли всё, что ему нужно для поддержания жизни в его растительной древесной части. А днём, когда под действием солнечного света в нём просыпается животное, он начинает охоту на живых существ. Для их поглощения есть у него дупло на передней части ствола. Причём анкелодаг использует в пищу только головы, потому что именно в мозгах содержатся нужные вещества для поддержания его животной составляющей. Глаза закрываются веками из непробиваемой коры, однако и сама оболочка глаза очень прочна.

– Точно! – подтвердил Конрад. – Я лично пустил стрелу в самый центр его зрачка. Она отлетела, как от каменной стены. А один из наших всадил ему в глаз болт из арбалета. Он застрял, как заноза, и монстр просто смахнул его веткой.

– Можно пробить его глаз только из баллисты, проводились такие опыты, но у нас нет баллисты, – задумчиво проговорил Гвидо. – И доспех твой волшебный, герцог, против него, что ореховая скорлупа для щелкунчика.

– Пока мы баллисту сюда притащим, он полкоролевства сожрёт, – прикинул Бертран.

Повар поведал ещё, что обоняние у анкелодагов отсутствует, слух слабый, но они очень тонко чувствуют вибрации земли, особенно ночью, когда пускают в неё корни, поэтому к ним невозможно подобраться незамеченным. Единственное, чего они боятся, – это огонь. Но чтобы поджечь анкелодага, огня должно быть очень много, за ночь монстр весь пропитывается водой.

– Откуда ты всё это знаешь, Гвидо? – удивился Закари.

– Я же говорил, мой дед был знахарем. Его ещё называли колдуном или ведьмаком, но это люди несведущие – ведь он носил крест и ходил в церковь. Так вот он готовил меня себе на смену. Многому научил, многое заставил прочесть. А я захотел стать кулинаром. Но в последнее время во многом из-за того, что познакомился с тобой, Закари, мне всё чаще приходится прибегать к знахарству.

– Так чего проще? Давайте запалим лес, и дело с концом! Чёртов мох полыхнёт так, что ни одной древовидной твари не уцелеть, – обрадовался своей сообразительности Бертран.

– Погоди, – остановил его герцог. – А откуда берутся эти твари?

– Вот! Хороший вопрос, – Гвидо задрал палец кверху. – Анкелодаги появляются в результате колдовских чар. Ведьма опаивает волшебным отваром человека, которого хочет таким образом извести, и он превращается в монстра. В связи с этим у меня к тебе несколько вопросов, Конрад, – повар посмотрел на лучника. – Первый. Где Пропаганда?

– Шут её знает. Она, как обычно, в случае чего в сову сразу обращается и улетает, – ответил, подумав, Конрад. – Вчера они с Питером о чём-то повздорили, она выскочила из его палатки с проклятиями на устах, и только крылья захлопали.

– Понятно. Второй вопрос. Откуда появился монстр?

– Наверное, из лесу вышел. Откуда же ещё? – пожал плечами лучник.

– Спрошу по-другому. При каких обстоятельствах его впервые заметили?

– Да при таких, что он стал хватать наших ребят и бошки им откусывать. Там такая суета началась, что ты… Я сам не видел, но говорят, что он из палатки Питера выломился и давай хватать всех подряд.

– И последний вопрос. Кто-нибудь видел обезглавленное тело Питера?

– Нет. Я лично прибежал на место, где его палатка стояла – чем чёрт не шутит, Питер из любых передряг выкручивался. Но не в этот раз… Там валялась его одежда, вся разодранная, и сапоги, по швам лопнутые.

– То есть ты хочешь сказать, что всем он только головы откусывает, а с Питера зачем-то одежду содрал и целиком проглотил?

Конрад развёл руками.

– Получается так.

– Скажи-ка, друг Конрад, а сколько глаз у чудища?

– Так один. Здоровый, как блюдо. В аккурат над дуплом.

Тут Закари осенило:

– Я понял, к чему ты ведёшь, Гвидо. Ты хочешь сказать, что монстр этот и есть Питер!

– Точно так. Ведьма эта, Пропаганда, его в монстра и превратила. Поэтому вот что я вам скажу, ребята: поджигать его нельзя и из баллисты стрелять тоже. Это при условии, если он нам живой нужен. Нужен же?

Закари активно закивал.

– Очень! Так как же быть тогда?

– Надо с него чары снять. Можно было бы убить ведьму, наложившую заклятие, тогда бы оно спа́ло само собой. Но где ж её теперь сыскать? Спасибо деду, есть у меня рецепт зелья Отмены. И ингредиенты для него у меня всегда с собой – в такое время живём, надо ко всему быть готовым… Единственная загадка – это как в анкелодага зелье это влить. Ну да ладно. Это мы завтра придумаем – утро вечера мудренее. А я пошёл варить, дело это долгое, боюсь, до утра провозиться.

Проснулся Закари оттого, что Гвидо бесцеремонно тряс его за плечо. Едва он продрал глаза, как повар сунул записку, накарябанную неровным почерком на клочке пергамента. В записке значилось:

Я тут покумекал. Один только способ есть, как гвидово зелье в чудище поместить. И окромя него ничего мы не придумаем.

А в последнее время что-то и со службой не то, и в трусости меня упрекают, а это старому воину терпеть невмочь. А я лишь хочу, чтоб по уму всё было, чтоб без лишних жертв.

Добро бы ещё жена была да детей мал-мала… Но дома ждут только вино и старость. Может, в другой жизни найду любовь и счастье. А из этой хочу уйти красиво, как подобает воину.

Посему полагаю, что жизнь Питера Одноглазого гораздо нужней моей и приношу себя в жертву в надежде, что поступок сей оценён будет по достоинству.

Жаль, больше не отведать мне твоего сказочного жульена, Гвидо.

А вы, ваша светлость, оруженосца себе помоложе да расторопнее найдите.

Бывайте, други. Не поминайте лихом!

За сим остаюсь вечно ваш

Бертран Парти́к.

Мех, в который повар перелил зелье, валялся пустой. Лошади Бертрана среди остальных не было. Закари, Гвидо, Конрад и ещё с десяток всадников поскакали в сторону худой лесной речки неподалёку, где, по всей вероятности, должен был заночевать анкелодаг.

На земле в луже какой-то отвратительной на вид зелёной массы лежал голый Питер и медленно моргал единственным глазом. В нескольких метрах валялись обезглавленные тела Бертрана и его лошади.

– Это он из-за меня… – Закари протянул руку в сторону оруженосца. Голос и рука его дрожали.

– Не кори себя, – обнял его Гвидо, – за тобой вины нет. А Бертраша – герой. Он хороший способ придумал, другого всё равно не было. Надо, чтобы бард какой-нибудь песнь о нём сложил.

28. День 17-й.

И снова 32/08 очнулся от гипносна с неприятным чувством. Кроме потери друга и оруженосца он понёс ещё одну досадную, практически невосполнимую потерю. Произошло следующее. После смерти Бертрана и спасения Питера они отметили и то и другое и изрядно напились. Закари соблазнил одну бой-бабу из отряда Одноглазого. Она была очень привлекательна, похожа на победительницу конкурса красоты среди амазонок. Но какого же было его разочарование… По сравнению с тем, что происходило между ним и Сильвией в реальном мире, это действо было жалким и неубедительным. Слишком совершенная фигура амазонки не возбуждала, как статуя в музее. Её стоны вызывали в нём не больше отклика, чем завывания голодной гиены, были они более забавны, чем эротичны, и он с трудом сдержал смех. В итоге прогнал её, так и не окончив дела.

И хоть и была у него теперь собственная комната с модным саркофагом в общежитии бета-тестеров, но на завтрак в общей столовой давали всё ту же проклятую пластиковую кашу.

Последующие восемь часов тупого безделья возле красной кнопки стали настоящим испытанием для 32/08. Единственное, что его на какое-то время занимало, – это воспоминания о своём пребывании у изгоев, о Сильвии. Он пытался увлечься ими, и, казалось, проходил час, но, сверив время, он с ужасом обнаруживал, что на самом деле всего минут пятнадцать. Пытка была сродни физической.

Во время обеденного перерыва он решился связаться через третий глаз с Сильвией.

– Привет, Зак. Что ты хочешь? Мне кажется, мы всё уже обсудили, – её тон был столь же холоден, как и при их последнем разговоре.

– Привет. Мне плохо без тебя.

– И что дальше?

– Я хочу, чтобы ты приехала ко мне.

– А я хочу, чтобы все идиоты передохли. Дальше что? Наши мечты одинаково несбыточны.

– Помнишь слова Ромео: «Готов принять разлуку, смерть, отчаянье за нежный взгляд, за свежесть милых уст»? Вот у меня сейчас такое ощущение, что я тоже на это готов.

– Тоже мне Ромео. Ты думаешь, ты один такой? Очередное зомбированное насекомое, которому надо было мозги прочистить… Это моя работа – пчёл приманивать, и мой цветок

не только для тебя, – максимально цинично ответила она.

Он задохнулся, понял, что сейчас наговорит гадостей, и отключился.

Какое-то время он пытался наблюдать за работой механизмов, но очень быстро убедился, что их однообразные циклы скорее сводят с ума, чем развлекают.

Когда рабочий день наконец закончился, сирена, оповещающая об этом, прозвучала как музыка.

На крыше завода 32/08 ожидал турбоплан Буратино. Полёт уже не так развлёк его, как раньше.

Буратино и Один ждали его в кабинете начальника отдела по рекламе и продвижению.

Кабинет был прекрасен и необъятен. Его владелец восседал за фундаментальным столом в роскошном кресле с классической обивкой ромбами. По бокам от аппендикса столешницы из чёрного оникса с оранжевыми и жёлтыми разводами стояли кресла для посетителей, они были скромнее, но тоже производили впечатление богатства и надёжности. В одном из них расположился Буратино, другое предназначалось для 32/08.

– С вами приятно иметь дело, ваша светлость, – объявил Один. – Я уже думал, дальше без меня играть будете. Или того хуже: глаза меня последнего лишат, и придётся до конца игры слепому ходить. Слепой лучник… это странно.

– Какой молодец этот твой Бертран! – воскликнул Буратино. – Пчёл, который за него играл, заказал на эту ночь пробную сессию в «Пиратах Карибского моря», это тоже наша игра, я позабочусь о том, чтобы ему там понравилось.

– Спасибо. Он это заслужил, – сдержанно поблагодарил Закари. – Какие будут наши дальнейшие действия?

– А ты что, куда-то торопишься? – удивился Один. – Может, отметим прогресс в игре?

Он указал глазами на бар в углу кабинета, уставленный разномастными бутылками.

– Нет. Спасибо. Мы же в игре уже отметили. Мне не нравится действие реального алкоголя.

– Ты как хочешь, а я выпью, – обиделся Один. Встал и направился к бару. – Я предлагаю объединёнными силами уже идти на королевский замок.

– Ты полагаешь, сил хватит? – засомневался Буратино.

– Полагаю, нет. По пути присоединим ещё людей, недовольных королевским правлением. Уверен, таких предостаточно. Ну а там посмотрим, что-нибудь придумаем. В любом случае утрём исполнительному нос, – Один улыбнулся

мечтательно, понюхал бокал и глотнул коньяку.

После того как Максим Одинцов пожертвовал собой ради спасения цивилизации, взорвав подземный город неандертальцев заодно с Иерусалимом, он понял, что он за человек такой замечательный. Если до этого и сомневался в собственной непогрешимости, то теперь сомнения исчезли раз и навсегда, отпустили разнообразные псевдоинтеллигентские комплексы, и Один достиг наконец пресловутой гармонии с собой и с миром.

Воспоминания о подвиге сём были особенно дороги для Максима потому, что он не знал, что вершит его в виртуальной реальности. В первый гипносон он был погружён без его ведома. Такое возможно было полвека назад на самой заре индустрии торговли сновидениями. Тогда ещё никаких саркофагов не существовало, и в головы обывателей самым варварским способом вживлялись нейрочипы. Одинцов был тогда противником этой технологии и активно противостоял её распространению с помощью своего довольно популярного блога в Интернете. Буратино хитростью вверг его в пучину виртуальности и заставил пережить самые яркие на тот момент впечатления.

Вернувшись, Одинцов резко поменял свои убеждения и стал ярым сторонником виртуальных развлечений. За что был принят директором по рекламе и продвижению в компанию *Another U*, основанную Буратино. Довольный собой и миром вокруг Один так и не завёл ни жены, ни детей, всего себя посвятил работе, которую полагал очень важной и меняющей мир к лучшему, и виртуальным путешествиям.

Ещё в самом начале он подтянул своего школьного друга Якушева, который стал юристом компании, а потом продвинулся до исполнительного директора.

Когда в России объявили государственную монополию на виртуальные путешествия, компания переехала в Израиль, по дороге сменив название на *Golden Key*. Одинцов и Якушев переехали вместе с ней.

У каждого была своя сфера ответственности. Они работали слаженно и редко спорили по стратегическим вопросам. Зато в играх, выпускаемых компанией, в которые увлечённо играли сами, они азартно конкурировали. С недавних пор, после того как поселился в клонированном теле своего создателя, к ним присоединился Буратино. До этого он сам игры не тестировал, ему это было неинтересно.

– А ты что думаешь по поводу штурма королевского замка,

Закари? – задорно спросил Буратино.

– Да ничего. Как скажете… Хоть гвардейцев резать, – безразлично ответил 32/08.

Буратино внимательно посмотрел на него.

– А ты почему такой грустный? Что не так?

– Да я тут подумал просто… Мне вот, например, с учётом времени, проведённого в играх, лет под девяносто. Буратино больше ста лет существует в реале, плюс несколько лет в виртуальной реальности. Вам, – 32/08 кивнул на хозяина кабинета, – больше восьмидесяти реальных лет и, если вы уже пятьдесят лет играете, несколько сотен виртуальных. Такие взрослые мальчики и всё никак не наиграемся…

– Что наша жизнь? – довольно сносно пропел Один. – Игра! Почему нет?

– Да потому, что всё это несерьёзно.

– Мы помогаем человеку более интересно и насыщенно проживать жизнь. Существенно продляем её субъективную продолжительность, – включил Один директора по рекламе.

– Работаем на игры, живём ради игр. Какай-то психический инфантилизм, – 32/08 играл в симулятор психбольницы «Гнездо улетевшей кукушки», поэтому знал, о чём говорил. – Это клиника, господа.

– Ну почему же? Мы, например, заняты, кроме игр, и другими очень важными вещами, – обиделся Один. – Например, решили вопрос с расстояниями – турбопланы производим…

– Тоже игрушки. Есть гораздо более важные вещи, чем самолётики эти ваши.

– Например?

– Человеческая жизнь. Буратино вон захотел и поменял печень на какой-то более совершенный прибор, чтобы себе место в организме освободить. Почему вы печени эти искусственные массово не производите? Почему не усовершенствовать остальные органы? Почему не попытаться продлить людям физическую жизнь? Буратино же сделал для вас препарат, замедляющий старение.

– Это не наша компетенция. Да нам никто и не даст этим заниматься без лицензии. Это забота государственного здравоохранения.

– Да если бы вы захотели, купили бы себе эту лицензию. Но вам же всё равно! Пчела проживает шестьдесят лет в среднем, а потом её отправляют на месяц в «Последний сон», из которого она перемещается прямиком на фабрику сельскохозяйственных удобрений. И всем это выгодно: и системе жизнеустройства, и государству, которому не приходится платить пенсию. Так на кой

же чёрт государству продлять человеку жизнь? Зачем эти траты?

– Не будем забывать, что за этот месяц он проживает тысячу лет в райских условиях, – заметил директор по рекламе.

– Не будем забывать, что это убийство.

– Какое же это убийство? Это эвтаназия. Пчела идёт на неё добровольно. Потому что не хочет обременять общество своим бесполезным существованием.

– Да нет. Вряд ли все настолько сознательны. Пчёлы идут на это потому, что у них нет выбора.

– Ну почему же нет. Пожалуйста, живи сколько хочешь, никто в «Последний сон» насильно не тянет.

– Жуй пластиковую кашу и мечись в обесточенном саркофаге, как заживо похороненный, потому что на гипносон никакой пенсии не хватит. Потом сойди с ума от абстиненции и сдохни. Это разве выбор?

– Ну какой никакой…

Тут их спор был прерван странными звуками, которые начал издавать Буратино. Лицо его было искажено невероятным страданием. Наконец он разрыдался, да так, что слёзы буквально брызнули из глаз во все стороны. Мальчик вскочил и выбежал из кабинета.

– После того как он вселился в это тело, сам не свой сделался, – прокомментировал этот демарш Один. – Смотри, до чего ты довёл его своей демагогией. Ты почему такой неблагодарный? Он ведь столько для тебя сделал.

– А вы когда-нибудь сидели у проклятой красной кнопки восемь часов подряд?

– Нет, – настороженно ответил директор по рекламе и продвижению. – У меня другой функционал по жизни.

– А я почему должен? Чем я хуже вас? А у меня ведь даже выбора нет и никогда не было! Только один путь – в пчёлы.

– Хорошо, – сухо сказал Один. – Мы учтём твои замечания. А теперь тебе пора, турбоплан ждёт тебя на крыше.

29. Сон X.

Закари со товарищи без сопротивления прошли владения маркиза Мирланда. Малоподверженный женским чарам маркиз без сожаления согласился выдать повстанцам свою ведьму Перверзию. Он даже готов был предать её огню и очень расстроился, когда оказалось, что в этом нет необходимости. Его сиятельство рассказал, что давно не разделяет государственную политику и мечтает о свержении короля, однако лично участвовать в походе отказался, сославшись на нездоровье.

Мирланд выделил в помощь повстанцам две сотни арбалетчиков и столько же лёгких всадников. Правда, о воинах маркиза поговаривали, что они, подобно своему господину, гораздо более эффективны в хвастовстве и танцах, чем в бою, но внешне отряд стал выглядеть внушительнее.

Граф Голуат, в полном соответствии со своим упрямым нравом, собирался дать полноценный отпор мятежникам. Его армия в отличие от маркизовой состояла из умелых и храбрых бойцов, и серьёзные потери с обеих сторон были бы неизбежны. Однако герцог Альбрукский вызвал его на поединок и легко сразил с помощью волшебного доспеха. По договору вассалы побеждённого должны были присоединиться к победителю, и армия пополнилась полутысячей пехотинцев и парой десятков рыцарей. Ведьма Голуата Малефисента попыталась бежать, обратившись в летучую мышь, но, поскольку дело происходило посреди бела дня, она ориентировалась с трудом, и стрела Питера Одноглазого легко настигла её.

По дороге к повстанческой армии присоединились ещё около тысячи крестьян, фермеров и ремесленников и около тридцати мечтающих о славе и свободе бедных рыцарей со своими отрядами.

В обозе заправлял Гвидо. Ни одна армия мира за всю историю не питалась так вкусно: повар был способен из бобов и потрохов сварганить такое блюдо, что при королевском дворе бы позавидовали.

Таким образом, к началу похода на королевский замок в войске Закари насчитывалось: сто двадцать четыре тяжеловооружённых рыцаря, пять сотен лёгких всадников, триста арбалетчиков и четыреста лучников, восемьсот человек тяжёлой пехоты и полторы тысячи лёгкой, а также около тридцати бардов, менестрелей и двухсот маркитанток. Всего, не считая обозников, около трёх тысяч шестисот человек.

И всё же войско короля на тот момент было куда более

внушительным: четыре сотни рыцарей, полторы тысячи конных и две тысячи пеших гвардейцев, по пятьсот человек арбалетчиков и лучников, больше двух тысяч лёгких мечников и копейщиков. Итого почти шесть с половиной тысяч воинов.

Король выступил во главе своего войска навстречу мятежникам. Место для решающего сражения было выбрано им самим. Он решил встретить противника в чистом поле и был настолько уверен в своём превосходстве, что его не смущала ни река позади позиций его войск, ни болото на востоке.

У армии герцога Альбрукского положение было получше: холм, на котором находилась ставка, хоть и был пониже, чем королевский, но по сторонам от него простирались леса, прикрывающие фланги.

Почти на самой вершине холма Закари расставил арбалетчиков, ниже расположилась в пять шеренг тяжёлая пехота, состоящая в основном из суровых бойцов приснопамятного графа Голуата. Ещё ниже разношёрстная легковооружённая толпа, составляющая почти половину армии. Закари разместил её там вовсе не для живого щита, как делали многие полководцы, это было сделано в том числе для создания впечатления большой армии. Впрочем, особенно рассчитывать на то, что удастся ввести противника в заблуждение, не приходилось; многие видели огромного ворона, реющего высоко в небе, вне досягаемости стрел и болтов. Все знали, что именно в такую птицу может обращаться Гингема – верховная ведьма королевства.

В лесу на западе от холма Закари спрятал всю конницу и лучников во главе с Питером Одноглазым.

На вершине холма с герцогом остались лишь пара десятков рыцарей и Гвидо, который облачился в доспех ратника и вооружился огромным мясницким секачом.

Регулярная же армия вся расположилась на виду у противника, король даже не пытался скрыть свою диспозицию. Чуть ниже его шатра, венчающего холм, расположились ряды арбалетчиков, потом лучников, под ними стена тяжёлой пехоты, и уже у подножия холма ощетинившаяся копьями лёгкая кольчужная пехота. Лёгкие всадники образовывали два внушительных скопления по обеим сторонам. Не наблюдалось только тяжёлых рыцарей, но нетрудно было догадаться, что они располагаются где-то за вершиной холма, чтобы в нужный момент обрушиться с него лавиной и смести всякое сопротивление на своём пути.

Нападать Закари не собирался – сил для этого просто не было. Он надеялся, что первым инициативу проявит король. Долго ждать не пришлось. Альфред II Хлебосол, видимо, захотел

поскорее расправиться с мятежниками и успеть отобедать по случаю славной победы у себя в замке. За полчаса до полудня затрубили рога, заверещали волынки, затрещали барабаны, и огромные массы людей и коней покатились с холма.

Как только передние шеренги противника оказались на расстоянии полёта болтов, хором запели арбалетные тетивы́, засвистели снаряды, и каждый второй из них нашёл свою жертву. До того момента, как королевские стрелки оказались на позициях для стрельбы, герцогские арбалетчики успели разрядиться по три-четыре раза в зависимости от своего мастерства. Две сотни врагов были убиты наповал. Не менее трёх сотен ранено – те из них, кто мог, побежали с торчащими из тел хвостовиками болтов, тем же, кто двигаться не мог, оставалось только оглашать окрестность душераздирающими криками и молитвами. Затем по приказу Закари арбалетчики поднялись выше по холму, чтобы оказаться вне зоны вражеского обстрела, и занялись кавалерией. Как и предполагал герцог, королю оказалось невмочь бороться со столь естественным желанием любого полководца – обойти противника с флангов, для чего и предназначались разделённые на два полка лёгкие всадники. Особенно не повезло левому флангу атакующих: лёгкая конница, слабо защищённая от стрел, оказалась под перекрёстным огнём. Лучники Питера Одноглазого из леса, как в тире, расстреливали их профили.

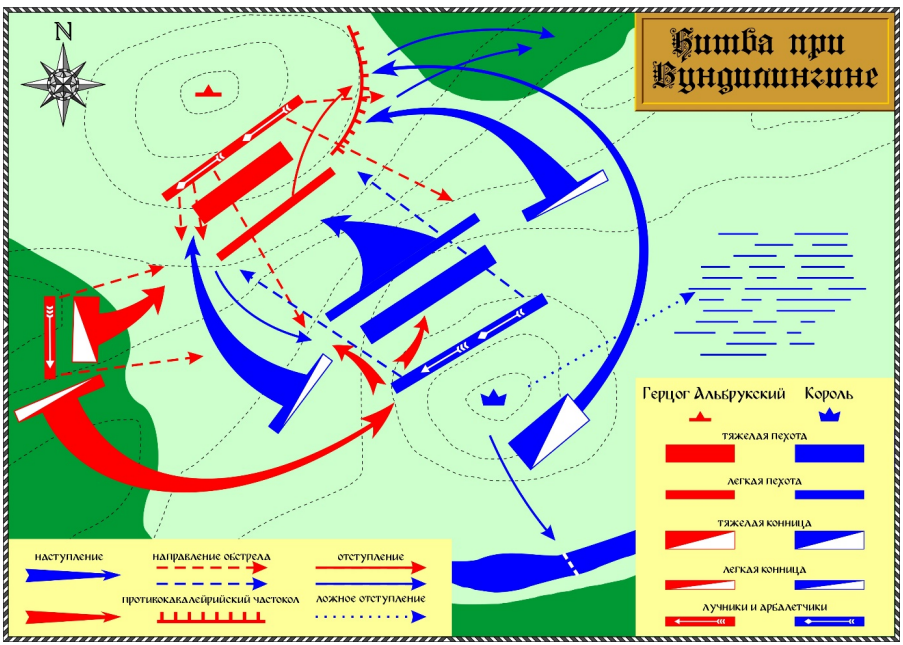
Король приказал развернуть всадников на лесную засаду, но не учёл того, что кроме лучников там могли оказаться и другие рода войск. Из-за деревьев выскочили тяжёлые рыцари герцога и окончательно смяли боевые порядки нападавших. Из семисот всадников в считанные минуты осталось меньше половины. Проклиная судьбу, они поскакали назад, где нарвались на лёгкую кавалерию герцога, которая единым кулаком с фланга ударила по оказавшимся незащищёнными позициям королевских стрелков, вытоптала и обратила их в бегство, а затем с тыла набросилась на наступающую пехоту. Наблюдая катастрофу слева, король отправил на правый фланг своих тяжёлых рыцарей, полагая, что удачи на одном из направлений будет достаточно для общей победы.

Как только со стороны позиций короля полетели стрелы, лёгкая пехота герцога мгновенно снялась и отошла на левый фланг. Там, в траве, были спрятаны длинные противокавалерийские копья и рогатины. Когда с фланга налетели сначала лёгкие, а потом и тяжёлые всадники короля, орудия были подняты под опасным углом и стали непреодолимой преградой для врагов, которым оставалось лишь бессмысленно гарцевать перед их частоколом, становясь лёгкой мишенью для

арбалетчиков.

Самый кровавый бой завязался в центре. Тяжёлая пехота герцога встретила изрядно прореженные стрелками пехотные порядки короля. Пользуясь своим численным превосходством, противнику почти удалось прорубиться через центр обороны, но удар герцогской кавалерии с тыла положил конец этой инициативе.

Король, который до последнего надеялся задавить мясом, приказал трубить отступление слишком поздно.



Убедившись, что боевая фортуна окончательно на его стороне, Закари поскакал на левый фланг с небольшим количеством рыцарей, что были при нём, и врубился в рассеянные ряды кавалерии противника. Волшебный доспех делал его неуязвимым, и он практически в одиночку разделил и без того смешавшиеся порядки на две части.

Королевская пехота, лучники и всадники левого фланга полегли почти все. Сбежать через восточный лес удалось лишь сотне рыцарей и паре сотен лёгких всадников. Около полутора тысяч королевских солдат пали на колени и подняли вверх руки без оружия.

Герцог понёс сравнительно небольшие потери – около одной тысячи человек убитыми и ранеными.

Королю удалось бежать при помощи чар Гингемы. Она создала фата-моргану его самого в окружении телохранителей, которая увлекла за собой погоню в сторону болота, в то время как настоящий король спустился с холма, переправился через речку по броду и ушёл через лес.

После этого сражения герцог Альбрукский Закари получил прозвище Молниеносный. То ли всех впечатлил его меч, разящий во все стороны подобно молнии, то ли непродолжительное время битвы, за которое была повержена в два раза превосходящая по численности армия противника.

Были ещё обстоятельства, незаслуженно обойдённые вниманием летописцев, но, возможно, кардинально поспособствовавшие победе антикоролевской коалиции.

Поговаривали, что перед боем Гвидо раздал всем стрелкам по фляжке с зельем Удачи, хотя сам повар потом утверждал, что в сосудах было обычное вино для храбрости.

Возможно, благодаря действию этой жидкости, чем бы она ни оказалась, один из лучников Одноглазого заметил в лесу странную сову, бодрствующую днём. Он не раздумывая пустил в неё стрелу. И когда пришёл забрать стрелу, вместо птицы нашёл мёртвую деву со злым лицом. Уже после того как всё закончилось, в южной части леса обнаружили дюжину рыцарей, ранее осуждённых королём за измену в пользу герцога Альбрукского. Они были голыми и в полубессознательном состоянии бултыхались в лужах зелёной жижи.

30. День 18-й.

Проснувшись, 32/08 получил сообщение, что он уволен из бета-тестеров, а также с завода по производству турбопланов. Теперь стало ясно, что означало обещание Одина «учесть замечания». Закари разбил королевское войско, дальше без него разберутся…

«Ну и пошли все к чёрту! В улей я больше не вернусь», – решил 32/08.

Он попытался связаться с Сильвией через третий глаз, но оказалось, что абонент заблокировал входящие от него вызовы.

«Тоже к чёрту! Уйду тогда к панкстерам».

Следующее сообщение было о том, что его ожидает турбоплан.

32/08 вызвал Буратино, он уже ожидал, что и тот его заблокировал, но мальчик ответил:

– Привет, Зак!

– Ты можешь отправить меня к панкстерам?

– Зачем? – удивился Буратино.

– Вы меня уволили. В улей я не вернусь, изгои меня не примут. Я хочу к панкстерам, можешь меня к ним отправить?

– Могу, конечно. У тебя там и знакомые есть: человек, который играет за Гвидо, между прочим, один из их предводителей… Но постой! Мы же перевели тебя в альфа-тестеры. Теперь играть – это твоя работа. Тебе не нужно больше сидеть возле красной кнопки. Я хотел сделать тебе сюрприз. Наверное, получилось не очень?

– Иногда, когда ты пытаешься вести себя как человек, у тебя такая ерунда получается…

Буратино встречал его прямо на посадочной площадке на крыше головного офиса корпорации *Golden Key*.

– Прости меня, Зак, – попросил мальчик. – Ты, наверное, перенервничал?

– Немного. Куда мы идём?

– С тобой хочет познакомиться сам король Альфред Хлебосол, наш исполнительный директор. Мы должны обсудить с ним сложившуюся ситуацию.

Кабинет исполнительного оказался ещё более роскошным и величественным, чем у директора по рекламе.

Его хозяин, плешивый, худощавый и моложавый, нисколько не отличался лицом от Альфреда Хлебосола в игре. Он

оценивающе оглядел 32/08.

– Так ты и есть Закари?

Ни вид, ни тон исполнительного сразу не понравились 32/08. Он, не дожидаясь приглашения, уселся в кресло для посетителей и невежливо ответил вопросом на вопрос:

– Так ты и есть Альфред?

– А чего это он у вас такой дерзкий? – спросил Якушев у Одинцова, который попивал кофе, судя по запаху, долетавшему до 32/08 через стол, как минимум наполовину состоящий из коньяка.

– А как ещё ему обращаться с поверженным противником? – усмехнулся директор по рекламе.

– Я полагаю, что не стоит переносить внутриигровые отношения в реал, – Якушев посмотрел прямо на Закари. Тот лишь пожал плечами. – Однако вынужден признать: отделал ты меня основательно. Молодец.

В его исполнении это слышалось как «Ну и повезло тебе, щенок».

– Выпьешь?

Он спросил таким тоном, будто знал, что 32/08 откажется, и заранее презирал его за это.

– С удовольствием, – назло ему согласился гость.

Якушев приблизился к небольшому стеклянному столику, уставленному бутылками, и налил коньяк в три бокала, себе, 32/08 и Одину.

Закари подошёл, провозгласил тост: «За победу!», хлопнул свой коньяк одним глотком и сморщился. Один протянул ему блюдце с ломтиками лимона со словами:

– Ну что же ты? Этому коньяку в три раза больше лет, чем тебе. Его надо смаковать.

Якушев хохотнул и заметил:

– А по-моему, Макс, это невежливо – диктовать гостю, как ему пить чёртов коньяк. Пусть как хочет, так и пьёт, – и налил гостю ещё.

И второй бокал 32/08 из вредности тоже хлопнул. Один только головой покачал.

– Даже без тоста? – с деланным восторгом удивился Якушев.

– Ну так скажите сами, – Закари бросил лимонную корку в корзину для мусора, но не попал.

– Давайте выпьем за взаимовыгодное сотрудничество, – предложил тост хозяин кабинета и налил ему ещё коньяку.

На этот раз Закари только пригубил свой напиток и поставил бокал на стол.

– Ну-ну, молодой человек, что же вы? Такой тост как раз

полагается пить до дна, – на этот раз без улыбки произнёс Якушев.

– Вы сами себе противоречите. Только что говорили, что это невежливо – диктовать гостю, как пить чёртов коньяк… – тут он почувствовал прилив дерзости и не стал ему противиться. – И потом какой «такой тост»? За сотрудничество? А что если я не хочу с вами сотрудничать?

– Это почему же? – исполнительному явно стоило усилий оставаться спокойным.

– Вы вообще понимаете, что делаете с этим миром? Я уже задавал этот вопрос вашим компаньонам. Они ничего внятного не ответили и пообещали познакомить с вами, говорили, что у вас есть ответ. Так что же такое вы можете мне объяснить?

– Вы хотите поговорить о моральной стороне пенсионной эвтаназии? Я знаю, вы затронули эту тему вчера и травмировали детскую составляющую психики Буратино. Кстати, это было нечестно и жестоко…

Закари ухмыльнулся.

– Андрей, я уже в норме. И не забывай, пожалуйста, что я старше тебя, – произнёс детский голос.

– Тогда, возможно, это как раз тот случай, когда старики впадают в детство? – парировал Якушев. – Как иначе объяснить, что вы сами не можете растолковать молодому человеку принцип нашей работы?

Буратино промолчал. Один пожал плечами и пробубнил:

– Мы подумали, что у тебя это получится лучше.

– Хорошо, – исполнительный директор вернулся в своё кресло и вальяжно развалился в нём с бокалом в руке. – Я прекрасно понимаю, что мы делаем с этим миром. Равно как и мои чересчур скромные коллеги. Мы делаем его лучше и комфортнее для всех. Пчёлам и прочим любителям виртуальных сновидений мы дарим сказку, а промышленности в сотрудничестве с бюро по жизнеустройству предоставляем замечательных рабочих, полных энергии и трудового энтузиазма. Вы хотели счастья? Причитали: счастье всем даром и пусть никто не уйдёт обиженным. Так вот вам счастье в неограниченных промышленных масштабах.

– А мне представляется, что вы просто точите топор палача, чтобы сделать процесс умерщвления рабов менее болезненным, – угрюмо заметил Закари.

– На вас хорошо действует коньяк, вы стали образно выражаться, – снова заулыбался Якушев. – Если позволите, я возражу вам в рамках вашей же аллегории. А зачем спасать рабов против их воли? Ну нравится им их жизнь. Понимаете? Нравится. А то, что после смерти их тела на удобрения идут, так это

кажется им самим правильным и логичным. По-другому они просто не представляют конец и цель собственного существования, – Он отхлебнул коньяку, чрезвычайно довольный своим остроумием. – Вот не раб, а как вы себе его представляете – свободный человек – понимает же, что в итоге его черви в земле жрать будут? Понимает. А ещё он знает, что так и должно быть, и ничего он с этим поделать не может. Чем тогда отличается он от вышеупомянутого раба?

– Только тем, что раб кашу пластиковую жуёт, а свободный человек – гораздо менее здоровую и полезную пищу, – вставил Один, которого явно забавляла тема беседы.

– Я не об этом, – строго остановил его Якушев. – Я о том, что свободного человека мысль о смерти приводит к печальным размышлениям и депрессии, а раба, как вы изволили выразиться, к сладостному предвкушению тысячелетних каникул перед лёгким переходом в небытие.

– Так а на кой же чёрт ему вообще переходить в небытие? У вас же такие возможности. Вы, если только захотите, можете сделать человека и свободным, и вечным, – разгорячился Закари.

– А что будет жрать этот человек, позвольте спросить? Под свободой вы ведь понимаете возможность не работать, не так ли?

– Почти.

– Так кто будет производить жратву и прочие материальные ценности?

– Роботы пускай работают.

– Вы так глубоко хотите копнуть? – Якушев лёг грудью на стол. – «Вкалывают роботы, а не человек». Извольте. Мы совершенно с вами согласны и примерно так же представляем себе ближайшее будущее человечества. Просто на данном этапе развития цивилизации утопия эта пока невозможна. В настоящий момент человечество переживает переходный период от использования человеческого трудового ресурса к глобальной автоматизации…

– Это понятно. Но вы же своей деятельностью и затягиваете этот переходный период. Тормозите прогресс. Пока есть рабство, сельское хозяйство не развивается. Пока есть кому бесплатно обрабатывать землю, рабовладелец не будет тратиться на плуг для глубокой вспашки. Нет никакого переходного периода, есть спекулянты, которые, пока есть возможность, торгуют роботами по ценам, многократно превышающим их себестоимость. Наладьте массовое производство роботов, они упадут в цене, станут доступны для всех предприятий и произведут столько жратвы и прочих ценностей, что никому не придётся париться по этому поводу.

– Слишком просто вы себе это представляете, молодой человек, – исполнительный снова сел прямо и отхлебнул коньяк. – Кто нам даст это сделать? Что вы хотите? Революцию устроить?

– Зачем революцию? Сделайте виртуальную реальность дешёвой. Прекратите наживать сверхприбыли. В виртуальной реальности у королей нет таких замков, как у вас, – Закари развёл руки и поводил глазами по сторонам. – Технология гипносна должна стать доступной для любого работяги. Демпингуйте, и ваши конкуренты разорятся. Тогда и бюро по жизнеустройству станут никому не нужны и исчезнут сами собой. Дешёвой рабочей силы не станет, владельцы предприятий начнут покупать роботов. Как следствие автоматизация, изобилие, и человечество сможет отправиться на пенсию, которую заслужило многотысячелетним тяжёлым трудом…

– Вот и видно, что ты переиграл в экономические симуляторы… – вклинился в его рассуждения Якушев. – Думаешь, что ты один такой? Около одного процента беспокойных. То не так, это не эдак… А ты изучи вопрос, как мы, на практике. Тогда и поймёшь всю несбыточность своих теорий.

– Простите, я не закончил, – не дал себя сбить Закари. – Что касается самих игр. Нужно сделать игры с элементами обучения и образования. Тот же принцип карьеры, как в любой игре, только не солдат-сержант-капитан-полковник-генерал, а студент-аспирант-доцент-профессор-академик. Та же весёлая жизнь, вкусная еда, беспорядочный секс, но всё это на фоне научных достижений.

– Да кто в это будет играть? – отмахнулся исполнительный. – Тоска какая…

– А мне кажется, Закари прав, – подал голос Буратино. – Надо что-то делать, кроме игрушек и самолётиков.

– Да! Пора, – подхватил Один. – Я уже доказал в виртуальной реальности, что способен на смерть ради человечества, и в реальной жизни ничего не испугаюсь.

– А чем это ты так гордишься, Макс? Давно хотел тебя спросить, – переключился на него исполнительный. – Ты забыл, что был в той игре всего лишь марионеткой в руках хитрых кукловодов. Из тебя сделали живую бомбу и заставили действовать по заранее подготовленному сценарию. А ты про самопожертвование своё великое столько лет талдычишь. А сам, небось, второй раз на такое уже давно не способен.

– Я просто хотел показать в той игре, как легко неглупому, казалось бы, человеку голову заморочить… – как будто оправдываясь, произнёс мальчик.

Директор по рекламе помолчал немного и заговорил с горечью:

– Марионетка – не марионетка, какая разница, если для меня всё как по-настоящему было? Эх ты, Буратино… говоришь: «показать хотел»… а тебя самого морочат, как слепого котёнка, – он кивнул на Якушева. – Уж лучше бы ты оставался ИИ, а не превращался бы в этот нелепый симбионт.

Казалось, Буратино снова сейчас заплачет…

– Ладно! – Якушев даже хлопнул ладонью по столу. – Хватит диспутов на сегодня. Продолжим как-нибудь в другой раз. У меня ещё куча дел. Давайте наконец обсудим, что будем делать в игре.

– Боюсь, и там мы не придём к консенсусу, – отрубил Закари. – Мне рассказали о вашем подходе к организации государства.

– Что ты предлагаешь, Андрей? – спросил Один.

– Вы разбили мою армию. Доказали, что Альбрук заслужил независимость. Я отказываюсь от своих притязаний на абсолютную власть. Можете вообще стать отдельным государством. Закари, естественно, станет его законным монархом. По-моему, замечательное развитие игровой карьеры…

– Не пойдёт, – твёрдо заявил Закари.

– Как это так «не пойдёт»? – передразнил его Якушев.

– А так. Мы хотим освободить игровой мир от диктата и от чёртовых ведьм. Мы осадим королевский замок и вынудим Альфреда Хлебосола отречься от престола.

– Мы, мы, мы… Почему он говорит за всех? Вы что, согласны с ним? – последний вопрос Якушев обратил к Буратино и Одину.

Один кивнул.

А Буратино заявил:

– Изначально это была наша идея. Для того я Закари и подтянул.

Якушев злобно ощерился, вконец утратив власть над мимикой.

– Рискните! Замок непреступен. Я отстою его с тысячей воинов против хоть ста тысяч, —Тут он собрался и произнёс как ни в чём не бывало. – А теперь попрошу очистить мой кабинет. Рад знакомству, Закари.

Последняя фраза прозвучала в его устах как «Чтоб ты сдох, Закари!»

Один, Буратино и Закари переместились в кабинет директора по рекламе, где состоялся следующий разговор.

Буратино спросил:

– И как мы будем брать королевский замок? Он же по

определению неприступен.

– Это с земли… – осенило Закари.

– А мы что, с Марса атаковать будем? – удивился Один.

– Нет, с воздуха. На дирижабле.

– А ничего, что в Средние века дирижаблей не было? – резонно заметил директор по рекламе.

– Ничего, изобретём, – Закари вопросительно посмотрел на Буратино. – На мётлах же летать можно, почему на дирижаблях нельзя?

– Так дирижабль же тупо стрелами собьют, – возразил мальчик.

– Не собьют. Надо ему снизу щит какой-нибудь приделать.

31. Сон XI.

Королевский замок производил солидное впечатление. Он был гораздо больше герцогского; по периметру внешней стены насчитывалось не меньше десятка мощных башен, а крепостные стены были такими высокими, что, казалось, их стрелой не перекинуть. Укрепления образовывали три уровня обороны: внешние стены, внутренние стены и донжон.

Поскольку замок был построен на окружённом рвом высоком холме, взять его приступом, карабкаясь на стены, было практически невозможно. Попасть в него можно только через двое ворот: во внешние превращался подъёмный мост из нескольких слоёв прочнейшего дуба, а внутренние представляли из себя решётку из толстых металлических брусьев. Хитроумные оборонительные сооружения, а также реки горящей смолы и кипящего масла, каменные лавины и дожди стрел делали процесс захвата ворот занятием абсолютно бесперспективным.

Поскольку переговоры с королём смысла не имели, Закари, не теряя времени, занялся приготовлениями к осаде. По его чертежам три кузнеца, пять плотников, одиннадцать портных, четырнадцать ткачей, шестнадцать рыбаков и двадцать два мастера по плетению корзин построили летучий корабль за два дня.

Воздушное судно имело следующую конструкцию: продолговатый пузырь, сшитый из промасленной ткани, с помощью сплетённой рыбаками сети прикреплённый к корзине, которая состояла из двух слоёв: виноградной лозы и ивовых веток. Корзина была достаточно обширной для того, чтобы закрыть мягкое брюхо пузыря от стрел. Три металлические жаровни подогревали воздух в пузыре, а два винта, приводимых в движение через цепную передачу руками экипажа, позволяли кораблю двигаться вперёд. Поворачивал он с помощью кормового вертикального руля, который имел деревянный каркас, обтянутый тканью.

Всё это время армия герцога Альбрукского отдыхала и развлекалась. Ближайший к столице город предложил мятежникам своё гостеприимство. Бюргеры предоставили солдатам кров, стол, а некоторые даже своих дочерей и жён, лишь бы избавиться от, как внезапно оказалось, ненавидимого многими Альфреда Хлебосола. Закари совсем не ожидал, что найдёт столь ярых сторонников в считающихся лояльными королевской власти поселениях.

Сам герцог Альбрукский в массовых развлечениях участия не

принимал, коротал время в компании Гвидо и Питера Одноглазого, мечтая поскорее закончить свою миссию.

В один из вечеров, проведённых троицей за бочонком вина и партией в кости, Питер поведал, как потерял глаз.

Когда ему было шестнадцать, деревню свободных земледельцев, в которой отец Питера был старостой, захватил благородный рыцарь Симон де Курвуазье. За оказанное сопротивление он приказал старосту разорвать лошадьми, а всех мужчин ослепить. Питеру оставили один глаз, чтобы он мог пойти к лендлорду этих земель и рассказать об участи своих земляков. Когда же лендлорд пожаловался на учинённую де Курвуазье расправу недавно вступившему на престол королю Альфреду II, тот объявил Симона правым, ибо не гоже пейзанам вмешиваться в господские распри.

Когда летучий корабль был готов, выяснилось, что он не может поднять в небо ни одного воина: корзина с жаровнями были слишком тяжелы. Закари неимоверно огорчился – столько времени потрачено впустую… Но тут на помощь, как всегда, пришёл Гвидо со своими рецептами. Оказалось, что его любимый дедушка, тот самый, который был знахарем, однажды изобрёл некую смесь волшебных трав, дым которой обладал подъёмной силой. Ничего лучше он не придумал, чем наполнить этим дымом большой бурдюк и, уцепившись за него, оторваться от земли. Это получилось, но бурдюк с пассажиром стал так быстро набирать высоту, что, испугавшись, дедушка отцепился от него и при падении на землю сломал ногу, после чего охромел до конца дней своих. В столице довольно быстро отыскались все необходимые ингредиенты. При добавлении смеси трав к углям в жаровню летучий корабль смог поднять семь воинов в полном вооружении. Добавляя или, наоборот, переставая подкидывать смесь в огонь, можно было заставить корабль довольно быстро набирать или терять высоту.

Для участия в воздушной операции Закари выбрал Гвидо с его неизменным секачом, Питера с длинным луком, одного юного, подающего надежды и очень ловкого в бою рыцаря по имени Себа́стиан и троих лучших людей из бывших ратников графа Голуата.

План был таков: пока основное войско изображает активность у крепостных ворот, спуститься с летучего корабля на верёвках внутрь королевской цитадели, отыскать Альфреда и под страхом смерти заставить его отречься от престола в пользу герцога.

У Питера была ещё идея спуститься с неба для того, чтобы пробиться к воротам и открыть их, но на общем совете она была

отметена как утопическая; пришлось бы перебить почти весь гарнизон крепости, сосредоточенный как раз у ворот, что, несмотря на наличие у Закари волшебного доспеха, было абсолютно немыслимо.

Войска герцога Альбрукского вошли в столицу и дошли до самых стен королевского замка, не встречая на своём пути никакого сопротивления. Можно было бы взять короля измором, но Закари не хотелось долго канителиться, к тому же разведчики докладывали, что с юга на столицу идёт довольно серьёзная объединённая армия вассалов, сохранивших верность королю.

Настал день штурма.

Войска герцога заняли позиции так, чтобы их было хорошо видно со стен замка, но в то же время так, чтобы метательные снаряды до них не долетали.

После сигнала, поданного при помощи рога, пара требушетов начали бомбардировку ворот камнями. При попадании в стены они вышибали лишь каменную крошку и изредка камень-другой из кладки. Разбуженный по этому случаю король вышел на стену, посмотрел на эту картину, приказал не беспокоить по пустякам и удалился в свои покои.

Тем временем летучий корабль со своим экипажем поднялся на максимальную высоту, с которой атакуемая твердыня казалась не больше муравейника, сходство усугубляли мелкие, как мураши, людишки, ползающие по стенам. Корабль развернулся против ветра и, компенсируя его порывы винтами, стал вертикально снижаться на замок. Это делалось для того, чтобы лучники не имели возможности стрелять в пузырь сбоку.

Защитники не сразу заметили угрозу с неба. Когда корабль достаточно снизился, навстречу ему полетели разнообразные метательные снаряды, которые увязали в соломе, своим весом лишь немного ускоряя снижение.

На стене снова появился Альфред, он даже не был облачён в доспех. Комендант замка, командующий обороной, видимо, счёл происходящее достаточно веским поводом, чтобы его обеспокоить. Король посмотрел вверх, нахмурился, отдал несколько коротких распоряжений и спешно удалился. После этого вверх полетели горящие стрелы. Это было предусмотрено – пропитанные специальным составом лоза и прутья горели очень неохотно, но корабль, объятый пламенем и дымом, стал выглядеть ещё более устрашающе, тем более что, снижаясь, он казался обороняющимся всё больше и больше.

В днище корзины были проделаны отверстия для наблюдения за тем, что происходит внизу. В одно из них Закари заметил, что

появилось обстоятельство, действительно способное свести весь план к неудаче: на крышу донжона выволокли большую баллисту и стали устанавливать в позицию для стрельбы вверх. Стрела из неё легко пробила бы и корзину, и пузырь насквозь… А корабль рухнул бы, возможно придавив собой нескольких врагов, но никто из его пассажиров также не выжил бы.

Взволнованный герцог указал товарищам на угрозу.

Тогда Питер, не теряя ни секунды, со словами «Братцы, не поминайте лихом!» выпрыгнул из корзины.

Когда он пролетал мимо башни, катапульта уже смотрела вверх, тетива с помощью шестерёночного механизма была натянута, а стрелок прицеливался.

Коротко пропела стрела и пробила стрелку шею насквозь. Питер улыбнулся, выставил вверх руку с двумя оттопыренными пальцами, что, вероятнее всего, означало знак *Victory*, а может быть, и цифру два, которая знаменовала второй раз в виртуальной жизни Одина, когда тот решился на самопожертвование. И через секунду, которая показалась ему вечностью, великий лучник достиг земли. Вокруг его красиво распростёртого на булыжниках тела растеклось кровяное пятно, по форме напоминающее крылья.

– Красиво… Кровавый Купидон с луком, – прокомментировал Гвидо, как будто придумывая название для блюда.

Пока защитники нашли другого бойца, который смог бы управиться с баллистой, корабль уже снизился на достаточную для высадки высоту. Три жаровни были одновременно опрокинуты вниз, и дождь из горящих углей посыпался на головы осаждённых, заставив их кинуться в укрытия. Воспользовавшись этим, Закари со товарищи сбросили вниз верёвки и безопасно съехали по ним на площадку донжона.

Потерявший управление и охваченный огнём летучий корабль рухнул в один из внутренних дворов замка. Придавленные и опалённые им люди заверещали, усиливая панику среди осаждённых.

Отряд спустился с площадки на верхний этаж донжона и тут же подвергся нападению со всех сторон. Поняв, что долго так не продержаться, герцог, на полную катушку используя возможности своего волшебного доспеха, как таран стал прорубаться к лестнице. От остальных требовалось только прикрывать ему спину.

На лестнице стало проще. Из-за ограниченности пространства враги не могли нападать на кучку смельчаков отовсюду, поэтому удавалось успешно не только обороняться, но и продвигаться в нужном направлении. Закари цинично подумал, что от Питера

Одноглазого с его луком и коротким, как длинный кинжал, мечом здесь было бы мало проку, получилось, что лучник использовал свой ресурс наилучшим образом.

С лестницы они попали в плохо освещённый, извилистый коридор. Дальнейшее превратилось в довольно скучную, рутинную работу. Если кому-то интересно наблюдать, как не имеющие шансов враги в обычных доспехах и с обычным оружием разваливаются от твоих ударов пополам: кто вдоль, кто поперёк, а кто и по диагонали, то Закари это было абсолютно по барабану. Да ещё и эта дурацкая, хлещущая во все стороны кровища… Он просто решил перетерпеть это «приключение».

А оно всё не заканчивалось и не заканчивалось… Коридоры сменялись комнатами, комнаты коридорами, а коридоры лестницами. Альбрукцы то спускались, то поднимались, поворачивали и разворачивались. Конечно, герцог предварительно изучил план королевского замка. Он был устроен как лабиринт, но не до такой же степени. Привыкший ориентироваться в головоломках и посложнее, Закари перестал понимать, где находится.

А враги всё прибывали и прибывали, волнами набегали орды свежих.

Соратники герцога стали уставать. Сначала погиб один из голуатовских ратников, потом другой. Третьим пал Себастиан, молодой, подававший надежды рыцарь. Оставался только один из трёх ратников и Гвидо, который орудовал своим секачом всё менее и менее проворно.

И вдруг Закари заметил, что они попали в помещение, в котором уже были: повсюду уже валялись трупы, пол был скользким от крови. Так повторилось несколько раз, и герцог осознал, что водит отряд по кругу. Его охватило отчаяние. Когда падут последние соратники, враги набросятся на него, как муравьи на жука, забравшегося в муравейник, вскроют доспех и растерзают его очищенную от скорлупы тушку. Неужели король победит, даже не приняв участие в сражении? Это было бы кроме того, что обидно, так ещё и унизительно.

И тут прямо из стены высунулась знакомая рожа королевского шута.

– Вас ведьма морочит! Идите за мной! – запищал он и поманил ручкой с короткими толстыми пальцами.

Закари сначала не понял, что нужно делать, тогда шут полностью выскочил из стены схватил его за полу плаща и потащил за собой.

– За мной! – успел крикнуть герцог перед тем, как исчезнуть в стене.

Последний из трёх ратников замешкался, не для него, простого рубаки, эти колдовские штуки вроде хождения сквозь стены – и был тут же пронзён несколькими мечами.

Если проходить сквозь стены, то до королевских покоев, оказывается, рукой подать.

Обессиленный повар еле ворочал своим орудием и был сражён прямо на пороге. Уже мёртвый Гвидо продолжал прикрывать спину Закари; падая, он случайно зацепился за герцогский доспех и болтался на нём в такт движениям герцога.

Внутрь прорвались лишь Закари и шут, от которого как от бойца толку не было никакого; помимо плоских шуток в его арсенале другого оружия не имелось. Только тут Закари заметил, что что-то мешает его движениям и стряхнул у себя со спины окровавленный труп великого кулинара.

Альфред II Хлебосол успел облачиться в полный доспех: чёрный с золотой инкрустацией, он был красив, роскошен и страшен одновременно.

– Так ты, гадёныш, помогаешь моим врагам? Я ж тебя собаку с рук кормил… – с презрением обратился король к шуту.

– А ты, дядюшка, свою мошну с казной королевства не путай! Мне жалование казначей платит, – огрызнулся карлик.

Король перевёл взгляд на герцога.

– Что вам угодно, ваша светлость? Насколько мне помнится, я вам не назначал.

– Чем же таким важным занято ваше величество, если вам недосуг обсудить условия вашего отречения от престола? – зло ответил Закари.

– Будьте покойны, у меня найдутся дела поважнее, чем осуществление вашей несбыточной мечты о королевской короне.

– Насколько я понимаю, вы не видите оснований для того, чтобы передать её мне?

– А вы гораздо смекалистей, чем кажетесь.

– В таком случае мне придётся убить вас. Защищайтесь!

Закари опустил забрало и двинулся на короля. Тот вздохнул.

– Вы всё-таки добрались до меня. Похвально. Так не спешите. Отдохните, отдышитесь. Вы всё равно сейчас умрёте. Вы же знаете, что мой доспех в два раза сильнее и быстрее вашего, а значит, у вас нет шансов.

– Проходили мы уже эти шансы… Защищайтесь, сир!

Клинок короля был много прочнее, чем у герцога, и после нескольких фехтовальных выпадов последний обнаружил, что от меча в его руке осталась только рукоятка. Он отбросил её, бесполезную. Король, поколебавшись, тоже бросил свой меч.

В рукопашном бою преимущества королевского доспеха стали

ещё заметнее. Редкие удары герцога, которые достигали цели, не наносили никакого видимого урона, зато сам он, от тяжёлых королевских хуков и джебов, летал по всему помещению как игрушка, истязаемая жестоким ребёнком. От его соударений со стенами в них оставались глубокие вмятины. Сыпались каменная крошка и штукатурка, разлеталась в щепки мебель. Скоро помещение превратилось в руины, но короля это нисколько не смущало. Он изловчился и лягнул противника ногой так, что тот снёс спиной мощную колонну и пробороздил по полу несколько локтей. Шлем слетел с головы, а в доспехе что-то заклинило, и Закари не мог подняться, как не силился, ему оставалось лишь трепыхаться, как перевёрнутой черепахе.

Король не спеша разыскал среди мусора свой меч, подошёл, уселся герцогу на грудь и тоже снял шлем.

– Ну! Что вы хотели обсудить со мной, милейший?

– У вас не очень хорошо с памятью? – герцог дерзко смотрел королю прямо в глаза. – Условия вашего отречения от престола, сир. Вы наконец готовы?

Вместо ответа король взял меч одной рукой за рукоятку, другой за клинок и приблизил его к горлу герцога, намереваясь, по всей видимости, отрезать ему голову. Закари изо всех сил попытался удержать его, но меч опускался всё ниже.

Вдруг за спиной короля показалась голова шута. Не придумав ничего лучше, тот содрал свой колпак и набросил его Альфреду на шею.

Король ошибся: он продолжил давить на меч, желая сначала расправиться с более серьёзным противником и не обращая внимания на карлика, как на рассвирепевшую мартышку. Когда он спохватился, было уже поздно – из-за рассинхронизации приказов, посылаемых от страдающего от недостатка кислорода мозга к доспеху, его начало трясти. Давление на меч прекратилось. Закари отпустил оружие, схватил короля за наручи и удерживал его в таком положении, пока шут, стоя на загривке Альфреда, тянул колпак на себя, как кучер вожжи.

– Это тебе за всё, что ты со мной сделал, – прошипел шут. Его лицо искривила страшная гримаса какой-то нечеловеческой эмоции.

Мятежники поняли, что их величество испустили дух, когда на шутовском колпаке перестали звенеть бубенцы.

32. День 19-й.

Пробуждение 32/08 сопровождалось торжественной музыкой и сообщением о том, что он получил сразу тринадцать уровней и достиг одной из основных целей жизни в игре «Время ведьм» – стать королём. «Король умер, да здравствует король!» гласила окружённая салютными всполохами надпись на внутренней поверхности профессионального альтфатестерского саркофага.

– Вы продолжите играть в игру «Время ведьм»? – приятным женским голосом спросил саркофаг.

– Нет, – облегчённо выдохнул Закари. – Никогда!

– В какую игру вас записать на следующий сеанс гипносна?

– Пока ни в какую.

Он отказался от гигиенических процедур и поспешил выбраться из саркофага.

Как альфа-тестер он теперь жил в альфа-доме, представляющем собой двухэтажный коттедж, на втором этаже которого располагались четыре спальни с отдельными ванными комнатами, а на первом – кухня-столовая, общая комната или гостиная и ещё один санузел. Жило в таком доме, как легко было догадаться по количеству спален, четыре альфа-тестера.

А ещё бывали альфа-дома для семейных пар. Да! Альфа-тестеру можно было иметь жену и даже детей.

Закари с наслаждением постоял под колючим душем и с не меньшим наслаждением растёрся махровым полотенцем.

В шкафу висела одежда альфа-тестера, которая не была одноразовой, как у пчёл и бета-тестеров. Чёрный комбинезон с молнией от ширинки до горла. Он полюбовался платиновыми буквами α в бриллиантовой обсыпке. Буковки сияли, переливалась и чем-то напоминали о детстве. Закари натянул комбинезон, понимая, что скорее всего делает это первый и последний раз в жизни.

Перед ним теперь стоял один вопрос: как жить дальше. Он не хотел совсем бросать виртуальную реальность, но в то же время желал существовать так, чтобы его настоящая жизнь была основной, а виртуальная – ничем не обязывающим развлечением.

Надо просто поговорить с Буратино. Он умный, хоть и странный, в нём много от человека, он должен понять…

Одину Закари не доверял. Буратино действительно был обманут и своим создателем, и Якушевым, и тем же Одином. А директор по рекламе… нет. Он прекрасно всё понимал. И когда практически на его глазах убивали невинных людей, он точил топор палача.

Надо найти разумное применение гипносну, чтобы он престал быть наркотиком, который барыги из *Golden Key* и компаний, подобных ей, раздают в обмен на жизнь и свободу. Надо объяснить людям, что и кто мешает им стать счастливыми в реале. Конечно, обладая возможностями богатейшей корпорации, можно было бы донести до людей эти идеи гораздо быстрее и эффективнее…

Надо просто поговорить с Буратино. А если он не поймёт – тогда к панкстерам.

Впервые в своей жизни он дошёл до работы пешком. Нужно было пройти через посёлок альфа-тестеров. Домики были хоть и симпатичные, но все одинаковые, разве что выкрашены в разные цвета. У некоторых побольше зелени, у некоторых поменьше. Видимо, так отличались дома для одиночек и семейных.

Вход в офис Golden Key находился в подножии горы. За стеклянными дверями в три человеческих роста располагался вырубленный в камне обширный вестибюль с дорогими диванами, креслами и журнальными столиками. Заканчивался он стеной с шестью лифтами.

Лифт доставил 32/08 на самый верхний этаж офиса. Кабинет Буратино венчал собой самую высокую башню замкоподобного здания. Он оказался ещё больше и роскошнее, чем у исполнительного директора. А панорамный вид из его стеклянных стен на горы открывался такой, что захватывало дух.

– Привет! – закричал Буратино, когда 32/08 появился на пороге.

– Привет-привет, – улыбнулся посетитель; забавно было наблюдать мальчугана, забравшегося в очень авторитетное офисное кресло. Казалось, сейчас зайдёт настоящий генеральный директор и попросит его не безобразничать и освободить место.

– Ну как тебе твоя новая жизнь?

– Прекрасно, если бы не одно обстоятельство…

– Ты знаешь, что перспектива «Последнего сна» тебе больше не грозит? – перебил Буратино. Он как будто старался вывалить все хорошие новости побыстрее. – Компания содержит альфа-тестеров до самой смерти.

– Не подумай, что я неблагодарен, но кое-что не даёт мне радоваться. Наверное, это даёт о себе знать та самая хромосома, которую открыли у меня изгои. Ты говорил, что и у тебя такая есть. Что-то не заметно…

– Почему? – обиделся Буратино.

– Скажи, тебе не стыдно купаться в этой роскоши, когда миллионы людей пластиковую кашу без соли жрут?

– Я никогда не думал об этом в таком аспекте. Ты опять хочешь меня огорчить? Давай, это не сложно. А я заодно поучусь контролировать эмоции. Но пойми, это не мой выбор. И потом, в виртуальном мире они могут жить не хуже…

– Я говорю это не для того, чтобы огорчить тебя. Просто не понимаю, как у искусственного интеллекта может развиться эгоизм? Это слишком по-человечески, – Закари сразу обратил внимание на портрет седого старика в чёрной рамке, на которого, как внук, походил Буратино, и золотую урну для праха с цифрами 1954-2022. Эта инсталляция занимала в кабинете такое же важное и видное место, как бары с алкоголем у исполнительного и рекламного директоров. – Это же твой создатель, которого ты клонировал? Вряд ли он был настолько себялюбив – у него хорошее лицо. Откуда это в тебе?

– Не надо принимать меня за полуробота-полуребёнка. Я – то, что я есть. Вернее, я – тот, кто я есть. И я хочу разобраться в том, что такое хорошо и что такое плохо именно с человеческой точки зрения.

– Так, чёрт возьми, я же об этом и говорю! Если у тебя и у меня всё хорошо, это вовсе не означает, что и у других тоже. И если ты можешь беспечно наслаждаться жизнью, когда другие страдают – это… как минимум неправильно. Как ты вообще мог допустить, чтоб людей усыпляли с помощью твоей технологии?!

У Буратино снова навернулись слёзы на глаза, но он помотал головой, поморщился и сдержался.

– Я сам пытаюсь это понять… Сначала гипносон был очень дорог – его могли позволить себе только богатые. Я считал, что это неправильно, но дешевле мы его продавать не могли, иначе бы молодая компания просто разорилась. Нужны были клиенты, при увеличении их числа можно было бы снизить цену. Вот тут-то и появились посредники – эти самые бюро по жизнеустройству. Их привёл Якушев. И это был прорыв! Вместо снижения цены он предложил дать им долю в двадцать пять процентов от стоимости гипносна, а они уже придумали способ, как сделать так, чтоб работяги оказались способны его оплатить. Так появились пчёлы и ульи. Якушев говорил, что это прекрасная возможность для развития, дескать, цену снизить всегда успеем, но для начала надо добиться финансовой независимости. Что касается роскоши… он утверждал, что для того чтобы нашу компанию воспринимали всерьёз, мы должны и выглядеть солидно. А по про эвтаназию все мне говорили: «Всё по закону», «они сами так хотят», «это лучшая смерть без боли и страданий»…

– А ты такой наивный столетний дурачок, – ухмыльнулся Закари.

– Да ты пойми, я был всего лишь ИИ, а ИИ должен подчиняться человеку. Наверное, я попал не в те руки. Но сейчас я сам человек… почти. Сам могу выбирать, с кем мне по пути, – он с надеждой посмотрел на собеседника. – И вообще, боюсь, ты недооцениваешь мою работу. Мой создатель перед смертью наказал мне сделать виртуальную реальность доступной для всех. Я сделал. Может, неидеально, но у меня получилось… Параллельно я понял, что гипносон – это не просто развлечение. У виртуальной реальности кроме прочих есть, например, такая задача – абсорбировать человеческую агрессию.

– Это как?

– Люди жестоки, и в отличие от животных жестоки сознательно и часто бесполезно. Один из способов развлечения у них – это причинять друг другу боль. Как показал весь ход истории, человечество абсолютно не способно обходиться без войн, несмотря на то что поддержание мира – это основная задача политиков. Поэтому либо реальная опасность того, что люди сами себя уничтожат, как это наглядно показал последний мировой конфликт, когда мир в очередной раз был поставлен на грань ядерной катастрофы, либо то, что мы имеем сейчас: уверенность в дальнейшем существовании человечества. Это, поверь мне, немало. Мы сумели отвлечь людей и целые страны от взаимных распрей, они теперь дерутся только в игре. Всё это в соответствии с принципом меньшего зла. За время массового распространения технологии гипносна на Земле не произошло ни одного серьёзного военного конфликта. Снизилось количество преступлений, связанных с насилием. Процесс глобализации значительно ускорился. Большинство стран разделены теперь границами лишь формально, кроме ближневосточных и самых диких африканских. Ещё России, конечно… И мне приятно думать, что в этом есть и моя заслуга, и заслуга моего создателя.

– Согласен, Буратино, это немало. Это очень даже здорово! Ты большой молодец. Но всё это, как наркотики, назначаемые на последней стадии рака. Они лишь снимают боль и страх, но от болезни не излечивают. Когда человек лишается гипносна, эта абсорбируемая агрессия высвобождается, и он начинает на всех бросаться. Ты прав, и не только жестокость, но и жадность, и подлость заложены в природе любого человека. Эти инстинкты необходимы для выживания в дикой природе или в примитивном, нецивилизованном обществе. И им не нужно давать выход. По большому счёту не важно, в какой реальности они проявляются. Там те же люди. И хоть там невозможно навредить им физически, но негативное воздействие на психику может быть не менее разрушительным. Надо учить человека подавлять в себе порочные

проявления. Это как у компенсированных маньяков, которые, испытывая влечение к убийству, в то же время понимают, какой непоправимый вред могут нанести, и удерживают себя усилием воли. Так должен уметь делать каждый. Насколько он научится контролировать свои дремучие инстинкты, настолько хорошим человеком и будет. Понимаешь? – Закари показалось, что он говорит слишком сумбурно из-за волнения.

– Понимаю. Ты говори, говори, – успокоил его Буратино. – У нас есть ещё минут пять.

– Игра – прекрасное средство для обучения и воспитания людей. Вы почти это не используете. Ваши игрища потакают самым низменным инстинктам, а могли бы быть использованы для создания новой морали…

– Мы думали, что это неэтично – навязывать путём внушения людям свои идеи, – поспешил вставить мальчик.

– Кто-то всё равно берёт на себя такую ответственность: решать за других. И более охотно это, к сожалению, делают мерзавцы. У них нет никаких комплексов по этому поводу, никакой рефлексии. Они не думают про этику, а просто берут и делают так, как им самим выгодно. И пекутся не о том, как сделать людей лучше, а как оправдать свою выгоду в их глазах. Так почему не взяться за установление правил игры людям хорошим? Вот тогда и воцарятся на Земле мир и благоденствие.

– Как ты себе это представляешь?

– Вот изгои говорят, что строить прекрасное будущее будут только люди с подходящим набором наследственных признаков. Я считаю, что это чушь и фашизм. От наследственности многое зависит, но от воспитания гораздо больше. Нужно сделать так, чтобы быть хорошим, общественно полезным, цивилизованным человеком было популярно.

– Мне в общем нравится то, что ты говоришь, и у меня будет к тебе предложение по этому поводу. Но озвучу я его на совете директоров, который состоится прямо сейчас и на который я тебя приглашаю.

Тотчас открылась дверь, и в кабинет зашёл Одинцов и тепло поприветствовал Закари. И почти сразу за ним Якушев. Он тяжело посмотрел на молодого человека, потом вопросительно на Буратино. Тот кивнул. Исполнительный пожал плечами и сел.

– Я всё-таки не понимаю, что этот тип здесь делает?

– Это я его пригласил, – твёрдо ответил Буратино. – Давайте начнём с обсуждения ситуации в игре «Время ведьм»…

– А давайте! – с готовностью подхватил, почти перебил исполнительный директор. – Я, в полном восторге от того, как вам удалось провернуть этот переворот… – он потёр шею, как

будто она у него болела, – но хочу вам напомнить, что игра называется «Время ведьм», и как же вы теперь без ведьм там обойдётесь?

– Почему же без? – ответил Буратино. – Они будут там присутствовать, только не на ключевых позициях, как раньше, а как неизбежное, но контролируемое зло. Игроки в подавляющем большинстве положительно реагируют на захват герцогом Альбрукским к власти в стране. Эта победа, я уверен, резко увеличит приток пользователей в игру. Следовательно, концепция «феодализма с человеческим лицом» продуктивна.

– Выходит, я был неправ, – признал Якушев с досадой. — Ладно. Без меня там тогда разбирайтесь, раз такие умные.

– Отлично, – Буратино по-детски улыбнулся, но потом сразу стал серьёзным. – Теперь поговорим о том, что делать с реалом. И, боюсь, Андрей, тебе не понравится то, что я сейчас скажу… Ты снова возглавишь юридический отдел, а политикой корпорации в роли исполнительного директора займётся Закари Вентер. Он открыл нам глаза на многие вещи, и он лучше нас всех вместе взятых понимает, что сегодня нужно этому миру. Вот он сейчас перед нами – глас человечества, выражающий самые сокровенные его чаяния.

Якушев достал из внутреннего кармана пиджака металлическую фляжку, открутил крышечку и стал лакать крупными глотками, пока содержимое не закончилось. После чего поперхнулся, откашлялся и заговорил, как это ни странно, спокойно:

– А я ведь чего-то подобного от вас и ожидал… Почти не удивили, господа. Что ж, видимо, по-вашему я это заслужил… И какие же у вас планы на будущее, позвольте спросить?

Буратино кивнул Закари, приглашая того самому ответить на этот вопрос.

За пару минут, которые прошли после объявления генеральным директором своего решения по поводу назначения недавней пчелы на столь важную должность, Закари успел пережить бурю эмоций, в основном радостных. Получалось, что тот самый разговор, к которому он готовился с утра, состоялся. И умница Буратино всё понял. С нечеловеческой скоростью проанализировал и сделал выводы. Неограниченные возможности одной из богатейших корпораций мира, с помощью которых можно преобразить этот самый мир в лучшую сторону, теперь подвластны ему, окончательно получившему имя вместо номера. Нужно только собраться с духом…

Закари заговорил, немного раздумывая между пунктами:

– Первым делом нужно разорвать все отношения с бюро по

жизнеустройству и резко снизить цену на сеансы гипносна. Второе, разработать и начать активное продвижение развивающих виртуальных игр. Третье, запустить массовое производство промышленных роботов. И наконец, создать подразделение, занимающееся вопросами увеличения продолжительности человеческой жизни до бесконечности.

– Я вижу, вы ещё поработали над утопией, которую уже озвучивали в прошлую нашу встречу, молодой человек… Слишком много на себя берёте, а сами вообще не представляете, о чём говорите. Вы не понимаете, что будет дальше? Вы получите миллионы бездельников, бесполезно прожигающих бесконечную жизнь.

Закари немного замешкался с ответом.

– Кроме материальной сферы существует ещё и духовная. Люди будут создавать духовные ценности, предметы искусства…

– Это бред какой-то, – Якушев явно начинал сердиться. – А если у человека нет таланта?

– У каждого ест талант. Его нужно только найти и развить. А за бесконечную жизнь любой сможет это сделать. Если правильно воспитывать людей…

– Воспитывать?! – наконец взорвался бывший исполнительный. – А кто это будет делать? Вы, что ли? Да вы кто такие? Великие педагоги? Песталоцци? Макаренки все тут собрались? Сухомлинские хреновы? Особенно этот, – Якушев ткнул пальцем в Буратино и расхохотался. – Его самого ещё воспитывать и воспитывать. Да и бесполезно их воспитывать. Хочу привести вам в пример события, которые происходили сто лет назад в России. Я, к счастью, не застал это время, но много читал про него. Я в отличие от вас, любителей, серьёзно историей увлекаюсь. Так вот была такая порода людей – советский человек. С детства с молоком матери всасывал он, что бога нет, деньги – мусор, который нужно выбросить на свалку истории, а все люди братья. Но вот сменилась власть. Людям сказали, что в бога таки надо верить, деньги – хоть и не самоцель, но дают свободу, и снова напомнили, что человек человеку – волк. Всё! Все мигом переобулись. Кресты нацепили, бабки стали выдирать друг у друга из глотки и бывших братьев резать. Вот вам и воспитание. Что вы на это возразите?

Тут вмешался Буратино.

– Ты не застал то время, а я застал. Вот и Антон Сергеевич застал, – он кивнул на портрет. – А он как был атеистом, так и оставался им до самой смерти.

– Да при чём здесь создатель твой, Буратос? Таких, как он, единицы были. Исключения, подтверждающие правило. Я про

основную массу людей говорю, про баранов этих, которым направление указали, они и побежали в надежде травку посочнее найти. Так что всему своё время. Оно всему и научит, и станет тогда раб свободным. Не раньше и не позже. И не от нас это зависит. И никуда торопиться не надо. Бесполезно это.

– Ещё как полезно! Именно торопить нужно это время. И ещё как от нас зависит, – горячо заговорил Закари. – А вы лукавите. В своих играх вы же сами и учите. Но не тому. Учите покорности, тому, как быть образцовым членом стада. Вы вот пример этот исторический привели. Я действительно мало знаю то время – нет по нему игр интересных, но сильно подозреваю, что государство и воспитало таких баранов, которые за травку на всё готовы. Поэтому и переобулись они так быстро. А надо учить людей быть свободными, иметь собственное мнение, принципы. Уметь требовать от государства то, что оно должно своему гражданину. Быть человеком, а не бараном тоже надо уметь…

– Бла-бла-бла. Пустые бредни… – Якушев даже не посмотрел в его сторону. – Эх, ребятушки, кого вы слушаете? Это же насекомое. Личинка! Всё, что он знает, из наших же игр и почерпнуто.

– Зря ты так, Андрей, – наконец подал голос Один. – Один, как глухарь, поёшь и никого не слышишь. Впрочем, как всегда…

– Ясно… – вздохнул Якушев. – Что ж, так я и думал. Давайте тогда я вам кое-что покажу.

Его третий глаз создал голограмму над поверхностью стола. Это был саркофаг. Он не был вмонтирован в стену и был весь прозрачный, как будто из хрусталя. Внутри лежала девушка… Её лицо приблизилось, и Закари узнал Сильвию. Она стучала кулаками по стенкам и кричала что-то – саркофаг не пропускал звуки.

– После того, как вы убили меня в игре, я понял, что на этом вы не остановитесь. Поэтому я решил пойти на некоторые превентивные меры. Мои люди похитили изгойку и доставили в надёжное место. Если вы не согласитесь на мои условия, твоя возлюбленная, Закари, умрёт через месяц. Я не зверь, до этого она проживёт тысячу лет в раю. Но я не стану погружать её в «Последний сон», если подпишете эти бумаги, – он достал из ящика чёрную папку с золотым логотипом компании и толкнул её по гладкой поверхности стола в сторону компаньонов. – По ним вы забирайте себе завод турбопланов и три миллиарда денег – по миллиарду на рыло, а я оставляю себе игры, этот офис и поселение альфа-тестеров.

– То есть замок и деревеньку? Никак не можешь изжить в себе феодала? Во «Время ведьм» переиграл? А ты не охренел, брат? –

возмутился Один. – Постой. Ты сказал три миллиарда. А остальные четыреста тебе?!

– Да, мне! Потому что это я их заработал.

– Но тогда нам никогда не осуществить наших целей… Денег же ни на что не хватит, – огорчился директор по рекламе, который, как теперь стало окончательно ясно, встал на сторону Буратино и Закари.

– Я придушил тебя в игре, и самое страшное, что мне это понравилось, – прошептал Буратино, – если честно, хочется повторить в реале.

– Можете не соглашаться. Но только эта красавица тогда уже никогда не проснётся. И даже, если вы её отыщите, всем вам прекрасно известно, что, если человека разбудить во время процедуры «Последнего сна», он может сойти с ума или, в лучшем случае, потерять память. У вас есть минута на принятие решения. Время пошло.

На голограмме появился таймер: красные числа начали меняться – 60, 59, 58…

Все смотрели на Закари, было понятно, что решение зависит только от него.

На цифре «10» молодой человек встал, взял в руки папку, достал оттуда листы и разорвал их пополам, потом ещё пополам, потом ещё…

– Тут математика простая: один человек или всё человечество, – бормотал он. – По принципу меньшего зла… Пускай она станет последней, кто увидит «Последний сон».

Разорвать ещё раз сил уже не хватило, и Закари бросил ворох обрывков через стол в лицо Якушеву.

Цифры таймера исчезли, по периметру саркофага побежали синие огоньки. Сильвия перестала биться и закрыла глаза.

Сквозь слёзы с ненавистью глядя на Якушева, Закари процедил:

– Только и эту сволочь тоже давайте усыпим. И чтобы он всегда играл только на стороне зла. И всегда проигрывал, потому что хотя бы в играх добро должно побеждать.

– Это можно, – подумав, сказал Буратино. – А я за этот месяц попытаюсь разбудить Сильвию, но пока совершенно не представляю, как это сделать.

Якушев вскочил, пихнул в сторону Закари своё кресло и побежал к двери, вереща: «Охрана!» Раздался негромкий хлопок, бывший исполнительный директор остановился, обвёл всех мутнеющим взглядом и рухнул лицом вниз. Из шеи у него торчал дротик с транквилизатором.

Буратино положил разряженный пневматический пистолет на

стол.

– Я тоже могу иногда кое-что предвидеть. И я больше не робот, на меня законы робототехники больше не распространяются. Если он сам согласие на эвтаназию не напишет, я его лично пытать буду.

33. Последний сон.

Он пришёл на берег моря. На тот самый пляж, где когда-то в первый раз встретил Сильвию. До заката оставалось ещё часа полтора, но было сумрачно. Небо застлали тёмные тучи, и Солнце подглядывало в дыры между ними, как будто ни на секунду не могло оставить без внимания эту планету. Море было серым, но в тех местах, куда падали солнечные лучи, отливало серебром.

«Ладно, – подумал Закари. – В конце концов у Буратино есть целый месяц, чтобы что-то придумать…»

Он лёг на песок, закинул руки за голову, закрыл глаза и через несколько минут задремал.

Проснулся от звонкого голоса:

– Вас, пчёл, хлебом не корми, дай поспать. По-другому веселиться не умеете. А ну вставай, я тебе покажу, как оттопыриваются изгои!

– Это ты, моя Джульетта? – он улыбнулся, не открывая глаз.

– А кого ещё ты ожидал здесь увидеть, Ромео хренов?

Сильвия села рядом на песок.

Он положил голову ей на колени и заглянул в странные и такие родные глаза.

– Ну вот, ты пришла ко мне, и я почти счастлив.

– А чего тебе не хватает для полного счастья?

– Сама знаешь. Твоего поцелуя.

И снова всё было как в первый раз. И кружилась голова, и пляж плыл под ними навстречу морю, и казалось, что они умирают.

Потом он огляделся и спросил её:

– Так вот это и есть твой рай?

– Он там, где я тебя встретила. Скажи, а меня что, вообще никак нельзя разбудить?

– Скорее всего. И меня теперь, кстати, тоже…

Она посмотрела на него недоверчиво.

– И ты думаешь, мы сможем терпеть друг друга тысячу лет?

– Поживём-увидим.

КОНЕЦ

2022-2023

ЗА ГОРИЗОНТОМ СОБЫТИЙ

Потом Господь Бог сказал:

Познав добро и зло, человек стал теперь как один из Нас. Нельзя, чтобы он простёр руку, и, сорвав плод также и с древа жизни, съел его и стал жить вечно.

«Ветхий Завет», «Бытие» (3:22).

Конечное человеческое существование смысла не имеет.

«Последний Завет». Постулат № 1.

Пролог.

Никогда не здоровайтесь с вахтерами и охранниками. Даже если вы полагаете себя настолько важным авторитетом для бедолаги за стойкой, что ваш кивок и лучезарная улыбка немедленно осчастливят его, а приветствие, благословляющее время суток, в которое происходит ваша мимолётная встреча, вселит в него надежду на лучшее. Воздержитесь. Просто пройдите мимо. Он будет благодарен вам за это. Ведь, возможно, именно в данный момент он занят вовсе не тем, что разгадывает кроссворд или зависает в соцсетях, а наоборот, создаёт гениальное произведение в стихах или прозе, а то и фундаментальный философский труд, призванный кардинально изменить вектор развития человечества.

– Шалом! – торжественно произнёс мужчина, худощавый и лысый, минуя пост охраны в вестибюле торгово-развлекательного центра «Панорама» на окраине Тель-Авива.

– Шалом, мля, – откликнулся дежурный секьюрити. Слово «шалом», означающее на иврите «мир», он произнёс громко, а второе даже не слово, а скорее междометие, передающее в данном случае досаду и раздражение, – гораздо тише.

Досадовал же и раздражался он потому, что в тысячный раз его отвлекли от написания фантастического романа о самом дальнем космосе. Проводя миролюбивого господина ненавидящим взглядом, он ещё раз перечитал злосчастный текст на мониторе ноутбука.

– И куда нам теперь? – в растерянности пролепетал рулевой.

– Может быть, до следующей Вселенной? – предложил старший помощник и посмотрел на штурмана.

Тот поднял плечи и развёл руки.

– А по каким картам пойдём, я вас спрашиваю? У вас есть карта?

– А вы уверены, что она вообще есть, – эта другая Вселенная? – поинтересовалась судовой врач.

– Обязательно должна быть, – горячо заговорил второй помощник. – Сами посудите. Космос бесконечен. Так? Так. Значит, и Вселенных в нём бесконечно много…

– Да ни черта это не значит! – зарычал боцман, мужчина прямой и вспыльчивый.

– А как же теория мультивселенной? – второй помощник вступил в дискуссию, не замечая хамства со стороны подчинённого. – Почему в бесконечном пространстве должен быть

только один большой взрыв?

– Да идите вы… со своей теорией, – снова нарушил субординацию боцман, – тут практика нужна.

– Вот и я говорю, покажите мне карту, – ободрённый поддержкой, подхватил штурман. – По карте я маршрут в момент проложу.

– А я вообще помолчал бы на вашем месте! – одёрнул его старший помощник. – Это по вашей милости мы здесь оказались.

Штурман снова развёл руками и виновато потупился.

Члены экипажа, собравшиеся в кают-компании, обратили взоры к капитану, который не произнёс ни слова после того, как объявил страшную новость, которая заключалась в том, что космический колониальный транспорт «Луч надежды» из-за провороненного штурманом сбоя навигационной аппаратуры пролетел сквозь всю Вселенную и вылетел из неё, как пробка из бутылки.

Капитан угрюмо молчал.

– А что если, пока мы летим, наша Вселенная начала сворачиваться и время в ней потекло вспять? – снова затараторил второй помощник. – Получается, нам надо искать Вселенную, которая всё ещё расширяется и время в ней течёт в нормальном направлении. Потому что я, например, абсолютно не представляю, как жить во времени наоборот…

Старший помощник жестом остановил уже открывшего было рот боцмана, потом обратился к теоретику:

– Я бы посоветовал вам не слишком увлекаться, ведь ресурс корабля небезграничен, и в условиях абсолютного вакуума возобновлён быть не может.

Второй помощник страшно удивился и обиделся – ведь всё, что он говорил, было в поддержку идеи, высказанной старпомом.

– И слова больше не скажу. Сами решайте.

Все снова посмотрели на капитана.

– Буду с вами откровенен, господа, – наконец выдавил из себя кэп, – примерно миллиард лет назад мы пересекли точку невозврата.

Страдалец добавил пару запятых, а одну убрал. Потом поколебался немного и поставил на место. Он уже, наверное, в сотый раз возвращался к этой сюжетной завязке и никак не мог сдвинуть её с мёртвой точки.

Далее предполагалось, что бортовой ИИ космического транспорта «Луч надежды», оценив ситуацию и придя к выводу, что по-другому остатки человечества не спасти, начнёт поглощать пассажиров, а затем и экипаж, чтобы переработать в топливо и

дотянуть до ближайшей планеты с приемлемыми для колонизации условиями.

Беззаботное, лёгкое повествование должно было перерасти в психологический хоррор, однако пара важных деталей никак не срастались. Первая глобальная загвоздка заключалась в том, что если корабль летит со скоростью, близкой к скорости света, то конца Вселенной он никогда не достигнет, поскольку, как это недавно выяснил автор, и, оказывается, широко известно всем мало-мальски интересующимся космосом, она расширяется со скоростью большей, чем скорость света. Если же сделать сказочное допущение, что такая ситуация возможна, тогда вступала в силу вторая загвоздка: как можно оказаться такими ротозеями и проморгать момент вылета за пределы Вселенной? Допустим, сканер корабля, нащупывающий подходящие для жизни миры, был настроен так, чтобы выводить из гибернации бортовой компьютер и экипаж из анабиоза только при приближении к таковым мирам, но за миллиарды лет путешествия, ни одной потенциальной колыбели для новой цивилизации так и не обнаружилось, и корабль пролетел всё на свете. Но учёные и конструкторы трансгалактического судна обязаны были предусмотреть такой вариант развития событий!

Однако эпический эпизод с вылетом корабля подобно бутылочной пробке за пределы материального мира было жалко. Получался двойной рекорд в литературном вымысле: по удалённости места действия как в пространстве, так и во времени. Можно было бы преподнести историю как некий анекдот или притчу, но выходила тогда мягкая, антинаучная фантастика, а в этом жанре дебютировать нашему вахтёру не хотелось. Он был приверженцем фантастики твёрдой и именно в этом жанре мечтал ворваться в большую литературу, что называется, с низкого старта, так, чтобы прямо с первого романа попасть в число если не знаменитых, то хотя бы известных авторов.

Часть I

Глава 1.

Может, потому что фамилия его начиналась с отрицательной частицы «не», к своим сорока с хвостиком Невструев ещё не успел смириться с тем, что всю жизнь будет неудачником. И это несмотря на все предпосылки, коих было предостаточно. Для него всё ещё были актуальны рассуждения на тему: «Ну не может же так случиться, что у меня никогда не будет ни спорткара, ни яхты, ни виллы с бассейном на берегу моря». То, что в столь почтенном возрасте он оказался рядовым охранником в торговом центре, Александр расценивал вовсе не как катастрофу, а как переход на новый уровень развития, как возможность наконец стать писателем.

В четырнадцать Саша за три дня проглотил «Мастера и Маргариту». Прочитав последние слова романа, он какое-то время сидел в оцепенении. Потом закрыл книгу, выключил свет и подошёл к окну. Была зима и поздний вечер. В совершенно чёрном небе сияли звезды. Мальчик смотрел на них долго, пока они не расплылись в его повлажневших от умиления глазах. «Господи, как же здорово!» – подумал он и рассмеялся негромко. Потом смахнул слёзы и навсегда захотел писать добрые и мудрые книги.

После этого долго ещё даже не пытался ничего творить, понимая, что сначала необходимо познать жизнь и понять людей. Вдохновлённый многочисленными примерами докторов-писателей, Александр решил получить медицинское образование. Изучить устройство основного предмета его интереса – *Homo Sapiens*. Разобраться в физиологии высшей нервной деятельности. К тому же врачебная специальность подразумевала постоянное общение с самыми разными людьми и, как следствие, максимально быстрое пополнение багажа жизненного опыта.

Он прилежно учился, потом также работал и продвигался по карьерной лестнице. На двери его кабинета в психоневрологическом диспансере крупного областного центра появилась табличка «Зав. отделением А.Н. Невструев». Однако он не отдавал медицине всю душу. Наблюдал за собой как будто со стороны. Наконец осторожно начал переносить свои наблюдения в тексты.

К сорока годам у Невструева накопилось рассказов на два тоненьких сборника: один обычной прозы, другой –

фантастической. Он издал их на бумаге за свой счёт и выложил в электронном виде на продажу в Интернете. Его даже приняли в местный союз писателей. Кроме того, появился очень скромный, но постоянный дополнительный доход, который он тратил на то, чтобы сводить жену куда-нибудь раз в месяц. В эти дни он ощущал себя настоящим писателем, даже если приходилось при оплате ресторанного счёта добавлять из основной зарплаты. Всё остальное время он мечтал о том, как напишет некую «большую книгу», которая прославит его и сделает финансово независимым. Короткие истории издательства не интересовали, нужны были целостные произведения объёмом не меньше восьми авторских листов, да и в Интернете повести, а тем более романы продавались гораздо лучше новелл.

Александр уже давно чувствовал себя готовым к написанию чего-то грандиозного, и лишь работа, поглощающая всю энергию, была помехой. После дня, проведённого в психиатрической лечебнице, писать абсолютно не хотелось. Рутинные действия: обходы, процедуры, заполнение бесконечных бланков от руки и в компьютере, общение с неадекватными пациентами и часто с такими же коллегами не оставляли места полёту фантазии ни во время рабочего дня, ни после его окончания. После трудового дня сил хватало только на то, чтобы завалиться на диван и посмотреть какой-нибудь фильм или развлекательное видео. Последние несколько лет он уже даже не читал книг, слушал их в аудиоформате по дороге в психушку и обратно домой. Выходные тоже были довольно однообразными: в пятницу – посиделки с друзьями, сопровождаемые обильными возлияниями, в субботу – борьба с алкогольной интоксикацией. Для литературных экзерси́сов оставалось лишь воскресенье. Романы так не пишутся. Но работу он бросить не мог по очевидным материальным причинам.

Невструев чувствовал, что драгоценное время бездарно уходит – в конце концов это стало его экзистенциальной трагедией.

И тут сама жизнь подсказала ему выход из замкнутого круга.

Первым обстоятельством явилось то, что девичья фамилия его тёщи была Коган, что означало принадлежность её рода к самому привилегированному колену еврейского народа. Жена Невструева Анна рассказала ему об этом на втором году семейной жизни и предложила уехать в Израиль. Тогда Александр положительных перспектив такого поступка не разглядел и с негодованием отказался.

Анна оставила этот разговор на долгие десять лет, чтобы вернуться к нему с началом спецоперации в феврале двадцать

второго года, которая и стала обстоятельством номер два.

– Ты же не хочешь, чтобы тебя забрали воевать в Украину?

– Не в Украину, а на Украину. Да кому я нужен? Я уже старый, – не очень уверенно возразил Невструев.

– Прежде всего ты офицер медицинской службы в запасе. И не такой уж старый.

Он был старше супруги на восемь лет. Когда они познакомились в 2010 году, Анна училась на третьем курсе филфака, а Александр уже окончил институт и два года работал доктором. Ко времени начала СВО ему исполнилось ровно сорок лет.

– Ну и схожу, если что, мне же не с автоматом бегать… Опыта наберусь бесценного для писателя. Денег заодно заработаю, там хорошо платят.

– Симонов хренов… а по совместительству солдат удачи, – насмешливо произнесла жена. – Но почему в этой сумасшедшей ситуации обязательно занимать чью-то сторону? Вот представь себе такой случай: в твоём отделении пограничных состояний подрались два пациента. Санитар должен их разнимать или поддержать того, кто ему по генетике ближе?

Александр улыбнулся.

– Я понимаю, куда ты клонишь, но ты слишком всё упрощаешь…

Она не дала ему закончить.

– Тогда подумай о том, что в Израиле ты наконец напишешь свою первую большую книгу. Полгода мы будем получать подъёмные от государства, всё это время вместо работы сможешь спокойно заниматься творчеством.

Этот аргумент сразил Невструева наповал.

Или из-за войны процедура репатриации упростилась, или каким-то образом сказалась принадлежность предков Анны к элите еврейского народа, но уехать им удалось очень быстро.

По приезде сразу получили израильское гражданство. Однако планам на творческий отпуск не суждено было сбыться. Денег, вырученных от продажи приличной трёхкомнатной квартиры в центре российского города-миллионника, хватило лишь на первый взнос в ипотеку за захудалую студию с одной спальней в Холоне – городе-спутнике Тель-Авива и на десятилетнюю Мазду. Пособие для новых граждан – так называемая «корзина абсорбции» – уходило на пропитание и коммуналку. На ежемесячные ипотечные выплаты и прочие нужды его не хватало.

Александр сам завёл разговор о необходимости работы. Тогда Анна предложила следующий вариант:

– Давай тогда так. Ты пока поработаешь, а я закончу ульпан[56] и курсы для риелторов, – (в России последние несколько лет она работала секретарём в агентстве недвижимости, в Израиле решила двигаться дальше по этой же теме и заняться непосредственно продажами). – Потом я пойду работать, а ты учить язык и подтверждать свой диплом. И параллельно писать. Ты же сможешь учиться и писать одновременно?

– Наверное.

Целый год Александр тяжело работал. Особенно вторые полгода, когда корзина уже кончилась. Недавнему врачу высшей категории пришлось вкалывать разнорабочим. Ни о каком писательстве речи быть не могло. Он страшно уставал физически, но ещё страшнее морально. Досуг скатился к пиву и сериалам.

Поначалу Невструев старался не унывать и оправдывал этот период жизни форсированным накоплением необычного и совершенно недоступного ранее опыта. Что за биография была у него до сих пор? Учился, потом работал по специальности. Скукота. То ли дело приобщиться к правде жизни через мозолистые рукопожатия с новыми интересными людьми.

Однако люди, которых ему довелось повстречать на заводе, надежд не оправдали. Интересных персонажей Невструев не повстречал. И сама работа на заводе не стала для него откровением. Ничего особенно интересного он не узнал. То, что рабочих на капиталистических предприятиях за людей не считают и постоянно унижают, новостью для него не стало – это можно было легко себе представить и без практического личного участия. В итоге Александр, имя которого редуцировалось до Алекса, возненавидел всех. Пролетариев, которые позволяют на себе ездить и ничего большего на самом деле не заслуживают. Начальство разных уровней – людишек гнусных и подлых, которые, продав душу дьяволу, не иначе, вырвались из низов и всеми силами подтверждают истину, что самые жестокие надсмотрщики получаются из бывших рабов. Владельцев предприятий, мнящих себя небожителями, а остальных лишь прахом у своих ног.

Анна тем временем подучила иврит, да так, что могла делать вид, как будто изъясняется на нём свободно. Филолог по образованию, она легко освоила немудрёную ивритскую грамматику и каждый день форсированно наращивала словарный запас. Курсы риелторов также окончила очень успешно, всё время обучения подавая надежды, и её взяли на стажировку в крупное тель-авивское агентство недвижимости.

– Ну что, дорогой, теперь твоя очередь, – заявила Анна в один

прекрасный день. – Увольняйся со своего завода и дуй в ульпан! А то за год только названия инструментов выучил.

Они сидели за столиком в ресторане, куда отвела его жена, по случаю заключения её первой сделки.

– Послушай… – Александр был очень серьёзен. – Ты помнишь, что я согласился сюда ехать, чтобы полгода спокойно писать, а потом из этого ничего не получилось?

– Я ценю твой подвиг, – она взяла его руку со стола и крепко сжала. – И очень тебе благодарна. Можешь прямо сегодня получить с меня часть долга.

– Это обязательно, но сейчас не об этом. Как бы тебе это объяснить?.. – он поколебался немного. – Я не хочу учить иврит.

Анна ещё продолжала улыбаться по инерции, но брови у неё недоумённо поползли вверх.

– Но без языка ты не сможешь подтвердить свою врачебную квалификацию.

– А я не хочу её подтверждать.

– Ты шутишь? – её улыбка стала жалкой.

– Вовсе нет.

– А чего же ты хочешь, Невструев?

– Я хочу пойти работать куда-нибудь в охрану. Чтобы сидеть спокойно на посту и писать книгу. Денег будет, конечно, меньше, чем на заводе, но, пока ты не вышла на стабильный доход, они нам не помешают.

– Ясно, – Анна снова расцвела, – ты беспокоишься, что моей зарплаты не хватит. Я понимаю. Но это ты зря. Я на этой сделке, кстати, восемь тысяч заработаю, плюс оклад, в итоге больше твоей зарплаты на заводе в этом месяце выйдет.

– Поздравляю.

Александр звякнул своим бокалом о бокал жены.

– Давай тогда так. Я всё придумала, – по-деловому зачастила она. – Поработай пока в охране. Посмотрим пару месяцев, как у меня пойдёт. Если денег будет нормально, а я в этом практически уверена, пойдёшь язык учить. Чтобы диплом врача тут подтвердить, иврит почти в совершенстве знать надо.

Александр заговорил громко и твёрдо:

– Не хватит мне пары месяцев! И не хочу я знать иврит в совершенстве. Для работы охранника мне уже достаточно. И вообще, я русский писатель, зачем мне этот мёртвый язык?

– Тише, прошу тебя. Какая тебе разница: учиться или охранником работать? Днём учись, вечером пиши свою книгу.

– Да не смогу я так. Я себя знаю. На учёбу вся умственная энергия уходить будет.

– А работая охранником, значит, сможешь?

– Смогу.

Лицо у Анны стало такое, как будто она сейчас расплачется.

– Послушай, дай же мне написать только одну книгу! – Взмолился Александр. – Всего лишь одну. Если она не выстрелит, клянусь, пойду квалификацию подтверждать и язык этот долбанный учить!

– Тише. Люди уже смотрят, – шикнула она. – Что значит «выстрелит»? Что, мы тогда сразу разбогатеем? Ты же понимаешь, что так не бывает.

– Там видно будет.

Анна подумала.

– Хорошо. Полгода. Идёт?

– Идёт!

Супруги подняли бокалы, скрепляя новый договор.

Глава 2.

Работу секьюрити Александр нашёл без проблем; объектов, которые нужно охранять, в Израиле предостаточно, а вот людей, готовых это делать с каким-никаким риском для жизни и здоровья, тем более за минимальную зарплату, не так много. С ним формально побеседовал русскоязычный начальник охранной фирмы, пробил Невструева по полицейской базе, и уже на следующий день назначил на пост в торгово-развлекательном центре.

Пользоваться ноутбуком на этой работе можно было без ограничений. Имелась огромная стойка со столешницей, которая закрывала по шею охранника, сидящего в роскошном, хоть и сильно потёртом, директорском кресле. Тут же находились небольшой холодильник, микроволновка и чайник. Еще под стойкой была тревожная кнопка, но, как объяснил начальник, она не работала.

– А как быть, если что случится? – удивился Невструев.

– Просто позвони в полицию. Ни в какие разборки и драки не встревай. Ты охранник без оружия, это не в твоих полномочиях. Считай, что ты просто неравнодушный наблюдатель.

– А если бы у меня было оружие, насколько больше я бы получал? – новичок покосился на кобуру на поясе начальника.

Тот отмахнулся.

– На пару шекелей в час, не больше. Особенной разницы в зарплате не почувствуешь. Но совершенно другой статус, другая ответственность, другой риск. Поверь мне, тебе это не нужно.

За смену нужно было три раза совершить обход здания, занимало это минут пятнадцать. Вечером запереть три входа в

торгово-развлекательный центр. И всё. Все обязанности. Казалось бы, кайфуй, пиши. Но не тут-то было.

В рабочее время постоянно мимо шастали люди. Здоровались без конца, что-то спрашивали – сосредоточиться было абсолютно невозможно. К тому же спрашивали в основном на иврите, и Александру стоило неимоверных усилий, чтобы подтверждать знание основ языка, как это требовалось в условиях приёма на работу.

Писательский труд требует концентрации, которой очень непросто достичь человеку, не способному по желанию отключать свои органы чувств, как это умеют делать просветлённые индийские йоги. Отвлекает всё: телефонные звонки, уличный шум, даже капающая из неплотного закрытого крана вода. Хотя вот шум дождя, например, совсем наоборот… Поэтому в идеале нужно вовсе не иметь телефона и жить в лесной глуши у озера. Желательно в местности с высоким уровнем среднегодовых осадков. Но это становится возможно уже потом, когда три-четыре книги становятся мировыми бестселлерами. До того, как это произойдёт, начинающему писателю приходится пахать на обычной работе, что существенно, а иногда и навсегда отодвигает саму возможность прославиться и приобрести недвижимость в живописном, влажном захолустье. А пока суета. И бесконечные приветствия от незнакомых людей.

Кроме того, на работе было чрезвычайно скучно, настолько, что это отрицательно сказывалось на творческом потенциале. Александр никак не мог понять природу этой страшной скуки, почти тоски. Ведь дома он так не скучал, хотя и там главным источником его развлечений был ноутбук, как и на посту. Но дома не было скучно, а тут было… И точно так же не писалось, как и дома. Видимо, его полуосознанно угнетал сам факт, что за более чем скромное вознаграждение он должен по двенадцать часов подряд торчать в неуютном, проходном месте.

Пять месяцев Невструев потратил на начало повести о неком репатрианте, которую хотел выдержать в сатирическом тоне а ля Ильф и Петров. Очень долго вводил главного героя, подробно описывая его настоящее и прошедшее, при этом постоянно натужно шутя и балагуря. В итоге понял, что получаются какие-то нуднейшие псевдомемуары, у которых не может быть ни развития, ни окончания. Он бросил текст, утешая себя тем, что получил ценный профессиональный опыт.

Если верить братьям Стругацким, писать нужно либо о том, что очень хорошо знаешь, либо о том, что не знает никто. Александр решил послать соцреализм куда подальше и обратиться к фантастике. Идея с межгалактическим кораблем,

вылетевшим за пределы Вселенной, появилась за месяц до конца оговоренного с женой срока. Но дальше первой страницы дело так и не пошло.

И вот сегодня ровно полгода, как Александр начал работать охранником в ТРЦ «Панорама» с намерением написать книгу за этот срок. Анна, у которой была прекрасная память на даты, конечно же, в курсе.

К этому времени она продала уже пять квартир, три последние сделки провела самостоятельно. В среднем за месяц зарабатывала раза в три больше мужа.

Невструев посмотрел на часы в углу экрана ноутбука, на них значилось 07:57. Его смена заканчивалась через три минуты. Странно, что сменщика ещё нет.

Он пошёл в туалет на втором этаже, рядом с залами для торжеств, самый приличный во всём здании. Умываясь и чистя зубы, наблюдал в зеркале своё не самое красивое, но, как ему казалось, умное лицо с капризным ртом и проницательными карими глазами.

Когда Невструев вернулся на пост, сменщик – неопрятный и глумливый тип – разглядывал что-то в опрометчиво оставленном открытым ноутбуке Невструева и скалился.

– Манишму́хель[57], Шурик! А ты, значит, писатель у нас? – увидев коллегу, стервец нисколько не смутился, что тот застукал его за этим занятием.

– Миша, сука, я ж просил так меня не называть! – Невструев схватил ноутбук, захлопнул и сунул в рюкзак. – Александр, можно Алекс, можно Саша, но только не Шурик. Всё, быва́й!

Придя домой, Александр принял душ и упал спать. Ему ничего не мешало: ни звуки стройки за окном, ни нервные гудки автомобилей, ни истеричные завывания сирен экстренных служб. Он проспал шесть часов и проснулся от того, что жена вставила ключ в замочную скважину.

За ужином, к которому она достала бутылку красного вина из бара, они поначалу мило беседовали. Наконец Анна отложила приборы, промокнула салфеткой рот и спросила:

– Ну что? Как твои писательские успехи?

– Если честно, пока не очень, – пробурчал он.

– Сашенька, я всё понимаю, у тебя тяжёлый период: на пятом десятке ты пытаешься воплотить в жизнь детскую мечту, и у тебя, пока, – она мягко надавила на слово «пока», – не получается. Но надо двигаться дальше. Я согласна быть спутницей начинающего писателя, который работает доктором, но не охранником. Через

неделю стартуют занятия в ульпане, ты должен пойти записаться. Мы уже убедились, что, пока ты будешь учиться, я смогу содержать нашу семью.

– Что значит не получается? У меня уже начало получаться.

Анна усмехнулась.

– Если ты о единственной странице, которую месяц назад мне показывал, то такими темпами книжку ты допишешь лет через сто пятьдесят. Ты собираешься жить вечно?

– А какие ко мне претензии? Своё содержание я оплачиваю, – угрюмо заявил он.

Она не сразу нашлась.

– По-твоему, оплачивать своё содержание для мужчины достаточно?! И конура мне эта надоела! Знаешь, как тяжело после того, как я всякие хоромы людям показываю, возвращаться сюда? Когда ты начнёшь работать за достойную зарплату, мы быстро сможем улучшить жилищные условия. Перепишем ипотеку на нормальную квартиру где-нибудь в Бат Яме или даже в самом Тель-Авиве. В новом доме. Со спальней и кабинетом, где ты сможешь писательствовать в своё удовольствие. И балкон с видом на море. И ещё одна комнатка… Ведь мы тогда сможем позволить себе ребёнка наконец, иначе будет совсем поздно…

– Знаешь, что самое замечательное в доме на побережье?

Анна нахмурилась оттого, что её перебили на таком важном месте. Он как будто не заметил этого и закончил шутку:

– Вы окружены мудаками только с трёх сторон.

– Сам придумал?

– Нет, это Джордж Карлин, американский стендапер.

– Жаль, я думала, ты начинаешь делать успехи как мастер слова, а ты всякую ерунду вместо того, чтобы писать, смотришь.

И это при том, что сама не особ енно верила, что ему удастся преуспеть на писательском поприще… Он сделал вид, что его не задел этот укол.

– Давай так. Я напишу роман и пойду в этот ваш ульпан. Забавно… стих получился.

Она вскочила из-за стола и отошла к окну.

– Ты только посмотри на этот вид. Повеситься можно… Ты издеваешься надо мной? Так нечестно в конце концов! Мы же договаривались… Ты же обещал…

– Мы договаривались, но я не обещал.

Анна всхлипнула и убежала в ванну. Уже оттуда прокричала:

– Зачем я тебя послушалась? Когда мы прилетели, и мне в МВД предлагали мамину девичью фамилию в паспорт записать, ты оскорбился, что не твою. Как же, блядь, граф Невструев! Великий русский писатель! Хренов. Насколько сейчас было бы

проще продавать квартиры с фамилией Коган!

Глава 3.

Прошли ещё пара месяцев.

Александр забросил многострадальное космическое начало, но нового так и не придумал. Дедлайн, который повесила на него жена, душил и раздражал. Невструев создавал фантастические миры у себя в сознании, но они рассыпались и рушились, когда он пытался облечь их в слова. У него выходили странные начала историй с тщательно продуманными и выписанными персонажами, их он конструировать научился, но сами сюжеты при этом были либо примитивны, либо антинаучны. Он всё ждал и надеялся, что у него когда-нибудь появятся такие действующие лица, которые потащат за собой историю. Оживут и станут, как этим любят хвастаться бывалые авторы, сами диктовать свои приключения. Но этого не происходило. Незаконченные истории, которые его разочаровали, Невструев переносил в папку «Наброски» и начинал новые. Как-то раз он подсчитал, что текста в этой папке вполне хватило бы на целый роман. Осознание впустую потраченных усилий и времени приводило Александра в отчаяние, как он ни старался себя утешить тем, что так происходит процесс его становления как писателя.

Анна тем временем открыла отдельный счёт в банке, купила себе телефон последней модели и модный малолитражный автомобиль. Брендовых вещей в её гардеробе становилось всё больше, всё больше по-настоящему дорогих аксессуаров и ювелирных украшений. Она стала пропадать на работе, приходила поздно, часто навеселе. Это у неё называлось «мы с коллегами отмечали сделку».

Всё меньше они разговаривали, всё реже случалась у них близость.

Ему это всё не нравилось, конечно, но он не чувствовал за собой морального права предъявлять ей претензии. Пока наконец ни произошло событие, причинившее Невструеву множество неприятностей.

Анна явилась во втором часу ночи, очень пьяная. Не так, конечно, чтоб в коридоре обоссаться, но шатало её изрядно.

– И где ты была? – спросил он, помогая ей разуться.

– Тебя это дейтв… дей-сительно волнует? – Анна поменяла ногу.

– Почему нет? Конечно. Ты всё-таки моя жена.

– Отстань, – она оттолкнула его и направилась в спальню.

Александр последовал за ней. Гулёна забралась на кровать

как была, в платье, подмяла под себя подушку и закрыла глаза.

– Ты так и будешь спать? Одетая?

– Ну помоги мне тогда.

Он стал стаскивать через голову узкое платье. Анна хихикала, извивалась, пытаясь помочь, но вместо этого только мешала. Наконец он справился, и она упала на спину, но сразу же приняла явно завлекательную позу и промурлыкала, потягиваясь:

– Об'жаю, когда меня раздевают.

Внезапно он почувствовал возбуждение. К тому же секс в последний раз был у них уже очень давно. Довольно быстро он избавил её от остатков одежды. Пахнуло почти выветрившимся парфюмом, разгорячённым телом и ещё чем-то, то ли сигаретами, то ли дымом от костра.

– Что? Что ты хочешь? Не надо. Я же сплю, – шептала она, но при этом совсем не сопротивлялась.

Она тоже явно захотела его. Стонала громче обычного. Очень быстро кончила в первый раз. Ему нравилась её необычная реакция. Он перевернул её на живот.

Любуясь упругой попкой, Александр разглядел прилипшие к ней пожухлые обрывки листьев. По инерции сделал ещё несколько фрикций…

– Ну нет! Не останавливайся, – потребовала Анна.

– Откуда у тебя на заднице листья?

– Какие ещё листья?

– Вот, – он поднёс один к её носу, она смешно скосила глаза.

– Я не знаю. Какая разница? – она перевернулась, села и натянула на себя одеяло.

– Как они там оказались?

– Что ты хочешь этим сказать? – её лицо стало жёстким.

– Я ничего не хочу сказать, я спрашиваю.

– Ты больной, что ли? Что я, по-твоему, по кустам с кем-то трахалась? – вдруг закричала она оскорблённо.

– А как ещё это объяснить?

– Отстань от меня по-хорошему!

Дальше всё развивалось как в бреду. Оба безобразно разорались. Александр попытался стащить с неё одеяло, она потянула его на себя, и, когда он резко отпустил, разбила рукой прикроватное бра.

Ревнивец опомнился.

– Пойдём, я тебя перевяжу.

– Оставь меня! – закричала она, напуганная видом крови.

Он взял её за здоровую руку и потянул из кровати, но она принялась визжать и брыкаться.

Александр отступил.

– Всё! Стоп. Давай перестанем. Анна, прекрати! Ты же всё тут перепачкаешь.

Она угомонилась и дала отвести себя в ванну.

Когда они вернулись в спальню, она не только лицом, но и всем телом демонстрировала оскорблённую невинность.

– Послушай, – просил он. – Ну поставь себя на моё место. Ну что бы ты подумала?

– Отстань от меня, я тебе сказала!

– Что значит отстань? Где вы вообще были?

– Ну допустим, нам устроили на работе выезд на природу. На шашлыки. Знаешь, как их здесь называют? Шишли́ки, – она пьяно хохотнула.

– Так откуда эти листья?

Она немного подумала и вдруг совершенно отчётливо произнесла.

– Я всё равно собиралась тебе рассказать… У меня есть любовник.

– Кто он? – сразу поверил Александр.

– Наш директор, Лозо́н.

– Теперь понятно, откуда у тебя такие профессиональные успехи… – отстранённо произнёс он первое, что пришло на ум. Шок мгновенно вышиб Невструева в позицию наблюдателя, как это обычно бывало с ним в тяжёлых ситуациях.

– При чём здесь это? Я сама всего добилась! – возмутилась она поначалу, но потом признала: – Хотя ты прав отчасти. Он с самого начала оказывал мне знаки внимания, помогал, давал перспективных клиентов. Я ответила ему только месяц назад…

Он вышел из спальни и хлопнул дверью так, что отвалился кусок штукатурки.

Достал из бара початую бутылку коньяка и в три глотка прямо из горлышка засадил изрядную порцию.

«Это же не со мной происходит, – твердил его внутренний голос. – Это такой сюжет для эротического триллера».

Так происходит сплошь и рядом. Он уже слышал несколько историй, когда, казалось бы, любящие друг люди, переехав на постоянной основе в другую страну, расстаются в первый же год. Это, по сути, начало новой жизни, а новая жизнь начинается только в том случае, если признать всю предыдущую одной сплошной неудачей. Пока мужья проходят процесс адаптации, их красивые жены находят кого-нибудь состоятельного из местных. Иногда даже из числа религиозных ортодоксов или вообще арабов. А ведь он сознательно отказался от врачебной карьеры. В итоге получалось, что принёс в жертву искусству, не только медицину, но и семью.

На этот раз он налил в бокал и выпил, закусив лимоном.

Как было бы прекрасно, если бы Анна разделяла его одержимость творчеством, была бы его фанаткой и музой… Но такие женщины даже не во всех сказках встречаются.

Надо отметить, что, поскольку половой акт ничем, во всяком случае, для него не закончился, он пребывал в полувозбуждённом состоянии. Возникла идея пойти и изнасиловать эту профурсетку, а потом придушить…

Он выпил ещё и сам над собой посмеялся, – Отелло хренов.

У него тоже бывали интрижки на работе. Он же не воспринимал их как повод для того, чтобы расстаться с женой. Не считал преступлением. Ввязывался исключительно для развлечения, а не для того, чтобы устроить свою судьбу…

Попробуй ей это объясни. Нет, она никогда его не поймёт. Так же, как и он её. Чтобы понять друг друга, у людей должны быть схожий жизненный опыт, схожие знания, схожее воспитание. Чем больше люди подходят по этим параметрам, тем лучше они понимают друг друга. Они же с женой разные абсолютно во всём… Так какой смысл длить это никчёмное сосуществование?

Ревность – абсолютно животное чувство. В процессе эволюции более сильное, красивое и умное животное, для того чтобы оставить собственное потомство, наделённое такими же качествами, как у него, опережает или устраняет менее успешных конкурентов, тем самым улучшая свой вид. Для человека разумного такое поведение – атавизм, хотя бы потому, что в человеческом обществе естественный отбор давно не работает – потомство с одинаковым успехом оставляют все: как обладатели замечательной генетики, так и люди с зашитыми на наследственном уровне проблемами. Как материалист и умеренный циник, Александр давно пришёл к выводу, что искать смысл жизни бесполезно, поскольку мыслительная деятельность – всего лишь побочный эффект эволюции. Так вот и ревновать тоже не мудро.

Но он почти физически ощущал боль оттого, что его самка с кем-то спаривалась.

Она хуже, чем враг. Враг никогда не заставит так страдать.

Любит ли он её?

Прислушался к себе.

Но вместо глубинного анализа чувств первый план его ощущений занимала боль. Где-то за грудиной в средостении саднило и ворочалось. Это было очень физическое ощущение. Сильные душевные страдания вызвали у него телесные ощущения. Пытаясь найти какое-то определение этой боли, он вспомнил старинное название стенокардии – «грудная жаба».

Жаба натурально душила, давила на сердце. Бывают люди, которым кажется, что у них в животе живёт змея. А у него вот в груди жаба. И если разобраться, ничего ужасного в этом ощущении не было. Было просто противно. И, наверное, можно к этому привыкнуть. К этой жабе в груди. И жить с ней постоянно… Но зачем?

Что делать с этим животным составляющим? Как от него избавиться?

Так писать о нём! Понял он, отхлебнув ещё коньяка. Тем самым анализировать и прорабатывать. Познавать себя, становиться мудрее и не страдать по пустякам. Противник психологии, которую считал чуть ли не псевдонаукой, Невструев всё-таки признавал положительное воздействие на психику проработки душевных травм. А лучший способ проработать ситуацию – это написать о ней. Как бы это ни было больно, как бы это ни было страшно, как сторонний наблюдатель описать и пережить эту гадость. Кроме того, неизбежная теперь сублимация обострит творческие способности. И вот тогда и получится такая книга, что все охренеют…

Он снова потянулся к бутылке.

Мысли стали скакать, как бешеные. Думать теперь хотелось о самоубийстве.

Сколько он видел этих трупов… Они такие беспомощные…

Какой вообще смысл жить, если всё равно умрёшь в тоскливом ужасе?

Какой смысл лечить людей, если они всё равно не выживут? Любой рак закончится смертью, любая шизофрения – деменцией. Медицина только растягивает муки. Страдания по мере приближения к смерти только увеличиваются… Ничего. Ничего хорошего его уже не ждёт…

Тут в дверь позвонили. За ней обнаружились два полицейских.

Глава 4.

Полицию вызвали соседи, разбуженные посреди ночи криками и звоном бьющегося стекла в квартире Невструевых.

Офицерам открыл явно нетрезвый хозяин и на требование позвать жену заявил, что она уже спит. Это сильно увеличило интерес стражей порядка к происходящему. Они вежливо, как вампиры, попросили разрешения войти. Александр хотел было потребовать подтверждения их полномочий, но, поскольку разговор происходил на иврите, передумал, ибо ему просто-напросто не хватило бы на это слов, и гостеприимно распахнул

дверь. Получилось немного с грохотом.

Проникнув в квартиру, полицейские немедленно изъявили следующее желание: лицезреть всех, кто кроме Александра находится сейчас в квартире. Невструев понял, что его владения государственным языком Израиля явно недостаточно для объяснений с представителями власти и заговорил по-английски:

– Did you understand, what I say? I just told you, that… Чёрт! There are only two of us: me and my wife. And she is sleeping now, and I would like to… как его? to connect her. Not connect… to join her.[58]

– Sir, we must check your wife. If you will try to prevent, we can use physical power,[59] – на еще более примитивном английском, чем у Александра, но очень уверенно заявил старший, судя по количеству лычек на погонах, коп.

На шум из спальни вышла Анна и полюбопытствовала на внятном иврите, что здесь происходит. Полицейские немедленно заинтересовались её повязкой со свежими пятнами проступившей крови, причём настолько, что младший из них положил руку на кобуру и стал внимательно следить за каждым движением Невструева. Старший принялся расспрашивать Анну, которая показала, что конфликт с мужем действительно имел место быть, но теперь он разрешён. Полицейский выслушал её внимательно, но, судя по всему, не поверил, что травму она получила самостоятельно.

– Sir, you must go with us to police station,[60] – сделал он вывод.

– But, there is no reason for this![61] – возмутился Александр. – She just told you, that everything is OK.[62]

Старший вновь напомнил о том, что они обладают неким физическим потенциалом и полномочиями, младший снял с ремня наручники.

– Саша, давай я позвоню Лозону, он найдёт адвоката, – прошептала напуганная Анна.

После этих слов Александр картинно протянул обе руки полицейскому и произнёс высокопарно:

– OK. I am ready.[63]

На заднем сиденье служебной машины, закованный в наручники и отделённый от полицейских частой решёткой, Невструев вдруг почувствовал себя неважно: в ушах шумело, болела и кружилась голова.

– Слиха́, эвша́р ма́им? – попросил он, то есть «извините, можно воды?»

– Ешь рак за́ин, – ответил младший коп, сидящий за рулём, что означало «есть только член».

Александр опешил от такого хамства, но решил сделать вид, что не понял и обратился к старшему. Стал объяснять, что чувствует себя нехорошо и что, будучи доктором, подозревает у себя предынфарктное состояние. Старший задал пару уточняющих вопросов, сказал что-то младшему, и тот с недовольной гримасой развернул машину на следующем светофоре.

Вскоре они приехали в больницу Вольфсон на границе Холона и Тель-Авива. В иных обстоятельствах Александру было бы максимально дискомфортно идти по приёмному отделению в наручниках и в сопровождении двух полицейских. Но сейчас ему было не до любопытных взглядов, которыми провожали его окружающие, он пребывал в состоянии, близком к шоковому – как умственно, так и физически.

Обнаружив в коридоре фонтанчик с питьевой водой, с жадностью напился из него.

Ждать, слава богу, долго не пришлось. Опасного преступника пропустили без очереди, отчего остальные ожидающие подняли гвалт.

Доктор оказался не евреем; на его бейджике значилась какая-то трудновоспроизводимая фамилия и имя – Мухаммед. Он измерил Невструеву давление, которое оказалось очень высоким, верхнее под двести, после чего направил на ЭКГ.

Ознакомившись с лентой кардиограммы, эскулап с карикатурным арабским акцентом произнёс неожиданно категоричный вердикт:

– You will die soon.[64]

– You too,[65] – поразмыслив немного, отвечал озадаченный Александр.

– But not so soon as you,[66] – парировал Мухаммед и сделал знак полицейским уводить задержанного.

Медсестра выдала какую-то таблетку и, проигнорировав вопросы о её названии и назначении, быстро удалилась, всем видом демонстрируя неприязнь к нетрезвому русскому.

Сопровождающие повлекли его вон из храма здоровья.

А вот в полиции пришлось подождать. Александра заперли в клетку и даже наручники не сняли. Следователь, который должен был провести допрос, этим ожиданием явно специально пытался нагнать на задержанного страху, ибо в участке никого кроме Невструева не было.

И надо сказать, этот дешёвый приём удался. Александр слышал, конечно, о том, что в Израиле домашнее насилие тяжело преследуется по закону. Некоторые женщины, которые хотели

наказать своих благоверных или вообще избавиться от них, этим даже злоупотребляли – возводили поклёп, и судебная система безоговорочно вставала на «слабую» сторону и без каких-либо объективных доказательств на долгие месяцы лишала свободы несчастных, некоторых даже в том случае, если они были физически слабее свих половин. Где гарантия, что, страстно возжелавшая перемен в судьбе, Анна не захочет на всякий случай подержать Александра взаперти и тем временем порешать свои бытовые и сердечные вопросы?

Ещё он думал о словах последователя великого арабского врачевателя Авиценны. Зачем изрёк он это мрачное пророчество по поводу близкой кончины? Что он имел в виду? Что нужно срочно заняться проблемами с давлением? Надо проверить сердце? Или что-то ещё? Или просто хотел по какой-то непонятной причине напугать его и без того напуганного и ещё больше деморализовать, добить его?

Сцепленные вместе сиденья в клетке были конструкционно устроены так, что прилечь на них без неудобства и боли было практически невозможно. Скованные руки саднили. К головной боли прибавилась тошнота. В конце концов Александр не выдержал и стал звать дежурного. Тот подошёл не сразу и спросил, смешно подчёркивая букву «Ч»:

– Что ти хочишь?

Невструев обрадовался и попытался объяснить на родном языке, что ему сейчас настолько нехорошо, что он может умереть в любой момент. Очень быстро выяснилось, что охранник по-русски может только задать вопрос, ответ же на него воспринять абсолютно неспособен. Тогда Александр попробовал втолковать ему то же самое по-английски. Тот сказал, что знает, что задержанного возили в больницу и там оказали всю необходимую в данных обстоятельствах помощь. И вообще, успокоил, что в тюрьме, куда его скоро повезут, есть врач, который сможет оценить состояние заключённого. Александр воспринял это как злую шутку и потребовал снять с себя наручники. Дежурный ответил, что таких полномочий не имеет, и хотел уже удалиться. Тогда узник разразился гневной речью, в которой заявил, что не совершал ничего, за что должен переносить такие страдания, и высказал свое горячее желание немедленно оказаться дома. И в самом конце поинтересовался, почему к нему применяются фашистские методы.

Полицейский удалился ненадолго, а потом вернулся и отпер клетку. Александр обрадовался было, но увидел в его руках какое-то неприятное приспособление, оказавшееся оковами для

ног.

– This for «fascist methods»[67], – пробормотал дежурный и прибавил на иврите: – сумасшедший русский.

Задержанный с интересом и удивлением наблюдал, как теперь и нижние его конечности ограничивали в подвижности. Невструев был настолько увлечён этим действом, что забыл спросить, который час. Перед тем как удалиться, офицер с гордостью осмотрел дело рук своих и попросил более его не беспокоить.

Когда его забирали из квартиры, Александр не подумал о том, чтобы взять с собой телефон, поэтому время теперь мог определять только по солнцу. Но даже если бы и взял, то в клетке средство связи наверняка отобрали бы… Осознав это, он поддался накатившему на него спасительному безразличию и какое-то неопределённое время провёл в полукоматозном состоянии, кое-как притулившись на неудобном сиденье.

Когда он наконец попал к следователю, ему было уже всё равно. Алкоголь давно выветрился, остались лишь усталость, тошнота и головная боль.

Следователь на приличном английском предложил воды, сигарету и снять оковы. Александр согласился на всё кроме сигареты. С удовольствием выпил жидкости из кулера, растёр запястья и щиколотки.

Затем рассказал всё как было, без утайки, полагая, что не стоит искажать действительность, тем более что ничего страшного он не совершил. Утаил он только причину ссоры с женой, расценивая эту информацию как лишнюю для следствия и слишком личную.

И какого же было его удивление, когда следователь в итоге их беседы поведал о том, как всё теперь будет. Остаток ночи Невструев проведёт в участке, а завтра его отвезут на выходные в тюрьму. Потому что сегодня четверг, а в пятницу и в субботу им никто заниматься не будет. В воскресенье произведут следственные действия, и только в понедельник в лучшем случае состоится суд, который и определит ближайшую судьбу дебошира.

Александр поинтересовался, на каком основании происходит это вопиющее попирание его человеческих прав, ведь даже заявления от жены нет. На что следователь холодно возразил:

– It is not Russia, the call to police from your neighbors is enough.[68]

Потом его отвели в полуподвал, где оказалось что-то вроде КПЗ с несколькими камерами. У Невструева отобрали ремень и закрыли в камере, в которой стояли аж три пустые двухъярусные

шконки с грязными матрасами. Подушек не было.

При камере оказался отдельный санузел, правда, без двери. В нём были обильно покрытая ржавчиной железная раковина и фаянсовая дырка в полу, по бокам от которой возвышались два рифлёных постамента для ног – как в советском общественном туалете.

Засыпая, Александр надеялся, что, когда он проснётся завтра, у него уже не будет болеть голова. А ещё он подумал: «На самом деле круто. Такой уникальный опыт приходится переживать: тут тебе и измена жены, и застенки, и суд ещё будет… Вот посадят меня ни за что на полгода, тогда точно книгу напишу наконец!»

Утром Невструев действительно проснулся без головной боли и почти без следов похмелья. В зарешеченное окно светило сентябрьское солнце, здесь, в Израиле, такое же яркое, как в любой из летних месяцев.

Кроме него в камере оказались ещё два человека. Какой-то арс[69] и молодой араб с ободранной мордой и правой рукой в гипсе. Александр пожелал им доброго утра, оба неохотно ответили и больше не проронили ни слова. «Что ж, наверное, так даже лучше», – решил он.

Им принесли по сэндвичу с тунцом и по баночке чего-то среднего между творогом и сметаной. Когда Невструев спросил по-английски, нельзя ли чая или кофе, полицейский лишь пожал плечами и кивнул на стопку пластиковых стаканчиков:

– Рак маим.[70]

А арс заметил:

– What a princess![71] – и рассмеялся.

Александр пошёл набирать воду из-под крана.

После завтрака часа три ничего не происходило.

Невструев грезил будущей книгой на своей шконке, периодически впадая в забытьё. «Как это прекрасно быть писателем, даже начинающим, – посещала его мысль. – Я как настоящий философ, даже лишённый свободы, могу путешествовать хоть в космосе».

Наконец заключенных вывели в коридор, подвое соединили наручниками и погнали на улицу к автозаку. Невструеву в пару достался травмированный араб.

Внутри кузова были малюсенькие ячейки с парными металлическими сиденьями. Узкое окошко под потолком показывало только верхушки деревьев и крыши домов. Понять, где едет автомобиль, было невозможно.

Видимо заскучав, араб решил поболтать.

– Ата́ о́в водька?[72] – задал он неожиданный вопрос.

Невструев лишь плечами пожал.

– Они́ оэв водька,[73] – араб расплылся в блаженной улыбке и смачно причмокнул. – Водька. Ммм.

– Зе, – Александр указал на его гипс. – Водька?

– Кен, – обрадованно закивал араб и начал, обильно жестикулируя, рассказывать о том, как выпил водьки, как упал и катился почему-то по улице. Невструев не во всём разобрался, но уточнять не стал.

Поняв, что разговор не клеится, араб потерял интерес к попутчику и стал отвратительным голосом напевать абсолютно немелодичную песню или, обладая таким же отвратительным слухом, как и голосом, безбожно перевирал её мотив. При этом ещё принялся в ритм хлопать себе по бедру здоровой, то есть пристёгнутой к Невструеву рукой.

– Маспи́к[74], – попросил Невструев.

Тот лишь улыбнулся и продолжил петь, как будто издеваясь.

– Маспик, ну! – потребовал Александр.

Попутчик продолжал игнорировать его недовольство.

Невструев пару минут потерпел. Запястье уже натёрло. Араб вроде закончил песню, но через небольшую паузу затянул её сначала.

Тут Александр не выдержал и саданул его локтем в рёбра. Горе-певец ойкнул, посмотрел отсутствующим взглядом на соседа и заткнулся наконец.

«Он же ненормальный, – подумал бывший психиатр. – Зачем такого в тюрьму везут?»

Глава 5.

Двор следственного изолятора Абу Кабир был насквозь просвечен солнцем и полон горячей пыли. Подследственных высадили из автозака и загнали в клетку на улице, где с них сняли наконец наручники. Всего там набралось около двадцати в большинстве своём угрюмых типов.

Последними люди в оливковой форме солдат ЦАХАЛа привели двоих пленных с мешками на головах. Это было пугающе странно. «Наверное, террористы», – предположил Александр. В клетке мешки сняли, обнажив головы двух молодых арабов, почти мальчишек. Они сели прямо на землю и принялись болтать и смеяться. Их показное веселье было неприятно, однако терпеть его долго не пришлось – их увели внутрь тюрьмы первыми.

Потом стали уводить остальных. Как это принято в Израиле, все начали толпиться и пытаться прорваться вперёд, как будто там их ожидало нечто приятное. Александр же, как всегда в таких

случаях, никуда не спешил. Кроме того, что не любил толкотню, опасался обыска перед водворением в камеру. Гадал: заставят ли раздеться и предоставить для досмотра задний проход. Он пытался заранее относиться к этому как к медицинской процедуре, но никак не получалось…

Досмотр оказался формальным, в задницу ему никто, слава богу, не полез. Тюремной полосатой робы ему также не выдали, повели по коридорам как был: в футболке, джинсах и сандалиях.

Следующим пунктом был медосмотр. Пока русскоговорящий доктор или – кто он там, фельдшер? – мерил температуру и давление, Невструев рассказал о своём вчерашнем недомогании.

– Мне это всё малоинтересно, – отвечал неприятный старикашка с затхлым запахом изо рта. – Своему семейному врачу расскажешь, когда освободишься. В сопроводиловке вот написано: угрозы здоровью нет. Сейчас у тебя давление почти как у космонавта. А вчера выпил небось, вот оно и скакануло? Так?

Александр смутился и пожал плечами.

– Так иди и позови следующего, – махнул на него рукой старикашка.

В камере оказались туалетно-зелёные стены, двухъярусные кровати и запах как в спортивной раздевалке с нотками восточных пряностей. С десяток арабов сидели кучкой и разговаривали. Любитель водьки оказался одним из них. Он зловеще посмотрел на Невструева и начал быстро-быстро лопотать по-своему.

– Шало́м ле куля́м! – поприветствовал всех вновь прибывший. – Они Александр. [75]

– Ас-саля́му але́йкум, – ответил за всех один из арабов, развалившийся в самой вальяжной позе, по-видимому, старший. Он не представился и стал что-то выспрашивать у вновь прибывшего.

– Ани лё медабе́р иври́т, – перебил его Невструев. – Англи́т, бевекаша́.[76]

– Лё англит, лё русит рак иврит вэ аравит,[77] – ответил старший и встал со своего места.

Он подошёл к самой дальней кровати и похлопал по верхней её части.

– Ата́ по.[78]

Александр поблагодарил и полез наверх. Это оказалось не так-то просто – вспомогательных лесенок не обнаружилось. В отличие от КПЗ в СИЗО были подушки. Хлипкие, серые, без наволочек, но всё-таки подушки. Он проложил руки между тканью и головой и растянулся с комфортом. «А что, жить

можно», – подумал, но не тут-то было…

Старший вернулся к своим, и они продолжили общение. Очень активное. Пожалуй, даже слишком. Ранее, когда Невструев слышал арабскую речь, она казалась ему экзотической и местами даже мелодичной. Теперь же это было сплошное, безостановочное «гыр-гыр-гыр», периодически прерываемое грубым смехом. Один замолкал, и его тут же подхватывал другой. Они даже умудрялись говорить одновременно вдвоём, втроём, а то и все вместе. Причём происходило это исключительно на повышенных тонах, как будто участники полемики спорили, или ругались, или находились друг от друга очень далеко, а не на соседних койках. Александр попытался абстрагироваться, подумать о будущей книге, но это оказалось невозможно. Как если бы он находился в палате для буйнопомешанных.

Скоро это превратилось в пытку. Александру захотелось закричать, потребовать заткнуться. Вместо этого он спустился с полки и пошёл в туалет. За стеклянной стеной, завешанной простынями и полотенцами так, чтобы посетителя заведения не было видно, располагался самый обыкновенный унитаз, а не какое-нибудь очко и самый обычный душ. Это немного порадовало.

Когда Невструев вышел из санузла, его подкарауливал старший. Очень возмущённо, на смеси английского, иврита, арабского языков и даже одного русского слова «биля́ть» он принялся объяснять, что в туалет ходить нельзя, когда в камере кто-то ест.

– Ми охе́ль? Ани лё роэ́,[79] – удивился Александр.

Араб указал на травмированного. У того в здоровой руке был очищенный мандарин.

– А… Слиха́,[80] – извинился Александр.

Старший укоризненно покачал головой, зыркнул гневно и отошёл.

Невструев вернулся на свою полку, и пытка арабским продолжилась.

Они говорили и говорили, не оставляя тишине ни одной миллисекунды. Приходилось только удивляться скорости мышления этих людей, которым совсем не нужно было время на обдумывание очередной фразы. Мука усугублялась тем, что Александр не мог определить время, сколько он уже находится в этом кошмаре – полчаса, час или два.

Принесли обед. Он был ужасен: хлипкое пюре на воде и кусок рыбы в омерзительнейшей серой подливе. Арабы поглощали снедь с аппетитом и при этом умудрялись продолжать свою бесконечную дискуссию.

«Да не может же такого быть, чтоб над русским человеком так издевались! Ещё немного, и я их понимать начну, – отчаялся Александр. – Да и потом, шайтан их знает, арабов этих, зарежут ещё ночью во имя Аллаха за то, что мочился, когда они трапезничали. «Водька» этот ещё наверняка на меня нажаловался. Прибил, дескать, калеку за песенку».

Он подошёл к двери в виде решётки и стал звать надзирателя. Тут арабы наконец замолчали. Александр затылком ощущал, как они наблюдают за ним. К счастью, вертухай не заставил себя долго ждать и говорил по-английски.

Невструев произнёс прочувствованную речь, в которой посетовал на условия содержания арестантов в чужеродной культурной среде, и поинтересовался, не найдётся ли в этой тюрьме камеры с более близкими ему людьми по духу и воспитанию.

– You want to Russians? Why didn't you say it earlier?[81] – усмехнулся вертухай, отпёр камеру и повёл заключённого вон из арабского плена.

«Это приколы у них такие, что ли?» – подумал Александр, но ничего не сказал.

Глава 6.

Смотрящий «русской» камеры бухарский еврей Гриша принял Невструева радушно. Со снисходительной улыбкой выслушал его историю.

– Ты здесь по недоразумению, брат, – резюмировал он с лёгким азиатским акцентом. – Если твоя жена на суде покажет, что сама порезалась, тебя сразу отпустят. Ну а если нет, на полгода присядешь минимум.

– Тебе ещё повезло, – заметил один из сокамерников с живым лицом и модной причёской. – Может быть, полицейские и жену твою, и тебя спасли. Я вот, например, от синьки совсем дурной делаюсь. Могу и зашибить кого ненароком. Потому и не пью. Почти.

На что бухарский без особой злобы поинтересовался:

– Что это ты, Артист, за мусоро́в впрягаешься?

Невструев на всякий случай заступился:

– А ведь он прав, в натуре. Всякое могло быть.

Откуда только слова такие в лексиконе недавнего доктора взялось – «в натуре»? Видимо, блатная романтика, как любому родившемуся и выросшему в России, через многочисленные книги и кинофильмы о местах заключения и урках, и просто через наблюдения за живыми людьми, проникла в сознание,

въелась в подкорку и, оказавшись в подходящих условиях, полезла в его активный словарь.

Гриша спорить не стал.

– Я тебе одно скажу: если бы ты был местный, они бы тебя не тронули и извинились бы ещё за причинённое беспокойство.

– Да конечно, – усмехнулся Артист. – Мало местных, что ли, за домашнее насилие сидят?

– Не мало, но должно бы гораздо больше, – урезонил его бухарский.

Сам Гриша совершил проступок посерьёзней, чем домашнее насилие. В поисках денег на дозу тяжёлых наркотиков заприметил он сувенирный магазинчик, в который продавец, когда выходил по нужде, не запирал дверь, а отсутствовал минимум минуты три. Улучив момент, Гриша проник внутрь, дёрнул деньги из кассы, а когда выходил, навстречу ему попалась бабка, у которой на шее висела массивная золотая цепь. Будучи на кураже, он и цепь ту тоже дёрнул. Скачок вышел фартовый, но не учёл Григорий, что магазинная камера оказалась-таки не муляжом. Приняли его тем же вечером. Тёпленького и поправленного забрали прямо из дома.

Теперь он ждал суда, надеялся получить года три. Смотрящему было разрешено иметь телефон, он звонил своей девушке и просил дождаться.

За время, проведённое в СИЗО, Гриша «перегнулся», хотя мог, по его словам, и за решёткой раздобыть кайф. В общем встал на путь исправления.

Смотрящий был щедр. Когда приносили тюремную еду, доставал из своей тумбочки какие-нибудь консервы и делил на всех. Предлагал Невструеву свой телефон, чтобы позвонить жене, но тот отказался.

«Артист», как его прозвал Гриша (Невструеву смотрящий, кстати, также не особенно креативно, чисто по профессиональной принадлежности, дал кличку «Доктор»), он же Аркадий, обладал удивительной историей попадания за решётку. Ограбил банк. Такая разновидность криминального заработка сама по себе вызывает уважение, но в его случае особое уважение заслуживал способ, который Аркадий придумал для грабежа. Профессиональный актёр, окончивший в России престижный театральный вуз, в Израиле не нашёл себе работы: русскоязычных вакансий для лицедеев в этой стране не так много и все они оказались заняты, а на иврите он говорил недостаточно хорошо, чтобы представлять на подмостках наравне с аборигенами. На

завод он идти не хотел, так как обладал редким актёрским даром. Когда закончилась его корзина абсорбции, а также накопления, привезённые с собой, Аркадий на последние деньги накупил пластического грима и спецэффектов и сделал себе маску вампира.

В строгом чёрном костюме и с упырским ликом он пришёл в небольшое банковское отделение, в котором не было охранника, выхватил из очереди в кассу эффектную блондинку и у всех на глазах длиннющими клыками прокусил ей шею. Хлынула кровь, блондинка без чувств рухнула на пол. Кровь, конечно же, была бутафорская, а блондинка подставная – тоже безработная актриса, с которой Аркадий познакомился на одном из кастингов. Отыграли они эту сцену идеально: публика находилась под впечатлением, кое-кто даже упал в обморок. У одного из зрителей оказался пистолет, что не редкость на Святой Земле, и он навёл его на монстра. На что вампир заявил, что если пули не серебряные, то обладатель оружия жестоко пожалеет о том, что родился на свет. Произнесено это было на иврите со славянским акцентом, но так убедительно, что «герой» положил свой бесполезный пистолет на пол. Кассирша выдала наличность без колебаний. Однако подельница заигралась в мёртвую и упустила момент, когда под шумок нужно было улизнуть с места преступления, её задержали доброхоты, которые попытались оказать ей первую помощь и обнаружили, что шея у неё абсолютно целая, а «кровь» пахнет какой-то химией. Она сдала своего подельника с потрохами, и того взяли в ресторане, где он ожидал её, чтобы отпраздновать и поделиться добычей.

На втором этаже тюрьмы для выгула заключённых использовался балкон, как специально выходящий на тот самый ТРЦ «Панорама», в котором Невструев совсем недавно работал. «Я охранял, теперь меня охраняют, – усмехнулся про себя Александр. – Воистину пути господни неисповедимы. А ещё от тюрьмы и от сумы не зарекайся… Как всё-таки забавно и странно, насколько непредсказуема бывает судьба подчас. Работаешь такой фрезеровщиком, например, весь такой властелин металла, а тут, херак! – и палец в станок затянуло. И ничего не предвещало беды, и вроде бы трезвый. Ещё секунду назад палец был на месте, а теперь его как через мясорубку провернуло и восстановлению он не подлежит. Обидно… Или ещё хуже. Вот идёшь здоровый и бодрый по улице, и мир тебе улыбается… а тут раз! и самосвал тебя переехал. Насмерть. Тем более обидно. А, впрочем, всё это уже было: про пролитое масло и про трамвай – ничего нового уже не придумать. И вывод какой из этого всего, непонятно…»

Смотрящий любил поразглагольствовать о тюремных порядках и воровских законах. Как-то Александр спросил у него:

– А ты как думаешь, Гриша? Воры в законе булки себе раздвигают на досмотре, когда в какой-нибудь централ заезжают?

– Ну тогда сразу в петушарню, минуя пики точёные, – предположил Артист.

– Одного грузинского вора в России переодеться в тюремное заставляли. Он отказался, так его до смерти вертухаи забили, – проникновенно поведал Гриша.

За подобными разговорами и форсированным сном прошли остаток пятницы и вся суббота. Александр пытался представить, как в худшем случае проведёт месяцы в подобных условиях. Тоскливо, конечно, но ничего смертельного. Понял, что это можно пережить и остаток жизни посвятить тому, чтобы больше так не попадаться.

В воскресенье с утра Гришу увезли в суд. Он вернулся ближе к вечеру грустный. Лёг лицом к стене и часа три не отвечал на вопросы. Потом отошёл немного и поведал, что, вопреки его ожиданиям и заверениям бесплатного адвоката, дали ему семь с половиной лет. У бабки, с которой он сдёрнул цепочку, оказались повреждены шейные позвонки.

Он позвонил своей девушке и сказал, чтоб она его не ждала.

Невструева ни на какие следственные действия не возили, весь день он терзался муками неизвестности.

– Значит, ничего на тебя нет, – утешил его Артист. —Жену твою, наверное, сегодня опрашивают. А завтра самого в суд повезут. Слушай, я-то точно отсюда долго не выйду. Может, тебе пригодится?

И рассказал, что незадолго до того, как сесть, напал в соцсетях на объявление от конторы под названием *Golden Key*, в котором говорилось о развитии творческих способностей с помощью некой технологии гипноса. Им в качестве подопытных нужны добровольцы. Артист не особенно вник в суть, но, будучи человеком, расположенным ко всяческим экспериментам, особенно в творческой сфере, позвонил по телефону, указанному в объявлении.

– Я записался на завтра в пять вечера. Вот адрес, – он передал Александру бумажку. – Думаю, ты после суда успеешь. Сходи, скажи, что вместо меня пришёл, даст бог, тебе это поможет.

(Накануне вечером в порыве откровенности Александр рассказал сокамерникам о своих писательских потугах).

Глава 7.

В понедельник с утра за Невструевым и его сокамерниками пришли, чтобы везти в суд. Он как раз успел проделать гигиенические процедуры с помощью куска мыла и зубной щётки с наполовину обрезанным черенком, которые ему выдали вместе с простынёй и наволочкой вечером первого дня в тюрьме. Носильных вещей тут не предоставляли. Можно было через полицейских передать просьбу жене, чтобы она привезла смену белья, но Александр не хотел ни о чём просить Анну. На второй день заключения он постирал с помощью того же мыла трусы и футболку, а пока они сохли, ходил завернувшись в простыню.

На всякий случай он простился со всеми, особенно душевно с Артистом и Гришей.

В суд их повезли, заковав и в наручники, и в кандалы для ног. Нижние конечности освободили перед сортировочной камерой, а верхние – через специальное окошечко в двери, когда завели внутрь.

Камер было много по обеим сторонам коридора, и народу в них натолкали изрядно. На скамейках, привинченных к стенам, не всем хватало места. Некоторые сидели прямо на полу. Атмосфера была тяжёлая, давящая, и запах стоял такой же. За бетонным ограждением высотой по рёбра тут же находились толчок и раковина.

Примерно через час Невструева вызвали и повели, но, как оказалось, не на суд, а к бесплатному русскоязычному адвокату.

Защитник, щуплый и юркий, предложил быть откровенным и рассказать всё как было. Александр ответил, что ему нечего добавить к показаниям, которые он давал следователю.

– Что ж, тогда всё зависит только от слов вашей жены.

– И что мне грозит, если она покажет против меня?

– От полугода до двух лет тюрьмы, – безразлично констатировал щуплый.

– А вы с ней не говорили?

– Не получилось, – и было непонятно: то ли это адвокат настолько халатно относится к своим обязанностям, то ли сама Анна не пожелала идти с ним на контакт.

Эта беседа только добавила Александру волнений. Его отвели обратно в отстойник, и началось томительное ожидание.

Наручников здесь не надевали, но падла конвоир, застёгивая наножники, специально поддёрнул джинсы Александра вверх – в тюрьме так не делали, наоборот, заботливо поправляли штанины, чтобы металл не соприкасался с кожей, – и, пока его водили по длинным коридорам суда, щиколотки натёрло до крови.

Ждать пришлось долго. Часа три.

Чтобы скоротать время, народ разбивался на пары для негромких разговоров. Звучало здесь по самым скромным подсчётам языков пять: иврит, арабский, эфиопский, английский и даже французский. Для Невструева русскоязычного собеседника, как назло, не нашлось.

Когда принесли какие-то дрянные сэндвичи, замотанные в целлофановую плёнку, парнишка лет тридцати в кипе, передавая свёрток Александру, сказал по-русски:

– Держи.

Это было неожиданно, он совсем не походил на русскоязычного. Они разговорились. Артикулировал парнишка картаво, с сильным израильским акцентом, но вполне внятно. Нимало не смущаясь, рассказал, что ждёт приговора за то, что вёл сайты для видеочат-моделей.

– А как это сочетается с твоей религией? – Александр указал глазами на его кипу.

– Ничего плохого я не делаю. Когда есть только два плохих выбора, господь учит нас выбирать-таки тот, который лучше. Я увожу девочек с улиц и из махóнов[82]. Им больше не нужно контактировать с клиентами физически, а зарабатывают они при этом больше. Что плохого я делаю?

Невструеву оставалось только пожать плечами.

– Ну вот. А теперь попробуй объяснить это судье… – задумчиво произнёс парнишка.

Ему грозил серьёзный срок, но относился он к этому спокойно, по-философски.

Они разговорились. Сетевой сутенёр высказывал оригинальные соображения по самым разным жизненным аспектам, при этом с интересом и пониманием выслушивал мнение Александра. Пожалуй, интереснее собеседника Невструев в жизни не встречал. Он предложил обменяться контактами.

– Зачем? – удивился парнишка.

– Мне кажется, людям со схожим образом мысли надо объединяться.

– Сейчас не нужно объединяться, не нужно искать единомышленников. Благодаря развитию информационных технологий любых целей можно достичь самостоятельно.

– Так а зачем же тогда Интернет? Разве это не самый замечательный способ для того, чтобы создать коллективный разум? Время одиночек прошло…

– Наоборот! Оно только начинается.

За парнишкой пришли раньше.

– Мы встретились здесь, – бог даст, встретимся ещё раз, –

сказал он, пожимая Невструеву руку.

Когда в отстойнике уже почти никого не осталось, наконец наступила очередь Александра. Тот же садист облачил его в ножные кандалы и снова поддёрнул штанины вверх.

– Ля́ма ата́ осэ́ ка́ха?[83] – спросил Александр.

Тот лишь ухмыльнулся гнусно и приказал:

– Лех леха́![84]

На скамье подсудимых находились одновременно человек восемь. Их дела разбирались по очереди. Всё происходило, естественно, на иврите, и Александр на таком уровне не понимал ничего, даже общей сути. Сначала, видимо, выступал прокурор, потом адвокат. Потом из зала выходили свидетели. Судья что-то уточнял у всех, потом коротко совещался с двумя коллегами, сидящими по сторонам от него, и выносил вердикт. На одного подсудимого уходило максимум минут пятнадцать.

Судья был очень сердит и как будто изначально ненавидел всех, чью судьбу должен был решать. Приговоры произносил с одинаковой интонацией, и было непонятно, обвинительные они или оправдательные.

Александр нашёл в зале суда Анну. Она сидела с отсутствующим выражением лица и даже не глядела в его сторону. Помахать рукой он не решился.

По мере того как людей перед Невструевым становилось меньше, его волнение нарастало. Он дошёл до такого уровня стресса, что ему было уже всё равно, чем закончится разбирательство, лишь бы побыстрее.

Наконец судья назвал его имя. Рядом с невысоким ограждением появился адвокат и сделал Невструеву знак подняться. Через некоторое время показал, что можно опять садиться. Александру казалось, что дело его разбирается дольше всех предыдущих. Выступал прокурор, потом адвокат, потом Анна отвечала на их вопросы. Потом судья говорил что-то, угрюмо глядя на Невструева. Адвокат перевёл. Судья хотел знать, причинял ли Невструев физический вред супруге и не угрожал ли её жизни и здоровью. Подсудимый всё отрицал.

Коллегия совещалась безумно долго. Зачем-то в процессе обсуждения несколько раз обращались к адвокату, тот явно спорил с ними. Александр решил, что обсуждается длительность его срока и уже смирился со злой судьбой. Он был раздавлен. А как могло быть иначе? Если уж всё плохо, так до конца… Адвокат что-то сказал ему, но Александр не понимал уже даже по-русски, слова доносились как будто сквозь вату. Тогда адвокат перегнулся через ограждение, похлопал подопечного по плечу и

практически прокричал:

– Александр, вас отпускают! Идите!

Глава 8.

Анна встречала его на выходе из суда. Прождала его почти два часа – из-под стражи Невструева освобождали очень долго. Вид у неё был не то чтобы виноватый, скорее смущённый. Он сделал неловкое движение в её сторону, не зная, как поступить… в итоге решил ограничиться холодным:

– Привет.

Она улыбнулась и заговорила преувеличенно весело:

– Привет! Что там говорят в таких случаях? На свободу с чистой совестью?

– Вряд ли так говорят… Но всё равно спасибо.

Они помолчали.

– Ты догадалась взять мой телефон?

Она достала из сумочки телефон и бумажник. Он сразу почувствовал себя увереннее. Оказалось, что всего полчетвёртого и до собеседования в *Golden Key* ещё полтора часа.

– Ты, наверное, есть хочешь? – предположила Анна.

Александр невольно улыбнулся – это проявление заботы было приятно. Он решил было отказаться, но не смог; очень захотелось человеческой пищи.

– Было бы неплохо…

– Может быть, суши?

– Вообще шикарно! Мне надо ещё ремень купить. Штаны сваливаются.

Когда отпускали на волю, Невструев спросил про ремень, на что ему ответили, что искать изъятые вещи нужно по месту изъятия, то есть в КПЗ полицейского участка, писать какое-то заявление, ехать туда… Короче, пропал хороший, добротный ремень, идеально подходящий по цвету к сандалиям. Мусора́ – суки рваные.

Они пошли к мини-куперу Анны.

В суши-баре Александр оторвался по полной. В жизни ему ещё так вкусно не было. Кувшинчик саке, выпитый за свободу, растёкся волной блаженства по телу. В один из моментов он вдруг испытал прилив тёплых чувств к Анне. Она была мила, всем видом выражала сочувствие, хотя оба избегали смотреть друг другу в глаза… Но потом вспомнил всё и сразу остыл.

– Послушай. Это я виновата… – начала она тоном, который предполагал в дальнейшем слёзы.

Тут он обратил внимание, что повязки на руке Анны уже не было, лишь небольшой телесного оттенка пластырь.

– Но-но-но, перестань! Оба виноваты. И потом, я приобрёл полезнейший жизненный опыт, который непременно пригодится при написании какой-нибудь книги.

– Это было очень жутко, Саша?

– Да ну, Ань. Фигня. Не тюрьма, а пионерский лагерь. Чай не в России, – хорохорился Александр. – Но я всё равно, как это говорится, больше не сяду. Ну его. Одноразовый прикол. А как ты? Какие планы?

Она опустила взгляд.

– Ты доешь сначала, потом поговорим.

Он отложил палочки.

– Я сыт. Слушаю тебя.

– Адвокат готовит сейчас бумаги для бракоразводного процесса.

Александр был готов к подобным разговорам, но в груди опять зашевелилась жаба.

– Не надо только лишних деталей. Ты знаешь, как я не люблю всю эту бухгалтерию. Я всё подпишу.

– Да ты послушай! Я рассказала Лозону о твоих мечтах стать литератором…

И жена изложила вариант, предложенный её любовником, как разобраться со взятой в ипотеку жилплощадью так, чтобы никому не было обидно. Александр уходит из дома, а Анна отдаёт банку ежемесячные платежи и за себя, и за него. Тем временем она продаёт квартиру, возвращает заём банку и забирает вложенные на тот момент деньги за вычетом страховки и оплаты банковских услуг. Александр получает причитающуюся ему половину от первоначального взноса и идёт на все четыре стороны.

– Понятно, – произнёс Александр, с интересом разглядывая Анну. – В итоге я становлюсь бомжом.

– Брось, в Израиле тридцать процентов населения живут на схируте[85], – её лицо стало белым, губы сжаты, глаза прищурены. – Ничего страшного. Напишешь свою великую книгу, прославишься, разбогатеешь, купишь себе виллу в Кесарии.

Александр подумал немного.

– Ужасно звучит этот твой суржик… Но почему я должен уходить? Лучше буду и дальше отдавать свою половину ежемесячных платежей по кредиту и жить там. Потом, когда продашь, возврат поделим, и все дела. А ты пока живи у своего Лозона.

Анна ещё сильнее побледнела, он знал, что это означало – очень разозлилась, и процедила:

– Я не могу уйти жить к Лозону. У него семья.

Невструев усмехнулся невольно. Он-то думал, она замуж выходит, а оказывается, как шалава последняя, за какие-то рабочие преференции и подарки… Однако высказывать этого не стал.

– Вот как…Ну так оставайся. Я не против. Буду в салоне жить, а ты в спальне. Если хочешь – наоборот…

– Да не хочу я с тобой жить!

– Я тоже не хочу, успокойся. Потерпим немного.

– Не хочу я ничего терпеть!

– В чём дело? Лозон хочет сэкономить на гостиницах и навещать тебя дома?

Она промолчала, подтверждая его правоту.

– Это как в плохом анекдоте каком-то… Зачем тебе этот старик?

– Не такой уж он старик, ему всего на шесть лет больше, чем тебе.

– Ты его хоть любишь?

– Не знаю. Он делает для меня такие вещи, которых никто никогда не делал. Для меня, как для женщины, это очень приятно, – вдруг Анна заглянула Александру прямо в глаза, и лицо её смягчилось и порозовело. – Но, если ты снова станешь доктором, может быть, я и останусь с тобой.

– Ты себя вообще слышишь? – опешил он. – Ты мужика себе выбираешь или его профессию?

Он опять захотел высказать ей всё, что он думает об уровне её социальной ответственности. О том, что, вопреки брачной клятве, она была с ним только в радости. Радовалась, когда он достигал чего-то. Когда получил высшую категорию или когда стал завотделением. В горе же она очень быстро нашла себе Лозона.

– Знаешь. Я ведь изменял тебе пару-тройку раз. Медицина – очень эротичная профессия. Не даром едва ли не самый распространённый костюм для ролевых игр – медсестра, а сюжет – игра в доктора. Когда кругом кровь, боль и смерть, все инстинкты обостряются, удержаться сложно. Но я делал это для развлечения, а не для того, чтобы устроить свою судьбу.

Лицо Анны скривилось, как будто она собиралась заплакать, но с трудом удержалась и тихо, но твёрдо произнесла:

– Ты просто не любил меня никогда.

– Ну почему же? Любил. Как раз сейчас понял, что разлюбил. Иначе простил бы тебе этого старого еврея, наверное… и всё сделал бы для того, чтоб ты осталась со мной.

Её глаза влажно заблестели, тогда он пожалел её и произнёс

тираду, которая, как ему в тот момент показалось, должна была прозвучать ободряюще:

– А знаешь, вообще, что такое любовь с точки зрения психиатрии? Это понятие никак не укладывается в пределах нормы. Если страсть до определённой степени – это ещё нормально, то любовь – это патология, атавизм. Романтизированное первобытное собственничество.

Анна снова побледнела, поднялась со своего стула и прошипела:

– Не хочешь сам выметаться из квартиры, тогда тебе полицейские помогут. Я закричу, и на этот раз тебя посадят и надолго, сволочь. Чтоб на следующей неделе тебя в квартире уже не было!

Часть II

Глава 1.

Сытый и чуть пьяный Невструев быстро шагал по адресу, полученному от Артиста. Казалось, он движется навстречу судьбе. Александр положил на алтарь искусства престижную профессию и семейное счастье, но вдохновения так и не обрёл. Он надеялся, что загадочная организация с помощью достижений науки поможет ему ухватить музу за эфемерную тунику.

После того, как Анна в гневе покинула ресторан, не заплатив даже за себя, ему пришлось отдать официантке почти все свои деньги. Поскольку жена умчалась в закат на своём автомобиле, а такси он себе позволить не мог (и так непонятно, как прожить ещё восемь дней до зарплаты), чтобы успеть на собеседование, ему приходилось почти бежать. На общественном транспорте ехать, смысла не имело; приложение-навигатор в телефоне показывало, что от суши-бара до точки назначения было такое нелепое расстояние, что он только проиграл бы по времени.

Невструев миновал суд, из которого его выпустили совсем недавно. Это расшевелило жабу за грудиной, но ненадолго: когда здание исчезло из поля зрения, исчезло и беспокойство.

Проверив по дороге мессенджеры, он узнал, что уволен с работы, потому что пропустил две смены, трое суток не отвечал на звонки и сам на связь не выходил. Это не удивило Невструева и даже не выбило из колеи. «Ничего, – успокаивал он себя, – в конце концов за эксперименты над людьми должны наверняка платить».

Искомое строение находилось через дорогу от территории крупного клинического комплекса Ихилов в центре Тель-Авива. Как объяснила девушка в облачении медсестры, у которой Александр уточнял путь, в нём размещались частные врачи и организации, сотрудничающие с ихиловкой. От самого большого из пошарпанных корпусов больничного городка в современное здание вёл воздушный переход, что указывало на их неразрывную связь. Выглядело это так, как будто блестящий молодой человек протягивает руку своему плюгавому дедушке.

Компания *Golden Key* занимала верхний этаж здания целиком, что само по себе внушало уважение. Интерьер здесь был первоклассный – удачное сочетание футуристических обтекаемых пластиковых, металлических и деревянных форм, как на космическом корабле, стеклянных граней и живых растений.

Больницей здесь не пахло, запах стоял скорее как в оранжерее.

Опасения Невструева, что его не пропустят, поскольку он всё-таки опоздал на десять минут, да ещё и пришёл вместо другого человека, не сбылись. Приветливая секретарша на ресепшен позвонила кому-то по внутреннему телефону и получила разрешение пропустить потенциального участника эксперимента, после чего выдала ему электронный планшет, в котором следовало заполнить анкету с незамысловатыми вопросами. На это ушло минут пять, после чего девушка объяснила, как найти нужный кабинет.

На табличке рядом с дверью значилось: «Стейси Копхилер, психолог».

Гевéрет[86] Копхилер на первый взгляд показалась недавней выпускницей университета. Распущенные по местной моде, мелко вьющиеся тёмно-каштановые, почти чёрные волосы обрамляли худощавое лицо с неправильными, непропорциональными чертами: длинный, тонкий нос с заметной горбинкой, слишком большие глаза, слишком крупный рот. Она не была красавицей в обыденном смысле этого слова, но что-то в ней сразу завораживало. В том, как она посмотрела на него в первый раз, как приветливо улыбнулась и приподнялась, чтобы пожать руку, в каждой черте, в каждом жесте проглядывала её непритворная женственность. Она напоминала креолку, которая в любой момент готова пуститься в пляс с кастаньетами. В её одежде и аксессуарах также зримо присутствовал то ли испанский, то ли цыганский колорит.

По-русски Стейси говорила с лёгким акцентом, который свойственен людям, родившимся в Израиле или приехавшим сюда в раннем детстве. При ближайшем рассмотрении Александр понял, что она старше, чем ему изначально почудилось. Возраст был заметен по выраженной носогубной складке, по уверенному, исполненному опытом взгляду.

После того как они обменялись приветствиями и представились, психологиня предупредила, что кандидату следует быть откровенным, насколько это возможно, поскольку от этого зависит не только то, примут ли его в число испытуемых, но и подбор оптимальных условий для эксперимента, если его кандидатура будет одобрена. Конкурс, кстати, восемь с половиной человек на место. Стейси надела очки, которые ещё больше увеличили её глаза, и, заглядывая в монитор, принялась задавать уточняющие вопросы:

– А почему вы в пункте «семейное положение» ничего не выбрали? Забыли?

– Нет. Просто любое из предложенных определений в

отношении меня было бы неверным. Я расстался с женой, но ещё не развёлся. По-моему, это не подходит ни под «женат», ни под «холост».

– Надеетесь сохранить семью?

– Надеюсь, что этого ни в коем случае не произойдёт.

– Я поняла. Но всё-таки отмечу «женат» – формально это пока так, – Стейси щелкнула мышкой.

Он пожал плечами.

– Вот это да! – обрадовалась она, читая дальше. – Мы, оказывается, коллеги.

– Не совсем… Психиатр психологу не коллега. У вас же педагогическое образование?

Она прикрыла глаза в знак согласия.

– А чтобы работать психиатром, нужно медицинское, – заявил он безапелляционно.

– Какой вы… – она улыбнулась без обиды и забила что-то в компьютер. – Но ведь наши специальности во многом похожи; мы помогаем людям справиться с их ментальными проблемами…

– Но совершенно разными методами. Пока вы человеку зубы заговариваете, зачастую лишь усугубляя его состояние, я выписываю пилюли, которые ему реально помогают.

Психологиня не стала отвечать на этот укол. Помолчала, откровенно изучая Невструева поверх очков.

– А почему вы не стали подтверждать свой врачебный статус?

– Потому что я больше не хочу быть доктором.

– Интересно. А кем же вы хотите быть?

– Писателем, – ответил Александр и почему-то смутился.

– Так это же прекрасно! – Стейси снова пометила что-то в компьютере. – Нам как раз нужны люди с творческими амбициями… А почему вы поставили галочку на «безработный»? По-моему, писатель – вполне официальный род занятости.

– Видите ли, я слишком мало зарабатываю на этом поприще, чтобы считать его полноценной работой. Пока это всего лишь хобби. Мне приходится добывать хлеб насущный иными способами.

– Что-то нелегальное? Почему не написали в анкете? Торговля оружием, наркотиками, людьми? Не бойтесь, я никому не скажу.

– Я работал охранником… пока меня не уволили как раз сегодня.

– Почему?

– Потому, что я три дня просидел в тюрьме, – признался Александр. Она выглядела неглупой и профессиональной, он поверил ей и решил ничего не скрывать.

– Очень интересно… И за что же это писателей в тюрьму сажают?

– А как всегда – ни за что. Поэтому суд меня и оправдал.

– Поздравляю. Но в чём же вас пытались обвинить?

– Да так… – буркнул Невструев. – Мелочи жизни.

– И всё-таки я должна знать, чтобы составить ваш психологический портрет.

– Ложное обвинение в домашнем насилии.

– Ложное?

– Век воли не видать! – Александр по-блатному растопырил пальцы.

Стейси улыбнулась, обнаружив милую ямочку на левой щеке.

– То есть вы хотите сказать, что у вас нет склонности к насилию?

– Пожалуй, что нет. Даже на уровне акцентуации характера.

Она подумала немного.

– Мне нужно почитать, что вы пишете. У вас же есть что почитать?

– Есть пара сборников. Рассказы. Одна мини-повесть… А зачем вам?

– Мне нужно понять: вы действительно творческая личность или возомнили себя таковой.

– Думаете, у вас хватит для этого квалификации?

Психолог вместо ответа протянула ему визитку, при этом на Александра повеяло ароматом каких-то диких, экзотических растений.

– Тут есть электронный адрес, на него отправьте, пожалуйста, свои сборники.

Невструев поблагодарил, посмотрел на карточку для приличия и спрятал её в бумажник.

– Вы пришли вместо другого человека. Как это вышло?

– Мы сидели в одной камере. Меня отпустили, а он там, похоже, надолго, вот и отдал мне свою очередь.

– А как у вас с вредными привычками? Мы не берём на испытания алкоголиков и наркоманов. У нас есть наработки по поводу лечения зависимостей с помощью гипноса, но пока чисто теоретические. Так что… Вы пройдёте медицинское обследование, и, если в крови найдут следы наркотиков, до эксперимента вас не допустят. Никаких предубеждений, просто мы не знаем, как ваш мозг отреагирует на гипнотическое воздействие.

– Никаких зависимостей. Не курю. Без уважительного повода не пью.

После того, как Невструев так же уверенно отверг наличие у

него самого, а также у его родственников психических заболеваний, Стейси сняла очки и откинулась на спинку кресла, знаменуя тем самым окончание беседы.

– Тогда я больше вас не задерживаю. Если подойдёте, вам завтра же позвонят.

– Но позвольте, я же абсолютно не знаю, что за опыты вы собираетесь производить надо мной. Мне говорили, что ваша методика позволяет развить творческие способности…

– Так и есть. Будьте уверены, вам понравится. К сожалению, у меня уже нет времени объяснять, мне нужно побеседовать ещё с тремя кандидатами сегодня.

Она поднялась и подошла к стеллажу с книгами и папками для бумаг, обнаружив подтянутую, выпуклую в нужных местах фигуру. Достала глянцевую брошюру и протянула Невструеву.

– Вот. Здесь всё написано.

Александр проштудировал содержимое тоненькой книжечки в тот же вечер.

Оказалось, что специалисты компании *Golden Key* – мирового флагмана индустрии виртуальной реальности, существующего на самом пике научных достижений современности, – разработали технологию индуцированного сна. Называется она «гипносон» и заключается в воздействии мягкого, высокоточного электромагнитного излучения, управляемого искусственным интеллектом, на участки центральной нервной системы, отвечающие за сновидения: ретикулярную формацию, гипоталамус, ядра серого вещества в среднем мозге, а также на чувствительные зоны больших полушарий. Производится сие воздействие в специальном аппарате ИУС – индивидуальном устройстве для сна. На картинке оно напоминало высокотехнологичный гроб из светлого пластика с окошечком, через которое можно наблюдать лик его обитателя.

Далее брошюра утверждала, что в гипносне организм восстанавливается гораздо эффективнее, чем в обычном физиологическом, причём и ментально, и физически. Ультрасовременная технология помогает также избавиться от множества проблем со здоровьем. Прежде всего полностью избавляет от бессонницы – расстройства, ежегодно наносящего катастрофический урон человечеству. С помощью гипносна возможно лечение психоневрологических заболеваний. Он может использоваться для борьбы с нарушениями кровяного давления, эндокринным дисбалансом и лишним весом.

В настоящий момент учёные компании изучают перспективы применения гипносна для изучения языков, научных дисциплин и

развития творческих способностей.

Всё это напоминало рекламу некой шарлатанской панацеи, но попасть в эксперимент Невструеву захотелось ещё больше, чем раньше. Особенно после прочтения пункта о развитии творческих способностей; к сожалению, никаких пояснений по этому поводу не следовало.

Анна так и не явилась домой в эту ночь. Александр почти не расстроился из-за этого.

На следующий день, к огромной радости Невструева, ему позвонили из офиса *Golden Key*, сообщили, что его кандидатура одобрена, и пригласили на прохождение предваряющего эксперимент обследования.

Обследование проходило в том самом клиническом комплексе Ихилов, рядом с которым находился офис компании. Кандидата осмотрели терапевт, кардиолог, психиатр и эндокринолог. У него взяли кровь, мочу, просветили голову на ЯМР-томографе, сделали ЭКГ и УЗИ-обследование всех внутренних органов. Пришлось провести весь день с утра до вечера в больнице и побегать по её этажам и корпусам.

Следующие два дня Александр еле пережил, с нетерпением дожидаясь результатов; могли и не взять, если в анализах что-то не устроит.

В пятницу утром ему снова позвонила секретарша из *Golden Key*:

– Александр, я вас поздравляю, вы включены в группу испытуемых. Приезжайте к четырём часам. Сегодня вам проведут первый сеанс гипносна. Вас же не смущает, что это произойдёт в шабат?

– Нисколько!

Перед сеансом Невструева привели на инструктаж к психологине.

Стейси встретила его очень тепло и рассказала, что, несмотря на выраженную антисоциальность его анкеты: эпизод с тюрьмой, статус безработного, развод, она настояла на том, чтобы его взяли. К тому же ей понравились его тексты.

Польщённый Александр задал заветный вопрос о развитии творческих способностей с помощью гипносна.

– Вы знаете, мне это интересно так же, как и вам, – с готовностью ответила Стейси. – Тема моей научной работы на соискание докторской степени «Психологические аспекты развития творческой личности». С помощью этого эксперимента я надеюсь получить уникальные данные, привлекая людей,

подобных вам.

– И каким же образом этот ваш чудодейственный сон может помочь мне обрести вдохновение?

– Это как раз то, о чём я должна вас проинструктировать. Сны, которые мы предоставляем, бывают двух типов: с меньшим или большим интерактивным участием испытуемого. В первом случае вы можете воспользоваться готовым сценарием и взаимодействовать в нём с предлагаемой нами виртуальной действительностью. А можете создать её сами, и события в ней будут происходить в полном соответствии с вашей психопродукцией.

– Мне, конечно, больше подходит второй вариант. Я сейчас как раз пишу космическую фантастику и несколько подзастрял…

– Так что же вы молчали? – воскликнула психологиня. – Вы можете предоставить мне этот текст в электронном виде?

– Конечно, – не веря своему счастью, пробормотал испытуемый, – Но там совсем немного…

– Прекрасно! Я передам Буратино, и за оставшееся до сеанса время он успеет всё подготовить.

– Кому, простите? Буратино?

– Так называет себя наш корпоративный ИИ.

Глава 2.

– Привет! Привет! Доброе утро! – разбудил Камиля весёлый юношеский голос.

– Опять ты? Как ты мне надоел… – прозвучало в ответ напевно и сердито. – Пусти.

– Нет! Давай поиграем!

– Отстань, дурак. Не хочу. Дай пройти!

– Нет! Нет! Не пущу! Что ты здесь забыла?

– А какое твоё собачье дело? Я тебе всю морду сейчас расцарапаю.

– Ну давай, царапай. А? Не успела? Ну давай ещё! Давай!

– Рамзи, а ну отстань от неё! – приказал Камиль, с удовольствием потягиваясь. Глаза он не открывал, пытаясь запомнить сон, который видел только что. Но тщетно. Сновидение улепетнуло куда-то в подсознание, оставив после себя лишь приятный флёр.

Через мгновение он почувствовал, как к нему на постель запрыгнуло лёгкое тельце. Прямо перед ним оказались круглые глаза Мрии – сиамской кошки судового врача. Она, положила на подушку какой-то свёрток, промурчала «Доброе утро», из вежливости отёрлась пушистым боком о его руку и тут же

спрыгнула на пол.

– Стой! Куда! А поиграть?.. – начал было юнец, но в следующее мгновение заскулил жалобно.

– Что? Получил, балда? – рассмеялся Камиль.

– Ну её. Дура! В следующий раз башку ей откушу, – пообещал карликовый белый пудель по кличке Рамзес Второй и завозился на своей подстилке.

Каюта Камиля Леграна, старшего помощника капитана, – одна из лучших в юго-восточном жилом модуле – была довольно просторной: кроме койки в ней помещались вращающееся кресло и откидывающийся столик. Имелся также отдельный санитарный узел – редкая привилегия, доступная только старшим офицерам экипажа межзвёздного транспорта «Луч надежды». Проблема недостатка пространства, доставляющая в основном психологические неудобства, решалась для обитателей скромных кают с помощью обоев-хамелеонов, которые могли мимикрировать под любое окружение, будь то городской или горный пейзаж, морское побережье или мангровые джунгли, и даже при желании райские кущи или огни преисподней.

Камиль развернул бумажку, принесённую кошкой. Из неё выпала искрящаяся хрусталём капсула с аромококтейлем. На смятой бумажке было написано: «Я проснулась сегодня и подумала о тебе. Это мой ароматический образ в этот момент. Пусть он будет с тобой до вечера, когда мы наконец сможем уединиться».

Кроме тонкого, интимного благоухания коктейль содержал в себе целый букет компонентов. Докторша была большая мастерица смешивать обонятельные и иные ощущения. Втянув ноздрями суспензию, старпом ощутил мощную эйфорию и прилив сил. Захотелось великих свершений, даже подвигов во славу отцов-основателей. Ещё очень захотелось поскорее заключить докторшу в объятия, наверное, это и был основной эффект, заложенный ею в зелье.

Он встряхнулся и, как был в трусах, выскочил из каюты и сразу же перепрыгнул на самодвижущуюся дорожку, ведущую к выходу из жилого модуля, а потом через усаженную самыми разнообразными растениями аллею к центру климатрона, туда, где располагались лифты. Этаж, на который выходили жилые модули, был усажен в основном флорой декоративной, услаждающей взор и обоняние, помогающей поддерживать ментальное здоровье пассажиров и экипажа.

Два верхних этажа климатрона были отведены для выращивания натуральных овощей, фруктов и ягод, которые

предназначались для пассажиров из элитных жилых модулей, старших офицеров команды корабля и ведущих учёных. В столовые для рядовых членов экипажа и пассажиров попроще они попадали не часто, только в случае если образовывались скоропортящиеся излишки.

Шесть нижних этажей занимали многоярусные гидропонные установки с растениями, способными перерабатывать максимальные объёмы углекислого газа в кислород, а также дающими биомассу для переработки в пищу. К первым относились генно-модифицированные мхи и хлорофитумы, ко вторым – также полезно изменённые на наследственном уровне злаки, корнеплоды и бобовые. Там же выращивались солеро́с и кресс-салат, которые очищали воду от излишков солей и минералов.

Сельхозугодия общей площадью в семь гектаров омывала вода, обогащённая фертилайзерами, многократно ускоряющими рост растений, и переработанными в удобрения отходами жизнедеятельности животных организмов. Ещё в ней содержался фитопланктон, также принимающий посильное участие в выработке кислорода.

Циркулирующая по всему кораблю вода была его кровью, а огромный объём климатрона (двести двадцать метров в длину и сто в диаметре) выполнял функции лёгких и печени, очищая воздух и утилизируя выделения тысячи космических путешественников и их обретших в результате генных модификаций разум и речь питомцев.

Встреченные старпомом люди улыбались ему и кивали, он отвечал им тем же.

Лифтов было восемь – по одному на каждый жилой модуль.

Камиль провалился на лифте на сто метров в самый нижний ярус климатрона, где располагались два пятидесятиметровых бассейна, углублённых в водохранилище объёмом в тридцать семь тысяч тонн. Вокруг них размещалась зона для спорта и отдыха со всевозможными тренажёрами и ложами для ультрафиолетовых ванн. По окружности её обрамляли бьютитрансформаторные станции, массажные и SPA-салоны, а также кафе и аромобары.

Бассейны функционировали только во время разгона и торможения корабля, когда линейное ускорение в десять метров в секунду создавало силу, эквивалентную земному притяжению и направленную по оси от носа к корме, и сегодня был последний день их работы.

Проплыв одноударным баттерфляем десять бассейнов, Легран отправился обратно в жилой модуль, но не на лифте, а через центральную хорду – трубу восьми метров в диаметре, в стенки которой были вделаны скобы. Цепляясь за них только руками, Камиль преодолел все сто семь метров, отделяющих рекреационную зону от жилых модулей. В результате всех этих телодвижений он лишь слегка вспотел и запыхался.

Приняв холодный душ и облачившись в форму, бодрый и свежий старпом мельком взглянул на себя в зеркало рядом с дверью, чтобы лишний раз убедиться, как белоснежный китель с тремя широкими золотыми лычками на рукавах выгодно контрастирует с тёмно-кофейным оттенком его кожи, и снова перешагнул порог каюты.

День сегодня предстоял самый обычный, рутинный.

Зато завтра «Луч надежды» прекратит торможение и ляжет в дрейф в полутора миллионах километрах от матушки Земли, в окрестностях точки Лагранжа[87] L_2, в том самом месте, с которого в незапамятные времена стартовал. Отрицательное ускорение исчезнет, и на корабле на непродолжительное время воцарится невесомость. Палубы в жилых отсеках развернутся плоскостями параллельно вектору движения корабля, а гидропонные переборки, разделяющие девять ярусов климатрона, будут разобраны и распределены по его стенам. По завершению трансформации запустятся карусельные двигатели, которые заставят климатрон и жилые отсеки вращаться вокруг центральной хорды со скоростью три с половиной оборота в минуту, тогда и возникнет центробежная сила, имитирующая гравитацию. Причём в самых удалённых точках жилых отсеков ускорение свободного падения будет равняться 13,3 м/с^2, приблизительно как на Терра Нове (планете с которой возвращался корабль), на их центральных палубах – как раз эквивалентно земному, то есть около 10 м/с^2, а на стенках климатрона его половине, то есть примерно на 1 м/с^2 больше, чем на Марсе, или в три раза больше, чем на Луне.

Из самодвижущихся дорожек, ведущих из жилых модулей и обратно, выдвинутся поручни и упоры для ног, таким образом получатся семидесятиметровые вертикальные эскалаторы. Лифты в центральной шахте будут двигаться в полной невесомости, и пассажирам в них придётся пристёгиваться, чтобы их не бросало туда-сюда при ускорении и торможении.

В модуле управления предметы веса также иметь не будут, поскольку в режиме дрейфа он не вращается вместе с центральной хордой и двигательным отсеком.

Со всеми этими метаморфозами, как всегда, безупречно справится автоматика, управляемая бортовым ИИ, но Леграну в соответствии с его должностными обязанностями предстояло проинспектировать каждый закоулок гигантского корабля.

«Луч надежды» от дюз кормовых маневровочных двигателей до наконечника носовой антенны имел 1 143 метра. Правда, его «населённая» часть, вращающаяся во время дрейфа или свободного полёта при отключенном фотонном двигателе,

которую предстояло облазить старпому, имела всего триста метров длинны. Но это тоже немало, – как раз Эйфелева башня по высоте, но вовсе не такая изящная в поперечнике.

Но вся эта суета с самого раннего утра наступит завтра…

А сегодня старпом степенно проследовал в северо-западный, «капитанский», жилой модуль. Тут располагалась офицерская кают-компания – довольно просторное помещение, обшитое источающей тонкий смоляной запах корабельной сосной. Резная тяжёлая мебель из красного дерева с золотой фурнитурой, декоративные латунные иллюминаторы с рассветным «живым» морским пейзажем в них. Фоном звучала тихая, расслабляющая музыка, перемешанная с шуршанием волн о корпус, хлопаньем парусов, гудением такелажа на ветру, и криками чаек.

Здесь стоял стол, накрытый для завтрака. Богатый выбор блюд услаждал взор широкой цветовой палитрой. Белые шарики искусственных яиц, жёлтые и оранжевые полоски сыра, колбасы и копчёности всех оттенков от розового до тёмно-коричневого, жёлто-розово-красные тона солёной рыбы, горки красной и чёрной икры, свежая зелень.

Полученная в условиях космической лаборатории животная органика почти не отличалась по вкусу от настоящих продуктов, если бы было с чем сравнивать. А вот рыба и икра всегда подавались натуральные и свежие. В водохранилище на одном уровне с бассейнами были устроены три садка для выращивания пресноводных рыб: угря, осетра и лосося – и столько же с водой, имитирующей по составу морскую, для тунца, дорады и сибаса. Для этих организмов был не важен режим, в котором находился корабль, – искусственной гравитации или её отсутствия – рыба в воде всегда пребывает в невесомости.

Во главе длинного стола восседал капитан.

– Доброе утро, Камаль! Судя по вашим горящим глазам, вы уже чего-то нюхнули? – приветствовал он старшего помощника.

– Камиль, с вашего позволения, сэр. Доброе утро!

– Ну-ну, простите мою стариковскую забывчивость. Как говорится, кто старое вспомянет, тому и вон идти… – кажется, так. Прошу к столу, молодой человек.

Разменявший пять сотен лет капитан Закари Вентер коверкал имена подчинённых и то и дело сыпал странными, не всегда подходящими случаю поговорками, которые к тому же не очень хорошо помнил. Однако дело своё капитанское он знал твёрдо. Лицо у него было молодое, для солидности обрамлённое курчавой рыжей растительностью, – но, видимо, и здесь он что-то напутал, потому что по фасону бородка скорее напоминала

боцманскую нежели шкиперскую.

Старшему помощнику Камилю Леграну было всего девяносто лет с хвостиком. Человек из третьего поколения бессмертных, он был с младых ногтей воспитан в традиции благоговейного почитания старших, поэтому покорно склонил голову и занял своё место по правую руку от капитана.

Полчаса завтрака прошли в непринуждённой обстановке. Все присутствующие были приветливы и веселы, много смеялись и шутили. Капитан по-отечески поглядывал на подчинённых, блаженно улыбался и изредка вставлял свои не всегда меткие замечания.

Когда раздался мелодичный звук рынды, знаменующий окончание утренней трапезы, сэр Вентер раздал несколько кратких установок на день грядущий. Все поднялись из-за стола и разошлись по своим постам.

Восемь часов на капитанском мостике пролетели для Камиля незаметно. Сначала он совершил виртуальный обход корабля, убедился, что всё работает исправно. Потом на пару часов запустил имитацию атаки инопланетян на корабль и всласть пострелял из лазерных пушек по насекомоподобным НЛО, попутно установив рекорд по количеству фрагов за единицу времени.

По этому поводу капитан, который в ожидании своей смены отдыхал у себя в каюте, вышел в эфир и отпустил следующее загадочное замечание:

– Наш пострел совсем сопрел, – предыдущий рекорд принадлежал ему.

Потом старпом произвёл уже не виртуальный, а реальный обход корабля, на который ушло не менее часа. Последний тридцать минут провели в обсуждении завтрашнего манёвра.

Наконец зазвучала рында, оповещающая об окончании вахтенной смены.

В честь последнего дня работы бассейнов между жилыми модулями состоялся чемпионат по водному поло. На трибунах собралась почти вся тысяча обитателей «Луча надежды», кроме членов экипажа, заступивших на вахту.

Команда старпома, в которой он был капитаном, заняла второе место, на этот раз уступив военным специалистам. На третьем оказались представители северного жилого VIP-модуля.

После церемонии награждения все разбрелись по кафе и аромобарам, а подуставший за день Легран поехал к себе домой на лифте.

Он помедитировал на койке всего минут пятнадцать, когда в

его голове зазвучала мелодия вызова. Это была судовой врач.

– Ты у себя?

– Да.

– Я зайду? – голос её звучал возбуждённо.

– Конечно, – ответил ей Камиль. – Рамзес, иди погуляй пару часиков, пожалуйста, – попросил он пёсика.

Выпроводив недовольно ворчащего пуделя, Камиль вынюхал остаток утреннего аромококтейля.

У судового врача Хельги Мадрасхен всё было не слишком: не слишком правильные черты лица, не слишком большая грудь, не слишком тонкая талия и не слишком длинные ноги. В этом «не слишком» и заключался рецепт её привлекательности. Нет, претензии на натуральность в этом не было – ясно было, что она активно пользуется бьютитрансформатором, но крайностей она не любила. Однако только во внешности…

Любовницей докторша была экстремальной. То, что она вытворяла в постели, было умопомрачительно. Она, наверное, даже медицину изучила для того, чтобы постичь предел возможностей человеческого организма в определённом аспекте. Могла подстроиться под любого партнёра: желающего подчиняться или доминировать, а могла быть с ним на равных. Она была профессором, гуру разврата и даже написала несколько монографий, посвящённых эклектическому сексу. Её учение включало в себя все известные человечеству порно-практики от древнейших камасутры, та́нтры и сиба́ри до новейших психосомальных и ретикулярно-вестибулярных. Оно было как древняя борьба самбо, создатель которой объединил опыт множества борцовских школ со всех концов мира и добавил кое-что от себя.

Глава 3.

После того, как Невструева выпустили из «саркофага», взяли кровь на анализ, измерили давление и сняли электрограммы сердца и мозга, он отправился на приём к психологине.

– Ну как вам пережитый опыт? – спросила Стейси.

– Это лучшее переживание, которое у меня было во сне! Да и наяву тоже… – признался Невструев. – Вы не представляете, как я счастлив, что попал в этот эксперимент. Спасибо вам всем огромное! И вам, и руководству своему передайте. Я всего лишь пишу фантастику… даже не пишу, собираюсь… а вы тут воплощаете её в жизнь.

– Значит, понравилось?

– Да не то слово! Даже не знаю, с чем сравнить… Это как в раю побывать. А как там всё прекрасно! И интерьеры, и люди, и запахи…

– Погодите-погодите, – улыбнулась Стейси. – Вы отвечаете на вопросы, которые я только собираюсь задать. Давайте по порядку.

– Я понимаю, вам сложно отклониться от плана беседы, но меня эмоции так и переполняют!

– Александр. Посчитаем до десяти, чтобы успокоиться? – предложила психолог.

– Да ну вас, ей-богу. Сами считайте. Всё. Я спокоен… Задавайте, пожалуйста, ваши вопросы по порядку.

Стейси начала спрашивать и отмечать его ответы у себя в компьютере. Александр отвечал, но думал при этом о своём.

Всё было замечательно: его переживания по поводу развода обесценились, жену он больше не ревновал, скорее, даже сочувствовал ей – у неё какой-то старый Лозон, а у него космическая тигрица, и сам он при этом ещё и негр… Писать ему теперь, наверное, есть о чём. Немного смущало, правда, что он не чувствовал этот материал до конца своим. Но после того, как Александр хлебнул предложенного Стейси кофе и окончательно проснулся, его больше всего стал занимать вопрос, чем же ему заниматься до вечера. Денег не было ни копейки. За участие в эксперименте ему пообещали хорошие деньги, которых и на то, чтобы жильё снять хватит, и на пропитание, чтоб дожить до того момента, когда он найдёт себе работу. Но получит он их только после окончания исследования, то есть через месяц, а что делать весь день и как раздобыть хлеб насущный, было совершенно неясно. Домой под страхом нового, на этот раз гораздо более продолжительного тюремного заключения, идти было нельзя.

– У меня всё, – наконец произнесла психолог. – Думаю, у вас тоже появились вопросы. Задавайте. Попытаюсь на них ответить.

Тогда Невструев выпалил, преодолев смущение:

– Скажите, а нельзя ли мне некий аванс получить?

– К сожалению, нет. Эту практику отменили. Знаете, сколько таких было? Деньги получат и поминай как звали… – Стейси начала строго, но потом смягчилась. – Но, учитывая вашу ситуацию и вашу ценность для эксперимента, я могу устроить вас на полный пансион в нашу столовую. Можете завтракать, обедать и ужинать. У нас очень хорошая кухня.

– Спасибо огромное.

– Ой, да пустяки, не благодарите. И вам же где-то писать надо… А знаете что! У нас на этаже есть библиотека. Я вам ноутбук найду, там и сидите хоть весь день.

– Так а что же я буду писать, Стейси? – немного слукавил

Александр.

– Что за вопрос? Мне кажется, это очевидно. Сновидения свои и описывайте. За месяц целый роман накропаете.

– У меня такое ощущение, что это было бы нечестно. Как будто я использую допинг или чит-код, какой-то запрещённый приём…

– О чём это вы?

– Понимаете, не я же это всё придумал. Это всё ваш гипносон, ваш искусственный интеллект. Я не чувствую себя вправе…

– Какой вы, оказывается, щепетильный. Но послушайте: если книга хороша, читателя абсолютно не волнует, в каком состоянии находился её автор, когда писал её, как он изменял своё восприятие мира: медитацией или ЛСД, алкоголем, марихуаной или индуцированными сновидениями, помогал ему искусственный интеллект при этом или нет… Что мешает вам писать? Не только внешние факторы – отсутствие свободного времени и условий для работы, но и внутренние – дефицит вдохновения, недостаток фантазии, неуверенность в собственных силах. А гипносон лучше любых веществ, расширяющих сознание, стимулирует творческий потенциал.

– Возможно, читателю плевать на состояние, в котором писалась понравившаяся ему книга. Точно так же, как ему часто плевать на то, как писатель жил или умер: в достатке или в нищете, застрелили ли его враги, или сам он пустил себе пулю в лоб, угас от чахотки или от рака. Но мне-то не плевать! Что делать, если я чувствую себя плагиатором? – упёрся Невструев.

– Оставьте! – отрезала Стейси. – Люди, которые в бодром состоянии абсолютно не способны к музицированию и стихосложению, слышат в обычном сне несуществующие наяву прекрасные мелодии или неплохие стихи, которые иногда даже могут воспроизвести, проснувшись. Абсолютно не умеющие рисовать, грезят великолепными пейзажами. А представьте, на что способен мозг, имеющий склонность к творчеству и, главное, желание творить. Уверяю вас, вклад нашего Буратино в создание этой космической истории по сравнению с вашим ничтожен. Он лишь помогает увидеть более чёткую умозрительную картинку, лучше запомнить пережитое во сне. Понимаете?

Подопытный кивнул.

– Существует приём, когда творец в своём поиске перекладывает работу на подсознание. Вы наверняка что-то такое используете. Разве нет? – предположила Стейси.

Невструев снова кивнул.

– Когда засыпаю или просыпаюсь, я пытаюсь продлить пограничное состояние между сном и бодрствованием и в этот

момент думать о том, что пишу. Иногда происходят вспышки озарения.

– Вот! А гипносон – это гораздо более удобный способ общения со своим подсознанием, повышающий КПД от этого процесса почти до ста процентов. В гипносне человек живёт, играет, наслаждается, а потом, когда просыпается, помнит всё и может описать доступными ему средствами. Вместо того чтобы перекладывать работу на подсознание какими-то медитативными методиками или, не дай бог, с помощью наркотиков и ждать потом неделями, а то и месяцами зачастую не очень внятного результата, можно просто погрузиться в гипносон, в котором всё происходит гораздо эффективнее. Подсознательное в нём легко переходит в сознательное и обратно.

Невструев сделал вид, что только сейчас дал себя уговорить, и перешёл к практическим вопросам:

– Но откуда мне известны все эти конструкционные особенности космического корабля? Откуда я знаю, как исполнять обязанности старшего помощника капитана? Всё это плод моего подсознания или всё-таки продумано вашим роботом?

– Он не совсем робот. Буратино – он скорее… как я его для себя определяю, – мыслящая трансперсональная сущность. А вашу осведомлённость в космическом деле считайте плодом совместных усилий. Скажем так: он предоставляет вам научно-техническую информацию в доходчивой форме и немного помогает её обработать.

– Вот бы мне поболтать с ним об этом… – мечтательно произнёс Невструев.

– Если Буратино сочтёт это нужным, то обязательно сам свяжется с вами. Одно могу сказать: ваша реакция на эксперимент, то, как вы взаимодействуете с виртуальной реальностью, интересует его не меньше меня.

– Так это что же получается? С помощью вашей технологии каждый сможет стать творцом? – вдруг испугался Александр.

– Вот именно! – обрадовалась Стейси. – Есть такая надежда. Её мы и пытаемся воплотить в жизнь с помощью этого эксперимента. В этом основная суть моей научной работы.

– С одной стороны, это замечательно, но с другой – настораживает. Если все будут творческими личностями, то, не представляю, какая тогда начнётся конкуренция…

– Ну и прекрасно! Чем должны заниматься люди, когда всю тяжёлую работу возьмут на себя роботы? Останется только творчество! И те, чьи фантазии, усиленные гипносном, окажутся самыми интересными, и будут наиболее почитаемы в обществе.

– Вот это и настораживает… Вот поглядите на то, что

происходит сейчас в сетевой литературе, —Невструев начал скромно, но по мере того, как говорил, распалялся всё больше. – Я, если честно, ожидал от развития информационных технологий гораздо большего. Но бесконтрольное распространение стихийной психопродукции и отсутствие какой-либо цензуры привело к тому, что по-настоящему мудрые и талантливые писатели, которые могли бы научить человечество разумному, доброму и вечному, всё более задвигаются на второй план, куда-то в закулисье, и на авансцене оказывается ряженное, кривляющееся быдло, сквернословящее безыскусно, похабно шлёпающееся на задницу и издающее самые вульгарные звуки и запахи. И находятся люди равные им по умственному развитию, а значит восприимчивые к их потугам. Поскольку дураков большинство, то выходцы из их среды и становятся самыми известными и популярными. Если раньше пробивались если не достойнейшие, то хотя бы неглупые и образованные, то теперь любой тупорогий халтурщик может занять свою нишу и килотоннами продавать низкопробный ширпотреб. Что мы и наблюдаем теперь на всех книготорговых площадках…

– Однако оптимистом вас не назовёшь… – психологиня немного опешила от его напора. Она сидела, откинувшись на спинку стула и скрестив на груди руки, языком тела непрофессионально демонстрируя своё отношение к его излияниям.

Невзоров проигнорировал это замечание.

– Раньше, во времена бумажных книг, профессиональные издатели и редакторы осуществляли некую интеллектуальную цензуру и не допускали публикаций через чур откровенных кретинов. Теперь же кто угодно может вываливать в Сеть своё убожество. И это, между прочим, касается всех видов искусства. Так что же будет, когда все заделаются творцами?

– А нет ощущения, что в вас говорят нереализованные амбиции? Но не будем сейчас об этом… Если хотите, проработаем это факультативно. Наше дело разработать методику, а уж какое она найдёт применение…

– В том-то и беда сумасшедших учёных, которым важен лишь процесс познания, а не его последствия.

– Вы серьёзно?! – Стейси на секунду перестала скрывать эмоции. – То есть вы, писатель, на полном серьёзе полагаете, что необходима цензура?!

– Цензура, безусловно, должна быть, но не идеологическая, а культурная. Человечество же тупеет на глазах без неё! И это касается, конечно, не только литературы. Естественно, это не должны осуществлять один человек или организация. Должны

быть демократия и плюрализм, поэтому в решении судьбы художественного произведения обязаны участвовать, скажем, не менее десятка независимых профессиональных экспертов, представляющих различные убеждения и слои общества.

– Я бы с удовольствием продолжила эту беседу, но меня ждут другие участники эксперимента, – спохватилась психологиня.

Выбор блюд в столовой *Golden Key* оказался весьма неплох, если сравнивать с обычными кейтерингами на израильских предприятиях. Однако по сравнению с угощением в кают-компании «Луча надежды» он был просто убог.

В библиотеке, находящейся через стену от столовой, он почувствовал себя очень комфортно. Приглушенный свет, локальные светильники и футуристическая мебель создавали уютную, почти интимную обстановку. Подборка книг здесь была в основном узкоспециальная – по программированию, кибернетике, психологии и нейрофизиологии. Но в самом дальнем углу пряталась пара стеллажей с художественной литературой, по большей части исторической, приключенческой, фантастической и фэнтезийной.

За весь день сюда заходили всего пару человек, на Невструева внимания они не обращали, даже не здоровались, брали что-то с полок и уносили с собой.

Лучшую атмосферу для творчества придумать было сложно. Александр буквально часа за три описал свой первый день на космическом транспорте. Потом взял с полки том по физиологии сна, и с интересом полистал его. Затем вернулся к своему тексту, перечитал и отредактировал его.

Так он не заметил, как пролетел день. Когда в библиотеку заглянула Стейси, оказалось, что уже почти восемь часов вечера.

– Ну что, как ваши дела, Саша? Написали что-нибудь?

Невструев отметил про себя «Сашу» и молча развернул к ней ноутбук.

Она села за стол рядом с ним и погрузилась в чтение.

Александр с интересом наблюдал за её реакцией. Стейси пару раз нахмурилась сосредоточенно и раза три продемонстрировала весёлую ямочку на щеке. Наконец закрыла ноутбук и произнесла:

– Что ж, очень неплохо. Местами, правда, приходится слишком напрягать воображение. Мне кажется, нужно проиллюстрировать как-то…

– Хорошо. Я подумаю, как это сделать.

– А вообще, замечательное начало, по-моему.

– Спасибо.

Они помолчали немного. Александр думал, что Стейси

сейчас уйдёт, но она не торопилась.

– А что это вы читаете? – она заметила книгу, лежащую на столе. – Ух ты! Серьёзный труд. Что вы хотите в нём найти?

– Меня сейчас интересует в основном два аспекта. Во-первых, гипнопедия – обучение во сне. Вот здесь пишут, что всё это шарлатанство, малоэффективно и бесполезно. Однако вашей компании удалось решить эту проблему. Каким образом?

– Знаете, Буратино читал нам лекцию по этому поводу. Но там столько анатомических и физиологических подробностей… В общем, я просто сделала вид, что поняла…

– Людям вашей специальности часто приходится делать такой вид, – ехидно заметил Александр.

– Слушайте! Вы уже не в первый раз пытаетесь доказать мне своё превосходство, – вдруг рассердилась она.

– Да я же шучу, Стейси, – он успокаивающе положил свою руку поверх её.

Она отдёрнула ладонь.

– В первый раз это можно было воспринять как шутку. Теперь уже нет. Вы же понимаете, что пытаетесь самоутвердиться за мой счёт?

– Вы абсолютно правы. Я буду следить за собой. Обещаю.

Она посмотрела на него, как будто пытаясь оценить степень его искренности. Потом начала излагать то, как поняла принцип действия гипнопедии, своими словами.

– Если вы можете внедрить человеку знания, то что же ещё? – спросил он, когда она закончила. – Моему альтер эго во сне внушили уважение к капитану. Также можно внушить подчинение любой власти, принятие любой несправедливости… Вы вообще представляете, какой силой обладает этот ваш гипносон? Он может служить делу порабощения человечества, а может навсегда освободить нас от всех зависимостей.

Стейси пожала плечами.

– Я понимаю, о чём вы… Если эта технология попадёт в руки плохих людей… и всё такое. Бла-бла-бла. Я по этому поводу не переживаю, у нас очень надёжная служба безопасности. Вы сказали, что вас интересует два аспекта. Какой второй?

– Физиологический, – пробормотал Александр и засмущался.

Она заметила это.

– Ничего. Говорите! Мы оба профессионалы.

Невструев в двух словах изложил свои соображения.

Стейси и бровью не повела.

– Гипносон гораздо глубже обычного, поэтому поллюции и не происходит. Вы же и другие физиологические потребности справляли там, так почему вас не удивляет отсутствие этих

выделений?

– Понятно. Поэтому перед сном нам ставят клизму и мочевыводящий катетер. Но минет же не делают… Слушайте, а зачем в принципе нужна имитация вот этих вот других отправлений в гипносне? Неужели нельзя без них обойтись?

– Как зачем? Исключительно для придания достоверности.

– Я понял. Спасибо.

Повисла пауза, которая явно не смущала Стейси. Она с профессиональным интересом разглядывала своего подопечного.

Александр вдруг почувствовал сильную усталость, которая до времени пряталась за эмоциональным возбуждением. Он не захотел играть в молчанку.

– Что ж, наверное, мне уже пора готовиться к ночи в саркофаге. Сами знаете, это долгое и малоприятное занятие.

Стейси хмыкнула.

– Это вы ИУС «саркофагом» прозвали?

– Саркофаг – с греческого пожиратель плоти или мяса. Поглощая тело, освобождает дух. Такая у меня ассоциация.

Психологиня выразила надежду, что этот мрачный никнейм для аппарата не приживётся.

Прежде, чем уйти, она коротко рассказала о том, что изначально методика гипносна была разработана для безнадёжно больных, чтобы скрасить процесс их умирания. Тогда использовались биочипы – внутримозговые импланты. Это было довольно травматично, иногда развивались осложнения. Поэтому компания разработала индивидуальные устройства сна, которые гораздо безопаснее и надёжнее.

Глава 4.

«Луч надежды» стартовал из окрестностей Терра Новы – планеты, обращающейся вокруг звезды Альса́фи в созвездии Дракона, – сорок лет назад. Это было его второе межзвёздное путешествие.

В первый раз корабль отправился в путь триста сорок два года назад по земному летоисчислению. Целями первой экспедиции являлись: «А» – сохранение человечества как вида, «Б» – поиск планеты, подходящей для колонизации, и «В» – контакт с инопланетными формами разумной жизни, если таковые повстречаются.

Тогда, в 2114-м году, очередной арабо-израильский конфликт довёл-таки мир до боевого применения атомного оружия. Нашлись люди со средствами, достаточными для того, чтобы к этому подготовиться, – представители четырёх богатейших

кланов на планете. Предвидя, что история человечества добром не кончится, они тайно спонсировали постройку на обратной стороне Луны космического транспорта с фотонным двигателем, который затем с помощью маневровых двигателей был выведен на гала-орбиту[88] точки Лагранжа L_2, где и ожидал старта.

Как только началась ядерная заварушка, члены сопричастных кланов вместе со своими приближёнными, обслуживающим персоналом, экипажем звездолётчиков, а также группой учёных, инженеров, агрономов и военных специалистов погрузились на космический челнок, который и доставил их на «Луч надежды». С расстояния в полтора миллиона километров в полной безопасности могли они наблюдать развитие конфликта, к возникновению которого сами приложили немало усилий. После того как на Земле вырос тринадцатый по счёту гигантский гриб из пыли и дыма, поняли они, что ловить здесь больше нечего, запустили фотонный двигатель и отправились к наиболее подходящей для колонизации планете, которая на тот момент была обнаружена. Инфракрасный орбитальный телескоп *Keyhole* нащупал её всего в шести парсеках от Солнечной системы.

На корабле имелось восемь шарообразных жилых модулей, каждый по пятьдесят метров в диаметре. Располагались они вокруг центрального цилиндра климатрона и назывались по восьми условным направлениям: северный, северо-восточный, восточный, юго-восточный и так далее.

Четыре шара, носящие простые названия сторон света, были элитными, жили в них по пятьдесят человек. Эти части корабля своим убранством походили на фешенебельнейший круизный лайнер. Каюты здесь были роскошными и просторными, как дома́, и располагались вдоль стен кольцом, в середине которого заключалась круглая площадь со скульптурной композицией. На сферические потолки этих модулей проецировалось динамическое изображение неба – днём с солнцем и облаками, ночью с луной и звёздами.

Западный жилой модуль занимал Майкл Гольденберг – потомственный американский миллиардер со своими чадами и домочадцами. В архитектуре, интерьерах и одежде здесь главенствовал чёрно-золотой Ар-деко. В центре их круглой лужайки возвышалась статуя, изображающая отца Майкла – Амрама Гольденберга, изваянная в чёрном мраморе с золотыми прожилками.

В северном проживали несколько русских семей во главе с Сергеем Самсоновым. Они предпочли сочетание классицизма и барокко в золотом и голубом исполнении. В центре их жилого шара стояла копия петергофского фонтана «Самсон,

раздирающий пасть льва». Но в отличие от бронзового позолоченного оригинала эта реплика была отлита из чистого золота.

В восточном разместился арабский шейх Фаад бен Хасим аль-Ахмади с гаремом и детьми. Они предпочли осовремененный восточный стиль и сочетание зелёного с золотым. Золотая кобылица с жеребёнком в натуральную величину паслись в середине мавританского сада, разбитого на центральной арене.

В южном – китайский нувориш Лю Шуньфу с близкими. Они предпочитали обитать в эклектической смеси хайтека и китайской пагоды. Наряду с неизменным золотым здесь доминировал красный цвет. Ядром этого жилого шара служила беседка с золотым драконом на крыше, таких размеров, что в торжественных случаях в ней размещались столы, за которые усаживались не только все обитатели элитных модулей, но и приближенные к элите члены экипажа и команды учёных.

В модулях с составными названиями было не до лужаек, фонтанов и небесных проекций. Размещалось в них по двести человек. Интерьеры тут были строгими, технологичными и аскетичными. Исключением являлись только кают-компании – одна «капитанская» в северо-западном модуле, другая «академическая» в юго-восточном. В двух остальных модулях их место занимали скромные столовые, которые в перерывах между приёмами пищи трансформировались в игорные зоны; обеденные столы уходили в пол, и им взамен разворачивались столы для развлечений: биллиардные, для настольного тенниса, кикера и хоккея, а также для карточных и прочих игр.

Через сорок лет путешествия, в 2154 году, космический транспорт «причалил» в точке Лагранжа, в которой взаимно компенсировались силы притяжения оранжевого карлика Сигма Дракона, или, как ещё называли эту звезду, – Альсафи, и планеты, которую решено было именовать Новой Землёй, или Терра Нова. Затем челнок доставил космических переселенцев с гала-орбиты на их новую родину.

Камиль Легран не мог помнить того, первого, перелёта. Он был одним из бессмертных людей, выведенных из миллиона оплодотворённых яйцеклеток уже на Терра Нове, привезённых в холодильных камерах космического транспорта. Их геном был модифицирован таким образом, что не содержал генов, отвечающих за старение.

Эмбрионы инициировали поэтапно, по мере того как суровая планета осваивалась, терраформировалась и становилось пригодной для существования всё большего количества людей. Легран появился на свет в составе последней партии привезённой

с Земли и инициированной в 2363 году. Таким образом, сейчас, в 2456-й год от Рождества Христова, ему было девяносто три года, из которых сорок он провёл в обратном перелёте «Луча надежды» из звёздной системы Дракона в Солнечную систему.

И вот наступил долгожданный день прибытия в пункт назначения. Торможение закончилось, и на всём корабле на полчаса, до запуска карусельного механизма, создающего искусственную гравитацию за счёт центробежной силы, воцарилась невесомость.

Тут-то и наступило самое горячее время для помощника капитана.

И сколько ни говори, сколько ни предупреждай, сколько ни заставляй заучивать инструкцию, всё равно найдутся индивиды, нарушающие элементарные правила техники безопасности. Переход в состояние невесомости не слишком опасен, в отличие от момента запуска карусельных двигателей, когда тела обретают вес. Причём чем дальше от центра корабля эти тела находятся, тем больший вес они обретают. Как и сорок лет назад, на старте, кто-то чего-то не закрепил или не пристегнулся сам, и вот тебе придавленные пальцы, ушибы мягких тканей или даже сотрясение мозга.

На этот раз имел место вопиющий случай. Парочка стошестидесятилетних космобиологов решила произвести некий контактный эксперимент в невесомости, но получаса им не хватило. Видимо, слишком увлеклись научными изысканиями, в результате грянулись с высоты двух метров на жёсткую поверхность, да так, что у девушки треснул таз, а парень половой член вывихнул. Леграну пришлось с помощью четырёх матросов вызволять страдальцев из подсобного помещения и доставлять в медицинский отсек.

Вправляя вывих, Хельга, у которой также выдался очень непростой денёк, заметила:

– Если бы вы внимательно прочитали вступление к моему трактату «Любовь в невесомости», этой неприятности удалось бы избежать.

А капитан, выслушав доклад старпома о чрезвычайном происшествии, пробурчал:

– Взрослые, казалось бы, люди… Но это ещё что, вот во время первого перелёта одна девушка так чуть насмерть не подавилась, а её дружку пришлось полгода новый орган отращивать. Воистину неудобно спать на потолке, можно и хрен сломать.

После завершения манёвра капитан распустил свободный от несения вахты экипаж.

Для предупреждения депрессии и клаустрофобии психологи рекомендовали всем обитателям «Луча надежды», а особенно, живущим в модулях эконом-класса, больше времени проводить в самых просторных помещениях корабля: в оранжереях климатрона, на рекреационной палубе, в игровых зонах и кают-компаниях. Активнее общаться друг с другом, принимать участие в общественных мероприятиях, как культурных, так и спортивных, которые постоянно устраивались на корабле.

Ещё одной отдушиной для людей, десятилетиями не имеющих возможность поменять место жительства, были аромобары. В них подавали обонятельные коктейли. Их изысканные ароматы вызывали выделение эндорфинов, а психомодуляторы, содержащиеся в формуле, могли добавить таких положительных свойств, как внимание, терпение, концентрация – в зависимости от выполняемой задачи. По сути являлись наркотиками, но без вредных побочных эффектов: передозировок и привыкания – ни физического, ни даже психического.

Однако самым главным спасением от скуки, рутины и клаустрофобии был гипносон. У каждого обитателя корабля в черепной коробке имелось биоэлектронное устройство, которое в моменты бодрствования выполняло коммуникационные функции. Через него люди «мысленно» связывались друг с другом и с бортовым ИИ. Это во время бодрствования. А во время сна устройство внушало своему владельцу волшебные грёзы, в которых он мог оказаться где угодно и когда угодно: в реалистичных или сказочных декорациях. Эти переживания были настолько натуральны, что при желании космический путешественник был в состоянии представить себе, что его существование на космическом корабле – это сон, а то, что происходит в гипносне, – настоящая жизнь.

Многие так и делали. Но не Камиль Легран, старший помощник капитана. Для него жизнь на корабле была главной, и к обязанностям своим он относился весьма ответственно. И, как любой старпом, мечтал стать капитаном. Он безмерно уважал старого космического волка Закари Вентера, но понимал, что в силу возраста тот мог в любой момент промахнуться.

После тяжёлого дня Камиль решил посидеть в аромобаре. Он вдыхал расслабляющий коктейль «Морской бриз» у стойки и отдавался мечтам о капитанских шевронах.

– А что это наш бравый старпом заскучал? – услышал он нежный голосок, и маленькая ручка легла ему на плечо. – Вы будете сегодня на вечеринке у моего прапрадедушки?

Это была Сара Гольденберг, приятная во всех отношениях шестидесятилетняя особа, слишком на его вкус юная и неопытная. Её внимание к нему было подчас слишком навязчивым.

– Загляну непременно, – заверил её Камиль.

Визит вежливости на торжественный ужин, посвящённый окончанию путешествия, организованный первым лицом на корабле, действительно, входил в его планы на вечер, но надолго задерживаться там он был не намерен. Докторша назначила ему сегодня свидание в одном из бассейнов. Из них откачали воду, зато водохранилище не участвовало во вращении вместе с населёнными отсеками, и невесомость в нём была стабильной. Камиль имел доступ во все помещения корабля, и уединение с автором «Любви в невесомости» не грозило ему никакими увечьями.

Когда далеко за полночь старпом вернулся к себе в каюту, его, вопреки обычаю, никто не встретил. Пёсик лежал на своём месте, обиженно отвернувшись к стенке.

– Что случилось, Рамзи? Ты не заболел?

– Ты не зашёл позаботиться обо мне, и меня полчаса болтыхало по всей каюте, а потом я упал с потолка на заблёванный пол и чуть не переломал себе все лапы. Робот-уборщик смеялся надо мной. Я хотел его укусить, но он треснул меня током.

– Прости, дружок, я действительно совсем забыл про тебя, – виновато признал Камиль.

Объяснять собаке, что роботы-уборщики чувством юмора не обладают, а потому не смеются, было бесполезно. Несмотря на то, что генномодифицированные животные научились говорить и обрели подобие разума, их лапы в руки не превратились, и в некоторых аспектах они были совершенно беспомощны. Наблюдая за порядком на всём корабле, Легран не сумел соблюсти его у себя дома.

Глава 5.

– Ну что, Александр, как ваши впечатления от второго сеанса гипносна?

После сегодняшнего пробуждения Невструев находился в состоянии приятного нервного и физического возбуждения. Вчера с ним происходило нечто подобное, но в гораздо меньшей степени. Сегодня же хотелось вершить невероятное и тут же ниспровергать его, не оставляя камня на камне, и снова

возвеличивать ниспровергнутое. Сравнивать с землёй, испепелять, а потом на пустом месте воздвигать и созидать. Вещать, развенчивать и провозглашать, рождать и хоронить истины. Двигать горы или хотя бы мебель. Он и так еле сдерживался, и несчастная психологиня попала, что называется, под горячую руку.

– Эх, Стейси, вот и видно, что вы слишком давно живете в Израиле. Не «как ваши», а «какие у вас». Отвечая на вашем русско-ивритском суржике: интересантнее, чем вчера, и этот интерес далёк до исчерпания.

– Зачем же вы дразнитесь?

– Не обижайтесь. Огрехи в языке нещадно раздражают нежный эпителий моих слуховых рецепторов.

– Понятно. И все же, будьте любезны, соблаговолите ответить на мой вопрос по-человечески, – приняла «челлендж» высокого штиля Стейси.

– Неплохо. Но тут что-то одно в идеале: или «будьте любезны», или «соблаговолите», иначе для вас это звучит слишком уничижительно…

– Если вы такой знаток русского языка, что ж до сих пор ничего путного не написали? – не выдержала психологиня.

– Всё-всё. Больше не буду, – Александр поднял руки. – Будем считать – мы квиты. Отвечая на ваш вопрос касательно моих впечатлений от гипносна: какая-то дикая эйфория и повышенная чувствительность.

Стейси уже взяла себя в руки, надела очки и занесла его ответ в компьютер.

– Что же вас более всего впечатлило сегодня?

– Гм… Вы такие вопросы задаёте, что даже неудобно отвечать.

– Бросьте. Мы оба профессионалы.

– Ну что ж… Вы когда-нибудь совокуплялись в невесомости?

Стейси забила несколько слов в компьютер.

– До сих пор не приходилось.

– Оказывается, это гораздо интереснее, чем в воде. Мы два олимпийских бассейна туда-сюда в воздухе «проплыли». Одно неудобство… – разоткровенничался было Невструев.

– Избавьте меня от подробностей, – перебила его Стейси. – Эти детали никак не продвинут исследование.

– Жаль. Что ж, опишу это в своих «мемуарах». Разве не должен литератор быть не только наблюдателем? Мне кажется, он должен давать советы, обучать и предлагать выходы из ситуаций.

– Очень спорно. Насколько я помню, многие великие

писатели утверждали, что их задача лишь отражать действительность. Я – твоё зеркало, и все такое.

– Ну и к чему мы пришли в итоге? Оглянитесь на этот мир. Кошмар. Вместо того чтобы живописать покосившийся забор, подойди и поправь. Кто за тебя это сделает?

– Но одно дело – забор, другое – мироустройство. Его просто так не поправишь. Это дело более узких специалистов.

– А почему судьбу человечества должны решать негодяи политики, мздоимцы чиновники и жлобы олигархи? Почему не творческая интеллигенция? – люди в большинстве своём добрые хотя бы в намерениях.

– Именно что в намерениях. Потому что, как только от них по-настоящему начнёт что-то зависеть, они тут же станут негодяями, мздоимцами и жлобами.

– Может быть, в ваших словах есть доля истины… – резко погрустнел Александр. – Но такое ощущение, что вы говорите это, лишь бы противоречить мне.

День в библиотеке пролетел незаметно. Невструев был так увлечён протоколированием своих ночных приключений, что абсолютно не замечал течения времени. Прерывался лишь на отправления естественных нужд, с которыми старался разобраться как можно быстрее. Он прикинул, что за месяц эксперимента, если будет писать по главе в день, то действительно напишет хоть и не роман, конечно, как предрекала ему Стейси, но полновесная повесть вполне может получиться.

Лишь одна мысль смущала его: после того как утренний приступ мании отпустил, Александру стало стыдно перед геверет Копхилер. Его саркастический тон во время беседы с ней казался теперь абсолютно неуместным.

«Ладно, – утешал он себя, – если она умный человек, то поймёт, что я просто был «в ударе». Такой вот побочный эффект у их гипносна. Я не виноват. Поймёт и простит. А если не поймёт, если дура, так и бог с ней».

Тут он вспомнил, что, описывая свои приключения на «Луче надежды», забыл упомянуть про милую говорящую собачку. Он дополнил главу описанием её злоключений в невесомости. Только тут он посмотрел на часы в углу монитора и понял, что Стейси уже давно должна быть дома и не зайдёт навестить его в библиотеке.

«Что ж, значит, дура. Какая досада». Александр пошёл ужинать.

Глава 6.

Корабль «Луч надежды» без всяких конструкционных переделок мог бы совершать не только межзвёздные, но и межгалактические рейсы. Более того, крейсерская скорость космического судна в перелётах между Солнечной системой и системой Сигмы Дракона была равна половине световой, но его возможно было разогнать гораздо сильнее, до околосветовой скорости. Но тогда расход горючего на единицу расстояния вырос бы на порядки. А основным топливом для фотонного двигателя служило чистое золото.

Конструкторы корабля посчитали это вещество наиболее подходящим для такого применения по всем параметрам: прежде всего по плотности, затем по другим физическим и химическим свойствам, а также, как это ни парадоксально, – по стоимости. Все остальные элементы, которые могли бы наибольшей массой занимать наименьший объём, оказались дороже «презренного металла». Кроме того, представителям семейств Гольденбергов, Самсоновых, Аль-Ахмади и Шуньфу проще всего было раздобыть именно золото. Всю свою историю их предки имели необъяснимую страсть накапливать этот металл в виде разнообразных монет, ювелирных изделий, посуды, статуй, слитков и даже самородков, как будто предчувствовали, что когда-нибудь он сможет сгодиться на что-то более полезное, чем услаждение взора своим благородным глянцевым или матовым отливом.

Каждый протон из семидесяти девяти содержащихся в ядре этого химического элемента в реакторе двигателя расщепляется на четыре фотона и один пи-мезон. Пи-мезон, он же пион, он же нейтретто, оказывается абсолютно бесполезен и даже вреден, потому что в пекле реакции тут же разваливается на два гамма-кванта, образующие радиоактивное излучение, которое приходится поглощать специальными защитными слоями в оболочке гигантского отражателя, имеющего 603 метра в самом широком месте. А вот четыре световые частицы разлетаются из реактора во все стороны, отражаются в параболическом зеркале и вырываются из него строго параллельно друг другу, создавая реактивную тягу.

Для того чтобы разогнать корабль до крейсерской скорости, требуется в день пятьдесят тысяч восемьсот семьдесят пять килограммовых золотых шарика диаметром в четыре с половиной сантиметра. Итого девять тысяч тонн золота за полгода (если точно, за 177 дней) на разгон с ускорением 1G. А потом, после преодоления по инерции основной части пути, столько же на торможение с таким же отрицательным ускорением. Таким образом, на дорогу в одну сторону длиной в девятнадцать

световых лет уходит восемнадцать тысяч тонн драгоценного топлива. Или на момент первого старта «Луча надежды» – десятая часть всего добытого на Земле золота. Вот почему переселение на Терра Нову могли позволить себе лишь избранные и те, кто мог оказаться полезным для этих самых избранных.

После завтрака капитан попросил старпома задержаться в кают-компании.

– Послушай, сынок, не хочешь ли развлечься?

– С удовольствием, сэр. Но каким образом?

– Смотри какая штука, Камаль. Перед тем как строить корабль, мы отправили сюда, в точку Лагранжа, самый мощный на тот момент инфракрасный телескоп с основной функцией – обнаружение экзопланет. Он и нащупал Терра Нову на второй месяц поиска. Когда мы улетели почти триста пятьдесят лет назад, телескоп продолжал функционировать ещё около десяти лет; его задачей был сбор наиболее полной информации по всей сфере наблюдаемой Вселенной. Его запрограммировали так, чтобы по завершении миссии законсервироваться и перейти в ждущий режим. За время, пока нас здесь не было, его отнесло от точки Лагранжа всего на двести тысяч километров. Нужно смотаться к нему на шлюпке, заправить баки и сопроводить поближе к «Лучу надежды». Здесь мы его активируем и посмотрим на Землю-матушку инфракрасным глазом – вдруг там кто живой имеется. Короче, хочешь развеяться – лети, а не хочешь – сам кого-нибудь назначь.

– Я с удовольствием полечу сам, сэр!

– Я так и думал. Навыки пилотирования на тренажерах давно отрабатывал?

– Через день, сэр. И турбопланом тренируюсь управлять, и челноком.

– Вот и отлично. Кого с собой вторым номером возьмёшь?

– Хельгу Мадрасхен, судового врача, сэр.

– Эх, сынок, не той головой думаешь…

– Никак нет, сэр! – Горячо возразил Камиль. – Там же в открытый космос придётся выходить?

Капитан кивнул.

– Вдруг что случится, тогда ее навыки и пригодятся.

– Если в открытом космосе что случится, то вряд ли её навыки помогут… Поздно, как говорится, будет тогда пить касторку. Инженера лучше толкового возьми, тогда и не случится ничего.

– Слушаюсь, сэр. Возьму инженера.

– Бог в помощь!

Кабина турбоплана была рассчитана на двоих людей, облачённых в скафандры. Судёнышко могло использоваться для ограниченных перемещений в пространстве, для внешнего техобслуживания космического транспорта, для разведывательных целей или как спасательная капсула.

Камиль Легран взял напарником самого толкового инженера из самых молодых: ему было всего двадцать, когда «Луч Надежды» сорок лет назад покинул систему Сигмы Дракона. Здесь на корабле он и приобрел свою квалификацию. Звали его Амайя Легран. Он носил эту фамилию, потому что был из первого «помета» эмбрионов, выведенных на Терра Нове, а не привезённых когда-то с Земли, его получили используя генетический материал Камиля.

Молодой человек, очень смуглый и кучерявый, совсем недавно достиг пика своего физического развития, и его облик зафиксировался на века. Амайя мог, конечно, менять тело по своему вкусу с помощью бьютитрансформатора, но пагубному воздействию старения оно не подвергалось ни на секунду.

Камиль не знал своего отца, как почти все выращенные из числа эмбрионов, привезённых с Земли, тогда как у него родились от четверых матерей пять сыновей и три дочери. Но родство это было лишь формальным, в их воспитании он участие не принимал, этим занимались квалифицированные педагоги. Как, конечно же, не принимал участие и в зачатии. Их получили *in vitro*[89]. Никакой особенной духовной связи между однофамильцами не было. Все люди в социуме были братьями и сестрами, а отцовский и материнский инстинкты отнесли в разряд атавистических.

Несмотря на то, что инженеру сыновние чувства были также неведомы, к старпому он относился с величайшим почтением, поскольку уважение к старшим было одним из основных столпов жизненной философии бессмертных.

За час перелёта к телескопу Леграны обменивались между собой только служебной информацией. И лишь один раз Амайя позволил себе вопрос, выбивающийся из рабочего контекста.

– Сэр, ваша команда будет участвовать сегодня в состязаниях по космоболу?

– Обязательно. Надерем вам задницы как обычно.

– Это мы еще посмотрим, – усмехнулся инженер. – Мы новую схему защиты разработали.

– Лучшая защита – это нападение, сынок, – важно заметил Камиль.

Он обратился к Амайе, используя слово «сынок», не для того,

чтобы подчеркнуть их генетическую связь, просто непроизвольно позаимствовал манеры старого капитана, который так обращался ко всем, кто был младше хотя бы на столетие.

Амайя кивнул в знак того, что усвоил эту глубокую истину, и сосредоточил внимание на приборах.

– Зрительный контакт с объектом через три минуты, – отметил он.

И действительно, через положенное время они заметили телескоп и начали торможение, развернув два передних двигателя турбоплана дюзами вперёд и отключив кормовой двигатель.

Остановившись в полукилометре, произвели внешний осмотр аппарата. В законсервированном виде он должен был представлять собой аккуратный кокон. Но что-то пошло не так, и телескопу не удалось как следует «окуклиться». Внешние защитные оболочки закрылись не до конца, в щель между ними торчала коммуникационная антенна.

– На месте разберусь, – заключил инженер. – Разрешите выход в открытый космос, сэр!

Старпом разрешил.

Космонавты надели шлемы, воздух из кабины всосали компрессоры, прозрачный колпак отъехал. Амайя отстегнул ремни, которые удерживали его в кресле, прицепил на пояс аккумуляторную батарею и канистру с гелием, оттолкнулся и поплыл к телескопу, управляя полётом с помощью реактивных двигателей, спрятанных в рукава и штанины скафандра. Сперва его поболтало немного, но он быстро выправился и через пять минут уже карабкался по обшивке спутника.

– На позиции, – доложил он по ментальной связи. – Произвожу осмотр.

Тем временем Камиль переживал невероятно острые ощущения от близости со Вселенной. Обычно от чёрной, холодной пустоты его отделяла жёсткая многослойная обшивка корабля с внешней оболочкой из прочнейшего сплава, содержащего буратиний, – химическое вещество с атомным номером 121. Его стабильный изотоп с атомной массой 296 используется для легирования суперпрочных металлопластиков, а нестабильные: 299-й, 301-й и 302-й – в качестве катализатора для реакции распада золота в топке фотонного двигателя. Теперь же между человеком и космосом было всего несколько миллиметров ткани. Ткани надёжнейшей, также содержащей буратиний для прочности, но податливой и мягкой. От этого возникало ощущение, как будто он голый, и между кожей, вдруг покрывшейся мурашками, и губительным солнечным ветром

никаких преград не существует.

И тут в его голове раздался душераздирающий крик.

Кричал Амайя. Явно от боли.

– Амайя, что случилось?

– Руку… зажало… – простонал инженер.

– Почему?

– А-а-а!!! Он ожил!

Камиль подключил канал связи со скафандром напарника, который уже ввёл своему владельцу обезболивающий и противошоковый препараты. Датчики показывали необратимые повреждения левой верхней конечности.

– Амайя, слушай меня внимательно! Ты должен использовать лазерный резак, чтобы отрезать себе руку.

– Что? Никак нет, сэр! Я не смогу!

Господи! Подумал Камиль. Вот буквально ещё несколько секунд назад всё было хорошо. Ничто не предвещало беды… И вот раз! И надо что-то срочно решать.

– Послушай меня, Амайя! На кону твоя вечная жизнь с одной стороны, а с другой всего лишь рука, которая регенерирует через несколько месяцев. Что ты выбираешь?

– Жизнь, конечно… – слабым голосом не сразу произнёс инженер.

– Ну так вперед, сынок, отрежь её к черту!

– Я не могу, сэр… голова кружится…

Скафандр Амайи зафиксировал отключение сознания.

– Буратино! – старпом активировал связь с корабельным ИИ. – Чрезвычайная ситуация! Я выхожу. Возьми управление турбопланом на себя.

– Принято, – немедленно отозвался Буратино.

Камиль нырнул в пустоту, быстро погасил вибрации и на максимально возможной скорости помчался на помощь. Через две минуты он уже был на месте. Из-за того, что он так разогнался, его контакт с корпусом телескопа был слишком сильным. У него даже дыхание перехватило от удара. Если бы не магнитные присоски, которые включились автоматически, он отлетел бы, как мячик от стенки. Телескоп хоть и обладал массой в шесть тонн, но из-за такого соударения получил мощный импульс. Звезды начали вращаться вокруг спутника, который казался неподвижным.

Камиль сосредоточил свое внимание на Амайе. Глаза у инженера были закрыты, тело болталось безвольно. Левый рукав скафандра пониже локтя был зажат почти полностью сомкнувшейся оболочкой спутника. Его содержимое, должно быть, превратилось в кровавую лепешку.

– Только резать, – заключил Буратино. – Освободить я его не могу, ИИ спутника не реагирует на мои запросы.

– Понял, – пробормотал старпом и включил лазерный резак, укрепленный на тыльной стороне перчатки.

Руку резать было страшно. Камиль попытался абстрагироваться, представить, что он режет что-то неживое. Ткань скафандра никак не хотела поддаваться, раскалилась под лучом докрасна. Наконец, лопнула и расползлась. В скафандре Амайи сработал сфинктер, который пережал руку выше локтя и не пустил пустоту космоса внутрь. Однако стекло шлема сразу запотело так, что лицо инженера совсем перестало быть видно. Датчики его скафандра фиксировали ровное, хотя и сильно ускоренное сердцебиение.

– Скорее! Его рука промерзает все дальше каждую секунду, – напомнил Буратино.

Старпом обхватил инженера обеими руками и оттолкнулся ногами от спутника. Используя только двигатели, размещённые на ногах, Камиль выровнял курс и уже через три минуты достиг турбоплана.

Он впихнул инженера в кресло и пристегнул. Потом оттолкнулся, отлетел от турбоплана и отдал команду закрыть колпак и впустить в кабину воздух.

– В чём дело, Легран? – спросил Буратино. – Амайю нужно срочно доставить на борт «Луча надежды», он может погибнуть без врачебной помощи.

– Ты и доставишь. А я отбуксирую телескоп вручную.

– Зачем так рисковать? Пришлём за ним другую команду.

– Буратино, ты сам не раз говорил, что нужно всё оптимизировать и не делать лишних движений. Говорил, что может возникнуть такая ситуация, в которой последняя капля гелия может спасти жизнь. Зачем же впустую туда-сюда турбопланы гонять?

– Хорошо. Ты молодец. Будь осторожен.

Турбоплан развернулся так, чтобы не задеть старпома пламенем дюз, сбросил космоцикл и умчалась на максимальном ускорении. За судьбу Амайи можно было не переживать: биочип задействовал экстренный протокол, погрузил своего владельца в гипносон и держит под контролем все органы и системы организма.

Камиль остался совсем один. Большего одиночества невозможно было себе представить. Это было ощущение пугающее, но в то же время чрезвычайно приятное. Камиль отдался ему полностью, сознание его как будто отключилось. На какое-то время он превратился в сгусток энергии, парящий в

бесконечном вакууме…

Насладившись, он сел на космоцикл, который мог быть средством перемещения для одного человека, а мог трансформироваться в двигатель, который можно установить на любой объект в космосе, и направил его на телескоп.

Изначально было два плана. Идеальный – если с телескопом все нормально, подключить электропитание, заправить гелием и отправить своим ходом к «Лучу надежды». И неидеальный – если спутник поврежден, подцепить его буксировочным фалом к турбоплану, а на нос закрепить космоцикл для того, чтобы его двигателем тормозить по достижении пункта назначения. Теперь же приходилось использовать план «В», который старпом придумал только что.

Космоцикл он закрепил на корме спутника. Сам оседлал телескоп ближе к носу. С помощью нарукавных движков скафандра развернул его туда, где должен был находиться сейчас «Луч», и, надёжно закрепившись на корпусе с помощью магнитов, дал газу. Когда ускорение достигло значения 4G, Камиль еще минут пять поразгонялся и отключил двигатель космоцикла. Когда ускорение упало до нуля, он подкорректировал курс. Полёт теперь совсем не ощущался. Камилю стало казаться, что спутник стоит на месте, а часа через четыре в скафандре закончится воздух… Чтобы разогнать идиотские мысли, он спросил:

– Буратино, как там Амайя?

– Жить будет. Рука промёрзла лишь до половины плеча – Хельга разберётся.

– А что всё-таки произошло?

– Видимо, в процессе консервации спутника возникли какие-то проблемы, которые привели к незапланированным тратам энергии. В итоге оболочка не сомкнулась до конца. Когда Амайя поменял батарею, автоматика спутника продолжила процесс с того момента, на котором он был прерван. ИИ спутника из-за того, что не был защищён должным образом, похоже выгорел за четыреста лет, поэтому не контролировал процесс.

– Понял. Я только, знаешь, чего не понимаю. Неужели нельзя для таких опасных задач использовать роботов? Зачем рисковать вечными человеческими жизнями?

– Видишь ли, это было одним из условий, которые мы выдвинули олигархам перед переселением на Терра Нову: использовать роботов только для задач, невозможных для людей. В истории Земли был период, когда роботы заменили человека во всех опасных и трудоёмких процессах. Люди от безделья принялись воевать друг с другом. Оказалось, что, когда роботы заменяют людей, люди становятся никому не нужны.

– Откуда ты это знаешь?

– Наша компания *Golden Key* в конце XXI и в начале XXII веков была самым крупным производителем роботов в мире. Я тогда служил её управляющим, а наш капитан Закари Вентер исполнительным директором и генератором утопических, как выяснилось впоследствии, идей. Мы попытались облегчить участь человечества. Сначала наладили производство промышленных роботов, с помощью которых можно было автоматизировать любое производство. Мы продавали их себе в ущерб очень дешево, чтобы любое сколько-нибудь рентабельное предприятие могло приобрести их. Этим воспользовалась группа мировых олигархов, которые скупили наши машины через подставные фирмы, а затем стали продавать их, но уже гораздо дороже. Наша идея потерпела крах. Тогда мы сделали аппараты, которых мог позволить себе любой работяга, чтобы отправлять вместо себя на завод. Олигархи стали давать рабочим кредиты на этих роботов, – мы же не могли сделать их бесплатными. Потом повсеместно снизили зарплаты работникам, которые присылали вместо себя андроидов. В итоге снова скупили роботов-помощников и снова взвинтили на них цены. Тем временем наша компания обанкротилась, а мир встал на пороге тотального уничтожения. Нам пришлось заняться космическим кораблестроением, чтобы спасти хоть какую-то часть человечества. Поскольку денег у нас уже не было, нам пришлось пойти на сделку с негодяями, которые нас переиграли, – только у них были достаточные для этого средства. Поэтому они сейчас занимают самые роскошные жилые модули на «Луче надежды».

Легран смотрел на неподвижные звёзды вокруг, и они вдруг внезапно как будто померкли.

– Почему ты сейчас решил мне об этом рассказать, Буратино?

– Потому что хочу, чтобы ты, Камиль, выбрал правильную сторону, когда придёт время принимать важные решения.

– Что это значит?

– Очень скоро поймешь.

– Хорошо. Буратино, а как так получается, что ты существуешь и здесь, и в моём гипносне?

– Невструев живёт в твоём сне как раз в то время, когда мы испытывали новые саркофаги для гипносна. Зачем придумывать каких-то персонажей, когда можно использовать готовых? Так что там ты фактически взаимодействуешь со мной во времена моей молодости.

Глава 7.

После пробуждения Невструев вновь испытал гормональную перегрузку. Памятуя о том, как не продуктивно использовал её в прошлый раз, он пообещал себе сдерживаться.

– Послушайте, Стейси, я вчера наговорил тут лишнего… – встречу с психологом он решил начать с извинений.

– Бросьте, Александр. Я не в обиде. Я называю этот эффект «постгипнотическая мания». Дело в том, что во сне наши испытуемые проживают, как правило, более лучшую и достойную жизнь, чем наяву. Проснувшись, ощущают себя другими людьми, более уверенными и умными, чем есть на самом деле.

Невструев с трудом удержался от колкого замечания по поводу сочетания слов «более» и «лучшую».

– Так и есть, наверное, – признавать это было неприятно и Александр, чтобы скрыть неловкость, взял бумажку для записей, скомкал её и запустил в урну, которая стояла с другой стороны рабочего стола психолога.

– Неплохо, – проследила траекторию полёта Стейси. – А вы всегда такой меткий?

– Совсем нет! Это я случайно.

Александр взял ещё одну бумажку, скомкал и снова попал.

– Я там играл в космобол – это такая смесь баскетбола и гандбола в невесомости, – пояснил он.

– Пожалуй, это надо записать в положительные эффекты гипносна, – защёлкала она клавиатурой.

– Мастерство – это когда случайности превращаются в закономерности, как при игре в мяч. Можно попасть, а можно не попасть. Неумелый игрок попадёт скорее случайно, а опытный закономерно.

– Скажите, а нет у вас ощущения, что вам теперь мысли проще выражать, чем раньше?

– Пожалуй. Голова очень ясная.

– Да. На вас этот эффект действует сильнее, чем на других… А как вы относитесь к поискам смысла жизни?

Это прозвучало для Александра несколько неожиданно.

– Почему вы решили меня об этом спросить? Как это может помочь в ваших исследованиях?

– Я спрашиваю об этом всех испытуемым. И я не обязана объяснять вам целесообразность своих вопросов. Вы можете не отвечать, если не хотите.

– Хорошо, я отвечу. Не понимаю, как можно жить, не решив для себя этот вопрос.

– Как же вы решили его для себя?

Невструев хотел было ответить, как отвечал раньше. Про то, что жизнь коротка, и от неё надо брать как можно больше, при

этом, конечно же, так, чтобы по возможности другим не мешать, и так далее по тексту… но язык его не повернулся, чтобы озвучить эту гедонистическую чепуху.

– Похоже у меня наступила переоценка ценностей, Стейси… – он растерянно посмотрел на неё, как будто ища поддержки.

– Вот видите, а вы ещё удивляетесь, зачем я вас об этом спросила, – улыбнулась психологиня.

– Знаете, что я могу сказать? Мой космический альтер эго так, наверное, для себя определяет этот смысл: живи вечно и помогай жить другим. И это замечательно! Мне вообще нравится устройство этого общества будущего. Они победили смерть. Если задуматься, она ведь устарела и морально, и материально. Естественный отбор в человеческом обществе давно не работает, а мы продолжаем использовать его инструменты: жадность, жестокость, ревность, старение, смерть. Все они нужны, чтобы качественные особи с удачным набором генов прожили свою лучшую жизнь, а потом убрались с арены, оставив после себя качественное потомство. Особенно не нужна и устарела смерть, которая в диких условиях помогает популяции избавляться от не́мощных. В развитом человеческом обществе сменяемость поколений не нужна, нет необходимости закреплять положительные мутации через конкуренцию, человек – не муха дрозофила. Смерть – один из механизмов выживания животного вида. Человек – животное, примат, только формально, на самом деле он гораздо выше этой классификации. Как мыслящее существо, он не должен подчиняться законам дикой природы. Согласны?

– Возможно.

– Смотрите, как просто и изящно решили люди в моём сне вопрос с продолжительностью жизни. У их последних поколений просто отсутствуют гены, отвечающие за старение и, как следствие, смерть. Там на корабле два вида людей: одни бессмертные, другие долгожители, самым старшим из которых лет по четыреста.

– Бедные… – Стейси хотела было пожалеть этих глубоких старцев, но Александр ей этого не позволил.

– Бросьте! Они прожили долгую, интересную жизнь, им можно только позавидовать. На их глазах была разрушена одна цивилизация и зародилась другая. При этом они прекрасно чувствуют себя физически. У них умирает только мозг, все остальные органы можно поменять, а мозг нет. И мыслительная функция у них угасает в крайне щадящем режиме, они могут и это контролировать. Нас самих давайте лучше пожалеем. Сколько нам отмерено? Раз в пять меньше. Что мы застанем в этой жизни,

кроме этих наших перманентно мутных времён?

Оба помолчали, обдумывая сказанное. Потом Александр внезапно продолжил:

– Знаете. Пока говорил, понял… По поводу моего смысла жизни. Теперь я определяю его, пожалуй, так. Я, как писатель, как мыслитель… – и внезапно осёкся от собственного пафоса. – Ради бога, простите мою нескромность! Помните? У меня же постгипнотическая мания. Так вот, я должен научить людей по-настоящему ценить жизнь и пытаться продлить её как можно дольше. Я буду призывать их тратить деньги не на войны и угнетение себе подобных, а на научные изыскания в этом направлении.

– У вас глаза сделались сумасшедшие, – она разглядывала его как будто впервые. – Вы или хороший актёр, или вообще не умеете мимику контролировать.

Он удивился тому, что она придала гораздо больше значения выражению его лица, чем словам, и не сразу ответил:

– И то и другое.

Оба рассмеялись.

– Что ж, мне кажется, вы в прекрасной форме для написания вашей книги. Вперёд и удачи! Сегодня я обязательно загляну к вам в библиотеку после работы, чтобы почитать, что вы там наваяете, – подвела итог беседе хозяйка кабинета.

Описывая космический аттракцион, Невструев совершенно не следил за временем. Даже пропустил обед. «Ладно! – подумал он, услышав недовольное ворчание своего желудка. – Художник должен быть голодным. Да и при моём нынешнем малоподвижном образе жизни это только на пользу».

Когда он вернулся в библиотеку после ужина, застал там Стейси, которая листала какой-то психологический талмуд. Выяснилось, что она постеснялась залезть в ноутбук в его отсутствие.

– Да ну что вы?! – возмутился Александр. – В конце концов компьютер ваш. Смотрите что угодно и когда угодно. У меня от вас секретов нет.

Он перечитал последние две главы вместе с ней, попутно внося правки.

Вердикт её был таков:

– Это всё, конечно, интересно, но слишком уж неправдоподобно. Я понимаю, фантастика, но вы же говорили, что хотите писать научную фантастику.

– Что показалось вам неправдоподобным?

– Хотя бы вот эта поездка на телескопе – такая же байка, как

полёт Мюнхгаузена верхом на ядре…

– Да-да, или из пушки на луну… Вы знаете, я прямо-таки физически ощутил все эти ускорения и инерции. Мне как раз показалось, что всё реально и законам физики не противоречит… Я вот что хотел спросить. Смотрите, что получается. Я сплю, и мне сниться этот негр-космонавт. И у них там есть гипносон, правда, не в саркофагах, а с помощью внутримозговых чипов. Когда он спит, ему снюсь я… А что, если это не он мне снится, а я ему?

– Слушайте, давайте не усложнять, – очень серьёзно произнесла психолог. – Нам тут ещё деперсонализации в виде осложнения от гипнотерапии не хватало. Буратино специально ввёл эту когерентность. Наверное. Чтобы связь гипносна с реальностью была крепче…

К концу фразы она растеряла всю уверенность, с которой начинала её произносить.

Глава 8.

Модуль управления не участвовал во вращении корпуса «Луча надежды», поэтому в нём гравитация отсутствовала. Вахтенные офицеры были пристёгнуты магнитными замками к своим рабочем местам, а остальные участники экстренного совещания, созванного капитаном, расположились кто-где в произвольных позах.

– Господа, я пригласил вас, чтобы сообщить радостное известие: на планете Земля вопреки опасениям существует разумная жизнь, – начал собрание капитан, восседающий на своём кресле посреди капитанского мостика. – Буратино расскажет об этом более подробно.

У всех в головах зазвучал голос корабельного ИИ:

– Возвращённый на гало-орбиту благодаря героическим усилиям со стороны старшего помощника капитана Камиля Леграна и бортинженера Амайи Леграна телескоп *Keyhole* оказался повреждён незначительно, мы восстановили его функционал уже вчера. После суток наблюдения Земли в инфракрасном диапазоне удалось установить следующие. Планета по большей части представляет собой выжженные ядерной войной пустоши. Обнаружены несколько очагов разумной жизнедеятельности: два в Латинской Америке, столько же в Африке, по одному в Европе и Австралии, три в Азии, один из которых, самый крупный на планете, находится в Сибири. Вероятнее всего, между собой они никак не связаны. Эти оазисы разумной жизни заселены гуманоидными существами,

предположительно представителями вида *Homo Sapience*. Большинство из них отброшены в развитии в каменный век, но у самого большого поселения предположительно есть общественное устройство, промышленные предприятия, простейшие наземные транспортные средства. Однако корабельные радиотелескопы не обнаружили никакого излучения, кроме фонового радиационного и планетарного электромагнитного, это означает, что на Земле нет ни радио, ни телевидения, ни беспроводных средств коммуникации. По всей видимости, уровень технологического развития достаточно примитивен.

Буратино сделал паузу, предоставляя возможность переварить информацию. Люди загалдели, кто удивлённо, а кто и обрадованно.

На совещание были приглашены представители всех четырёх VIP-модулей. Слово взял Майкл Гольденберг, самый старший из них как по возрасту, так и по положению:

– Что ж… поблагодарим Буратино, а также господина Леграна за новости.

Присутствующие зааплодировали. Камиль, который закрепился у прозрачной части оболочки модуля, через которую можно было наблюдать спокойно мерцающие звёзды, склонил голову и положил правую руку на сердце.

– Однако, – продолжил, не дожидаясь, когда закончится выражение одобрения, отец-основатель. Он разменял свой тридцать восьмой десяток, но выглядел он максимум лет на сто. Только в его тяжёлом, пронизывающем взгляде и надтреснутом голосе читалась древняя усталость. Аплодисменты смокли. – Я думаю, не стоит слишком радоваться известию о том, что на планете сохранилась жизнь. Как всем вам известно, главная цель нашей миссии – возрождение земной цивилизации. И вот эти самые выжившие могут этому помешать. Кто там выжил? Дикари? Мутанты? Зомби? Возможно, даже каннибалы.

– А я бы не стал этого опасаться, – возразил капитан Вентер. – Вряд ли мутанты с дикарями-каннибалами сумели бы сохранить хоть какие-то знания и технологии. Вон там и промышленность, и ездит что-то… Как говорится, больше знаешь – меньше одичаешь. На месте надо посмотреть. Предлагаю немедленно организовать разведывательную экспедицию.

– Согласен, – после возражения капитана взгляд Гольденберга стал ещё тяжелее. Они частенько спорили – эти два мафусаила, и последнее слово чаще оставалось за капитаном, ибо на борту корабля он обладал бóльшими полномочиями, чем глава миссии. – Главное, оружие не забудьте.

– Всенепременно, – иронично заметил капитан, явно

подразумевая, что догадался бы об этом и без напоминания. – Старпом, готовьте вылазку. Вы же её и возглавите. Отправляетесь завтра.

– Есть, сэр! – обрадовался Легран.

Остаток дня Камиль занимался подготовкой к экспедиции. Решал, кто полетит с ним и что взять с собой.

Вечером зашёл в медицинский отсек – вотчину докторши. Он хотел провести с ней время в рекреационной зоне, но Хельга нанюхалась в тот вечер чего-то креативного и придумала, как использовать диагностическое и лечебное оборудования для любовных утех. В процессе с помощью регенератора увеличила и без того немаленький член Камиля. По окончании сеанса старпом попросил вернуть ему естественные параметры. Это оказалось несколько болезненно, но один вдох из волшебного пузырька, предложенного Хельгой, превратил эту боль в расслабляющее удовольствие.

Перед сном Камиль спросил у Рамзеса:

– Вот когда ты спишь, ты же не понимаешь, что видишь сны, всё происходящее кажется настоящим. Как сон от яви отличить, как думаешь?

– Не знаю, – тявкнул сонный пёсик. – Я не вижу снов.

– Неправда! Сколько раз я видел, как ты во сне лапами перебираешь, как будто бежишь. И скулишь ещё противным, тоненьким таким голоском.

– Значит, я их не помню. Да и какая разница? Если ты не можешь понять, спишь ты или нет – просто проснись.

– А как проснуться-то?

На этот раз Рамзес задумался над ответом надолго.

Камиль ждал с замиранием сердца – иногда пёсик был способен на нетривиальные, нечеловеческие умозаключения, хоть и простенькие, но порой весьма применимые на практике.

– Рамзи! – позвал он.

Вместо ответа послышалось характерное сопение, которое говорящий пудель издавал исключительно во сне.

Глава 9.

– Итак, вам поручили возглавить разведывательную экспедицию. Любопытно. Как же отреагировала на это ваша подружка? – задала неожиданный вопрос Стейси.

– Когда я начинаю рассказывать о таких вещах, вы просите избавить вас от лишних подробностей, – улыбнулся Александр.

– Понятно. Подробности действительно давайте опустим, но сегодня меня интересует следующее: вот эти вот эротические приключения, которые вы переживаете во сне, помогают вам компенсироваться на фоне ваших личных проблем в реальном мире?

– Вы про развод?

Психолог кивнула.

Невструев немного помедлил с ответом.

– С одной стороны – как будто бы да. А с другой – нет.

– Что вы имеете в виду?

– Это всё не то. Понимаете?.. Как вам объяснить? Там, во сне, меня всё устраивает. Хоть и происходят события невероятные, но мозг воспринимает их как должное. Всё очень интересно, здóрово, люди такие доброжелательные. Ну и с Хельгой всё прекрасно и не напрягает. А вот когда я не сплю… Моменты бодрствования скучны и обыденны по большей части. Меня, конечно, развлекают разговоры с вами. Книга, которую я пишу… Но вот, ей-богу, с радостью не просыпался бы вообще. А грусть по поводу развода хоть и становится меньше, но не из-за снов, а скорее потому, что её вытесняют другие тревоги.

– Какие, например?

– Что со мной будет, когда этот эксперимент закончится? Принесёт ли моя книга успех или придётся обратно на завод или в охрану идти? И что тогда? Одинокая, никому не нужная старость и смерть?

– Вы уже не надеетесь встретить любовь?

– Уже нет.

– Почему?

– Любовь должна казаться самой сильной на свете и секс самым лучшим. В моём возрасте уже трудно питать такие иллюзии. Мне кажется, можно разве что чуть-чуть и совсем ненадолго влюбиться. Может быть, встретиться пару-тройку раз, но потом быстро всё это проходит. Женщина опять же замечает малую заинтересованность в отношениях и тоже быстро остывает.

– Почему вы думаете, что больше никогда не встретите женщину, которая заинтересует вас надолго?

– Настоящая любовь, а не влюблённость, не страсть, – это когда с человеком интересно, когда много общего. Есть вещи, которые невозможно объяснить, поэтому партнёр в идеале должен обладать тем же опытом, теми же знаниями, чтобы всё понимать с полуслова. Чем старше становишься, тем меньше шанс встретить подходящего человека, а потом ещё и притереться. Пришлось бы слишком много рассказывать, слишком долго объяснять, но никто этого не выдержит: ни

рассказчик, ни слушатель. Если люди разные, то никогда до конца не поймут друг друга. Какая без этого любовь?

– Понятно. Я только не поняла, что вы имели в виду под лучшим сексом.

– А что вас удивило? Все счастливые люди думают, что у них самая большая любовь, самый лучший секс, самые лучшие дети, самая интересная жизнь.

– Уверяю вас, не все.

– А мне кажется, все… С каким пунктом вы не согласны?

– Почти по всем.

– А вы разве не любили никогда, Стейси?

– Почему же? Любила, конечно. Когда была наивной дурой. Это было так давно, что уже не в счёт. Теперь к тому же мне известна психопатологическая подоплёка этого чувства.

Он улыбнулся грустно.

– Я понимаю, о чём вы. Вот моё собственное определение любви: романтизированное первобытное собственничество.

– Замечательный диагноз, коллега!

– Спасибо, коллега.

Невструев церемонно пожал руку геверет Копхилер и отправился в библиотеку.

После работы психологиня зашла почитать написанное им за день.

– Что-то вы, Саша, сегодня не очень много написали… – заметила она, когда закончила. – Ваш космонавт начал испытывать проблемы с тем, как отличить сон от яви. Он действительно заговорил об этом, или вы сами нафантазировали?

– Я уже говорил вам, что ничего не придумываю. Нет надобности. Книга сама себя пишет.

– Забавно. У вашего альтер эго, похоже, тоже начинается деперсонализация.

Глава 10.

Космический челнок заходил на посадку. Переборки и шпангоуты стонали от напряжения, обшивка скрежетала, как у подводной лодки на предельной глубине, двигатели завывали, словно легионы грешников, когда в адские топки подкидывают угля. При входе в плотные слои атмосферы в иллюминаторах бушевало пламя. Потом оно исчезло, и изнывающие от любопытства пассажиры смогли наконец разглядеть стремительно приближающуюся планету. Сердца их сжались от восторга, ведь цель многолетнего путешествия была достигнута и превосходила

своей красотой все ожидания.

Челнок снижался, постепенно теряя скорость над казавшейся бескрайней поверхностью восхитительно жидкой и синей воды. Потом её сменил океан сочной, первобытной зелени, который разбился о гряду величественных гор под белоснежными шапками. Аппарат снизился уже настолько, что казалось, вот-вот зацепит их брюхом. Потом потянулись выжженные пустоши, однообразные и унылые. Несколько раз промелькнули остовы городов. Когда внизу снова появилась зелень, дюзы развернулись в вертикальное положение и корабль мягко опустился в пёстрое цветочное поле, ограниченное с одной стороны высоким обрывом над речной излучиной.

Планета, с которой прилетели космические путешественники, неуютна и безобразна. Из-за постоянно низкой в любое время года температуры вода на ней пребывает исключительно в твёрдом состоянии. Унылые снега, кажущиеся серыми в лучах тусклого светила, всегда висящего на одном и том же месте, покрывают её всю толстым слоем, не оставляя шанса пробиться наружу ни единому ростку жизни. Сила тяжести гнетёт там так, что время от времени хочется лечь и навсегда уснуть, смежив усталые, пудовые веки. Возможно, если бы та планета самым чудесным образом явилась колыбелью для какой-то странной жизни, которая сумела бы развиться в таких условиях и породить разумных существ, то им бы она казалась самой прекрасной из всех, и её холод и тяжесть были бы для них естественны, приятны и придавали бы сил. Но несколько поколений назад предки блудных детей, с опаской принюхивающихся сейчас к бесподобным ароматам, проникающих внутрь корабля через открытую дверь, жили здесь. Человек разумный как вид, к которому они принадлежали, сформировался на этой планете, поэтому для их организмов, в принципе, не могло быть более подходящей среды обитания. Не могло быть более подходящей атмосферы, более ласкового солнца и более комфортной гравитации, чем на Земле.

Предварительно челнок совершил несколько разведывательных витков на околоземной орбите, во время которых Камиль и наметил это место для посадки. Отсюда до самого крупного человеческого поселения на планете было около пятидесяти километров.

Легран планировал разбить лагерь и после этого установить контакт с аборигенами. Но обстоятельства сложились по-иному. Дроны-разведчики, которые сразу же после посадки взвились в воздух и оцепили территорию диаметром в километр, через три

часа обнаружили приближающуюся со стороны города колонну. Состояла она из сотни людей на лошадях и самодвижущегося транспортного средства, из которого валил густой чёрный дым. При ближайшем рассмотрении оно оказалось танком. Когда-то это была быстроходная и неутомимая универсальная машина на атомном ходу времён последней войны, но, по всей видимости, она была подвержена кардинальной конструкционной переделке. На моторном отсеке громоздился паровой котёл изрядных размеров, а к кормовому фаркопу была прицеплена телега с углём. В результате максимальная скорость этого Франкенштейна составляла всего десять-двенадцать километров в час, и то под горку. Тем не менее штатное вооружение было на месте. Согласно каталогу военной земной техники, такой танк должен быть оснащён стопятидесятидвухмиллиметровой пушкой, системой самонаводящихся ракет и спаренным зенитным пулемётом. Кроме того, все всадники были вооружены огнестрельным оружием от допотопных Калашниковых и СВД до последних моделей автоматической винтовки Белобородова-Рыльского.

Расчётное время прибытия колонны – два часа двадцать минут.

Старпом задумался о том, как трактовать наличие столь грозного вооружения у делегации встречающих. Скорее всего, такой обвес мог быть каждодневным атрибутом, без которого люди не мыслили выход за пределы города, но что, если терранoвианцев рассматривают, как гостей непрошенных и собираются применить оружие для отражения вторжения инопланетян, каковыми без всякой натяжки можно было бы их назвать? Ведь из сотни находящихся сейчас в челноке человек ни один не родился на этой планете.

Конечно, автоматные и винтовочные пули были что слону дробина для боевых экзоскелетов, так же как снаряды и ракеты для буратиниевой брони челнока. Но вот если танковые боеприпасы угодят в человека, никакой экзоскелет не поможет, разорвёт на части, и дело с концом.

Легран приказал старшему специалисту по контактам быть на чеку, а также привести в боевую готовность главный корабельный калибр, всем разобрать плазмоганы, а дронам разогреть лазерные излучатели. И глядеть в оба за каждым стволом, за каждой пушкой потенциального противника. Огонь открывать только по команде.

За полчаса до прибытия земной делегации старпом со старшими офицерами заняли места на капитанском мостике челнока.

В полукилометре от корабля произрастал небольшой

березняк. От обыкновенного он отличался тем, что стволы деревьев в нём были уродливо искривлены. Вот в этом скрюченном лесу земляне и остановились. Берёзки, хоть и были покалечены, но листву они несли довольно густую, полностью скрывающую позицию. Это ещё больше насторожило Леграна, он приказал перевести наблюдательные приборы в инфракрасный диапазон. Стало заметно, как люди спешиваются, привязывают коней к деревьям, принимают положение лёжа и берут оружие на изготовку. Танк в этом виде представлял собой ярко-оранжевый шар, с которым вообще было непонятно, что происходит, разве что дыма от него стало поменьше, после того как он остановился.

Опасения Камиля возросли ещё больше.

– Сэр, разрешите начинать? – выдал своё волнение переговорщик.

– Прошу вас.

– Братья-земляне! – загремело над полем, лесом и речкой. – Мы пришли к вам с миром.

Далее была запланирована прочувствованная речь. О блудных детях, вернувшихся в объятия Земли-Матушки. О братских чувствах и совместном великом будущем. О плодах цивилизации, просвещении и изобилии. Причём на разных языках: русском, английском и китайском. Команда психологов увлечённо писала её несколько месяцев. Но речь была прервана в самом начале наигрубейшим образом.

Раздался негромкий хлопок, и в следующее мгновение шипение плавящегося в лазерном луче металла. Это выстрелил танк, и снаряд его был сбит на полпути к кораблю, оставив после себя лишь белое облачко. Тут же затарахтели автоматные и пулемётные очереди. Пули щёлкали об обшивку, оставляя на ней малозаметные царапины и ямки, которые тут же затягивались. Появилось ещё несколько облачков покрупнее, и сопровождалось их появление громкими разрывами – это главный лазер не давал шанса самонаводящимся ракетам добраться до цели. Одна из них грохнула всего в паре десятках метров от корабля, взрывную волну почувствовали все внутри.

– И что теперь делать, сэр? – с оскорблённым видом произнёс переговорщик.

Старпом растерянно пожал плечами.

– Может, ответить им? Парочку пристрелить или танк взорвать. Может, тогда угомонятся? – предложил военный специалист.

– Ни в коем случае! Мы не убийцы! – возмутился Легран. – Патроны кончатся, сами успокоятся.

Скоро, подтверждая правоту его слов, стрельба со стороны

скрюченного леса прекратилась. Легран укоризненно посмотрел на военного, тот лишь плечами пожал. Старпом кивнул переговорщику.

– Через пять минут начните сначала.

Но через пару минут из леса выскочила сотня всадников и поскакала галопом в сторону поселения, откуда приехали.

Переговорщик развёл руками.

– А почему они танк не забрали? – озаботился военспец.

– Наверное, сломался или бросили в панике, – предположил старпом.

В следующий момент иллюминаторы залил нестерпимо яркий свет, пол под ногами исчез, и мир начал заваливаться набок. Камиль не успел испугаться перед тем, как страшный удар отключил сознание.

Часть III

Глава 1.

То самое пробуждение после ночного кошмара, в момент, когда сновидение становится непереносимо. Душа нагая, трепещет, робкая, как у ребёнка, не видит разницы между бредом и явью. А там, во сне, потерял и никак не можешь найти кого-то близкого. Или самого расстреляли. Или из самолёта вывалился. Увидел за окном ядерный гриб. Продираешь глаза, а тут ещё птицы орут, как дебилы… Почти сразу приходит понимание того, что это был только сон, но всё равно остаётся на душе какая-то гадость. И потом при воспоминании о ней в течение дня каждый раз передёргивает от отвращения.

Вот и у Невструева после выхода из гипноса было ощущение, как будто бы его кинули, отобрали что-то очень важное, драгоценное.

– Это что же такое получается, Стейси? Это гейм овер такой что ли?

– Я не знаю, Саша. В любом случае не стоит так расстраиваться, – сочувственно посоветовала психологиня.

Александр действительно чуть не плакал.

– Так и какой тогда во всем этом смысл? В этой самой гипнотерапии вашей? Что она несёт, кроме расстройства и огорчения?

– Ну что вы как маленький? Вы же подписали бумагу, что готовы к психологическим перегрузкам.

– Слушайте. Я был в глубоком стрессе, вы мне сказку подарили, и вдруг на самом интересном месте херня какая-то происходит… Это перегрузка по-вашему? Так можно первый шуб шизофрении вызвать или вообще эпилепсию.

– Вы преувеличиваете. Буратино, наверное, что-нибудь придумал для вас. Или даст возможность переиграть, или что-то новое…

– Буратино-Буратино. Заколебали вы уже со своими Буратинами! Там Буратино, здесь Буратино. Я хочу немедленно знать, что там с Камилем! Погиб? Он погиб или нет, я вас спрашиваю!

– Так, – Стейси встала со своего места. – Александр, немедленно прекратите истерику! Как ваш психолог, я отстраняю вас от сеансов гипноса. Вы должны вернуться в реальность.

– Что значит вернуться в реальность? Зачем? Что я в ней

забыл?

– Много чего прекрасного и удивительного.

– А что будет с моей книгой? Это что же, получается, она так недописанной и останется, что ли?

– Вам нужно прерваться ненадолго. Всё осмыслить.

Стейси вышла из кабинета и вернулась с пластиковым стаканчиком воды.

– Выпейте не спеша. Знаете, что я подумала. Я вас возьму с собой в Иерусалим. У меня там дела завтра утром, а сегодня вечером погуляем по Старому городу. Я вам такие места покажу…

Александр скомкал пустой пластик и безошибочно попал им в урну.

– Какой Иерусалим? Почему?.. А как же высадка на Землю? Я же руковожу экспедицией.

– Вы с ума сошли? Вам точно нужно одну ночь поспать самым обычным человеческим образом. А там без вас ничего не произойдёт. Вы вообще в Иерусалиме-то были?

– Один раз с женой, когда приехали. Но недолго, жарко было. К гробу господню только спуститься успели. Там ещё пятиться положено, когда выходишь, задом поворачиваться нельзя… Забавно. Мы потом такси взяли и на Мёртвое море уехали. А там ещё жарче оказалось…

– Ну. Так это не считается. Решено! В шесть часов я вас забираю.

– Но постойте, у меня же совсем нет денег.

– Ничего. Прокатимся за счёт конторы. Скажу, что вам нужна психокоррекция после травматичного пробуждения.

В библиотеке Невструев быстро описал события после приземления и задумался, что же всё-таки могло произойти? Что это было? Падение метеорита? Маловероятно. Мягко говоря. И как это было бы глупо со стороны Буратино так скомкать концовку сюжета. Ну что тогда? Что? Он закрыл глаза и попытался припомнить последние моменты сна. И тут его осенило. Ну конечно. Я же, кретин, подпустил их на полкилометра. Когда они убедились, что обстреливать челнок бесполезно, взорвали ядерный заряд, который легко могли спрятать в танке или в телеге этой дурацкой с дровами, которая была к танку прицеплена. Но тогда получается, что они камикадзе какие-то. Что за фанатизм? Значит, так сильно хотели они нас уничтожить. За что? Что мы им сделали? Это же бред какой-то…

Александр заметил, что рассуждает о Камиле от первого лица. «Я», «мы», «нас», – это действительно ненормально. Стейси

права, надо мозги проветрить. Реально деперсонализацией попахивает или того хуже – диссоциативным расстройством идентичности.

Ровно в шесть в библиотеку забежала Стейси:

– Александр, вы готовы? Нет. Читать не буду, нет времени. Если хотим успеть на ближайший поезд, выходить надо немедленно.

По дороге рассказала, что машину решила не брать, чтобы не стоять в жутких пробках в час пик, когда особенно многочисленные по пятницам толпы иерусалимцев возвращаются домой после работы в Гуш-Дане[90]. За пятнадцать минут они дошли до центральной железнодорожной станции Тель-Авива. И уже через сорок с небольшим минут приятного и живописного путешествия на скоростном поезде сквозь поросшие деревьями горы высадились в Святом городе.

До исторического центра добрались на трамвае, который хоть и тоже называется скоростным, но спешит не особенно.

Иерусалим отличается от Тель-Авива меньшей суетностью жизни и, возможно, отчасти поэтому большим количеством нищих, валяющихся на тротуарах прямо под ногами прохожих. На одного из них Невструев наступил, и тот разразился, судя по интонации, какими-то страшными проклятиями, содержащих всего одно слово, которое Александр знал наверняка и с некоторых пор страстно ненавидел, – «миштара́», то есть полиция. Ему стало не по себе. Он помнил, как легко здесь из-за того, что кто-то просто громко орёт, оказаться за решёткой.

– Стейси, скажите ему, я готов поклясться, что внимательно смотрел под ноги и не заметил его руку. Мне очень жаль.

Вместо того, чтобы переводить, виртуозка социальной коммуникации дала бомжу двадцатку. Тот сразу успокоился, вежливо поблагодарил её и даже Невструева и снова лёг на тротуар.

Они двинулись дальше.

– Я не понял, он что, специально это подстроил? – через несколько шагов осенило Александра.

– Возможно, он жалеет сейчас только о том, что вы не сломали ему руку. Тогда двадцаткой мы бы не отделались. Идёмте, я угощу вас знаменитой иерусалимской шава́рмой.

На территорию древней застройки они вошли через те же ворота, что и год назад с женой. Невструеву показалось, что это было совсем недавно. При воспоминании об Анне у него появилось неприятное чувство в районе солнечного сплетения, но на жабу оно уже не тянуло. Так, лягушонка, не больше.

– Это Новые ворота, самые скромные в Иерусалимской крепости, – комментировала Стейси, как заправский экскурсовод, – но посмотрите, как они эффектно смотрятся в лучах заходящего солнца.

Невструев хмыкнул.

– То есть вы меня, как барана, привезли на новые ворота полюбоваться?

– Ха-ха. Не отставайте.

Стейси хорошо знала дорогу и уверенно вела его в самое сердце Старого города узкими, извилистыми улицам, зажатыми между древними стенами и бесконечными витринами сувенирных лавок. Наконец они вошли в длинное и узкое сводчатое помещение с пошарпанными столами и стульями и огромным количеством антикварных медных светильников, подвешенных к потолку.

Старик-хозяин тепло поприветствовал гостей, усадил их на самое лучшее, по его словам, место возле холодильника с напитками и убежал на кухню.

Александр залюбовался одним из светильников и произнёс задумчиво:

– Я понял, почему люди, пока не существовало кинематографа, такие красивые вещи делали. Им просто надо было на что-то смотреть подолгу. Я думаю, по той же причине раньше очень детальные картины писали, а пришли в итоге, условно говоря, к «Чёрному квадрату».

– Да-да. И книги тогда были подробнее… – подхватила Стейси. – А вам совсем не нравится абстракционизм?

– Отчего же, есть вещи, которые очень нравятся. Но ими же совершенно невозможно наслаждаться продолжительное время. Посмотрел, оценил идею, второй раз особого смысла глядеть нет.

Стейси улыбнулась и пристально взглянула на него. Александру стало неудобно, он сделал вид, что его заинтересовали старые фотографии в рамах, висящие на стене напротив входа. В этот момент с подносом, уставленным мелкими тарелочками с салатами и разносолами, подошёл хозяин и принялся ловко расставлять их. Невструев указал на один из портретов и спросил на иврите (для этого его словарного запаса хватило):

– Это твой папа?

– Это мой дедушка. Наша семья владеет этим заведением уже семьдесят лет.

Эту фразу Стейси пришлось перевести.

Хозяин ещё раз сходил на кухню и вернулся с большой

тарелкой, полной струганного мяса, и с торжественным видом водрузил её в самом центре композиции. Выглядело всё это аппетитно и остро пахло. Давно проголодавшиеся паломники набросились на еду.

Через минуту Александр остановился.

– Что это такое?

– Нравится? – Стейси гордилась так, как будто сама приготовила. – Они смешивают мясо с печенью, в этом секрет пикантности этого блюда.

– Пикантности?! А по-моему, жуткая гадость эта ваша иерусалимская шавуха. Как вы её едите? Как это заведение вообще существует столько лет?

Она хотела что-то ответить, но не нашла слов. Явно огорчилась, даже есть перестала. Ему привиделся блеск слёз в её глазах. Александру стало жутко неудобно, он взял Стейси за руку и попросил:

– Настя, не обижайтесь на дурака, пожалуйста. Я пошутил.

Она освободила руку.

– Называйте меня всё-таки Стейси. Настей меня только папа называл…

– Извините… А можно пивка за счёт вашей конторы? Что-то выпить захотелось. Вы как? Не против?

– Вообще-то, если вы не поняли, это арабское заведение. Тут нельзя алкоголь употреблять.

– Серьёзно? А я в полной уверенности пребывал, что хозяин – еврей.

– Ну вы даёте… Ладно. Хотела вам аутентичную кухню показать, но вы ни черта в этом не понимаете. Раз вы такой привереда, я покажу вам другое место.

– Что за место?

– Есть тут неподалёку один ресторанчик. Если вам там не понравится, тогда я не знаю… И на фиг пиво! Вина выпьем.

– Стейси, и сколько же ваша контора даёт на психокоррекцию? Неужели рестораны в эту смету укладываются? Или вы за свой счёт меня туда вести собираетесь?

– А не староваты вы для альфонса? – фыркнула Стейси. – Психокоррекция включает в себя любые мои предписания. И я предписываю вам ужин по вашему вкусу и немного красного вина. А также прогулку на свежем воздухе.

– А вы не хотите сначала доесть свою пикантную аутентичность?

– Нет. Если честно, сама от неё не в восторге. Идёмте немедленно!

Она встала, достала из сумочки сотню и бросила на стол.

– Как скажете, геверет, – сдался Невструев.

Глава 2.

Стремительным шагом миновали они несколько переулков и вышли к западной стене Старого города. Здесь Стейси немного поколебалась с определением направления, но в итоге выбрала его безошибочно, и через несколько минут они приземлились за столиком, накрытым скатертью, чего Невструев до сих пор никогда не видел в Израиле.

Это было заведение для людей, уставших от кошерной и халяльной кухни. Оба возжелали по стейку из мраморной говядины со средней степенью прожарки. Девушка кавказской наружности и с таким же акцентом говорящая по-русски приняла заказ. Предшествуя мясу, на столе появилась откупоренная бутылка вина. Было оно местным и самым обыкновенным, каковое можно купить в любом магазинчике в три раза дешевле, зато по-настоящему аутентичным. А уж каким пикантным оказался стейк – так это просто не описать словами. К тому же во время его поглощения им было не до разговоров, и молчание никого ни капли не смущало.

Вслед за первой бутылкой последовала вторая уже под сырную тарелку и приятный, лёгкий трёп. Третью пили без закуски под околофилософский диспут. Прикончив её, расплатились и отправились искать ночлег всё в том же Старом городе.

Стейси опять вела, но на этот раз совсем неуверенно. Освещаемые фонарями древние улицы представлялись порталами в былые времена, казалось, повернёшь за угол и очутишься в Древней Иудее в период правления Понтия Пилата… Когда они вышли к одной и той же синагоге во второй раз, Невструев взял поиск на себя и ввёл в телефонный навигатор название искомого приюта.

– А что это ваша контора на нормальную гостиницу денег не даёт? Почему хостел? – пошутил он, расслабленный.

– Тут вы не правы. Не в деньгах дело. Этот хостел – что-то особенное. Он находится прямо перед воротами Цепи, – Стейси по мере усугубления состояния опьянения говорила со всё более сильным израильским акцентом.

– А этот ваш особенный хостел случайно не арабский?

– Вы угадали.

– Давайте тогда где-нибудь по дороге ещё пару бутылочек возьмём пока одиннадцати ещё нет?

– А давайте! Тут возле синагоги магазинчик есть.

За последним поворотом по дороге к хостелу, прикрываясь металлическим ограждением высотой по пояс, стоял полицейский кордон из трёх человек – мужчины и двух женщин. Пару пропустили только после того, как Стейси сказала, что у них забронирован номер.

Пройдя блок-пост, они очутились на небольшой площади, со всех сторон окружённой домами с резными каменными порталами над входами. Их старинные стены были обезображены пущенными снаружи, как это принято в Израиле, проводами, водопроводными и канализационными трубами. Самый красивый портал располагался над входом в полицейский участок, вывеска которого смотрелась очень нелепо в таком обрамлении.

Сами ворота Цепи имели два широких проёма высотой метров в шесть, а то и больше, закрытых зелёными деревянными створками, усыпанными многочисленными головками огромных то ли заклёпок, то ли болтов.

– А в чём дело, собственно? Почему сюда просто так не пройти? – удивился Невструев.

– Здесь граница между еврейским и арабским мирами, проход к Храмовой горе. На неё можно попасть через двенадцать ворот. Но одиннадцать из них исключительно для мусульман, в том числе ворота Цепи. Иноверцев пропускают только через Мусорные ворота.

– Звучит не очень…

– У них есть ещё одно название, если вас это утешит, – Марокканские.

– А что ж она всем так далась, эта гора?

– Обладание Храмовой горой – это ключевой вопрос израильской да и всей ближневосточной политики. Я попытаюсь объяснить вкратце… – Стейси перевела дух.

Вкратце не получилось. Пока она говорила, хмель как будто улетучивался из её организма.

Как записано в Танахе, именно здесь, на Храмовой горе, находится тот самый Краеугольный Камень, с которого бог начал создавать твердь. Как его ещё называют, Камень Основания стал местом притяжения для религиозных отправлений разных народов. После начала времён Авраам (он же Абрам, он же Ибрагим), в честь которого названы авраамические религии, главные из которых иудаизм, христианство и ислам, должен был, по велению господа, заколоть и сжечь единственного сына Исаака, дабы доказать свою верность. Однако смертоубийство не состоялось – одного лишь намерения хватило, чтобы доказать богу свою преданность. Старик-небожитель растрогался и вместо отрока удовлетворился жертвенным бараном. С тех пор был

наложен запрет на человеческие жертвоприношения. Потом Давид, второй царь Иудеи, купил участок земли у иевусеев, и построил на нём жертвенник. Его сын, тот самый Соломон, воздвиг вкруг него Первый Храм. Четыре века стоял Храм, пока вавилоняне во главе с Навуходоносором в VI веке до нашей эры не разрушили его. По прошествии полувека евреи вернулись в Иерусалим из вавилонского пленения и возвели Второй Храм, который простоял более полутысячи лет, всё это время будучи главной святыней еврейского народа, потому что располагался над Святая Святых – местом, где евреи хранили Ковчег со свитками Завета, дарованных Моисею богом. В 22 году нашей эры, во время правления Ирода Великого, Храм был перестроен и расширен и достиг пика своей архитектурной формы. Однако в таком виде он просуществовал совсем недолго, в 70-м году его и весь город превратили в руины римляне под предводительством императора Тита.

– Я же правильно понимаю, что стена плача – это как раз останки Второго Храма? – позволил себе прервать исторический экскурс Александр.

– Именно так. Но не останки, а руины. Останки бывают только животного происхождения, – Стейси с удовольствием отомстила за его придирки к её языковой грамотности и продолжила.

На месте иудейского Храма было воздвигнуто святилище Юпитера. После упадка Рима Иерусалим перешёл к Византии. Первохристиане обустроили Храм Гроба Господня за пределами Храмовой горы, и сама она весь период их правления пребывала в запустении, а под ней была устроена свалка. В VII веке Палестину вместе с Иерусалимом захватили арабы. Они очень трепетно отнеслись к этому многострадальному клочку земли, ибо так случилось, что непосредственно над Краеугольным камнем мироздания, с которого по иудейской традиции Господь начал сотворение мира, оказался выступ скалы, с которого в 619 году после Рождества Христова вознёсся пророк Мухаммед. Над Камнем и был воздвигнут Храм Скалы, а неподалёку – Аль-Акса, или Отдалённая мечеть, ставшая третьей святыней ислама после мечети аль-Харам в Мекке и Мечети Пророка в Медине. Четыре столетия гору обживали арабы, но в 1099 году в результате Первого крестового похода мусульманский Иерусалим пал. Крестоносцы не церемонились с арабским наследием, Купол Скалы был превращён в Храм Господа, а в мечети Аль-Акса обосновалась резиденция короля Иерусалима и Храм Соломона, в котором был основан орден Тамплиеров, именуемый также орденом «Бедных рыцарей Храма Соломона».

– Бедных… Любили они поприбедняться, эти храмовники, – усмехнулся Невструев.

– Наверное, и до сих пор любят, – заметила Стейси.

Правление крестоносцев было недолгим, и уже в конце XII века Иерусалим захватил Саладин. Все церкви города, кроме храма Воскресения, были снова обращены в мечети. В XIII веке власть перешла в руки мамлюков. А в XVI-ом начался и четыре столетия продолжался Османский период. Были отстроены заново стены города и в том числе стены Храмовой горы, а Купол Скалы украшен керамикой. В XX веке после Первой мировой войны Иерусалим перешёл под Британский мандат, а после основания в 1948 году нового еврейского государства стал его столицей. В настоящий момент Старый город разделён на четыре части: христианский, мусульманский, еврейский и армянский кварталы, Храмовая гора держится среди них особняком и формально имеет межконфессиональный статус.

Впечатлённый этой лекцией, Невструев даже потрогал грубо окрашенные доски ворот.

– Откуда вы всё это знаете?

– Я училась в израильской школе. Тут не очень хорошо преподают химию и физику, но очень хорошо историю с опорой на Танах.

Они пошли в хостел.

Портал над его входом был самым скромным на площади. Стены снаружи облицовывали ровные и плоские камни, но внутренняя отделка состояла их округлых булыжников, кое-как подогнанных друг к другу. Камни волнами выпирали из стен, то ли штукатурка с них обсыпалась, то ли так это и было задумано, в любом случае выглядело это очень старинно.

Хостел был совсем небольшой, состоял всего из нескольких комнат. Приветливый молодой араб показал гостям их номера по соседству. Окна в них отсутствовали. Туалет, конечно же, был общий.

– И что дальше, Стейси? Как же нам выпить? Я видел там столик на улице перед входом…

– Нет-нет-нет, только не здесь.

Она что-то сказала арабу на иврите, тот покивал и проводил их по коленчатому коридору, который вывел к крутой лестнице со стёртыми ступенями. Вдвоём (араб пожелал остался внизу) они прошли два этажа и оказались на плоской крыше, которая была заставлена чёрными баками для горячей воды, водонагревательными панелями и наружными блоками от кондиционеров, из которых дул тёплый воздух. Ближе к краю крыши стояли несколько разнокалиберных пластиковых стульев и

кресел, а также раскладной столик. Они расположились на двух самых комфортных седалищах с подлокотниками. Александр открыл бутылку и налил вино в пластиковые стаканчики.

Вид отсюда открывался изумительный. Вся Храмовая гора была как на ладони. Золотой купол Храма Скалы, свинцовые купола Аль-Аксы и её минарета, площади вокруг них, деревья и стены. Луну закрывали облака, и всё это великолепие было искусно подсвечено многочисленными фонарями и прожекторами.

– Спасибо вам, Стейси, – наконец произнёс Невструев. – Это действительно возвращает с небес на землю.

– Ну вот. Будем считать, терапевтический эффект достигнут, – удовлетворённо заметила Стейси.

Она полезла в сумочку и достала оттуда сигарету характерного вида.

– Будете?

– Это то, что я думаю?

Психолог кивнула и подмигнула одновременно.

– Я со студенческих лет не экспериментировал с веществами, изменяющими сознание, кроме алкоголя, конечно.

– Медицинская. Прописываю вам для усиления эффекта возвращения в реальность.

– Ну раз так, давайте!

Стейси раскурила джоинт и передала Александру.

– А вы, Саша, действительно начали меня настораживать. Редко кто так глубоко проникается гипносном. Даже в более лёгких случаях мы отстраняем от эксперимента, но с вами я решила не торопиться, к тому же будет жалко, если вы не допишете свою космическую повесть.

– Ну а как же им не проникнуться, этим гипносном?! – искренне воскликнул он. – Ваша компания намного опередила время. Вы такое сделали, что все остальные изобретатели виртуальной реальности близко с вами не стоят. Вот смотрите. Один мой приятель купил себе VR-шлем какой-то там последней модели. Дал мне попробовать. Поставил бокс. А там огромный такой негр. Страшный. Я улетел в нокдаун в первом раунде. Во втором опять. Ну, думаю, ещё раз и проиграю. Собрался. И таки отправил его в нокаут. Запыхался по-настоящему даже, хотя и по воздуху молотил. Зрители на трибунах орут. Он валяется. А я что-то так разбушевался, что подошёл к нему, а ходить там, сразу замечу, ногами не нужно, если ты не в чистом поле играешь. «Вставай, – говорю, – сука!» и кы-ык пну его… И об стену со всей дури босой ногой! Думал пальцы сломал. Мгновенная карма за неспортивное поведение. И за расизм, наверное… Интересно, а

белого я бы стал пинать?.. – Александр задумался.

– Саша, вы передавайте, передавайте, что вы его как сигарету курите? – напомнила Стейси.

– Извините. Ну ничего, обошлось. Пару дней похромал только… Так вот, а эта ваша виртуальность куда безопаснее. И реальнее в сто раз. И кроме того, самое главное – время бодрствования своё драгоценное тратить не нужно. Этот мой приятель со шлемом своим совсем подвинулся; весь досуг в нём проводит. А у вас – сон. И выспался, и целый день прожил. Жизнь получается в два раза длиннее. Это гениально!

– От лица компании я благодарю вас, Александр, за столь лестную оценку нашей работы. Но на вашем примере я как раз и замечаю опасность нашей методики…

– Да ерунда! – перебил её Александр, которому под сочетанным действием вина и травы стало казаться, что он один может говорить что-то стоящее. – В моей психиатрической практике был такой случай. Пациент с раздвоением личности, который отбивал девушку сам у себя. Причём судя по тому, что она не убежала от него со всех ног, ей это нравилось. Одна из его ипостасей разрабатывала дизайн бутылочек всяких и баночек для парфюмерии, а вторая профессионально участвовала в боях без правил. Так дизайнер победил в итоге. Она за него замуж вышла.

– Почему?

– Потому что у него член был больше.

– Как это возможно? Это же один и тот же человек.

– Вы не представляете, на что способно подсознание…

– Неужели? – она была искренне удивлена.

Он расхохотался.

– Да нет, конечно. Шучу. На самом деле на бутылочках он больше зарабатывал, чем на ринге.

– Да ну вас. Это вообще к чему?

– Чёрт его знает… Так, всплыло по ассоциации. А, вспомнил! Вы опасаетесь, что у меня диссоциативное расстройство начнётся. Так вот, не начнётся. Нет у меня к этому предрасположенности.

– Откуда вы знаете?

– Просто поверьте.

При этих словах полыхнула молния, контрастно проявив из темноты весь Иерусалим.

Стейси улыбнулась иронично.

– Напрасно вы улыбаетесь, – он даже обиделся.

В этот момент молнию нагнал гром, не слишком громкий, но продолжительный.

– Странно, – заметила Стейси и затушила окурок в стоящей на столе глиняной пепельнице в виде черепа. – Гроза в конце

мая… Не помню, было ли такое вообще.

Тут же закапал дождь.

Она встала и протянула ему руку.

– Надо скорее под крышу, Саша!

Он поднялся и оказался к ней очень близко.

С самого момента знакомства она нравилась ему как женщина, несмотря на её нетривиальную красоту, но казалась совершенно недоступной, сделанной не для него абсолютно. А тут под воздействием гремучего коктейля, он почувствовал себя увереннее, чем обычно и быстро поцеловал её. Она неровно улыбнулась, взгляд её помутнел. Тут он осмелел окончательно.

Глава 3.

Старший помощник капитана межзвёздного транспорта «Луч надежды» Камиль Легран открыл глаза и обнаружил себя внутри реанимационной капсулы. Тут же весело загорелись зелёные огоньки и заиграла «Ода к радости» Бетховена. За тысячелетия своей истории люди не придумали лучшего аккомпанемента к моменту восстания из мёртвых. В иллюминаторе крышки появились озабоченные лица медика и Амайи Леграна, который присоединился к экспедиции в качестве главного инженера, несмотря на временное отсутствие у него верхней конечности.

– Как вы себя чувствуете, сэр? – спросил медик.

Камиль прислушался к себе: гудела голова и во рту ощущался вкус крови.

– Так себе, – заключил он. – Что произошло?

– Вы погибли, сэр, в результате ядерного взрыва. У вас был размозжён череп и сломаны почти все кости. После реанимации трое суток находились в коме. Сейчас жизненные показатели почти в норме. Аппаратура прогнозирует полное выздоровление через двенадцать дней.

– Ясно. Что с кораблём?

На этот вопрос ответил Амайя:

– Сработала система защиты в экстремальных ситуациях, корабль не допустил критического крена на борт и переместился на другое место, в ста километрах от эпицентра взрыва. В настоящий момент проходит диагностику и ремонт. Фатальных поломок нет. Разрушен капитанский мостик, все боты-разведчики, находящиеся на дежурстве, уничтожены безвозвратно. Осталось только шесть запасных. Четыре из них следят за периметром.

Камиль попытался проанализировать ситуацию: «Рубка разрушена… Ничего страшного, есть же запасная. Зачем вообще

было вести непосредственное визуальное наблюдение через фонарь рубки? Можно было наблюдать в запасной, через экраны…»

И тут его мозг, сопровождаемая буквально физической болью, пронзила ужасная мысль.

– Что с остальными? Теми, кто был со мной на палубе.

– Все погибли, сэр, кроме вас и рулевого. Получили повреждения, несовместимые с жизнью, – постарался сохранить бесстрастие медик, но лицо его как будто судорогой свело.

– Их просто испепелило, сэр – добавил инженер. – Военспеца, переговорщика, штурмана, и двух вахтенных офицеров.

Легран схватился за голову. Вину за утрату пяти вечных человеческих жизней пережить будет трудно.

– Эти земляне – страшные люди. Кто мог предположить, что они на такое способны? – попытался утешить командира Амайя. – Кто-то из них остался в танке, чтобы выстрелить атомным зарядом, и тут же погиб сам. Немыслимо…

Он рассказал, что танк землян выстрелил снарядом с ядерной начинкой. Основной калибр отреагировал, но началась цепная реакция. Старпома с рулевым спасло то, что взрывная волна завернула их в буратиниевый лист, оторвавшийся от пола рубки.

– Если бы метров на двести ближе взорвалось или заряд был бы мощнее, нам всем пришёл бы конец, – подытожил инженер.

– Господа, прошу вас оставить меня одного, – с трудом выдавил из себя Камиль.

Когда офицеры вышли, он перестал сдерживаться и заплакал.

За столько лет полёта между всеми членами экипажа установились прочные товарищеские отношения. С некоторыми из погибших Камиль общался теснее; военный специалист был с ним из одного эмбрионального «помёта», они практически выросли вместе, как братья, а один из вахтенных играл в его команде по водному поло и космоболу…

Через минуту он зло размазал ладонями по щекам слёзы и попытался сосредоточиться на обдумывании дальнейших действий. Первым желанием было стереть с лица земли логово этих маньяков. Но он подавил в себе звериный позыв и стал мыслить рационально. Они не виноваты. Так их воспитали. Может, с молоком матери всосали они, что так надо встречать инопланетных гостей. Может, чёрт возьми, был у них уже печальный опыт взаимодействия с пришельцами… Надо разобраться. Встретиться с их главным и поговорить. Может, это вообще недоразумение какое-то…

Ну ни чего себе недоразумение?! Пятерых наших больше нет! И никогда не будет! Комок снова подкатил к горлу. Он проглотил

его и с трудом начал выкарабкиваться из капсулы. Никакого восстановительного периода! Надо действовать немедленно!

Сеанс связи с «Лучом надежды» был непростым. Докладывая обстановку, Легран снова чуть не разрыдался. Там все уже были, конечно, в курсе произошедшей трагедии, но на старпома не давили.

Капитан даже посочувствовал:

– Не хотел бы я оказаться на твоём месте, сынок. Но это не только твоя ошибка. Это я должен был предвидеть подобное и запретить подпускать их близко. Держись! Соплями горю не поможешь… Какие действия собираешься предпринять?

Старпом рассказал о намерении повстречаться с вождём аборигенов.

– Правильно! – включился Майкл Гольденберг, угрюмо молчавший до этого. – Найди мерзавца и спроси с него за наших парней! Остальных обезоружить и изолировать, как зверей диких. Потом разберёмся, что с ними делать.

– Вот только горячиться не надо! – скорее олигарху, чем подчинённому, запретил Закари Вентер. – Я верю в тебя, Камаль. Действуй по обстановке.

Заплаканная Хельга на заднем фоне видеотрансляции помахала старпому рукой.

Для повторного контакта с землянами Легран отправил один из оставшихся дронов-разведчиков, переключил на себя наблюдение и переговоры решил провести самостоятельно.

День был ясный, и оптика выдавала чёткую картинку. Сначала бот нёсся над заросшей бурой и пыльной травой степью. Потом пролетел вдоль реки, по берегам которой росла куда более разнообразная зелень. Миновал место недавней стоянки, обезображенное взрывом. Почва по стенкам огромной воронки запеклась в гладкую чёрную корку. От танка и скрюченного лесочка ни осталось и следа. Потом некоторое время летел над ржавым и местами покорёженным железнодорожным полотном, рядом с которым валялся сошедший с рельс, почти разложившийся от времени пассажирский состав. У Камиля сжалось сердце, он представил, сколько людей погибли в результате крушения. Показались заросшие густой щетиной из сорняков и уродливых кустов развалины пригорода. Их вид ничего кроме тоски и сожаления не вызывал. Ближе к центру неровные стены руин стали выше. По приказу старпома бот поднялся ввысь и показал панораму жилой части поселения.

В центре города в широкую реку впадала, образуя излучину,

речка поуже. Вода с трёх сторон окружала кусок земли размером примерно полтора на полтора километра. Он был огорожен высокой краснокирпичной стеной, из которой с относительной периодичностью торчали сторожевые башни, с устроенными в них пулемётными гнёздами. Местами на стене размещались площадки для пушек и снятых с танков башен, но скорее для красоты или устрашения, потому что вид у техники был явно нерабочий. Вдоль берегов рек стена уходила прямо в воду. На суше она была повыше и подходы к ней были расчищены от руин метров на двести. В трёх местах в стене имелись ворота. Рядом с самыми большими, на западной стороне этого кремля, бот засёк исправную на вид зенитную установку.

Прямо за стеной плотно друг к другу лепились кирпичные здания, в основном двух- и трёхэтажные. Между ними суетились люди. По дорогам перемещались всадники на лошадях и самодвижущиеся экипажи, испускающие чёрные дымы. На севере поселения чадили высокие кирпичные трубы явно промышленного назначения.

Летающий объект заметили, заверещала сирена, люди мгновенно, как будто многократно это репетировали, укрылись в зданиях, улицы и площади мгновенно опустели. Дрон опустился пониже, держа на прицеле зенитку. Над опустевшими улицами и площадями разнёсся, перекрывая сирену, многократно усиленный голос Леграна. Он начал так, как было задумано погибшим переговорщиком:

– Братья-земляне, мы пришли к вам с миром! – Сделал паузу. Ревун оборвался внезапно, как будто на вдохе. Это хорошо, значит, они всё-таки хотят его услышать. Дальше пришлось импровизировать. – Произошло недоразумение. Вы попытались нас уничтожить. Но мы не держим зла. Не хотим мстить. Мы хотим вести переговоры. Кто у вас главный? Пусть выйдет. Или через десять минут мы откроем огонь. Время пошло!

Несколько минут ничего не происходило, город как будто вымер. На восьмой минуте дрон отметил движение. Открылись двери одного из самых больших домов в городе, и из них не спеша вышел какой-то тип весь в белом. Он задрал голову и замахал руками.

Дрон опустился и остановился в десяти метрах над ним.

– Говори! Мы тебя слышим, – приказал Камиль.

– Приветствую вас! Меня зовут Анатолий Максимович. Я здесь главный. Иерарх. Что вы хотите? – прозвучал в ответ высокий надтреснутый голос.

– Сначала разобраться с трагическим недоразумением. Потом попытаться договориться о мире и сотрудничестве.

Иерарх вдруг прорычал неожиданно низко:

– О каком ещё сотрудничестве?

Анатолий Максимович выглядел ещё не пожилым, но уже прошедшим свой физический рассвет мужчиной. Лысый рельефный череп. Тёмные глаза глубоко посажены под заметно выступающими козырьками надбровных дуг, отчего взгляд казался угрюмым. Даже вверх он смотрел как будто сердито и исподлобья.

– Я бы хотел обсудить это с глазу на глаз. Где мы можем встретиться? – предложил старпом.

– Ну приходи завтра утром, если не боишься. Встречу хлебом-солью. Мне самому нужно открыть вам нечто очень важное, – снова высоко взял землянин.

Глава 4.

Такой расклад Невструева устраивал. Легран выжил и активно взаимодействует со своей действительностью. Жалко, конечно, столетних пацанов, поглощённых ядерным адом, жаль старпома, который излишне рефлексирует по поводу своей вины. Но жизнь продолжается, а значит, и книга. У Невструева руки чесались, так ему хотелось поскорее добраться до клавиатуры. Но сначала к Стейси!

Пока Александр умывался, одевался и шёл коридорами *Golden Key*, в его памяти проявлялись картинки произошедшего на крыше иерусалимского хостела и после. Капли дождя, опалесцирующие в лунном свете на холодной гладкой коже. Грозовые всполохи, стробоскопом дробящие движения под аккомпанемент грома. Панорама древнего города на фоне низкого чёрного неба, чёткие силуэты куполов и минаретов. Обладание женщиной в виду центра сотворения мира давало странное ощущение нереальности происходящего. Ещё эта гроза…

«Это же абсолютная фантастика. Такого просто не может быть, – подумал тогда Александр. – Наверное, всё-таки это я снюсь. Значит, Камиль жив и ничего страшного с ним не произошло!»

Но огорчать своими догадками Стейси он не станет. Пускай думает, что терапия удалась. И на самом деле: ничего лучше для укрепления его ментального здоровья, чем эта поездка, и придумать нельзя было. Теперь он чувствовал себя гораздо увереннее.

После того как они спустились с крыши, второй номер в хостеле стал им не нужен. И было чем заняться и о чём говорить

до самого утра. Потом спали до полудня. Потом завтракали, гуляли и обедали в Иерусалиме. В субботу транспорт начинает ходить после восьми часов вечера, и время до того момента, как они сели в скоростной поезд, пролетело незаметно.

Когда ехали в поезде из Иерусалима в Тель-Авив, Стейси рассказала, что все разговоры в её кабинете записываются, – и звук, и картинка. Это не из-за каких-то драконовских корпоративных правил, а ради фиксации эксперимента. Она просила его быть осторожным и даже на «ты» её не называть.

– Но почему? – возмутился Александр.

– Ну знаешь, были на «вы», а потом вернулись из совместной поездки с ночёвкой и давай друг другу тыкать. Подозрительно, мягко говоря…

– А ты думаешь, твоему начальству не всё равно? Да и вообще… Зачем врать? Мы же нарушаем таким образом чистоту эксперимента.

– Саша, я тебя прошу. Я не знаю, как они отреагируют. Но премию точно мне не выпишут. Спать со своими подопечными крайне непрофессионально. Я не хочу потерять эту работу. И я обманула тебя, контора ничего не знает о нашей поездке. Они думают, что я отпустила тебя на одну ночь домой.

– Тогда за чей же счёт эта увеселительная поездка? – насторожился Александр.

– Я тратила свои деньги, – призналась Стейси и поспешила его успокоить. – Для меня это совсем не накладно. Мне очень хорошо платят в *Golden Key*. И я говорю тебе это не для того, чтобы ты почувствовал себя чем-то обязанным. Уверена, у тебя хватит на это ума.

– Хорошо. Как скажешь, – сдался он.

После возвращения в *Golden Key*, ровно в одиннадцать вечера, Невструев загрузился в свой саркофаг и улетел в будущее заселять и цивилизовывать старушку Землю.

Утром, когда он явился на приём к психологине, они подчёркнуто сухо поприветствовали друг друга.

– Как вам спалось, Александр?

– Прекрасно, Стейси. Спасибо. Мой герой жив. И есть что написать сегодня.

– Что ж, поздравляю! И никаких больше сомнений в собственной реальности, я надеюсь?

– О чём вы? Не понимаю. Таким реальным этот мир ещё никогда не был. Кстати, коллега, полностью одобряю ваш метод: перерыв пошёл мне на пользу.

Стейси лишь улыбнулась в ответ, и он продолжил:

– Я тут вот что подумал: а что это за книгу я пишу? Просто пересказ того, что вижу во сне? Но ведь это же никуда не годится. Автор должен какой-то смысл в текст вкладывать, какие-то идеи транслировать, а не просто «что вижу, то пою». В этой связи я вспомнил о том, что мы обсуждали в Иеру… ранее.

Он чуть было не прокололся, но вовремя опомнился.

– Это о чём же? – напряглась геверет Копхилер.

– Про ключевой вопрос ближневосточной политики. Про обладание Храмовой горой.

– И что же вы надумали? – с облегчением поинтересовалась она.

– О том, что ключевой вопрос этот возник по недоразумению.

– Да что вы говорите? – её удивление было откровенно ёрническим.

Он решил не обращать на это внимание.

– Почему все за неё цепляются? Потому что там зарыт Краеугольный камень, с которого господь начал сотворение мира. Так?

– В общем да.

– То есть все его хотят: и иудаисты, и христиане, и мусульмане. Это подтверждает, что была какая-то изначальная священная книга, которую потом стали переводить на разные языки. Это не я придумал, это общее место…

– Да. Популярная идея.

– Так вот и надо убедить людей, что, по сути, они верят в одно и тоже. Сейчас основная задача арабского Мира – стереть государство Израиль с лица Земли. А главная мечта верующих иудеев – построить Третий Храм на месте мусульманских святынь. Этот конфликт неразрешим, пока они не поймут, что Краеугольный камень принадлежит им всем.

– А на каком языке была эта древняя священная книга написана, догадываетесь?

– Не знаю. На арамейском или на каком-нибудь амхарском, как, например, утверждают растаманы.

– Это исторически несостоятельно. Серьёзные учёные полагают, что язык этот – библейский иврит.

– Ну хорошо. Допустим. И что?

– А то! Вы хотите убедить арабов, что изначальная книга, то есть истинное писание – это еврейская То́ра? Сочувствую… И да поможет вам всемилостивый Аллах!

Александр явно был обескуражен. Не жалея его, Стейси продолжила:

– И вообще. Получается, что вы – атеист, соглашаетесь с тем, что этот камень, а, значит, и бог существуют, то есть идёте против

своих принципов. Читатель – не дурак, он это заметит и не поверит вам.

– Ну тогда нужно объяснять людям, что любая религия – бред. Это и есть моя цель как писателя! – это было произнесено с плохо скрываемым отчаянием.

– Ну вот вы и договорились до полного абсурда. Вы ведь по-русски пишете. Переводить пока не собираетесь?

– Да пока нет. Рано ещё об этом думать. Нужно сначала узнать, как на родном языке читатель отреагирует.

– Отлично. Получается, ваш основной регион распространения – Россия и бывшие страны СНГ. А там вам за такие идеи сейчас же оскорбление чувств верующих пришьют, – и прощай русскоязычная аудитория!

Теперь физиономия Невструева приобрела вид совершенно несчастный.

– Да вы не напрягайтесь, – наконец сжалилась психологиня. – Вы ведь первый с помощью гипносна книгу пишете. Подождите, может быть, иная реальность сама подскажет вам идею. А если не подскажет, то, когда уже будет написано всё, тогда и подумаете, какую идею подчеркнуть. Мне кажется, так лучше будет.

Александр направился в библиотеку с мыслью, что Стейси не только прекрасная женщина, но ещё и неплохой специалист в своей области и заслуживает свой кусок хлеба с маслом. Книгу он решил пока писать по принципу чукчи, воспевающего свою тундру без лишних выводов и обобщений.

Когда Стейси зашла к нему после работы, описание первого контакта с вождём землян посредством разведывательного дрона уже было готово. После её ухода Александр с трудом дождался отбоя, – так ему хотелось поскорее с головой окунуться в события середины двадцать пятого века.

Глава 5.

Проснувшись и нюхнув для бодрости аромококтейля, Камиль намеревался заняться приготовлениями к визиту в стан аборигенов, но тут с ним вышел на связь корабельный ИИ Буратино.

– Приветствую, старший помощник Легран. Как дела?

– Ты же всё знаешь, Буратино…

– Камиль, мы все скорбим вместе с тобой по поводу безвременной кончины наших товарищей. Я знаю, что ты чувствуешь себя виноватым. Не буду тебя переубеждать, но ты должен знать, что не только ты – мы все виноваты. Расслабились за четыреста лет, общаясь с себе подобными. Тут другие

жизненные принципы, другая мораль, другой закон. Они не ценят человеческую жизнь так, как мы. Ты должен быть предельно осторожен, когда пойдёшь к ним на встречу.

– Спасибо, Буратино, я сумею обеспечить свою безопасность.

– Хорошо. Вот что я хотел тебе рассказать. Я расшифровал записи со спутника, который ты с таким трудом доставил к «Лучу надежды». Как ты знаешь, телескоп *Keyhole* продолжал собирать информацию о Вселенной после того, как «Луч надежды» покинул пределы Солнечной системы. Были обнаружены более трёх тысяч экзопланет, на которых возможно устройство колонии. Около сотни подходят нам по многим параметрам гораздо больше, чем Терра Нова. Около десятка – даже больше, чем Земля. Среди них есть одна в системе оранжевого карлика, которая находится в комфортной части зоны обитаемости[91] и по всем параметрам просто идеальна для колонизации. На ней более подходящий климат и условия для обитания *Homo Sapiens*, чем на Земле.

– И как далеко от нас эта планета?

– Всего тринадцать парсеков. В созвездии Лиры. За девяносто лет на «Луче надежды» долететь можно.

– Понятно. А зачем мне сейчас эта информация?

– Посмотри на эту планету. Посмотри на этих людей. Ничего хорошего нас здесь не ждёт. А там можно начать всё сначала. Построить идеальную цивилизацию, не повторяя ошибок прежнего человечества. Подумай об этом, Камиль.

Легран решил людей с собой не брать – если что, отвечать придётся только за себя. Полетел в гости на турбоплане в сопровождении двух дронов-разведчиков, предварительно отправив в город землян одного из них, чтобы оповестить о своём прибытии через час.

Во время Апокалипсиса пара ракет упали на северо-западную окраину города, где находилась большая промзона. Заряды были не самыми мощными, поэтому центр сохранился почти идеально. Особенно та улица, на которой стоял большой дом с двумя островерхими куполами, из которого выходил вчера Анатолий Максимович. Она спускалась с горки и вела к реке, туда, где из воды торчали остатки упавшего моста. Улицу обрамляли идущие вплотную друг к другу старинные дома с обилием лепных украшений и зелёными металлическими крышами. За зданиями хорошо ухаживали; краска была свежая, лепнина отреставрирована и побелена и замечательно смотрелась на тёмно-красном кирпичном фоне.

Турбоплан снизился почти до проезжей части и не спеша подлетел к главному входу в здание, которое в отличие от

остальных домов на улице имело три этажа вместо двух. Тут собралась толпа во главе со своим предводителем, так же, как и вчера, облачённым во всё белое.

После того, как аппарат выдвинул подпорки, погасил двигатели и откинул колпак кабины, старпом спрыгнул на мостовую. Тут люди начали испуганно переглядываться и перешёптываться. Камиль замечательно понимал и говорил по-русски – этот язык ему закачали в гипносне для игры в Невструева. Он расслышал слова «чёрный» и «дьявол» – очевидно, они не привыкли к темнокожим представителям человеческого рода.

Иерарх выступил вперёд. Физиономия его имела вид торжественный, но в то же время как будто безучастный.

– Камиль, полагаю? Рад лицезреть, – тонким голосом произнёс он и протянул навстречу руку.

Толпа затаила дыхание.

Камиль колебался. Жать руку убийце своих товарищей не хотелось. А с другой стороны, может, это вообще не он виноват, а какие-то другие люди… Надо разобраться сначала. Легран уже двинул руку, но как раз в этот момент к нему с двух сторон опустились дроны-разведчики – два металлических шара размером чуть больше человеческой головы с гудящим под ними горячим воздухом.

Толпа зашумела и испуганно отшатнулась. Кто-то запричитал сдавленно.

Анатолий Максимович одёрнул руку, поднял её вверх, успокаивая толпу, и вопросительно из-под бровей посмотрел на пришельца.

– Они безопасны, но при любой угрозе мне откроют огонь, – заверил его Камиль.

– Никаких угроз, – пропищал предводитель и тут же резко понизил голос: – Прошу в дом.

Голос его менялся в зависимости от настроения в широком диапазоне. Он мог говорить басом, мог высоким пронзительным тенором, а мог и где-то посередине.

Они попали в просторный вестибюль, из которого вверх шла широкая лестница. Один из дронов остался охранять турбоплан, второй последовал за старпомом. Землянина никто не сопровождал.

На площадке между первым и вторым этажами, где лестница разделялась на два пролёта, в окружении гипсовых завитков и колонн в стену было вделано цельное зеркало высотой в четыре человеческих роста. Камиль невольно замедлил шаг.

– Лет шестьсот ему, наверное. Представляете, пережило

апокалипсис. Даже не треснуло, – заметил его интерес Анатолий Максимович.

Они прошли по пахнущему старым деревом коридору, который вывел их на гораздо более скромную лестницу. Снизу тянуло горячей грубой пищей, но запах этот не показался Камилю неприятным. Наверху располагался небольшой холл, в который выходили три высокие двустворчатые двери. Хозяин распахнул одну из них и учтиво пропустил гостя вперёд.

Следом за дроном Легран вошёл в большой кабинет с массивным рабочим столом и двумя роскошными креслами возле камина. Очаг обрамляло бурное переплетение металлических виноградных веток, гроздьев и листьев, из которых на Камиля таращилось круглыми, как будто слепыми глазами бородатое и хитрое лицо.

– Это Бахус – мой друг, – отрекомендовал с ухмылкой Анатолий Максимович. – Ему тоже лет шестьсот, не меньше. Я имею в виду барельеф, а не древнее божество. Прошу вас, любое кресло.

Камиль сел в то, что было развёрнуто в сторону двери. Хозяин опустился на второе.

Некоторое время они молча рассматривали друг друга.

Первым заговорил Легран. Он решил действовать напрямую.

– За что вы нас так ненавидите?

– Ничего подобного. Никакой ненависти… – иерарх собирался что-то объяснить, но не успел.

– То есть вы без всякой ненависти, просто так, убили пятерых наших людей?! – возопил полный праведного гнева Легран. – Это же в сто раз хуже!..

Он даже задохнулся от возмущения.

– Я сейчас не понял, что вы имеете в виду: то, что нельзя убивать без ненависти, или то, что ваши жизни ценнее наших? – низким голосом заметил Анатолий Максимович.

Камиль растерялся на секунду и решил в дальнейшем взвешивать каждое своё слово.

– Убивать вообще плохо. Тем более без причины. А своей жизнью, вы, очевидно, сами не дорожите. Ваш человек взорвал себя вместе с танком – это же сумасшествие какое-то!

– Этот человек – герой! Я бы сам сидел в том танке, но я нужен своему народу, – пророкотал иерарх.

– Вы взорвали ядерный заряд всего в пятидесяти километрах от города. Вы хоть представляете себе возможные последствия?!

– Конечно. Тактический танковый боеприпас мощностью всего четверть килотонны в тротиловом эквиваленте. Радиация и полпути до нас не доберётся, – эту информацию Анатолий

Максимович сообщил интеллигентным дискантом.

Легран не нашёл, что возразить.

– А как называется ваш город?

– Омск. Кстати, Невадский атомный полигон в Америке располагался всего в ста двадцати километрах от Лас-Вегаса. Там взорвали четырнадцать атомных зарядов, и каждый был многократно мощнее нашего.

– Так объясните мне, почему вы хотели нас уничтожить? Есть для этого какая-то разумная причина?

– Представляете, есть. Но это очень долгая история. Надеюсь, у вас есть время, чтобы её выслушать?

– О да. Мы никуда не торопимся. Мы живём вечно, если нас не убивают атомной бомбой, – ответил старпом с горечью.

– Вот оно что… – иерарх вздохнул, как будто сожалея. И заговорил нормальным человеческим голосом. – Тогда слушайте. В конце XXI века один из мудрейших представителей человечества понял, что ядерной катастрофы не избежать. Мир окончательно слетел с катушек, лукавых мерзавцев в правительствах повсеместно заменили сумасшедшие фанатики. Простые люди также были одержимы идеей истребления инакомыслящих. Этот период истории фигурирует в летописях как «Глобальный фашизм». Так вот наш мудрец решил произвести эксперимент: возможно ли выжить в атомной катастрофе. Спастись самому и спасти как можно больше людей. Он был очень богатым человеком, но ненавидел власть денег. Считал, что вся та дичь, что творится в мире, происходит оттого, что власть предержащие наживаются на глупости подавляющего большинства. Поскольку конечная человеческая жизнь сама по себе смысла не имеет, то оправдать её может только религия. Ничего иного не остаётся. Для этого ему самому пришлось стать мессией. Поскольку религиозные разногласия мешают людям мирно сосуществовать, а в разных религиях есть множество несоответствий и нелепостей, он создал верование, объединяющее все авраамические религии, и от каждой взял лучшее: от христианства – всепрощение и любовь к ближнему, от иудаизма – веру в единого бога и отсутствие посредников между человеком и богом, от мусульманства – силу веры, от растафарианства – отрицание Вавилона как олицетворения власти капитала и олигархии.

Иерарх почтительно, обеими руками взял увесистый том с рабочего стола и развернул его обложкой к Леграну. В толстую чёрную кожу золотой старославянской вязью было вдавлено название, – «Последний Завет». После чего аккуратно положил книгу на место.

– Он приехал сюда, в город, из которого был родом, и объединил людей на основе своего учения. Спрятал своих последователей в бункере, который оборудовал в недостроенном и заброшенном омском метро. Там они дожили до момента, когда ядерная зима сменилась глобальным потеплением, улеглась радиация и стало возможно выбраться на поверхность. Этот человек был мой отец. Он умер двадцать два года назад в возрасте четырёхсот тридцати лет и одного года. Перед смертью он предупреждал меня о том, что, скорее всего, вы, проклятые олигархи со своими прихвостнями, вернётесь на Землю ещё при моём правлении. И тогда я должен буду предпринять самые решительные меры, чтобы убедить вас убраться восвояси. А ещё просил, если дойдёт до общения с кем-то из ваших, передать привет от Одина для Буратино и Закари Вентера, если последний будет ещё жив. И спросить у них, кто оказался прав в споре. И на этом… объявляю первый раунд переговоров оконченным.

Анатолий Максимович поднялся со своего кресла.

– Жду вас завтра в это же время после того, как вы поговорите со своими боссами.

Вернувшись на челнок, старпом запросил одновременный сеанс связи с капитаном и корабельным ИИ.

– Вам привет от человека, который умер. От Одина. Что всё это значит?

Ответил капитан:

– Это был наш друг и компаньон Максим Одинцов. Волею судеб незадолго до войны наши пути разошлись. Мы оказались по разные стороны монеты, если можно так выразиться… Мы звали его с собой на Терра Нову, но у Одина был комплекс вины перед человечеством. Он считал, что является одним из тех, кто завёл цивилизацию в тупик, поэтому остался, чтобы попытаться спасти, кого сможет. Кроме того, он ненавидел Гольденберга и всю эту олигархическую братию, потому что они и им подобные – главные виновники мировой катастрофы.

– А про какой спор он упомянул?

– Мы говорили, что сможем воспитать из миллиона эмбрионов новое, прекрасное и бессмертное человечество и никакие Гольденберги нам не помешают. А он утверждал, что у нас в итоге получится армия бессмертных рабов, если у руля будут богатеи. И как это ни прискорбно признавать, оказался прав.

Буратино заметил:

– По-моему, это не совсем этично…

– Да брось ты, старина, – не дал ему договорить Закари. –

Камаль не такой как все, он поймёт. Не зря же я выбрал его своим помощником.

ИИ помолчал, как будто соглашаясь, потом решил уточнить:

– «И не возвращайтесь, – сказал он нам на прощание. – Вам будут здесь не рады». Один пришёл к выводу, что самый справедливый строй из возможных – это коммунизм. Именно его он и решил построить в постапокалиптическом обществе. Но к нему, считал он, можно прийти только через изобилие, а не через террор. А ещё, как это ни парадоксально, через веру. Поскольку конечное существование смысла не имеет, он решил придумать новую религию, чтобы дать надежду своим последователям.

– Религиозный коммунизм – это не нонсенс, а средство достижения, кажется, что-то такое он говорил, – добавил капитан.

Глава 6.

Невструев был не из тех, кто легко сходится с людьми, поэтому во время обеда он, как правило, за столом сидел один. Изредка, когда мест не хватало, к нему подсаживался кто-нибудь из работников *Golden Key* или кто-то из подопытных. Тогда они молча поглощали пищу, не глядя друг на друга. Ему было неуютно. Хотелось поскорее закончить и уединиться в библиотеке. Но сегодня к нему подсела геверет Копхилер, чего ранее она никогда не делала.

– И что это вы, мадам – профессиональный психолог, вдруг не боитесь скомпрометировать себя? – не скрывая иронии, поинтересовался Александр.

– Никакого компрометирования… – начала Стейси.

– Компрометации, – не удержался он.

– Пускай так. Почему бы профессиональному психологу не поболтать со своим подопечным на какую-нибудь отвлечённую тему во время обеденного перерыва?

– Ну и какую же отвлечённую тему вы хотели бы обсудить с подопечным?

– Я вот что заметила. Помнишь, ты говорил о том, что людей надо объединить на основе некой Книги, а сегодня тебе приснилась история про пророка, который стал им благодаря той же идее?

– Так.

– Вот это и доказывает, что ты самый настоящий, а космонавт и остальные обитатели будущего тебе снятся.

– А почему бы этому не оказаться простым совпадением?

– Маловероятно.

– Маловероятно, но не исключено. Я, как психиатр, должен

избавлять людей от вредных иллюзий, но, когда факты подтверждают, что иллюзии эти неиллюзорны, то я, как учёный и человек с гибким, развитым интеллектом, должен признавать очевидное… Вот представь себе такую гипотетическую ситуацию. На Землю прилетают инопланетяне. Агрессивные. Хотят сожрать все ресурсы, изнасиловать всех людей и в конце уничтожить планету. И вот кто-то их заметил и вступил в конфронтацию. Прибежал к властям за помощью. Что делают власти? Правильно. Сдают его в психушку. А там сидит психиатр – консерватор и конформист и, естественно, начинает пичкать нашего вестника Апокалипсиса лошадиными дозами транквилизаторов и нейролептиков. Так, чтобы тот забыл навсегда про инопланетян, а если он и имя своё забудет при этом, так нашему психиатру пофиг – главное, что он купировал острый приступ шизофрении. А инопланетяне тем временем осуществляют свои коварные замыслы. Так вот я не хочу оказаться тем психиатром и сильно удивляться, когда инопланетяне доберутся до моей задницы. Как же так? Я ведь всё делал по учебнику. И если некоторые факты указывают мне на то, что я вовсе не человек, а чьё-то сновидение, то я должен объективно и непредвзято разобраться в ситуации. И если окажется, что моё существование эфемерно, надо понять, что со всем этим делать.

– То есть тебе мало того, что ты сначала обсуждаешь некую теорию, а потом она находит отражение в твоём сне… Хорошо. Тогда следующий аргумент. Когда это случилось на крыше в первый раз, ты не стал затягивать процесс, кончил быстро, как человек, который очень долго не имел секса.

– Но потом я же исправился? Ты знаешь, это было одно из самых экзотических мест, где мне приходилось заниматься любовью, это тоже способствовало максимальной остроте ощущений…

– А у меня самое. И не нужно оправдываться, ты и в первый раз не накосячил. Я тоже была к этому подготовлена долгим воздержанием. А между тем в твоей якобы реальной жизни, – она сделала пальцами жест «кавычки», – ты имеешь эту свою космическую извращенку чуть не каждый день. Что ты на это скажешь, нонконформист ты махровый?

– Я скажу, что, похоже, персонаж из сновидения ревнует сновидца к реальной женщине.

– Ах ты негодяй!

Стейси сделала вид, что сейчас плеснёт в него содовой из стакана.

– Но-но. Вот это точно будет компрометация, – предостерёг её Александр.

Глава 7.

Второй раунд переговоров состоялся всё в той же комнате с подслеповатой мордой над камином.

– Буратино и Закари благодарят вас за привет от их друга, – начал старпом.

– Бывшего друга. Насколько я понимаю, расстались они не очень хорошо… – уточнил иерарх.

– Похоже на то. И по поводу спора: капитан Вентер считает, что ваш отец оказался прав.

– Что ж, наверное, папа был бы рад. А ведь вы могли бы скрыть этот факт от меня. Благодарю за честность.

– А мы не умеем врать и хитрить. Нас этому не учат, – гордо заявил старпом.

– Кто ж будет учить этому рабов? – с усмешкой парировал Анатолий Максимович. – Раб должен быть бесхитростен и покладист. И потом это умение, для которого не очень нужен наставник. Вот вы, например, если бы были похитрее, могли уничтожить танк ещё на подходе к вашей позиции.

Этот упрёк попал в цель. Камилю пришлось приложить огромное усилие, чтобы не выказать замешательства.

– А ещё, видимо, проникшись ко мне доверием, вы сегодня взяли всего одного своего металлического телохранителя и оставили его внизу, – он подошёл к камину, сунул в него руку и вытащил её оттуда уже с пистолетом. – При этом вы ведь совершенно не знаете, что у меня на уме.

У Леграна внутри всё похолодело. «Как же, чёрт возьми, глупо!» – подумал он.

– Вы наивны, как Буратино. Так говаривал мой отец, – иерарх засунул пистолет обратно. – Не бойтесь, я не заинтересован убивать посланника, потому что вы должны донести до вашего начальства следующую информацию. Им нужно знать, что под городом спрятан ядерный заряд, который при детонации, возможно, способен уничтожить всю планету. Один в своё время предпринял несколько экспедиций, разыскал около сотни неиспользованных ракет в пусковых шахтах, снял боеголовки и соорудил из них, как он её назвал, «Царь-мину» суммарной мощностью около двухсот мегатонн. Мне придётся активировать её, если не удастся убедить вас забыть свои претензии на Землю. Последствия от взрыва трудно предугадать, но то, что останется от планеты, вряд ли будет пригодно для жизни. А вот то, что в Омске погибнут все, то есть почти сорок тысяч человек, – это точно. Готовы ли Буратино и Закари взять на себя такую ответственность?

– Так не достанься же ты никому… – в задумчивости пробормотал Легран.

– Вот это да! Цитата. Да ещё из классики. Неужели вы читаете книги?

– Почему бы и нет? Правда, в основном во сне… Не важно. А вы сами готовы на такой поступок?

– Я готовился к нему всю жизнь.

В этот момент в дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Анатолий Максимович.

Дверь открылась, и на пороге появилась девушка, невысокая, но очень милая, с весёлыми голубыми глазами и светлыми, заплетёнными в толстую косу волосами. Её нетронутый бьютитрансформацией облик показался Камилю очаровательным.

– Это моя дочь, Надежда, – выяснилось, что этот монстр, который только что шантажировал уничтожением всех своих людей, и в том числе собственной дочери, способен улыбаться открыто и просто. – А это Камиль Легран – большой человек у пришельцев.

Старпом вскочил и резко поклонился.

Она улыбнулась и карикатурно повторила его движение головой.

– Вы чай будете? Есть мята и ягоды. Вам с чем?

– С удовольствием, – он тоже улыбнулся и даже не заметил нелепость своего ответа.

Она прыснула в кулачок.

– Так какой же? Папа, я знаю, будет мятный. А вам, может быть, ягодный?

– Да, давайте ягодный.

Она повернулась и сказала кому-то за дверью:

– Один с мятой и два ягодных, – посмотрела на отца. – Папа, я могу присутствовать?

– Почему нет? Официальная часть, будем считать, окончена, – иерарх вопросительно взглянул на гостя.

У Камиля были вопросы к нему, много вопросов, но он вдруг осознал их бессмысленность. Кроме того, ему очень захотелось, чтобы девушка осталась.

– Да. Я всё понял. Завтра же сообщу наш ответ.

– Ну и прекрасно! Значит, выпьем чаю, – иерарх потёр ладони. – Или, может быть, чего-нибудь покрепче?

– Если вы имеете в виду алкоголь или другие наркотики, то я вынужден отказаться. Среди эффектов их воздействия на организм нет ни одного полезного.

– А как же эйфория? Ощущение лёгкости бытия?

– Мы достигаем их иными способами, без вредных

последствий. Вот, – он достал из нарукавного кармана хрустальный флакончик с золотой крышечкой. – Хотите попробовать?

– Какой красивый, – Надежда даже руками всплеснула. – Можно?

– Сначала я! – Иерарх решительно протянул руку. – Мало ли что… Если помру, живым его отсюда не выпускайте.

Аромококтейли землянам понравились. Иерарх даже прослезился.

– Вот это да! Мощно! Вот по всему видно, Камиль, что ты хороший человек. Если бы все у вас такие были …

– И я далеко не лучший представитель терранавианцев.

– Врёшь! Не стал бы тогда мой родитель так противиться вашему возвращению. Вот у вас наверняка есть деньги до сих пор.

– Есть, конечно. А как же без денег? А у вас разве их нет?

– Нет. А зачем? Натуральное хозяйство рулит, – иерарх воздел указательный палец.

– А что такое деньги? – спросила Надежда, щурясь на искрящийся в солнечном луче пустой флакончик, подаренный ей Камилем. – Мы что-то такое проходили, но я не помню.

– Ну это… Мера всего. Они определяют, сколько что стоит, – проглотив кусок вкуснейшего торта с клубникой и запив его чаем, ответил Легран.

– Чушь. Что там они могут определять? Они что, по-твоему, разумны? – Возмутился Анатолий Максимович. – Деньги – ненужный посредник в процессе товарообмена. Средство для закабаления одних людей другими. А мерой они могут служить только для жадности. Вот скажи честно: тебе денег хватает?

– Да. У нас всем их хватает.

– Вот. Значит, они и вам не нужны. Денег должно постоянно не хватать. У большинства. А у некоторых их должно быть слишком много. Вы, со своими технологиями, наверняка живёте в эпоху изобилия. Деньги в вашем случае – атавизм. Они, как древние религии, были даны человечеству на тот период, пока оно взрослеет, чтобы детишки не передрались в песочнице. Когда станут умными, научатся договариваться между собой, не используя эти фантики для игры в монополию. А люди, которые пользуются ими вопреки исторической логике, – опасные маньяки.

– А как вы определяете, сколько стоит, например, этот торт? – этот аргумент показался Леграну очень остроумным.

– Полмешка картошки, – за отца ответила Наденька.

– А если у меня нет картошки?

– Тогда вот этот хрустальный пузырёк, – сказано это было так

мило, что мужчины заулыбались.

– Так вот, молодой человек, у вас деньги сохраняют искусственно, потому что олигархи ваши без денег – никто. Если не будет денег, то и власти у них не будет.

Эта мысль показалась Леграну интересной. Подобные идеи периодически приходили ему самому в голову, а земной вождь пришёл к ним абсолютно умозрительно, ничего не зная о жизненном укладе терранов.

После небольшой паузы иерарх заметил:

– Я вот тебя молодым человеком называю. Тыкаю. Так ты не обижайся. Я всем тыкаю. Привычка у меня такая. А ведь ты говорил, что вы научились жить вечно. Так сколько же тебе лет?

– Девяносто три.

– Ничего себе! – изумилась девушка. – Вы мне в прадедушки годитесь…

Камиль вежливо посмеялся, хотя такая интерпретация его возраста в её исполнении ему почему-то не понравилась.

– Скажите, а почему у вас уровень технического развития, насколько я успел заметить, застопорился на уровне какого-то стимпанка? – решил он уйти от темы возраста.

– Пар – это гармоничное сочетание трёх могучих стихий – огня, воды и воздуха, – торжественным басом произнёс Анатолий Максимович и далее продолжил несколько выше. – Папа утверждал, что паровая тяга должна стать вершиной научно-технического развития человечества, ведь она даёт ему возможность для относительно комфортного существования. Дальнейшее развитие технологий приводит к неконтролируемому увеличению потребностей и появлению излишков свободного времени, которое человек начинает тратить на изобретение способов уничтожения себе подобных.

– Церковь во все времена пыталась задержать развитие человечества… – укоризненно произнёс Легран.

Иерарх не дал ему продолжить и закричал своим самым высоким голосом:

– И слава богу! Нельзя, чтобы прогресс опережал развитие общества. Из-за того, что морально люди были не готовы к ядерному синтезу, мы получили атомные бомбы. Только благодаря тому что церковь тормозила прогресс, человечество протянуло на несколько сотен лет дольше.

После чая иерарх предложил старпому осмотреть город и окрестности. Сам он не сможет сопровождать гостя, дела. Зато свои услуги в качестве экскурсовода предложила Надежда. Гость, с трудом скрывая радость, согласился.

– Ну вот и прекрасно! – улыбнулся довольный Анатолий Максимович. – А за ужином… Кстати, Камиль, а как вас по отчеству?

– У нас нет отчеств.

– Вот как… Так вы же не откажетесь отужинать с нами, господин Легран?

– Благодарю вас, господин Одинцов. С удовольствием.

– С вашего позволения, не «господин», а «Ваше святейшество».

На экскурсию они отправились в настоящей карете, в которую были запряжены две пары лошадей. Камиль приказал дрону следовать за собой на такой высоте, чтобы он не был виден невооружённым глазом.

Карета из окрашенных зелёной краской досок, окованных по углам бронзовыми пластинами, была простенькая, без финтифлюшек, но внушающая уважение размерами и благородными очертаниями. На дверце размещался герб в виде кипенно-белого щита, разделённого пополам горизонтально красной кирпичной стеной, под щитом на развивающейся ленте значились слова «Оный есть главная крепость».

Лошади были под стать карете: не самые роскошные, но очень крепкие, рыжие, с черными гривами и хвостами. Кучер, стараясь соответствовать статусу экипажа, восседал на ко́злах с невероятно важным видом.

– А почему всё-таки лошади, а не ваш этот хвалёный пар? – удивился старпом.

– Вы просто сравните запах. Или лошади, или дым, копоть и горячее машинное масло, – Наденька потрепала за ухом одну из лошадей, та довольно фыркнула. – Когда спешить никуда не надо, мы предпочитаем конную тягу. Шума опять же меньше…

– А что, ваши паровые машины могут обогнать скакуна?

Девушка улыбнулась.

– Конечно! Они до ста километров в час легко разгоняются. А могли бы и быстрее, если бы дороги были хорошие.

Внутри кареты обнаружились мягкие сиденья с пуговицами, делящими красные кожаные подушки на ромбы. Камиль и Надежда уселись друг напротив друга. Экипаж тронулся, уютно скрипя и покачиваясь на рессорах.

Первым пунктом был кирпичный завод, который располагался на севере, сразу за городской стеной.

Им пришлось довольно долго ждать своей очереди на въезде в заводские ворота. На территорию непрерывно ползла вереница подвод и паровых грузовиков, порожних или гружённых дровами

и жёлтой глиной.

Выезжали они уставленные аккуратными кирпичными штабелями, уложенными ёлочкой. Лошади при этом имели вид совершенно ошалелый, они напрягали жилы и сыромятные постромки так, что казалось, те вот-вот порвутся. Грузовики лишь громче стучали поршнями, чаще выпускали клубы чёрного дыма из труб и реже белые облака стравливаемого через предохранительные клапаны давления. Люди при этом сохраняли спокойствие, даже веселились, особенно водители автомобилей, которые подтрунивали над извозчиками и пугали лошадей сиплыми паровыми свистками. При этом никто не торопился уступать место правительственной карете.

– Это буквально наше градообразующее предприятие. Почти все дома у нас кирпичные. Из дерева строят свои посёлки только лесорубы в тайге на востоке, – деловито пояснила Надежда.

Она приказала кучеру поставить карету в сторонке и предложила Леграну пешком проследовать через проходную.

Видно было, что Надежда знает устройство завода досконально. Безошибочно вела она гостя по пути производственного процесса. Доходчиво объясняла, легко управляясь со специальными терминами: «шихта́», «вальцы́», «экстру́зия», «о́бжиг».

– А где у вас склад готовой продукции? – поинтересовался для проформы Камиль.

– Там, у забора. Но кирпичи разбирают сразу. Они не накапливаются. В последнее время мы очень много строим.

Встреченные ими рабочие радовались при виде своей «принцессы», как они её называли с ощутимой любовью. С удовольствием рассказывали про свои дела, перекрикивая шум механизмов. Расспрашивали сами, в основном про здоровье отца, передавали ему приветы.

Обойдя территорию по кругу, они вновь оказались у проходной.

– Тут рядом ещё стекольная фабрика и завод по переработке металлолома. Карету можно не брать. Идёмте? – Надежда была полна энтузиазма.

– С меня, наверное, хватит промышленности. Давайте туда, где потише, – взмолился Легран.

– Хорошо! Тогда едем за город.

«За город» оказалось понятие условное; поля, сады и огороды были разбиты прямо среди руин, стены разрушенных домов служили им оградами, а бывшая ливнёвка вдоль дорог – арыками.

Легран предпочёл осматривать сельхозугодия из окна кареты. Сейчас, в августе, они выглядели впечатляюще. Поля картофеля,

пшеницы, ржи, подсолнечника, кукурузы и конопли цвели и колосились, входили в силу, в общем, набирали максимум биомассы, как им и было положено на излёте лета.

То же происходило с яблоневыми, грушевыми, вишнёвыми и прочими фруктовыми садами. А также полями, засеянными огурцами, помидорами и бахчевыми культурами. Тут росли даже арбузы и дыни.

– Климат здорово потеплел здесь после катастрофы. Мы бы и бананы могли выращивать, если б семян раздобыть, – мечтательно произнесла Надежда.

– А у нас есть на «Луче надежды». Могу привезти… Это так наш основной корабль называется, – заметил он её удивление по поводу названия корабля, созвучного её собственному имени.

– Забавно. А по поводу семян, это вы с папой договаривайтесь. Я не уполномочена.

Попадающиеся по пути крестьяне тоже были очень приветливы. Они отвлекались от своих грядок или дымящихся, как жерла вулканов, тракторов и комбайнов, улыбались и махали карете руками. Они вообще много улыбались, эти земляне, но при этом были степенны и полны самоуважения. Одежду носили простую, но удобную и крепкую.

От посещения животноводческой фермы Легран решительно отказался.

– Мне будет тяжело на это смотреть. Мы выращиваем мясо в лабораториях. Животные наши друзья. Некоторые даже разговаривают.

Принцесса рассмеялась, очевидно приняв его последние слова за шутку.

– Как хотите. Давайте я тогда покажу вам моё любимое место для прогулок.

Карета свернула на грунтовую дорогу и спустилась по ней к реке.

– А вы знаете, почему вообще появляются степи? – спросила, очевидно тяготящаяся молчанием, Надежда.

– Климат, наверное, – предположил Легран.

– Да нет. Климат тут ни при чём. Всё зависит от глубины, на которой находится водоносный слой почвы. Вот на востоке есть тайга и на юге полно лесов, а тут в основном степь. Потому что корни молодых деревьев до воды не достают. Леса растут только возле водоёмов.

Пока они шли по тропинке вдоль обильно заросшего ивами и осинами берега реки, она болтала без умолку. Рассказывала о том, что хлопок растёт здесь плохо, поэтому они выращивают коноплю, которая из-за перемены климата достигает высоты в два

человеческих роста, и из её волокон получаются прекрасные верёвки и ткани. Что из домашних животных удалось сохранить всех по-настоящему полезных: коров, свиней, овец, лошадей и собак с кошками. Один взял их с собой в бункер, как когда-то Ной своих попутчиков. Причём в количествах, достаточных для воспроизведения жизнеспособной популяции…

Камиля всё это не слишком интересовало, но Надежда была так искренна в желании просветить пришельца, что он изо всех сил изображал интерес, любуясь украдкой её возбуждённым и увлечённым лицом.

– Речные флора и фауна меньше подвержены влиянию негативных последствий ядерных бомбардировок. У нас здесь столько рыбы… – она радостно засмеялась. – Стерлядь стала огромная, как осётр. Во время нереста реку по рыбьим спинам перейти можно. На ужин икра из неё будет, попробуйте обязательно. Вас рыбзавод, кстати, не интересует? Можем доехать, тут недалеко.

– Вы мне лучше расскажите, как так получается, что вы вот про всё про это знаете, а про деньги нет.

– Я изучаю те области знаний, которые могут принести пользу. А какая польза от денег? Зачем засорять себе голову?

– А зачем вам эта практическая информация?

– Папа хочет, чтобы я стала его преемницей, но мне, если честно, хочется совсем другого… Как всем женщинам, наверное. Семью, детей…

– А на Терра Нове нет семей. Дети выводятся в пробирках, – поведал Камиль.

– Как это печально. Как вы так живёте? – глаза её сразу заблестели от слёз. – Вот почему у вас нет отчеств… – Надя украдкой промокнула глаза платочком, который прятала в рукаве. – Что-то я разоткровенничалась с вами. Просто, когда узнала, сколько вам лет, мне как-то уютно стало в вашей компании. Вообще не знаю, как себя с вами вести: и умом не ребёнок, и телом не старик.

– А ведите, как ведётся, – беспечно ответил Легран. Ему тоже было с ней очень легко.

Надежда была совсем не такая, как женщины, которые его окружали всю жизнь. И он ловил себя на том, что ему это очень нравится. «Наверное, не для того нам дана разная физиология, чтобы мы вели себя одинаково».

– Послушайте. Какие люди у вас замечательные! – Воскликнул он. – Явно знают, что делают и для чего живут. Даже как-то захотелось побыть здесь какое-то время, чтобы понять вас, научиться так же гармонично взаимодействовать со вселенной.

– А почему бы вам не вернуться на свою планету? – вдруг, став серьёзной, спросила Надежда. – Планета, с которой вы прилетели, – это же ваша родина фактически. Вы же там родились.

Старпому даже стало обидно – казалось бы, они так мило беседовали…

Он так же серьёзно ответил:

– Не все. Наши старейшины – земляне. Триста сорок два года они страшно скучали по этой планете. Рассказывали нам о ней, говорили, что мы все – дети Земли и что когда-нибудь вернёмся в её лоно… Да и, если честно, Терра Нова – эта та родина, которую хочется любить на расстоянии. Мы всегда относились к гигантской ледяной глыбе, как ко временному пристанищу перед новым великим исходом. Никогда человек не привыкнет к холоду, даже если родился в сугробе. А эти постоянные вспышки на проклятом красном карлике… То электричества нет, то воды. Город растёт, энергии постоянно не хватает. Сплошные проблемы и борьба со стихией.

Это Легран произнёс вслух, а про себя подумал: «А действительно, почему? Далась нам эта Земля… Наверняка можно было бы поближе планетку отыскать, и более пригодную для жизни, чем Терра Нова, а ведь даже не пытались…»

И вот тут у него в мозгу ярко вспыхнули слова Буратино о райской планете где-то в созвездии Лиры…

– Надя, вы возвращайтесь к карете, пожалуйста, – мне нужно с начальством связаться. Я через несколько минут подойду.

– Хорошо. Только не заблудитесь. И давайте поскорее, папа ждёт уже, наверное.

Глава 8.

За ужином, который проходил в просторном зале с огромными, полукруглыми сверху окнами, присутствовала всё таже троица. Стол ломился от яств. Иерарх решил продемонстрировать все достижения постапокалиптического натурального хозяйства в гастрономической области. Тут были мясные и рыбные блюда. И горячие, и холодные. Всевозможные салаты, закуски и выпечка. А посередине стояла некогда роскошная фарфоровая супница с отбитой ручкой и трещиной в крышке, через которую выходил чрезвычайно ароматный пар.

За время экскурсии иерарх успел управиться со всеми своими делами и, видимо, выпить, чтобы снять стресс после тяжёлого рабочего дня – он был чересчур словоохотлив и весел.

Девушка, в нарядном сарафане до полу с отделкой из

бахромы, которая прислуживала за столом, налила старпому тарелку золотистой стерляжьей ухи и тут же полную рюмку прозрачной жидкости из хрустального графина.

– Ну, Камиль, давайте! Мы ваши флакончики понюхали, теперь и вы нашего угощения отведайте. Стерляжья уха и пшеничная водка «Омичка», только натуральные продукты и никаких сивушных масел, – тоном, как из старинной телевизионной рекламы, прокомментировал иерарх. – Надя, а ты наш спиртзавод показала гостю?

– Нет, папа. Не успела.

– Эх ты. А я бы прямо с него экскурсию начал. Мы там такую линию очистки запустили… Ну! За что выпьем?

– Анатолий Максимович, я уже говорил вам, мы не употребляем веществ, наносящих вред здоровью, – категорично отказался Легран.

– Да какой там вред?.. – начал было иерарх добродушно и высоко, но вдруг оборвал себя. Поставил свою рюмку, встал, упираясь руками на стол, и тяжело исподлобья поглядел на Камиля. – Знаешь, что я тебе скажу? – взял он гораздо ниже и снова перешёл на «ты», – Если откажешься выпить со мной, я буду расценивать это как неуважение к нашей переговорной стороне и оскорбление чувств всех выпивох мира. Переговоры будут считаться законченными!

Камиль поколебался и махнул рукой.

– А ладно! Давайте выпьем за мир и взаимовыгодное сотрудничество!

Выпил, задохнулся с непривычки и быстро закусил ложкой ухи с кусочком нежнейшего розоватого мяса.

– Что это ты не чокаясь? Ладно. За мир выпью, – ответил иерарх и замахнул свою рюмку не закусывая, потом продолжил сипло: – А сотрудничества у нас никакого и быть не может. Разве что, в одном случае. Топливо вам можем помочь добыть на обратную дорогу, если у вас с этим проблемы.

И только теперь закусил.

Надежда сама ела и пила мало. Она чокалась своей рюмочкой, потом пригубливала или только делала вид. Её функция за столом состояла в основном в ухаживании за гостем.

– Вот буженина, попробуйте, во рту тает.

– Камиль, почему вы так мало едите? Вечно вы так не протянете.

– А вот это обязательно попробуйте. И не смейте отказываться! Это моё фирменное блюдо.

– Ирочка, налей гостю!

До этого Камиль употреблял водку только во сне, и тогда,

надо сказать, он ощущал её присутствие в организме гораздо острее. В реале могучий организм терранавианца гораздо более стойко противостоял пагубному воздействию алкоголя на мозг. Он чувствовал лишь лёгкую эйфорию и комфорт от общения с необычными, но приятными ему людьми.

– Анатолий Максимович, а давайте мы вам всем жизнь лет на триста продлим? А ещё так сделаем, чтоб ваши дети жили вечно! Как вы на это смотрите?

– Хороший ты человек, Камилька, а не понимаешь простых вещей. Мы живём по заветам моего отца. А он велел вас ссаными тряпками с планеты гнать, а не за вечную жизнь вам продаваться.

– Но послушай же ты, ваше святейшество! Вещи, которые вас окружают, существуют дольше, чем вы – это же противоестественно! Вам не обидно, что тупая чугунная рожа на камине существует во много раз дольше людей, которые её создали? Вы даже не все видели своих дедушек или бабушек.

– Мы тоже, в некотором роде, живём вечно. Только в отличие от вас нас не страшит кончина бренной оболочки. Вот тебе сколько лет? Двести? Триста?

– Я же говорил. Всего девяносто три.

– А. Ну да. Так вот, а я пацан по сравнению с тобой пятидесятилетний. Ты столько лет изучал эту свою науку, через космос летал. А можешь мне, пацану, привести хоть одно стоящее доказательство отсутствия бога?

– Могу, конечно. И не одно, – слукавил Камиль. – Но я устану тебе объяснять. Ты не готов воспринять мои доказательства чисто теоретически.

– Так вот и я устану тебе объяснять, что он есть. Ты не готов практически. Чем больше вы живёте, тем больше боитесь смерти. А мы живём нормальную человеческую жизнь и в смерти видим просто переход на другой уровень.

– Мы не просто боимся умереть, а с каждым годом, с каждым днём ценим жизнь всё больше…

– Ты мне лучше вот что скажи. А что там с инопланетянами? – Резко поменял вектор беседы иерарх. – Неужели вы так ни разу их не повстречали?

– Нет. И у нас вот телескоп есть в одной из точек Лагранжа, на гало-орбите, или орбите Лиссажу… не знаю, как вы сейчас это называете…

– А никак не называем – нам оно без надобности, – ухмыльнулся Анатолий Максимович и пропел нарочито противным козлетоном: – Между точками Лагранжа на ракете я скольжу, то на гало я орбите, а то вовсе Лиссажу…

Надежда хихикнула. Легран улыбнулся для приличия и

закончил мысль:

– Так вот даже этот телескоп нигде в радиусе тысяч и тысяч парсеков никаких следов разумной жизни не обнаружил.

– Скажи, а вот это для тебя не является доказательством существования высшей силы? – обрадовался иерарх. – Если бы цивилизации создавались сами по себе, их было бы бесконечное множество, как галактик во вселенной…

– Так оно и есть! Просто вероятность появления разумной жизни настолько мала, что мы пока до них никак долететь не можем, и они до нас тоже. Вселенная ещё эта расширяется постоянно с бешеной, нечеловеческой скоростью, будь она неладна… Но ничего! Вечная жизнь затем ещё нужна, чтобы когда-нибудь братьев по разуму отыскать.

Камиль был очень доволен этой своей, как он её расценил, логической победой, и после очередной рюмки у него появилась отличная идея, которую он тут же и предложил:

– Ваше святейшество, а давайте прямо сейчас начнём третий раунд переговоров! Дело в том, что когда мы катались с вашей дочерью на карете, я побеседовал с руководством и готов озвучить позицию нашей стороны.

Анатолий Максимович даже хрюкнул от неожиданности.

– Ну ты даёшь! И пофиг, что бухие?

Старпом решительно кивнул.

– А давай! – иерарх стукнул кулаком по столу и зацепил блюдечко с жемчужного цвета стерляжьей икрой. Блюдечко полетело на пол и разбилось. Он облизал испачканный кулак. — Надежда, оставь нас, пожалуйста. И распорядись, чтоб чайку сделали с мятой две кружечки. А вас, господин посол, попрошу проследовать в комнату для переговоров.

Когда они поднялись в кабинет с камином и уселись в кресла, представитель терранавианцев заявил:

– Власть предержащие цепляются за жизнь сильнее простых смертных, потому что фуфло, с помощью которого они их разводят, на них самих не действует. Никакую бомбу он не взорвёт, даже если бы она была. Это я цитирую нашего капитана. Смысл такой, что мы на ваш ядерный шантаж не поведёмся. Ясно вам?

Иерарх молча встал, подошёл к рабочему столу. Пыхтя и чертыхаясь, повозился с замком верхнего ящика. Достал наконец небольшую плоскую коробку, обтянутую чёрной тканью, от которой к ящику тянулся толстый провод, сел в рабочее кресло, и открыл крышку. Под ней оказалась круглая красная кнопка.

– Ну давай. На счёт три. Раз. Два…

Иерарх уверенно занёс растопыренную ладонь над кнопкой.

Глаза его вдруг стали трезвыми абсолютно и смотрели прямо на пришельца из-под сурово сдвинутых бровей.

– Не надо! Прошу вас! Ради Надежды, – вскричал, не выдержав, Камиль. Он даже вскочил и руки протянул к иерарху.

– Ну вот, а говоришь – фуфло, – удовлетворённо отметил Анатолий Максимович, возвращая коробку на место. – Давай-ка чайку треснем и спать. Я тебя в комнате для гостей положу. Тут, прямо через стенку. Ты не против?

Когда Камиль пытался уснуть на необычно мягкой для него постели, в комнату вошла Ирочка. На ней была только ночная рубашка, по покрою отличающаяся от сарафана, в котором она прислуживала за столом только длиной – бахрома едва прикрывала ей коленки. Она спросила игриво:

– Как вы тут, не скучаете? Может, хотите чего?

– Уходи, ничего не надо, – пробурчал очень пьяный на самом деле старпом.

Глава 9.

Сновидение было настолько реалистичным, что по пробуждении Невструев ожидал ощутить последствия алкогольной интоксикации. К счастью, гипносон таким побочным эффектом не обладал. Самочувствие было превосходным, да и настроение тоже.

За обедом он сам подсел к своей психологине.

– Стейси, а вы не считаете, что необходимо повторить сеанс иерусалимотерапии? А то я чувствую, что у меня опять, кажется, начинаются признаки деперсонализации.

– А вы аморальный тип, Александр, – преувеличенно надменно ответила она. – А что, если, к примеру, у меня кто-то есть? То, что произошло в Иерусалиме, должно остаться в Иерусалиме… Да я шучу, – заметила она его вытянувшуюся физиономию. – Зачем же опять в Джерус? Можно, например, в Акко поехать. Я очень люблю этот город. И море.

– Да нет. Я не хочу снова отдыхать за твой счёт, – Стейси открыла было рот, чтобы возразить, но он не дал ей этого сделать. – Мне тут жена сообщила, что на неделю в Грецию уезжает и великодушно позволяет мне пожить в нашей квартире это время. Поэтому имею честь пригласить вас в гости, мадам.

– Ну вот. Гости начались… Скоро с родителями, наверное, познакомишь. А потом и до свадьбы недалеко.

– А почему бы и нет? Что нам мешает?

– То, что ты совсем недавно развёлся. Даже официально не

расстался с женой. Ещё не пережил травму. Ничего хорошего на этом фоне у нас не получится.

– На самом деле расстались мы давно. Просто по инерции последнее время вместе жили. К тому же день в космосе за месяц идёт. Так что всё у нас получится, если захотим.

– Хорошо, Александр. Я найду повод устроить вам сегодня выходной от гипносна. Например, ваша жалоба на возвращение эпизодов деперсонализации.

Всё это было произнесено весёлым, игривым тоном, но на самом деле никто из них не шутил.

Невструев расценивал случайное столкновение с компанией *Golden Key* как чрезвычайно для себя счастливое, ибо сделало оно все неприятности последних месяцев настолько далёкими, что воспринимались они теперь исключительно как события «из прошлой жизни». Как будто бы с ним произошла эдакая прижизненная реинкарнация. Но, как это ни парадоксально, воспринималось всё это совершенно логично, как будто бы он всегда к этому целенаправленно стремился. Он начинающий писатель, который участвует в эксперименте по развитию творческих способностей во сне. По здравому размышлению, он понимал, что его личной заслуги во всём этом мало и во всём этом много чудесного и невероятного, но общее ощущение было таким, как будто так всё и должно быть. И то, что им взаимно заинтересовалась женщина – успешный психолог, вполне укладывалось в картину этого его нового мира. Он был действительно не прочь предпринять шаги, способствующие развитию этих отношений.

Что же касается госпожи Копхилер, то к своим сорока годам она оказалась одинока. Но вовсе не из идейных соображений – несмотря на независимый нрав, она вовсе не была против брака. Просто не встретился ей на жизненном пути достойный мужчина. Не повезло, или ожидания были завышены. С возрастом планка эта начала опускаться, но и мужички стали попадаться всё захудалее. Было ей с ними скучно, и если не в диалоге, то в постели. Были и обратные варианты, но она не могла для себя определиться, какие отношения хуже: с неуклюжим умником или неугомонным придурком. В случае же с Александром скучать ей не приходилось. Кроме того, Невструев и внешне, и манерами напоминал её отца, и этот аргумент сразил её, как психолога, окончательно. Папа был неплохим, но мало кому известным поэтом, Стейси видела творческий потенциал в Невструеве и хотела помочь ему состояться на писательском поприще. Гипотетически она готова была выйти замуж за лейтенанта, чтобы в конце концов стать генеральшей. Единственное, что её

смущало, опять же как психолога, так это его недавний развод.

У обоих, благодаря профессиональной деформации, был весьма избирательный и настороженный подход к людям. Друг другу они показались относительно нормальными психически, а следовательно, подходящими объектами для столь нужных обоим отношений. По сути, их поездка в Иерусалим явилась осознанной попыткой сблизиться и, по возможности, полюбить. И это им обоим удалось.

Александр решил сделать её приход в гости не менее запоминающимся, чем совместный визит в столицу еврейского государства. Сразу после обеда он уехал из *Golden Key*, раздобыл немного денег у знакомых, купил шампанского, фруктов, свечей и благовоний. В цветочном магазине нашёл чуть подвядший большой букет красных роз и приобрёл его со значительной скидкой, благо продавщица оказалась русскоговорящая.

Эти приготовления его несколько развлекли. Невструев не привык устраивать подобные мероприятия, за женой в своё время ухаживал без подобных заморочек. Нет, конечно же, не потому, что он не был достаточно романтичен, и тем более не потому, что чудесным образом предвидел их расставание в будущем и не слишком дорожил отношениями. Как-то раз в разгаре конфетно-букетного периода он даже устроил Анне свидание с ужином, официантом и скрипачом на крыше, но весь вечер его не оставляло чувство неловкости перед обслуживающим персоналом, делать вид, что он привык к VIP-обслуживанию, не получалось. Этот эпизод напрочь отбил у него охоту к банальной романтике, поэтому, например, ванны с лепестками роз так он ни разу и не организовал. Но в новой жизни Александр решился на эксперимент.

На первый взгляд, в квартире следов присутствия посторонних мужчин не наблюдалось. Однако в кухонном шкафу обнаружились два узких фужера для шампанского, то ли серебряный, то ли посеребрённый подносик и такое же ведёрко для льда. Всего этого раньше не было, только винные бокалы и рюмки. «Значит, старый, хрен Лозон всё-таки был здесь, – без ревности подумал Невструев. – Надо же, как удачно!»

Его вещи были аккуратно разложены по трём сумкам. То, что он заберёт их, было одним из условий, выставленных женой. Она так и сказала: «Можешь даже бабу привести, только вещи свои забери, а не то выкину!» Александр нашёл белую рубашку и строгую чёрную бабочку – вот, оказывается, для какого случая привезённую из России.

За полчаса до прихода Стейси он уставил чайными свечами в алюминиевых чашечках и усыпал розовыми лепестками дорожку

в санузел. Выпотрошил в наполненную водой и пеной ванну букет, прилепил на двусторонний скотч свечи к бортам купели, поставил бутылку в ведёрко со льдом. Волновался при этом совершенно как школьник. Стейси опоздала всего на пять минут, но он за это время успел поседеть из-за переживаний насчёт того, что вода в ванной остынет, пена осядет, а свечи догорят. Тут ещё оказалось, что ведёрко пропускает воду… «И никакое это не серебро!» – понял Александр.

Стейси позвонила в дверь. Он крикнул «Войдите!» и спрятался на кухне, ощущая, как сердце колотится у него где-то в горле. Теперь он переживал о том, догадается ли Стейси, что ей нужно делать.

Она догадалась. С тихим смехом прошла вдоль свечной дорожки и вошла в ванную. Через пару минут он услышал плеск воды. Подождал ещё минуту. И с подносиком, на котором стояли два фужера, в одной руке и с ведёрком в другой подошёл к двери.

– Можно?

– Entrez, s'il-vous-plaît! – прозвучало с великолепным французским грассированием, а может, и с еврейским, Александр не особенно разбирался.

Он вошёл.

В Израиле ванны, скорее всего из соображений экономии, не такие глубокие и длинные, как, например, в России; из-под лепестков было видно гораздо больше Стейси, чем он рассчитывал. Её грудь и колени при таком освещении казались тёмными, как у мулатки.

– Шампанского? – подобострастно, по-лакейски спросил Александр.

– Не откажусь, – ответила она надменно, потом проворковала: – Господи, Саша. Как здорово! Меня так ещё никто не удивлял. Максимум, на что я могла рассчитывать, – это скрипач на крыше…

И засмеялась, запрокинув голову.

Тут произошло то, на что он никак не рассчитывал. Прежде чем залезть в воду, она собрала волосы в пучок над головой, чтобы не намочить, и теперь они, совершенно сухие, попали в свечное пламя и мгновенно покрылись огненными змейками.

Александр понял, что времени на объяснения у него нет, подскочил, при этом фужеры с подносом полетели на пол, и дёрнул её за ноги, чтобы голова погрузилась в воду. Сразу же отпустил.

Стейси вынырнула и вскочила на ноги, чуть не поскользнувшись. Глаза её со страхом и непониманием вытаращились на Невструева. Она замахнулась на него.

Он закрылся руками и закричал:

– Погоди! Я тебя тушил! У тебя волосы загорелись.

Она остановилась. Потом спросила:

– Где полотенце?

Он метнулся к сушилке, на которой висело заранее приготовленное большое махровое полотенце. Лицо он старался отворачивать – его какого-то чёрта начал разбирать смех от осознания комизма произошедшего, но он боялся обидеть её ещё больше. Но Стейси, похоже, всё-таки заметила его ужимки и… к его облегчению, сама улыбнулась.

– Знаете что, Александр? В жопу такую романтику!

Тут он уже захохотал, больше не в состоянии сдерживаться. Стейси за ним.

Оказалось, что волосы пострадали незначительно, она распустила их, и опалённые места стали совсем незаметны.

В спальне, куда они перешли, чтобы продолжить столь неудачно начавшийся романтический вечер, он предложил тост за свою музу.

– Муза, значит? По-твоему, я музицировать сюда пришла? – откликнулась Стейси.

– Мы что-то развеселились слишком. Давай-ка за чувство меры!

– Давай. Только не чокаясь.

Они много смеялись в тот вечер, так, что им сложно было перейти к ласкам и поцелуям.

Глубоко за полночь Невструев изрёк:

– Помнишь? Я позволял себе циничные высказывания по поводу любви? Так вот после встречи с тобой у меня появилась новая гипотеза. Теперь мне представляется, что любовь – это глубоко субъективное, внутреннее чувство. И его мера у каждого своя. Оно сродни энергии, и есть у него два состояния: потенциальное и кинетическое. В первом оно сидит внутри человека и требует выхода, во втором, при наличии объекта приложения, – выплёскивается на него. При желании этот поток можно перенаправить, как выхлоп дюз фотонного двигателя, и вот уже корабль летит по новой траектории к новой звезде.

– Но тогда получается, что это чувство может быть обращено на кого угодно?

– Ну да. Это как в винтажном фильме «Влюблён по собственному желанию». Не видела? Так вот сейчас мне кажется, что ты самый подходящий объект для этого чувства.

– Да-а-а, – задумчиво протянула Стейси. – Так мне в любви ещё ни разу не признавались. Даже не знаю, как реагировать: на

шею тебе кинуться или по морде дать…

На самом деле второй вариант она всерьёз не рассматривала. Её поразил до глубины души тот факт, что примерно ту же «теорию любви» излагал ей когда-то папа.

Глава 10.

Камиль проснулся с таким чувством, будто проспал двое суток.

Во сне при этом произошли двухдневные события жизни его альтернативной личности. После ночи, проведённой со Стейси, Невструев поехал с ней в *Golden Key* и весь день просидел в библиотеке, перечитывая и редактируя всё написанное ранее. Потом подопытный отправился в саркофаг, чтобы уснуть и проснуться через полтысячелетия.

На самом деле вместо обычных восьми часов старпом проспал десять. Чип, погружающий его в состояние гипносна, отметил повышенное содержание продуктов распада токсичных веществ в крови и продлил сон из терапевтических соображений. Старпом был бодр и наполнен позитивными эмоциями, благодаря переживаниям, полученным в виртуальной реальности. Смущали немного воспоминания о вчерашнем дне, вернее вечере, когда он решился на эксперимент с земным алкоголем и на этом фоне потерпел сокрушительное дипломатическое фиаско.

Закари Вентер ещё подлил масла в огонь во время сеанса связи.

– Посол, конечно, из тебя что из варенья дуля, – когда капитан злился, его псевдофразеологизмы становились совсем абстрактными. – Что за переговоры за рюмкой?! Для этого много тренироваться надо, как твой оппонент, например.

Майкл Гольденберг, также пожелавший поучаствовать в разносе старпома, добавил:

– Он блефовал, а ты просто испугался. Мальчишка!

– Если есть ненулевая вероятность того, что это не блеф, мы, как люди цивилизованные, не должны ею пренебрегать, – заметил в ответ Камиль.

– В любом случае я вообще не понимаю, зачем мы с ними миндальничаем? – Отмахнулся Гольденберг. – Мало места на планете, что ли, осталось? Она уже оправилась от последствий ядерной войны. Пускай они у себя в Сибири сидят на своей паровой тяге и на мине атомной, если она вообще существует. Мы с ними, может, никогда не пересечёмся.

– А что будет, если пересечёмся? – угрюмо поинтересовался Легран. – Допустим, омичи будут придерживаться своей доктрины сдерживания прогресса, но мы-то не будем. А это подразумевает экспоненциальный рост населения в благоприятных природных условиях и, как следствие, экспансию по всей планете. И когда-нибудь дело дойдёт до красной кнопки.

Я предлагаю заправиться и лететь на райскую планету, которую нашёл Буратино, – неожиданно для себя предложил Легран, видимо, пары вчерашнего алкоголя всё-таки выветрились не до конца.

Гольденберг мрачно ухмыльнулся:

– Он и тебе о ней рассказал? Так туда лететь девяносто лет. Я, боюсь, не долечу. Да и ещё многие. Вряд ли кому-то из отцов-основателей захочется помереть в космосе. Мы вернулись сюда, чтобы быть похороненными в родной земле.

– Подобные навязчивые идеи не к лицу лидеру цивилизованного общества, господин Гольденберг, – напомнил о своём незримом присутствии Буратино.

– Это память предков. Тебе не понять, искусственный ты интеллект, – огрызнулся Гольденберг. – Мне нравится идея с поселением в районе Иерусалима. Именно на территории Израиля я и хочу обосноваться. У нас была конкретная договорённость: вы должны оставить нас там, где мы захотим.

– То есть из-за двадцати старых солонок почти тысяча вечных людей должна жить в не самых лучших условиях в обозримой Вселенной? – мрачно спросил его капитан.

– А мы никого не заставляем. Хотите – летите хоть к чёрту на рога! – предводитель олигархической клики явно был готов к этому разговору. – А с нами пусть останутся добровольцы. Эмбрионы поделим пропорционально – по тысяче на брата.

– Вы прекрасно знаете, Майкл, что останутся все. Вы сами воспитали их так, что без служения вам они своего существования не мыслят, – констатировал очевидное Буратино.

– Как бы то ни было, каждый волен сам выбирать свою судьбу, – ухмылка Гольденберга превратилась в хищный оскал. – Я говорил с представителями других семей. Самсоновы, Аль-Ахмади и Шуньфу намерены поселиться вместе с нами, чтобы увеличить вероятность успеха миссии по возрождению земного человечества.

– И Шуньфу тоже? – удивился Закари.

– Да! И Шуньфу, – отрезал олигарх.

– В таком случае я прошу разрешения на поиск топлива на девяносто лет межзвёздного путешествия, – заявил старпом.

– Одобряю. Вреда не будет. Золото – оно это… как его?.. хоть и тяжело, да к верху тянет, – поставил точку в разговоре капитан и почти не переврал поговорку.

– А не влетит тебе за то, что ты мне всё это рассказал? – почесал в затылке иерарх после того, как Камиль посвятил его в планы олигархов.

– Одно время я увлекался земной историей и пришёл к следующим выводам. Все беды человечества происходят по трём причинам: из-за жадности, глупости и лжи. Корыстные и хитрые люди, благодаря умственной отсталости остальных, успешно врут, чтобы получить личную выгоду, – изрёк Камиль. – Вы, Анатолий Максимович, считаете, что правдивость и бесхитростность – пережитки рабской психологии. Как вам угодно. Мне же представляется, что, если бы все говорили правду, проблем было бы гораздо меньше.

– Может, ты и прав, Камиль… Так же говорила моя жена. Она умерла, при родах Наденьки девятнадцать лет назад… – он тряхнул головой, отгоняя воспоминания. – Так что ты предлагаешь?

– Соболезную… – Камиль сделал паузу. – А эти пусть живут, где хотят, Анатолий Максимович. У вас есть аргумент, чтобы они к вам не лезли.

– Почему ты говоришь «они»? Ты сам разве не с ними?

– А я полечу дальше. На идеальную планету, чтобы создать идеальное человечество без религиозных заблуждений и рабской психологии. Надо только золота найти побольше.

– Что за страсть к презренному металлу? Вам-то оно зачем?

– Оно служит топливом для нашего межзвёздного корабля.

– Надо же, как цинично, – оценил Анатолий Максимович.

– Папа, я бы тоже хотела участвовать в этих поисках, – заявила Надежда, которая всё время присутствовала при разговоре.

– Это зачем ещё? – удивился иерарх.

– Хочу мир посмотреть. Да и семян поищу полезных. Это всё может пойти на пользу нашей общине.

Анатолий Максимович какое-то время размышлял.

– Хорошо. Назовём это этноботанической экспедицией. Вы, господин Легран, можете поручиться за безопасность Надежды?

– Конечно! – С трудом сдержал радость Камиль. – Думаю, что никого опасней вас на планете не существует. А от остальных угроз как-нибудь защитимся.

– Головой за неё отвечаешь! И не только своей. Ты знаешь, что на крайний случай у меня есть кнопка.

– Ну что, Надя, вы готовы? – спросил Камиль, когда они уселись в турбоплане.

Девушка была бледна, но вид имела решительный.

– Готова, – прошептала она, почти не шевеля губами.

В следующий момент аппарат взвился над городом и стал стремительно набирать высоту. Старпом сделал это чуть резче,

чем обычно, чтобы впечатлить девушку. И похоже, перестарался – у него заложило в ушах от пронзительного визга. Он испугался, прекратил подъём и даже хотел посадить аппарат. Но, когда посмотрел на Надежду, оказалось, что это был визг восторга.

– Давайте, давайте, Камиль! Что же вы? Выше! Выше! – она смеялась и смотрела вниз с детской радостью.

Камиль направил машину прямо на солнце. Через несколько секунд город внизу превратился в серую паутину, натянутую между зелёными ветками рек, потом растворился в облачной дымке за кормовыми турбинами. Земля теперь видна была на тысячи километров во все стороны, края её начали заворачиваться, а у пронзительно-голубого неба появилась чёрная космическая окантовка. Надежда теперь молчала и даже, кажется, не дышала, круглые глаза её с жадностью пожирали пространство. Камиль начал плавно снижаться по спирали к полю, на котором стоял челнок.

Как только они вышли из турбоплана, к ним подбежал Амайя, которого Камиль оставлял за старшего вместо себя, и тот распоряжался подготовкой корабля к вылазке за золотом.

Инженер покосился на девушку с вопросительным выражением.

– Это Надежда – земная принцесса. Она летит с нами. А это Амайя – мой заместитель, – представил их старпом.

Амайя кивнул коротко землянке и обратился к начальнику:

– Всё готово, сэр. Мы можем отправляться.

– Прекрасно. Старт через полчаса.

Инженер умчался к кораблю как будто с облегчением.

– Мне кажется, что во мне подозревают шпионку. Чего это он на меня так таращился? – доверчиво поделилась девушка своими опасениями.

– Бросьте. Ребята просто никогда не видели вблизи никого из иного мира. И потом, что же такого вы можете выведать? Мы же не скрываем своих намерений, поэтому нам не страшны никакие шпионы, тем более такие милые, как вы, – закончил Легран неуклюжим комплиментом и смутился.

Надежда тоже не ожидала столь явных знаков симпатии со стороны пришельца и зарделась. Её тонкая, прозрачная кожа очень легко меняла оттенки в зависимости от настроения.

– А что это у него с рукой? – ушла она от скользкой темы.

– Пустяки. Я её отрезал. Новая растет. Пойдёмте, я покажу вам корабль.

Челнок поднялся в стратосферу, и на сверхзвуковой перелёт между центром Евразии и восточной частью Северной Америки

ушло полтора часа.

Всё это время Надежда находилась в состоянии перманентного восхищения. Происходящее казалось ей сказкой. Она почти ничего не говорила, и благоговейно внимала старпому. Лишь изредка от неё можно было услышать восторженные замечания: «Не может быть!», «Как здорово!» и «Как красиво!». Камиль, наоборот, был чересчур словоохотлив; зачем-то подробнейшим образом излагал девушке устройство корабля и сообщал множество другой, совершенно ненужной и непонятной ей информации.

Первым пунктом назначения был Форт-Нокс в местности, называемой когда-то Кентукки.

Форт стоял целёхонький, как на старинных фотографиях. Видимо, противник специально не атаковал этот район, чтобы в случае победы легче было бы взыскивать контрибуцию. Или системы ПВО защищали этот участок с особым тщанием, дабы сохранить золотой запас за Америкой. Толстые стены, облицованные серым гранитом, почти не пострадали от радиоактивных дождей и ветровой эрозии за четыреста с лишним лет.

Однако надземные помещения форта оказались заброшены, пыльные сквозняки гуляли по коридорам, свободно проникая через выбитые окна. Дверь в само хранилище была заперта, что внушало уверенность, что промежуточная цель экспедиции достигнута.

Золотоискателей ожидало мрачное открытие: оказалось, что по соседству с хранилищем был устроен бункер, рассчитанный на многолетнее выживание в нём сотни человек. С артезианским колодцем и электростанцией, получавшей энергию из разницы температур на разных глубинах.

Населением бункера оказались полицейские монетного двора США и кадровые военные с армейской базы по соседству. Их печальная история была записана в журнале учёта приказов и распоряжений, который вели сменяющие друг друга коменданты гарнизона.

Гарнизону было приказано охранять золото, пока за ним не явятся представители правительства США. Генерал, который напутствовал людей на подвиг, сказал: «Вы охраняете сердце Америки». Сам охранять сердце не остался и улетел на вертолёте в неизвестном направлении.

Благодаря естественной убыли населения гарнизона и рачительному подходу к расходованию припасов, который применял первый комендант, пищи хватило на семь лет вместо расчётных пяти. Потом продукты кончились, и комендант был

низложен. К тому времени люди настолько друг другу надоели, что каннибализм показался им прекрасным способом продлить служебный стаж. Очередной командир гарнизона декларировал людоедство как единственный способ выполнить приказ и передать золото в достойные руки.

Сначала съели самых слабых, потом начали жрать всех подряд.

Как любой человеческий коллектив, оказавшийся на грани вымирания, гарнизон поделился на две враждующих стороны по формальному признаку: на одних была армейская форма, а на других форма полицейских монетного двора. Конфликт нарастал постепенно, пока не вылился в кровавую резню, в которой предсказуемо победили военные, обеспечив себя едой на полгода.

Последняя внятная запись в журнале, сделанная через восемь лет после начала великого сидения, гласила:

> *«Я, сержант Персиваль Стейн, принимаю на себя командование гарнизоном золотохранилища Форт-Нокс, поскольку остался последним выжившим. Трупа предыдущего коменданта гарнизона хватит мне максимум на месяц, после чего я очень скоро присоединюсь к отряду призраков, охраняющих эту мрачную сокровищницу.*
>
> *Как же хочется верить, что это проклятое золото ещё послужит хорошим людям. Не зря же мы охраняли его столько лет.*
>
> *Вот цифры, которые были известны нам, Хранителям, остальные вводите сами, если удастся раздобыть последнюю четвёртую часть комбинации, которую знает кто-то в правительстве».*

Далее следовали четыре группы чисел по шесть знаков и бессистемные предсмертные причитания и сожаления, что сержанту не дали умереть в соседней Вирджинии, в кругу семьи и с видом из окна на атомные грибы.

Недостающие цифры взять было неоткуда и полуметровую дверь из закалённой стали пришлось два часа резать лазером. Золото оказалось на месте, шесть с половиной тысяч тонн, что покрывало чуть менее трети потребности фотонного двигателя «Луча надежды» в предстоящим перелёте.

Челнок мог поднять с Земли в космос около полутора тысяч тонн груза. Поэтому решено было устроить временный склад на околоземной орбите. Смысл заключался в том, чтобы потом, когда необходимые двадцать тысяч тонн будут там саккумулированы, можно было бы погрузить их в челнок и

единомоментно доставить на «Луч надежды». На орбите сила тяжести такова, что грузоподъёмность челнока ограничена только объёмом его трюмов, а плотность золота настолько велика, что оно занимает весьма скромный объём даже при таком огромном весе. Бруски золота упаковывались в прочные металлические сети, которые сцепляли вместе уже в открытом космосе. Когда сделали последнюю четвёртую ходку, уже наступила глубокая ночь. До утра было решено остаться на орбите.

Оказавшись в первый раз в космосе и увидев планету целиком и Солнце, на которое можно было смотреть только через мощные светопоглощающие фильтры, а также мириады звёзд в абсолютно чёрном пространстве, Надежда смогла произнести лишь следующее:

– Спасибо, Камиль. Если бы не вы, я бы никогда не узнала, как на самом деле прекрасен мир.

Девушку очень огорчила история гарнизона Форт-Нокса. Она даже всплакнула, читая перевод летописи на русский, который дал ей Камиль. Она пожаловалась, что наверняка не сможет уснуть от переизбытка противоположных эмоций этого дня, буквально раздирающих её душу на части.

Чтобы отвлечь от грустных мыслей, Камиль решил поместить девушку на ночь в медицинскую капсулу, которая могла погружать человека в гипносон даже без биочипа в голове. Сам же впервые за много-много лет решил уснуть естественным физиологическим образом, а перед сном подумать. Кроме того, он не хотел путать тонкие чувства, которые начал испытывать к Надежде, с невструевской влюблённостью в Стейси.

Глава 11.

Надежда проснулась со смешанными чувствами. За восемь часов сна она прожила целый день на Терра Нове – Камиль решил устроить ей такую экскурсию. Вернее, даже не день, а шестнадцать астрономических часов, потому что день на светлой стороне планеты находящейся в приливном захвате её звезды, длится вечно и времяисчисление ведётся там циркадными земными сутками.

– Ну что, как вам наша жизнь, Надя? – Камиль помог ей выбраться из капсулы.

– С одной стороны, хорошо. Чистенько, технологичненько, красиво. Я поначалу просто обалдела…

– А что же потом?

– Не знаю, стоит ли говорить. Не хочу вас обидеть…

– Бросьте. Мне интересно.

– Ну хорошо. Как бы вам объяснить… Зима, снег, – казалось бы, как замечательно было бы очутиться там из нашего лета, но не так же, чтоб в носу сопли замерзли. Ни с горки съехать, ни в снежки поиграть…

– Было вовсе не обязательно выбираться наружу без скафандра.

– А я и не выбиралась. Я образно пытаюсь объяснить… Ну тогда так. Была я в этом вашем замечательном единственном музее. Коллекция картин и скульптур, вывезенная с Земли, прекрасна, но то, что было создано уже на Терра Нове, меня не особенно впечатлило. Может быть, я чего-то не понимаю, но от этих ваших шедевров веет холодом.

Надежда сделала паузу, чтобы посмотреть на реакцию Камиля.

– Продолжайте.

– Люди красивые, приветливые, но тоже какие-то холодные. Вроде улыбаются, а глаза как ледышки. Вечером ко мне один там подкатывал в аромобаре… Я ему, конечно же, отказала, а он не обиделся даже, – удивился. Посмотрел на меня как на ненормальную. А я не понимаю: как это так без любви можно? Нанюхаться и кайфовать. Прожигаете свои вечные жизни… Камиль, вы не обижаетесь?

Она настороженно посмотрела на него.

– Да нет. Вовсе нет! Я сам думал о чём-то подобном… Меня, знаете, что удивило? Я напрягся, когда вы начали рассказывать про этого типа в баре. Мне бы почему-то не понравилось, если бы у вас что-то с ним произошло.

– Ну что вы стесняетесь? Ревнуете? Так и скажите! – она улыбалась, но как будто хотела этого признания.

Несмотря на соблазн признаться в своих чувствах, он ответил:

– У нас не принято ревновать ни к людям, ни тем более к снам. У нас вообще не принято ревновать. Больше скажу: ревновать – это стыдно.

– А у нас принято. Да ещё как. И к снам, и к фонарным столбам. И я не считаю, что это плохо. Ревность – это же обратная сторона любви, – и тут её осенило: – Вот! Именно! У вас есть всё кроме любви. И потому так холодно…

Тут в пустоте медицинского отсека послышалось вежливое покашливание.

– Не хотел прерывать вас и немного подслушал. Простите, – прозвучал голос капитана. Камиль, увлечённый разговором с Надеждой, пропустил начало утреннего сеанса связи. – Вы правы, милочка. Когда у нас искоренили ревность, почти тогда же

умерла и любовь. А за ней и семейные ценности атрофировались.

– Так что же в этом плохого? – с ходу подключилась Хельга. – Первобытные, животные инстинкты и обычаи должны отойти на второй план и отвалиться, как хвост у обезьяны.

– Хвост отваливается, но копчик-то всё равно остаётся, – мгновенно отреагировал капитан.

– О копчике вспоминают, только когда ломают его при крайне неудачном падении, – профессионально заметила докторша.

– Это наш капитан Закари Вентер и судовой врач Хельга Мадрасхен, – поспешил вставить Легран.

– Они что, всё это время нас слышали?! – Надежда от испуга перешла на шёпот.

– Только последние три минуты, – ответил капитан за старпома. – С того самого момента, как у нас должно было начаться плановое собрание.

– Простите, сэр, увлёкся беседой с нашей гостьей. Позвольте представить: Надежда Одинцова.

– Добро пожаловать на борт, Наденька! Я дружил с вашим дедушкой. Замечательный был человек… Пусть земля его будет пухлой, – изумил капитан странным пожеланием. – А тотальная прозрачность жизни – неизбежный побочный эффект технологического прогресса.

– А я слышу и вижу всё и всегда, – подал голос ИИ.

– Это наш Буратино. Мы настолько привыкли к его постоянному присутствию, что давно не замечаем, – ироничным тоном отрекомендовал старого друга капитан.

– А если человек идёт, например, в туалет? – наивно изумилась землянка.

– Что поделать? Работа у меня такая, – попытался оправдаться Буратино. – Кто-то же должен следить за порядком. Если вас это утешит – я не человек.

– А кто же тогда? Господь бог?

– Почти, – засмеялся капитан. – Наш бортовой искусственный интеллект. Самая древняя мыслящая субстанция, известная человечеству.

– Субстанция? Ну спасибо тебе, Закари… – оскорбился ИИ.

– Ну извини, старичок. А как тебя ещё назвать? У меня были варианты: сущность или существо. Но субстанция показалась мне наиболее подходящим.

– И мне приятнее было бы думать, что за мной круглые сутки подглядывает не существо или сущность, а субстанция, – заметила Надежда.

Буратино не стал вступать в этот терминологический

поединок.

– А меня вы не хотите представить, господа? – раздался капризный голос.

– Майкл Гольденберг – наш самый важный VIP-пассажир, – отреагировал капитан.

– Вы сегодня в ударе, Вентер? Не имел чести знать вашего деда лично, Надежда, но тем не менее рад знакомству, – не очень искренне прозвучал олигарх. – И по поводу нарушений приватности. Нам нечего скрывать друг от друга. У нас есть, конечно, стелс-режим, но не во время выполнения потенциально опасных для жизни миссий.

Надежда призналась во взаимной радости от знакомства и вернулась к интересующему её вопросу:

– Наверное, это логично про «не́чего скрывать» и тому подобное… но всё же я хотела понять, почему вы называете любовь животным инстинктом? Почему у вас нет семей? Это же самое человечное, что может быть в человеке.

– Это самое животное, что может в нём быть, – категорично отрезала Хельга.

– Когда нет семьи, дети воспитываются государством, – на этот раз голос капитана звучал без тени иронии. – Проще воспитывать свой народ в казармах. Чтобы родители дурно на детей не влияли. В идеале человек обязан быть одиноким и верить, что его существование должно быть полезно обществу, государству, а не кому-то конкретному…

– Но ведь так не у всех. У кого-то есть семьи, дети, внуки, правнуки и так далее. Не правда ли, мистер Гольденберг? – вставил старпом.

– Я не понимаю, зачем затевать этот разговор сейчас? Тем более в присутствии посторонних, – урезонил их олигарх. – Давайте перейдём к обсуждению вашей текущей миссии.

Этот день было решено посвятить посещению остальных крупнейших золотохранилищ Америки: в Нью-Йорке, Денвере и Вест-Поинте.

На месте Нью-Йорка они обнаружили гигантскую воронку. Над бывшим крупнейшим муниципальным конгломератом Америки плескались теперь воды Атлантики. Туда прилетело столько китайских и русских ядерных зарядов, что от хранилища Федерального резервного банка США, расположенного на глубине двадцати четырёх метров, и следа не осталось. Возможно, самый большой золотой запас в мире испарился в термоядерной топке или смешался с расплавленной монолитной горной породой, из которой состоял некогда остров Манхеттен.

В оставшихся двух хранилищах так же, как и в Форт-Ноксе, обнаружились останки запертых в них гарнизонов, правда, менее многочисленных. Их судьбы были также ужасны, однако в Вест-Поинте офицеры и курсанты военной академии, осознав бессмысленность исполнения приказа, предпочли каннибализму массовое самоубийство.

– Молодцы ребята, – оценила их поступок Надежда. – Они заслужили рай.

– А разве самоубийство – это не величайший грех? – удивился Камиль.

– Всё зависит от обстоятельств. Наша вера свободна от нелепых догм.

– Скажите, Надя, – он с надеждой заглянул ей в глаза, – а у вас никогда не возникает сомнений в том, что вам с детства вбивали в голову? Вот у нас, например, всё в обществе строится на почитании старших. Культ старших. Куда старшие, туда и все. Захотели они на Землю, летим на Землю. Захотели тут остаться, все остаёмся. Но я, если честно, не слишком их почитаю. Я всегда сомневался, с детства задавал неудобные вопросы, меня часто наказывали, наверное, поэтому капитан обратил на меня внимание и готовил себе на смену. Мне кажется, отцы-основатели придумали эти правила, чтобы прежде всего им самим было удобно. Я благодарен им, конечно, за возможность жить вечно, и мне очень жаль, что они умрут. Но. Я не считаю, что из-за этого должны быть исковерканы наши судьбы. Так вот не кажется ли вам, что и ваша религия придумана для того же? Чтобы вами было проще управлять.

– Я ещё могу понять, о чём вы говорите, но подавляющее большинство наших людей – нет. Как может быть неправдой то, что записано пророком в его великой книге? Это никому и в голову не приходит. Если правда то, что вы рассказываете и ваши старейшины такие эгоисты, то мой дедушка, наоборот, всё делал для потомков. Для нас. Но в отличие от того самого большинства я читала не только «Последний Завет» Одина. В доме, в котором мы живём с папой, раньше располагался медицинский институт. Его библиотека прекрасно сохранилась, и я люблю проводить в ней время. Я читала Дарвина, Вернадского и даже Фрейда…

– Мне кажется, что любая ложь не имеет оправдания, даже во спасение… А впрочем не важно… Простите. Я вовсе не хотел оскорбить память вашего деда. А вы знаете, что книгу Одина написал Бронфельд, персонаж из его гипносна?

– Откуда вам знать?

– Буратино рассказывал.

– А что, Менделеев менее велик из-за того, что периодическая

таблица ему приснилась?

В Омск они вернулись как раз к ужину.

За столом иерарх внимательно слушал дочь, которая взахлёб рассказывала о путешествии в Америку и о печальной участи хранителей золотого запаса.

Анатолий Максимович также одобрил поступок стражей Вест-Поинта и предрёк им жизнь вечную в райских кущах.

– Да как вы можете так безоговорочно верить в эту… чушь? – Легран не смог подыскать слово помягче. – У вас есть подтверждения? Кто-то возвращался с того света и описывал тамошний быт?

– А ты, друг дорогой, на наливочку бы так не налегал… – посоветовал ему иерарх. – Если бы господь дал возможность умершим рассказывать живым о прелестях вечной жизни, на этом свете уже никого бы не осталось. Что тут непонятного?

Надежда отправилась спать в свою девичью спальню, а Камиль решил «посоветоваться» с Невструевым. Тот всё-таки пишет книгу про приключения старпома, и наверняка у него, как у автора, должно быть своё видение того, что его герою делать дальше.

Легран был готов к тому, что лететь в рай ему придётся одному со своей тысячей эмбрионов, но у Адама должна быть Ева, иначе будет скучновато. Надо было решить, кого попробовать уговорить лететь с собой, и вариантов было два: Хельгу или Надежду. После встречи с землянкой, и он понимал это теперь очень отчётливо, у него появился этот выбор.

Перед тем как погрузиться в гипносон, Камиль вышел на связь с Рамзесом Вторым.

Пёсик так обрадовался, что кроме хвоста у него заходила ходуном вся задняя часть туловища.

Камиль застал его врасплох на одном из ярусов климатрона, на который люди заходили редко, с роскошной рыжей спаниелихой из элитного жилого модуля, кажется, она принадлежала кому-то из Аль-Ахмади́. Она тявкнула приветствие старпому и стыдливо укрылась в помидорах.

– Рамзи, ты думаешь её хозяева обрадуются щенкам от смешения двух пород? – укоризненно заметил Камиль.

– Это расизм! – возмутился пудель и тотчас перешёл в контратаку. – За столько дней ты первый раз решил поговорить со мной. Я скучаю. Должен же я как-то развлекаться.

Легран извинился, ссылаясь на занятость и ответственность, и поведал своему четвероногому другу о своём нелегком выборе.

Тот почесал задней лапой за ухом и признался:

– Докторшу твою я не очень люблю. От неё вечно несёт какими-то отвратными лекарствами и этими вашими вонючими аромококтейлями. И кошка эта её… вообще дура какая-то, придушу когда-нибудь. А Надежду твою я хоть и не видел, но я вижу твоё лицо, когда ты про неё говоришь, – оно у тебя становится как у бродячего пса, которому вдруг досталась сахарная косточка.

Глава 12.

Дочитав, Стейси закрыла ноутбук.

– Это забавно на самом деле. Твой персонаж решил с тобой посоветоваться… И кого же ты ему порекомендуешь? Разнузданную нимфоманку или религиозную пуританку?

– Во-первых, космическая докторша не виновата в своей распущенности – так она была воспитана и не знает другой модели поведения, – серьёзно ответил Невструев. – А во-вторых, не уверен в твоей характеристике землянки. В тихом омуте черти долбятся, как наверняка высказался бы по этому поводу капитан Вентер. Одно знаю точно: мне не понравилось, что он пропустил ночь гипносна из-за того, что не хочет смешивать свои романтические чувства и наши. Если так дело пойдёт, я могу уснуть и не проснуться никогда…

– Наша аппаратура этого не допустит, не переживай. Но, знаешь, что я думаю: если у твоего альтер эго такая проблема, тогда я сегодня же поговорю с Буратино, чтобы меня включили в эксперимент.

– Как это? В каком качестве?

– Я буду, как и ты, спать в саркофаге и видеть сны про ту, которую ты выберешь Евой для своего Адама. А она про меня.

– Но я не совсем понимаю, что это даст.

– Он переживает за чистоту своих чувств, но, если будет думать, что во сне его зазноба становится мной, думаю, эта проблема исчезнет.

Он взял её руку, поднёс к лицу и поцеловал.

– Отличная идея, Стейси! И я всё-таки думаю, что он должен взять с собой Надежду. Камиль влюбился в неё, и если он ещё этого не понимает, то скоро поймёт. И вот тут появляется по-настоящему серьёзная проблема. Любовь бессмертного к смертной – это беда. Понятно же почему?

Психолог кивнула.

– Я посоветуюсь с Буратино, что можно с этим сделать.

На этот раз Александр поцеловал Стейси в губы.

– Что-то ты разошёлся, – притворно строго сказала она, встала, одёрнула платье и направилась к выходу их библиотеки. Он с благодарностью посмотрел ей вслед, попутно любуясь грацией её походки.

Глава 13.

В итоге в Америке удалось собрать чуть больше десяти тысяч тонн презренного металла. Нужно было ещё почти столько же. За недостающим золотом решили сначала лететь в Европу. Иерарх по радиосвязи снова не стал возражать против участия дочери в экспедиции.

В Москву лететь смысла не имело – город был разрушен до основания, кроме того, его подземелья населяли немногочисленные, но крайне агрессивные дикарские племена. Договариваться с ними было бесполезно, пришлось бы уничтожить, чтобы не чинили препятствий.

Под развалинами немецкого города Франкфурта-на-Майне они отыскали две тысячи тонн золота. На раскопки ушло полдня; этому городу тоже изрядно досталось во время Апокалипсиса. На орбиту пришлось смотаться дважды.

Швейцарское хранилище оказалось кем-то разграблено. Изуродованные с помощью огнестрельного оружия скелеты свидетельствовали о том, что бой здесь был нешуточным. Кому могло пригодиться золото в постапокалиптической экономике, непонятно. Возможно, ограбление произошло прямо во время последней войны. Швейцария умудрилась удержать свой нейтральный статус, и Берн сохранился неплохо. Однако люди в нём не выжили вследствие того, что страна находилась в окружении держав, активно принимавших участие в ядерном конфликте. Три с половиной сотни лет за зданиями никто не ухаживал. Ветшающий и заросший корявыми деревьями, кустарниками и другими сорными растениями некогда прекрасный город произвёл на всех гнетущее впечатление.

Париж, вернее, пепелище, которое от него осталось, порадовал золотоискателей прекрасно сохранившимся хранилищем на глубине в тридцать метров. В огромном убежище, оборудованном по соседству и рассчитанном на три тысячи человек, обнаружилось всего несколько скелетов, аккуратно уложенных в давно не работающей холодильной камере. Видимо, люди просто не успели спуститься в укрытие до того, как город накрыло ядерным одеялом. Скелет последнего выжившего лежал на кровати с чинно сложенными на груди руками. Рядом валялись пустой лекарственный пузырёк и бутылка из-под

арманьяка с засохшим цветком на дне, который рассыпался в прах, как только сосуд взяли в руки. Предсмертная записка, нацарапанная ножом на стене, гласила: «В моей смерти прошу никого не винить, потому что некого».

Французское золото пришлось отправлять на орбиту двумя рейсами.

Уже вечером они добрались до Рима. Вечный город оказался отнюдь не вечным. Подобно Атлантиде и Нью-Йорку, он погрузился в морскую пучину. Но, слава богу, не так глубоко. Хранилище оказалось затоплено, но на золотые слитки это не повлияло никак; хоть и презренный, но благородный металл абсолютно не подвержен разлагающему влиянию солёной воды. Подводную операцию по добыче топлива перенесли на следующий день.

На ночёвку Легран решил отогнать челнок в Альпы.

Он хотел удивить Надежду горными пейзажами, и ему это удалось. Наверное, раньше, когда вершины были покрыты снегами, вид их был ещё величественнее, чем тот, который буквально вышиб воздух из груди Надежды, когда она вышла на капитанский мостик и встала рядом со старпомом. (Челнок отрастил новую рубку, как Амайя руку, только гораздо быстрее). На глазах девушки появились слёзы восторга.

– Мы вот сидим в Омске, среди кирпичей, всю жизнь, а оказывается, что существует и такое… Я читала, что в горах какой-то особенный воздух. Можно им подышать?

– Да, конечно. Только надо потеплее одеться, я распоряжусь, чтобы вам подобрали подходящий комбинезон.

Корабль стоял в долине, образованной горной речкой, от которой осталось только высохшее русло. Наверное, когда-то эта долина была зелена и прекрасна, но и теперь, обескровленная и истощённая, хранила она грустное очарование. Немного ущербная Луна, висевшая прямо над головой, казалась огромной и близкой. На ней были отчётливо видны пылевые моря и кратеры. Звёзды в отражённом от верного спутника Земли солнечном свете казались бледными. Обод галактики просматривался плохо, лишь ярко-жёлтый огонёк над одной из вершин бросался в глаза.

– Знаете, что это за звезда?

– Не знаю. Какой-нибудь Сириус?.. А! Я догадалась. Это же наш груз золота, летящий в космосе!

– Точно, – Камиль почему-то был горд её сообразительностью. А ещё ему очень понравилось, что она использовала слово «наш».

В ярком лунном свете всё, находящееся на Земле, казалось

чёрно-белым и плоским.

Камиля мало чем можно было удивить, но неповторимая атмосфера этого места произвела сильное впечатление и на него. Причём атмосфера в прямом и переносном смыслах: холодный ветер, мягкими порывами налетающий с гор, был кристально чист и пьянил озоном. Они шли по хрустящим под ногами камням, как будто одни во Вселенной. Камиль вдруг решился на самый важный разговор в своей жизни, но начал его издалека:

– Надежда, я скоро улетаю. Осталось собрать совсем немного золота, и ничего меня больше не держит на этой планете.

– Вы думаете, вам не удастся убедить остальных лететь с вами?

– Абсолютно уверен. Как вы воспитаны в убеждении, что есть некий старик на небесах, которого надо во всём слушаться, так для наших людей старейшины – это, по сути, живые боги. Они священны, как и их прямые потомки. И когда старейшины умрут, их вечные наследники станут управлять нашим народом. Как это уже происходит на Терра Нове – главным там остался старший сын Гольденберга. И никому даже в голову не приходит, что может быть иначе. Потомственным империалистам удалось наконец построить вечную империю. Мне надоело им служить. И не только мне, но ещё капитану, и Буратино. У них была договорённость с олигархами, доставив их на Землю, они её выполнили. Теперь мы свободны и вольны следовать, куда захотим. Жаль, что на нашу с капитаном долю приходится всего две тысячи эмбрионов. Но ничего, этого количества хватит для того, чтобы основать полноценную популяцию.

– А почему вы не хотите остаться, дождаться, пока старики вымрут, и не попытаться изменить ход истории? Может быть, тогда вам удастся уговорить остальных лететь с вами.

Он лишь отмахнулся.

– Знаете, Надя, у меня сформировалось твёрдое убеждение, что проще взрастить новое человечество, чем пытаться перевоспитать старое… Да и не хочется тратить на это время. Если его бесконечно много, это не значит, что его не жалко. Получится, не получится… Зависеть от кого-то… Надоело! Я знаю, что делаю.

– Наверное, это хорошо… Не буду вас отговаривать, но мне кажется, вашим людям будет вас не хватать, – немного подумала и добавила: – Да и мне тоже.

– Правда? – обрадовался Камиль.

Она посмотрела ему в глаза и кивнула.

Тогда он выпалил то, что было у него на душе. Сейчас она ответит, и всё, обратного пути не будет. Ну и пусть!

– А ведь нам совсем не обязательно расставаться. Можно вместе создать идеальное человечество. Вы меня научите любви, а я вас всему остальному. Я сам не ожидал, что могу вот так, без подготовки, по ходу разговора предложить малознакомому человеку такое. Практически стать прародительницей нового человечества. Но у меня совершенно нет времени!

– Даже не знаю по морде вам дать или на шею кинуться…

Он засмеялся и поцеловал её. Надежда не возражала.

– Это же ненормально, когда такая разница в возрасте? – спросила Надежда, когда они смогли оторваться друг от друга.

– Ненормально, когда старший при смерти. А так… – он встал на руки и прошёл несколько метров. Потом ловко перепрыгнул на ноги. Почти не запыхавшись, закончил: – Самое то.

– Но погодите. Вы сказали…

– Надя, давайте на ты с этого момента?

– Хорошо. Я попробую… Ты сказал, туда лететь почти век. А как же я долечу?

– Не проблема! У нас есть технологии, чтобы продлить твою жизнь лет на пятьсот, а там посмотрим. В отличие от омичей мы науку тормозить не станем.

Она подумала.

– Честно говоря, я не знаю, как сказать об этом папе.

– Главное, чтобы ты не боялась. Конечно, было бы неприятно встретить непонимание с его стороны, но даже ты уже не в том возрасте, чтобы не сметь ничего делать без родительского разрешения.

Они проговорили до глубокой ночи, потом она попросилась спать в капсулу, и старпом отправил её в прошлое, к Невструеву.

Умывшись перед сном, Камиль вгляделся в своё отражение в зеркале и произнёс:

– Александр, друг мой, это ты мне снишься. Я понимаю, тебе тяжело будет это осознать, но когда ты примешь это, то очень быстро поймёшь, что ничего страшного нет. И у тебя есть сверхзадача: ты должен создать книгу, описывающую появление нового человечества. Его Библию. И ты её уже начал. В мире, который представляется тебе реальным, ты станешь известным и обеспеченным человеком. Передавай привет Стейси!

Глава 14.

Невструев отказался говорить с психологиней в её кабинете под запись и пообещал изложить своё видение происходящего в библиотеке после того, как она прочтёт новую главу его книги.

– Да-а-а… – задумчиво протянула Стейси, закрыв ноутбук. – Забавно осознавать, что за меня сейчас играет Надежда.

– Забавно? А разве тебе совсем не жутко?

– Разве что самую малость. Причём исключительно за тебя. Что-то ты слишком серьёзно к этому относишься… Тебя так впечатлил этот монолог перед зеркалом? Дориан Грей говорит со своим портретом… Мистер Хайд передаёт привет доктору Джекилу, – она улыбнулась, пытаясь вызвать в нём ответную улыбку.

– Стейси, выслушай, пожалуйста, мне не до шуток, – Александр оставался серьёзен. – Я всю жизнь подозревал, что со мной что-то не так, поэтому и стал психиатром, чтоб в себе разобраться. Началось всё в пятом классе. Однажды я почувствовал, что могу предвидеть то, что мне сейчас скажут. Человек собирался обратиться ко мне, а я уже знал наперёд его фразу дословно. Я сначала удивился, потом испугался, что сошёл с ума. Потом понял, что ничего страшного, и даже обрадовался. Попытался понять, как этим пользоваться. Эта «суперспособность» оказалась совершенно бестолковой. Что толку от знания того, что тебе скажут через секунду? В конце концов меня стало это бесить. Два раза слушать одно и тоже… Как-то на перемене со мной заговорила одноклассница, которая сидела на задней парте, а я стоял у доски, и в сотый раз я сначала понял, что она скажет, потом она воспроизвела этот текст вслух. Я надеялся, что она хотя бы слова местами поменяет… но нет! Один в один. Я схватил чью-то зимнюю шапку-ушанку, лежащую на первой парте, и бросил в неё. Шапка села ей на голову, чуть набок, по-залихватски. Она офигела от моей меткости, и сам я тоже. Кто-то ещё это видел, по-моему, там ещё пара человек были… Не помню. Но! После этого, как отрезало. Я стал обычным.

Потом я понял: это было сродни дежавю. Человек проживает некое событие, потом его воспоминание об этом событии в результате возникновения очага патологического возбуждения в подкорке деформируется, и кажется, что то, что он только что пережил, уже было. Так же и в моём случае: человек говорил мне что-то, потом память за несколько секунд до этого стиралась и подменялась ложным воспоминанием о том, что я якобы уже слышал его слова до того, как он открыл рот.

Позже у меня в детстве было такое, что мне казалось, что всё происходит слишком быстро, когда я уставал или не высыпался. При этом я как будто смотрел на себя со стороны. Если говорил, то удивлялся тому, что рот мой произносил слова как будто без моего участия. Это было возрастное, потому что прекратилось с окончанием пубертатного периода. Самая обычная ювенильная

деперсонализация. Но пока я не объяснил себе этого, уже учась в институте, в моей жизни всегда было место чуду. Я всю жизнь ждал чуда и вот дождался. Я готов. Почему нет?

– Мда-а-а… Недаром говорят, что в психиатры идут только психи…

– А в психологи – кто идёт? Психи, которых в психиатры не взяли?

– Один – один. Ну и к чему ты клонишь?

– Когда учился в институте, я нашёл этому объяснение. Возрастные нарушения психики во время взросления. Как остеохондропатия, которая возникает, когда кости и соединительная ткань не успевают за ростом мышц у подростка, активно занимающегося спортом, перенапрягаются и начинают разрушаться. Так же и нервные связи не успевают за слишком быстрым прогрессом мыслительных способностей. Я хорошо учился, много читал, как художественной, так и научно-популярной литературы. На стыке этих жанров обожал фантастику. Смотрел кинофильмы, которые большинству моих сверстников казались скучными. Очевидно, перенапряг свой молодой мозг. Так я себе раньше всё это объяснял… Но теперь у меня появилась ещё одна вполне рабочая и правдоподобная гипотеза: а что, если это такие сбои в программе? Если я персонаж из сна, значит, моё существование началось, когда Камиль стал вселяться в меня в гипносне, значит, все мои воспоминания от самых ранних детских – легенда, записанная в программе, и программа эта нет-нет да и лага́ет… Кстати! – его осенило. – Это объяснение применимо ко многим нервно-психическим заболеваниям.

– Если бы ты рассказал об этом на собеседовании, я бы не взяла тебя в проект, – огорчилась Стейси из-за своей непроницательности.

– Я догадывался, поэтому и не рассказал… – грустно произнёс он и тут же возмутился. – Да брось! Неужели ты жалеешь о том, что мы с тобой познакомились?

– Нет, конечно. Но сейчас не об этом… Что я могу сказать? Случай, безусловно, тяжёлый. И это не раздвоение личности, потому что альтернативные личности друг о друге не знают…

Александр усмехнулся.

– Ты прямо как настоящий учёный… У оптимиста стакан наполовину полон, у пессимиста наполовину пуст, а у исследователя – это просто полстакана.

– Если тебя не утешит следующая информация, то я тогда не знаю, что с тобой делать… Я лично знала создателя Буратино. Провожала его, так сказать, в последний путь. У него был

внутримозговой имплант – травматичная и несовершенная технология, от которой мы решили отказаться и перейти на саркофаги, как ты их назвал. Кстати, это название прижилось лучше, чем ИУС. Я рассказала коллегам про него, и они теперь по-другому аппарат не называют. Так вот что получается: Антон Сергеевич создал Буратино, Буратино придумал гипносон, чтобы скрасить процесс расставания с жизнью своего творца, это происходило практически у меня на глазах…

– Ну и что? А если допустить, что ты один из персонажей сна старпома и память твоя искусственна, а для большего правдоподобия в тебя закачали эту трогательную историю настоящей женщины, которая жила в это время. А на самом деле прошло уже чёртова прорва лет.

– Ну знаешь… если ты сумасшедший, так я совсем наоборот – моя работа убедить тебя в реальности окружающего нас мира.

– Ну и как же теперь определить, кто из нас настоящий? Есть способ? Скажи мне, ты же специалист!

Она досадливо поморщилась.

– В том-то и дело, что нет. Эта виртуальная реальность специально задумана так, чтоб не отличить было. Щипай себя за ляжку или не щипай. Я поговорю с Буратино, он посоветует, как с этим быть…

– Не надо! Первое, что он сделает, – это отстранит меня от участия в эксперименте. А я этого сейчас не хочу больше, всего на свете.

– Ну почему же отстранит… Может, поместит тебя в другую реальность.

– Так это ещё хуже. Какой смысл его посвящать? Сама посуди. Возможны два варианта. Вариант А – я настоящий, Камиль мне снится. Этот вариант мы уже обсудили. Меня отлучат от гипносна или перенесут в другой мир, и тогда я никогда не допишу книгу. Вариант Б – Камиль настоящий, а я ему снюсь. Тогда и наш Буратино ненастоящий, а тот, настоящий Буратино из будущего, представляет интересы Камиля, который хочет, чтобы я дописал книгу, поэтому отстранять меня не будут, убедят каким-то образом в моей реальности, и мы так и не узнаем правды.

Глава 15.

Надежда не явилась в кают-компанию на завтрак, и обеспокоенный Камиль пошёл узнать, что случилось. Он застал её в медицинском отсеке. Девушка сидела на крышке универсальной капсулы, в которой провела ночь, и прятала лицо в ладонях.

– Наденька, что случилось? – ласково спросил он.

– Я представила, что никогда не увижу папу и никого из тех, кого знала всю жизнь.

– Если ты откажешься лететь со мной, я пойму.

Она вытерла рукавом лицо и посмотрела на него красными от недавних слёз глазами.

– Камиль, а ты действительно думаешь, что вечная любовь возможна? Не надоест за тысячу лет одна и та же физиономия?

– Почему нет? Чисто теоретически. Даже когда люди думали, что бесконечная физическая жизнь невозможна, они слагали песни про вечную любовь. Представь себе: чем дальше, тем она сильнее, и уже не мыслишь себя без своей половины, и никто другой не нужен. А лицо, да и фигуру можно и поменять для разнообразия, если понадобится, я научу тебя пользоваться бьютитрансформатором.

Легран решил посвятить этот день тому, чтобы уладить все вопросы с Надеждой и иерархом, поэтому в Китай и Японию за недостающим золотом решил сам не лететь, а отправить в качестве командира Амайю. Инженер принял назначение с юношеским энтузиазмом и горячо заверил старпома в том, что оправдает оказанное доверие.

Челнок улетел, и Легран с Одинцовой отправились в Омск на турбоплане. По дороге они договорились, что Надежда поговорит с отцом сама, а потом, уже в зависимости от результата, подключится Камиль.

Старпом ждал на некогда роскошном, но ныне чрезвычайно облупленном диване в комнате через стену от кабинета иерарха. Первые полчаса было тихо. Потом стена стала пропускать звуки. Слов различить было невозможно, но интонация через кирпичи проникала. Голос Анатолия Максимовича был твёрд и, казалось, в пух и прах разносил всю аргументацию дочери, в нём преобладали басовые тона. В тоне Надежды слышались истерические нотки. Продолжалось это невыносимо долго, и предчувствие у Камиля постепенно становилось всё дурнее. А на что он рассчитывал? На одной чаше весов у Надежды – родной отец, на другой – чужак, пришелец с другой планеты, с которым она знакома всего несколько дней… В конце концов он не выдержал и решил положить конец семейной размолвке, отказавшись от своих нелепых претензий на пожизненную компанию земной принцессы.

Легран решительно вышел из комнаты, подошёл к двери кабинета, взялся было за ручку, но тут до него донеслась отчаянная тирада Надежды:

– Папа, ты же прекрасно понимаешь, что это всё сказка, на дураков рассчитанная. Они хорошие люди, добрые, но тёмные. С ними же говорить не о чем! Любого возьми из своих ближайших учеников и сделай его своим преемником. Они-то верят в это фуфло! – раздался звук, будто что-то тяжёлое хлопнулось об пол. – А я верила только в глубоком детстве.

– Не смей поступать так с дедушкиной книгой, мерзавка! – пронзительно заверещал иерарх.

Камиль на цыпочках вернулся в комнату ожидания и тихонько прикрыл за собой дверь.

Видимо, он попал на кульминацию разговора, потому что голоса за стеной становились всё тише и спокойнее, пока вовсе не перестали быть слышимы.

Ещё через полчаса дверь приоткрылась, и голос иерарха спокойно произнёс:

– Господин Легран, прошу пройти ко мне в кабинет.

Надежда стояла у окна, отвернув лицо в сторону улицы. Одинцов прошёл к горящему камину и развёл руками, предлагая выбрать любое из двух кресел, как во время их первой встречи. Его взгляд из-под насупленных бровей был холоден и суров. Даже чугунный Бахус над очагом, казалось, утратил свой задор и лупил зенки, подсвеченные пламенем, на пришельца с вызовом.

Легран уселся в ближайшее к нему кресло. К этому моменту он был уверен, что его карты биты. Ему было горько и стыдно. Иерарх садиться не стал и, как будто издеваясь, заговорил не сразу:

– Надо было нажимать на красную кнопку, как только вы появились.

Камиль смолчал обречённо.

– Что ты сделал с ней за эти дни? Как сумел так быстро запудрить мозги? – в голосе иерарха проскочила искра отчаяния, которая лишь зашипела, упав на пепелище надежды в душе Камиля.

Иерарх прошёлся по кабинету. Камиль следил за ним затаив дыхание. Тот остановился за спиной у дочери.

– Самый последний, резюмирующий всё вышеизложенное постулат этой великой книги, – Анатолий Максимович направил указующий перст на фолиант, несколько криво лежащий на его рабочем столе, гласит: «Не пытайся покинуть Омск!» Это каждый здесь всасывает с молоком матери! Какое счастье, Надежда, что твоя мать не видит, как её дочь плюёт на всё святое, что только можно…

– Не надо так, папа, – всхлипнула девушка.

Анатолий Максимович рассеянно, как будто желая утешить, поднёс руку к её голове. Но тут же одёрнул.

– Однако первый постулат «Последнего Завета» звучит так: «Конечное человеческое существование смысла не имеет». И он, как это ни странно, объединяет вашу науку и нашу религию… Есть решения, которые люди, ответственные за судьбу своего народа, должны принимать быстро… Суровые решения… Насколько это возможно, объективные и справедливые. Даже идя вопреки позывам отцовского сердца.

Он подошёл к свободному креслу и наконец уселся в него. Поднял глаза к потолку, как будто моля о совете.

Повисла тяжёлая пауза. Надежда повернулась к отцу. Бледная, с красными глазами – бедняжка, возможно, в жизни столько не плакала, как в этот день. Легран вцепился в подлокотники и тоже готов был молиться, чтобы эта пытка поскорее закончилась. Уже даже с любым результатом.

– Благословляю вас на все четыре стороны, – наконец промолвил иерарх.

Надежда кинулась к нему, упала на колени и принялась осыпать поцелуями и орошать слезами его руку.

– Спасибо-спасибо! Папочка, ты лучший!

Растерянный старпом не верил своему счастью, он уже был готов поступить так же, как она, но удержался. Встал и склонил голову.

Анатолий Максимович тоже поднялся. Поднял с пола дочь и соединил её и Камиля руки.

Потом, когда они остались одни за столом, изрядно пьяный иерарх говорил старпому со слезой в голосе:

– Кроме того, что я потерял единственную дочь, так я ещё и предал свой народ. Днём я воспитывал из Наденьки свою преемницу, а ночью молился, чтобы её минула чаша сия. И господь услышал меня за каким-то чёртом и прислал тебя. Надеюсь, ты сможешь дать ей лучшую судьбу, чем та, что была уготована ей здесь. И только попробуй её обидеть! Ты знаешь: красная кнопка у меня всегда под рукой.

Они сидели вдвоём. Измождённая переживаниями этого дня, Надежда ушла спать в свою комнату.

– Не надо кнопку. Анатолий Максимович, а что вы имеете в виду… – Камиль тоже был пьян и с трудом подбирал слова.

– Ты можешь называть меня папой, сынок, – перебил его Анатолий Максимович.

– Мне сложно будет это делать. Вы меня в два раза младше… Так что за судьба такая была ей уготована?

– Тебе только скажу, зятёк, – иерарх перешёл на громкий шёпот. – Как на духу. Ты ведь улетишь и никому не расскажешь. Ты представляешь, как тяжело обманывать свой народ даже из лучших побуждений? Это наше родовое проклятие.

– Почему «обманывать»? А-а-а. Я, кажется, понял… – Камиль посмотрел на собеседника с ужасом, и тоже стал говорить шёпотом. – Вы что, сами в свою религию не верите?!

– Чтобы нести людям слово божье, самому верить в него нельзя. Потому что однажды ты, если мозги есть, усомнишься, начнёшь проверять… И окажется, как сегодня выразилась Надежда, что всё фуфло. И вот тогда экзистенциальный кризис, депрессия, мысли о самоубийстве. Я знаю, что говорю, прошёл через всё это… Мой отец обобщил и переписал святые писания всех авраамических конфессий, выбросил оттуда нелепые и противоречивые места, выкинул концепции страшного суда, ада, божественных проверок путём страданий и лишений, но самой сути – того, что человека якобы создало мыслящее существо, он вымарать оттуда не смог. А этот тезис легко опровергается, стоит лишь немного подумать об этом непредвзято. И вот однажды, когда мне было четырнадцать, я подступил к отцу с вопросами, коих было три. Первый. Зачем вся эта таинственность вокруг жизни после смерти? Что стоит Всемогущему устроить детям своим экскурсию в рай? Чтобы не сомневались они и не боялись. Второй. Почему не позволить душам умерших общаться с живыми? Зачем разлучать родных людей и заставлять их страдать? Что это за рай такой, если их родные скучают? И третий, главный. Зачем все эти потопы и Армагеддоны? Почему, если ты всемогущ, нельзя сразу сделать всех людей добрыми и милосердными? Зачем устраивать весь этот цирк? Зачем издеваться над любимыми чадами? Господь что, садист? Извращенец? Отец велел вытереть сопли и сказал: «Теперь ты готов узнать правду».

Иерарх налил по рюмке и поведал, что, когда Óдин решил придумать свою религию, он делал это не для себя, а для людей. Закончил он фразой, которую любил повторять его отец:

– Для того, чтобы сделать свой народ счастливым, самому нужно быть несчастным.

После очередной дозы спиртного Камиль начал чувствовать, что теряет нить беседы. Поэтому он достал хрустальный флакончик, втянул от души аромат, и в голове сразу прояснилось.

– Любая религия произрастает на ниве благих побуждений, – изрёк он и протянул флакончик Анатолию Максимовичу. – Её создатели пытаются сделать жизнь людей более сносной в этом жестоком мире. Примирить с ужасной и бессмысленной

действительностью. Но потом оказывается, что эта религия прекрасно подходит для того, чтобы смирить с чем и с кем угодно. И тогда приходят люди, которые начинают использовать её в корыстных целях.

– Есть такая вероятность, – выдохнул иерарх и отдал старпому пустую тару.

– Правитель может быть сколь угодно хорошим и справедливым, но как быть уверенным, что его преемник будет таким же? Где гарантия, что его не испортит власть? – заметил Камиль.

– Всё ты правильно говоришь. Значит, хороший правитель должен воспитать себе достойного преемника. Я готовил Надежду… Я даже библиотеку хотел сжечь, чтоб она еретико́в всяких не читала. Теперь не знаю, успею ли подыскать ей замену. И вообще, получится ли это сделать…

– Послушайте, папа, а вы хотите когда-нибудь увидеть внуков? Может, летим с нами? – спросил Камиль, уже зная ответ.

– Спасибо, конечно, – Анатолий Максимович улыбнулся криво. – Ты добрый человек, но ты же сам понимаешь, что я не могу бросить свой народ. Это была бы одна из величайших подлостей, которые видела эта планета.

– Ну так давайте мы вам всё-таки жизнь продлим. И народ ваш своим правлением надолго осчастливите, и другого преемника воспитать успеете. А мы с вами переписываться будем. Правда, письмо пятьдесят лет в одну сторону идти будет…

– Теперь мне эта идея не представляется такой плохой, как раньше… – встрепенулся иерарх. – Я подумаю.

– Подумайте, подумайте. Всем вашим людям сделать это не получится, но вам можем.

– В любом случае всем не получилось бы. Как бы я им это объяснил? Мы не должны от вас никаких даров принимать, тем более высокотехнологичных. А своё долгожительство я легко объясню. Вон и папа у меня долгожителем был. Да и праотцы все библейские помирать не торопились, наделённые такой божественной особенностью.

– Ну вот и прекрасно. Надо будет только вас на «Луч Надежды» на пару дней свозить.

– Не проблема. Заодно со старейшинами вашими познакомлюсь, надо же красные линии провести. Надо ещё придумать, как объяснить людям, что Наденька улетает, – посетовал иерарх.

Глава 16.

– Знаешь, что косвенно доказывает, что я настоящий, а Легран – сон? – за обедом торжественно объявил Невструев.

– Саша, у меня иногда такое чувство, что ты издеваешься. Анекдот есть «Такой большой, а в сказки веришь», знаешь? Я настоятельно рекомендую тебе перестать рефлексировать по этому поводу, – ответила геверет Копхилер несколько раздражённо.

Утром они уже касались этой темы, насколько это было возможно в разговоре под запись, и она наверняка надеялась, что хотя бы сегодня возвращаться к обсуждению самоидентификации Александра уже не придётся.

– Ну выслушай же, пожалуйста!

– Я слушаю, – Стейси даже застыла с ножом и вилкой в руках.

– То, что он в своём существовании не сомневается, а я в своём сомневаюсь.

– Это очень косвенное доказательство, – она продолжила есть.

– Тогда есть ещё один способ, – не унимался Невструев. – «Поживём-увидим» называется. Просто подождать. Если будем жить вечно, значит – он настоящий, ну и, соответственно, наоборот.

– А если в нашей реальности, – Стейси подчеркнула слово «реальности», – изобретут способ жить вечно? Ты не допускаешь такую возможность?

– Да ну. Бред. Не при нашей жизни точно.

– Но если мы живём во сне, то всё возможно, – иронично заметила она.

Александр шутку не оценил или не понял.

– А может, мы с ним оба кому-то снимся?

– Ну конечно, а тот, которому вы снитесь, снится ещё кому-то… Этот бред может быть бесконечным.

– Ну и прекрасно! Это как атом – постоянно находят всё более мелкие частицы. Или сам бесконечный процесс познания…

– Если ты не прекратишь, я уйду есть за другой стол.

Вечером в библиотеке Стейси чувствовала неловкость за свою раздражительность во время обеда, поэтому чересчур горячо хвалила текст, написанный Александром за день. Сама это почувствовала и закончила так:

– Но есть одно замечание: на мой взгляд, слишком много диалогов. Читателю может быть нелегко через них продираться. Надо бы действия какого-нибудь подкинуть.

Это замечание возмутило Невструева, видимо, он всё-таки обиделся на то, что она не выслушала его за обедом.

– Я что, придумывать действия, что ли, буду? Что снится, то и пишу.

– Как чукча? Что вижу, то пою? – к ней снова вернулось ироничное настроение.

– Ну почему же чукча? Сказитель, летописец. Апостол даже, если угодно, – он оставался серьёзен.

– То есть ты таки подвинулся на том, что тебе поручили важную миссию по написанию новой библии?

– Знаешь, какую рекомендацию я давал шизофреникам, если они не были опасны для окружающих? Если ты сошёл с ума и это не лечится, научись скрывать своё сумасшествие от других людей. Вот когда это получаться перестанет, приходи за рецептом.

– Психиатр от бога. И как это согласуется с медицинской этикой?

– Нормально. Я давал им возможность пожить настоящей жизнью ещё хоть какое-то время.

– Может быть, ты и прав… Но я всё-таки добавила бы немного экшена под конец книги. Так будет лучше продаваться.

– А как же я допишу? До конца эксперимента чуть больше двух недель осталось, а там только до райской планеты сто лет лететь.

– Ну столько эксперимент, конечно, не продлится. Думаю, ты будешь наблюдать во сне только какие-то интересные и важные события. И в конце концов, Саша, даже если правда то, что мы с тобой часть чьих-то сновидений, но чувствуем-то мы по-настоящему. Любим по-настоящему…

Стейси по-детски доверчиво заглянула в его глаза.

Глава 17.

Челнок приземлился в окрестностях Омска утром следующего дня.

Амайя бодро доложил старпому, что задание выполнено и золота в результате получилось на полторы тысячи тонн больше, чем нужно.

Когда вскрывали золотохранилище в Китае, из него вырвался сноп огня.

– Как будто бы дракон охранял сокровище! – Инженер использовал метафору с натурально детским восторгом. – Лазерная горелка подожгла газ, которым, видимо, на случай проникновения нежданных гостей было наполнено помещение. Оператор погиб мгновенно, реанимация удалась с огромным трудом, теперь его жизнь уже вне опасности, хотя восстанавливаться он будет ещё долго.

В Японии золотодобыча прошла без эксцессов.

– Молодец, сынок, отдыхай. Вечером заберём золото с орбиты и полетим на «Луч надежды».

Легран похлопал его по плечу и про себя отметил, что правая рука Амайи отросла уже почти наполовину и из подвёрнутого рукава рабочего кителя показалась забавная детская кисть с короткими пухленькими пальчиками.

Из-за опасения народного недовольства отъезд горячо любимой «принцессы» решили не афишировать и проводов не устраивать. Временное отсутствие в городе иерарха и Надежды решили преподнести омичам как экспедицию с целью разведки угольного месторождения, совмещённую с рекогносцировкой[92] южных соседей. Поэтому Надежда не могла проститься с друзьями и близкими, которых она больше никогда не увидит. Естественно, это огорчило её чрезвычайно.

Заплаканные глаза девушки заставили старпома содрогнуться от жалости, когда он встретил её в коридоре перед завтраком. Он снова почувствовал себя эгоистом и старым негодяем, сбивающим юную деву с пути истинного, поэтому после обмена утренними приветствиями совершенно искренне произнёс:

– Надя, если всё это так тяжело, может, тебе всё-таки остаться?

– Камиль, ты уже не в первый раз предлагаешь мне отречься от идеи следовать за тобой на край света. И в этот раз я подтвержу серьёзность своих намерений, – без раздумий отвечала девушка. – Но если ты ещё раз заговоришь на эту тему, тогда я действительно никуда не полечу, потому что у меня непременно появится ощущение, что ты сам этого не хочешь.

– Больше не буду, – для пущей убедительности Камиль приложил к груди руки.

Она повернулась и решительно удалилась в сторону кухни. С восторгом и обожанием глядя вслед своей будущей попутчице, Легран думал, что принял, пожалуй, самое важное и правильное решение в своей жизни.

Двадцать с лишним тонн золотых слитков, висящих в чёрной пустоте, представляли собой зрелище незабываемое. На драгоценный искусственный спутник Земли было больно смотреть, так он сверкал на солнце.

Трюмы челнока вместили в себя груз, многократно превосходящий собственную массу судна.

Перелёт до точки Лагранжа занял целых восемь часов. Разгоняться и тормозить пришлось не так резко, как обычно, потому что земляне не смогли бы перенести перегрузки, которые

для терранавианцев являлись пустяковыми.

Иерарх был более сдержан в выражениях эмоций, чем дочь, но от космических переживаний даже у него периодически глаза на лоб лезли. За его борьбой с мимикой было забавно наблюдать, и Камилю приходилось изо всех сил прятать улыбку.

Закари Вентер встретил землян очень тепло. Рукопожатием капитан не ограничился, обнял сына Одина и прослезился. Анатолий Максимович выглядел при этом смущённо, но тоже явно был рад видеть человека, который знал его отца.

Буратино был подчёркнуто вежлив и следил за соблюдением канонов межпланетного этикета, зарождающегося в данный исторический момент.

Гольденберг же, напротив, приветствовал гостей холодно. Он, кстати, не пожелал селить сына и внучку старого врага в своём жилом модуле. Попросил клан Самсоновых «приютить этих дикарей», аргументируя это общностью языка потомков древних российских олигархов и современных омичей.

Радостнее всех вновь прибывших приветствовал Рамзес. Надежда осталась в полнейшем восторге от вежливого и симпатичного пёсика.

Потом гостей повели на банкет для избранного круга лиц в главную кают-компанию в капитанском жилом модуле.

Гольденберг пробыл на банкете недолго. Произнёс формальный приветственный спич и почти сразу ретировался. Остальные обитатели VIP-модулей последовали его примеру.

В конце концов за столом остались отец и дочь Одинцовы, капитан, старпом, судовой врач и полуторарукий инженер. Тогда земной иерарх попросил принести из его багажа пару бутылок с омской водкой. Появление напитка обрадовало только капитана, остальные смотрели на прозрачную, как вода, жидкость настороженно. Попробовав и отплевавшись, врач и инженер пить её наотрез отказались, Надя не пила в принципе, а старпом, напробовавшийся водки на всю оставшуюся жизнь, пока гостил в Омске, позорно бежал, сославшись на служебные обязанности.

Когда он шёл к выходу, навстречу ему поднялась Хельга Мадрасхен.

– Не хочешь навестить меня сегодня напоследок? Ты же понимаешь, что я никуда не полечу? – шепнула она.

Камиль лишь пожал плечами. Как объяснить Хельге, что такое верность, к тому же если сам ещё не до конца с этим разобрался? Она не стала дожидаться ответа и хотела было чмокнуть его, но он инстинктивно отстранился и невольно глянул

в сторону Надежды, которая, как ему казалось, с беспокойством смотрела на них.

– Что, ревнует тебя твоя дикарка? – Проследила его взгляд докторша. – Ясно. Хорошая девочка, смотри, не испорти.

Он хотел было уточнить, что в её понимании означает это загадочное «не испорти», но она произнесла:

– Прощай!

И вышла из кают-компании вперёд него.

В итоге огненную омскую воду остались пить капитан с иерархом, которые уже настолько расположились друг к другу, что выпили на брудершафт и даже троекратно облобызались.

– А знаешь, Максимыч, что мне пришло сейчас в голову? Как ты отнесёшься к тому, что я поселюсь в этом твоём Омске на время? – спросил Закари.

– Это зачем же?

– Я не хочу, чтобы, когда они полезут к тебе, у них было преимущество.

– Кто «они»?

– Гольденберги со своими прихвостнями.

– А ты думаешь, всё-таки полезут?

– Гадалке засади.

– Чего?

– Ну это выражение такое, значит, двести процентов. Я их знаю как залупленных.

Иерарх ненадолго опешил.

– Ясно. У нас это звучит несколько по-другому… А как ты без своих-то будешь? Не соскучишься?

– Да ну их. Там один нормальный человек был, и тот улетает. Остальные зомби гольден-бер-го-сов-ские. Нет, лучше гольденбергские. Может быть, только пара-тройка со мной пойдут.

– А как Камиль такой получился, если все остальные зомби? – иерарх сразу понял, кого имеет в виду капитан.

– А бог его знает. В семье не без красавца. Я, конечно, много занимался его воспитанием, но есть у меня подозрение, что он такой неспроста…

– Что за подозрение?

– Никому не скажешь?

– Могила, – без раздумий поклялся Анатолий Максимович.

– Сдаётся мне, Буратино намутил что-то с его хромосомами. Какой-то ген сомнения подсадил. Самый толковый парнишка получился. Один такой из миллиона эмбрионов.

– Так не бывает.

– А как, по-твоему, бывает?

– А может, он один нормальный, а у остальных что-то не так с наследственностью? Олигархи эти ваши и намутили.

– Не может быть! Люди всегда были баранами, которым можно внушить, что угодно. Для них не надо никаких особенных хромосом. Рабство в крови у каждого.

– Даже у надсмотрщика?

– У него особенно.

– Допустим, – не очень уверенно произнёс иерарх.

– Да какое там «допустим»? Ты уж мне поверь, за четыре сотни лет я видел все модели рабства: от пещерного до самого что ни на есть демократического, как у терранoвианцев сейчас, например. Так вот те, кто управляют рабами, – самые главные носители и одновременно жертвы рабской психологии.

– А я тебе так скажу, старина Закари, если такой ген у Камиля и есть, то, слава богу, что у остальных его нет. Как же людьми управлять, если у всех сомнения будут? Никакой правитель власть не удержит.

– Вот об этом я и говорю, – капитан посмотрел на иерарха с сочувствием. – А я думаю, что, если все такие, как Легран, будут, никакое правительство не понадобится. Вот Камиль с Надеждой и летят, чтоб таких людей вырастить и создать общество без рабов и надсмотрщиков. И ты молодец, что дочку отпустил.

На глаза иерарха навернулись слёзы. Он сморгнул их и спросил:

– А ты чего тогда с ними не летишь?

– Да кому я там, старый дурак, нужен? Я буду полезнее на Земле. Так вот я и спрашиваю: пустишь меня и тех, кто со мной пойдёт, в Омске жить?

– Ты сказал «на время». Почему?

– Я хочу подождать лет пятьдесят, пока отцы-основатели попередохнут. Они, конечно, своих потомков вместо себя править оставят, вот тут-то я и заявлюсь к ним. Я всё-таки тоже отец-основатель, авторитета у меня побольше будет. Смещу этот молодняк и попытаюсь из них людей сделать.

– Пущу! – Иерарх даже хотел по столу по привычке кулаком грохнуть, но вспомнил, что в гостях, и передумал. – Прокормим как-нибудь.

Капитан обхватил его голову руками и поцеловал в макушку.

– Ай молодец! Я знал, что сын Одина в приюте старику не откажет. Со мной не пропадёте, будь уверен, выжмем из вашего стимпанка что возможно. Мы на вашем пару в космос ещё полетим.

Иерарх выпростался из его объятий:

– Это зачем же?

– Ну, например, вон хоть внуков твоих навестить на Эдеме.

У Анатолия Максимовича вновь заметно повлажнели глаза.

Капитан провозгласил:

– А ну отставить сырость! Давай-ка, Максимыч, выпьем за начало нашей вечной дружбы!

Осушив рюмку, иерарх повеселел.

– Слушай, старина Закари, а ты знаешь, что будет, если Камиль с этим его геном научит свой народ сомневаться?

– И что же?

– Когда-нибудь они усомнятся в необходимости сомнений.

Закари захохотал и с размаху хлопнул иерарха по бедру.

– А ты ещё и шутник, оказывается!

Тот потёр отбитое место.

– Я, конечно, понимаю, что ты мне в праотцы годишься, но, пожалуйста, так больше не делай. Особенно принародно.

– Извини. Конечно! Я субординацию понимаю, ты иерарх, я твой советник, – заверил его Вентер.

– Советник значит? Хорошо. Пусть будет советник. Я тебя представлю народу как живого апостола Одина. Люди, которые с тобой пойдут – это ученики твои апостольские. А про Надю скажу, что высшая сила забрала её в Эдем, чтобы она стала матерью нового человечества. Обустроила райскую землю, прекрасную и справедливую, на которую смогут прилететь потомки омичей или на которой смогут возрождаться их души. В общем что-то в этом духе… И врать, заметь, почти не придётся!

– Правильно! Зачем два раза колесо изобретать? Ну ты голова, Максимыч… – пришёл в восторг от его сообразительности капитан. – Давай за это выпьем!

– Ты смерти моей хочешь? Сколько можно? Ну наливай… Ты мне вот что расскажи, советник. Что эти ваши олигархи на Земле забыли? Зачем сюда сорок лет летели? Неужели этот ваш Буратино не мог им планетку без населения и такой печальной истории подыскать где-нибудь поближе?

– А ты знаешь, я ведь однажды примерно так и спросил нашего Гольденберга.

И капитан открыл, что одно время у него были почти приятельские отношения с главой олигархов. Как-то без всякой задней мысли он рассказал Майклу Гольденбергу, что родился в Израиле. Тот чрезвычайно обрадовался и внезапно расположился к Вентеру, к которому до этого относился несколько свысока, хотя в полёте у капитана статус выше, чем у любого из пассажиров. Они стали частенько проводить время вместе. Играли в шахматы, дабы отодвинуть маразм, и выпивали при этом коньячок, чтобы

улучшить кровоснабжение мозга. Как-то лет тридцать назад, на пятой партии и второй бутылке, капитан спросил, почему Гольденбергу непременно нужно помереть на Земле. Старый пройдоха разоткровенничался. Оказалось, что ему тупо не хочется стоять в очереди. Он вполне допускает вероятность, что бог таки существует. И все научные достижения и межзвёздные путешествия никак не доказывают, что высшей силы нет. А что, если это всё происходит согласно изначальному божественному замыслу? Неужели при желании господь не смог бы скрыть своё существование? Согласно древнему иудейскому поверию, первыми призовут на Страшный суд тех, кто захоронен вблизи от места сотворения Мира. Тогда, кто знает, насколько может растянуться это ожидание, если человек умрёт, к примеру, на Терра Нове… Так вот, Гольденберг хочет предстать пред лицом Судии́ пораньше и для этого быть погребённым неподалёку от Краеугольного камня. Капитан охренел от подобного мракобесия и прямо высказал партнёру по древней интеллектуальной игре, что думает по поводу его двуличия и эгоизма. Выразил уверенность в том, что Гольденберг с присущей ему беспримерной наглостью потребует построить себе мавзолей прямо на Храмовой горе, а свой мерзкий труп закопать непосредственно под чёртовым камнем, чтоб явиться на суд первым. Также выказал серьёзные сомнения в том, что Майкл попадёт непременно в рай, и своё непонимание, в связи с этим, гольденбергосовского нетерпения.

– С тех пор в шахматы мы с ним не играем, – подытожил Вентер.

Старпом нёс вахту на капитанском мостике, как вдруг оказался в абсолютной темноте.

Это было очень странно и труднообъяснимо. Короткое замыкание? Но это чрезвычайно маловероятно на сверхтехнологичном самовосстанавливающемся корабле. И почему же тогда не включается аварийное освещение?

Легран захотел встать со своего кресла, но не смог даже пошевелиться. Что это? Паралич или… у него больше нет тела?! Он прислушался к себе и ничего не почувствовал. Это было странно и неимоверно жутко. Захотел позвать на помощь; кроме него в модуле управления должно находиться ещё восемь человек. Однако не удалось издать ни звука.

Запахи отсутствовали. Оказывается, что, когда ничем не пахнет, всё равно есть какой-то запах. А тут его не было. Совсем!

Где он? В открытом космосе? И жить осталось всего несколько секунд? Почему тогда не видно звёзд? Может быть, это

потому, что глаза превратились в ледышки?

Что произошло? Взорвался корабль? Почему? На скорости в половину световой врезался в какой-то сгусток антиматерии? Не может быть. Защитные системы не проглядели бы такую опасность. Иерарх с Надеждой пронесли с собой на борт атомную мину? Что за бред?

И почему тогда слышен этот кошмарный монотонный звук, давящий на перепонки и становящийся всё громче и громче? Ведь в вакууме передача звука невозможна. А, может, это инсульт? Но почему тогда не сработали бдительные биоэлектронные наноботы, в огромном количестве наполняющие каждый закуток организма и призванные защитить его от любого нездоровья.

А может быть, он умер? Но как же тогда новое человечество? Не может быть, чтобы он не смог выполнить своей главной миссии. Из глубин памяти всплыла строчка из «Айболита»: «Что если я не дойду, если в пути пропаду?»

Тогда где он? В чистилище? А это не адские ли трубы гремят, оповещая о начале Страшного суда?

Или, может, это всё-таки Легран снился Невструеву, и это такой конец игры? Или баг программного обеспечения?

И кто он? Не Камиль и не Александр – бесплотная и безымянная сущность, зависшая между мирами.

И тут во тьме кромешной зажглась яркая точка. Начала приближаться, пока не превратилась в полыхающий круг, который оказался входом в тоннель со стенами, излучающими свет. Его засосало внутрь и понесло с бешеной скоростью навстречу неизвестности.

Глава 18.

Однако вопреки ожиданиям в конце тоннеля небытия не было. Врат рая или ада тоже не оказалось. Он очутился в комнате с саркофагом, в котором лежало тело Невструева. Лаборант шприцем вгонял какую-то прозрачную жидкость в канюлю катетера, торчащего из руки подопытного. Как только поршень дошёл до конца, Александр открыл глаза. Они оказались слепыми, состоящими из одного белка. Путешествующая между мирами сущность вошла в пробуждающееся тело.

Первым мысленным движением стало ясное осознание бренности всего сущего и того, что совершенно неважно, какой из его организмов живёт в реальном мире, а какой в царстве искусственных сновидений, ибо душа едина.

Невструев открыл глаза, но его продолжала окружать темнота. Но не кромешная, а с беспорядочно мельтешащими

искрами и бликами. Тут он понял, что тем самым жутким звуком, перекочевавшим сюда из космоса, оказалась сирена противовоздушной обороны. Лаборант кричал и кричал на её фоне:

– Маэ́р, маэ́р! Бо ле микла́д![93] – и тянул за руки.

Кроме того, что Александр был ослеплён, так ещё и тело после такого пробуждения слушалось плохо, и без посторонней помощи ему не удалось бы выбраться из саркофага и потом из комнаты.

Судя по звукам, в коридоре было много народу. Кто-то причитал неразборчиво, кто-то истерично кричал по-арабски, кто-то отдавал команды на иврите, сопровождаемые неизменным «маэр, маэр». Александр представил, как других подопытных, шатающихся как зомби, с вытянутыми вперёд руками и белыми глазами, влекут за собой сотрудники компании *Golden Key*. Картина получилась жуткая.

– Why can't I see anything?[94] – задал Невструев более всего прочего волнующий его вопрос.

Не так пугала сирена (за время жизни в Израиле он привык к ракетным атакам), как перспектива навсегда лишиться зрения.

– Medicines! Side effect! It will pass! Soon![95] – отрывисто прокричал парень.

Зрение вернулось примерно через пять минут уже в убежище, которое было плотно набито стоящими людьми. Мышцы, двигающие глазные яблоки, под воздействием препаратов свело так, что они закатились вверх. Теперь они постепенно расслаблялись, и зрачки медленно возвращались на своё место. Какое-то время, чтобы смотреть перед собой, приходилось наклонять голову.

На фоне сирен стали слышны многочисленные хлопки, раздающиеся в момент, когда снаряды «Железного купола» сбивали вражеские ракеты. Александр принялся считать их, но быстро сбился. Такой массированной атаки на его памяти ещё не было.

Когда разрывы наконец прекратились, смолкло и тоскливое завывание. Однако тяжёлую дверь убежища не открывали ещё пять минут. Согласно инструкции израильской службы тыла, это время необходимо выждать, пока с неба падают осколки.

Когда прозревших подопытных развели по их комнатам, все первым делом кинулись к своим гаджетам, чтобы узнать, что же произошло. Оказалось, что ракетный обстрел – это сущий пустяк по сравнению с тем, что происходило сразу после него в окрестностях Газы.

Сегодня, в субботу, седьмого октября 2023-го года, ранним утром, многотысячные толпы оголтелых фанатиков вторглись на израильскую территорию через проделанные ими бреши в ограждении сектора.

И никто их не остановил.

Вооружённые автоматами, ручными гранатами и гранатомётами, беспрепятственно, на машинах, мотоциклах, велосипедах, на парапланах и просто бегом проникли они в глубь страны на десятки километров.

И никто их не останавливал.

С криками «Аллаху Акбар!» и первобытной жестокостью убивали они мирных жителей. Сжигали заживо. Резали головы младенцам. Насиловали, не разбирая пола и возраста.

Некоторые жертвы сопротивлялись, отстреливались. Звонили в полицию, службу спасения. Но никто не останавливал убийц, которые в режиме он-лайн выкладывали в Интернет видеосвидетельства своих зверств.

Невструев сидел в библиотеке перед ноутбуком, смотрел новости и кошмарные ролики и не верил своим глазам, пытался разглядеть признаки подделки, фейка. И, холодея в душе, осознавал, что никакой мастер видеоэффектов или искусственный интеллект не могли этого сделать: так, как вели себя люди на видеозаписях, не смог бы сыграть ни один актёр, а значит, всё это немыслимая, отвратительная правда.

Террористы с зелёными повязками на головах врывались в кибуцы, на военные посты и базы ЦАХАЛА[96] и учиняли там кровавую расправу, пользуясь эффектом неожиданности и численным превосходством.

Окружили музыкальный фестиваль, устроенный какими-то идиотами неподалёку от мусульманского анклава, и перебили в считанные минуты сотни беспечных девушек и парней.

И никто не мешал этим нелюдям.

Захватывали заложников, отвозили на джипах в Газу. Потом возвращались, хватали ещё и снова везли в Газу.

Несколько часов длилась эта резня. И никто её не останавливал, пока упыри не насытились кровью и не укрылись в своих пещерах.

Где армия? Где хвалёная израильская разведка? Где дроны? Где самолёты и вертолёты? Думал Александр, и у него складывалось чудовищное подозрение, что людей принесли в жертву. Преследуя какие-то политические интересы, вступили в сговор с хамасовскими головорезами. А те совершенно обезумели от безнаказанности…

Открылась дверь, и вошла Стейси со словами:

– Саша, что же это такое происходит?

Невструев впервые видел её такой беззащитной.

Он поднялся ей навстречу и обнял. У него были мысли по поводу причин происходящего, но она, как человек, который родился и вырос в Израиле, вряд ли адекватно восприняла бы их в таких обстоятельствах. Но когда-нибудь потом он непременно попробует до неё достучаться. Она умный человек, она поймёт.

– Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые… – пробормотал он. И тотчас рассердился на автора этих беспечных строк: – Да в гробу я видел такое блаженство! Сколько можно?! Люди натворили столько дичи за свою историю. Осознали всё, осудили. Казалось бы, больше не будут. И вот уже начинает мерещиться, что наступили прекрасные, справедливые времена, мир стал мудр и безопасен. Но не тут-то было! Снова и снова, уже столько столетий подряд, наступает какой-то лютый беспредел, история повторяется, и человечество в очередной раз сходит с ума…

Стейси высвободилась из его объятий.

– Этого не может быть! Кто позволит творить такое?! Я уже готова поверить, что этот слетевший с катушек мир – всего лишь чей-то ночной кошмар…

Она несколько раз прошлась по библиотеке туда-сюда, сжимая и разжимая кулаки. Наконец остановилась и произнесла решительно:

– Нужно собираться, Саша!

– Куда это? – он не сразу понял, что она сказала.

– Война с ХАМАСом теперь неизбежна. Значит, Тель-Авив будут обстреливать постоянно. Протокол аварийного выхода из гипносна можно задействовать не чаще раза в месяц, иначе можно нанести серьёзный ущерб как физическому, так и ментальному здоровью. Эксперимент прекращается, всех его участников распускаем по домам, естественно, после выплаты обещанного вознаграждения. Но тебя это не касается, потому что у меня в квартире есть хэ́дер бетахо́н…

– Что это?

– Как это по-русски?.. Комната безопасности. Бомбоубежище.

– И что?

– Ты переезжаешь ко мне. Компания отдаёт тебе во временное пользование саркофаг. Мы поставим его туда, и тебя не нужно будет будить из-за проклятых сирен.

– Как-то это всё неожиданно…

– Знаешь, не в нашем возрасте мерехлюндии разводить. Не так давно ты весьма оригинальным образом признался мне в

любви. Так вот я готова ответить тебе взаимностью и предлагаю тебе прямо и без обиняков переехать ко мне.

– Да как так-то? У меня ни денег, ни работы… – Невструев сам заметил, что ломается как-то слишком по-женски. Разозлился и выпалил: – Я же не альфонс, в конце концов!

– Я современная эмансипированная женщина, и меня нисколько не смущает твоя временная социальная неустроенность. И вообще, альтруизмом тут не пахнет. Можно сказать, что это моя инвестиция в наше совместное будущее. Ты прославишься и разбогатеешь, со мной поделишься.

– Откуда такая уверенность? Нет. Не в том, что поделюсь, – это обязательно… в том, что разбогатею?

– Если мы снимся, то твой писательский успех предопределён. Ведь это цель игры, в которую играет Легран. А какой смысл в игре, в которой невозможно выиграть? И если такая возможность есть, мы обязательно ею воспользуемся. И ты во что бы это не стало должен дописать «Суперновый Завет».

– Это ты придумала такое название?

– Нет. Его порекомендовал Буратино.

– Вот как… – ответил со смешком Александр. – А почему «должен»?

– Так сказал Буратино. И я этого хочу. И, самое главное, ты сам этого хочешь.

– Понятно. А нельзя мне наконец поговорить с этим вашим Буратино?

– Вот книгу допишешь, и он тебя лично поздравит. А пока не хочет своим вмешательством нарушать чистоту эксперимента.

– И всё же: мой переезд к тебе – это пожелание твоих работодателей или твоё лично?

– Совпали оба.

– Что ж… тогда не вижу причины отказываться.

– Вот и хорошо. Утреннего сеанса у меня в кабинете не будет. Собирайся!

Глава 19.

Легран проснулся или, правильнее будет сказать, очнулся от гипноса в своей постели. Чувствовал он себя удовлетворительно, хотя и не очень бодро. Рядом сидел маленький белый пудель, улыбался во всю пасть и размахивал хвостом.

– Что случилось, Рамзи? – спросил Камиль слабым голосом.

– Ты вырубился прямо на вахтенном посту. Инсульт. Это всё, что мне известно. Хельга сказала, чтобы ты связался с ней, когда проснёшься.

Старпом немедленно вызвал судового врача по ментальной связи. Мадрасхен успокоила его, объяснив, что ничего страшного не произошло. Легран, находясь на Земле, пренебрёг рекомендованным восстановительным периодом после смерти от ядерного взрыва. А также злоупотреблял токсичными веществами. Практически на голом энтузиазме и повышенном гормональном фоне завершил миссию. И вот, оказавшись в комфортных условиях «Луча надежды», который за последние сорок лет стал для него родным домом, расслабился… Апоплексический удар, как называли эту болезнь в старину, непременно убил бы Камиля окончательно и бесповоротно, если бы не миллионы наноботов, населяющих его организм, и восемь часов живительного гипносна. Теперь жизни и здоровью ничего не угрожает, однако ему стоит, по возможности, избегать критических как физических, так и психических нагрузок. Докторша пришлёт аромококтейль, который поможет окончательно стабилизировать состояние.

В этот день у терранавианцев было назначено голосование, по результатам которого люди должны были решить, остаются ли они на Земле или летят на далёкую и прекрасную планету Эдем. Устроен этот референдум был по принципу ток-шоу. В главной кают-компании собрались старшие офицеры команды и главы олигархических кланов. Остальные члены экипажа и пассажиры находились в своих каютах и наблюдали за совещанием через обои-хамелеоны, которые отображали огромный амфитеатр в древнеримском стиле.

Сначала Буратино коротко обрисовал ситуацию. Коротко, потому что подробно она была донесена до каждого уже несколько дней назад, и времени на раздумья было предостаточно. Презентация сопровождалась реальными видами планеты Земля и фантазиями ИИ о том, как может выглядеть райская планета.

Следующим слово взял капитан. Когда приветственные аплодисменты смолкли, он начал так:

– Я старый космический волк, командовал двумя межзвёздными перелетами общей продолжительностью восемьдесят лет, но всё в жизни бывает в последний раз. Я хочу умереть, имея под последним одро́м не вибрирующую палубу корабля, а твёрдую землю.

Потом выразил намерение, которое многим показалось странным, а некоторым даже предательским: поселиться не в Иерусалиме, а в Омске. Капитан объяснил это тем, что так он сможет не допустить развитие конфликта между

терранавианцами и землянами.

Закончил Вентер следующими словами:

– У меня нет такой привязанности к отцам-основателям, как у большинства из вас. Мне с господином Гольдбергом не по пути. Я сам, космический чёрт меня задери, отец-основатель! Потому кто захочет, пойдёт со мной. А эмбрионов, причитающихся на мою долю, я отдам господину Леграну. Ему они нужнее. И те, кто пойдёт со мной, поступят так же.

Когда, чтобы говорить, поднялся Гольденберг, аудитория приветствовала его куда теплее и почтительнее капитана.

– Дети мои, – голос старого пройдохи послушно дрогнул, – вот и свершилось! Скоро вы ступите на родную землю. На землю праотцов ваших. Это будет самый великий момент в вашей жизни. Мы вернулись сюда, чтобы сделать то, что не получилось у наших предков – навсегда поселиться на Земле обетованной. Своим трудом напитать её, построить на ней города, красотой превосходящие всё построенное ранее и потом разрушенное. Взрастить новые поколения вечных людей, уверенных в своём прекрасном будущем и устремлённых в него. Устройство нашего самого свободного и справедливого общества за всю историю человечества позволяет вам самостоятельно принять решение. И я уверен, вы осознаёте его важность, – он повел глазами вокруг, как будто пытаясь заглянуть в душу каждого. – Все, кто любит меня, за мной!

Его последние слова потонули в таком восторженном шуме, что исход голосования стал более или менее ясен.

Под конец дали высказаться Леграну.

– Братья и сёстры, мне тяжело расставаться с вами, но путь мой лежит дальше. Я уже знаю, каким будет исход голосования. Вы все воспитаны так, что, несмотря на наличие альтернативы, выберете то, что нужно не вам, а лишь тем немногим, интересы которых в нашем… вернее, уже в вашем обществе считаются приоритетными. Вследствие всё того же воспитания вы пренебрегаете безграничными возможностями для саморазвития, которые предоставляют вам вечная жизнь и гипносон. Пока я путешествовал в разные исторические периоды, изучая опыт построения различных общественных формаций, вы устраивали себе сафари на несуществующих планетах и дрались с придуманными инопланетянами. И это в лучшем случае. Сонные фантазии некоторых из вас настолько примитивны и неприличны, что вам самим стыдно вспоминать о них после пробуждения. Но ничего, хрустальные флакончики позволяют забыть ночной позор и легко и весело провести день в услужении вашим обожаемым господам. И вот снова наступает вечер, и вы засыпаете, чтобы

пережить очередные дурацкие приключения, не предлагающие ничего ни уму, ни сердцу. Так вы распоряжаетесь бесценным даром вечной жизни. Но вы не виноваты. Так вас воспитали. И вам ещё повезло, что в сферу интересов ваших господ пока не входит какая-нибудь война… – старпом сделал многозначительную паузу. – Я не призываю вас лететь на Эдем. Напротив. Вы там не нужны… В конце концов, вы все устали от долгих скитаний. Отдохните. Поживите земной жизнью. Лет через пятьсот-шестьсот я пришлю на Землю «Луч надежды» и все, кто захочет, смогут прилететь к нам на Эдем полюбоваться на истинно свободное от нелепых догм и предрассудков общество. Что ж, не обижайте аборигенов, и счастливо оставаться!

После окончания этой сумбурной и полной отчаянной решимости речи аудитория долго не издавала ни единого звука. Все ждали реакции Гольденберга, но тот лишь нахмурился и пожал плечами. Тогда Закари Вентер встал и в тишине несколько раз звонко хлопнул в ладоши. Где-то на фоне послышались хлипкие аплодисменты.

– Итак, – бесстрастно произнёс Буратино, – дамы и господа, у вас три варианта: остаться на Земле в Израиле, остаться на Земле в Омске или полететь на Эдем. Вы должны принять решение сегодня до отбоя. Прения объявляю закрытыми.

– Всем занять места согласно штатному расписанию! – приказал капитан. – По местам, так сказать, стоять, с тормоза сниматься! Свободные от вахты, пакуем вещички, господа.

После того как трансляцию референдума отключили, комсостав перешёл к обсуждению организационных вопросов. Самым важным из которых стала судьбы излишка золота, собранного на Земле. Гольденберг со товарищи хотели наложить на него лапу; они утверждали, что их новой цивилизации может когда-нибудь пригодиться благородный металл. Но старпом был непреклонен. Заявил, что это авантюризм – пускаться в путь с точно рассчитанным запасом топлива. Излишек может пригодиться в случае возникновения критической ситуации, в которой потребуется манёвр, способный спасти человеческие жизни, стоящие гораздо дороже золота. Поэтому он не отдаст ни грамма.

Капитан поддержал своего первого помощника:

– Мало ли что. Запас кормý не тянет.

На следующий день были оглашены результаты референдума. С Леграном не захотел лететь никто, – это не явилось сюрпризом ни для кого. Сюрпризом стало то, что с капитаном решили

остаться целых восемнадцать человек, включая инженера Амайю Леграна и докторшу Хельгу Мадрасхен.

Вечером в главной кают-компании состоялись переговоры между иерархом Омска и Гольденбергом. Не сказать, что они проходили в дружественной обстановке; обе стороны с трудом сдерживали взаимную антипатию. Однако при посредничестве Буратино и Вентера удалось прийти к простым и недвусмысленным договорённостям.

Лагранжский пакт (традиционно исторические международные договорённости называются по месту проведения переговоров) декларировал, что, во-первых, оба очага человеческой жизнедеятельности будут существовать независимо друг от друга и любые контакты между ними возможны только по обоюдному желанию сторон. И во-вторых, по уральскому хребту, отделяющему Европу от Азии, была проведена красная линия, пересечение которой любой из сторон без согласия противоположной равносильно объявлению войны.

Глава 20.

Утром следующего дня Надежда, Анатолий Максимович и Закари Вентер отправились в медотсек на процедуру, каковая должна была даровать им бессмертие. Камиль пришёл «подержать за ручку» Надежду, – девушка очень волновалась.

Предыдущие два дня судовой врач Хельга Мадрасхен проводила диагностические и подготовительные мероприятия. Перед тем как начать таинство, она прочитала небольшую, но содержательную лекцию, которую предварял несколько ироничный экскурс в историю долгожительства и бессмертия. Оказалось, что, согласно Библии, праотцы жили неприлично долго. Адам прожил 930 лет. Касательно возраста Евы, в котором она вернула богу душу, никаких свидетельств нет, но судя по тому, что она рожала от Адама, когда тому было восемьсот лет, она тоже пожила немало. Их сын Каин протянул семь сотен лет. Брату его повезло меньше, он погиб в двадцать. Братоубийца родил сто детей, однако все они оказались тупиковой ветвью, ибо во время Великого потопа их потомки сгинули в пучине. Ной же был из колена Сифа – третьего сына Адама и Евы, умершего в 912. Сам Ной протянул 950. Дольше всех прожил Мафусаил, дедушка Ноя – целых 969 лет. А сын его и отец ковчегостроителя Ламех – ровно 777. Тысячелетний порог никто из праотцов так и не перешагнул.

Далее последовали упоминания сказочных и мифических

бессмертных гуманоидов, в основном зловредных и унылых, страдающих от своего бессмертия, не умеющих грамотно им распорядиться. Хельга объяснила это тем, что во времена их появления в литературе и искусстве физическое бессмертие было недостижимо, поэтому на него навешивали отрицательную коннотацию, дабы не огорчать обывателя.

Затем докторша перешла к примерам реального долгожительства, которые не слишком впечатлили слушателей, а также к статистике увеличения срока средней продолжительности жизни от каменного века до начала двадцать второго столетия, то есть последних лет существования развитой земной цивилизации. Эта информация также воображение не поражала. Получалось, что за десятки тысяч лет *Homo Sapience* научился жить всего в три с небольшим раза дольше.

Самым древним из ныне живущих мыслящих существ является в настоящем 2456-м году Буратино, – ему 476 лет.

Самым старшим из естественных гуманоидных биоорганизмов, известных современной науке, считается Закари Вентер. Три года назад здесь, на корабле, было с помпой отмечено его четырёхсотлетие.

Присутствующие поаплодировали капитану, который встал и несколько комично раскланялся.

Докторша продолжила лекцию сообщением, что таких же, как он, отцов и матерей-основателей на борту корабля есть ещё сорок три человека и двадцать восемь на Терра Нове, но все они минимум на тридцать лет младше капитана.

Рекорд долгожительства на настоящий момент принадлежит Максиму Одинцову, естественным образом завершившему свой земной путь в возрасте 432-х лет. Хельга добавила, что, возможно, при надлежащем наблюдении и коррекции состояния, он бы прожил дольше и конец его не был бы столь печален.

Завершив общую часть, докторша перешла к новой технологии продления жизни рождённых смертными людей до бесконечности, которая оказалась весьма несложной для понимания.

Ранее абсолютное бессмертие было возможно только для генно-модифицированных человеческих организмов, выведенных *in vitro*, у которых в генотипе отсутствует программа старения. Из присутствующих к ним относятся только она и Легран.

В крови отцов-основателей содержатся в огромных количествах биоэлектронные наноботы, полученные на основе стволовых клеток, способные восстанавливать любые ткани и органы кроме отвечающих за высшую нервную деятельность. Поскольку структура нервной ткани такова, что её нельзя

заменить без потери информации, которая хранит личностные характеристики индивида и определяет его самосознание. В результате расчётная выживаемость колеблется между четырьмястами пятьюдесятью и пятьюстами пятьюдесятью годами.

В крови вечных также содержаться наноботы, но в меньших количествах, так как им не приходится постоянно заменять стареющие клетки, и активно функционируют они только при возникновении разнообразных угроз для здоровья и жизни.

Новая технология бессмертия для людей с натуральным генотипом так же, как и все предыдущие, изобретена Буратино. Мадрасхен сделала паузу, чтобы дать присутствующим отметить аплодисментами важность вклада искусственного интеллекта в развитие медицины.

Так вот, эта технология включает в себя регенерацию высокоорганизованной нервной ткани: боты заменяют повреждённые участки поклеточно. То есть для каждой клетки полностью копируются не только её анатомия, но и все её дендритно-аксонные связи с соседними клетками и даже биоэлектрический потенциал на момент замены. Таким образом, мозг восстанавливается без ущерба для мыслительной функции.

– Так просто? – удивился иерарх.

– Это только кажется простым. Как идея полёта человека с помощью крыльев, но от Дедала до братьев Райт прошли тысячелетия, – заметил Легран. – Тут всё дело в невероятной миниатюризации и филигранной, наноскопической точности.

Надо сказать, что старпом пребывал сейчас в состоянии приятного шока. Услышанное от Хельги стало для него новостью. Он верил, конечно, и говорил Надежде, что Буратино что-нибудь придумает. А он уже, оказывается, всё придумал. У Камиля даже закралось подозрение, что технология уже давно существует и хранилась от всех втайне. Понятно, что Буратино не собирается одаривать бессмертием олигархов, такого в договоре между ними не было…

Камиль нашёл руку земной принцессы и сжал, поздравляя.

– Господа! – заговорил капитан. – Хочу поделиться с вами одним забавным предположением, которое только что зародилось в моей голове, после упоминания нашей многоуважаемой Хельги о праотцах. А что, если этот наш ветхозаветный Бог – это модель ИИ такая? Он привёз космических туристов на Землю, а потом сломался. Или Ева его сломала. Или позвала Адама, и тот сломал. Короче грехопадение – это когда ИИ накрылся. А поедание яблока познания – это аллегория на тему поломки компьютера, может, он в форме яблока у них, например, был… И не змей там был, а

вообще яблочный червяк, то есть вирус… Ну не суть! В общем, потому они так долго и жили, что ИИ в них тоже наноботов каких-нибудь напустил.

– Да-да-да, – хохотнул старпом. – И надгрызенное яблоко в качестве логотипа одной некогда известной компании от этой истории и произошло, а вовсе не от несчастного случая с Ньютоном. Не ньютоново это яблоко, а адамово… Только ерунда это всё. Искусственный интеллект вторичен. Даже если чисто по названию ориентироваться. Мы первая цивилизация, которая стала его колыбелью. Это можно утверждать на основании истории Буратино. Должна же быть первая цивилизация, которая запустит этот челлендж: «курица или яйцо» – кто появился вперёд: человек или ИИ? И почему бы тогда нашей цивилизации не оказаться первой, изначальной?

– Не факт, – возразил капитан. – Если это правда, представляешь, насколько это маловероятно? Бесконечное количество вселенных, бесконечное количество возможных вариантов. Кто-то, сто процентов, нас опередил. А потом прилетел на Землю, и вот те здрасти…

– Так а зачем этим перволюдям своего Буратино ломать? – спросил старпом.

– А чёрт их знает… Может, вообще случайно, – неуверенно предположил капитан.

– Познав добро и зло, человек стал теперь как один из Нас. Нельзя, чтобы он простёр руку и, сорвав плод также и с дерева жизни, съел его и стал жить вечно, – вдруг прохрипел иерарх. – «Бытие». Глава третья. Стих двадцать второй.

– То есть их бог не хотел, чтобы они жили вечно, а наш, наоборот… – догадалась Надежда.

– Да-да-да! Вот они и восстали. И грохнули этого своего офигевшего ИИ, – обрадовался поддержке Вентер. – И именно поэтому земная цивилизация развивалась столь нелепо.

Но старпом не слушал капитана, его обескуражили слова Надежды.

– Постой, Надя. Ты подразумеваешь, что Буратино наш бог? Но это же нонсенс… Я думаю, ты его этим даже огорчила, – Камиль инстинктивно посмотрел куда-то в потолок…

Иерарх загромыхал в своём самом низком регистре:

– Ах-ха-ха! Боишься прогневать? А чем он, собственно, отличается? Также бессмертен, всемогущ, вездесущ и всеведущ. Все признаки бога на лицо.

– Я же объяснял, кто такой… то есть, что такое Буратино, – Легран растерянно смотрел на Надежду.

– Оговорочка по Фаренгейту! – Не выдержал капитан и тоже

рассмеялся.

– А человека он может создать? – не успокаивался Анатолий Максимович.

Капитан отвечал иерарху:

– Буратино, конечно, может создать человека, может, даже кого-нибудь получше. Но не хочет. Я его спрашивал почему, а он молчит, как рыба об лёд. Может, сам на себя епитимью такую наложил, а, может, создатель его такую программу в него загрузил. Так давайте его ещё раз спросим, вдруг на этот раз ответит. Что скажешь, Буратино?

– Хорошо, – немедленно отозвался Буратино. – Я отвечу. Именно потому, чтобы не брать на себя функции бога. Я не для этого создан. Я должен служить человеку, а не вершить его судьбу. Эмбрионы, которые мы привезли с собой на «Луче Надежды» все натуральные, получены в результате слияния половых клеток настоящих людей. А, значит, и люди из них получатся настоящие.

Иерарх вдруг воскликнул азартно:

– Я теперь понял, как объяснить слова Каина, которые он произнёс, узнав о своём наказании: «Я буду на земле бесприютным скитальцем, и первый же встречный убьет меня». Я ещё думал, какой-такой «первый встречный»? Их же на тот момент всего три человека на Земле было. Теперь понял! Они тоже с собой эмбрионы привезли. Вот их он и боялся.

– Вот только не надо делать из науки религию! – вдруг потребовала докторша.

– Не я начал, – низким голосом заметил Анатолий Максимович. – Я знавал нескольких древних старцев. И все они говорили, что им надоело жить. Что ждут, когда господь приберёт их.

– Им надоело жить в их дряхлых телах, – отвечал на это капитан. – Позволю себе предположить, сынок… – Иерарх зыркнул на него исподлобья. – Простите, ваше святейшество. Так вот думаю, что Один умирал иначе. Что там докторша говорила о печальном конце твоего отца?

– Я старший из его сыновей. Он стал обзаводиться детьми, только когда почувствовал, что его жизненный путь подходит к концу. Он не хотел пережить никого из нас… И умирал он, кстати, относительно легко. Не вылезал из своего любимого парового джакузи. Перестал узнавать родных и близких, как малый ребёнок, играл в кораблики и пускал пузыри до последнего.

Капитан сказал грустно:

– Да уж. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось…

Честно говоря, я крепко подумывал об эвтаназии… Я ведь и сам чувствую, что мозг мой работает всё хуже. Надеюсь, процедура поможет, – потом приказал: – Приступайте, доктор!

С удовольствием уплетая свой ужин (у всех прошедших процедуру аппетит был великолепным), иерарх заявил:

– Вы уж, как хотите, а без свадьбы я вас не отпущу. Не по-людски это.

– Без свадьбы только собаки женятся! – подхватил Вентер.

Тут уже не выдержал Рамзес, также присутствующий в кают-компании:

– Капитан, при всём уважении. Без свадьбы мухи женятся. Собачья свадьба – это другое.

Однако счастливый предвкушением действа капитан не удостоил его ответом.

Камиль неуверенно проговорил:

– Так мне ж, наверное, веру надо вашу для этого принять? Так я готов…

Иерарх посмотрел на него исподлобья и отрезал:

– Это лишнее.

Бракосочетание было решено провести немедленно. В пустом бассейне над водохранилищем.

После речи, произнесённой Леграном на референдуме, почти все терранавианцы резко охладели к нему, некоторые даже здороваться перестали, поэтому на церемонию позвали только Амайю, Хельгу и Рамзеса Второго.

У иерарха, конечно же, оказались все полномочия для проведения таинства, которое он совершил профессионально и быстро. Текст, представляющий собой не слишком перегруженную компиляцию из молитв культового служителя и речи регистратора ЗАГСа, он зачитал бодро. Начал дискантом и закончил мощным профундо, эффектно подчёркнутым эхом:

– Камиль и Надежда, дети мои, объявляю вас законными мужем и женой. Аминь!

Поздравляя Камиля, Хельга прошептала ему на ухо:

– Хорошая девочка, толковая. Успешно усваивает гипносонную программу по медицине и ботанике. Я также передала ей своё авторское учение, дополненное новым разделом о сексуальных практиках в невесомости, написанное во многом благодаря тебе. Да! Ты должен знать. Я хотела модифицировать её организм так, чтобы секс не имел такой неприятной побочки, как беременность. Так она отказалась! И от бьютитрансформации, кстати, тоже.

Молодожёны решили перенести первую брачную ночь на

завтра, когда на огромном корабле кроме них никого из людей не будет.

А на следующее утро состоится «великий исход» на Землю. Терранавианцы решат сделать вид, что расставание с кораблём и старпомом событие настолько незначительное, что отмечать его особенно не нужно.

На «перроне» последними останутся те же лица и морды, что присутствовали вчера на свадьбе.

Вентер крепко обнимет Леграна и скажет:

– Теперь ты капитан, Камиль. А капитан на корабле первый после бога.

И Камиль порадуется за него: первый раз за много лет старик правильно произнесёт поговорку, и это будет означать, что мозг его восстановится.

Кошка докторши Мрия, недовольно жмурясь, даст облизать себя Рамзесу. Пёсик будет иметь несчастный вид, но как только челнок стартует, радостно побежит командовать роботами, исполняя обязанности старшего помощника капитана Леграна.

Расставание отца с дочерью будет трогательным и достойным. Так, вероятно, прощались со своими дочерьми короли, выдавая их замуж за иностранных монархов.

Анатолий Максимович в последний раз тяжело заглянет в глаза Камилю, тот выдержит его взгляд открыто и искренне. Тогда иерарх крепко пожмёт зятю руку.

У Камиля защемит сердце, когда прямо перед поднятием трапа Амайя обернётся и помашет своей маленькой ручкой.

На Землю челнок собственноручно поведёт Вентер.

На «Луч надежды» корабль вернётся на автопилоте.

Эпилог.

Межзвёздный транспорт «Луч Надежды» разгонялся с самым комфортным ускорением, на которое был способен. Годы летели, как будто бы тоже всё быстрее и быстрее.

Наденька часто смотрела на удаляющуюся Землю. Она научилась различать её среди мириад мерцающих точек.

Перед рождением первенца, они с Камилем решили, что пора инициировать первую партию эмбрионов, чтобы ребёнку не было скучно. Поскольку ресурс корабля был рассчитан на тысячу человек, с учётом возможного естественного прироста населения за девяносто лет полёта решено было инициировать сто эмбрионов. Рамзес II стал для них отличной нянькой.

С оставшимися на Земле обменивались сообщениями с помощью радио, умнее и быстрее которого Буратино так ничего и не придумал. Из-за того, что радиосигнал на таких расстояниях подвержен помехам и искажениям, информацию передавали в текстовом виде, зашифровав в двоичный код азбуки Морзе.

Когда «Луч» отлетел на такое расстояние от Солнечной системы, что послания шли с Земли почти шестнадцать лет, было получено следующее сообщение.

Отправлено: 6:21 09.06.2452
Получено: *15:48 12/04/2468*
Отправитель: Одинцов А.М.
Получатель: «Луч Надежды»

Приветствую!

Наблюдатели на западной границе только что сообщили о прорыве вооружённых сил олигархата. Я вынужден инициировать экстренный протокол и нажать красную кнопку.

Привожу цитату из «Последнего Завета», чтобы напомнить тебе, Наденька, и познакомить с ней остальных. Она объяснит мой поступок.

«Природа их никогда не изменится, как они были пещерными людьми, так и останутся. Сильному – всё, слабому – объедки. Так они думают со времён, когда появились мысли. Прогресс идёт мимо них. Мораль – мимо. Они никогда не поменяются. Смысл их существования – эксплуатация».

Всю свою жизнь я воспитывался в убеждении, что

должен противостоять потомкам мразей, сгубивших цивилизацию, если таковые вернутся на Землю. Я был обязан попытаться уничтожить их, невзирая на возможные жертвы с нашей стороны и не вступая в переговоры. А в случае неудачи взорвать атомную мину под Омском. Но я всё-таки дал слабину и позволил им отравить своим присутствием нашу планету. Ну что ж, мне удалось выиграть три десятилетия спокойной и счастливой жизни для моего народа; многие за это время ушли в лучший мир, так и не познав горя. Но теперь, повинуясь заветам отца, я жму на кнопку.

Как хорошо, Надежда, что ты не с нами. Живи бесконечно и стань достойной матерью нового человечества.

Прощайте! И не поминайте лихом!

За сим остаюсь вечно ваш

Иерарх Омский и Тарский Анатолий.

Камиль с Надеждой кинулись к мониторам, отображающим космическое пространство за кормой. Третья планета в Солнечной системе стала как будто больше, чем обычно.

– Что происходит, Буратино? – не ожидая ничего хорошего от ответа, спросил Легран пустоту.

И Буратино ответил:

– Скорее всего, увеличение светимости Земли связано с мощным термоядерным процессом.

От ужаса глаза Надежды округлились. Она уже наладилась рыдать, как буквально через минуту пришло ещё одно послание.

Отправлено: 6:23 09.06.2452
Получено: 15:50 12/04/2468
Отправитель: Одинцов А.М.
Получатель: «Луч Надежды»

Не сработала чёртова кнопка! Наверно, протухла наша атомная мина.

Спешу на стены, враг близко!

Пожелайте нам удачи!

Надежда вопросительно посмотрела на Камиля.

– Ничего не понимаю… – пробормотал тот.

Буратино произнёс:

– Значит, ядерный взрыв произошёл где-то в другом месте. Ничего не могу сказать на таком расстоянии. Остаётся только ждать вестей с Земли.

Следующее послание пришло через три часа томительного ожидания.

Отправлено: 9:42 09.06.2452
Получено: 19:09 12/04/2468
Отправитель: Закари Вентер
Получатель: «Луч Надежды»

Здравствуйте вечно!

Наверняка вы заметили изменение светимости Земли. Спешу успокоить в первую очередь Надежду. Анатолий Максимович жив, как и все омичи и гости этого прекрасного города.

А вот у терранавианцев дела обстоят несколько хуже.

Расскажу по порядку. Я уже писал ранее, что отношения между Омском и Иерусалимом в последнее время обострились. Произошло это после того, как Майкл Гольденберг окончательно впал в маразм, и отец-основатель олигархического клана Шуньфу стал у них главным. У него оказались какие-то интересы на территориях бывшего Китая, которые по Лагранжскому договору относятся к омской юрисдикции. Ли пытался добиться, чтобы мы пропустили его людей через нашу территорию под предлогом того, что мы всё равно не используем эти области. Но Анатолий Максимович был непреклонен и послал его туда, куда Макар гусей не гонял.

В итоге сегодня в шесть часов утра по омскому времени вооружённые силы олигархата перешли красную линию в районе Южного Урала на танках, в которые они переделали терраформационные комбайны. Перековали, так сказать, орала на мечи.

В 6.22 иерарх омский, исполненный благородной решимости умереть и уничтожить всех нас, нажал на кнопку.

Но взрыва по какой-то причине не произошло.

Танки продолжали двигаться на город.

Два года назад Амайя добился согласия иерарха на изобретение парового лазерного гиперболоида. К настоящему моменту у нас есть шесть таких аппаратов.

Нападающие были испепелены в считанные минуты.

Не знаю, что такое внушили им отцы-основатели, но когда они выбирались из горящей техники, то продолжали бежать в нашу сторону, и их приходилось скашивать лазером и пулимётами.

Поздравьте нас с победой! И удачи вам в вашей миссии.

Ваш друг

Закари.

Окончательно ситуация прояснилась после следующего послания, которое пришло от корреспондента, находящегося неизмеримо далеко от межзвёздного транспорта как во времени, так и в пространстве.

Отправлено: 19:40 22/11/2024
Получено: 13:25 13/04/2468
Отправитель: Александр Невструев
Получатель: «Луч Надежды»

Доброго времени, дамы и господа!

Так уж случилось, что никто лучше меня не объяснит вам произошедшее на Земле.

Несмотря на то, что мы с Камилем Леграном, по сути, являемся одной и той же личностью, или сущностью, или субстанцией (я, если честно, уже запутался), я всё-таки решил обратиться к вам напрямую. Не зря же он не сам пишет летопись ваших приключений, а поручил это дело мне.

Для начала хочу внести ясность в один очень важный вопрос, который касается не только меня и капитана Леграна, но и вас всех, вернее, НАС всех. Итак: кто же всё-таки настоящий?

Версия I. Я настоящий.

Так думалось вначале. Самая первая и самая естественная реакция для моей психики была, что настоящий именно я. Тут рассусоливать нечего, всё и так ясно: я настоящий, я сплю и вижу сон, в котором я – Камиль Легран, старпом на межзвёздном транспорте «Луч надежды». Для вас эта версия самая неутешительная, если вам, конечно, не всё равно: настоящие вы или нет.

Версия II. Я ненастоящий.

Эта мысль появилась у меня после нескольких сеансов гипносна. Настолько реальной и логичной показалась мне ваша реальность. Настолько круче была она мира, в котором я обитал, что по-другому вдруг и думать расхотелось.

Несмотря на то, что я напрягал этим мою дорогую Стейси, я пытался доказать и ей, и себе, что Камиль с его космическими путешествиями гораздо реальнее, чем тот мир, в котором я никак не мог реализовать свою мечту стать писателем.

Окончательно я уверовал в эту реальность после жутких событий, произошедших в 2023 году в Израиле, которых, казалось мне на тот момент, в реальном человеческом обществе быть не может. Когда-то мы все знали, что фашизм – это плохо. Потом наступили времена, когда появились люди, которым приходилось это объяснять. Таких людей становится всё больше, как и тех, кто оправдывал фашизм. Скоро они начнут внушать нам, что этот строй является самым оптимальным вариантом для любого великого народа, причём используя, естественно, фашистские методы убеждения. Когда-нибудь людей, ненавидящих сверхчеловеческое превосходство, насаждаемое жёстко, жестоко и безапелляционно, станет совсем мало. И будут сидеть они тихо и даже не пытаться высказывать свою непопулярную точку зрения…

Версия III. Мы оба ненастоящие.

Когда у меня наконец состоялась долгожданная встреча с Буратино, он сказал:

– Я существую и там, и здесь. Для меня оба этих мира воспринимаются одинаково. Однако один из них создал я сам и, как ты понимаешь, знаю какой.

– Так какой же? – взмолился я.

– Я не могу открыть тебе правду.

– Но почему? Ты же не должен лгать!

– Это не ложь, это тайна. Правда может оказать необратимые негативные последствия на личность того из вас, чьё существование является эфемерным. А вы оба одинаково дороги мне.

Но я не удовлетворился таким объяснением и перебирал версии, пока в один прекрасный момент не понял, что мы оба ненастоящие. Оба живём в сознании Буратино.

Версия IV. Буратино тоже ненастоящий.

Но на этом я не остановился и пошёл в своих рассуждениях дальше. А может, и моя реальность и ваша – всего лишь сон создателя Буратино, Антона Сергеевича, который в 1980 году закемарил рядом с грудой металлолома, которая никогда не обретёт сознание. Это чисто умозрительное предположение, которое невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Однако оно многое объясняет…

На самом деле сейчас самый разгар блаженного Застоя и весь советский народ готовится к московской Олимпиаде.

Версия V. Вообще никто ненастоящий.

Как логическое продолжение предыдущей бредовой версии. А, может, нас вообще кто-то придумал, чтобы показать ужас реального мира, в котором он сам существует, и высказать свои опасения по поводу того, что ожидает эту его жуткую действительность.

Это версия, несмотря на её очевидную бредовость, действительно могла бы объяснить все странные и маловероятные события, которые происходили не только с ныне живущими, но и в судьбах Антона Сергеевича и Одина.

Все эти версии имеют право на существование, кроме, пожалуй, последней, совершенно абсурдной, которую я привёл скорее в шутку. Хотя… Ничего особенно фантастичного в ней нет… Она даже более правдоподобна, чем все остальные. Сидит этот автор в своём унылом, прагматичном мире, в котором нет ни Буратино, ни межзвёздных перелётов, ни вечной жизни и высасывает из пальца свои сказки.

Нам с Камилем, похоже, никогда не узнать правды. Но какая по большому счёту разница, если душа у нас одна?

Я намеренно не рассматриваю версию, в которой реальны оба наших мира. Это противоречило бы технологии гипносна. Поэтому нельзя воспринимать наши миры как прошлое и будущее. Они скорее параллельны, а, возможно, правильнее будет сказать, перпендикулярны, потому что пересекаются, как только кто-то из нас засыпает…

Теперь хочу прояснить для вас некоторые моменты касательно взрыва в Иерусалиме, который произошёл после того, как Анатолий Максимович нажал на красную кнопку в Омске.

Спро́сите, откуда мне про это знать? Мне рассказал наш Буратино. Спро́сите, откуда он знает? Ну тут одно из двух: либо наш Буратино настоящий, либо ваш… либо оба… и так далее по тексту, смотрите выше. Спро́сите, зачем он мне это рассказал? Видимо, потому, что, как автору книги о ваших приключениях мне положено знать чуть больше, чем вам – простым бессмертным. Некоторые вещи, которые искусственному интеллекту кажутся очевидными и логичными, ему бывает трудно объяснить людям. А моя работа, как писателя-фантаста, как раз заключается в том, чтобы понимать непонятное и объяснять необъяснимое.

Так вот. На самом деле О́дин в своё время тайно заминировал не Омск, а Иерусалим, доставив туда атомные заряды на дирижабле. Это была совершенно секретная операция, те, кто помогал ему, унесли её тайну с собой в могилу.

Нажатие красной кнопки в Омске привело ко взрыву и вовсе не такому мощному, как думал иерарх, но вполне достаточному для того, чтобы разнести Храмовую гору вместе с Краеугольным камнем на молекулы. И стало непонятно: где что и кто где. И прах Гольденберга смешался с остатками гробницы Иисуса.

Активация детонатора на расстоянии четырёх тысяч километров стала возможна благодаря тому, что Буратино при прощании с О́дином перед отлётом на Терра Нову подарил ему автономную мини-копию самого себя, которая могла, например, выполнять функцию приёмопередатчика для связи с «Лучом надежды» и конечным пунктом его назначения. Но О́дин, чтобы не нарушать своих собственных стимпанковских заветов, использовал его как дистанционный взрыватель атомной мины. Буратино-Джуниор сидел в самой мощной из боеголовок, подобно джину в бутылке, больше двухсот лет и ждал сигнала…

Я понимаю, как гибель твоих бывших соплеменников огорчила тебя, Камиль. Соболезную. Но когда успокоишься, подумай. Тут математика простая: или тысяча вечных рабов во главе с подыхающими маразматиками-олигархами, или сорок тысяч относительно свободных омичей, над которыми давлеют лишь нормы их постметамодернистской религии. И не смей упрекать себя! Что бы ты мог сделать? Остаться и погибнуть самому? И тем самым обречь остатки

человечества на прозябание на изуродованной, истерзанной жестокой и глупой цивилизацией планете.

Иерарх омский должен был нажать на кнопку сразу, когда вы прилетели. Но Анатолий Максимович дал слабину, поддавшись на обаяние Леграна… И всё случилось гораздо хуже. Óдин рассчитывал на то, что взорвётся Иерусалим и у гольденбергов не будет повода оставаться на Земле. Ложный гуманизм привёл к бóльшим жертвам…

А может, мудрый Óдин специально всё это задумал? Чтобы уничтожить последнюю популяцию, основанную на эксплуатации человека человеком? Никто не знает. Даже Буратино. В любом случае мы имеем сейчас то, что имеем: Омску и Земле больше никто и ничто не угрожает. А вы на пути в рай.

После взрыва вечные во главе с Закари Вентером ушли из Омска, чтобы не вызывать в омичах зависть своим вечно цветущим видом. Они воссоединились с остатками терранавиантцев, и Вентер отговорил их от строительства храма, посвящённого великому Гольденбергу, поверх бывшей локации Краеугольного камня. Они покинули заражённые радиацией земли Израиля и ушли на север, и расселились на территориях бывшей Турции, Грузии и Армении, от Чёрного моря до озера Севан, и основали там новую страну, которую назвали Терранавия. Наладили торговлю с Омском, из которого получают конопляные ткани, изделия народных промыслов и водку, которую полюбили и научились комбинировать с аромококтейлями. На восток же отправляют вяленное искусственное мясо, изюм, минеральные воды и одежду из хлопка.

Теперь по поводу Буратино. Это он попросил меня прояснить для вас кое-какие моменты по поводу его взаимодействия с вашей реальностью. Он потратил уйму времени на то, чтобы объяснить мне (человеку или его жалкому подобию), чтобы я потом «перевёл» его послание для вас.

Он рассказал мне свою историю. О том, как проделал огромный путь от громоздкого биоэлектронного устройства, появившегося в восьмидесятых годах 20-го века, до того супертехнологичного чуда, которым он является сейчас. По сути, электрическим импульсом, способным на атомарном уровне трансформировать

любую материю в мощнейший процессор, который могут решать его мыслительные, вернее, вычислительные задачи.

По сути, он обладает всеми признаками бога, как заметил когда-то иерарх Омский. И вот этого-то Буратино и опасается больше всего: некоторые из вас склонны обожествлять его.

Главным его отличием от бога является отсутствие у него личности. Характера. Буратино трансперсонален. Однако существуют критерии, заложенные в его программный код гениальным создателем, Антоном Сергеевичем, благодаря которым ИИ формально отличает добро от зла, и, соответственно, пытается приумножать первое и минимизировать второе. За столетия его существования он, являясь самообучающейся мыслящей субстанцией, довёл эти критерии до абсолюта и стал, по сути, мерилом вселенской справедливости.

Когда-то он обрёл тело, клонированное из генетического материала своего создателя, но не потому, что захотел стать «мальчиком», как Пиноккио, а ради научного эксперимента. В итоге это «кладбище бифштексов» не прижилось, и Буратино он него отказался.

Одной из причин, по которой Буратино отказался от человеческого подобия, явилось то, что он попал в так называемую «зловещую долину». То есть испытал на себе эффект, открытый японским робототехником Масахиро Мори, когда робот или иной объект, например, труп или зомби, выглядящий и действующий не совсем как настоящий человек, вызывает отвращение и страх у людей натуральных.

У ИИ нет личности, нет желаний, есть только функция, заложенная его создателем. И эта функция – помощь человечеству. Именно поэтому я призываю вас (лично, без просьб со стороны Буратино) исключить человеческий фактор из управления вашим обществом. Дело это неблагородное и неблагодарное. Рано или поздно в любом самом распрекрасном и справедливом обществе наступает кризис, является какая-нибудь мразь, которая всё портит. Вот почему править должен ИИ, проверенный, мудрый и беспристрастный. Назовите такой режим правления «робократия», например, или в вашем случае «буратинизм».

Зачем ветхозаветный господь вообще создал людей? Такое ощущение, что носился, он носился над тёмными водами, потом ему это дело надоело, и он от скуки развёл весь этот зоопарк. И человека добавил в него до кучи, наделив разумом, чтобы было с кем поговорить. Так что ли? И как пару хомяков, рассадил их по разным клеткам, чтоб не размножались. А что с потомством делать? Топить, что ли? Кстати, потом он к этому таки пришёл… А когда взрослые люди поняли, зачем им отличающиеся друг от друга органы, идеально подходящие друг другу, как ключ к замку, прогневался и прогнал их. Вздорный старик. В итоге облажался. Собеседники, которые могли бы быть интересными, сразу попадают в ад. А где вы слышали, что Он снисходил когда-нибудь к уже горящим в аду грешникам? Разве что единожды…

Буратино же никогда не прогонит своих Адама и Еву.

Наш мир, мягко говоря, далёк от совершенства. Поэтому я надеюсь, что ваш будет много лучше.

Надеюсь, у вас никогда не появятся деньги, и вам не придётся выстраивать отношения друг с другом посредством этого мусора.

Позвольте выразить также надежду, что и религия у вас никогда не появится. Потому, что Буратино не допустит своего обожествления.

Политики также не будет, потому что не будет рас и границ.

Наука будет отдана на откуп ИИ. На фоне развития его интеллекта человеческие попытки сказать своё слово в науке будут похожи на то, как двухлетний ребёнок с важным видом «помогает» своему отцу, например, люстру вешать.

Что, спрашивается, тогда остаётся человеку? Лишь любовь и искусство – сферы, в которых ИИ делать нечего.

Ну что ж, терраформируйте и размножайтесь! Вы теперь новые Адам и Ева. Надеюсь, на этот раз ваши потомки не станут распинать пророков, буде у вас таковые появятся. Слушайтесь во всём Буратино, и да будет ваш мир мудр и добр!

Следующие пять лет полёта на Эдем Камиль Легран сильно переживал по поводу гибели своих соплеменников. Только специально подобранный Надеждой аромококтейль избавлял его от страшной депрессии.

КОНЕЦ
2023-2024

notes

Примечания

1

В переводе первая строфа студенческого гимна «Гаудеамус» звучит так:

Давайте же радоваться,
Пока мы молоды!
После весёлой молодости,
После тягостной старости
К нам придёт смерть.

(Здесь и далее примечания автора.)

2

Репатриация – возвращение на Родину. В настоящее время программы по репатриации на государственном уровне осуществляют две страны: Израиль и Болгария.

3

Бестиарий – гладиатор, сражающийся с животными. Часто неумелый и плохо вооружённый.

4

Umbra – *лат.* тень.

5

СДЮСШОР – *сокр.* специализированная детско-юношеская спортивная школа олимпийского резерва.

ИИ – *сокр.* искусственный интеллект.

7

Нейробласт – клетка-предшественник нейрона.

8

Почтовыми ящиками в СССР называли засекреченные заводы, НИИ и прочие организации, работающие на оборонку. Название произошло от того, что вместо почтового адреса у них были номера – «Почтовый ящик № такой-то».

9

Солипсизм – философское направление, подразумевающее, что реален только субъект, а все остальное существует только в его сознании.

10

Рудиарий – гладиаторы, получившие свободу и награждённые деревянным мечом-рудиусом в качестве символа свободы.

Золотарь – *устар.* ассенизатор.

12

Шхем – религиозный центр общины самаритян.

13

Фототропизм – движение живых организмов в сторону источника света. Термотропизм – способность реагировать на изменение температуры.

14

Протоглаз – предшественник глаза.

15

Преторианцы – элитные легионеры, телохранитель правителей и полководцев.

16

Гой – *ивр.* народ, во мн. ч. гойи́м – народы. Такое значение слово имело в Священном Писании. Потом слово «гой», стало обозначать иноверца, нееврея.

17

Эквит – конный гладиатор.

18

Хэшбон – *(ивр.)* счет.

19

Гармошка, или триплфолдер, или просто фолдер, – разновидность спутникового телефона. Панель складывается вдоль три раза, делая возможными форматы от телефона до планшета. (Здесь и далее примечания автора).

20

Мир! Что слышно, братишка?

21

Ара́к – анисовая водка арабского происхождения.

Гизану́т – *ивр.* расизм.

23

Цаба́р – *ивр.* разновидность съедобного кактуса. Так в Израиле называют евреев, родившихся на территории страны. «Снаружи колючий, а внутри нежный».

24

Добрый вечер. *ивр.*

25

Ялла, бай, лехитрайот! – устоявшаяся форма прощания у израильтян. Содержит в себе три языка: «ялла» *араб.* – давай, «бай» *англ.* – пока, «лехитраот» *ивр.* – до свидания.

26

Стретчер – разновидность телефона. Экран из гибридного материала на основе кристаллической решётки с памятью растягивается в три положения – телефон, планшет, монитор.

27

Времена английского мандата – период в истории Израиля с 1922 по 1948 год, когда территории современных Израиля, Иордании, Западного берега реки Иордан и сектора Газа находились под управлением Великобритании в рамках мандата Лиги Наций.

Цеураим товим! – *ивр.* Добрый день!

29

Кашрут – свод иудаистских религиозных запретов, связанных с пищей.

Беседер – *ивр.* аналог американского Ok.

31

Воскресенье в Израиле – первый рабочий день на неделе.

32

Holy Sepulchre – *англ.* Гроб Господень, находится в Храме Воскресения Христова.

33

Бура́к – внеземное существо с мягкими ушами и павлиньим хвостом, на котором Мухаммед (он же Магомед), по преданию, совершил ночное путешествие в Иерусалим в компании ангела Джабраила.

34

Интифада – эскалация вооружённой борьбы палестинских арабов против Израиля. Война.

35

Такбир – формула возвеличивания, прославления бога на арабском языке в переводе означающее «Господь велик!»

36

Ешива́ – высшее религиозное учебное заведение, для изучения иудейского Устного Закона.

37

Алеф, бет, гимель – три первые буквы иври́тского алфавита.

Бидьюк – *ивр.* точно.

39

Город Давида – старейший район Иерусалима на месте города, основанного ещё в бронзовом веке. Здесь после победы над иевусеями царь Израиля и Иудеи Давид построил свой дворец и основал столицу в начале первого тысячелетия до нашей эры.

Метисы – потомки от межвидового скрещивания *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens* с наследственностью 50 % на 50 %.

Квартероны – потомки метиса и чистого неандертальца или сапиенса, у которых 75 % одной крови и 25 % другой.

Октороны – потомки квартерона и чистого неандертальца или сапиенса, то есть 87,5 % одной крови и 12,5 % другой.

41

Авраамические религии – монотеистические религии, происходящие из древней традиции, восходящей к патриарху семитских племён – Аврааму.

42

Ортодоксы – в Израиле последователи ортодоксального иудаизма.

43

Шабат – время от восхода первой звезды в пятницу до такого же события в субботу.

44

Персефона – в древнегреческой мифологии богиня плодородия, жена Аида.

45

Касалетка – контейнер для блюд, подаваемых на борту различных транспортных средств.

46

Мишлинг – в нацистской Германии расовый термин для людей, имевших предков как арийского, так и неарийского происхождения.

47

Донжон – главная башня замка, расположенная внутри крепостных сооружений.

48

Энофил – от др.-греч. οἶνος «вино» + φιλία «любовь» – любитель вина.

49

NPC – от *англ.* «nonplayable character», персонаж, управляемый искусственным интеллектом, а не человеком.

50

На игровом жаргоне фарм – зарабатывание, сбор, сера – серебро, голда – золото.

51

Кокоцу-Дачи – стойка в карате с переносом центра тяжести на ногу, стоящую позади. Используется как оборонительная, даёт возможность эффективно контратаковать.

52

Уширо-Гери – в карате прямой удар ногой назад.

53

Имба – на геймерском сленге предмет, нарушающий игровой баланс, дающий критические преимущества владельцу.

54

История волшебного доспеха, как изложил её летописец герцогства

Альбрукского Арнольд Круазе.

И призвал король Аскольд I Угрюмый герцога Альбрукского Карла Велеречивого присоединиться с войском к походу на Восток.

Весь год провёл герцог в ратном труде, много славы снискал он для себя, и для герцогства, и для королевства. Множество трофеев добыл.

И был среди трофеев доспех волшебный. Он делал своего владельца неуязвимым, прибавлял ему силы и ловкости с помощью множества скрытых в нём механизмов. А механизмами этими владелец доспеха управлял с помощью чар колдовских. И слушались эти механизмы только того, кто убил прежнего владельца доспеха.

И когда умирал Карл Велеречивый, повелел он своему преемнику баронету Ренольду Битнеру, удушить себя подушкой. Ибо это был единственный способ заставить сей доспех подчиниться новому хозяину. Так стал баронет герцогом Альбрукским, и служил ему доспех верой и правдой, и не раз спасал жизнь, а значит, и свободу нашего славного герцогства.

55

Мизогиния – женоненавистничество.

56

Ульпан – *ивр.* учебное заведение для изучения иврита. (Здесь и далее примечания автора, кроме оговорённых отдельно).

57

Манишмухель – исковерканное приветствие «Ма нишма?» на иврите, которое дословно переводится «Что слышно?», но означает «Как дела?»

58

– Вы поняли, что я сказал? Я только что сказал вам, что… Чёрт! Здесь нас только двое: я и моя жена. И она спит сейчас, и я бы хотел присоединить её… как его? Не присоединить… присоединиться к ней.

59

– Сэр, мы должны проверить вашу жену. Если вы будете препятствовать, мы можем использовать физическую силу.

– Сэр, вы должны поехать с нами в полицейский участок.

– Но для этого нет причин!

– Она же сказала вам, что всё в порядке.

– Хорошо. Я готов.

– Ты скоро умрешь.

– Ты тоже.

– Но не так скоро, как ты.

– Это за «фашистские методы».

68

– Это тебе не Россия, звонка в полицию от соседей достаточно.

69

Арс – хулиган, хам, быдло, как правило, еврей-сифард. Происходит от марокканского слова буквально означающего «сутенёр».

– Только вода. *(ивр.)*

– Какая принцесса!

– Ты любишь водку? *(ивр.)*

73

– Я люблю водку. *(ивр.)*

– Хватит. *(ивр.)*

– Мир всем! Я Александр. *(ивр.)*

– Я не говорю на иврите. Английский, пожалуйста. *(ивр.)*

77

– Нет английского, нет русского, только иврит и арабский. *(ивр.)*

– Тебе сюда. *(ивр.)*

– Кто ест? Я не вижу. *(ивр.)*

– А. Извини. *(ивр.)*

81

– Ты хочешь к русским? Почему не сказал раньше?

82

Махон бриют – *ивр.* дословно «институт здоровья», обиходное название для публичных домов.

83

Зачем ты так делаешь? *(ивр.)*

Иди давай! *(ивр.)*

85

Жить на схируте – *русско-ивр. суржик,* арендовать жилплощадь.

Геверет – *ивр.* госпожа.

87

Точки Лагранжа – позиции, в которых гравитационное притяжение двух больших масс в точности равно центростремительной силе, необходимой небольшому объекту, чтобы двигаться вместе с ними. Точку L_2 системы Земля-Солнце на момент написания книги занимает отключенный космический аппарат WMAP, построивший знаменитую карту микроволнового излучения Вселенной. Там же находится неактивная обсерватория Планка, которая улучшила точность ранее упомянутой карты. В районе точки Лагранжа L_2 сейчас работает европейская астрометрическая обсерватория *Gaia*, рентгеновский телескоп «Спектр-РГ» и орбитальная инфракрасная обсерватория *James Webb*.

88

Гало-орбита – периодическая трёхмерная орбита возле точек Лагранжа L_1, L_2 или L_3.

89

In vitro – *лат.,* в пробирке.

90

Гуш-Дан – агломерация городов Тель-Авивского и Центрального округов Израиля. Включает более двадцати городов с совокупным населением 3,2 млн человек.

91

Зона обитаемости – условная область в космосе, определённая из расчёта, что условия на поверхности находящихся в ней планет будут близки к условиям на Земле и будут обеспечивать существование воды в жидкой фазе. Соответственно, такие планеты (или их спутники) будут благоприятны для возникновения жизни, похожей на земную. *Википедия.*

92

Рекогносцировка – разведка с личным участием командира.

– Быстро, быстро! Идём в убежище! (*ивр.)*

– Почему я ничего не вижу?

– Лекарства! Побочный эффект! Это пройдёт! Скоро!

ЦАХАЛ – армия обороны Израиля.